

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОЕ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Засѣданіе 1-го іюня, 1846 года.

№ 1.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1846.

По опредѣленію Общества. 1846 года, іюня 1-го дня.

Секретарь Общества О. Бодянский.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

О Б Ъ
ОТНОШЕНІЯХЪ НОВГОРОДА
КЪ
ВЛАДИМИРЪ КНЯЗЬМЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

С. Соловьева.

ОТНОШЕНИЯХЪ НОВГОРОДА

КЪ

ВЛАДИМІРЪ КНЯЗЬЯМЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛѢДОВАНІЕ. *

„Хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ,“ говоритъ Іоаннъ III посламъ Новгородскимъ, и тѣ отвѣчаютъ: „Просимъ В. Князя объявить, какъ онъ желаетъ государствовать въ своей отчинѣ, В. Новгородѣ, потому что Новгородѣ не знаетъ Московскаго обычая.“¹

Мало можно найти въ отечественной исторіи словъ, которыя были бы знаменательнѣе приведенныхъ! Два Русскіе города, два города, называющіе себя *отчинами* одного и того же владѣтеля, такъ отдалились другъ отъ друга на своемъ историческомъ пути, что одинъ обнаруживаетъ совершенное незнаніе объ устройствѣ другаго.

Прислушаемся къ отвѣту Іоаннову: изъ него мы узнаемъ главныя черты различія между устройствами Новгородскимъ и Московскимъ.

„Для того, чтобъ Новгородѣ своимъ устройствомъ уподобился Москвѣ, говоритъ В. Князь, въ немъ не должно быть ни Вѣча, ни Посадника, а будетъ одна власть государева.“² И такъ прежде всего мы должны опредѣлить, что такое вѣче, показать отношеніе его ко власти Княжеской, и потомъ уяснить причины существованія его въ Новгородѣ и отсутствія въ Москвѣ.

Въ извѣстіяхъ, летописцами сообщаемыхъ, мы различаемъ троякій родъ вѣча: 1) вѣче, собираемое Княземъ; 2) вѣче, собирав-

* Исслѣдованіе это было написано для полученія ученой степени; но какъ оно вышло изъ свѣтъ въ весьма маломъ количествѣ экземпляровъ, а между тѣмъ требованія на него безпрестанно слышатся, то Общество опредѣлило удовлетворить этимъ послѣднимъ помѣщеніемъ его въ своемъ изданіи, съ нѣкоторыми, впрочемъ, пополюшаніи въ источникахъ, отданными самымъ сочинителемъ.

шееса противъ Князя; 3) вѣче судное. Перваго рода вѣче собиралось по распоряженію Князя или, въ его отсутствіе, по распоряженію посадника ³ звономъ колокола, обыкновенно на дворъ Ярослава; о другихъ же подробностяхъ касательно порядка совѣщанія мы, не имѣемъ никакого права заключать по совершенному недостатку извѣстій. Еще неопредѣленнѣе былъ характеръ остальныхъ родовъ вѣча. Вѣче, собиравшееся противъ Князя, было не иное что, какъ народное возстаніе: оно могло приготовляться въ тайныхъ вѣчахъ по домамъ недовольныхъ, и потому обнаруживаться въ разныхъ концахъ города, при чемъ иногда одна часть гражданъ становилась противъ Князя, другая вступалась за него, и дѣло рѣшалось битвою ⁴.

Наконецъ третій родъ вѣча, вѣче судное носило тотъ же самой характеръ, какъ и вѣче, собиравшееся противъ Князя; такъ иногда жалобчикъ созывалъ одно вѣче, обвиненный другое: свидѣствіемъ было междоусобіе ⁵. Судъ и расправа производились слѣдующимъ образомъ: обиженный созывалъ вѣче, излагалъ жалобу; если въ собраніи было согласіе, то немедленно приступали къ исполненію приговора: отправлялись въ улицу, гдѣ жилъ обвиненный, били его, если находили, грабили имущество, жгли домъ ⁶; иногда обиженный схватывалъ самъ обидчика и влекъ за собою, созывая вѣче; изложивъ жалобу, самъ становился исполнителемъ приговора, другіе помогали ему управиться съ обидчикомъ ⁷. Иногда узнавъ, что жители известной улицы совершили преступленіе, вѣче шло на эту улицу и сожигало дома виновныхъ ⁸. При этомъ случалось, что жители улицы, противъ которой направлена была месть вѣча, вооружались и шли отражать нападеніе: сила должна была рѣшить дѣло. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что каждый гражданинъ могъ собирать вѣче, когда хотѣлъ и гдѣ хотѣлъ, при чемъ не обращалось вниманіе, всѣ ли граждане присутствовали, или нѣтъ: первая толпа народа была вѣчемъ, имѣла значеніе верховнаго народнаго собранія, и, если сила была на ея сторонѣ, могла перемѣнять существующій порядокъ вещей, смѣнять Князя, сановниковъ, судить и наказывать. Присутствіе на вѣчѣ не было обязанностию гражданина, равно какъ не было правомъ извѣстныхъ сословій: каждый могъ участвовать въ собраніи, или не участвовать.

Узнавъ характеръ вѣча, мы должны приступить теперь къ объясненію отношеній власти Княжеской ко власти этого верхов-

наго вѣрднаго сѣбранія. Прежде всего наше вниманіе останавливается на правѣ вѣча смѣнять Князя; но для объясненія этого права, для показанія его происхожденія, необходимо уяснить значеніе Князя въ Новгородѣ, границы его власти, и потому начнемъ съ изслѣдованія значенія Князя какъ судьи, отношенія суда княжескаго къ суду вѣчевому. Нѣкоторые изслѣдователи отрицаютъ у Князя право суда, уступая ему только власть военную и полицейскую⁹; но всѣ источники единогласно и положительно свидѣтельствуютъ о противномъ; приведемъ нѣсколько изъ ихъ свидѣтельствъ: Въ лѣтописи, подъ годомъ 1360, сказано: „Тогожь лѣта присла Князь Великій Дмитрій послове свои, намѣстники; и посадиша Новгородци Намѣстники княжи у себе, и судъ даша¹⁰.“ Въ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ читаемъ: А бесѣ посадника ти, княже, суда не судити¹¹. Тамъ же: „А что, княже, тебѣ было гнѣва на Посадника и на весь Новгородъ, то ти, княже, все полюбье отложить, и отъ мала и отъ велика не мцати ти ни судомъ ни чимъ же.“ — „А старость ни холода ни рабѣ, безъ господаря, твоимъ судіямъ не судити.“ „А Бориса Константиновица кършилъ Новгородъ Корьлюю, и онъ Корьлю всю встерялъ, и за Нвиць загонилъ; надъ тимъ рубежь учинилъ на Новѣгородѣ; чего не пошло про рубежь, Господине. Какъ будешь въ Новѣгородѣ у отца своего у Владыць, и у своихъ мужъ, намъ съ нимъ судъ предъ тобою, Господине.“ — Въ позднѣйшихъ договорахъ Новгородцы обязываются: „А суда намъ у Великихъ Князей намѣстниковъ не отымати¹².“ Или: „А безъ намѣстниковъ Великаго Князя посаднику суда не кончати¹³.“ Этыхъ свидѣтельствъ достаточно для устранения всякаго сомнѣнія на счетъ судной власти Князя въ Новгородѣ. Какія же были границы судной власти Князя, какія лица и какія дѣла подлежали его суду? Всѣ граждане безъ исключенія подлежали суду княжескому: „А намѣстнику твоему судити съ посадникомъ во владычимъ дворѣ, на пошломъ мѣстѣ, какъ боярина; такъ и жгть его такъ и молодшего такъ и селянина; а судити ему¹⁴ въ правду, во крестному цѣлованью, всѣхъ равно.“ — „И отъ мала и отъ велика: не мцати ти ни судомъ ни чимъ же¹⁵.“ Не было ли исключенія для лицъ правительственныхъ, для чиновниковъ, народомъ избѣраемыхъ? Есть свидѣтельства, что не было: Князь могъ судить и лишать должностей всѣхъ чиновниковъ: „А безъ вины мужа волости не лишити¹⁶.“ Не было ли по крайней мѣрѣ, исключенія для посадника, этого товарища князева въ судѣ?

Не было и для него: въ 1171 году Князь Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ города ¹⁷; въ 1218 году Князь Святославъ Мстиславичъ послалъ сказать на вѣче, что отнимаетъ посадничество у Твердислава; народъ спросилъ: „Какая же его вина?“ и на отвѣтъ Князя: „безъ вины,“ сослался на слова договора: „безъ вины мужа не лишить,“ и воспротивился смѣнѣ посадника. Здѣсь народъ не отрицалъ право Князя судить и смѣнить посадника; но только право смѣнять безъ вины и суда, отвергнутое въ договорѣ ¹⁸. Наконецъ въ 1476 года Іоаннъ III, еще не прикасаясь ни къ одному изъ правъ Новгородскихъ, еще показывая себя вѣрнымъ хранителемъ старины, принялъ жалобу на посадника, судилъ и наказалъ его ¹⁹. Но какъ могъ судить Князь сановника, безъ котораго онъ не могъ судить никого? Форма упомянутаго суда Іоаннова надъ посадникомъ Васильемъ Ананьевичемъ служить намъ отвѣтомъ: В. Князь держалъ судъ въ присутствіи Архіепископа и всѣхъ старыхъ посадниковъ ²⁰. Теперь намъ остается рѣшить послѣдній вопросъ: былъ ли судъ Князя подчиненъ суду вѣчевому, судъ Князя былъ ли окончательный, могло ли дѣло, рѣшенное Княземъ, перерѣшиться на судъ вѣчевомъ? Обратимся къ послѣднему случаю, къ суду Іоанна III надъ посадникомъ и его товарищами въ преступленіи. В. Князь судилъ его въ присутствіи Архіепископа и старыхъ посадниковъ, нашелъ виновнымъ, произнесъ приговоръ: отослать въ оковахъ въ Москву на заточеніе; что подобный поступокъ не былъ нарушеніемъ старины, доказательствомъ служить поступокъ Святослава Ольговича, который въ 1140 году заточилъ въ Кіевъ семерыхъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ ²¹. Не смотря на то, Новгородцы не были довольны судомъ Іоанна: Архіепископъ и посадники молили его освободить виновныхъ. Іоаннъ отвѣчалъ: „вы сами мнѣ жаловаловались на разбой посадника и его друзей, я принялъ жалобу и судилъ по вашему обычаю, а именно: слѣдовалъ дѣло не я одинъ, но ты самъ, Владыка, и вы, посадники, и весь Новгородъ, нашли, что обвиненные причинили много зла городу; я ихъ наказалъ, какъ слѣдуетъ: чего же вы теперь отъ меня хотите?“ ²² Если бы судъ князя не былъ окончательнымъ, если бы дѣло отъ него можно было переносить къ суду высшему, вѣчевому, то Владыка и посадники могли бы возразить: „Нѣтъ, Князь, ты не соблюлъ всей старины; осудивъ, ты уже и наказалъ, тогда какъ надъ тобою есть еще судъ высшій, приговора котораго ты долженъ дожидаться.“ Ничего подобнаго: имъ оставалось толь-

ко просить верховнаго судію о помилованіи. Изъ этихъ примѣровъ видно, какова была судная власть В. Князя въ Новгородѣ: В. Князь былъ здѣсь судіею верховнымъ, его суду подчинены были все лица безъ исключенія и все важнѣйшія дѣла безъ всякаго переноса къ суду высшему. Теперь мы должны рѣшить вопросъ объ исполнительной власти Князя: мы видѣли, что Святославъ Ольговичъ заточилъ семерыхъ вельможъ, Рюрикъ Ростиславичъ выгналъ посадника; въ 1209 году Новгородцы отдали дѣтей посадника Дмитрія вмѣстѣ съ четырьмя другими братьями Князю Святославу, который заточилъ ихъ въ Суздальскую область²³; въ 1218 году посадникъ отдалъ преступника Князю для наказанія²⁴, наконецъ Іоаннъ III послѣ суда тотчасъ приводить въ исполненіе свой приговоръ, велитъ заточить виновныхъ въ Москву; изъ этихъ примѣровъ ясно видно, что исполнительная власть также принадлежала Князю; въ одномъ только случаѣ вѣче выговаривало себѣ власть исполнительную, а именно, когда кто нибудь возьметъ судную грамоту по напрасу: „А кто на кого возьметъ грамоту судную, а будетъ ему дѣло до судьи или до истины, ино ему переговариваться съ ними мѣсяць; а не почнетъ переговариваться въ тотъ мѣсяць, ино взять на него приставы съ вѣча да имать его въ городъ и въ селѣ съ тѣми приставы; а пошлетъ хорониться отъ приставовъ, ино его казнить всемъ Великимъ Новгородомъ²⁵.“ И такъ изъ всехъ вышеприведенныхъ случаевъ открывается, что судная власть князя исключала судную власть вѣча, что послѣднему было не надъ кѣмъ и не надъ чѣмъ пронести свой судъ, а между тѣмъ есть свидѣтельства, которыя показываютъ совершенно противное. Въ 1218 году, гражданинъ, совершивъ преступленіе, бѣжалъ, преступника схватили на дорогѣ, и посадникъ отдалъ его Князю; вдругъ пронеслась вѣсть, что посадникъ поступилъ въ этомъ случаѣ несправедливо; такъ какъ судъ надъ посадникомъ принадлежалъ Князю, то послѣдній долженствовалъ, по жалобѣ гражданъ, рассмотреть справедливость обвиненія, и потому уже, если вина была доказана, свергнуть посадника и созвать вѣче для избранія новаго. Ничего подобнаго не случилось: два конца встали на посадника, два вступились за него, жители пятаго смотрѣли равнодушно на борьбу, кончившуюся кровопролитіемъ; испуганный Князь выпустилъ преступника; вѣче продолжалось цѣлую недѣлю²⁶. Въ 1228 году обвиненъ былъ Тысячкій: народъ прямо съ вѣча пошелъ грабить домъ его²⁷. Въ 1230 году поссорились двое знаменитыхъ гражданъ, изъ которыхъ одинъ

былъ посадникъ, — слуги послѣдняго ушибли противника. Оскорбленный гражданинъ созвалъ вѣче на дворѣ Ярослава, которое разграбляе дворъ посадника; этотъ, въ свою очередь, собралъ другое вѣче: убійство и сожженіе домовъ были слѣдствіемъ²⁸. Противъ приведенныхъ двухъ случаевъ могутъ возразить: въ 1228 году городъ былъ въ ссорѣ съ Княземъ, а въ 1230 году Князь, Михаилъ Черниговскій былъ въ отсутствіи. Но въ 1287 году, когда Новгородъ спокойно повиновался Дмитрію Александровичу, возникли жалобы на одного изъ старыхъ посадниковъ: весь Новгородъ всталъ на него безъ исправы, говоритъ лѣтописецъ, домъ его былъ разграбленъ; его самого едва уберегъ Архіепископъ²⁹; въ 1290 году, при томъ же Князѣ; жители Прусской улицы убили одного гражданина: вѣче сожгло всю улицу вмѣстѣ съ церквами³⁰; въ слѣдующемъ году произошла грабежъ на торгу: вѣче свергнуло съ мосту двоихъ грабителей. Подъ 1332 годомъ читаемъ: встали крамольники, смѣнили посадника, поставили другаго, пограбили дома и села гражданъ: ³¹ это было при Іоаннѣ Калитѣ, когда онъ еще не думалъ ссориться съ Новгородомъ и держалъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Въ 1342 году, при Симеонѣ Гордомъ; одинъ гражданинъ, мимо суда княжескаго, жаловался вѣчу на убійство своего отца: явилось два враждебныхъ вѣча; едва Владыка успѣлъ положить конецъ насиліямъ³². Этихъ примѣровъ довольно для показанія, что вѣче, наравнѣ съ княземъ, имѣло власть судить и наказывать всѣхъ гражданъ безъ исключенія, отъ посадника до простаго грабителя. Скажутъ: такого рода вѣча не были законными; это были мятежи крамольниковъ, какъ ихъ и называетъ лѣтописецъ, и были терпимы только по причинѣ слабости Князя, не могшаго заставить уважать права свои. Но во первыхъ, между этими вѣчами и законными нѣтъ никакого различія; лѣтописецъ все одинаково называетъ вѣчами: результаты тѣхъ и другихъ также одинакіе, крамольники избираютъ посадника и онъ остается законнымъ; обиженный жалуется вѣчу: никто не называетъ эту жалобу незаконною, никто не напоминаетъ о судѣ княжескомъ, лѣтописецъ говоритъ объ этомъ, какъ объ дѣлѣ обыкновенномъ; во вторыхъ, мы имѣемъ свидѣтельство, что вѣче судъ и расправу независимо отъ суда княжескаго, считало правомъ своимъ: въ 1209 году Всеволодъ III, на время отсутствія сына своего, бывшаго намѣстникомъ его въ Новгородъ, далъ гражданамъ позволеніе управиться съ чиновниками, заслужившими ихъ негодованіе: лѣтописецъ говоритъ, что

В. Князь возвратилъ Новгородцамъ ихъ прежнюю волю „добить добрыхъ и казнить злыхъ“³¹. И такъ мы видимъ, что подлѣ власти князя стояла власть вѣча съ одинаковыми правами, и опредѣлить отношенія между обими властями нѣтъ никакой возможности для изслѣдователя: ему остается одно средство: объяснить исторически это странное двоевластіе, показать, какъ произошло первое столкновение обихъ властей и обстоятельства, содѣлавшія возможнымъ ихъ долгое пребываніе другъ подлѣ друга въ показанныхъ отношеніяхъ. Для этого мы должны обратиться къ первому появленію Княжеской власти въ Новгородѣ.

Писатели, какъ иностранные, такъ и славянскіе, не оставили намъ особенныхъ извѣстій о городскомъ быту у Славянъ, и потому мы должны заключать объ немъ изъ краткихъ свидѣтельствъ, оставленныхъ нами вообще о бытѣ племенъ Славянскихъ. Лѣтописецъ отечественный говоритъ, что Славяне вели жизнь патриархальную: каждый жилъ особенно съ родомъ своимъ, на своемъ мѣстѣ, и владѣлъ своимъ родомъ³⁴. Писатели иностранные указываютъ также на этихъ родоначальниковъ, старшинъ народныхъ³⁵, свидѣтельствуя однако, что при своемъ соединеніи въ большія массы, Славяне не знаютъ единодержавія, но обо всѣхъ дѣлахъ разсуждаютъ сообща въ народныхъ собраніяхъ³⁶. Изъ этого мы имѣемъ право заключить, что и городъ у Славянъ первоначально былъ не иное что, какъ соединеніе многихъ родовъ въ одномъ мѣстѣ, привлеченныхъ выгодною его положеніемъ. Первоначально, каждый родъ управляется своимъ патриархомъ, съ кончины послѣдняго наступаетъ нужда въ избраніи старшины: „когда умретъ глава племени, говоритъ одна старшина дѣтній Славянинъ, то всѣ дѣти вмѣстѣ пользуются имуществомъ, избравши себѣ изъ рода своего владыку“³⁷. Мы знаемъ, какой законъ господствовалъ при этомъ избраніи: владычество принадлежало *всегда* старшему въ родѣ; но мы знаемъ также, какія были послѣдствія этого закона, когда родъ дробился болѣе и болѣе, линіи расходились и родственная связь ослабвала: столкновение правъ различныхъ линій было необходимо, ибо часто нужда заставляла нарушать законъ старшинства, когда личному достоинству младшаго отдавалось преимущество предъ правомъ старшаго; линія, оскорбленная въ особѣ своего старшины, начинаетъ питать непримиримую вражду къ линіи, похитившей право, и пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ для возбужденія недо-

волея въ членахъ рода противъ соперника : отсюда внутренне раздоры и усобицы необходимы. Право, разъ нарушенное, ведетъ къ дальнѣйшимъ нарушеніямъ : спорность правъ увеличивается, вмѣстѣ съ нею увеличиваются волненія и безпорядки. Эти безпорядки еще болѣе усилваются близкимъ соседствомъ другихъ родовъ, въ одномъ городѣ обитающихъ ; они принимаютъ участіе въ распрѣхъ и питаютъ междоусобія. Если столкновенія между чиніями одного и того же рода могли вести ко внутреннему построенію, то послѣднее было необходимо при безпрестанномъ столкновеніи многихъ родовъ чуждыхъ. Очевидно, что старшины отдѣльныхъ родовъ, въ общемъ совѣтѣ соединенные, должны были составить правительство города ; но заключало ли это правительство въ самомъ себѣ условія силы и единства? Каждый старшина былъ представителемъ своего рода ; блюстителемъ его выгодъ ; если произойдетъ между членами разныхъ родовъ враждебное столкновеніе и дѣло будетъ отдано на рѣшеніе старшинъ, то спрашивается, можно ли ожидать совершеннаго безпристрастія въ ихъ рѣшеніи? Каждый старшина обязанъ не выдвигать своего родича, въ противномъ случаѣ навлечетъ на себя негодованіе цѣлаго рода, какъ слабый ; недостойный блюститель его выгодъ. Кто будетъ посредникомъ въ распрѣ между старшинами? Ясно, что она должна вызвать участіе цѣлаго народонаселенія : является общенародное *опче*. Здѣсь соберутся члены всѣхъ родовъ ; распрѣ, начавшаяся въ совѣтѣ старшинъ, должна повториться на вѣчь общенародномъ ; каждый родъ вступится за своего члена, *родъ встанеть на родъ*, и междоусобіе необходимо. Исторія Новгорода представляетъ самое лучшее доказательство вышесказаннаго. Съ теченіемъ времени родовыя отношенія здѣсь исчезли ; но *пять концовъ* съ своими старостами *напоминали о пяти родахъ*, изъ которыхъ составилось первоначальное народонаселеніе, и вражда между концами заступила мѣсто родовою враждою ; какъ прежде возставалъ родъ на родъ, такъ послѣ возставалъ конецъ на конецъ, остальные брали сторону того или другаго, а иногда оставались спокойными зрителями борьбы. Общество не долго могло существовать въ подобномъ положеніи ; оно должно было искать силы, которая бы внесла миръ, нарядъ въ его среду, правительство, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорахъ безпристрастнаго. Но къ отсутствію мира внутренняго присоединилось еще отсутствіе средствъ къ внешней безопасности. Разрозненный бытъ Славян-

скихъ племень былъ причиною ихъ всегдашней слабости, постоянно подвергали ихъ нападѣнью воинственныхъ полчищъ, стремившихся чрезъ ихъ страны во всѣхъ направленіяхъ. Нѣсколько родовъ соединялись въ одномъ мѣстѣ, но приносили съ собою прежнюю разрозненность; выгодное положеніе города и случайное единеніе силъ, возбужденное общемою опасностію, могло дать средства къ войнѣ оборонительной; но общество, ограничивающееся постоянно только одною оборонительною войною, тѣмъ самымъ ставитъ себя цѣлію безпрестанныхъ нападений со стороны хищныхъ сосѣдей, а избраніе единого общаго вождя для войны наступательной, для битвы въ чистомъ полѣ, сопряжено было съ величайшею трудностію среди вѣчныхъ родовыхъ распрей. Такимъ образомъ новое правительство, къ установленію котораго стремилось общество, должно было удовлетворять двумъ потребностямъ; во первыхъ, дать миръ внутренній, прекратить всѣ споры и междоусобія судомъ безпристрастнымъ, дать *нарядъ* городу, по старинному выраженію, а во вторыхъ, дать безопасность вѣншнюю, однимъ словомъ потребенъ былъ *судья и полководецъ*: слѣд. Князь въ Новгородѣ долженъ былъ необходимо удовлетво- рять этимъ двумъ условіямъ: должность вождя не была его должностію исключительною; онъ былъ столько же необходимъ какъ судья, какъ блюститель внутренняго наряда, верховный посредникъ въ безконечныхъ спорахъ родовъ. Лѣтопись говоритъ, что князья были *призваны для возстановленія наряда*, нарушеннаго усобицами родовъ, не говоря ни слова о необходимости вѣншней защиты. Исследователи изумляются такому необыкновенному явленію; другіе, при его объясненіи, преимущественно останавливаются на завоеваніи или, по крайней мѣрѣ, на необходимости вѣншней защиты для племени, привыкшаго къ мирнымъ занятіямъ: но развѣ послѣдующая исторія Новгорода не представляетъ намъ множество примѣровъ подобнаго рода, развѣ это призваніе князя не повторяется безпрестанно? Если Рюрикъ съ братьями завоевалъ Новгородъ, то не уже ли во всѣхъ послѣдующихъ призваніяхъ имѣло мѣсто завоеваніе? Лѣтописецъ начальный говоритъ, что Варяги были изгнаны, и потомъ снова призваны; другіе лѣтописцы послѣдующіе говорятъ, что какъ скоро одинъ князь былъ изгоняемъ, или добровольно оставалъ Новгородъ, то граждане немедленно посылали за другимъ: они не терпѣли сидѣть безъ князя, говоритъ лѣтописецъ; ³⁸ есть извѣстіе, что одинъ изъ В. Князей хотѣлъ наказать Новгородцевъ тѣмъ, что

долго не посылалъ къ нимъ князя ³⁹. Рюрикъ завоевалъ Новгородъ: но у внука Рюрикова Новгородцы просить князя и въ случаѣ отказа грозятся найти другаго. Имъ нуженъ былъ князь только для защиты отъ враговъ вѣнскихъ: но послушаемъ, что говорятъ они сыну Ростиславову: „не хотимъ тебя; мы призвали твоего отца для установленія *наряда*, а онъ вмѣсто того усилилъ безпокойство ⁴⁰“. Сравнимъ теперь это свидѣтельство со свидѣтельствомъ о призваніи Рюрика, и увидимъ, что цѣль призванія одна и таже въ обоихъ случаяхъ. Князь призывается для установленія *наряда внутренняго*, какъ судья, миротворецъ. Но если князь былъ необходимъ въ Новгородѣ болѣе въ качествѣ судьи, нежели полководца, то ясно каковы должны были быть границы его судной власти? Если князь призывался какъ посредникъ, на судъ котораго всѣ стороны должны были полагаться: то очевидно, что надъ судомъ князя не могло быть никакого другаго верховнаго суда; княземъ могли быть недовольны, если онъ судилъ пристрастно, если онъ, вмѣсто того, чтобы умирить стороны, еще болѣе усиливалъ раздоръ, князя могли изгнать за это при возможности, но не могли подчинить его судъ суду высшему, ибо тогда уничтожилось бы все значеніе князя, исчезла бы его необходимость. Вотъ причина, почему князь въ Новгородѣ является судьей верховнымъ, не признающимъ надъ собою никакого высшаго суда. Князь, призванный въ качествѣ судьи, посредника, исключалъ собственно судную власть вѣча, но граждане не могли понимать идеи исключительнаго представительства, которую мы соединяемъ съ идеею властителя, и потому вѣче не отказалось отъ правъ своихъ рѣшать судьбу города во всѣхъ важныхъ случаяхъ; оно смотрѣло на Князя, какъ на лицо необходимое, какъ на посредника, долженствующаго постоянно присутствовать среди гражданъ, чтило въ немъ это достоинство, никогда не думало подчинять его себя, дѣлать изъ него своего чиновника, но между тѣмъ само не подчинялось ему, городъ оставался по прежнему государемъ самовластительнымъ, а Князь является подлѣ него также, какъ владѣтель независимый, избранный для посредничества и военачальства. Это странное двоевластіе, сопоставленіе власти Княжеской и власти вѣча другъ подлѣ друга на правахъ равныхъ, выражается повсюду, повсюду подлѣ князя является Великій Новгородъ ⁴¹. Но ясно, что такое сопоставленіе двухъ властей, такая неопредѣленность ихъ отношеній, вызывала постоянное столкновеніе: князь, въ качествѣ верховнаго судьи, смотрѣлъ на

каждое самоуправство вѣча, какъ на мятежъ, похищеніе правъ своихъ ; съ другой стороны граждане смотрѣли на князя , какъ на посторонняго посредника, и не понимали, что должны отказаться отъ права любить добрыхъ и казнить злыхъ. Когда князь , оскорбленный своеволіемъ вѣча, изъявлялъ свой гнѣвъ и приказывалъ намѣстнику своему удалиться, то граждане съ удивленіемъ спрашивали : „за что гнѣвается Князь , развѣ мы его оскорбили, вѣдь мы казнили свою братью?“ ⁴². Такой порядокъ вещей, такая неопредѣленность въ отношеніяхъ между двумя сопоставленными властями, могли существовать только въ началѣ, ибо съ теченіемъ времени постоянныя столкновенія вызывали необходимо борьбу , при чемъ отношенія должны были опредѣляться въ пользу той или другой власти ; но что же мы должны заключить, когда, по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, находимъ въ Новгородѣ первоначальный порядокъ вещей, первоначальную неопредѣленность ? Мы должны заключить, что обѣ власти были задержаны въ своемъ развитіи: власть вѣча не могла развиваться далѣе извѣстнаго предѣла; призвавъ на помощь власть чуждую, власть княжескую, вѣче тѣмъ самымъ показало, что оно не заключаетъ въ самомъ себѣ необходимыхъ условій для достиженія общественной цѣли; правда, ослабленіе власти княжеской дало вѣчу возможность смѣнять князя, предписывать ему извѣстныя условія; но смѣнивъ одного князя , вѣче немедленно призывало другаго , и тѣмъ самымъ показывало необходимость послѣдняго и собственную недостаточность , слѣд. князь былъ необходимъ не какъ чиновникъ , подчиненный вѣчу , но какъ верховный судья и посредникъ независимый; на это значеніе князя вѣче не могло посягнуть: вотъ предѣлъ, далѣе котораго власть его не могла усиливаться, вотъ почему князь сохранялъ постоянно характеръ судьи верховнаго и независимаго. Но если князь былъ призываемъ какъ лице , необходимое для наряда , для мира внутренняго , то откуда происходитъ явленіе, что князь не пользуется выгодною своего положенія , необходимостію, которую городъ въ немъ чувствовалъ, и вмѣсто того, чтобы предлагать самому условія, принимаетъ ихъ отъ вѣча ? Это явленіе происходитъ отъ того, что выгода, бывшая на сторонѣ князя, какъ лица необходимаго, перевѣшивалась на сторонѣ вѣча возможностью выбирать изъ многихъ князей, мѣнять ихъ по произволу. Слѣд. вотъ причина ослабленія власти княжеской ; вотъ почему князь такъ долго не могъ опредѣлять своихъ отношеній къ вѣчу, въ свою пользу, позволялъ послѣдне-

му существовать подлѣ себя на правахъ равныхъ. Теперь мы должны обратиться къ изслѣдованію причинъ, произведшихъ въ Новгородѣ возможность выбирать изъ многихъ князей, должны рѣшить вопросъ, основывалась ли эта возможность на грамоту, данной извѣстнымъ княземъ въ слѣдствіе извѣстнаго случайнаго обстоятельства, послѣ чего Новгородъ отдѣлился отъ остальныхъ городовъ Русскихъ, пошелъ своимъ путемъ, составилъ свой особый міръ; или эта возможность зависѣла отъ явленій общихъ для всей Руси, при чемъ Новгородъ составлялъ всегда нераздѣльную часть послѣдней, жилъ съ ней одною жизнью, отражалъ въ стѣнахъ своихъ всѣ отношенія, понеремьни въ ней господствовавшія.

Призванные князья не долго оставались въ Новгородѣ; преемникъ Рюрика уходитъ на Югъ и основывается въ Кіевѣ; послѣдующіе князья стремятся далѣе къ завѣтной цѣли своей—Византии; области нынѣшней Россіи остаются для нихъ по прежнему только путемъ къ этой цѣли, на города, разсыянные по этѣмъ областямъ, они смотрятъ, какъ на временныя стоянки, по окружнымъ племенамъ Славянскимъ разсылаютъ они дружину кормиться на зиму. Такое непостоянство, такая непрочность пребыванія первыхъ князей была одною изъ главныхъ причинъ, замедлившихъ опредѣленіе отношеній княжеской власти къ городамъ и окружному народонаселенію. Крещеніе Св. Владиміра отъ Греческой Церкви положило предѣлъ стремленію князей далѣе на Югъ, ограничило сферу ихъ дѣятельности областями нынѣшней Россіи; но этимъ не остановилось ихъ движеніе, напротивъ оно стало производиться еще съ большею силою внутри означеннаго круга; перемѣщенія князей изъ одного города въ другой, изъ одной области въ другую не прекратились и не переставали отвлекать ихъ отъ дѣлъ внутреннихъ, отъ точнѣйшаго опредѣленія и утвержденія своихъ отношеній къ народонаселенію подчиненному. Какія же были причины такого движенія?

Осенью 1195 года, говоритъ летописецъ, Мономаховичи: Рюрикъ Кіевскій, Давидъ Смоленскій и Всеволодъ, В. К. Владимірскій, послали въ Черниговъ сказать Ольговичамъ: „Дайте слово не отнимать у насъ и дѣтей нашихъ отчинныхъ нашихъ городовъ: Смоленска и Кіева; ибо, по раздѣлу Ярослава Великаго, вы получили земли по ту сторону Дняпра, и Кіевъ принадлежать вамъ не можетъ“⁴³. Ольговичи отвѣчали: „Соглашамся оставить

Кіевъ во власти Всеволода и Рюрика, но вовсе отступить отъ него не можемъ: мы не Венгры, не Лахи, но потомки одного предка.“ Эти многозначительныя слова, сказанныя при сношеніи двухъ враждебныхъ линій потомства Ярославова, могутъ указать намъ причины всѣхъ княжескихъ движеній и междоусобій, происходившихъ въ такъ называемый періодъ удѣловъ. Слова Ольговичей: „мы все потомки одного предка,“ показываютъ намъ, что князья смотрѣли на себя, какъ на членовъ одного семейства, и на области Русскія, какъ на нераздѣльную собственность этого семейства, при чемъ старшіе владѣли областями лучшими, и старшій изъ всѣхъ сидѣлъ на главномъ столѣ, въ Кіевѣ. Но слова Мономаховичей: „оставайтесь въ своихъ наследственныхъ владѣніяхъ за Днѣпромъ и не вступайте въ наши родовые города“ показываютъ, что существовало какое-то ограниченіе въ вышеказанномъ способѣ владѣнія, что было стремленіе некоторыхъ линій Ярославова потомства ограничить другія известными областями и отнять у нихъ право донскиваться старшійшаго стола. Общность, нераздѣльность владѣнія одного рода всею землею, съ правомъ старшихъ на лучшіе удѣлы, условливало постоянное движеніе, перемѣщеніе князей изъ одной области въ другую, изъ одного города въ другой. Если бы эти перемѣщенія слѣдовали постоянно порядку старшинства, если бы они были подчинены постоянно одному, всѣмъ равно призываемому, закону, то это отстранило бы всякія враждебныя столкновенія между князьями, и постоянство ихъ взаимныхъ родовыхъ отношеній дало бы имъ возможность сообщать постоянство и своимъ отношеніямъ къ народонаселенію управляемому. Но стремленіе некоторыхъ линій исключить другія изъ права, необходимо вызвало со стороны послѣднихъ стремленіе поддержать его, слѣдствіемъ чего были междоусобія. Какъ скоро сила князей перестала подчиняться одному общепринятому закону старшинства, какъ скоро получили мѣсто частыя изъ него исключенія въ пользу достойнѣйшаго, сильнѣйшаго, или болѣе смѣлаго, то города не могли долге оставаться праздными въ этой борьбѣ, гдѣ дѣло шло объ ихъ судьбу или, по крайней мѣрѣ, объ ихъ потери, или выгодахъ; какъ скоро послѣдовало нарушеніе права всѣмъ известнаго и всѣмъ принятаго, то сила открылась обширное поприще продолжать нарушеніе права, силу же должно было употребить и для поддержанія права: при такомъ господствѣ силы, сила городевого народонаселенія, способная дать перевѣсъ той или другой сторонѣ, не могла

остаться безъ важнаго значенія; борющіеся за свои права князья начали стараться пріобрѣтать эту силу, начали стараться пріобрѣтать приверженность жителей тѣхъ городовъ, владѣнія которыми добивались; но за эту приверженность они должны были необходимо давать нѣкоторое вознагражденіе, т. е., поступаться нѣкоторыми правами своими въ пользу гражданъ. Раздѣленіе, распри въ семействахъ князей, въ родѣ правителей, должны были необходимо отражаться въ раздѣленіяхъ и распряхъ городского народонаселенія; непрерывная смѣна правителей, частое ихъ отсутствіе, заставляли гражданъ находиться въ постоянномъ движеніи, принимать дѣлительное участіе въ дѣлахъ правленія, что поддерживало древнія формы вѣчеваго народовластія. Обратимся къ событіямъ, долженствующимъ подтвердить сказанное.

Къ преступленію братоубійства Святополкъ присоединилъ еще попытку развратить гражданъ, подкупомъ пріобрѣсть ихъ привязанность: летописецъ говоритъ, что Святополкъ, по совершеніи трехъ братоубійствъ, началъ княжить въ Кіевѣ, и, призывая гражданъ, давалъ имъ богатые подарки ⁴⁴. При послѣдующихъ усобицахъ княжескихъ, обязанность самосохраненія должна была вывести гражданъ изъ страдательнаго положенія и заставить ихъ присвоить себѣ право изъ многихъ искателей выбирать достойнѣйшаго. Старшій сынъ Ярослава I-го измѣнилъ одной изъ самыхъ главныхъ своихъ обязанностей, убѣжавъ съ поля битвы; Кіевляне созываютъ вѣче и требуютъ отъ князя оружія и коней для отраженія враговъ: ⁴⁵ исполнить это требованіе значило отказаться отъ своей главной обязанности, и съ тѣмъ вѣсть отъ своего главнаго права, потерять свое значеніе. Князь отказалъ, народъ находитъ себѣ защитника въ другомъ потомкѣ Св. Владиміра, Всеславъ Полоцкомъ, котораго Изяславъ ввломно заключилъ въ темницу; покинутые Всеславомъ Кіевляне должны были обратиться къ первому князю, пришедшему на нихъ съ чужою помощію; при посредствѣ братьевъ Великаго Князя они получаютъ его прощеніе, но сынъ Изяслава казнью главныхъ вѣчниковъ возбуждаетъ нелюбье Кіевлянъ къ своему роду, которое еще болѣе усилилось въ княженіи брата его, Святополка ⁴⁶. Потомство втораго сына Ярослава также не могло пользоваться расположеніемъ гражданъ, по слѣдующимъ причинамъ: они ничего не могли ожидать отъ Олега Святославича, кромѣ возобновленія насилій Святополковыхъ. Этотъ князь, изгнанникъ съ ранней молодости, Варягъ въ полномъ значеніи сло-

ва, долженъ былъ мечемъ отыскивать свои права, свою отчину; большая часть жизни его протекла не въ городѣ, наследіи предковъ, но въ лагерь воинскомъ; съ ранней юности онъ былъ окруженъ смѣлыми воинами, неумолимыми и вѣрными товарищами его изгнаннической жизни, которые служили ему единственною опорою, на которыхъ онъ полагалъ всю свою надежду: ихъ только привыкъ онъ уважать, съ ними исключительно держалъ свой советъ и презиралъ городскихъ старцевъ и пастырей Христіанскихъ, какъ советниковъ, храбраго князя недостойныхъ ⁴⁷. Ясно было, что такой князь, при столкновеніяхъ своихъ дружинниковъ съ горожанами не усумнился бы привести послѣднихъ въ жертву первымъ, что Кіевляне испытали уже разъ отъ младшей дружины слабаго Всеволода ⁴⁸, и что послѣ испытали отъ тиуновъ сына Олегова. Во вторыхъ: Олегъ и всѣ его родичи были ненавистны жителямъ городовъ Русскихъ, потому что эти князья измѣняли постоянно одной изъ самыхъ священныхъ своихъ обязанностей въ отношеніи гражданъ, а именно, вмѣсто защиты Русской земли отъ враговъ, они безпрестанно наводили на нее Половцевъ. Совершенно противоположнымъ характеромъ и поведеніемъ отличался сынъ Всеволода, Владиміръ. Съ ранней юности онъ стоялъ на стражѣ Русской земли, былъ грозою и бичемъ невѣрныхъ ⁴⁹; въ дѣлахъ внутреннихъ онъ является врагомъ всякой неправды, грозою насилія: ему Кіевляне были обязаны тѣмъ, что Святополкъ не давалъ всей воли страстямъ своимъ ⁵⁰. Отсюда понятна любовь Русской земли къ Мономаху, благоговѣніе къ его памяти, отсюда понятно, почему Кіевляне не хотѣли имѣть своимъ княземъ никого, кромѣ Мономаха, оставались вѣрными только его потомству ⁵¹. По смерти Святополка, вѣче Кіевское опредѣлило звать Мономаха на столъ отца и дѣда. Владиміръ, разъ отказавшись отъ старшинства по смерти отца своего, въ пользу Святополка, не хотѣлъ и тутъ нарушить право Олега: онъ отказался отъ предложенія Кіевлянъ. Тогда послѣдніе отправили къ нему вторичное посольство съ угрозою, что если онъ не явится немедленно въ Кіевъ, то возметъ на себя отвѣтъ въ страшномъ кровопролитіи и оскверненіи святыни. Мономахъ долженъ былъ принять великокняжеское достоинство ⁵². Такимъ образомъ граждане нарушили право старшинства, избравъ достойнѣйшаго мимо старѣйшаго. На этотъ разъ никто не воспротивился волѣ Кіевлянъ, ибо никто не посмѣлъ состязаться съ Мономахомъ. Старшій сынъ его Мстиславъ наследовалъ потъ отца своего, гово-

ривъ Лѣтописецъ, и потому наследовала безпрятственно и старшинство между князьями. Но дѣла пріяли другой оборотъ по смерти Мстислава; Олеговичи, пользуясь раздоромъ, возникшимъ въ потомствѣ Мономаха, доискивались старшинства. Тогда Кіевляне испытали всю невыгоду смѣны родовыхъ линій княжескихъ. Всеволодъ Ольговичъ привелъ своихъ Черниговскихъ дружинниковъ, которымъ роздалъ должности предпочтительно предъ старою дружиною Кіевскою ⁵³. Пришельцы сильно тѣснили гражданъ. Негодованіе послѣднихъ выразилось по смерти Всеволода; они до тѣхъ поръ не хотѣли признать княземъ брата его, Игоря, пока онъ не заключилъ съ ними клятвеннаго договора наблюдать самому за правосудіемъ и давать гражданамъ тиуна по ихъ волю ⁵⁴. Это былъ первый примѣръ на Югѣ ряда или договора княжескаго съ гражданами; онъ не остался единственнымъ: лѣтописецъ говоритъ, что не только Олеговичи, но и Мономаховичи, заключали ряды съ гражданами Кіевскими ⁵⁵. Такимъ образомъ безпрерывное движеніе, безпрерывная смѣна князей, въ слѣдствіе родовыхъ отношеній, воспрепятствовала развитію княжеской власти въ старыхъ городахъ, привыкшихъ къ вѣчному народовластію, и дала даже имъ возможность опредѣлять иногда свои отношенія къ князьямъ въ свою пользу. Еще сильнѣе, чѣмъ въ Кіевѣ, является власть вѣча въ другихъ старыхъ городахъ: возможность выбора между многими враждебными князьями дала имъ возможность смѣнять ихъ безнаказанно: такъ этою возможностью пользуются жители Смоленска и Полоцка ⁵⁶; однимъ словомъ во все продолженіе, такъ называемаго, удѣльнаго періода въ старыхъ городахъ власть князя и власть вѣча находятся другъ подле друга въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, и вѣче является у лѣтописца принадлежностію всѣхъ городовъ старыхъ, при чемъ Новгородъ причисляется къ послѣднимъ безо всякаго особаго отличія ⁵⁷.

Но подле этихъ городовъ, изъ которыхъ многіе существовали еще гораздо прежде прихода князей Варяжскихъ и привыкли къ вѣчному народовластію, основалось въ послѣдствіи множество другихъ новыхъ. Семейныя Славянскія понятія, отразившіяся на отношеніяхъ князей, отразились также и на отношеніяхъ городовъ, въ слѣдствіе чего города новопостроенные вошли къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, т. е. должны были находиться въ волю послѣднихъ; отсюда младшіе города, или пригороды, не имѣли самостоятельнаго быта и во

всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тиуна; эта совершенная зависимость выражается въ лѣтописи такъ : „на чемъ старшіе положить, на томъ и пригороды стануть ⁵⁸.“ Ясно, что въ этихъ младшихъ городахъ, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ приговорамъ старшихъ, княжеская власть могла развиваться гораздо свободнѣе, ясно что въ этихъ-то городахъ долженъ былъ родиться новый порядокъ вещей, должно было прозрѣть самодержавіе. Но этотъ новый порядокъ вещей, изъ городовъ новыхъ не могъ произойти на Югѣ, ибо здѣсь старыхъ городовъ было такъ много, что они могли переслѣдывать вліяніе младшихъ; въ старыхъ городахъ старшіе князья утвердили свои столы, и тѣмъ сообщали имъ вѣсь и знаменитость, съ распространеніемъ членовъ княжескаго семейства, новые города начали отдаваться въ младшіе удѣлы младшимъ членамъ; пріобрѣтши чрезъ это независимость отъ старшихъ, они не могли не слѣдовать ихъ близкому примѣру, ибо вступали въ подобныя же отношенія къ своимъ князьямъ; эти князья при своей неосвѣдлости ждали только случая покинуть : младшій удѣлъ для старшаго, и не имѣли ни времени, ни охоты пользоваться выгоднымъ положеніемъ своимъ въ новыхъ городахъ. Не такъ было на Сѣверѣ. Въ обширной области, граничащей съ одной стороны съ областями, принадлежавшими изгнанной линіи Святославичей, а съ другою соприкасавшейся съ владѣніями Великаго Новгорода, въ этой суровой и почти дикой странѣ, возвышался только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода Варяговъ : то былъ Ростовъ Великій, отъ котораго вся окружная страна получила названіе земли Ростовской ⁵⁹. Бывши удѣломъ Св. Бориса, отдаленный Ростовъ, во время разсылки дѣтей Ярославовыхъ, утратилъ свое мѣсто между старшими удѣлами и причисленъ былъ къ области Переяславской, удѣлу Всеволодову. Скоро начали возникать около него города новые: сынъ Мономаха, Юрій, особенно прославилъ себя, какъ строитель неутомимый. Такимъ образомъ Ростовская область наполнилась городами младшими, среди которыхъ возвышался одинокій Ростовъ. Такое преобладаніе младшихъ городовъ не могло оставаться безъ послѣдствія, особенно если обратить вниманіе на то, что всѣ они были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностію. Такимъ образомъ на Сѣверѣ, въ области Ростовской, вокругъ старыхъ вѣшниковъ, князь

создалъ себѣ особый міръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полномочнымъ. Развитію этого полномочія въ области Ростовской благопріятствовали еще другія обстоятельства: какъ прежде стремленіе князей Варяжскихъ съ дружинами было направлено на Югъ, къ Византіи, и области нынѣшней Россіи были для нихъ только путемъ (Восточнымъ Греческимъ), а города ея мѣстомъ остановки, такъ въ послѣдствіи это стремленіе не перемѣнило своего направленія на Югъ; но получило уже другую цѣль, другую Византію — то былъ Кіевъ, старѣйшій и богатѣйшій изъ городовъ Русскихъ, владѣніе которымъ давало старшинство между братьями; около него толпились которующіеся князья; города имѣли знаменитость и привлекательность по мѣрѣ отдаленія отъ Кіева; домогались: Переяславля или Владиміра Вольинскаго, Вышегорода или Бѣлгорода, не любили дальняго Новгорода, презирали еще болѣе отдаленнымъ Ростовомъ, въ странѣ бѣдной и дикой. Отсюда область Ростовская считалась мѣстомъ изгнанія, удѣломъ самымъ младшимъ. Мономахъ отдалъ ее младшему изъ сыновей — Юрію. Послѣдній раздѣлялъ общую всему княжескому роду привязанность къ Югу, къ Кіеву и землѣ Русской, и считалъ себя отлученнымъ изгнанникомъ на Сѣверъ; съ горестію говорилъ онъ: „Не уже ли и дѣтамъ моимъ не будетъ части въ землѣ Русской!“⁶⁰ и всѣми силами старался добыть Кіева. Не такъ уже думалъ сынъ его, Андрей. Рожденный и воспитанный въ помѣстьяхъ отца, въ городахъ, имѣ основанныхъ, Андрей любилъ Сѣверъ, какъ родину, и еще болѣе любилъ новые города за ихъ приверженность къ потомству основателя, за ихъ повиновеніе безприкословное. Чего было ожидать ему на Югъ? При жизни сыновей старшаго изъ Мономаховичей, онъ не имѣлъ никакого права заступити мѣсто отца своего; видѣлъ своеволіе гражданъ, ихъ нелюбовь къ князьямъ Сѣвернымъ⁶¹, не имѣлъ на Югъ довольно силы, чтобъ идти на переکورъ и правамъ Князей, и нерасположенію народа. Все это заставило его, вопреки волѣ отцовской, удалиться въ наследственную область;⁶² Юрій завѣщалъ ее самымъ младшимъ сыновьямъ; но Ростовцы измѣнили клятву, данной старому князю, и охотно приняли Андрея, спасаясь тѣмъ отъ позора быть всегда достойнымъ самыхъ младшихъ въ родѣ. Но они ошиблись въ своемъ расчетѣ: на Сѣверѣ пробилъ часъ для господства старыхъ городовъ и старыхъ формъ, господство младшихъ городовъ и новаго порядка вещей начиналось. Андрей, прибывъ на Сѣверъ, утвердилъ свое

пробываніе не въ Ростовъ, и даже не въ Суздаль, но въ городахъ новыхъ, Владимиръ и Боголюбовъ, предпочитая второй, какъ новѣйшій. Здѣсь, окруженный преданностію и покорностію новаго народонаселенія, Андрей принимаетъ характеръ Самодержца ⁶³. Бывъ на Югъ самымъ безстрашнымъ изъ бойцевъ, даже въ геройской семьѣ Мономаховичей, на Сѣверъ Андрей сложилъ съ себя характеръ полководца, досель господствовавшій въ князьяхъ, и принялъ характеръ правителя: онъ уже не ходилъ болѣе самъ на войну ⁶⁴, но посылалъ сыновей и воеводъ, въ слѣдствіе чего и дружина, сонмъ храбрецовъ, безотлучныхъ товарищей, друзей храбраго князя, измѣнила свой воинскій характеръ и стала *Дворомъ*. Однимъ словомъ въ областяхъ Андрея все принимаетъ совершенно другой видъ, чѣмъ на Югъ, все принимаетъ характеръ осѣдлости, прочности, постоянства. Мы видѣли, что этотъ новый характеръ произошелъ изъ природы новыхъ городовъ, господствовавшихъ по числу своему на Сѣверъ, изъ природы ихъ отношеній къ Князю; мы видѣли что эти города, по своему происхожденію, смотрѣли на Князя, какъ на господина полновластнаго, и Князь смотрѣлъ на нихъ, какъ на собственность неотъемлемую; отсюда понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ Князя - владѣльца, имѣющаго право располагать имъ, начинается господствовать на Сѣверъ, въ противоположность господствующему на Югъ понятію общности, нераздѣльности владѣнія; на Сѣверъ является въ первый разъ *запущаніе*, знакъ, что Князь завѣщавающій имѣеть собственность, которою можетъ располагать произвольно, чего не могло быть на Югъ, гдѣ В. Князь не имѣлъ ничего, собственно ему принадлежащаго; вся страна была въ общемъ владѣніи рода, и при каждой смѣнѣ В. Князя новѣй, какъ старшій въ родѣ, дѣлалъ рядъ съ младшею братьею, чѣмъ кому владѣть, или вѣрнѣе сказать, чѣмъ кому кормиться. Пусть на Сѣверъ повторятся тѣже самыя явленія, что на Югъ, пусть Ростовская область раздробится и Великое Княженіе со стольнымъ городомъ Владиміромъ, будетъ переходить къ старшему въ родѣ: въ самомъ способѣ дѣленія лежитъ уже другое начало, которое необходимо повлечетъ за собою другія явленія. Здѣсь членъ княжескаго семейства, получивъ удѣлъ, смотритъ на него, какъ на собственность неотъемлемую; пусть получить онъ великое княженіе, онъ не поѣдетъ жить въ стольный городъ, но останется въ своемъ родовомъ, отчинномъ городѣ, въ своемъ наслѣдствен-

номъ удѣль, гдѣ онъ всѣхъ знаетъ, и его всѣ знаютъ, и всѣ къ нему привержены; при смерти онъ опять раздробитъ этотъ удѣль между сыновьями; но это раздробленіе будетъ носить тотъ же самый характеръ: каждый Князь будетъ отдѣльнымъ владѣльцемъ въ своемъ удѣлѣ, и не перемѣнитъ его ни на какой другой; на немъ сосредоточитъ всѣ свои попеченія, его будетъ улучшать, его увеличивать; но какъ можетъ произойти это увеличеніе? На Югѣ В. Князь, по праву старшаго, по праву отца, могъ наказать ослушнаго Князя отнятіемъ у него удѣла; но тотчасъ отдавалъ отнятый городъ другому Князю, сыну или племяннику, и при новомъ рядѣ между Князьями этотъ городъ могъ перейти совершенно въ другую линію, и потому здѣсь отнятіемъ удѣловъ, изгнаніемъ Князей одинъ родъ исключалъ другой, но область одного княжества не увеличивалась на счетъ другаго. Совершенно другое явленіе видимъ мы на Сѣверѣ. Здѣсь собственность господствуетъ надъ родовыми отношеніями; каждый Князь смотритъ на себя какъ на отдѣльнаго владѣльца известной области, а не какъ уже на члена известнаго рода, известной линіи; отсюда родственная связь слабѣетъ, а послѣ и совершенно рушится; В. Князь отнимаетъ какой нибудь удѣль, и тотчасъ присоединяетъ его къ своему наследственному удѣлу, называетъ это своимъ примысломъ, прибыткомъ и не дѣлится съ родомъ, съ братьями: отсюда открывается свободный путь увеличенію одного княжества на счетъ другаго, сильнѣйшаго на счетъ слабаго. На Югѣ В. Князь былъ силенъ только своимъ нравственнымъ вліяніемъ, какъ старшій въ родѣ, ⁶⁵ политической же силы не имѣлъ никакой, особенно въ послѣдствіи, когда удѣль великокняжеской ограничивался почти однимъ Кіевомъ; на Сѣверѣ наоборотъ, В. Князь былъ необходимо сильнѣе всѣхъ прочихъ, ибо по раздробленіи Ростовской области на отдѣльные удѣлы, владѣлецъ одного изъ нихъ, становясь В. Княземъ, не отчуждалъ своего прежняго наследственнаго удѣла, слѣд. къ удѣлу, равнявшему его въ силѣ съ остальными Князьями, онъ присоединялъ еще область В. Княженія, никогда не дробившуюся, и такимъ образомъ увеличивалъ свою силу, не въ примѣръ предъ остальными князьями. Отсюда необходимое слѣдствіе: если какимъ нибудь случаемъ В. Княжеское достоинство будетъ нѣсколько разъ сряду доставаться Князьямъ одного и того же удѣла, то эти Князья, пользуясь своею силою, необходимо поработаютъ всѣхъ прочихъ и станутъ единовластителями: такъ точно и поступали Московскіе Князья. При-

томъ обычай Сѣверныхъ Князей, при полученіи В. Княжескаго достоинства оставаться въ отчинномъ городѣ, повлекъ къ раздѣленію на многія Великія Княжества, слѣд. къ совершенному разрушенію единства рода Ярославова и Мономахова, къ совершенному ослабленію родственныхъ отношеній. Прежде единство княжеской семьи поддерживалось однимъ В. Княземъ, однимъ общимъ патріархомъ, въ которомъ всѣ остальные Князья чтили отца, Боголюбскій, овладѣвъ Кіевомъ, не поѣхалъ туда, и остался во Владимірѣ Клязьменскомъ; Кіевъ въ глазахъ всѣхъ Князей и всѣхъ Русскихъ не могъ утратить своего прежняго величія, прежняго достоинства, какъ старѣйшій городъ въ Русской землѣ; его Князья, особенно умѣвшіе поддержать свое достоинство, какъ на пр. Святославъ Всеволодовичъ, назывались также В. Князьями; съ другой стороны Владиміръ разъ ставши стольнымъ В. Княжескимъ городомъ, не утратилъ этого значенія, и Князья его продолжали именоваться Великими: такимъ образомъ, съ появленіемъ двухъ Великихъ Князей, единство потомства Ярославова рушилось, Россія раздѣлилась на двѣ части, княжеская семья на два особые рода, съ двумя старшинами, двумя патріархами; то же явленіе повторилось въ Сѣверной Руси, когда Тверской Князь, ставши Великимъ, остался въ Твери, Московскій въ Москвѣ: Тверь и Москва стали Великими Княжествами, Рязань и Нижній Новгородъ послѣдовали ихъ примѣру; явилось нѣсколько особыхъ родовъ княжескихъ, особыхъ государствъ, независимыхъ и враждебныхъ другъ другу; Князья были уже не братья, не дѣти одного отца, но владѣльцы-соперники; сила получила право прекратить борьбу, соперничество въ свою пользу, и Москва воспользовалась этимъ правомъ. Такъ для собранія земли Русской въ одно могущественное цѣлое, для сообщенія ей единства государственнаго, необходимо было раздѣленіе областей, ослабленіе родственныхъ связей въ потомствѣ Ярослава, отчужденіе родовъ и линій княжескихъ другъ отъ друга. Это могло произойти только тогда, когда понятія собственности, наследственности владѣнія, начала господствовать надъ понятіями семейными, когда родовыя отношенія Князей между собою замѣнились отношеніями ихъ, какъ правителей, къ своимъ подданнымъ, когда земля, область, городъ, привязали къ себѣ Князя тѣсными узами собственности, слѣдали его осѣдлымъ. Эта осѣдлость Князей, начавшаяся на Сѣверѣ, въ области Ростовской, оканчивается, такъ называемый, періодъ удѣльный, періодъ, характеризуемый господствомъ родовыхъ отноше-

ній. Андрей Боголюбскій, оставшись во Владимірѣ, и по призначеніи себя старѣйшимъ въ родѣ, или Великимъ Княземъ, начинаетъ новый періодъ, періодъ борьбы между старымъ порядкомъ вещей и новымъ. Начало этой борьбы обозначилось борьбою старѣхъ городовъ съ новыми, а именно: Ростова Великаго съ Владиміромъ Клызьменскимъ; окончательное торжество новаго порядка вещей надъ старымъ обозначилось борьбою Новгорода съ Москвою и торжествомъ послѣдней: но для уразумѣнія второй борьбы мы должны обратить вниманіе на первую, ибо отношенія, въ ней раскрышіяся, бросаютъ свѣтъ на послѣдующія явленія.

По смерти Андрея, зародышу новаго порядка вещей грозило совершенное подавленіе отъ стараго, еще во всей своей силѣ находившагося. Мы видѣли что Ростовцы, по смерти Юрія, нарушили присягу, данную этому Князю, и приняли Андрея вѣсто законныхъ наследниковъ, младшихъ его братьевъ. По смерти Боголюбскаго, Ростовцы возобновили прежнюю попытку взять къ себѣ Князя мимо законныхъ наследниковъ, возвратитъ своему городу прежнее старшинство, и унижить ненавистный Владимірѣ, принести его въ свою волю, распорядиться имъ какъ пригородомъ. Съ этою цѣлю они, миновавъ опять младшихъ дѣтей Домгорукаго, призвали сыновей старшаго его сына, Ростислава, съ условіемъ, чтобы старшій изъ нихъ Мстиславъ оставался въ Ростовѣ, и такимъ образомъ возвратилъ этому городу прежнее достоинство. Владимірцы, не привыкшіе къ самостоятельному быту, охотно бы повиновались вѣчному приговору городовъ старшихъ, если бъ съ одной стороны тому не препятствовала ихъ правда⁶⁶, ихъ крестное цѣлованіе, а съ другой стороны безразсудство Ростовцевъ, грозившихъ Владиміру или совершеннымъ истребленіемъ, или, по крайней мѣрѣ, совершенною зависимостію. При такихъ обстоятельствахъ Владимірцы должны были дѣйствовать рѣшительно: они принимаютъ Михаила Юрьевича, затворются съ нимъ, и выдерживаютъ семинедѣльную осаду; наконецъ голодъ заставляеть ихъ проститься съ добрымъ Княземъ, который, въ такой крайности, самъ разрываетъ ихъ отъ присяги. Они со слезами проводили Михаила и вышли на встрѣчу Ростиславичамъ, бывъ, по крайней мѣрѣ, утѣшены тѣмъ, что не подчинятся Ростовцамъ, но будутъ имѣть своего особаго Князя, хотя младшаго⁶⁷. Однако и эта радость ихъ была непродолжительна: Ростиславичъ привелъ къ нимъ изъ Руси свою дружину; мы видѣли, какъ

тяготились Кіевляне пришлецами Черниговскими и Суздальскими; точно также тягостны были пришлецы Русскіе гражданомъ Владимірскимъ : несправедливостямъ ихъ въ судахъ не было конца ; всего болѣе раздражало гражданъ похищеніе казны и волостей, принадлежавшихъ храму Богородицы; въ народѣ слышались слова : „Мы приняли Князей добровольно, утвердили съ ними радъ крестнымъ цѣлованьемъ; а они смотрятъ на нашъ городъ, точно какъ на чужой, грабятъ не только уже всю волость, но даже и церкви, мы должны сами подумать о себѣ ⁶⁸.“ Но Владимірцы и тутъ, по старому обычаю, обратились сперва съ жалобою къ старымъ городамъ, Ростову и Суздалью. Граждане послѣднихъ на словахъ были за нихъ, а на дѣлѣ радовались ихъ горю и не мыслили о помощи, особенно бояре, крѣпко державшіеся Ростиславичей ⁶⁹. Тогда Владимірцы снова послали за Михаиломъ, которому и удалось, съ Черниговскою помощію, выгнать Ростиславичей. Снова Владиміръ сталъ главнымъ городомъ всей Ростовской земли; Ростовцы потеряли опять свое старшинство, къ нимъ даже не пошелъ и младшій братъ В. Князя, Всеволодъ, а предпочелъ Переяславль Зальскій ⁷⁰, по утвердившемуся уже у Сѣверныхъ Князей обычаю предпочитать пригороды городамъ старымъ. Но эта борьба не кончилась. Доблестный Михаилъ княжилъ не долго; по смерти его Владимірцы тотчасъ послали въ Переяславль за Всеволодомъ и присягнули ему и *дѣтлмъ его* ⁷¹. Но вторичное торжество Владиміра оаобило еще болѣе Ростовцевъ: они послали опять за Мстиславомъ Ростиславичемъ, и безпрестанно понуждали его идти войною на Всеволода и ненавистныхъ Владимірцевъ; тщетно Всеволодъ предлагалъ мировую сдѣлку, обещаясь оставить Мстислава спокойнымъ владѣльцемъ въ Ростовѣ; Ростовцы сказали послѣднему : „Если ты хочешь мириться, то мы не хотимъ, Владиміръ не имѣетъ права быть оробымъ княженіемъ, то нашъ пригородъ, въ немъ живутъ наши смерды, холопы, каменщики, илотники и мужики ⁷².“ Война должна была рѣшить споръ и рѣшила его въ пользу Всеволода и Владимірцевъ; Ростовъ въ третій разъ потерялъ старшинство, но все еще не оставилъ на него своихъ притязаній. Всеволодъ послалъ въ Ростовъ старшаго сына своего, Константина, бывшаго прежде въ Новгородѣ, этотъ Князь напился тамъ помятіями о старшинствѣ городовъ и началъ смотрѣть глазами Ростовцевъ; видѣлъ въ Ростовѣ городъ старшій, несправедливо лишенный В. Княжескаго пребыванія, а во Владиміръ пригородъ, беззаконно

похитившій право старшаго. Слѣдствіемъ такихъ понятій было то, что, когда Всеволодъ, предъ смертію своею, вызывалъ Константи-на во Владиміръ, желая отдать ему, какъ старшему, эту столицу Велико-Княжескую, Константинъ велѣлъ объявить отцу: „Я твой старшій сынъ, и у тебя, какъ вижу, нѣтъ намѣренія лишить меня этого старшинства; но какъ же ты хочешь отнять у меня старшій городъ, и отдать одинъ младшій? Дай мнѣ, какъ старшему, старшій Ростовъ, и къ нему уже пригородъ его, Владиміръ.“ Всеволодъ разгнѣвался на ослушнаго сына, и, созвавъ соборъ, объявилъ В. Княземъ и старшимъ въ родѣ втораго сына своего, Юрія, далъ ему Владиміръ; со всеми людьми, укрѣпилъ къ нему всѣхъ крестнымъ цѣлованіемъ и поручилъ ему младшихъ братьевъ ⁷³. Это явленіе есть одно изъ самыхъ обильнѣйшихъ послѣдствійми въ нашей исторіи. Торжество младшаго города вычесть за собою торжество младшаго въ родѣ. Мы видели, что на Сѣверѣ, въ слѣдствіе господства новопостроенныхъ городовъ, собственности княжеской, начало преобладать понятіе о собственности, и Князья начинаютъ располагать городами, какъ неотъемлемымъ достояніемъ, откуда является завѣщаніе, необходимо повлекшее за собою постоянное пребываніе Князей въ своихъ, полученныхъ по завѣщанію, удѣлахъ; ибо сдѣлать новый рядъ, переимѣнить удѣль, значило бы нарушить святость завѣщанія родительскаго. Юрій Долгорукій завѣщалъ область, наполненную новопостроенными городами, младшимъ сыновьямъ своимъ; торжество Владимірцевъ надъ Ростовцами, было вмѣстѣ торжествомъ правды, вѣрности къ завѣщанію ⁷⁴. Наконецъ, Всеволодъ III, въ наказаніе за ослушаніе, завѣщаніемъ своимъ торжественно исключаетъ старшаго изъ старшинства, и даетъ его младшему; здѣсь, въ первый разъ, освящено нарушеніе права старшинства въ пользу младшихъ; освящено волею Князя, волею отца-завѣщателя, которую всѣ поклялись исполнить. Такимъ образомъ по смерти Всеволода III прежнія отношенія стали запутаннѣе, прежняя вражда сложнѣе; ибо теперь къ борьбѣ старыхъ городовъ съ новыми присоединилась еще борьба младшихъ Князей со старшими, борьба древняго права старшинства съ правомъ по завѣщанію.

Въ этой знаменитой борьбѣ самое дѣятельное участіе принимаетъ Новгородъ, къ исторіи котораго теперь и обратимся.

Преемникъ Рюрика оставилъ Новгородъ, но не отказался отъ владычества надъ нимъ: вмѣстѣ съ другими покоренными племе-

нами, Новгородцы принуждены были признать зависимость свою отъ князя Кіевскаго, знакомъ которой служила дань къ Кіеву, въ двѣ тысячи гривенъ. Кромѣ этой ежегодной дани, Новгородцы обязаны были давать посаднику своему сперва 300, а потомъ 1000 гривенъ для раздачи дружинѣ, которая блюла за сохраненіемъ внутренняго наряда, общественной безопасности ⁷⁵. Новгородцы принимаютъ постоянное участіе въ походахъ княжескихъ ⁷⁶; ополченія ихъ, вѣроятно вмѣстѣ съ Кривскими или Смоленскими, называются въ летописи *верховными*, т. е. *верхними войнами* ⁷⁷. Мать Святослава устанавливаетъ повозы, оброки и дани въ земляхъ Новгородскихъ ⁷⁸. Узнавъ, что Святославъ отправляется на Дунай, и посадилъ Ярополка въ Кіевъ, а Ольга въ Деревахъ, Новгородцы послали также просить себя князя съ угрозою, что если Рюриковичи не пойдутъ, то они отыщутъ себя князя изъ другаго рода. Причину, побудившую Новгородцевъ къ такому настоятельному требованію, объяснить не трудно. Святославъ отправлялся въ дальній походъ, Кіевъ и Древляне получили особенныхъ, другъ отъ друга независимыхъ владѣтелей, Новгородцы также хотѣли имѣть подобнаго; съ другой стороны мы знаемъ религиозное уваженіе, которое питали Сѣверные народы къ князьямъ, какъ потомкамъ боговъ, одареннымъ въ слѣдствіе того особеннымъ счастьемъ на войнѣ ⁷⁹. Летописецъ нѣсколько разъ упоминаетъ о необходимости князя въ битвѣ, присовокупляя, что бояръ не такъ слушались ⁸⁰. Тоже самое побужденіе, которое заставляло Святослава стремиться на Югъ, заставило и старшихъ сыновей его отказаться отъ далекаго Сѣвернаго владѣнія. Новгородцы получили третьяго сына Владиміра. По смерти Святослава они не долго пользовались независимостію отъ Кіева. Владиміръ, убоявшись единовластія Ярополка, отправился къ Варягамъ за море для набора многочислѣннѣйшей дружины; Посадники Ярополковы явились въ Новгородъ. Владиміръ скоро возвратился, но ушелъ на Югъ; Новгородъ снова увидѣлъ въ стѣнахъ своихъ посадника, которымъ былъ Добрыня, дядя Владиміровъ ⁸¹. После него являются опять князья: Вышеславъ и за нимъ Ярославъ. Ярославъ, еще при жизни отца своего, объявляетъ себя независимымъ, т. е. отказывается платить дань Кіеву, которую платили всѣ предшествовавшіе посадники; Летописецъ, прибавляя послѣднія слова, указываетъ намъ на причину поступка Ярослава: его заставляли дѣлать то, что дѣлали прежніе посадники, слѣд. князь Новгородскій былъ посадникомъ Кіевскаго князя, тогда

какъ остальные князья въ своихъ удѣлахъ были совершенно независимы отъ послѣдняго, касательно внутренняго управленія, и не обязаны были ему никакой данью; эта разница въ отношеніяхъ Новгорода и другихъ удѣловъ къ В. Князю видна изъ того, что Ярополкъ Владиміровичъ Мономашичь требуетъ отъ Новгорода дани, а отъ Смоленска только дара ⁸². Ярославъ не хотѣлъ быть посадникомъ князя Кіевскаго, хотѣлъ одинакой независимости съ прочими братьями и потому отказался платить дань. Готовясь къ войнѣ съ отцемъ, Ярославъ призвалъ толпы Варяговъ; наемники начали поступать съ Новгородскими гражданами, какъ съ побужденными; раздраженные Новгородцы перебили ихъ. Тогда князь заманилъ на совѣщаніе главныхъ виновниковъ убійства и велѣлъ лишить ихъ жизни. Это событіе ясно показываетъ намъ, въ какихъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ находились призванные князья къ призывавшимъ гражданамъ: объ власти существовали другъ подле друга, каждая съ своими особыми интересами, заключали другъ съ другомъ союзы и вели войны при взаимныхъ недоразумѣніяхъ. Въ ту же ночь, въ которую Ярославъ перебилъ знатнѣйшихъ Новгородцевъ, пришла къ нему вѣсть о смерти отца и злыхъ намѣреніяхъ Святополка; онъ собралъ вѣче и со слезами объявилъ народу о своемъ положеніи; Новгородцы тронулись несчастьемъ князя, и выразили готовность свою слѣдовать за нимъ противъ братоубійцы ⁸³. Причина такого великодушія ясна: по тогдашнимъ понятіямъ, Ярославъ убійствомъ Новгородцевъ исполнилъ долгъ мести за истребленную дружину, а съ другой стороны выгоды Новгородцевъ были тѣсно связаны съ благомъ Ярослава; послѣдній предпринялъ войну противъ отца съ намѣреніемъ дать независимость Новгороду отъ Кіева; если бѣ граждане отказались помочь Ярославу, то онъ убѣждалъ бы къ Варягамъ, и вмѣсто князя Новгородцы опять принуждены были бы принять посадниковъ отъ Кіевскаго князя, да кромѣ того жить въ безпрестанномъ опасеніи отъ прихода раздраженнаго Ярослава съ многочисленными толпами Варяговъ. Они не усумнились подать вторично помощь разбитому на Бугѣ Ярославу, ибо не могли ждать ничего хорошаго отъ Святополка, раздраженнаго первымъ заступничествомъ ихъ за врага его; наконецъ въ Новгородѣ же Ярославъ нашелъ убѣжище въ третій разъ, послѣ пораженія отъ Мстислава Тмутараканскаго. Такое усердіе Новгородцевъ не могло остаться безъ награды, и точно мы встрѣчаемъ упоминновеніе о какихъ-то грамотахъ Ярославовыхъ, служившихъ основаніемъ правъ.

и вольностей Новгорода. Какого же рода были эти грамоты? Изъ условій, въ соблюденіи которыхъ послѣдующіе В. Князья клялись Новгородцамъ, мы можемъ имѣть полное понятіе о правахъ послѣднихъ въ отношеніи къ В. Князю. Главное, основное изъ этихъ правъ есть право ограничивать власть князя народнымъ чиновникомъ, посадникомъ: изслѣдуемъ, можно ли уступку этого права отнести ко временамъ Ярослава 1-го.

Мы видѣли, что главною обязанностію князя въ Новгородѣ была обязанность верховнаго судьи; въ судѣ своемъ онъ соображался съ законами, имѣющими силу въ городѣ; если бы князь родился, воспитывался и постоянно пребывалъ въ Новгородѣ, то онъ зналъ бы законы своей родины, и умѣлъ бы измѣнять ихъ, сообразуясь съ требованіями. Но князья смѣнялись безпрестанно; они приходили изъ странъ отдаленныхъ, изъ областей Кіевскихъ, Волынскихъ, Смоленскихъ, Черниговскихъ, Суздальскихъ; въ каждой изъ этихъ областей, несмотря, быть можетъ, на одинаковость главныхъ положеній, законы были различны ⁸⁴, слѣд. князья-пришлецы не имѣли никакого понятія о судѣ Новгородскомъ, точно такъ какъ Новгородцы не вѣдали обычаявъ Низовской земли; отсюда въ судѣ княжескомъ должны были происходить безпрестанные недоразумѣнія, безпорядки и насилія. Для предотвращенія всѣхъ этихъ неудобствъ, Новгородцы требовали отъ всякаго новаго князя, чтобъ онъ судилъ всегда въ присутствіи чиновника, избраннаго изъ гражданъ, свѣдущаго въ законахъ и обычаяхъ страны; вотъ самое первое ограниченіе власти княжеской, первое условіе, исполненія котораго Новгородцы требовали у cadaго новоприбывшаго князя: „А безъ посадника ти, княже, не судити.“

Вторымъ правомъ князя въ Новгородѣ было право назначать правителей по областямъ. Но мы уже имѣли случай видѣть, какую невыгоду въ этомъ отношеніи имѣло для горожанъ частое перемѣщеніе князей изъ одного удѣла въ другой; каждый приводилъ съ собою своихъ любимцевъ, которые съ одной стороны не знали обычаявъ новаго отечества, съ другой смотрѣли на новыхъ согражданъ, какъ на чужихъ и не стыдились обогащаться на ихъ счетъ, продавая справедливость. Мы видѣли, какъ Черниговскіе Тиуны раздражали своимъ мздоимствомъ гражданъ Кіевскихъ, и потомъ Владимірскихъ, видѣли, что первый рядъ Кіевлянъ съ князьями состоялъ въ томъ, чтобы послѣдніе смѣнили

Тіуновъ чужеземныхъ. Въ Новгородѣ это неудобство должно было быть еще чувствительнѣе, ибо смѣна князей происходила чаще: отсюда второе главное условіе, чтобы князья назначали въ судьи не своихъ мужей, но гражданъ Новгородскихъ; но такъ какъ безпрестанно смѣнявшіеся князья не могли знать гражданъ, достойныхъ довѣренности, и притомъ могли этимъ средствомъ пріобрѣтать себѣ многочисленныхъ доброжелателей въ городѣ, то здѣсь присоединялось необходимое условіе, чтобы князь не раздавалъ волостей безъ посадника: „А безъ посадника, ти, княже ни волостей раздавати ⁸⁵.“ Третьимъ правомъ князя было право давать грамоты, сообщать и скрѣплять своимъ именемъ извѣстные права: и здѣсь Князья-пришлецы не могли обойтись безъ руководства туземнаго сановника, ибо не знали обычныхъ границъ правъ и могли вредить выгодамъ общественнымъ въ пользу частныхъ лицъ, къ нимъ приверженныхъ; отсюда третье необходимое условіе: „А безъ посадника, княже, ни грамотъ ти даяти.“

Безпрерывная смѣна князей, почти всегда враждебныхъ другъ другу, влекла за собою еще другія неудобства, а именно: каждый новый князь, враждебный своему предшественнику, естественно недоброжелательнымъ окомъ смотрѣлъ на всё, сдѣланное послѣднимъ: чиновники, назначенные Ольговичемъ, естественно не нравились Мономаховичу, грамота, данная Мстиславичемъ, должна была являться незаконною въ глазахъ Юрьевича: отсюда каждая перемѣна князя влекла за собою перемѣну чиновниковъ и лишеніе пріобрѣтенныхъ правъ; для отвращенія этого неудобства, каждый новый князь обязывался: во-1) не лишать никого безъ суда, безъ вины, должностей, во-2) не пересуживать грамотъ, данныхъ предшественникомъ: „А безъ вины ти, княже, мужа безъ вины не лишати волости; а грамотъ ти не посужати.“ Но посадникъ былъ лице, необходимое при каждомъ судѣ и пересудѣ.

Такимъ образомъ самыя главныя ограниченія власти князя, слѣд. самыя главныя права гражданъ Новгородскихъ, состояли въ сопоставленіи съ княземъ посадника, *выборнаго* изъ народа, со значеніемъ послѣдующихъ цѣловальниковъ; уничтоженія должности посадника Іоаннъ III требуетъ вмѣстѣ съ уничтоженіемъ вѣча. Мы видѣли значеніе вѣча, теперь должны обратить вниманіе на значеніе посадника, и преимущественно на время его появленія въ качествѣ народнаго чиновника; ибо, если ограниче-

не власти княжеской присутвіемъ посадника, при всѣхъ ея от-
правленіяхъ, было самымъ главнымъ правомъ Новгородцевъ, если
оно является неизмѣнно первымъ условіемъ во всѣхъ договорахъ
съ В. Князьями и если это право уступлено Новгороду Яросла-
вомъ I-мъ, то посадникъ тотчасъ же послѣ уступки права дол-
женъ явиться въ качествѣ чиновника народнаго, ограничивающаго
власть князя; но если онъ является съ такимъ характеромъ го-
раздо позднѣе, то мы должны естественно заключить, что и пра-
во ограничивать власть князя посадникомъ не могло быть дано
Ярославомъ I-мъ.

Слово *посадникъ* происходитъ не прямо отъ глагола *поса-
дить*; но по сравненію съ другими словами того же окончанія,
на пр. *ключникъ*, *вирникъ*, *мечникъ*, происходитъ отъ существи-
тельного: *посада* или *посада*; какъ *вирникъ*, *мечникъ*, *ключникъ*,
означаютъ отношеніе лица къ извѣстному предмету, имя кото-
раго лежитъ въ корнѣ слова, обыкновенно означаютъ власть надъ
предметомъ; такъ и слово: *посадникъ*, должно означать отноше-
ніе къ *посада*, должно означать чиновника, которому вѣрено
смотрѣніе, власть надъ *посадою*. Слово *посада* или *посада*, озна-
чало и означаетъ въ Славянскихъ языкахъ пришлый элементъ
народонаселенія. (Польское *rosada* знач. колонія). Относительно
города, означаетъ ту часть народонаселенія, которая живетъ за
городскими стѣнами и отличается отъ собственно городскихъ жи-
телей. Изъ этого легко заключить, что должно было называться
посадою въ старыхъ городахъ Славянскихъ въ первый періодъ
отечественной исторіи? не иначе, какъ элементъ пришлый, чуж-
дый первому народонаселенію, а мы знаемъ, что этотъ пришлый,
чуждый элементъ, *насельницы*, по выраженію летописца, были
Варяжскія дружины князей, слѣд. *посадою* называлась та часть
дружины, которую князья оставляли въ городахъ, признавшихъ
надъ собою власть ихъ, а *посадникомъ* назывался начальникъ
этого отряда. Летописецъ говоритъ, что Рюрикъ разослалъ сво-
ихъ спутниковъ по городамъ⁸⁶, Олегъ сажалъ мужей своихъ въ
новозанятыхъ городахъ⁸⁷, Владиміръ роздалъ города лучшимъ
изъ наемныхъ Варяговъ⁸⁸. Послѣ этого ясно, что *посадникъ*
былъ чиновникъ княжескій, мужъ изъ его дружины, намѣстникъ
его. Въ послѣднемъ значеніи *посадникъ* является постоянно въ
двухъ первыхъ періодахъ Русской Исторіи, въ этомъ же значеніи
посадникъ является и въ Новгородѣ до смерти Ярослава, и въ

первое время послѣ нея, до смерти Мстислава Великаго. Ярополкъ, узнавъ о бѣгствѣ Владиміра, отправилъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ⁸⁹; Владиміръ, удалясь на Югъ, оставилъ въ Новгородѣ посадникомъ дядю своего Добрыню⁹⁰. Ярославъ, получивъ престоль Кіевскій, далъ посадничество Новгородское сыну Добрыни Константину, котораго послѣ велѣлъ заточить, а потомъ и умертвить⁹¹; по смерти Владиміра Ярославича, Изяславъ поручилъ столъ брата своего посаднику Остромиру⁹². Мономахъ и сынъ его Мстиславъ посылаютъ въ Новгородъ посадниковъ изъ Кіева⁹³. Изъ этого мы должны заключить, что первоначально посадникъ Новгородскій былъ то же самое, что въ послѣдствіи Намѣстникъ, — бояринъ, присылаемый В. Княземъ вмѣсто себя изъ Твери или изъ Москвы. Но какое же значеніе имѣли въ Новгородѣ посадники, присылаемые изъ Кіева Мономахомъ и сыномъ его, когда въ Новгородѣ и безъ нихъ былъ уже намѣстникъ, именно сынъ Мстислава, Всеволодъ, какое значеніе имѣлъ посадникъ при князѣ, какъ чиновникъ послѣднѣго, а не народный? Естественно, что онъ былъ помощникомъ князя, помогаль ему въ судѣ, исполнялъ его приказанія, преимущественно же заступалъ мѣсто князя во время отсутствія послѣднѣго; возможность существованія посадника при князѣ, въ качествѣ его чиновника, доказываетъ намъ примѣръ Полоцка⁹⁴. Теперь остается рѣшить вопросъ: когда и какъ посадникъ изъ чиновника княжескаго сталъ народнымъ и ограничилъ власть князя? Мы сказали, что главная обязанность посадника состояла въ томъ, чтобы замѣнять князя на время его отсутствія изъ города, слѣд. посадникъ всего болѣе былъ необходимъ въ томъ городѣ, гдѣ отсутствіе князя случилось чаще; но мы знаемъ, что всего чаще смѣнялись князья въ Новгородѣ по причинамъ, о которыхъ будетъ рѣчь послѣ. Если князь смѣнялся народомъ въ слѣдствіе неудовольствія, то до прибытія новаго необходимъ былъ посадникъ, который бы заступалъ его мѣсто; но могъ ли оставаться посадникомъ чиновникъ изгнаннаго князя и слѣд. его приверженецъ: смѣна князя необходимо влекла за собою и смѣну его посадника; но кто же будетъ заступать княжеское мѣсто до прибытія новаго князя? Ясно, что народъ долженъ былъ самъ выбрать правителя: отсюда необходимость народнаго избранія, превратившаяся послѣ въ право. Но, какъ увидимъ въ послѣдствіи, князья смѣнялись не столько по волѣ народа, сколько въ слѣдствіе собственныхъ родовыхъ отношеній и подчиненности Новгорода В. Князю: въ этомъ случаѣ

сказанное нами выше обо всѣхъ вообще должностныхъ лицахъ относилось и къ посаднику; послѣдній долженъ былъ перемѣняться съ каждою перемѣною князя, и притомъ, если Новгородцы, не смотря на все свои усилія, не могли имѣть у себя достойнаго князя, то должны были стараться уменьшить невыгоды смѣны, по крайней мѣрѣ постоянствомъ намѣстника, помощника княжескаго; а единственнымъ къ тому средствомъ было — освободить посадника отъ произвола непрерывно мѣняющихся князей, превратить его изъ чиновника княжескаго въ чиновника народнаго, хотя и здѣсь назначеніе посадника не изъято было совершенно изъ подъ вліянія князя: князь избиралъ его вмѣстѣ съ народомъ⁹⁵. Но чѣмъ народъ руководствовался при этомъ избраніи, и каковъ былъ срокъ отправленія должности посаднической, ибо кромѣ настоящаго посадника, или степеннаго мы видимъ еще старыхъ посадниковъ, прежде исправлявшихъ должность, изъ которыхъ часто опять возводились въ санъ степеннаго? Если посадникъ сперва былъ назначаемъ княземъ, то срокъ отправленія его должности естественно зависѣлъ отъ воли князя; въ послѣдствіи, когда посадникъ сталъ чиновникомъ народнымъ, воля народа смѣнила волю князя; кромѣ того посадникъ, вмѣстѣ съ прочими должностными лицами, подлежалъ надзору князя: послѣдній имѣлъ право отрѣшить и даже наказать⁹⁶ посадника, объявивъ прежде вину его на вѣчь. Что же касается до опредѣленнаго срока для отправленія посаднической должности, то назначать его мы не имѣемъ никакого права, ибо въ лѣтописи постоянно встрѣчаемъ только слова: *отъѣша и даша*, что указываетъ на смѣну наследственную; при этомъ также легко замѣтить, что старые посадники вступаютъ снова въ должность степеннаго въ слѣдствіе торжества своей стороны, низложеніе которой повлекло ихъ смѣну. Впрочемъ касательно избранія посадника въ лѣтописи есть слѣды ограниченія произвола народнаго, именно правомъ старшинства: такъ сказано, что въ 1211 году Твердиславъ соступился посадничества въ пользу Дмитрія Якунича, ибо послѣдній былъ старше его⁹⁶. Все вышесказанное о превращеніи посадника изъ чиновника княжескаго въ народнаго объясняется примѣромъ Тысяцкаго. Тысяцкій до 2-й половины XIV вѣка существовалъ вездѣ подлѣ князя въ качествѣ его чиновника; въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстія, что такой-то князь далъ тысячу такому-то изъ своихъ приближенныхъ:

въ Новгородѣ и этотъ чиновникъ, вмѣстѣ съ посадникомъ, сталъ подлежать народному избранію.

Изслѣдовавъ, какимъ образомъ посадникъ изъ чиновника княжескаго превратился въ народнаго, мы должны обратиться теперь къ опредѣленію времени, когда произошло это превращеніе. Мы имѣли уже случай сказать, что не только старшій сынъ Ярослава 1-го назначилъ отъ себя посадника въ Новгородъ, но и Владиміръ Мономахъ, равно какъ и сынъ его Мстиславъ, посылалъ туда посадниковъ изъ Кіева. Ясно, что такіе чиновники не могли имѣть значенія посадниковъ позднѣйшихъ, упоминаемыхъ въ договорныхъ грамотахъ, т. е. ограничивать власть князя, ибо какъ могъ ограничивать власть князя чиновникъ, имъ избранный и отъ его произвола зависящій, какъ могъ блюсти интересы Новгорода противъ князя Кіевлянина, присланный отцомъ этого князя? И такъ мы должны заключить, что посадникъ въ значеніи народнаго сановника, ограничивающаго власть князя, явился гораздо позднѣе времени Ярослава 1-го, и потому право ограничивать власть князя посадникомъ не могло быть уступлено Новгороду этимъ государемъ.

То же должно сказать и о другихъ условіяхъ, встрѣчающихся въ позднѣйшихъ договорахъ, какъ на пр.: „А и Суждальской ти земле Новагорода не рядити, — ни волостей ти раздавати.“ Или: „А на Низу, княже, Новгородца не судити,“ ибо мы знаемъ, что Мономахъ рядилъ Новгородъ, судилъ Новгородцевъ и раздавалъ волости изъ Кіева. Къ этому должно прибавить еще, что сами Новгородцы, требуя отъ В. князей клятвы въ соблюденіи вышеозначенныхъ условій, и приводя въ примѣръ прежнихъ князей, дававшихъ подобную клятву, нигдѣ однако не упоминаютъ имени Ярослава 1-го. Приведенное обстоятельство тѣмъ болѣе важно, что въ другихъ случаяхъ Новгородцы именно указываютъ на грамоты Ярославовы. О содержаніи этихъ грамотъ мы должны заключить по обстоятельствамъ, въ которыхъ онѣ упоминаются. Въ 1228 году Новгородцы поссорились съ Княземъ своимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ за то, что онъ поступалъ не по грамотамъ Ярославовымъ, а именно присвоилъ себѣ новую пошлину, и посылалъ судей по волостямъ, что обоготало казну княжескую во вредъ жителямъ⁹⁷. На слѣдующій годъ прибылъ къ нимъ князь Михаилъ изъ Чернигова и цѣловалъ крестъ

на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, въ слѣдствіе чего тотчасъ же сдѣлалъ финансовое распоряженіе, а именно далъ свободу смердамъ на пять лѣтъ не платить дани ⁹⁸. Въ 1230 году Ярославъ, снова призванный, уступилъ Новгородцамъ и цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ ⁹⁹. Въ 1339 году, когда В. Князь Іоаннъ Даниловичъ прислалъ требовать у Новгородцевъ ханскаго запроса, то они отвѣчали: „того у насъ не бывало отъ начала міра, а ты князь цѣловалъ крестъ къ Новгороду по старой пошлннѣ и по Ярославовымъ грамотамъ“ ¹⁰⁰. Вотъ всѣ случаи, въ которыхъ Новгородцы упоминаютъ о грамотахъ Ярославовыхъ! Видя, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о финансовыхъ льготахъ, мы имѣемъ полное право заключить, что льготныя грамоты Ярославовы касались только финансовыхъ постановленій: и точно въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы получили подобную грамоту отъ Ярослава 1-го ¹⁰¹.

Мы сказали, что льготныя грамоты Ярославовы касались только финансовыхъ распоряженій; ибо Новгородцы упоминаютъ объ нихъ только тогда, когда дѣло идетъ о нарушеніи ихъ финансовыхъ льготъ. Но въ степенной книгѣ (1300) находится извѣстіе, что Ярославъ своею грамотою далъ Новгородцамъ право выбирать себѣ князей по произволу, но только между его потомками *въ роды и роды во вѣки*. Повѣркою справедливости этого извѣстія должны служить послѣдующія отношенія Новгорода къ В. Князьямъ ¹⁰².

Ярославъ 1-й посадилъ въ Новгородъ сына своего Илью, а по смерти его Владиміра ¹⁰³; по кончинѣ послѣдняго Новгородъ достался Изяславу, который, оставивъ въ немъ посадника Остромира, удалился въ Кіевъ, откуда отправилъ въ Новгородъ сына своего Мстислава. Такимъ образомъ Новгородъ достался на долю князя Кіевскаго, или Великаго, точно такъ, какъ Ростовъ достался на долю князя Переяславскаго, и Тмуторакань на долю Черниговскаго, и какъ жители Тмутораканя, вѣрные распоряженію Ярослава, просятъ себѣ князя отъ руки Святослава Черниговскаго ¹⁰⁴, такъ Новгородцы постоянно просятъ князя отъ руки державца Кіевскаго, сообразуясь со всѣми перемѣнами, въ столицѣ Великокняжества происходящими, и никогда не упоминая о правахъ, данныхъ имъ знаменитою грамотою Степенной книги.

Изгнаніе Изяслава изъ Кіева необходимо повлекло перемѣны и въ Новгородъ: здѣсь является княземъ сынъ Святослава

Глѣбъ; но послѣдній, въ свою очередь, долженъ былъ оставить Новгородъ въ слѣдствіе вторичнаго торжества Изяслава, который послалъ сына своего Святополка ¹⁰⁶. Въ 1088 году Святополкъ добровольно покинулъ Новгородъ, и Всеволодъ Ярославичъ, бывшій тогда В. Княземъ, послалъ на его мѣсто внука своего Мстислава Владиміровича. Такимъ образомъ Новгородъ скоро ощутилъ слѣдствія княжескихъ междоусобій: онъ увидѣлъ, что будетъ постоянно игрушкою переворотовъ, въ Руси происходящихъ, что его правители будутъ смѣняться безпрестанно въ слѣдствіе безпрестанно новыхъ рядовъ между князьями старшими, въ слѣдствіе перевѣса, какой возметъ та или другая княжеская линія.

Въ 1095 году В. Князь Святополкъ и двоюродный братъ его Владиміръ выводятъ изъ Новгорода Мстислава, котораго граждане любили, какъ у нихъ взросшаго, и посылаютъ на его мѣсто Давида Святославича. Новгородцы покорились рѣшенію князей, однако нерадушно приняли Давида; послѣдній, замѣтивъ нерасположеніе гражданъ, оставилъ добровольно Новгородъ, и на мѣсто его опять пріѣхалъ Мстиславъ ¹⁰⁶. Между тѣмъ власть великокняжеская все никла болѣе и болѣе: Святополкъ Изяславичъ не умѣлъ поддержать ее, и день ото дня терялъ всеобщее расположеніе; особенно не любили его Новгородцы за то, что онъ ушелъ отъ нихъ. Въ 1101 году они узнаютъ, что по учиненному между Святополкомъ и Владиміромъ ряду, Новгородъ становится родовымъ удѣломъ Святополка, что любимый Мстиславъ отнимается у нихъ во второй разъ, и на его мѣсто придется внукъ Изяслава. Тогда Новгородцы, выведенные изъ терпѣнія тѣмъ, что судьба ихъ будетъ зависѣть отъ безпрестанныхъ сделокъ между разными князьями, объявляютъ рѣшительно свое несогласіе на мѣну, представляя законную причину, а именно, что В. Князь Всеволодъ далъ имъ Мстислава, котораго они вскормили и хотятъ удержать навсегда ¹⁰⁷. Позднѣйшіе лѣтописцы упрекаютъ Новгородцевъ въ непостоянствѣ, въ непрерывной смѣнѣ князей, въ безчестьи, которое они наносятъ имъ этою смѣною; но по обращеніи надлежащаго вниманія открывается, что было причиною смѣны князей Новгородскихъ. Въ продолженіе 17 лѣтъ, отъ 1054 до 1101 года, въ Новгородѣ шесть разъ смѣнялись князья: двое изъ нихъ ушли самъ, остальные выводились въ слѣдствіе смѣны В. Князей или ряду ихъ съ другими. При этомъ надобно обратить еще вниманіе на запутанность, происшедшую

въ отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ по смерти Ярослава, неизвѣстно было, зависѣлъ ли онъ отъ Изяслава, какъ отъ В. Князя, или отданъ былъ ему въ родъ; оба отношенія смѣшались и повели къ недоразумѣніямъ. Если Святополкъ былъ родовой князь Новгорода, то онъ потерялъ на него все свои права, добровольно отказавшись отъ него и позволивъ утвердиться въ немъ другой лиціи; это ясно выражается въ отвѣтъ Новгородцевъ: „ты ушелъ отъ насъ.“ Если же Святополкъ хотѣлъ располагать Новгородомъ въ качествѣ В. Князя, то онъ не долженъ былъ нарушать распоряженія Всеволода. Эта ссылка на распоряженіе Всеволода имѣла также смыслъ въ устахъ Новгородцевъ: надобно припомнить только, что на предшествовавшемъ съѣздѣ князей въ Любечъ положено было — касательно всѣхъ измѣненій, послѣдовавшихъ по смерти Ярослава, держаться распоряженій Всеволода ¹⁰⁸. Если-бъ у Новгородцевъ была грамота, дававшая имъ право произвольнаго выбора между князьями, то имъ было бы всего приличнѣе основать свой отказъ въ принятіи Святополкова сына на этой грамотѣ; нѣтъ, они основываютъ его на естественномъ правѣ искать себѣ другаго князя, когда одинъ добровольно отказался управлять ими, и потомъ на волю В. К. Всеволода, давашаго имъ Мстислава. Такимъ образомъ вмѣсто непостоянства Новгородцевъ въ началѣ такъ называемаго удѣльнаго періода, мы видимъ со стороны ихъ совершенно противоположные поступки, а именно усиленное стараніе достать себѣ такого князя, который бы постоянно оставался въ ихъ городѣ. Но все ихъ усилія были тщетны: Князья шли въ Новгородъ, когда не было другаго удѣла лучшаго; при первомъ случаѣ они уходили изъ него, стремясь на Югъ, къ Руси, поближе къ Кіеву, главной цѣли ихъ желаній. Съ другой стороны Русская земля раздирается отъ усобицъ; различныя лиція княжескія хотятъ исключить одна другую изъ владѣнія Кіевомъ; этотъ городъ безпрестанно мѣняетъ властителей; Мономаховичи старшіе, Олеговичи, младшіе Мономаховичи, изгоняютъ другъ друга; каждый изъ нихъ ставъ В. Княземъ, державцемъ Кіевскимъ, требуетъ отъ Новгородцевъ повинovenія, хочетъ назначить имъ князя отъ себя, и вселитъ изгнать присланнаго предшественникомъ; Новгородцы повинуются этимъ требованіямъ, изгоняютъ прежнихъ князей, принимаютъ новыхъ; о грамотѣ Ярославовой, давшей имъ право избирать князей, какихъ хотятъ, нѣтъ ни малѣйшаго упоминovenія. Но ясно, что такіа безпрестанныя смѣны не могли остаться

безъ вліянія на внутренній бытъ Новгорода. На Югъ они произвели ослабленіе власти княжеской, заставили спорящихся князей покупать приверженность гражданъ уступками, договариваться съ ними; тѣ же самыя явленія должны были повториться и въ Новгородѣ; часто являлось нѣсколько притязателей на великокняжеское достоинство: которому изъ нихъ должны были повиноваться Новгородцы, отъ котораго требовать себѣ князя? На ихъ сторонѣ было право выбора, слѣд. на ихъ сторонѣ было право предложенія условій, тѣмъ болѣе необходимыхъ, что каждый князь могъ приносить свой обычай, нарушать старину Новгородскую. Далѣе, безпрестанныя междукняжья должны были условить постоянное присутствіе помощника княжескаго, и дать этому чиновнику высокое значеніе. Наконецъ смятеніе въ землѣ Русской, безпрестанныя междоусобія князей и смѣны ихъ, должны были необходимо отразиться и въ Новгородѣ. Одинъ В. Князь смѣняетъ другаго; эта смѣна необходимо влечетъ за собою и смѣну князя въ Новгородѣ; но прежній князь успѣлъ составить себѣ сторону между гражданами, пріобрѣсть многочисленныхъ приверженцевъ; сторона прежняго князя хочетъ удержать его, другая ему неблагопріятная желаетъ его изгнанія, основываясь на требованіи В. Князя: что рѣшить тутъ дѣло? одна сила, одно вѣчевое междоусобіе; сторона прежняго князя побѣждена, однако не хочетъ отказаться отъ своихъ прежнихъ желаній, усиливается въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. Вдругъ происходитъ новая перемѣна В. Князя, она пользуется теперь случаемъ подкрѣпить свое требованіе, противная сторона не хочетъ уступить — и новое вѣче, новое кровопролитіе необходимо. Часто недовольнымъ не нужно было дожидаться смѣны В. Князя, ибо князь Смоленскій, Волынскій, Черниговскій, могли имѣть равныя права на Великое Княженіе, и недовольные могли выбирать между ними; особенно это начало имѣть мѣсто тогда, когда въ Россіи появилось двое В. Князей: Кіевскій и Владимірскій. Отсюда уясняется причина столь частыхъ вѣчей, привычка къ нимъ, привычка рѣшать дѣла силою; отдаленіе и слабость В. Князя прецѣдентовали ему имѣть непосредственное вліяніе на дѣла Новгородскія; приговоръ вѣча не встрѣчалъ ни откуда сопротивленія. Частыя междукняжья необходимо должны были пріучить Новгородъ къ вѣчевому народовластію, ибо особа посадника, народомъ избраннаго, въ слѣдствіе перевѣса одной какой нибудь стороны, могла ли внушать уваженіе всеобщес, могла ли быть неприкосновенною при перевѣсѣ пар-

тін противной? Иногда князья, помирившись, сдѣлавши рядъ, не хотѣли снова ссориться за отдаленныхъ Новгородцевъ, и оставляли на ихъ волю выбрать себѣ правителя изъ того или другаго рода; иногда В. Князь, постоянно верховный судья въ глазахъ Новгородцевъ, озабоченный дѣлами ближайшими, не могъ самъ отправиться сотворить нарядъ, и потомъ, желая еще оказать Новгородцамъ благоволеніе за какія нибудь услуги, позволялъ имъ самимъ управлять своими дѣлами, уполномочивалъ вѣче казнить нелюбимыхъ чиновниковъ и награждать достойныхъ. Всѣ эти обстоятельства, особенно возможность выбора изъ многихъ князей, при частой смѣнѣ и борьбѣ Великихъ, обратившаяся послѣ въ право, и возможность предлагать условія князьямъ избраннымъ, превратившаяся также послѣ въ право, наконецъ отдаленность и небреженіе Князей Великихъ, соизволявшихъ самоуправству вѣча, всё это дало Новгороду, особенно въ сравненіи съ младшими городами, безпрекословно волю князя подчиненными, видъ города вольнаго, и жителямъ его право на названіе людей вольныхъ. Обратимся къ событіямъ, долженствующимъ подтвердить всё сказанное.

Не долго Новгородцы жили съ своимъ любимымъ Мстиславомъ. Въ 1116 году, В. К. Владиміръ Мономахъ, желая упрочить Кіевъ за своимъ родомъ, вызвалъ его поближе къ себѣ и далъ Бѣлгородъ; въ Новгородъ былъ оставленъ сынъ Мстислава Всеволодъ ¹⁰⁹. Юность князя и смерть двухъ посадниковъ, почти въ одинъ годъ послѣдовавшая ¹¹⁰, подала поводъ ко внутреннимъ смятеніямъ; нѣкоторые бояре и сотскій Ставръ позволили себѣ грабежъ. Тогда В. К. Владиміръ вмѣстѣ съ сыномъ Мстиславомъ вызвали всѣхъ бояръ изъ Новгорода въ Кіевъ, и взяли съ нихъ присягу повиноваться молодому Всеволоду и не замышлять безпокойствъ. Невинные въ упомянутомъ преступленіи были отпущены, виновные оставлены и заточены ¹¹¹. Кѣмъ былъ избранъ въ то время посадникъ Константинъ Моисѣевичъ, неизвѣстно: вѣроятно В. Княземъ, если обратимъ вниманіе на обстоятельства. На слѣдующій годъ онъ умеръ, и на его мѣсто В. Князь прислалъ изъ Кіева Бориса ¹¹². Въ 1125 году умеръ Мономахъ; сынъ его Мстиславъ съѣзъ въ Кіевъ, однако не перевелъ старшаго сына своего къ себѣ на Югъ, но утвердилъ вторично въ Новгородѣ ¹¹³. На слѣдующій годъ Всеволодъ отправился къ отцу въ Кіевъ; въ отсутствіе его умеръ старый посадникъ, и гра-

ждане, оставшись безъ князя и его намѣстника, принуждены были сами избрать послѣдняго ¹¹⁴. Однако, кажется, В. Князь и сынъ его были недовольны этимъ народнымъ избраніемъ: черезъ годъ, при жизни стараго посадника, назначенъ былъ ему преемникомъ Давидъ Дмитріевичъ, шурина В. Князя ¹¹⁵. Новоизбранный посадникъ умеръ въ томъ же году: тогда В. Князь послалъ на его мѣсто изъ Кіева Данила ¹¹⁶. Но въ слѣдующій годъ лѣтопись упоминаетъ о избраніи уже другаго посадника Петра, вѣроятно также въ отсутствіи Всеволода, ходившаго къ отцу ¹¹⁷. Такъ еще при жизни Мстислава началось колебаніе въ избраніи посадника между княземъ и народомъ. Смерть Мстислава и послѣдовавшія за нею событія, ослабивъ, уничтоживъ власть великокняжескую и раздравъ Русь, имѣли сильное вліяніе на бытъ Новгорода, были главною причиною измѣненій, въ немъ происшедшихъ, главною причиною усиленія народовластія на счетъ власти княжеской.

Старшій по Мстиславъ изъ Мономаховичей, Ярополкъ, сталъ В. Княземъ, и по уговору съ покойнымъ братомъ, послалъ въ Новгородъ за Всеволодомъ, съ тѣмъ, чтобъ посадить его на столъ Переяславскій. Боясь болѣе всего переменъ Князя, Новгородцы еще прежде взяли со Всеволода клятву не разлучаться съ ними до смерти; но вдругъ послѣдовалъ вызовъ отъ Ярополка, и Всеволодъ, прельщенный Переяславлемъ, равно какъ надеждою получить Кіевъ по смерти дяди, позабылъ клятву и покинулъ Новгородъ, не оставивъ преемника ¹¹⁸. Между тѣмъ дядя Всеволода Георгій, въ приближеніи племянника къ Кіеву видѣлъ явный признакъ своего исключенія изъ старѣйшинства, и переходъ его въ родъ Мстислава ¹¹⁹, и потому вооружился для защиты правъ своихъ. Утромъ въѣхалъ Всеволодъ въ Переяславль, и до обѣда еще былъ выгнанъ Юріемъ ¹²⁰. Изгнанникъ принужденъ былъ отправиться назадъ къ Новгороду, который между тѣмъ, будучи оставленъ самому себѣ, представлялъ зрѣлище страшнаго волненія народнаго, усиленнаго приходомъ Псковитянъ и Ладожанъ, вѣроятно требовавшихъ смѣны посадниковъ Всеволодовыхъ. Въ это время является Всеволодъ; раздраженный народъ сперва не хочетъ и слышать о князѣ, презрѣвшемъ клятву свою, потомъ, вѣроятно убѣжденный приверженцами сына Мстислава, согласился опять принять его ¹²¹. Однако это принятіе имѣло уже другой характеръ, нежели первое вступленіе Всеволода на столъ Новгородскій; теперь Новгородцы были люди вольные ¹²², ибо

освобождены были удаленіемъ Всеволода, и потому могли принять его на всей волѣ своей, съ условіями и рядомъ; изгнанникъ долженъ былъ на всё согласиться. Вѣроятно въ это время было положено начало тѣмъ условіямъ, развитіе которыхъ видимъ въ послѣдующихъ рядахъ Новгородцевъ съ князьями; вѣроятно въ это-то время посадникъ перемѣнилъ свой характеръ чиновника княжескаго на характеръ чиновника народнаго, отъ вѣча избираемаго; по крайней мѣрѣ лѣтописецъ говоритъ, что тогда было выбрано два посадника, одинъ для Новгорода, другой для Пскова ¹²³. Что-же дѣлалъ Великій Князь? Ярополку было не до Новгорода: дѣла въ Руси запутывались всё болѣе и болѣе. Не желая нарушить клятвы, данной покойному брату, Ярополкъ вывелъ Георгія изъ Переяславля, и отдалъ этотъ городъ другому сыну Мстислава, Изяславу. Но скоро онъ началъ забывать данное слово и склоняться къ убѣжденіямъ братьевъ, желавшихъ отстранить племянниковъ отъ Кіева, или даже совершенно исключить ихъ изъ удѣловъ въ землѣ Русской. Съ этою цѣлію В. Князь убѣдилъ Изяслава отдать Переяславль дядѣ Вячеславу, и въ замѣнъ взять Туровъ и Пинскъ, въ прибавокъ къ прежней своей Минской области. Изяславъ согласился, но скоро Вячеславъ отнялъ обратно у племянника старый свой удѣлъ, а между тѣмъ Ярополкъ отдалъ Переяславль Долгорукому. Мстиславичи, увидавъ замыслъ дядей, рѣшились оружіемъ достать себѣ удѣлы. Въ такомъ намѣреніи они просили помощи у Ольговичей: тѣ обрадовались случаю вмѣшаться въ распри Мономахова потомства, надѣясь возвратить себѣ утраченное старшинство и Кіевъ; земля Русская раздралась, говоритъ Новгородскій лѣтописецъ ¹²⁴: онъ имѣлъ причину употребить столь сильное выраженіе, ибо вмѣстѣ съ Русскою землею раздрался и Новгородъ.

Несчастный Всеволодъ, послѣ бѣгства изъ Переяславля, терялъ всё болѣе и болѣе въ уваженіи и привязанности Новгородцевъ. В. Князь, не имѣя ни охоты, ни возможности вмѣшиваться во внутреннія дѣла ихъ, не думалъ однако отказаться отъ дани Печерской, ему слѣдующей. Всеволодъ, при своемъ слабости вліяніи на гражданъ не могъ получить съ нихъ этой дани для отсылки къ дядѣ, и Ярополкъ принужденъ былъ послать за нею Изяслава, когда тотъ держалъ еще удѣлъ Туровскій и охотно исполнялъ повелѣнія В. Князя; Изяславъ получалъ дань ¹²⁵. На слѣдующій годъ онъ опять явился въ Новгородъ, но уже не за

Печерскою данью, а съ просьбою о помощи противъ дядей, лишившихъ его удѣла. Всеволодь созвалъ гражданъ на вѣче, и предложилъ имъ идти въ Ростовскую землю, достать удѣлъ Изяславу. Вѣче было самое шумное: граждане, чтившіе память отца Изяслава и Всеволодова, требовали похода для защиты ихъ отъ дядей хищниковъ; другіе упорствовали¹²⁶. Однако большинство было на сторонѣ гражданъ, преданныхъ Мстиславичамъ; они воспользовались этимъ большинствомъ, побили противниковъ и походъ былъ назначенъ¹²⁷. Оба Мстиславича отправились, взявъ съ собою и посадника Петрила; но едва достигли они до рѣки Дубны, какъ несогласія городского вѣча повторились въ полкахъ: противники похода опять возвысили голосъ. Здѣсь мы должны обратить вниманіе на причину, почему эта война казалась имъ незаконною, ибо ту же самую причину привели послѣ на вѣчѣ и граждане Кіевскіе, отказываясь слѣдовать въ походъ за тѣмъ же самымъ Изяславомъ Мстиславичемъ: какъ Новгородцы такъ и Кіевляне не хотятъ поднимать рукъ на дѣтей Мономаховыхъ и негодуютъ на Мстиславичей, соединившихся со врагами ихъ рода¹²⁸. Вѣче на Дубнѣ имѣло совершенно другой конецъ, тѣмъ Новгородское: противники похода пересилили, заставили князя возвратиться, и тутъ же, отнявъ посадничество у Петрила, желавшаго войны, отдали его Ивану Павловичу¹²⁹. Приходъ войска, возвратившагося ни съ чѣмъ, подалъ поводъ къ новымъ волненіямъ: сторона, преданная Мстиславичамъ, снова пересилила, и снова Всеволодь пошелъ съ полками воевать землю Ростовскую. На Ждановой горѣ Новгородцы показали необыкновенное мужество, но побѣда осталась не за ними: въ другой разъ возвратились они безъ успѣха. Между тѣмъ, какъ Новгородъ волновался въ слѣдствіе усобицъ князей, послѣдніе не думали прекращать которъ своихъ. Ольговичи, пользуясь враждою въ семьѣ Мономаховой, вздумали дать силу потеряннымъ правамъ своимъ на старшинство. Новгородцы еще не предугадывали, что распри князей, давъ имъ возможность выбора между многими, послужатъ основаніемъ всѣхъ будущихъ вольностей ихъ. Боясь болѣе всего междоусобій, при чемъ князь ихъ не могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ, и необходимо вовлекалъ ихъ въ бесполезныя войны, Новгородцы послали посадника своего Мірослава мирить Мономаховичей съ Ольговичами¹³⁰. Какъ же поступили князья въ этомъ случаѣ? Они не приняли посредничества Новгородцевъ, и каждый началъ переманивать ихъ на свою сторону¹³¹, т. е.

двать имъ право выбора. Вотъ начало права Новгородскаго ка- сательно выбора Князей: оно досталось имъ въ слѣдствіе распри между Ярополкомъ Владиміровичемъ и Всеволодомъ Ольговичемъ, а не дано Ярославомъ I-мъ; Новгородцы не замедлятъ воспользоваться этимъ правомъ, но кого же выберутъ они? Судьба битвы, судъ Божій, по тогдашнимъ понятіямъ, будетъ руководствовать ихъ выборомъ. Победа осталась на сторонѣ Ольговичей; Ярополкъ былъ принужденъ уступить ихъ требованіямъ ¹³². Это обстоятельство поставило Новгородцевъ въ затруднительное положеніе: Князь ихъ Всеволодъ, бывший сперва на сторонѣ Ольговичей, потомъ, примирившись съ дядею, началъ возбуждать ихъ противъ Всеволода Черниговскаго, и такимъ образомъ вовлекалъ ихъ во вражду съ побѣдителемъ. При такомъ положеніи дѣлъ Новгородцы рѣшились пріобрѣсть расположеніе побѣдителя принятіемъ себѣ Князя отъ его руки. Въ 1136 году они изгнали Всеволода; по ихъ объявленію онъ нарушилъ всѣ обязанности Князя: 1) отказывалъ въ защитѣ своей простому народу; 2) нарушилъ клятву, оставаться до смерти своей въ Новгородѣ, ухалъ въ Переяславль, покинулъ городъ въ жертву безначалію; 3) какъ верховный вождь, посрамилъ себя постыднымъ бѣгствомъ въ битвѣ при Ждановой горѣ; 4) вовлекаетъ гражданъ безпрестанно въ войны междоусобныя: сперва вступилъ въ союзъ съ Ольговичами противъ своего рода, теперь идетъ противъ нихъ ¹³³. Но изгнаніе сына Мстиславова не могло обойтись безъ важныхъ послѣдствій: кровопролитныя усобицы Мономаховичей и Ольговичей перенеслись въ Новгородъ со всѣми ихъ ужасами. Множество гражданъ благопріятствовало Всеволоду и не хотѣло переменъ. Въ годъ прибытія Святослава Ольговича лѣтописецъ извѣщаетъ уже о мятежѣ и убійствахъ; не смотря на неудачу своего намѣренія умертвить Ольговича ¹³⁴, приверженцы Всеволода вызвали его опять изъ Вышегорода, гдѣ пріютилъ его незапоматный Ярополкъ; самъ посадникъ Константинъ побѣждал на встрѣчу къ старому князю. Страшный мятежъ возгорѣлся въ Новгородѣ, какъ скоро узнали о прибытіи Всеволода: противная ему сторону пересилила и заставила бѣжать его друзей, которыхъ имущество было разграблено; но во Псковѣ перемогла сторона Всеволодова, и область Новгородская раздѣлилась, какъ Русь: Новгородъ остался за Ольговичами, Псковъ за Мономаховичами ¹³⁵. Всеволодъ умеръ въ томъ же году (1136): Псковитяне взяли на его мѣсто брата его Святополка ¹³⁶. Между тѣмъ Новгородцы увидѣли, что обманулись въ своемъ расчетѣ, взявши Ольговича,

какъ сильнѣйшаго. На Югъ опять приготовлялась война между враждебными родами, и можно было предвидѣть, что успѣхъ не останется на сторонѣ Ольговичей; а на Сѣверѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ владѣніями Мономаховичей, Новгородъ видѣлъ пресращеніе своей торговли, и нуждался въ необходимыхъ жизненныхъ потребностяхъ ¹³⁷.

Но и здѣсь враждебное раздѣленіе, послѣдовавшее въ княжескомъ семействѣ, помогло Новгороду выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Мы видѣли, что причиною торжества Ольговичей было раздвоеніе въ самой семьѣ Мономаха: племянники хотѣли исключить младшихъ дядей изъ старшинства, но едва сами не подпали были исключенію. Такимъ образомъ въ семьѣ Мономаховой произошелъ раздѣлъ между сыновьями старшаго сына его Мстислава и дядьми ихъ; Мстиславичамъ легко было управиться съ слабыми и добродушными Ярополкомъ и Вячеславомъ, но трудно было отстранить отъ притязаній на старшинство и Кіевъ третьяго дядю Юрія Ростовскаго. След. главная борьба должна была происходить между дѣтьми Мстислава и Юріемъ съ передачею въ потомство ихъ. Пользуясь этою страшною борьбою между двумя линиями Мономаховичей, Ольговичи часто успѣваютъ дать силу своимъ утраченнымъ правамъ, часто получаютъ старшинство съ Кіевомъ. Это тройное раздѣленіе потомства Ярослава чрезвычайно важно въ отношеніи исторіи Новгорода, ибо съ одной стороны частая смѣна В. Князей изъ трехъ враждебныхъ линій заставляла Новгородцевъ, постоянно признававшихъ зависимость свою отъ старѣйшаго въ родѣ Ярослава, сообразоваться съ этою смѣною и перемѣнять своихъ князей, что усиливало внутреннія волненія, производимыя приверженцами смѣняемыхъ князей и врагами ихъ; съ другой стороны давала Новгороду возможность выбора изъ трехъ линій, что необходимо усиливало произволь народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивало его требованія, давало ему значеніе народа вольнаго. Такъ Новгородъ, сообразуясь съ перемѣною, послѣдовавшею на Югъ въ пользу Ольговичей, смѣняетъ Мономаховича; будучи приведенъ этою смѣною въ затруднительное положеніе, онъ находитъ средство изъ него выйти безъ всякой потери пріобрѣтеннаго значенія, не имѣетъ нужды признать себя мятежнымъ въ отношеніи къ Ярополку, подчиниться ему на всей волѣ его, онъ можетъ примириться съ Мономаховичами и мимо Князя Кіевскаго, а именно можетъ отдаться въ покровительство

сильнѣйшаго изъ нихъ, т. е. Юрія Суздальскаго: этотъ князь за- щитить его отъ Ольговичей, какъ ближайшій сосѣдь, и примирить съ Мономаховичами, избавивъ отъ униженія принять Святопол- ка, т. е. признать торжество своего пригорода — Пскова; наконецъ призваніе Юрьевича примиряло въ Новгородѣ всѣ стороны: для приверженцевъ фамиліи Мономаха онъ былъ внукъ его, для враговъ Всеволода онъ не былъ Мстиславичемъ. Расчетъ казался вѣренъ: Ростиславъ Юрьевичъ призванъ на столъ Новгородскій ¹³⁸.

Но въ слѣдующемъ году (1139) умеръ Ярополкъ, и Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, изгнавъ Вячеслава Владиміровича, утвердился на старѣйшемъ столѣ Русскомъ. Новгородцы опять стали между двухъ огней, опять война была необходима, опять вовлекались они въ междоусобіе; опять должны были поднять оружіе противъ В. Князя. Юрій, собравшись на Всеволода, потребовалъ войска у Новгородцевъ: граждане рѣшительно отказались поднять руки на В. Князя, какъ прежде отказывались идти противъ Юрія. Отказъ на требованіе отца послужилъ знакомъ къ отъезду сына: Ростиславъ уѣхалъ въ Смоленскъ, Новгородъ остался безъ Князя. Въ такой крайности Новгородцы обратились ко Всеволоду, и принуждены были принять снова Святослава Ольговича, прежде изгнаннаго, т. е. должны были воспламенить въ нѣдрахъ своего города всѣ потухшія было вражды, а между тѣмъ озлобленный Юрій взялъ у нихъ Торжекъ. Новый Князь не забылъ враговъ своихъ, болѣе другихъ бывшихъ причиною его изгнанія: шесть самыхъ знаменитыхъ изъ нихъ были отосланы въ Кіевъ въ оковахъ ¹³⁹. Волненіе усилилось; самъ Святославъ наконецъ соскучился жить среди безпрестанныхъ мятелей; онъ послалъ къ брату жаловаться на Новгородцевъ и просить другаго удѣла ¹⁴⁰. Всеволодъ прислалъ въ Новгородъ взять брата и объявить гражданамъ, что дастъ имъ сына своего. Новгородцы согласились, отправили епископа и лучшихъ гражданъ за сыномъ В. Князя, а между тѣмъ боясь болѣе всего междукняжья, просили Святослава подождать прихода племянникова. Онъ обѣщалъ и потомъ, боясь задержки, тайно ночью убѣжалъ изъ города вмѣстѣ съ посадникомъ Якуномъ, своимъ приверженцемъ. Этотъ поступокъ въ высочайшей степени раздражилъ Новгородцевъ: они догнали бѣглецовъ, взяли Якуша, едва не убили его, выискали большую пенью, и сослали въ Чудь съ братомъ, откуда вывелъ его къ себѣ Юрій Ростовскій, и держалъ съ честью, чтя вѣрность къ Князю

хотя и врагу свосму ¹⁴¹. Раздраженный Всеволодъ задержалъ Епископа и пословъ Новгородскихъ. Тогда послѣдніе, желая избавить себя отъ неволи, а гражданъ своихъ отъ безкняжья, предложили Всеволоду послать въ Новгородъ шурина своего Святополка Мстиславича ¹⁴². Мы уже прежде видѣли, какъ Новгородцы, желая избѣжать враждебныхъ столкновений, старались выбрать себѣ Князя, который болѣе другихъ могъ бы быть нейтральнымъ: такъ и въ этомъ случаѣ они хотѣли согласить выгоды враждебныхъ линій княжескихъ, остаться вѣрными роду Мономахову, а между тѣмъ не перемѣнить отношеній своихъ къ В. Князю: для этого они требуютъ отъ Всеволода къ себѣ въ князя Мономаховича, но его шурина. Всеволодъ, не желая, какъ говорятъ летописецъ, чтобъ Новгородъ перешелъ въ родъ Мономаховъ, не соглашается на просьбу пословъ, продолжаетъ держать ихъ въ Кіевѣ и даетъ Святополку Берестій, съ условіемъ не думать о Новгородѣ ¹⁴³; „пусть посаждать ихъ одни, говоритъ онъ, пусть сами найдутъ себѣ Князя, гдѣ хотятъ ¹⁴⁴“. Тогда Новгородцы, не имѣя возможности сидѣть безъ князя, принуждены были снова обратиться къ Юрію и снова принять въ себѣ Ростислава, а между тѣмъ Всеволодъ, узнавъ о призваніи Юрьевича, согласился отпрать къ нимъ желаннаго Святополка. Что было тогда дѣлать Новгородцамъ? Изъ двухъ золъ они рѣшились выбрать меньшее, т. е. предпочли вражду Юрія враждѣ В. Князя и Мстиславичей: Ростиславъ принужденъ былъ уѣхать, Святополкъ былъ принятъ ¹⁴⁵.

Приездъ желаннаго князя успокоилъ волненія внутреннія: летопись не упоминаетъ болѣе о вѣчахъ; но которыя княжескія не давали покоя Новгороду. По смерти Всеволода Ольговича, Кіевляне свергнули брата его Игоря и передались Изяславу Мстиславичу. Новгородцы не могли желать ничего лучше; ибо теперь отношенія ихъ къ В. Князю совершенно совпадали съ отношеніями ихъ къ роду Мономахову, съ ихъ привязанностію къ потомству старшаго его сына, теперь возобновлялось для нихъ счастливое время Владиміра и Мстислава; но, къ несчастію, обстоятельства уже были не тѣ. Изяславъ занялъ Кіевъ мимо дядей; Юрій Ростовскій не могъ смотрѣть равнодушно на такое нарушеніе правъ своихъ, и пылалъ неукротимою ненавистію къ племяннику ¹⁴⁶, а этотъ Юрій былъ ближайшій сосѣдь Новгороду, могъ, по волѣ, заморить его голодомъ, прекратить торговлю. Ни

походъ Святополка со всею областью Новгородскою ¹⁴⁷ на владѣнія Юрія, ни мирныя предложенія, подкрѣпляемыя увѣщаніями Епископа Нифонта, мужа святаго, повсюду славнаго своею ревностію къ правдѣ, ничто не могло укротить Долгорукаго ¹⁴⁸: онъ требовалъ непременно, чтобы Новгородцы измѣнили В. Князю и снова приняли Ростислава, и не хотѣлъ слушать пословъ Новгородскихъ, представлявшихъ ему, что Новгородъ не можетъ измѣнить В. Князю и вмѣстѣ сыну Мстислава, роду котораго они прже клялись въ вѣрности, но пусть Юрій станетъ В. Княземъ, и тогда Новгородцы будутъ повиноваться ему ¹⁴⁹. Своевольная пересылка съ заклятымъ врагомъ, обещаніе повиноваться ему въ случаѣ удачи его замысловъ, все это раздражило Изяслава: онъ послалъ выговоръ Новгородцамъ за ихъ непостоянство, и думая, что сынъ будетъ вѣрнѣе брата, послалъ къ нимъ Ярослава Изяславича и вывелъ Святополка во Владиміръ ¹⁵⁰, а между тѣмъ собравши сильную рать, двинулся на сѣверъ, дабы защитить свой Новгородъ ¹⁵¹ отъ Юрія. Новгородцы, услышавъ о приближеніи В. Князя, изъявили необыкновенную радость, и выразили всю свою привязанность къ роду Мстиславову: многіе вышли къ нему на встрѣчу за три дня пути, другіе за день пути. Вступивъ съ такимъ торжествомъ въ городъ, Изяславъ отблагодарилъ гражданъ великозпнымъ пиროмъ для всего народа и, созвавъ вѣче, объявилъ, что пришелъ нарочно изъ Руси защитить ихъ отъ злобы Юрія, но что отдастъ на ихъ волю — воевать или мириться. Отвѣтамъ были трогательныя восклицанія: „ты нашъ Князь! ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ! ради съ тобою мстить свои обиды, пойдемъ всѣ отъ мала до велика, пусть останутся одни только духовные молить за насъ Бога!“ ¹⁵². Изяславъ выступилъ въ походъ и причинилъ страшное опустошеніе области Юрьевой; только оттепель заставила его возвратиться назадъ. Исполнивъ свою обязанность въ отношеніи къ Новгороду, Изяславъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ ожидала его превратность счастія. Юрій оставался спокойнымъ, по крайней мѣрѣ не дѣйствовалъ решительно противъ племянника, пока В. Князь ласкалъ сына его Ростислава, приютивъ его въ Руси и давъ пять городовъ во владѣніе. Но узнавъ, что Ростиславъ лишился своего удѣла по несправедливости Изяслава, повѣрившаго клеветникамъ, Юрій съ горестію воскликнулъ: „не ужель и дѣтямъ моимъ не будетъ чести въ Руси!“ и пошелъ на Кіевъ. Началось страшное междоусобіе, ка-

кого никогда еще не бывало на Руси: Кіевъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Что же дѣлали тогда Новгородцы? Не должны ли они были, следуя за переходомъ Кіева, инять своихъ князей, намѣстниковъ Великаго, не говорили ли они Юрію, что будутъ повиноваться ему, какъ скоро онъ добудетъ Кіевъ? Не должны ли были уособицы Русскія отразиться и въ Новгородѣ? Они отразились: лѣтописецъ говорить, что народъ былъ нарушенъ.

Для его возстановленія Новгородцы прибѣгнули къ своему постоянному правилу выбирать князя, который былъ бы угоденъ всѣмъ враждующимъ сторонамъ: для этого они смѣняютъ Ярослава Изяславича и берутъ дядю его Ростислава изъ Смоленска, ибо Ростиславъ былъ любимъ Юріемъ ¹⁵⁴. Этимъ удачнымъ выборомъ они сохранили вѣрность ко Мстиславичамъ и примирились съ Юріемъ, который оказалъ имъ большое расположеніе, отпустивъ Епископа ихъ Нифонта, заключеннаго Изяславомъ за несогласіе на выборъ Митрополита Климента. Однако Новгородцы хитрили напрасно; смерть Изяслава опять перемѣнила порядокъ дѣлъ: Ростиславъ, вызванный дядею Вячеславомъ, покинулъ Новгородъ, для Кіева, оставивъ въ немъ сына Давида; волненія усилились. Мы видѣли, какъ раздражало Новгородцевъ удаленіе князей; теперь Ростиславъ разрушилъ всѣ ихъ планы и надежды: Ростиславу не удержать Кіева вопреки правамъ Долгорукаго, расположеніе послѣдняго къ нему теперь должно перемѣниться во вражду, тогда что станется со владѣніями сѣверными, съ богатыми даями, которыя безпрестанно будетъ останавливать князь Ростовскій. Новгородцы призвали Рюрика изъ-за моря для возстановленія внутренняго спокойствія: Ростиславъ только увеличилъ мятежъ. Граждане, озлобленные на отца, указали путь сыну, и послали къ Юрію просить князя; онъ отправилъ къ нимъ сына Мстислава ¹⁵⁵. Но уособицы не прекратились на Руси: не могли прекратиться и волненія Новгородскія. Вячеславъ уморъ; Изяславъ Давыдовичъ изгналъ Ростислава изъ Кіева, но самъ, въ свою очередь, былъ изгнанъ Юріемъ Ростовскимъ. Тишина была возстановлена, но не на долго. Ростовскаго Князя не терпѣли на Югѣ; Мстиславичи и Давыдовичъ соединились для его изгнанія. Смерть Юрія предотвратила кровопролитіе въ Руси, но была поводомъ къ страшному мятежу въ Новгородѣ. Здѣсь нѣкоторые граждане, вѣрные своей зависимости только отъ В. Князя и приверженные къ роду Мстислава, вызываютъ Ростислава Мстисла-

вича; но Юрьевичъ успѣлъ пріобрѣсть себѣ приверженцевъ: торговля сторона стала за него, и усобица между Мстиславичами и Юрьевичами повторилась въ Новгородѣ. Однако дѣло не дошло до кровопролитія; прибытіе сыновей Ростиславовыхъ, а потомъ и самаго Ростислава, усилило приверженцевъ ихъ и заставило Мстислава уступить. Ростиславъ вознаграждалъ Новгородцевъ за прежній свой поступокъ: онъ примирилъ стороны, учинилъ нарядъ, и оставивъ сына Святослава въ Новгородѣ, а Давида въ Торжкѣ, отправился назадъ въ Смоленскъ ¹⁵⁶.

Скоро Ростиславъ былъ позванъ племянникомъ на столъ Кіевскій. Казалось это обстоятельство упочить тишину въ Новгородѣ, но вышло противное. Ближайшимъ соседомъ вольныхъ людей былъ сынъ Долгорукаго, который, сидя въ своемъ Владиміръ, ненавидѣлъ старые города и замышлялъ быть *самовластцемъ* на Сѣверъ ¹⁵⁷. Желая получить старшинство надъ всеми князьями и зная, что Новгородъ есть неотъемлемая собственность В. Князя, Андрей послалъ сказать его гражданамъ: „да будетъ вамъ вѣдомо: хочу искать Новгорода и добромъ и лихомъ ¹⁵⁸.“ Услышавъ грозное слово, Новгородцы не знали, что дѣлать: нослѣдовали сматенія и частыя вѣча ¹⁵⁹. Не желая оскорбить В. Князя Кіевскаго, сына любезной памяти Мстислава, они начали дѣйствовать полумѣрами, надѣясь, что Святославъ догадается и самъ выведетъ отъ нихъ. Для этого они просили его, чтобъ выслалъ брата Давида изъ Торжка, ибо содержаніе двухъ князей тяжело для ихъ области ¹⁶⁰. Святославъ исполнилъ просьбу, однако не казался оскорбленнымъ и не думалъ оставить города. Тогда граждане принуждены были приступить къ мѣрамъ рѣшительнымъ: они выслали его въ Ладогу, и отправили пословъ къ Андрею за княземъ. Князь Владимірскій далъ имъ племянника Мстислава Ростиславича. Но это не положило конца Новгородскимъ бѣдамъ: Андрей не любилъ племянниковъ; притомъ же скоро заключенъ былъ рядъ между нимъ и Ростиславомъ ¹⁶¹, на основаніи котораго Новгородъ переходилъ къ Ростиславу. В. Князь Кіевскій отправлялъ снова въ Новгородъ сына Святослава: что могли Новгородцы противъ согласной воли двухъ князей, двухъ сильнѣйшихъ властителей въ Россіи? Святославъ, пользуясь своимъ положеніемъ и помня оскорбленіе, причиненное ему Новгородцами, потребовалъ отъ нихъ покорности безусловной ¹⁶², и они принуждены были принять его *на осей воли его*. Последнее выраженіе въ первый разъ упомянуто здѣсь лѣтописцемъ. Если Свято-

славъ былъ принять на всей волѣ его, то мы должны прямо заключить, что предшественники его были принимаемы на всей волѣ Новгородской, т. е. что прежде Святослава начали заключаться между Новгородомъ и Князьими условія, наложеніе которыхъ находимъ въ послѣдующихъ грамотахъ. Иначе и быть не могло въ смутное время, послѣдовавшее за смертію Мстислава Владиміровича. Такимъ образомъ, принявъ вторично Святослава Ростиславича, Новгородцы вошли къ нему и отцу его въ тоже отношеніе, въ какомъ находились ко Мстиславу и отцу его Мономаху, ко Всеволоду, и отцу его Мстиславу. Вторичное принятіе Всеволода Мстиславича, послѣ бѣгства его изъ Переяславля, съ достовѣрностію можно считать временемъ, въ которое возникли первыя условія, первый рядъ Новгородцевъ съ княземъ; вторичное принятіе Святослава, когда онъ данъ былъ Новгородцамъ противъ воли ихъ силою двухъ соединенныхъ князей, нарушало установившійся было порядокъ вещей и снова подчиняло Новгородцевъ неограниченной власти князя. Это лишеніе пріобрѣтенныхъ вольностей произвело сильную ненависть Новгородцевъ къ Святославу, которая видна будетъ изъ послѣдующихъ событій. Первымъ дѣломъ неограниченной власти Святослава была сѣвна посадника ¹⁶³. Нежата былъ врагомъ Святослава: онъ былъ избранъ послѣ его изгнанія. Новгородцы не стерпѣли новаго порядка дѣлъ: Святославъ встрѣчалъ безпрестанныя црепоны своей волѣ. Услыхавъ объ этомъ, В. К. Ростиславъ отправился самъ изъ Кіева въ Новгородъ, дабы вторично учинить тамъ народъ ¹⁶⁴; заболѣвъ тяжело въ Великихъ Лукахъ, онъ не повхалъ далѣе, вызвалъ туда сына и знатнѣйшихъ гражданъ Новгородскихъ и взялъ съ нихъ клятву повиноваться Святославу ¹⁶⁵. Но едва узнали въ Новгородѣ о смерти Ростислава, какъ уже недовольные начали собирать вѣча по домамъ. Приверженцы Святослава уведомили его объ опасности; князь созвалъ дружину и спрашивалъ совѣта; отвѣтъ былъ единогласенъ: „Надобно промышлять намъ самимъ о себѣ, а то объ насъ начнутъ промышлять другіе ¹⁶⁶.“ Святославъ выгналъ изъ Новгорода, засылъ въ Великихъ Лукахъ, и послалъ оттуда сказать Новгородцамъ: „не хочу быть вашимъ княземъ!“ Долго сдерживаемая злоба выразилась во всей силѣ; Новгородъ въ первый разъ явилъ примѣръ народнато изступленія: граждане поклялись Богородицею не хотѣть Святослава, собрали полки и пошли на него. Святославъ удалился къ Торонду, а Новгородцы послали въ Русь къ новому В. Князю Мстиславу Изяславичу за сыномъ ¹⁶⁷. Съ этого времени исторія Новгорода принимаетъ другой характеръ. Мы видимъ, что сначала Новгородцы безу-

словно повиновались В. Князьямъ, что продолжалось до смерти Мстислава Владиміровича Мономашича. Послѣ злыя которы, возникшія въ Руси между князьями, появленіе трехъ соперничающихъ линій, высвободили Новгородцевъ изъ-подъ вліянія Великихъ Князей, дали имъ возможность выбора, дали возможность предлагать условія избранному князю. Въ продолженіе этого періода отъ смерти Мстислава Великаго до вторичнаго прихода Святослава Ростиславича Новгородцы постоянно слѣдуютъ за смѣною В. Князей, и стараются избрать въ ихъ намѣстники къ себѣ угоднаго всѣмъ враждебнымъ сторонамъ или, по крайней мѣрѣ, сильнѣйшей изъ нихъ. Святославъ Ростиславичъ сдѣлалъ первую попытку принудить Новгородцевъ отказаться отъ пріобрѣтенныхъ вольностей. Эта попытка вызвала со стороны Новгородцевъ энергію, которую доселѣ въ нихъ не замѣчали, а между тѣмъ попытка Святослава не останется безъ повторенія: подлѣ Новгорода образовалось княжество, новая Русь, въ которой господствуетъ совершенно иной порядокъ вещей; здѣсь явился первый Самовластецъ, который утвердилъ свое пребываніе въ пригородѣ и началъ страшную, долгомѣтную борьбу между Старою и Новою Русью, между Русью Старыхъ и Новыхъ городовъ, между Русью со старыми родовыми отношеніями, и Русью съ господствомъ понятія собственности, владѣнія, постоянно въ родѣ остающагося. Новгородъ долженъ принять самое дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, какъ представитель городовъ старыхъ; скоро южная Русь будетъ подавлена Татарами, и надолго отторгнута Литвою отъ сѣверной; одинъ Новгородъ останется представителемъ стараго порядка вещей, стараго быта Руси; послѣдній изъ городовъ Славянскихъ, онъ долго будетъ защищать свою Славянскую особность, свой бытъ, отрѣщенный отъ общей жизни цѣлаго народа, свое право жить особо и владѣть самъ собою, имѣть свой обычай. До сихъ поръ Новгородъ выражалъ негодованіе на которы княжескія, ибо онъ лишали его спокойствія, подавали поводъ къ народнымъ волненіямъ, вовлекали въ войны дальнія и безплодныя; теперь онъ узналъ пользу ихъ для себя, узналъ выгоду въ безпрестанной смѣнѣ князей, узналъ, какъ опасно ихъ соединеніе, какъ опасна ихъ сила, теперь онъ начнетъ дѣйствовать иначе: онъ будетъ радоваться продолженію княжескихъ которы, будетъ стараться объ ихъ продолженіи, о продолженіи стараго быта Руси. Въ своемъ ожесточеніи противъ Святослава Новгородцы забыли прежнее благородіе, не разочли, что требуя князя отъ Мстислава Кіевскаго, они возбуждаютъ противъ себя гнѣвъ могущественнаго Андрея,

вѣтерпѣвшаго Мстислава ¹⁶⁸, точно такъ какъ отецъ его не терпѣлъ отца Мстиславова. Святославъ удалился изъ Торопца на Волгу; получивъ помощь отъ Андрея, онъ сжегъ Торжекъ, жители котораго удалились къ Новгороду; дома и села ихъ были истреблены. Съ другой стороны братья Святослава, Князья Смоленскіе, сожгли В. Луки; Полочане пристали также къ Смоленцамъ и Суздальцамъ; союзники захватили всѣ пути и не пропускали никакого извѣстія изъ Новгорода въ Кіевъ; они хотѣли силою дать Святослава Новгородцамъ, говоря: „нѣтъ вамъ другаго князя, кромѣ Святослава!“ Но это еще болѣе ожесточило Новгородцевъ: они убили посадника Захарію и съ нимъ еще двоихъ чиновниковъ, считая ихъ приверженцами Святослава, и дали посадничество умному Якуну, который прославился отраженіемъ Святослава отъ Русы. При помощи энтузіазма, примирившаго всѣ стороны, Якунь одинъ могъ управлять Новгородомъ въ долгое между княжье, а между тѣмъ Даниславъ Лазутиничъ успѣлъ пробраться изъ Новгорода въ Кіевъ ко Мстиславу ¹⁶⁹. Въ 1168 году прибылъ наконецъ Романъ Мстиславичъ изъ Кіева на столъ Новгородскій, и Новгородцы обрадовались исполненію своего желанія. Храбрый Романъ тотчасъ пошелъ мстить за ихъ обиды: онъ опустошилъ область Полоцкую и пожегъ Торопецъ ¹⁷⁰. Но между тѣмъ прибытіе Романа въ Новгородъ еще болѣе раздражило Андрея противъ Мстислава ¹⁷¹. Пользуясь неудовольствіемъ большаго числа князей на В. Князя Кіевскаго, Андрей рѣшился отыскивать старшинства: онъ собралъ страшную рать и послалъ ее къ Кіеву; Мстиславъ не могъ противиться соединеннымъ усиліямъ одиннадцати князей. Старшинство Андрея было признано, но Князь Владимірскій, пренебрегшій прежде Великимъ Ростовомъ, теперь пренебрегъ матерью городовъ Русскихъ, и остался въ своемъ пригородѣ: дурное предвѣщаніе для Великаго Новгорода!

Управившись со Мстиславомъ, Андрей приготовлялся управиться и съ сыномъ его, княземъ Новгородскимъ. Узнавъ, что Даниславъ Лазутиничъ, славный умнѣемъ своимъ пробиваться сквозь полки непріятельскіе и вѣрно исполнять повелѣнія Государя Новгорода, пошелъ за Волокъ для собранія даней, Андрей выслалъ противъ него войска. Новгородскій отрядъ состоялъ только изъ 400 человекъ, Суздальцевъ было 7000; но Даниславъ не испугался множества непріятелей, истребилъ у нихъ 1300 человекъ, отступилъ съ потерею 15 человекъ своихъ, потомъ возвратился

опять, взялъ дань съ Двинянъ, да еще другую съ жителей Суздальской области, и прибылъ благополучно въ Новгородъ ¹⁷². Тогда Андрей вознамѣрился нанести ударъ рѣшительный: онъ послалъ на Новгородъ всю землю просто Русскую, по выраженію летописца ¹⁷³. Новгородцы знали, что уступить силъ значить подвергнуться насилію, принять князя на всей волѣ его, нажить себѣ новаго Святослава, и потому рѣшились обороняться съ Романомъ и Якуномъ. Мстиславъ Андреевичъ обложилъ городъ, но скоро былъ наказанъ за собственную неосторожность: онъ опустошилъ всѣ окрестности, слѣдствіемъ чего былъ страшный голодъ въ полкахъ Суздальскихъ; сынъ Боголюбскаго принужденъ былъ отступить безъ успѣха, и потерялъ множество людей, подобранныхъ Новгородцами ¹⁷⁴.

Новгородъ освободился отъ опасности, но не могъ долго оставаться во враждѣ съ В. Княземъ: угрозы его продолжались, а между тѣмъ дороговизна усиливалась въ городѣ, лишенномъ сообщенія съ восточными областями; притомъ по смерти соперника Андреева, Мстислава Изяславича, онъ долженъ былъ подчиниться В. К. Владимірскому, какъ единственному. Пользуясь несчастнымъ отступленіемъ Андреева войска, Новгородцы послали во Владиміръ просить себѣ князя ¹⁷⁵: здѣсь они явились опять въ видѣ вольныхъ просителей, и слѣд. съ правомъ предложить условіе; Андрей, освобождаемый ихъ покорностію отъ необходимости употребить снова оружіе, согласился на условія и отправилъ къ нимъ Рюрика Ростиславича, брата Святославова: Новгородцы снова получили князя на всей волѣ своей ¹⁷⁶. Братъ Святослава не долго жилъ въ Новгородѣ; отнявъ посадничество у Жирослава, въ тотъ же годъ самъ добровольно оставилъ столъ свой. Граждане отправили къ Андрею посольство просить князя; В. Князь обѣщалъ прислать сына, а на время отправилъ къ нимъ опять посадникомъ Жирослава, нашедшаго во Владимірѣ убѣжище отъ гоненій Рюриковыхъ. Въ слѣдующій годъ явился въ Новгородъ княжить Георгій Андреевичъ, а Архіепископъ Илья ходилъ къ В. Князю для приведенія въ порядокъ дѣлъ Новгородскихъ ¹⁷⁷, слѣдствіемъ чего было врученіе посадничества Ивану Захарьичу ¹⁷⁸.

Въ 1174 году Андрей былъ убитъ; Ростовцы взяли къ себѣ на столъ сына старшаго брата его Ростислава; новый Князь послалъ смѣнить князя Новгородскаго, и на мѣсто его далъ сво-

его сына. Возникли неуройства въ новомъ В. Княженіи, и Новгородцы были предоставлены самимъ себѣ. Изгнанный Михаиломъ Юрьевичемъ изъ Ростовской области, Мстиславъ Ростиславичъ пришелъ самъ въ Новгородъ и сѣлъ на мѣсто сына. По смерти Михаила, позванный снова Ростовцами, и снова побѣжденный Всеволодомъ Юрьевичемъ, онъ явился въ Новгородъ, но не былъ принятъ гражданами, оскорбленными его удаленіемъ; они послали просить князя у Всеволода и получили племянника его Ярослава Мстиславича. Однако на слѣдующій годъ Новгородцы раскаялись въ изгнаніи Мстислава, узнавъ, что онъ чудеснымъ образомъ получилъ въ Смоленскѣ зрѣніе ¹⁷⁹; они взяли его вмѣстѣ съ братомъ Ярополкомъ, думая, что Всеволодъ не вооружится на мужей, любимыхъ Богомъ; но В. Князь думалъ иначе. Когда Новгородцы по смерти Мстислава, случившейся тотчасъ по прибытіи его въ Новгородъ, посадили княземъ брата его Ярополка, Всеволодъ велѣлъ задержать купцовъ ихъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ знакѣ великокняжескаго гнѣва, Новгородцы поспѣшили выслатъ Ярополка; но князь новыхъ городовъ замыслилъ уже примышлять къ своей собственности: онъ отправился къ Торжку, и требовалъ отъ жителей его подданства и ежегодной дани; они обѣщались, но замедлили исполненіемъ: тогда В. Князь взялъ городъ и предалъ его разграбленію. Узнавъ что Всеволодъ, не довольствуясь покорностію, забираетъ ихъ владѣнія, Новгородцы снова обратились къ Смоленскимъ Ростиславичамъ и приняли изъ нихъ Романа ¹⁸⁰. Романъ не долго оставался въ Новгородъ, уѣхалъ добровольно въ Смоленскъ, а на его мѣсто Новгородцы послали звать брата его, знаменитаго Мстислава.

Здѣсь начинается союзъ Новгорода съ двумя Мстиславами—отцемъ и сыномъ, знаменитѣйшими изъ князей, потомковъ старшаго сына Мономахова. Интересы Новгорода и обоихъ Мстиславовъ были одинакіе: какъ тотъ, такъ и другіе хотѣли поддержать старыи порядокъ вещей противъ новаго, поддержать родовыя отношенія между князьями, и вмѣстѣ съ тѣмъ старыи бытъ старыхъ городовъ. Мстиславъ сначала не хотѣлъ идти въ Новгородъ, увлекаемый, подобно предкамъ, сильною любовію къ Руси, къ Кіеву, но, уговоренный братьями, отправился въ старѣйшій изъ городовъ ¹⁸¹.

Въ Ноябрь пришелъ храбрый на столъ свой, а на зиму уже пошелъ мстить обиды Новгородскія: онъ пожегъ всю Чудскую землю, а жителей загналъ къ морю¹⁸². Но не судьба была Новгородцамъ имѣть князя по сердцу: среди воинскихъ замысловъ храбрый былъ пораженъ смертію. Теперь Новгородцамъ предлежалъ выборъ, у котораго изъ В. Князей требовать намѣстника, у Кіевскаго Святослава Всеволодовича или Владимірскаго Всеволода III-го. Не трудно было рѣшиться: Всеволодъ показалъ уже свою неприязнь къ Новгороду, показалъ, что былъ сыномъ Долгорукаго и братомъ Боголюбскаго; Новгородцы обратились къ Святославу и взяли въ князя сына его Владиміра¹⁸³. Скоро возгорѣлась война между обоими В. Князьями; Святославъ пошелъ на Всеволода и вызвалъ на помощь сына съ Новгородцами¹⁸⁴. Всеволодъ, котораго характеръ имѣеть необыкновенное сходство съ характеромъ поздняго потомка его Іоанна III, подобно послѣднему отличался необыкновенною осторожностію въ битвахъ: онъ остановился въ непреступныхъ мѣстахъ и никакъ не хотѣлъ начать бой съ полками Святослава; послѣдній принужденъ былъ удалиться ни съ чѣмъ, и отправился въ Новгородъ¹⁸⁵, который тогда впервые увидалъ въ стѣнахъ своихъ В. Князя изъ Ольговичей. Скоро противники примирились; Святославъ уступилъ Новгородъ Всеволоду, по послѣдній, любя племянницу свою, жену Владиміра Новгородскаго, оставилъ послѣдняго спокойно княжить¹⁸⁶. Это спокойствіе продолжалось недолго: Новгородцы имѣли неосторожность посадить въ Торжокъ Ярополка Ростиславича, заклятаго врага Всеволодова. Ярополкъ началъ своевольно раззорять Суздальскія области; Всеволодъ осадилъ его, взялъ въ плѣнъ, выжегъ Торжокъ, и жителей его увелъ въ оковахъ во Владиміръ. Новгородцы, уstraшенные неравною борьбою съ Княземъ Владимірскимъ, дабы умилостивить его, просили Владиміра Святославича вѣхатъ изъ города, и послали ко Всеволоду просить князя отъ руки его: они получили Ярослава Владиміровича, внука Мстислава Великаго¹⁸⁷. Новый князь не учинилъ наряда въ Новгородъ: побужденный безпрестанными жалобами гражданъ, Всеволодъ вывелъ его отъ нихъ и не имѣя никого около себя, позволялъ имъ выбрать кого хотять изъ племени Владимірова: они выбрали Мстислава, сына Давида Смоленскаго¹⁸⁸.

Выведенный князь оставилъ по себѣ приверженцевъ, и потому правленіе Мстислава Давыдовича не могло быть спокойно.

Въ 1185 году шумное вѣче окончилось кровопролитіемъ , а въ слѣдующемъ году приверженцы Ярослава переселили , показали путь Мстиславу и послали просить Всеволода отпустить къ нимъ опять Ярослава ¹⁸⁹. Восемь лѣтъ протекли спокойно въ Новгородѣ , благодаря спокойствію на Сѣверѣ , гдѣ Всеволодъ твердою рукою держалъ правленіе. Въ 1195 году возгорѣлась война между Ольговичами и Мономаховичами. Всеволодъ , собравшись въ походъ , велѣлъ и Новгородцамъ за собою слѣдовать ; они не ослушались : огнищане , гридьба и купцы выступили въ походъ , но едва прибыли въ Торжекъ , какъ получили отъ В. Князя приказаніе возвратиться. Думая , что послушаніемъ заслужили расположеніе Всеволода , Новгородцы отправили во Владиміръ посадника Мирошку и съ нимъ еще двоихъ знатныхъ гражданъ просить у Всеволода сына вмѣсто свояка. Всеволодъ , озабоченный войною съ князьями Черниговскими и негодуя на доуки Новгородцевъ , задержалъ пословъ , не обратилъ вниманія на вторичное посольство , молившее объ отпущеніи задержанныхъ , и повелъ ихъ съ собою въ походъ. По вступленіи его въ области Черниговскія дѣло не дошло до кровопролитія ; заключенъ былъ миръ между враждующими князьями , при чемъ они согласились , чтобъ Новгородъ оставался нейтральнымъ и выбиралъ себѣ князя изъ какой линіи хочетъ ¹⁹⁰. Это второе позволеніе , которое Новгородцы получили отъ князей выбрать себѣ правителя по волѣ ¹⁹¹. Всеволодъ согласился на это условіе , зная , что Новгородъ не избѣгнетъ его власти и самъ отречется отъ права бесполезнаго. Возвратившись домой , В. Князь отпустилъ въ Новгородъ одного изъ задержанныхъ , но другихъ оставилъ у себя. Новгородцы , оскорбленные этимъ поступкомъ , и желая воспользоваться выше-сказаннымъ правомъ , выгнали Ярослава и послали къ Черниговскому князю за сыномъ ¹⁹². Но уже прошло то время , когда изгнанные князья выѣзжали , не думая о мести ; уже Святославъ Ростиславичъ , надѣясь на помощь Андрея , не хотѣлъ спокойно оставить области Новгородскія ; Ярославъ Владиміровичъ послѣдовалъ его примѣру : онъ засѣлъ въ Торжкѣ , и спокойно бралъ дани по верху , Мстѣ и даже за Волокомъ , а В. Князь перехватывалъ вездѣ Новгородцевъ и не пускалъ изъ Владиміра ¹⁹³. Тогда сильная сторона Ярославова опять восторжествовала ¹⁹⁴ : рѣшено было выслатъ Ярополка Ярославича Черниговскаго и снова принять Ярослава. Всеволодъ , не желая , чтобъ Новгородцы присвоивали себѣ право ссориться и мириться съ своими князь-

яни безъ вѣдома Великаго, вызвалъ Ярослава изъ Торжка во Владиміръ, и заставилъ Новгородскихъ пословъ пріѣхать за нимъ туда и просить его отъ руки В. Князя ¹⁹⁵. Самые лучшіе граждане отправлены были послами: они едва могли испросить прощеніе, и должны были отдаться на всю волю В. Князя ¹⁹⁶. Такъ во второй разъ Новгородъ лишился пріобрѣтенныхъ вольностей; съ этихъ поръ Всеволодъ началъ поступать съ Новгородомъ, какъ поступалъ Мономахъ и старшій сынъ его: въ 1199 году онъ вызвалъ Ярослава, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ явиться Епископу, посаднику и лучшимъ гражданамъ за сыномъ своимъ, десятилѣтнимъ Святославомъ. На дорогѣ преставился Епископъ Мартирій: Всеволодъ, вопреки старому обычаю Новгородцевъ — выбирать Владыку на вѣчь, самъ выбралъ и послалъ къ нимъ Епископа Митрофана, котораго потомъ отправили къ Митрополиту на поставленіе съ Новгородскими мужами и Всеволодовыми ¹⁹⁷. Тишина водворилась въ Новгородъ, какъ во времена Мономаха. Черезъ пять лѣтъ Всеволодъ вывелъ Святослава за малолѣтствомъ, и прислалъ старшаго сына своего, Константина: Новгородцы обрадовались, увидавъ у себя взрослого и самостоятельнаго князя, избавлявшаго ихъ отъ управленія бояръ Владимірскихъ, опекуновъ Святославовыхъ. Смѣна князя повлекла за собою, по обыкновенію, смѣну посадника ¹⁹⁸. Въ 1208 году В. Князь показалъ въ Новгородъ всё свое самовластіе, ибо условіе не казнить безъ объявленія вины не существовало болѣе: онъ послалъ въ Новгородъ мужа своего Лазаря и посадникова брата, Бориса Мирошкинича, съ повелѣніемъ убить какого-то Алексѣя Сбыславича на дворѣ Ярослава, и убили его *безъ вины*, прибавляетъ лѣтописецъ ¹⁹⁹. Въ 1209 году пошелъ Всеволодъ на Черниговъ ²⁰⁰ и велѣлъ Новгородскому князю съ полками слѣдовать за собою въ походъ. Войска соединились въ Москвѣ, но вмѣсто Чернигова пошли на Рязань. Довольный Новгородцами за ихъ храбрость, В. Князь отпустилъ ихъ изъ Коломны домой, одаривъ безъ числа и, такъ какъ онъ оставялъ Константина при себѣ, то въ отсутствіе князя позволилъ имъ управиться по прежнему съ нелюбимыми чиновниками, сказавъ: „любите добрыхъ и казните злыхъ.“ Новгородцы обрадовались случаю: они ненавидѣли посадника Дмитрія Мирошкинича за его корыстолюбіе, и такъ какъ посадникъ самъ, по причинѣ ранъ, оставленъ былъ В. Княземъ во Владиміръ, то граждане созвали вѣче на братьевъ его (которыя, какъ мы видѣли, были ревностными исполнителями воли В. Князя вопреки правамъ

В. Новгорода), зажгли ихъ дома, разграбили имущество, поклялись не держать у себя дѣтей Дмитріевыхъ и просили прибывшаго между тѣмъ князя Святослава Всеволодовича отправить ихъ въ Ростовскую область въ заточеніе.

Новгородцы думали, что Всеволодъ возвратилъ имъ опять прежнія вольности, но обманулись въ своей надеждѣ. Святославъ началъ поступать по Суздальскому обычаю, т. е. не обращая вниманія на старые ряды Новгородцевъ съ князьями. Нѣкоторые изъ оскорбленныхъ имъ гражданъ попытались возвратить прежній порядокъ вещей, принять князя на всей своей волю, и между тѣмъ такого, который бы умѣлъ защитить ихъ отъ гнѣва В. Князя. Въ Торопцѣ княжилъ тогда знаменитый сынъ славнаго отца, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, наследственный врагъ потомства Юріева и вводимаго имъ новаго порядка вещей. Новгородцы обратились къ нему съ просьбою избавить ихъ отъ насилія Суздальскаго. Удалой согласился. Зная однако, что въ случаѣ избранія его Новгородцами мѣсть Всеволода падеть на несчастный Торжекъ, Мстиславъ поспѣшилъ занять этотъ городъ и оттуда послалъ ко Св. Софіи предложить гражданамъ избавленіе отъ насилій; Новгородцы охотно его приняли, а Святослава заключили въ домъ архіепископскомъ. Новый князь немедленно отправился въ походъ на встрѣчу рати Всеволодовой; однако дѣло не дошло до кровопролитія: В. Князь, боясь за сына своего, задержаннаго Новгородцами, зная необыкновенную храбрость и воинское искусство Удалаго, помня пораженіе, претерпѣнное войскомъ могущественнаго Андрея отъ отца Мстиславова, примирился съ Новгородцами и Княземъ ихъ, довольствуясь тѣмъ, что Святославъ былъ освобожденъ и Мстиславъ призналъ себя сыномъ В. Князя, который, съ своей стороны, отпустилъ всѣхъ захваченныхъ имъ купцовъ Новгородскихъ. Такъ рассказываетъ это событіе летопись Новгородская и нѣкоторые другіе списки; совершенно иначе представляетъ дѣло Татищевъ: В. Князь, по словамъ его, отправилъ на Мстислава троихъ сыновей своихъ Константина, Юрія и Ярослава; Новгородцы испугались и послали къ Константину просить мира, отправивъ вмѣстѣ и захваченнаго ими Святослава и надлежащую В. Князю дань. Константинъ, слѣдуя всегдашней своей умѣренности, вопреки совѣту младшихъ братьевъ, согласился на миръ, въ слѣдствіе котораго Мстиславъ удалился назадъ въ Торопецъ, и на его мѣсто В. Князь прислалъ сына своего Владиміра. Новгородцы, видя тщету своего возстанія, излили ярость на тѣхъ, которые

уговорили ихъ къ нему: они хотѣли умертвить друзей Мстиславовыхъ, и едва были укрощены Владыкою. Но въ 1211 году Новгородцы снова послали за Мстиславомъ; тогда Владиміръ, опасаясь участи брата, ухалъ тотчасъ къ отцу, а Мстиславъ безпрепятственно вступилъ въ Новгородъ и удержался въ немъ ²⁰¹. Къ этому-то второму вступленію Мстислава въ Новгородъ и должно отнести договоръ его со Всеволодомъ о старшинствѣ послѣдняго. В. Князь, чувствуя приближеніе смерти и ослабѣвъ духомъ, вѣроятно не хотѣлъ оставить дѣтямъ своимъ непримиримаго врага въ особѣ храбрѣйшаго изъ потомковъ Мономаховыхъ. Какъ бы то ни было, Новгородцы освободились отъ В. Князя Владимірскаго и приняли къ себѣ князя на всей волѣ своей; но ихъ хотѣніе исполнялось не долго. Въ 1215 году Мстиславъ, призываемый дѣлами на Югъ, оставилъ Новгородъ, не назначивъ преемника, но давъ гражданамъ волю выбрать себѣ князя какого хотятъ ²⁰². Новгородцы долго думали, наконецъ послали за Ярославомъ Всеволодовичемъ, братомъ новаго В. Князя Владимірскаго, Юрія II-го. Мы видимъ, какъ въ Ростовской области борьба старшихъ городовъ съ младшими, или пригородами, и побѣда послѣднихъ, повлекли за собою преимущество младшаго брата надъ старшимъ, торжественно признанное Всеволодомъ III въ слѣдствіе непослушанія старшаго сына его Константина, хотѣвшаго-было возвратить прежній порядокъ вещей. Всеволодъ III умеръ; ни Ростовцы, ни князь ихъ не хотѣли подчиниться волѣ покойнаго; вражда между братьями нѣсколько разъ вспыхивала, но Константинъ не имѣлъ довольно силы противиться Юрію: скоро дождался онъ вѣрнаго союзника. Братъ его Ярославъ принесъ въ Новгородъ Владимірскія привычки; Новгородцы не отставали отъ своихъ обычаевъ, считая Ярослава княземъ, призваннымъ на всей волѣ ихъ. Тогда Ярославъ, наскучивъ старыми вѣчниками, вздумалъ поступить съ ними также, какъ дядя его Андрей поступилъ съ Ростовцами. Онъ покинулъ Новгородъ, оставивъ въ немъ своего намѣстника, а самъ удалился въ пригородъ Торжекъ ²⁰³, утвердилъ тамъ свое пребываніе, и для приведенія Новгорода въ свою волю, запретилъ пускать туда съѣстные припасы. Удручаемые голодомъ, Новгородцы молили князя возвратиться къ Св. Софїи: Ярославъ не внималъ просьбамъ. Тогда геній старой Руси, Удалой является внезапно среди гражданъ и воспламеняетъ ихъ мужество: „не быть Торжку Новгородомъ и Новгороду Торжкомъ“, сказалъ онъ ²⁰⁴ и пошелъ на Ярослава, и повелъ за собою старую Русь — Новгородцевъ,

Псковичей, Смольнянъ. Старшій князь старшаго города, Константинъ соединилъ со Мстиславомъ свою дружину; Георгій Владимірскій и братъ его Святославъ соединились съ Ярославомъ; страшно было глядѣть, говорятъ лѣтописцы: сынъ шелъ на отца, братъ на брата ²⁰⁵. Тщетно старые бояре говорили молодымъ князьямъ: „Новгородцы, Псковичи и Смольняне окрѣпи въ битвахъ междоусобныхъ; Владимірцы и Суздальцы къ нимъ не призывкли: имъ не выдержать удара храбрѣйшаго и опытнѣйшаго изъ вождей ²⁰⁶.“ Князья не слушались ихъ и уже дѣлили заранѣе города, и Новгородъ, и Кіевъ, и Галичь, надѣясь, что превосходство силъ ихъ сокрушитъ разомъ древною Русь и дастъ имъ возможность начать новую исторію; но молодость обманула ихъ: потребна была не одна битва, но цѣлые вѣка бѣдствій и кровопролитій для утвержденія новаго порядка вещей. Предсказаніе старыхъ бояръ сбылось: побѣда осталась за старою Русью. Новгородъ со Мстиславомъ восторжествовали надъ Ярославомъ, Константинъ надъ Георгіемъ, но это торжество было не продолжительно. Чувствуя приближеніе смерти, Константинъ передалъ старшинство опять Георгію; Мстиславъ снова покинулъ Новгородъ для Юга. Оставленные самимъ себѣ, Новгородцы призвали изъ Смоленска Святослава Мстиславича, сына Кіевскаго князя Мстислава Романовича ²⁰⁷: такъ Липецкая битва освободила ихъ отъ страха предъ Владимірскими князьями, и они снова обратились къ старшей линіи Мономаховичей. Они приняли Святослава на всей волѣ своей: между прочимъ онъ цѣловалъ имъ крестъ не лишая никого ни должности, ни имущества, ни жизни, безъ объявленія вины ²⁰⁸. Въ это время Новгородцы находились на высшей степени своего могущества: они свергнули иго самовластныхъ князей; одержали блистательную побѣду надъ ними, возвратили свою храбростію право, похищенное у старшаго князя; наконецъ по удавленіи Мстислава, оставленные самимъ себѣ, они могли вызвать князя, какого хотѣли, не опасаясь ни откуда стѣсненія; въ это время они могли по справедливости говорить: „кто противъ Бога и В. Новгорода!“ слѣд. къ этому времени должно отнести самое полное развитіе Новгородскаго народо-властія. Въ 1206 году одинъ гражданинъ, совершивъ преступленіе, бѣжалъ. Посадникъ Твердиславъ велѣлъ догнать его и отдать князю для наказанія. Вдругъ пронеслась вѣсть по городу, что посадникъ выдалъ князю преступника несправедливо. Два конца: Онополовскій и Неревскій собрали вѣче противъ Твердислава; князь, испуганный волненіемъ, освободилъ захваченнаго преступника, безъ

оправданія и безъ обвиненія, въ угоду двумъ только отдѣльнѣйшимъ города. Но возставшій народъ не удовольствовался робостію князя, вооружился и пошелъ на посадника; за послѣдняго стали два другіе конца, а жители пятого спокойно смотрѣли на междуусобіе: 8 человекъ были убиты, множество переранено, вѣче продолжалось цѣлую недѣлю, наконецъ враждебные концы примирились²⁰⁹. Но сколько Новгородцы были небрежны въ установленіи внутренняго наряда въ городѣ, столько на оборотъ ревностно охраняли права свои въ отношеніи къ князю. Святославъ, видя недоброжелательство извѣстной части народонаселенія къ посаднику, ему непріятному, послалъ тысяцкаго объявить гражданамъ о смѣнѣ посадника; граждане спросили объ винѣ смѣняемаго; князь, позабывъ скрѣпленную присягою условія, отвѣчалъ „безъ вины!“ тогда граждане напомнили ему клятву, и Твердославъ остался посадникомъ²¹⁰. Въ 1219 году В. Князь Кіевскій Мстиславъ Романовичъ смѣнилъ Святослава и на мѣсто его прислалъ другаго сына, Всеволода. Всеволодъ наследовалъ вражду брата своего къ Твѣрдославу; однако граждане стали опять за посадника, и князь принужденъ былъ мириться при посредствѣ Владыки²¹¹. Новгородцы, призывая Князя для наряда, ненавидѣли его нарушителей, и потому положили выслать Всеволода, что могли сдѣлать безпрепятственно, ибо съ одной стороны не могли опасаться мести отъ далекаго В. Князя Кіевскаго, а съ другой имѣли еще В. Князя, Юрія Владимірскаго, который, помня Липецкую битву, не будетъ неуступчивъ при заключеніи условій: и точно Юрій обрадовался предложенію Новгородцевъ, осыпалъ дарами пословъ ихъ, и отпустилъ сына Всеволода на всей волѣ Новгородской²¹². Такъ обстоятельства заставили Сѣверныхъ князей отложить на время борьбу со старымъ городомъ, однако не надолго. Прежніе князья Южные часто оставляли Новгородъ, стремясь поближе къ Кіеву; Сѣверные князья покидаютъ Новгородъ, не любя господствующаго въ немъ порядка вещей, отъ котораго они отвыкли въ своихъ новопостроенныхъ городахъ. Осмильтнечу Всеволоду или, лучше сказать, боярамъ его, не понравилось въ Новгородѣ: они взяли малютку князя и удалились тайно ночью въ Суздальскую область. Опечаленные Новгородцы послали къ В. Князю просить брата его Ярослава, надѣлавшаго имъ столько зла предъ Липецкою битвою²¹³. Но и этотъ недолго у нихъ оставался: въ слѣдующемъ же году онъ выѣхалъ въ свой Переяславль, не смотря на всѣ просьбы Новгородцевъ; они послали опять за Всеволодомъ²¹⁴. На слѣду-

ющій годъ (знаменитый 1224) В. Князь рѣшился возобновить съ Новгородцами поведеніе отца своего: Всеволодъ вторично оставилъ Новгородъ, но, подражая дядѣ, занялъ Торжокъ; къ нему на помощь пришелъ самъ отецъ, братъ его Ярославъ, племянникъ Василько Ростовскій и шуринокъ Михайлъ Черниговскій. Новгородцы прислали просить В. Князя вывести войско изъ ихъ областей, и отпустить къ нимъ опять Всеволода. Георгій требовалъ выдачи семи гражданъ, наиболѣе его сыну непріязненныхъ. Новгородцы не забыли еще Липецкой битвы, и поклялись умереть за Св. Софію, а не выдавать братью на вѣрную гибель. Юрій, видя рѣшимость Новгородцевъ, предложилъ имъ въ Князя шурина своего, Михаила Черниговскаго, а за обвиненныхъ гражданъ требовалъ выкупа въ 7000 гривенъ. Новгородцы согласились ²¹⁵.

Южный князь изъ стараго города былъ по нраву Новгородцамъ: имъ было легко при немъ ²¹⁶; но Михайлъ любилъ Югъ, и покинулъ Новгородъ, подобно Мстиславу, не смотря на все усердіе и просьбы гражданъ, которые принуждены были снова послать за княземъ Переяславскимъ. Три года жилъ Ярославъ въ Новгородъ; неповиновеніе Псковитянъ и согласіе Новгородцевъ съ своими младшими братьями раздосадовали князя; онъ уѣхалъ въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ двоихъ сыновей Александра и Феодора съ двоими боярами. Отсутствіе князя нарушило нарядъ и подало поводъ къ вѣчамъ. Приписывая продолжительную оттепель недостойнству своего Архіепископа, суевѣрные Новгородцы изгнали кроткаго Святителя, разграбили дома многихъ знатныхъ гражданъ, и не будучи въ состояніи сидѣть безъ князя, послали сказать Ярославу: „пріѣзжай къ намъ, но безъ самоуправства; будь на всей нашей волѣ, исполняй свято грамоты Ярославовы, а иначе намъ тебя не нужно ²¹⁷.“ Въмѣсто отвѣта бояре Ярослава взяли обоихъ молодыхъ князей, и ночью убѣжали съ ними къ отцу. Тогда Новгородцы послали опять за Михайломъ Черниговскимъ, который цѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, далъ большія льготы смердамъ и подтвердилъ распоряженіе прежнихъ князей ²¹⁸. Приверженцы Ярослава принуждены были отплачиваться деньгами, но самъ Ярославъ не думалъ угождать Новгородцамъ: послѣдніе послали требовать у него Волока и захваченныхъ волостей и товаровъ; князь отвѣчалъ: „захваченнаго не отдаю и креста вамъ не цѣлую, между мною и вами нѣтъ теперь ничего общаго ²¹⁹.“

Частая смѣна В. Князей, производившая смѣну князей въ Новгородѣ, равно какъ добровольный уходъ послѣднихъ, ослабили связь между ними и гражданами, заставили послѣднихъ не довѣрять имъ, принимать мѣры для своей безопасности, ограничивать власть ихъ. Съ другой стороны это самое ограниченіе, условія, изгнаніе въ случаѣ ихъ неисполненія, отвратили князей отъ Новгорода: они смотрѣли на него, какъ на удѣль въ случаѣ крайней нужды, и оставляли его при первой возможности. Князья Сѣверные, болѣе сильные, начали дѣлать безпреставныя попытки перемѣнить существующій въ Новгородѣ порядокъ вещей, упрочить свои къ нему отношенія, сдѣлать его своею собственностію; князья Южные, менѣе сильные и неумѣющіе понимать новаго порядка вещей, начавшагося на Сѣверѣ, поступали противоположнымъ образомъ: не имѣя вовсе притязаній на постоянное обладаніе для себя и для потомства, они усиливали вольности гражданъ для пріобрѣтенія ихъ расположенія, для чести именоваться княземъ старѣйшаго изъ городовъ, для нѣкоторыхъ денежныхъ выгодъ, для того, чтобъ имѣть готовый удѣль на всякій случай, чтобъ кормить имъ дѣтей своихъ. Такъ Михаилъ, принявъ достоинство князя Новгородскаго, не думалъ объ исполненіи своей обязанности; занимался исключительно дѣлами Юга, и былъ постоянно въ отлучкѣ, оставляя въ Новгородѣ малолѣтнаго сына Ростислава безъ власти и вліянія. Новгородцы, имѣя повидимому князя, были однако совершенно предоставлены самимъ себѣ: страшныя смятенія господствовали во все время отсутствія Михаила. Степенный посадникъ Водовикъ началъ котору съ сыномъ знаменитаго Твердислава, цѣлый городъ принялъ въ ней участіе: вѣча, усобицы, грабежи, кровопролитія не прерывались ²²⁰, Михаилъ не возвращался, вопреки обѣщанію, сынъ его уѣхалъ въ Торжекъ, Ярославъ грозилъ войною, Новгородцы слѣд. нуждались и въ нарядѣ внутриснемъ, и въ защитѣ внешней, князь былъ необходимъ; они объявили Михаила лишеннымъ этого достоинства, какъ измѣнщикаго обѣщанію, и послали за Ярославомъ ²²¹. Каковы же долженствовали быть условія пріятія Ярослава? Необходимость была на сторонѣ Новгородцевъ, а не Ярослава, слѣд. условія не могли быть въ пользу первыхъ, т. е. Новгородцы должны были принять князя на всей волѣ его, такъ говорятъ источники, которыми пользовался Татищевъ, совершенно иначе Новгородская лѣтопись ²²²; всё заставляетъ насъ вѣрить болѣе первымъ, нежели второй, которая могла погрѣшить

въ пользу своихъ. Какъ бы то ни было, Ярославъ прибылъ въ Новгородъ, но чрезъ двѣ недѣли уѣхалъ опять въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ вторично сыновей Феодора и Александра: такъ бѣдный, но свой пригородъ былъ пріятнѣе Сѣверному князю, чѣмъ богатый, но невѣрный Новгородъ. Отсутствіе князя условливало отсутствіе наряда: въ Новгородѣ произошелъ сильный мятежъ, ибо князя не было, говоритъ летописецъ²²³. Пренебрегая одною изъ своихъ обязанностей, обязанностию судьи и миротворца, Ярославъ не пренебрегалъ однако второю, и во всѣхъ нужныхъ случаяхъ являлся защитникомъ Новгорода отъ враговъ внѣшнихъ. Въ 1239 году ему достался Кіевъ; знаменитый Александръ остался одинъ въ Новгородѣ²²⁴. А между тѣмъ пришли Татары и довершили раздвоеніе Руси: Русь новая, Сѣверо-восточная освободилась совершенно отъ вліянія старой, Южной, стала жить своимъ собственнымъ обычаемъ, въ ней самой начало воспріившимъ; города и области уже не переходятъ здѣсь отъ одного князя къ другому, или лучше сказать, князья не странствуютъ изъ одного города въ другой, наблюдая старшинство. Ярославъ Всеволодовичъ, получивъ В. Княженіе, не поѣхалъ во Владиміръ, но остался въ своемъ Переяславлѣ; который онъ и прежде предпочиталъ Новгороду; одинъ Новгородъ Великій являлся на Сѣверъ представителемъ стараго быта Руси, былъ одинокъ и потому безсиленъ среди маленькихъ пригородовъ, но могущественныхъ своимъ соединеніемъ; на одинъ Новгородъ будетъ обращена теперь ненависть этихъ новыхъ городковъ къ старымъ вѣчникамъ, ихъ прежнимъ владыкамъ; ихъ князья будутъ стараться княжить въ немъ какъ въ своихъ пригородахъ, и кто защититъ его отъ ихъ притязаній? Ни одинъ воинственный князь не явится изъ Южной Руси для обороны стараго города: Липецкій герой побѣжденъ Татарами за то, что которовался съ братіею на Калкъ; Михаилъ замученъ тѣми же Татарами; тщетно Новгородъ будетъ обращаться къ старой Руси, выбирать между Москвою и Кіевомъ: выборъ будетъ тяжелъ для стараго города, ибо на Югъ дѣла идутъ уже не по старинѣ: тамъ Литва, тамъ Латинство!

Новгородцы любили сражаться подъ знаменами Невскаго героя, но часто не могли ужиться съ нимъ, какъ съ правителемъ: Александръ былъ родной внукъ Всеволода III-го! Въ 1240 году онъ долженъ былъ выгнать изъ Новгорода, разсорившись съ

гражданами. Новгородцы послали къ В. Князю просить другаго сына его, Андрея. Ярославъ согласился; но Литва, Нѣмцы и Чудь напали на область Новгородскую: надобно было опять Александра, и Новгородцы его выпросили ²²⁵, на какихъ условіяхъ, неизвестно, но вѣроятно не на всей своей волѣ: мы увидимъ послѣ самовластіе Александра ²²⁶ въ Новгородѣ: жалобы гражданъ на это самовластіе остались въ договорахъ ихъ съ братомъ Александровымъ. Скоро Невскій сталъ В. Княземъ, и отдалъ Новгородъ сыну Василюю. Отношенія и тутъ не переизмѣнились; Новгородцы послали Владыку Далмата къ В. Князю для подтвержденія старыхъ грамотъ, Александръ медлил; эта медленность вывела изъ терпѣнія вольныхъ людей: они выгнали Василюю и призвали дядю его Ярослава Ярославича. Новгородцы поступили по старому своему обычаю, изгнанный князь и отецъ его по новой привычкѣ Сѣверныхъ князей: Василюю остался въ Торжкѣ и ждалъ отца; послѣдній не замедлилъ литься съ войскомъ; утраченный Ярославъ убѣжалъ, и граждане были оставлены на жертву гнѣвному В. Князю и гибельному раздвоенію, господствовавшему въ стѣнахъ самого города: Бояре отделили свои интересы отъ интересовъ остальнаго народонаселенія, и составили заговоръ побѣдить младшихъ гражданъ и ввести князя на всей волѣ своей. Но заговоръ не удался, младшіе граждане вооружились и дали другъ другу клятву не уступать князю, если онъ будетъ требовать выдачи своихъ враговъ. Александръ точно потребовалъ сперва выдачи посадника, но увидя стойкость народа, согласился на его смѣну и заключилъ миръ на всей своей волѣ, говорятъ источники Татищева; на всей волѣ Новгородской, говоритъ Новгородская летопись ²²⁷. И тѣ, и другая правы: Новгородская воля исполнилась потому, что граждане не выдали князю свою братью, а княжеская потому, что посадникъ былъ смѣненъ и все осталось по прежнему. Но спокойствіе было непродолжительно: страшная вѣсть о переписи Монгольской подала поводъ къ волненіямъ. Посадникъ сталъ-было уговаривать народъ къ покорности: его убили ²²⁸. Самъ сынъ Александра былъ противъ переписи и удался во Псковъ; раздраженный В. Князь послалъ ослушника въ Восточныя области и жестоко наказалъ его совѣтниковъ. Власть В. Князя и сила Татарская, подкрѣпленная согласіемъ богатѣйшей части народонаселенія, принудили остальную къ покорности; перепись была сдѣлана: Александръ далъ Новгородцамъ другаго сына своего Дмитрія ²²⁹. Самовластіе В. Князя въ отношеніи къ Новгороду кон-

чилось смертію Александра: весь Сѣверъ повиновался послѣднему, слѣд. у Новгородцевъ не было возможности выбора; но теперь снова начнутся усобицы, снова ослабѣетъ на время власть В. Князя, опять представится возможность выбора изъ многихъ соперниковъ, и народовластіе въ Новгородѣ опять усилится. Ярославъ Ярославичъ Тверской занялъ по старшинству престолъ великокняжескій: Новгородцы выгнали Дмитрія Александровича, и послали къ Ярославу въ Тверь съ предложеніемъ княжескаго достоинства и условій. Ярославъ сдѣлалъ шагъ впередъ въ отношеніяхъ Новгородскихъ: до сихъ поръ Новгородъ принадлежалъ В. Князьямъ, какъ В. Князьямъ, которые посылали туда сыновей своихъ или родичей. Ярославъ по примѣру отца, хочетъ владѣть Новгородомъ, какъ пріобрѣтенною собственностію, для чего принимаетъ титулъ Великаго Князя Новгородскаго, не посылаетъ въ Новгородъ ни сыновей, ни родичей, но править имъ самъ, или чрезъ намѣстниковъ-бояръ. Ярославъ видѣлъ соперниковъ въ дѣтяхъ Невскаго, зналъ, что право старшинства теперь болѣе ненадежно, и согласился на условія ²³⁰. Рядъ Новгородцевъ съ Ярославомъ дошелъ до насъ во всей полнотѣ въ двухъ грамотахъ; Новгородцы называютъ предложенныя В. Князю условія древними ²³¹, и справедливо: бытъ можетъ они были предложены въ первый разъ Всеволоду, внуку Мономахову; Новгородцы не забыли внести въ условія, чтобъ поступки Невскаго не повторялись ²³². Они повторились, Ярославъ не исполнилъ условій. Новгородцы, объявивъ вины князя, требовали, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ города ихъ ²³³, надѣясь найти защитника въ сынѣ Невскаго, но на этотъ разъ обманулись въ надеждѣ: Дмитрій Александровичъ, гнѣваясь за прежнее изгнаніе, велѣлъ повѣстить Новгородцамъ, что не можетъ занять ихъ стола мимо воли старшаго, а между тѣмъ Ярославъ послалъ въ Орду съ клеветою на Новгородцевъ въ непослушаніи Хану и съ просбою о помощи. Страшная опасность начала грозить Новгороду, какъ вдругъ явился защитникъ въ особѣ брата великокняжескаго, Василя Ярославича: онъ побѣжалъ въ Орду, и оправдалъ тамъ Новгородцевъ. Ярославъ былъ предоставленъ собственнымъ силамъ: противъ нихъ Новгородцы могли еще бороться, и поклялись не уступать князю. Уступчивость Ярослава еще болѣе усилила ихъ рѣшимость; наконецъ Митрополитъ вступился въ дѣло и примирилъ враждующихъ на всей волѣ Новгородской: Ярославъ снова обязался условіями ²³⁴. Такъ усиленіе и ослабленіе Новгородскаго народовластія слѣдозало за

ослабленіемъ и усиленіемъ власти великокняжеской; такъ Новгородцы утратили права при Всеволодѣ III-мъ, возвратили ихъ во время борьбы его наследниковъ, снова утратили при Александрѣ и опять возвратили при его преемникѣ, слабомъ силами матеріальными и личнымъ достоинствомъ. Теперь наступастъ періодъ времени, который для Новгородскаго народовластія въ особенности былъ столь же благопріятенъ, какъ и періодъ времени отъ смерти Мстислава Великаго до Боголюбскаго; наступастъ время борьбы между дѣтьми Невскаго, а потомъ между Тверью и Москвою. Но между борьбою Мономаховичей съ Ольговичами, Мстиславичей съ Юрьевичами, и борьбою Андрея Городецкаго съ Дмитріемъ Переяславскимъ, и Москвы съ Тверью, было большее различіе: тамъ боролись за старшинство, за первенство между князьями равными, здѣсь борятся за то, кому быть сильнѣе всѣхъ, кому подчинить себѣ всѣхъ прочихъ, и потому первая борьба окончилась всеобщимъ безсиліемъ, вторая усиленіемъ одного княжества на счетъ всѣхъ другихъ; при окончаніи первой борьбы Новгородъ явился могущественнымъ и независимымъ, при окончаніи второй онъ долженъ былъ необходимо пасть, хотя бы въ продолженіе ея и успѣлъ усилить свое народовластіе.

По смерти Ярослава Тверскаго, князья предоставили Новгородцамъ право выбора: Василій Ярославичъ Костромской, старшій въ родѣ Ярослава Всеволодовича, и Дмитрій Переяславскій, старшій изъ сыновей Невскаго, прислали въ Новгородъ просить княженія ²³⁵. Новгородцы выбрали Дмитрія; Татищевъ представляетъ причину такого поступка: Василій, по его словамъ, какъ В. Князь, отправилъ въ Новгородъ намѣстниковъ съ повелѣніемъ отвергнуть грамоты брата своего ²³⁶, слѣд. Новгородцы выбрали того, кто согласился княжить у нихъ на всей ихъ волѣ. Однако В. Князь, по примѣру всѣхъ предшественниковъ, не думалъ уступать своихъ правъ: при помощи Татаръ и племянника своего, князя Тверскаго, онъ воевалъ Новгородскія волости и захватывалъ купцовъ въ землѣ Низовской: тогда Новгородцы *захотѣли* Василія, говоритъ летопись, и Дмитрій, не дожидаясь изгнанія, добровольно удалился въ свой Переяславль ²³⁷. Какъ былъ принятъ Василій въ Новгородъ, можно судить по слѣдующимъ извѣстіямъ: въ летописи сказано, что Новгородцы *поклонились* ему, а Татищевъ говоритъ, что В. Князь наказалъ своихъ, противниковъ, въ числѣ которыхъ былъ Тыслцкій ²³⁸; судя по обстоятельству

ствамъ, съ вѣроятностію можно положить, что условія были отмѣнены.

Въ 1276 году Василій скончался: Новгородцы призвали Дмитрія Александровича. Новый Князь просилъ у Новгородцевъ позволенія поставить для себя крѣпость Копорье на ихъ землѣ; они сперва согласились, но потомъ, когда Дмитрій, въ качествѣ строителя, началъ располагать новою крѣпостью, какъ своимъ достояніемъ, и ввелъ въ неѣ свою дружину, перемѣнили мысли; В. Князь не хотѣлъ отдать имъ назадъ разъ уступленнаго, за что и возгорѣлась вражда. Дмитрій явился съ войскомъ въ области Новгородской и причинилъ ей сильное опустошеніе; Владыка содѣйствовалъ заключенію мира на волю князя ²³⁷; послѣдній оставилъ дружину свою въ Копорьѣ. Но скоро В. Князь былъ смѣненъ и Новгородцы освободились отъ обязанности исполнять волю Дмитрія. Андрей возсталъ на брата и привелъ Татаръ; изгнанный изъ Переяславля, Дмитрій хотѣлъ было водвориться въ своемъ новомъ городкѣ Копорьѣ, но Новгородцы воспользовались его несчастіемъ, и силою не пустили его въ Копорье. Новый В. Князь былъ признанъ и Новгородцами и принять съ честію; зная непрочность своего положенія, предвидя, что Дмитрій можетъ воспользоваться имъ же самимъ указанными средствами, Андрей хотѣлъ обезпечить себя на счетъ Новгорода, имѣть тамъ на всякій случай безопасное убѣжище. Съ этою цѣлію онъ пріѣхалъ въ Торжекъ, и вызвавъ туда посадника съ знатнѣйшими гражданами, цѣловалъ крестъ не уступать никому никогда Новгорода. Новгородцы не предвидя ничего добраго со стороны оскорбленнаго ими Дмитрія, съ радостію поклялись не искать другаго князя, кромѣ Андрея, но жестоко были обмануты послѣднимъ. Въ томъ же году страшный Ногай прислалъ грамоту въ пользу Дмитрія: Андрей отказался отъ В. Княженія и отъ Новгорода; мало того, когда Новгородцы, съ своей стороны, хотѣли исполнить обѣщаніе, онъ самъ пошелъ на ихъ волость съ полками Дмитріевыми ²⁴⁰. Новгородцы принуждены были признать Дмитрія, вѣроятно не на выгодныхъ для себя условіяхъ: они отдали ему Волокъ; Татищевъ говоритъ также о наказаніи людей, ему непріязненныхъ ²⁴¹; страшное возстаніе на пріятеля Андрея, знаменитаго боярина и посадника Семена Михайловича, было бессмысленнымъ выраженіемъ народнаго негодованія на неудачу, отъ обстоятельствъ зависѣвшую ²⁴². Между тѣмъ и другіе города не были спокойнѣе, ибо усобицы братьевъ не прекращались: Андрей

привелъ опять Татаръ на Димитрія; Новгородцы опять передались Андрею, и взяли обратно Волокъ у Димитрія ²⁴³. — Димитрій скоро умеръ; правленіе Андрея было бурно; смерть его подала поводъ еще къ бѣльшимъ смятеніямъ, причиненнымъ борьбою Москвы съ Тверью ²⁴⁴. Тверичи, обрадовавшись, что городъ ихъ будетъ столицею В. Князя, ибо право старшинства было на сторонѣ Михаила, и пользуясь случаемъ унижить ненавистныхъ вѣчниковъ стараго города, отправили, въ отсутствіе князя, намѣстниковъ въ Новгородъ; Новгородцы не пустили ихъ, пославъ сказать Тверичамъ, что еще неизвѣстно, получитъ ли князь ихъ старшинство отъ Хана ²⁴⁵. Михаилъ возвратился изъ Орды съ ярлыкомъ и былъ принятъ Новгородцами на всей ихъ волѣ ²⁴⁶. В. Князю нельзя было много спорить: у нихъ была возможность выбора изъ двоихъ соперниковъ. Между тѣмъ новый порядокъ вещей, утвердившійся на Сѣверѣ, произвелъ перемѣну въ отношеніяхъ В. Князей къ Новгороду: на Сѣверѣ удѣлъ князя, разъ ему данный, былъ отъ него неотъемлемъ; В. Князь не могъ уже перемѣщать своихъ родственниковъ изъ одного города въ другой, заставляя ихъ вздѣть въ Новгородъ въ качествѣ его намѣстниковъ; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ оставить свой вѣрный удѣлъ для невѣрнаго Новгорода: отсюда В. Князь нашелся въ необходимости посылать въ Новгородъ намѣстниками уже не князей, но бояръ своихъ. Это появленіе великокняжескихъ бояръ въ Новгородъ съ одной стороны содѣйствовало усилению народовластія, ибо князя чтили болѣе, чѣмъ простаго мужа, а съ другой, намѣстники, присланные изъ чуждаго княженія, смотрѣли враждебно на Новгородъ и на существующій въ немъ порядокъ вещей, пренебрегая выгодами ненавистныхъ старыхъ вѣчниковъ отсюда новыя причины неудовольствій ²⁴⁷. Въ 1312 году началась ссора Новгородцевъ съ Михаиломъ, ссора опасная по близкому сосѣдству столицы великокняжеской: Михаилъ тотчасъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода, не пустилъ туда стѣстныхъ припасовъ, занялъ Торжекъ и Бѣжецкій Верхъ со всею волостью. Новгородцы принуждены были послать Владыку Давида въ Тверь за миромъ: Михаилъ отправилъ опять своихъ намѣстниковъ, *отворилъ ворота* въ Новгородъ ²⁴⁸, но взялъ за это съ него 1500 гривенъ серебра. Новгородцы увидѣли всю опасность своего положенія отъ сосѣдства Твери, и начали стараться какъ бы прекратить свою зависимость отъ ея князя; скоро представился къ этому благопріятный случай. Михаилъ уѣхалъ въ Орду и жилъ

тамъ два года; Новгородцы слѣд. были предоставлены волею его намѣстникамъ, которыхъ поведеніе не могло уллучиться послѣ недавняго событія; граждане обратились къ сопернику Михайлову, Князю Московскому, съ просьбою избавить ихъ отъ насилія Тверичей ²⁴⁹; Юрій согласился, сперва отправилъ къ нимъ князя Феодора Ржевскаго, а потомъ, когда послѣдній не допустилъ сына Михайлова вторгнуться въ Новгородскую область, пріѣхалъ самъ съ братомъ своимъ Аванасіемъ и былъ принятъ съ радостію, ибо на всей волѣ Новгородской ²⁵⁰. Новгородцы пользовались борьбою князей для утвержденія правъ своихъ, но должны были трепетать за нихъ каждую минуту, должны были заботливо слѣдить за склоненіемъ побѣды то на ту, то на другую сторону, и это безпрестанное склоненіе, эта жизнь среди непрерывнаго безпокойства усиливали волненія внутреннія, но между тѣмъ усиливали энергію народа. Новгородцы, предавшись Князю Московскому, кончили навсегда съ Тверскимъ, отъ котораго не могли ожидать ничего болѣе, кромѣ вражды непримиримой, и потому должны были рѣшиться на отчаянную борьбу: они рѣшились. Ханъ, по жалобамъ Михаила, вызвалъ Георгія въ Орду; гибель Московскаго князя влекла за собою гибель Новгорода; они должны были поддерживать другъ друга: Новгородцы отправили въ Орду, вмѣстѣ съ Юріемъ, пословъ своихъ ходатайствовать за Московскаго Князя ²⁵¹. Между тѣмъ Михайлъ приближался съ войскомъ; Новгородцы съ княземъ Аванасіемъ вышли къ нему на встрѣчу, но не съ просьбою о мирѣ. Съча была злая, говоритъ лѣтописецъ: Новгородцы потерпѣли страшное пораженіе и затворились въ Торжкѣ. Михайлъ не столько былъ озлобленъ на Новгородцевъ, сколько на брата Юріева и князя Ржевскаго; онъ обѣщалъ миръ съ условіемъ выдачи Аванасія, Новгородцы отвергнули предложеніе; Михайлъ требовалъ, по крайней мѣрѣ, выдачи Феодора: Новгородцы принуждены были согласиться, и кромѣ того обѣщались заплатить огромную сумму денегъ — 12,000 гривенъ серебра ²⁵². Потомъ В. Князь вызвалъ въ Тверь Аванасія со многими боярами, для утвержденія ряда, и началъ принуждать ихъ къ уничтоженію условій: они не согласились принять на себя отвѣтственность предъ гражданами въ такомъ поступкѣ. Тогда раздраженный князь оставилъ ихъ у себя заложниками, раззорилъ Торжекъ, распродалъ его жителей, послалъ въ Новгородъ намѣстниковъ, и далъ посадничество изъ своей руки Михайлу Клемснтьевичу и Ивану Дмитріевичу ²⁵³. Такъ,

казалось, долженъ былъ рушиться старый бытъ Новгорода предъ могуществомъ Тверскаго князя, однако Новгородцы еще не отчаявались: Михаилъ не былъ властителемъ независимымъ—надъ нимъ висѣлъ мечъ Ханскій. Они отправили пословъ въ Орду съ жалобою на Михаила, послы были перехвачены ²⁵⁴. Михаилъ рѣшился нанести послѣдній ударъ: онъ собралъ всю Низовскую землю, Новгородцы собрали всю свою волость и умертвили приверженцевъ Михайловыхъ, виновныхъ или только подозрѣваемыхъ ²⁵⁵; но не приспѣло еще время паденія Новгорода: собственная болѣзнь, моръ лошадей и дурныя вѣсти изъ Орды, заставили Михаила отступить ²⁵⁶; отступление по дорогамъ невѣдомымъ было гибельно ²⁵⁷. Новгородцы, надѣясь на примѣръ Боголюбскаго, который послѣ несчастнаго похода войскъ своихъ далъ имъ миръ и князя на всей ихъ волѣ, отправили Владьку къ Михаилу просить о выкупѣ задержанныхъ гражданъ; Михаилъ не согласился ²⁵⁸, думая управиться силою со старыми вѣчниками, но на этотъ разъ Москва спасла Новгородъ.

Въ 1318 году пришелъ Юрій изъ Орды. Михаилъ тотчасъ отправилъ въ Новгородъ пословъ съ требованіемъ присылки уполномоченныхъ для заключенія мира. Новгородцы прибыли въ Торжокъ и общались Михаилу не держаться ни чьей стороны, потому что не имѣли еще о Георгіи никакой вѣсти ²⁵⁹. Послѣдній скоро явился въ Тверскихъ предѣлахъ, вступилъ въ бой съ Михаиломъ, былъ разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ; Новгородцы охотно приняли зятя Ханскаго; это родство Юрія съ Узбекомъ заставило и Михаила примириться съ побѣжденнымъ. Тверскій Князь отказался ото всего захваченнаго насильемъ у Новгородцевъ и обязался не препятствовать ихъ торговлѣ ^{260a}. Юрій не ссорился съ Новгородцами; обоюдныя выгоды заставили ихъ щадить другъ друга: Новгородцы видѣли въ Юріи защитника, которымъ они могли стращать Тверскихъ князей; Юрій, съ своей стороны, зналъ что Ханская благосклонность не можетъ быть постоянною и потому держался Новгорода и ходилъ всюду на враговъ его, хотя интересы обихъ, тамъ странно сопоставленныхъ въ Новгородѣ властей не могли не столкнуться почему летопись и упоминаетъ о размовкахъ Князя съ гражданами, которыя однако не могли имѣть важныхъ слѣдствій по самому вышеозначенному единству интересовъ ²⁶¹. Но скоро Новгородцы должны были разстаться съ Юріемъ; Дмитрій Михайловичъ Тверской выходилъ себѣ ярлыкъ;

Князь Московскій поѣхалъ въ Орду, и Новгородцы должны были, въ его отсутствіе, признать власть Димитрія²⁶²; однако примѣръ Михаила предохранилъ ихъ отъ насилія сыновей его. По смерти Георгіевой и Димитріевой они признали княземъ Александра Михайловича, признаннаго Ханомъ, но продолжали недоброжелательствовать Твери и были склонны къ Московскимъ князьямъ. Такъ, когда Александръ, спасаясь отъ мести Узбековой, думалъ найти въ Новгородѣ убижище, граждане послѣдняго отказали ему²⁶³, и съ охотою приняли намѣстниковъ брата Георгіева, но скоро увидѣли, что перемѣнилось только имя, и что роль Твери¹, въ отношеніи къ Новгороду, приняла Москва. Что же теперь спасетъ Новгородъ? Отъ Твери спасла его Москва, отъ Москвы долженъ былъ спасти его другой какой-нибудь городъ, Москвѣ враждебный: слѣд. Новгородцы должны были искать враговъ Московскимъ Князьямъ, пользоваться ссорами въ семействѣ послѣднихъ; но когда эти ссоры прекратятся, когда уже не будетъ другихъ князей кромѣ Московскаго, что тогда останется Новгородцамъ? Останется или отказать отъ своего стараго быта, приравняться къ Москвѣ, или искать соперника князю Московскому въ Литвѣ.

Но сила Москвы еще зависѣла отъ Хана: 50,000 Татаръ, и Москва могла пасть въ пользу Твери или Нижняго; слѣд. Московскимъ князьямъ для поддержанія своего могущества нужна была Ханская благосклонность, а для этого нужны были деньги: вотъ почему Новгородъ могъ еще на нѣсколько времени сохранять свои вольности, удовлетворяя денежнымъ требованіямъ В. Князей, усиливая послѣднихъ на свой счетъ. Въ 1332 году Калита запросилъ у Новгородцевъ закамскаго серебра, старинной дани Печерской, и за отказъ взялъ Торжекъ, Бежецкій Верхъ, и засѣвъ въ Торжкѣ, опустошалъ области Новгородскія, dopravляя на нихъ ханское серебро²⁶⁴. Тщетно Новгородцы присылали къ нему Владыку за миромъ, предлагая 500 рублей: война была выгоднѣе, Калита не согласился²⁶⁵. Новгородцы начали искать другихъ князей, враждебныхъ Московскому, обратились было къ Александру Тверскому, жившему тогда въ Псковѣ, какъ вдругъ представился, по ихъ мнѣнію, болѣе надежный защитникъ, князь Литовскій. Югозападная, старая Русь подчинилась тогда Гедимину, Новгородъ, по формамъ своего быта, принадлежалъ къ старой Руси, и потому стоялъ во враждебномъ отношеніи къ новой; Новгородцы привыкли ждать спасенія съ Юга, оттуда приходили къ нимъ

Мстиславы и Михайлы, и потому съ радостию приняли сына Гедиминова — Нариманта — Гляба, предложившаго службу свою Св. Софїи, и дали ему въ отчину Ладогу, Орѣховъ, Кекегольмъ, всю Корелу и половину Копорья, слѣд. духъ времени проникъ и къ Новгородцамъ, ревностнымъ поборникамъ старины: они призываютъ Князя Литовскаго въ защитники отъ потомковъ Св. Владимира, и хотятъ упрочить себѣ этого защитника чѣмъ же? — собственностію! отдаютъ ему нѣсколько пригородовъ въ отчину и дѣдину; Гадиминъ Литовскій, съ своей стороны, посылаетъ къ Новгородцамъ сына, но уже хочетъ для него удѣла, собственности на Новгородскій землѣ ²⁶⁶. Такъ начались связи Новгорода съ Литвою, связи необходимыя по тогдашнимъ обстоятельствамъ, но безполезныя изначала. На слѣдующій годъ В. Князь примирился съ Новгородцами; но въ 1337 отправилъ полки въ Двинскую область ²⁶⁷, желая перехватить сокровища Новгородскія; походъ былъ неудаченъ; примиреніе Александра Тверскаго съ Ханомъ отвлекло на время вниманіе Калиты отъ Новгорода; но погубивъ Александра, онъ опять возобновилъ свои притязанія на ихъ богатства ²⁶⁸.

Въ 1339 году, получивъ отъ пословъ Новгородскихъ выходъ или дань Ханскую, Калита отправилъ своихъ пословъ съ требованіемъ другой ²⁶⁹. Новгородцы отвѣчали, что такъ не водилось отъ начала міра, и что В. Князь нарушаетъ свою клятву соблюдать старину и грамоты Ярославовы ²⁷⁰. Иоаннъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода, но дѣла Смоленскія и смерть В. Князя помѣшали борьбѣ. Ее возобновилъ Симеонъ Гордый. Мы видѣли, какъ въ слѣдствіе преобладанія новаго порядка вещей на Сѣверѣ, должны были ослабнуть здѣсь родовыя отношенія между князьями, какъ В. Князь изъ старшаго брата между младшими долженъ былъ стать сильнѣйшимъ владѣльцемъ между слабѣйшими, ему подчиненными. Уже первый Сѣверный князь, Андрей Боголюбскій, почувствовавъ перемѣну въ своемъ значеніи, перемѣнилъ обращеніе съ прочими князьями; но эта новизна вызвала сильное противодѣйствіе со стороны князей старой Руси, гордой своими Мстиславами. Однако торжество послѣднихъ было недолговременно, и скоро одинъ изъ преемниковъ Андреевыхъ возобновилъ его обращеніе съ князьями, на которыхъ смотрѣлъ не какъ на братьевъ, но какъ на подручниковъ ²⁷¹. Противодѣйствія на этотъ разъ не было: не было болѣе Мстиславовъ, неоткуда

было имъ явиться, не было болѣе старой Руси; жалобы старыхъ городовъ и князей ихъ на притѣсненіе Москвы и ея властителя были тщетны: отъ нихъ осталось только названіе Гордаго, приданное Симеону недовольною братіею. Гордый, повелительный съ князьями, Симеонъ не могъ быть ласковъ съ господиномъ Новгородомъ Великимъ. Не успѣлъ онъ придти изъ Орды, не успѣлъ извѣстить гражданъ о своемъ ярлыкѣ, какъ уже послалъ въ Торжокъ брать дань, желая вознаградить издержки, въ Орду понесенныя. Новгородцы послали сказать В. Князю: „Ты не съѣлъ еще у насъ на княженіи, а бояре твои уже насильничаютъ“²⁷². „Вмѣсто отвѣта Симеонъ явился съ войскомъ въ Торжокъ, окруженный сонмомъ князей - подручниковъ. Устрашенные Новгородцы послали, по обыкновенію, просить мира на старыхъ условіяхъ. Симеону еще не было нужды касаться условій; ему нужны были деньги и униженіе пословъ стараго города: деньги для покупки ярлика, униженіе пословъ для торжественнаго признанія своего могущества давать и отнимать ихъ по волю. Новгородцы смирились, заплатили 1000 рублей и получили свои старыя грамоты, радуясь, что заключили миръ на всей волю своей“²⁷³.

Отъ обидъ Андрея и Всеволода Новгородцы находили защиту въ князьяхъ Южныхъ, которые приходили возстановлять прежнія права стараго города, избавлять его отъ безчестія повиноваться пригородамъ; и теперь Южная, старая Русь, существовала независимо отъ Сѣверной, подъ рукою В. Князя Литовскаго, независимаго и болѣе чѣмъ Московскій могущественнаго. Но если Симеонъ являлся въ своемъ обращеніи съ Новгородцами насильникомъ Андрея и Всеволода, то князья Литовскіе, съ своей стороны, вовсе не показывали охоты подражать Мстиславу и Михаилу, и тѣмъ давали знать Новгородцамъ, что теперь уже имъ предстоитъ выборъ не между двумя или тремя князьями, которые наперерывъ будутъ стараться заслужить ихъ расположеніе уступками, но между двумя самовластителями, которые потребуютъ отъ нихъ одинакой покорности. Мы видѣли, съ какимъ восхищеніемъ Новгородцы приняли сына Гедиминова, думая обрѣсти въ немъ надежнаго защитника; но Наримантъ даромъ въль хлѣбъ Новгородскій, уѣхалъ въ Литву, оставивъ намѣстниковъ въ своихъ городахъ, и не явился, когда Новгородцы, нуждаясь въ защитѣ, призывали его²⁷⁴. Псковъ сдѣлалъ было также попытку принять къ себѣ сына Олгердова, и столь же неудачно. Самъ Олгердь посту-

наль еще хуже съ Новгородомъ: узнавъ, что прежній посадникъ, Востокій Дворанинъ отзывается объ немъ въ неутѣвлькихъ выраженіяхъ, онъ явился съ огромнымъ войскомъ въ предѣлахъ Новгородскихъ, взялъ на щитъ два города, и съ двухъ другихъ собралъ окупъ ²⁷⁵.

Новгородъ хотѣлъ существовать независимо отъ Москвы, по старинѣ, особъ, свой обычай имѣть. Онъ достигъ своей цѣли: Русь, отказываясь все болѣе и болѣе отъ стараго обычая, все болѣе и болѣе соединилась въ одно могущественное тѣло, съ одною главою, съ однимъ обычаемъ, и враждебно смотрѣла на Новгородъ, который чуждился ея, не хотѣлъ жить съ нею одною жизнью. Московскіе князья соглашались на условія, имъ предлагаемыя, утверждали грамоты прежнихъ князей, но за то исключали Новгородъ изъ своего владѣнія, смотрѣли на него какъ на владѣніе самостоятельное. Если Новгородъ хотѣлъ быть вольнымъ и самостоятельнымъ, то онъ долженъ былъ поддерживать эту самостоятельность собственными силами; если же не могъ существовать безъ помощи другихъ городовъ Русскихъ, то долженъ былъ слиться съ ними въ одно государство. Согласно ли было съ честью князя Московскаго ходить съ полками своими въ отдаленные предѣлы Финляндіи; продавать кровь своихъ подданныхъ за Новгородскія гривны, быть наемникомъ старыхъ вѣшниковъ? Было время, когда князья были предводителями дружинъ; тогда они охотно брались защищать богатые города, не обращая большаго вниманія на свои отношенія къ гражданамъ; но теперь князь становился уже главою государства; теперь онъ былъ обязанъ защищать только своихъ подданныхъ, а Новгородцы не хотѣли быть подданными В. Князя; у нихъ Государемъ былъ В. Новгородъ: зачѣмъ же имъ были нужны полки Московскіе? И сыны Калиты не намѣренъ былъ посылать ихъ на защиту города, который толковалъ только о старинѣ и прошедшемъ, когда Москва направляла Русь къ ея великому будущему. Симеонъ недвѣтельно помогавъ Новгороду войсками противъ Шведовъ ²⁷⁶, ибо Новгородъ платилъ Москвѣ только деньгами, насильно взятыми.

Симеонъ умеръ. Мы видѣли, что Новгородцы единственнымъ средствомъ къ поддержанію своей старины считали борьбу между князьями, давшую имъ возможность перехода отъ одного къ другому, болѣе уступчивому; мы видѣли какъ они, желая изба-

вѣтаться отъ Твери, поддерживали князя Московскаго и отправляли пословъ своихъ въ Орду для ходатайства за послѣднѣго. Теперь Москва стала для нихъ тѣмъ же, чѣмъ была прежде Тверь; Новгородцамъ необходимо было найти соперника Князю Московскому. Наслѣдникъ Симеона былъ сильнѣйшимъ изъ князей, и слѣд. самымъ опаснымъ для Новгородцевъ: они послали въ Орду просить и задаривать Хана, чтобъ отдалъ В. Княженіе Константину Суздальскому, какъ отдаленнѣйшему и слабѣйшему ²⁷⁷. Но Ханъ не послушался ихъ и отдалъ великокняженіе брату Симеонову, Юанну. Новый В. Князь, оскорбленный столь явнымъ недоброжелательствомъ, хотѣлъ было идти на Новгородъ войною; но, любя миръ, послушался ходатайства князя Суздальскаго, и склонился на предложеніе Новгородцевъ, послать къ нимъ намѣстниковъ на прежнихъ условіяхъ ²⁷⁸. По смерти Юанна исполнилось желаніе Новгородцевъ: Ханъ далъ ярлыкъ Дмитрію Константиновичу Суздальскому; намѣстники новаго князя были приняты радушно, и старыя условія подтверждены. Но радость Новгородцевъ была непродолжительна. Пользуясь смутами въ Ордѣ, малолѣтній князь Московскій выходилъ себѣ ярлыкъ; князь Суздальскій безъ помощи Хана не могъ противиться сильной Москвѣ; могъ ли противиться ей Новгородъ? Его молодежь грабила иностранныхъ купцовъ, вредила торговлѣ: Дмитрій Московскій объявилъ было войну Новгородцамъ, но согласился на миръ по старинѣ, низъ враговъ сильныхъ ²⁷⁹. Михаилъ Тверской задумалъ возобновить знаменитую борьбу дѣда своего съ Москвою, позабывъ, что обстоятельства уже были не тѣ: Георгій дѣйствовалъ только съ помощію Татарскою, Дмитрій собственными силами, и силы Москвы превъзнили Тверскія. Новгородъ въ этой борьбѣ возобновилъ прежнее поведеніе, признавая то того, то другаго князя, смотря по тому, на чьей сторонѣ былъ успѣхъ. Но въ борьбѣ сильныхъ невыгода всегда на сторонѣ нейтральнаго слабого: такъ въ 1372 году Михаилъ, озлобленный отпаденіемъ Новгорода на сторону Дмитрія, взялъ и страшнымъ образомъ опустошилъ Торжокъ ²⁸⁰. Въ 1375 Новгородцы, желая отомстить злему сосѣду, прикинули войска свои къ полкамъ князя Московскаго и были свидѣтелями опустошенія Тверской области и смиренія Михаила, принужденнаго заключить миръ на всей волѣ В. Князя и Новгородской ²⁸¹. Дмитрій былъ доволенъ усердіемъ Новгородцевъ, и въ слѣдующій годъ принялъ съ большою ласкою и почестями Владыку ихъ Алексѣя ²⁸². Въ знаменитый 1380 годъ Владыка со многими зна-

тѣми гражданами снова явился въ Москву по дѣланъ своего города: В. Князь, слыша ополченіе Мамай, не хотѣлъ и не могъ соединиться съ Новгородцами: онъ съ любовію принялъ пословъ и цѣловалъ крестъ на всей старинѣ Новгородской ²⁸³. Мамай нахлынулъ; поваявъ собранная Москвою Русь стала подъ Московскія знамена; были ли тутъ Новгородцы? Мы увидимъ, какъ они будутъ просить у грознаго Донна III послѣдней милости — не посылать войскъ своихъ на защиту Россіи; договаривался съ Димитріемъ на всей волѣ своей, неужели они позабыли это условіе? Какъ бы то ни было, лѣтописи, не исключая и Новгородской, молчатъ объ участіи Новгородцевъ въ Куликовской битвѣ ²⁸⁴. Не научившись изъ приговора Нариманта, они продолжали принимать Литовскихъ князей на кормленіе; но эти князья приносили въ Новгородъ не харядъ, а большія смуты. Въ 1383 году Патрикій Наримантовичъ получилъ отъ Новгородцевъ на кормленіе нѣсколько пригородовъ; въ слѣдующемъ году жители послѣднихъ пріѣхали съ жалобою на пришельца; городъ раздѣлился: одна часть стала за пригородъ, другая за князя; два вѣча, одно на дворѣ Ярослава, другое у Св. Софіи, готовы были оружіемъ рѣшить споръ, но Богъ сохранилъ отъ междоусобія, говоритъ лѣтописецъ: положено было перемирие князю пригороды ²⁸⁵. Наконецъ князь Московскій рѣшился напомнить о себѣ Новгородцамъ: въ 1386 году онъ явился съ страшнымъ ополченіемъ подъ стѣнами ихъ города, разгнѣвавшись за то, что вольница Новгородская разграбляла Кострому и Нижній. Опустошивъ область, поплывивъ жителей, заставивъ Новгородцевъ изъ опасенія осады выжечь всѣ предмѣстія, В. Князь согласился на миръ, взявъ 8,000 рублей за вину грабителей ²⁸⁶, и оставивъ памятные слѣды своего гнѣва, которые принуждали вольныхъ людей искать съ защитника отъ угрозъ Московскихъ. Въ годъ смерти Донскаго (1389) явился къ нимъ Симеонъ-Лугвеній Олгердовичъ, который далъ записъ брату своему Ягайло не отступаться съ людьми В. Новгорода отъ Короля Польскаго ²⁸⁷: но Лугвеній былъ дурнымъ опекальникомъ В. Новгорода, Московскіе Князья не преставали тѣснить вольныхъ людей: Донскій наложилъ на Новгородъ тяжкую пеню за разбой его вольницы: сынъ Донскаго ходилъ войною на вѣчниковъ за покушеніе ихъ освободиться отъ власти Митрополита Московскаго. Мы видимъ, что Новгородцы, любя особность; однимъ изъ главныхъ условій своихъ съ В. Князьями ставили; чтобы не звать

ихъ къ суду въ Низовые города. Въ 1385 году они вздумали приобрести тоже право и въ отношеніи къ суду церковному: торжественно положили на вѣчъ не вѣздить въ Москву на судъ Митрополита, но разбираться у своихъ Архіепископовъ²⁸⁸. Это покушеніе должно было озаботить князя Московскаго гораздо болѣе, чѣмъ волжскіе разбои; ибо при спорахъ князей за первенство, Новгородцы могли выбирать между соперниками: но Митрополитъ былъ единственнымъ верховнымъ пастыремъ церкви Русской; при раздробленіи Руси на нѣсколько отдѣльныхъ независимыхъ владѣній, при исчезновеніи прежнихъ родственныхъ отношеній между князьями, при превращеніи удѣловъ въ независимыя В. Княжества, единство Руси всего сильнѣе поддерживалось единымъ Митрополитомъ; Москва не была старшимъ столпомъ во всей Руси, какъ прежде Кіевъ, ибо Рязань, Тверь и Нижній имѣли также князей великихъ; Владиміръ все еще имѣлъ притязаніе на первенство между городами сѣверной Руси и, по слову Хана, могъ примкнуть къ Твери, Рязани или Нижнему; однако постоянное пребываніе Митрополита въ Москвѣ сообщало ей характеръ главнаго города Руси. Умные князья Московскіе очень хорошо цѣнили эту выгоду, очень хорошо понимали, что зависѣть отъ Митрополита значило зависѣть отъ Москвы, и потому такъ усердно стояли за нераздѣльность Русской Митрополіи. Вотъ почему Московскій князь не могъ позволить Новгородцамъ отложиться отъ суда Митрополитскаго. Въ 1391 году Митрополитъ Кипріянь отправился въ Новгородъ и много уговаривалъ гражданъ его подраť грамоты, въ которыхъ они обязались не ходить къ нему на судъ: убѣжденія остались тщетны. Въ 1393 году В. Князь Василій извѣстилъ Новгородцевъ, чтобы отдали Митрополиту эти грамоты, получилъ отказъ, и вооружился. Съ обѣихъ сторонъ было много кровопролитія, говоритъ лѣтописецъ, и Новгородцы принуждены были наконецъ уступить требованію В. Князя²⁸⁹. Но послѣдній очень хорошо видѣлъ, что и зависимость отъ Митрополита, въ Москвѣ живущаго, не можетъ служить вѣрнымъ ручательствомъ за постоянную зависимость Новгорода отъ Москвы, въ то самое время, когда главою Литовской Руси явился могущественный Витовтъ. Уже и во время такъ называемаго удѣльнаго періода, объ Руси вступали въ кровавыя бои за Новгородъ, но тогда у нихъ были различныя цѣли: Русь новая хотѣла сравнять старыя города съ другими городами, Русь старая хотѣла поддержать величіе стараго горо-

да. Теперь снова сошлись объ Русь у В. Новгорода, но оба съ одного цѣлю: хитрый Витовтъ не хочетъ, подобно Мстиславамъ, поддержать вольности Новгородскія противъ Москвы — итъ, подобно князю Московскому, онъ хочетъ присоединить Новгородъ къ своимъ владѣнїямъ; но оба властителя боятся вступить въ бой решительный: нѣсколько разъ полки ихъ сходятся и расходятся безъ битвы; они ждутъ отъ Новгорода рѣшенїя, и точно Новгородъ въ это время могъ рѣшить судьбу Россїи, поддвинувшись Литвѣ съ своею огромною областїю. Витовтъ требуетъ этого подданства, Новгородъ не соглашается, пользуется опасенїемъ, медлительностїю обонхъ противниковъ для продленїя своего старого быта: „мы съ Москвою въ мирѣ, съ Витовтомъ въ мирѣ, съ Нѣмцами въ мирѣ“²⁹⁰,“ говорятъ они В. Князю Московскому. Василїй очень хорошо понималъ, что такое благоразумїе не надежно и невыгодно для Москвы, что вѣче можетъ раздѣлиться между Литвою и Москвою, что въ междоусобной битвѣ между концами В. Новгорода сторона Литовская можетъ пересилить Московскую, Новгородъ поддается со всею своею областїю Витовту, и тогда будетъ ли возможность Москвѣ бороться съ послѣднимъ? Свѣдавъ, что Витовтъ требуетъ подданства отъ Новгорода, Василїй рѣшился предупредить его²⁹¹. Отложенїе одного Новгорода съ его вѣчемъ, не могло быть тяжкою потерей для Москвы, если бы его обширныя владѣнїя остались за нею; Василїй очень хорошо понималъ, что, захвативъ заволоцкія владѣнїя, онъ заставитъ Новгородъ быть въ зависимости отъ Москвы, ибо его богатство зависело отъ безпрепятственной торговли въ томъ краю: такъ предки Василїя, начиная съ Долгорукаго, заставляли Новгородъ отлагаться отъ князей южной Руси, такъ и Василїй хотѣлъ заставить его прервать сношенїе съ Витовтомъ. Оставивъ В. Князя Литовскаго договариваться съ Новгородскимъ вѣчемъ, онъ послалъ воеводъ своихъ въ Двинскую область, предложить жителямъ ея добровольное подданство Московскому Князю. Двинляне согласились. Тогда В. Князь занялъ Волокъ, Торжокъ, Вологду, Бѣжецкій Верхъ, со всеми ихъ вѣдостями, и еложилъ съ себя крестное цѣлованїе. Устрашенные такимъ поступкомъ Новгородцы прервали сношенїе съ Витовтомъ²⁹² и послали въ Москву просить мира на старинныхъ условїяхъ. В. Князь, довольный своимъ богатымъ примысломъ, не согласился возвратитъ его, и думая, что Новгородцы не осмѣлятся на вторичное завоеванїе потеряннаго, пренебрегъ послать достаточное подкрѣпленїе въ

захваченныя области, однако обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Новгородцы, не успѣвъ ничего мирными предложеніями, рѣшились дѣйствовать силою и послали на Двину посадника Тимосея Юрьевича, который и успѣлъ возвратить все потерянное. Тогда Василій увидалъ, какъ еще трудно для Москвы удерживать столь отдаленныя владѣнія, и потому, при вторичной просьбѣ со стороны Новгородцевъ, явился снисходительнѣе: удовольствовавшись прерваніемъ сношеній съ Витовтомъ, онъ отказался отъ Новгородскихъ земель и заключилъ миръ по старинѣ ²⁹³.

В. Князь былъ раздраженъ неудачею своего намѣренія; при этомъ онъ не могъ забыть, что однимъ изъ главныхъ виновниковъ ся былъ Архіепископъ Іоаннъ, благословившій Новгородцевъ на походъ для возвращенія отнятыхъ волостей ²⁹⁴. Василій жаловался Митрополиту на вмѣшательство духовнаго пастыря въ политическія дѣла паствы, и Митрополитъ, вызвавъ Іоанна, обличилъ его въ недостатокъ смиренія, заставилъ отказаться отъ Епископіи и болѣе трехъ лѣтъ не пускалъ въ Новгородъ ²⁹⁵. Въ то же время В. Князь свѣдалъ, что не смотря на миръ съ Новгородомъ, непріязненныя дѣйствія не прекращаются на Двинѣ между областными начальниками Московскими и Новгородскими. Московскіе намѣстники сами доставляли себѣ управу въ обидахъ, Новгородскими посадниками причиняемыхъ; послѣдніе платили тѣмъ же. В. Князь, съ своей стороны, не упускалъ случая показывать жителямъ областныхъ городовъ свою власть и безсиліе Новгорода: такъ въ 1401 году онъ послалъ въ Торжокъ схватить двоихъ непріязненныхъ ему гражданъ и взять ихъ имѣніе даже изъ церкви ²⁹⁶.

Въ 1408 году явился въ Новгородъ намѣстникомъ братъ великокняжескій Константинъ Дмитріевичъ. Неизвѣстно долго ли былъ Константинъ въ Новгородѣ, но подобно тому, какъ одноименный предокъ его Константинъ Всеволодовичъ, проживъ въ Новгородѣ, и потомъ въ старомъ Ростовѣ, напитался тамъ стараго духу, и Константинъ Дмитріевичъ возвратился изъ Новгорода со старыми поватіями о правахъ дядей предъ племянниками: онъ возсталъ противъ воли В. Князя, хотѣвшаго, чтобъ все братья его, по примѣру Владимира Жробраго, присягнули служить племяннику Василью, былъ лишенъ за сопротивленіе удѣла и понесъ свои старыя права въ городъ, крѣпко стоявшій за старину. Новгородцы съ радостію приняли изгнан-

ника ²⁹⁷: вражда въ семействѣ Московскаго князя общала имъ долговременныя междоусобія и возможность выбора между противниками. Съ какою честью Константинъ былъ принятъ въ Новгородъ, съ такою же и отпущень обратно ²⁹⁸. Новгородцы на него надвигались. Этимъ событіемъ летопись оканчиваетъ Исторію отношений Новгорода къ В. Князю въ правленіе сына Дмитріева. Въ слѣдующее княженіе Новгородъ, предъ кончиною своего народовастія, былъ порадованъ возобновленіемъ княжескихъ усобицъ. Во время войны Василія съ дядею Юріемъ Новгородцы были предоставлены самимъ себѣ, и едва не были покорены Витавтомъ, вошедшимъ въ область ихъ съ многочисленнымъ войскомъ; тяжкій выкупъ въ 10,000 рублей спасъ ихъ отъ Литвы ²⁹⁹. Въ смутахъ Московскихъ они слѣдовали правилу признавать побѣдителя, но между тѣмъ принимать къ себѣ побѣжденнаго на случай вражды съ первымъ. Такъ въ 1435 году нашель въ Новгородъ убійцие Василій Васильевичъ, въ томъ же году явился тамъ противникъ его Василій Юрьевичъ ³⁰⁰. Но управившись съ Косымъ, Василій показалъ Новгородцамъ, что онъ отчичъ и дядичъ на Московскомъ престолѣ, прямой наследникъ своихъ предковъ. Еще угрожаемый безпокойнымъ Юрьевичемъ, В. Князь заключилъ радъ съ Новгородомъ на томъ условіи, что ему отступить отъ Новгородскихъ волостей, а Новгородцамъ отъ великокняжескихъ, и послать бояръ для размежеванія границъ. Новгородцы въ назначенный срокъ отправили бояръ, которые однако тщетно дожидались посланцевъ Василія ³⁰¹: преемникъ Калиты зналъ свою наследственную обязанность—собрать землю Рускую, и потому не хотѣлъ размежевываться съ Русскими владѣніями. Въ 1440 году, по призрѣ дѣда и отца, Василій рѣшился показать своимъ полкамъ дорогу къ Новгороду. Узнавъ о походѣ, Новгородцы, по старому обычаю, отправили Архіепископа и бояръ просить о мирѣ: они удержали старину, давъ за нее выкупа 8,000 рублей ³⁰². Съ одной стороны Московскій князь приходилъ съ войскомъ за тяжкими даями, съ другой Нѣмцы и Тверичи грабили Новгородскія волости: дорого начали обходиться Новгороду его особность и вольность; для ихъ обороны они безпрестанно нанимали Князей Рускихъ и Литовскихъ; но прошла пора наемныхъ князей и дружинъ: слабые наемники оставались въ Новгородъ не долго, когда не имѣли еще удѣла постояннаго; владѣтели сильные требовали прочаго подданства. Въ 1444 году Казимиръ Литовскій повторилъ предложеніе Витовта о подданствѣ; Нов-

городцы отказались ³⁰² перемиа не принесла никакой выгоды. Скоро возобновленіе смуть и междоусобій въ Москвѣ подаю имъ надежду снова выбирать изъ совершниковъ любого князя на всей волѣ своей. Шемяка, выгнавъ Василія, но не полагаясь на прочность своей власти, договорился съ Новгородомъ на всей волѣ его; Василій, въ свою очередь, взявши перевѣсъ надъ Шемякою, не угрожаемый еще замыслами послѣдняго, подтверждалъ договоръ врага своего. Новгородцы отдохнули; притоны у нихъ еще оставался выборъ: Шемяка не отказывался отъ В. Княженія ³⁰⁴ и потому находилъ всегда прибежище въ Новгородѣ: здѣсь и уиеръ онъ, послѣдній двойникъ В. Князя; необходимый для поддержанія старата быта Новгородскаго. По смерти Шемяки Новгородцамъ не оставалось болѣе выбора въ Московскихъ владѣніяхъ; остался только выборъ между Москвою и Литвою: увидимъ, былъ ли онъ для нихъ удаченъ: Василій, освободившійся отъ Шемяки, рѣшилъ разгромить притонъ всѣхъ враговъ В. Князя, всѣхъ усобишниковъ Русской земли, разгромить городъ, который держался междоусобіями, питался ими; питался кровію Русскою. Въ 1456 году В. Князь двинулъ сильную рать. Новгородцы въ своихъ сношеніяхъ съ В. Князьями любилъ говорить о старинѣ, но теперь они сами забыли еѣ, теперь В. Князь долженъ былъ напоминать имъ о старинѣ. Старинные договоры, въ соблюденіи которыхъ клялись дѣды и отцы, говорили, что князю принадлежитъ право раздавать грамоты, хотя не безъ посаджина ³⁰⁶. Но вдругъ вѣче вздумало отвѣтъ это право у князя, вздумало само раздавать грамоты ³⁰⁶. Это уже была не старина! Великій Князь вступился за свое право. Обезопасивъ себя со стороны Литвы обвщаніемъ Кавиіра не вступаться въ Новгородскія дѣла ³⁰⁷, онъ выступилъ въ походъ. Узнавъ, что полки со всѣхъ сторонъ собираются въ Волокы, Новгородцы, по обычаю, послали просить мира на старыхъ условіяхъ; В. Князь отвергнулъ просьбу, войско его заняло Русу: надобно было сражаться. Московскій отрядъ, состоявшій только изъ 200 человекъ, встрѣтилъ 5,000 конныхъ Новгородцевъ; некусные помиди великокняжескіе — Стрига и Басенокъ великии стрѣлять не по людямъ, а по лошадямъ: не умѣя владѣть ни бычьими животными, ни длинными копьями, Новгородцы, не взиралиа свою многочисленность, потерпѣли совершенное пораженіе. Вѣсть объ немъ навела ужась на городъ: вѣче уиросило Архіепископа отправиться въ ставъ В. Князя и вымолить миръ на всевозможныхъ условіяхъ ³⁰⁸. Василій согласился: онъ взялъ съ Новгорода 8,500 рублой; вѣсть съ

обязательствомъ платить черную дань, не утаивать вирь и пошлннъ; новизна Новгородская — пѣчевыя грамоты были отмѣнены; печать В. Князя смѣнила городскую; наконецъ граждане поклялись не вившиваться въ междоусобіа княжескія, не принимать къ себѣ враговъ Василія и его сына ³⁰⁹. Что оставалось Новгородцамъ послѣ такихъ условій? Въ Суздальской землѣ, какъ они продолжали именовать новую Русь ³¹⁰, теперь одинъ В. Князь; Тверской и Рязанской, по своему относительному безсилію, готовы стать его подручниками или отказаться отъ своихъ владѣній; въ семействѣ Московскаго Князя утвердился надолго миръ; смерть Василія не произведетъ ни какой перемѣны: Іоаннъ уже давно именуется В. Княземъ; Татары уже не вступаются въ дѣла князей, ихъ ярлыки не действительны; послѣдній походъ показалъ Новгородцамъ ихъ безсиліе предъ полками Московскими: теперь эти полки постоянно будутъ готовы устремиться къ Новгороду, ибо не будутъ болѣе заняты усобицами. Новгородцы понимали всю трудность своего положенія, что произвело въ нѣкоторыхъ изъ нихъ неукротимую ненависть къ Московскому Князю. Въ 1460 году Василій съ сыновьями — Юріемъ и Андреемъ — похалъ въ Новгородъ: вѣчники начали сговариваться какъ бы умертвить его и съ дѣтьми; намѣреніе не было приведено въ исполненіе только потому, что Архіепископъ представлялъ всю его бесполезность: съ Василіемъ не было старшаго сына — соправителя, смерть стараго князя могла бы только возбудить всеобщую ненависть къ Новгородцамъ, навлечь на нихъ страшную месть Іоанна ³¹¹, который и безъ того уже исчислялъ въ умѣ своемъ всѣ ихъ старыя неправды. Онъ понималъ близость минуты рѣшительной, предвидѣлъ, что наступитъ время рѣшительнаго боя между Москвою и Литвою за Новгородъ; но на сторонѣ Москвы былъ могущественный союзникъ, которымъ Литва безумно пренебрегала: этотъ союзникъ былъ — Православіе. Витовтъ хотѣлъ-было ослабить этотъ союзъ раздѣленіемъ Митрополіи, но раздѣленіе мало помогло при Католицизмъ его преемниковъ: иновѣрная Литва заслоняла единовѣрный Кіевъ. Осторожный Іоаннъ видѣлъ однако опасность и, какъ умный вождь, старался — какъ можно болѣе укрѣпить слабое мѣсто. До насъ дошла грамота его къ Новгородскому Владыкѣ Іонъ, въ которой онъ убѣждаетъ его быть вѣрнымъ своему обѣту — завѣсть только отъ Москвы и не имѣть никакого сообщенія съ Митрополитомъ Кіевскимъ Григоріемъ ³¹²: „Тебѣ извѣстно“ пишетъ В. Князь къ Архіепископу: „откуда пришелъ этотъ Григорій и

„отъ кого поставленъ: пришелъ онъ изъ Рима, отъ Папы, и поставленъ въ Римъ же бывшимъ Цареградскимъ Патріархомъ Григоріемъ, который повиновался Папѣ съ осьмага Собора. Ты знаешь также, за сколько лѣтъ раздѣлилась Греческая Церковь отъ Латинской, и Святими Отцами утверждено, чтобъ не совокупляться съ Латинствомъ. Послышавъ о приходѣ самозванца Григорія, отецъ мой писалъ къ Королю: не принимай Митрополита отъ Рима, когда еще живъ нашъ общій отецъ Іона, и не нарушай нашей старины, а старина эта идетъ отъ нашего прародителя, В. Князя Владиміра; отъ него и до послѣдняго времени избраніе Митрополита принадлежало нашимъ предкамъ, а не В. Князьямъ Литовскимъ; кто будетъ намъ любъ, тотъ будетъ у насъ на всей Руси, а отъ Рима Митрополиту у насъ не бывать. — Король не послушалъ словъ отца моего, не зналъ правды и старины, и раздѣлилъ Церковь Божию. Долженъ ли я напоминать тебѣ, отецъ мой, объ обѣтахъ, данныхъ тобою троимъ Митрополитамъ: Іонъ, Θεодосію и Филиппу, объ обѣтъ — не отступать отъ Москвы? Такъ, если тотъ Григорій начнетъ подсылать къ тебѣ или къ Новгородцамъ съ какими-нибудь речами или письмами, то ты, богомолецъ нашъ, поберегись, и своимъ дѣтямъ внуши, чтобъ Григорьеву посланію не вѣрили, рѣчей его не слушали и даровъ не принимали; а ты, отецъ мой, помни свой обѣтъ, данный Митрополиту Іонъ и его преемникамъ.“ — Такъ Іоаннъ старался внушить Новгородцамъ, чтобъ они, следуя своему обычаю, сохранили старину, что эта старина сохраняется только въ Москвѣ, а что въ Кіевѣ вводятся новизны, что тамъ сообщаются съ Латинствомъ; она знала, что если любовь къ религіозной старинѣ и не удержитъ совершенно Новгородъ отъ попытки поддаться Литвѣ, то, по крайней мѣрѣ, возбудитъ негодованіе къ отступничеству хотя въ половинѣ гражданъ, и тѣмъ облегчитъ успѣхъ Московскаго оружія.

Вскорѣ по смерти отца Іоаннъ свѣдалъ о неисполненіи Новгородцами условій. Мы видѣли, къ какому порядку вещей привели они въ періодъ времени отъ смерти Мстислава В. до Іоанна Ш: при первомъ неудовольствіи на лице правительственное являлось шумное вѣче съ требованіемъ смѣны чиновника, возбудившаго народное негодованіе; послѣ, когда которы княжескія дѣли Новгороду возможность выбора между многими князьми, и сами князья стали подвергаться подобной же участи: отсюда Новгородцы получили

ли привычку громко изъявлять свое неудовольствие на поступки князя, или его намѣстника. Отъ этой привычки они не могли отстать и послѣ похода Темнаго: летописецъ говоритъ, что они присылали съ вѣча на городище многихъ людей съ укоромъ намѣстникамъ В. Князя ³¹³; послѣдній видѣлъ въ этомъ поступкѣ нарушение условія: держать имя его честно и грозно ³¹⁴. Далѣе: однимъ изъ условій, съ Василіемъ Темнымъ заключенныхъ, Московскіе подданные, тяжущіеся съ Новгородцами, судились Новгородскимъ бояриномъ вмѣстѣ съ Московскимъ, и въ случаѣ несогласія судей дѣло оставалось до пріѣзда В. Князя или его ближайшаго родственника ³¹⁵. И это условіе было нарушено: двое князей, невѣдомо какихъ, отказались удовлетворить принесенной на нихъ жалобѣ, ссылались на право Московскихъ подданныхъ, въ случаѣ несогласія судей, дожидаться рѣшенія В. Князя или кто вмѣсто его будетъ въ городѣ; вѣче пренебрегло условіемъ, схватило силою обоихъ князей, повело ихъ съ городища въ городъ, людей ихъ схватили, мучили, многихъ убили ³¹⁶. Наконецъ порубежныя несогласія не прекращались и рѣшались силою; судебныя пошлыны затѣвались, по прежней привычкѣ, въ размежеваніи границъ было поступлено несправедливо ³¹⁷. Что же дѣлалъ В. Князь? Отъ чего онъ, по примѣру отца, дѣда и прадеда, не отправился вдругъ съ многочисленнымъ войскомъ требовать возстановленія своихъ правъ и взять пеню за вину Новгородцевъ? Между положеніемъ Іоанна и положеніемъ предковъ его была большая разница: Іоанну предстоялъ послѣдній, рѣшительный шагъ, ибо онъ хорошо видѣлъ, что продолженіе стараго Новгородскаго бытiя не совмѣстно съ бытомъ Московскимъ; Новгородъ зналъ это также; оба — В. Князь и Новгородъ боялись приступить къ дѣлу, и ждали, кто начнетъ. Начать первому было несообразно съ необыкновенно-осторожнымъ характеромъ Московскаго Князя; онъ медлилъ по расчету или нѣтъ, все равно, по крайней мѣрѣ эта медленность послужила ему гораздо болѣе, чѣмъ рѣшимость. Мы видѣли, что Новгороду оставалось на выборъ: или покориться безусловно властителю Московскому на всей волѣ его, т. е. на всеобщихъ обычаяхъ Московскомъ, или попытаться — стать яблокомъ раздора между двумя В. Князьями — Московскимъ и Литовскимъ, возобновить споръ между старою и новою Русью, и по прежнему воспользоваться этимъ споромъ. Образовалась сторона, склонная къ такой попыткѣ, готовая для сохраненія старыхъ правъ дерзнуть на новизну; въ члѣхъ этой стороны была знаменитая фамилія Бо-

рецкихъ, старшинство въ которой принадлежало тогда женщинамъ, умѣвшей поддержать его — славной Маревъ. Сторона Борецкихъ, видя нарушение условій со стороны Новгородцевъ, и принимая вѣроятно въ немъ самое дѣятельное участіе, съ нетерпѣніемъ ждала рѣшительнаго шага отъ В. Князя. Многочисленные полки Московскіе подъ стѣнами Новгорода и грозныя требованія Іоанновы были бы для нея самыми лучшими средствами показать народу необходимость Литовскаго покровительства; необходимость сохраненія прежнихъ правъ побуждала бы отвращеніе къ Датинскому гесударю, требованія В. Князя, нарушавшія старину, дали бы Новгородцамъ право также нарушить её съ своей стороны: тогда какъ отложиться вдругъ, безъ всякаго повода со стороны Москвы, значило первымъ нарушить старину, наложить на себя пятно измены, облечь В. Князя величіемъ правды въ глазахъ всей Россіи и большей части собственныхъ согражданъ. Только необходимость могла рѣшить сторону Борецкихъ на послѣднее. В. Князь довелъ её до этой необходимости. Новгородцы нарушили условія: Іоаннъ посылалъ къ нимъ съ увѣщаніемъ, чтобъ держались старины ³¹⁸: необыкновенное искусство пользоваться обстоятельствами! До сихъ поръ въ отношеніи къ В. Князямъ Новгородцы имѣли важное преимущество дѣйствовать во имя старины; теперь, замѣшляя подданство Литовское, они терли это преимущество, которое переходило на сторону В. Князя. Сперва Новгородцы не требовали отъ Князей ничего болѣе, кромѣ подтвержденія старинныхъ условій; теперь В. Князь требуетъ отъ Новгородцевъ сохраненія старины. Пріѣхалъ посолъ отъ Новгорода, Посадникъ Василій Ананьинъ, билъ челомъ В. Князю о земскихъ дѣлахъ, а о прежнихъ требованіяхъ его ни слова: Новгородъ не обратилъ на нихъ вниманія и ничего не приказалъ послу. Іоаннъ поручилъ Ананьину напомнить опять гражданамъ о старинѣ ³¹⁹, и ждалъ отвѣта. Смерть Архіепископа, казалось, случилась нарочно для того, чтобъ помочь обѣимъ сторонамъ выдти изъ нерѣшительнаго положенія. Новгородцы, при избраніи новаго Владыки, поступили по старинѣ: бросили жребій, который палъ на инока Феофила ³²⁰. Но теперь предстоялъ вопросъ: куда послать его на поставленіе? Старина требовала держаться Православной Москвы, за неё стояло большинство народонаселенія, люди съ вліяніемъ сильнымъ; но съ Московскимъ Княземъ Новгородъ былъ въ разладѣ, сторонѣ Литовской представлялся тогда самый благоприятный случай приступить къ исполненію своего замысла: они

могли расчитывать, что В. Князь воспользуется обстоятельствами выказать Новгородъ безъ оружія, и какъ предки его мстили Новгородцамъ, заставляя ихъ сидѣть безъ князя, такъ онъ заставитъ ихъ сидѣть безъ Архіепископа: тогда всего легче будетъ убѣдить раздраженный народъ, что у него есть еще возможность выбора, что въ старославной Кіевъ есть также Митрополитъ ³²¹, который можетъ поставить ихъ Архіепископа, что въ старой Руси есть также В. Князь, который можетъ защитить ихъ отъ притѣсненій Московскаго: крайность оправдывала новизну, давала ей видъ справедливости. Вотъ почему сторона Борецкихъ не приступала къ дѣлу до посольства въ Москву съ просьбою ошаса для избраннаго Владыки: она ждала отъ В. Князя первого шага, но Иоаннъ нельзя было пережидать. Онъ припалъ послѣ съ честью, увѣрилъ въ готовность своей исполнить желанія Новгородцевъ и — снова напомнилъ о старинѣ, прибавя, что не только готовъ свѣто исполнять прежніе условія, но даже отступить отъ некоторыхъ своихъ требованій въ пользу Новгорода ³²². Рассчетъ былъ вѣренъ; Иоаннъ своею снисходительностію или поражалъ, обезсиливалъ Литовскую сторону, показывалъ бесполезность, неосновательность ея опасеній и требованій, или выводилъ вѣ изъ терпѣнія, заставлялъ приступить къ дѣлу при всѣхъ невыгодахъ ея положенія. Сбылось послѣднее. Большинство умѣренныхъ гражданъ, узнавъ объ отвѣтѣ В. Князя, обрадовалось его миролюбивому расположенію ³²³; планы Борецкихъ рушились: надобно было дѣйствовать силою и рѣшительно, надобно было вынудить согласіе вѣча на отложеніе отъ Москвы. Природа вѣча давала къ тому легкія средства: стоило только обратиться къ людямъ, которые за деньги готовы предаться кому угодно, къ этимъ нечистымъ, вреднымъ членамъ общества, которые питаются междоусобіями, плотію и кровію согражданъ ³²⁴; богатство Борецкихъ и друзей ихъ, увеличенное сокровищами казны архіепископской, обезпечивало торжество Литовской стороны надъ противниками ³²⁵. Наемники Борецкихъ явились на площадяхъ и завопили о притѣсненіяхъ Москвы, о золотой волѣ подъ покровительствомъ Казимира Литовскаго; представители стороны противной тщетно напоминали о священной старинѣ: наемники Борецкихъ камнями заставляли молчать Московскихъ приверженцевъ ³²⁶. Не смотря на дурное моведеніе Литовскихъ князей въ отношеніи къ Новгороду, не смотря на недавній примѣръ послѣдняго изъ нихъ, Михаила Осельновича, который, возвращаясь изъ Новгорода, ограбилъ Ру-

су ³²⁷, на вѣчь положено было отправить посольство въ Литву съ предложеніемъ Казиміру подданства отъ людей вольныхъ, слѣд. на всей волѣ ихъ ³²⁸; они предложили Казиміру условія, давно намъ извѣстныя, тѣже самыя, которыя были предлагаемы всѣмъ князьямъ Русскимъ, начиная, быть можетъ, со Всеволода Мстиславича. Прибавлено было только, чтобъ намѣстникъ королевскій былъ православнаго исповѣданія, чтобъ король не посягалъ на переимну православія, не ставилъ Римскихъ церквей въ областяхъ Новгородскихъ, касательно суда не дѣлалъ различія между Новгородцемъ и Литвиномъ, оборонялъ Новгородъ отъ Московскихъ нападений, наконецъ для утишенія негодоваанія преданной старинѣ партіи, выговорена была свобода въ выборахъ между Московскимъ и Кіевскимъ Митрополитами ³²⁹. Но это не помогло: подданство новому властителю было сочтено измѣною православію; такъ думали всѣ въ областяхъ Московской Руси, что видно изъ словъ летописцевъ ³³⁰, такъ думали и въ самомъ Новгородѣ; Іоаннъ достигалъ своей цѣли — онъ шелъ на Новгородъ, имѣя въ стѣнахъ его многочисленныхъ союзниковъ во всѣхъ гражданахъ, приверженныхъ къ старинѣ и православію. Для большаго подкрѣпленія этого союза Іоаннъ послалъ въ Новгородъ Ивана Товаркова сказать гражданамъ, что вся правда на его сторонѣ, что они не могутъ пожаловаться ни на одинъ его насильственный поступокъ, что онъ свято сохранялъ старину и условія, что они сами нарушили ихъ, сами вызываютъ мщеніе праведное ³³¹. Митрополитъ писалъ тоже самое: грозилъ казнію небесною за отступничество ³³². Никогда Новгородъ не находился еще въ столь затруднительномъ положеніи, ибо граждане его были лишены нравственной опоры, которая заключается въ сознаніи своей справедливости; прежде они клялись стоять за одно, видѣть умереть за Св. Софію и за правду Новгородскую, но теперь за какую правду умрутъ они, отступники, измѣнники въ глазахъ всей Россіи? Прежде, при сознаніи своей справедливости они могли говорить: кто противъ Бога и В. Новгорода! но теперь они сами шли противъ Бога, ибо Латинство считалось царемъ съ богоотступничествомъ. Сперва В. Князь ходилъ на нихъ съ требованіемъ нарушенія старины, съ цѣлюю обогатиться серебромъ богатаго города: тогда противъ перваго требованія они выставляли твердую рѣшимость умереть за свою правду, тогда деньгами могли удовлетворить второму; но теперь В. Князь шелъ въ видѣ грознаго судьи, истителя за грѣхъ, шелъ окруженный всѣмъ ве-

личіемъ правды. Сперва неравенство силъ физическихъ рывало борьбу почти постоянно въ пользу В. Князей: теперь къ нему присоединялось еще неравенство силъ нравственныхъ, и торжество Іоанна было несомнительно. Однако теперь Новгородъ не былъ представленъ самому себѣ, теперь онъ имѣлъ сильнаго защитника. Къ несчастію Новгородцевъ расчетъ ихъ и здѣсь былъ невѣренъ: Казимиръ не имѣлъ ни доблести Мстиславичей, ни силы и талантовъ Витовта; онъ принималъ даръ, но не имѣлъ возможности упрочить его за собою. Не смотря на это, осматрительный Іоаннъ опасался Литвы, и принималъ тѣ же предосторожности, какія дѣдъ его Василій Дмитріевичъ хотѣлъ принять противъ властолюбія Витовта: В. Князь прежде всего послалъ воеводъ захватить области Двинскія, дабы не предать Литвѣ, по крайней мѣрѣ, богатый северъ Россіи ³³³. Новгородцы знали, что Іоаннъ повторитъ поступокъ дѣда и потому снѣжили предупредить его: наемникъ ихъ, Суздальскій князь Василій Шуйскій-Гребенка, отправленъ былъ на защиту Двинской области; Новгородцы ждали Казимира съ покаянн старей Руси: В. Князь Московскій торжественно объявилъ Руси Новой объ измѣнѣ стараго города. Предки его старались обыкновенно несчастнымъ походомъ напасть врасплохъ на Новгородцевъ, и заставить жителей его дать богатый окупъ; но теперь обстоятельства перемѣнились: Іоаннъ хотѣлъ представить походъ Новгородскій дѣломъ всей Россіи, походомъ священнымъ для наказанія страшной измѣны, богоотступничества, для образумленія падшихъ гражданъ, для предотвращенія гибельныхъ слѣдствій ихъ поступка. Для достиженія этой цѣли, Іоаннъ употребляетъ необыкновенную торжественность, созываетъ братьевъ своихъ, Епископовъ, Князей, Бояръ, и представляетъ имъ необходимость похода; однако спрашиваетъ совѣта, идти ли немедленно, или дожидаться благоприятнѣйшаго времени года ³³⁴: всѣ совѣтовали не отлагать похода. Тогда Іоаннъ послалъ въ Новгородъ раздатныя грамоты; богатые милостыни по монастырямъ, церквамъ и нищимъ, торжественныя молебствія ³³⁵, все служило для приданія походу характера религіознаго, и точно, таковыи онъ былъ въ глазахъ современниковъ: лѣтописцы сравниваютъ его съ походомъ Донскаго на Татаръ ³³⁶. Если въ Москвѣ питали столь сильное отвращеніе къ союзу Литовскому, то и въ Новгородѣ не могло быть иначе; послѣ, въ годину междуцарствія въ Мосавъ повторена была ошибка Новгородская и съ такими же послѣдствіями: къ счастью безразсудство властителей Литовскихъ

въ обоихъ случаяхъ помогло скорому исправленію ошибки. Казимиръ и не думалъ о подавнн помощи вельмиымъ люддемъ, какъ Іоаннъ уже обступалъ Новгородъ: Татары, полки Тверскіе и Псковскіе были въ его распоряженіи. Странныя опустошенія возвѣстили Новгородцамъ о приближеніи Московскаго войска.³³⁷ Новгородцы, по старому обычаю, отправили въ станъ В. Князя просить опасныхъ грамотъ для пословъ своихъ, а между тѣмъ выслали отрядъ войска, надѣясь побѣдою вынудить условія легчайшія; но трудно было побѣдить городу, гдѣ господствовало раздвоеніе между гражданами, вдѣ большая часть ихъ смотрѣла на предпринятую войну, какъ на тяжкое преступленіе и хотѣла остаться чистою отъ него: новозбранный Владыка Эвифиль, тогда еще ревностной приверженецъ Москвы и старины, далъ тайный приказъ своему полку не сражаться съ войскомъ великокняжескимъ. Это погубило Новгородскую цѣхоту при Коростени.³³⁸ Вѣсть о проигранной битвѣ возбудила сильное волненіе въ гражданахъ: друзья Москвы и Православія ободрившись, но полость ихъ снова была заглушена въчниками: ихъ били, грабили, бросали въ Волховъ и наконецъ заставили молчать.³³⁹ Набрали новое войско: увѣдавъ, что Коростенское мораченіе произошло отъ недостатка въ конницѣ, господствующая сторона думала помочь злу, заставляя простыхъ гражданъ, купцовъ и ремесленниковъ съѣсть на коней и отправиться въ походъ противъ опытныхъ конныхъ дружинъ Низовыхъ и Татарь, всю жизнь на конѣ проводившихъ; большая часть новобранцевъ шла невольно не по недостатку храбрости, но по недостатку силы нравственной; убѣжденія въ своей правдѣ.³⁴⁰ Что случилось въ послѣдній походъ Василія Темнаго при Русь, то повторилось теперь при Шелонѣ: 40,000 Новгородцевъ не могли выдержать натиска 5,000 Москвитанъ; Татарская конница рѣшила двло: непривычныя всадники Новгородскіе, сбиваемые лошадьми, обратились въ бѣгство или попадали, поумертвѣе отъ страха.³⁴¹ Новгородцы ждали побѣды, которая могла дать имъ выгодныя условія; но теперь эта побѣда была на сторонѣ В. Князя, на его сторону перешло право предопредѣлять условія. Онъ далъ опасную грамоту для переговорщиковъ, а между тѣмъ, узнавъ, что изъ Новгорода отправился гонецъ въ Литву, понуждать Казимира къ подавнн скорой помощи; велѣлъ казнить смертію взятыхъ при Шелонѣ знатѣйшихъ защитниковъ Литовской измены, въ томъ числѣ Дмитрія Борецкаго; другихъ въ цѣдахъ разослать по городамъ Низовымъ.³⁴² О Казимирѣ

не было никакой вести; посла Новгородскаго не пропустили къ нему въ Ливонию³⁴³; казнь Борцакаго съ товарищами обезсилила Литовскую сторону и возвысила Московскую; народъ ропталъ на виновниковъ войны, столь несчастной³⁴⁴. Не смотря на все это, друзья старой воли хотѣли защищаться отъ В. Князя, со стороны котораго не могла ожидать умѣренныхъ условій; но доброжелатели послѣдняго также не были въ бездѣйствіи: въ одну ночь заколочено было 55 пушекъ³⁴⁵. Рѣшились попытать счастья въ переговорахъ, отправили новозбраннаго Феодіа быть челомъ Иоанну за виновныхъ гражданъ. В. Князь не отряхнулъ чалобиты, не нарушилъ старины, взялъ тяжкую пеню за проступокъ³⁴⁶, но удовольствовался условіями, заключенными въ послѣдній разъ отцемъ его; прибавлено было только, что Новгородъ обязывается не отступать отъ Москвы ни въ политическомъ, ни въ церковномъ отношеніяхъ, и даже не принимать на врагосторонныя князей Литовскихъ³⁴⁷.

Какъ объяснить такую умѣренность В. Князя? Необыкновенною осторожностію, наследственною въ потомствѣ Всеволода III? Въ самомъ дѣлѣ, судя по другимъ поступкамъ Иоанна, можно предположить, что онъ былъ неспособенъ къ предпріятію мврзъ рѣшительныхъ и, что другой на его мѣстѣ сдѣлалъ бы однимъ разомъ, то Иоаннъ совершалъ въ два; можно сказать, что Иоаннъ оробалъ предъ мыслию нанести рѣшительный ударъ Новгороду, и отложилъ предпріятіе до другаго разу, чтобъ обратиться съ силами, подумать. Съ другой стороны можетъ представиться вопросъ: былъ ли Иоаннъ способенъ возвыситься до мысли покорить Новгородъ, приравнять его къ городамъ Низовымъ? Не хотѣлъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ только поддержанія старины въ отношеніи къ Новгороду, какъ сначала поддерживалъ ее въ отношеніи къ Твери и Рязани? Софій Палеологъ еще не призжалъ въ Россію; ей современники приписывали внушеніе Иоанну всѣхъ важнѣйшихъ его замысловъ, весь новый порядокъ вещей, начавшійся въ его правленіе³⁴⁸; великая мысль государственнаго объединенія, выраженная въ словахъ: „Хочу властвовать въ Новгородъ, какъ властвую въ Москвѣ,“ не принадлежатъ ли Софій и вотъ объясненіе, почему эти слова были произнесены въ 1477 году, а не въ 1471! Всѣ эти предположенія съ перваго взгляда могутъ показаться основательными; но рассмотримъ обстоятельныя повѣденіе Иоанново во все время борьбы его съ Новгд-

родомъ, не найдемъ ли легчайшаго объясненія его порывительности по окончаніи перваго похода? Мы видѣли какое, въ началѣ борьбы, было самое выгодное положеніе В. Князя, дававшее ему перевѣсъ рѣшительный: это стать защитникомъ старины противъ новизны, на которую рѣшались Новгородцы. Что нужно было Юанну для усиленія своей стороны въ Новгородѣ? Показать неосновательность, бесполезность покушенія стороны противной, отнять у нея всякій предлогъ къ жалобѣ, всякое средство къ оправданію. Онъ такъ и сдѣлалъ: возложивъ на противниковъ пятно измѣны, онъ пошелъ на Новгородъ, объявивъ Россіи, что идетъ возвратитъ падшихъ чадъ Православію, возстановитъ старину; нарушеніе этой старины состояло въ отпаденіи къ Литвѣ и Латинству; возстановленіе должно было состоять въ возвращеніи къ Руси и Православію. Въ слѣдствіе неудачъ военныхъ Литовская сторона упала, Московская взяла перевѣсъ, и Новгородцы поклялись отстать отъ Литвы и Латинства — цѣль похода была достигнута; объявить требованія дальнѣйшія значило поступить непослѣдовательно, мало того, значило дать перевѣсъ противникамъ и низложить своихъ приверженцевъ; но какія могли быть слѣдствія такого поступка? Юаннъ зналъ, что предки его поступали неосторожно, когда заставляли Новгородцевъ кластся стоять за одинъ, умереть за правду и Св. Софію, что Невскій уступалъ гражданамъ, поклявшимся не выдавать своихъ; рѣшительность со стороны Юанна даже въ случаѣ успѣха, повела бы къ кровопролитію ужасному и бесполезному, тогда какъ медленность обѣщала однѣ выгоды, ибо давала Новгородцамъ время привыкнуть къ мысли о необходимости приравняться къ Москвѣ, а В. Князю давала время убѣдить ихъ въ этой необходимости. Что побудило Новгородцевъ отложиться отъ Москвы? Возможность выбора, возможность поддаться В. Князю Литовскому; но эта возможность въ глазахъ ихъ была теперь уничтожена; Литовская партія увидала ясно, что союзъ съ Литвою былъ ненавистенъ не только Москвитанамъ, но и большей части Новгородцевъ, увидала ясно также, какой помощи можетъ ожидать она отъ Литвы. Оставалось бороться съ Москвою собственными силами: Коростынская и Шелонская битвы доказали невозможность этой борьбы. Друзьямъ стараго быта оставалась одна надежда: Татары и семейныя распри могли еще отвлечь вниманіе В. Князя отъ Новгорода; Юаннъ носившій лишить ихъ и послѣдней надежды. Мы знаемъ, что В. Князь былъ всегда признаваемъ въ

Новгородъ верховнымъ судіею, блюстителемъ внутренняго наряда. Долговременное отсутствіе Великихъ Князей, долговременная невозможность заниматься дѣлами Новгорода, ослабили права В. Князя, не уничтоживъ ихъ. Мы видѣли, какой нарядъ имѣлъ мѣсто въ Новгородѣ при ослабленіи Княжеской власти, при господствѣ вѣчеваго народовластія, видѣли, какой характеръ носилъ вѣчевой судъ. Богатый бояринъ, имѣвшій возможность платить многочисленнымъ вѣвчанкамъ, могъ отважиться на все, могъ отважиться вооруженной рукою мстить свои оскорбленія; видѣли, что часто цѣлыя улицы, цѣлыя концы, враждовали другъ съ другомъ, стоя за то или другое лице, за того или другаго чиновника гражданскаго; сила рѣшала торжество, предводитель ославившей стороны достигалъ должности посадника, и въ этомъ званіи позволялъ себѣ мстить тѣмъ гражданамъ, тѣмъ улицамъ, тѣмъ концамъ, которые были противъ него. Что оставалось побѣжденнымъ въ слабымъ? Молчать и ждать усиленія своей стороны, которое подастъ имъ возможность собраться на вѣче, низложить соперниковъ и поступить съ ними по ихъ же примѣру. Такъ было при ослабленіи власти княжеской, когда В. Князь былъ далеко, а наместниковъ, точно такъ какъ и воеводъ, мало слушали. Но теперь, когда В. Князь успѣлъ восстановить свое право верховнаго судіи, и когда имѣлъ силу поддержать это право, тогда сторонѣ угнетенной не нужно было долго дожидаться удобнаго случая къ низложенію соперниковъ: она могла отдать свое дѣло на рѣшеніе В. Князя. Въ 1475 году посадникъ Василій Ананьинъ, съ 18 другихъ бояръ своей стороны, вздумали вооруженною рукою отомстить неприяженнымъ улицамъ, Славковой и Никитиной, пріѣхали съ толпою вооруженныхъ людей, ограбили тѣхъ, которые хотѣли защищаться. Въ то же время на Федоровской улицѣ староста ея Панфилъ, приверженецъ посадника, вѣдѣвъ съ двумя боярами, которые участвовали также въ грабежъ двухъ вышепоименованныхъ улицъ, напали на домъ неприяженныхъ имъ бояръ, Понарьиныхъ, разграбили имущество, перебили людей ³⁴⁹. Любопытно, что между именами виновниковъ этихъ насилій встрѣчаемъ имена большею частію извѣстныхъ враговъ Москвы; это обстоятельство ведетъ къ заключенію, что здѣсь дѣйствовали причины политическія, что на эту борьбу должно смотрѣть, какъ на продолженіе борьбы двухъ сторонъ — Литовской и Московской. Въ насиліяхъ, учиненныхъ на Славковой и Никитиной улицахъ, участвовали: посадникъ Василій Ананьинъ, тотъ

самый, который приказалъ въ Москву до двара похода и не хотѣлъ отвѣчать. В. Князь на жалобѣ его противъ Новгородцевъ ³⁵⁰; въ числѣ его товарищей встрѣаемъ: Селезневыхъ — Матвѣя и Якова, которыхъ братья Василій былъ вазненъ вмѣстѣ съ Дмитріемъ Борецкимъ; Андрея Телятева и Моисея Федорова; изъ отъихъ фамилій Яковъ Федоровъ и Пивель Телятевъ были свячены въ Шелонской битвѣ; наконецъ Аванасьевыхъ, которыхъ Иоаннъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, считалъ самыми жаркими приверженцами Литвы. Угнетенные приверженцы Москвы обратились къ своему естественному защитнику, Князю Московскому ³⁵¹: Иоаннъ не замедлилъ явиться. Новгородцы встрѣтили его, по обычаю, съ богатыми дарами; В. Князь хотѣлъ окружить себя необыкновенною торжественностію, хотѣлъ явиться настоящимъ главою Новгорода, хотѣлъ возстановитъ уваженіе къ В. Князю, потерянное слабыми его предшественниками, позволявшими себѣ вымаливать на вѣчь прошеніе въ нарушеніи условій. Владыка Обоонъ прислалъ къ дворянскому и конюшему великокняжескимъ двухъ незначительныхъ людей для распоряженій на счетъ състныхъ припасовъ; В. Князь разгнѣвался на архіепископа, и послѣдній едва успѣлъ умиловитъ его, приславъ съ припасами своего намѣстника ³⁵². Въ городскіихъ воротахъ Иоаннъ велѣлъ ³⁵³ Владыкѣ встрѣтитъ себя съ крестами. Между тѣмъ жалобники стремились со всѣхъ сторонъ, потому что, говоритъ летописецъ, Новгородцы долго жили на своей волѣ, а о В. Князѣ небрегли; оттого въ землѣ ихъ было много зла, безпрестанныя убійства, грабежи, раззоренія домовъ: кто былъ сильнѣе, тотъ и раззорялъ и увѣчимъ слабого противника. ³⁵⁴ Наконецъ явились и главные жалобники: жители улицъ Славковой и Никитиной и бояре Полярныи. В. Князь далъ судъ въ присутствіи архіепископа и знатнѣйшихъ Новгородцевъ, нашелъ несправду обвиненныхъ и велѣлъ захватитъ ихъ; въ то же время отдалъ подъ стражу Ивана Аванасьева съ сыномъ Алеріемъ за преданность Литвѣ ³⁵⁵. На третій день послѣ суда архіепископъ и другіе знатные граждане пришли бить челомъ, чтобъ В. Князь смилословся; простилъ виновныхъ; Иоаннъ удивился просьбамъ Владыки: „Ты самъ, отецъ мой, знаешь, отвѣчалъ онъ, сколько и правде эти люди причинили зла Новгороду, да и тебѣ все зло, какое ни есть въ нашей отчинѣ, все отъ нихъ: какъ же мнѣ ихъ жаловать ³⁵⁶“. Изъ этихъ словъ видно, что обвиненные всѣ были приверженцы Литвы и враги Москвы; ибо В. Князь прямо сказалъ, что отъ нихъ

произошло все прежнее зло, т. е. союзъ Литовскій. Феодилу, чего было вразумить на слова Иоанна, оставить въ Новгородѣ предводителей Литовской стороны было бы величайшею безразсудностию со стороны В. Князя; отправить ихъ въ Москву — значило оставить партію безъ главъ, низложить ее совершенно, и тамъ приготовить себя легкое покореніе; Иоантъ посыпшилъ отослать ихъ въ Москву. Отмена стараго Новгородскаго быта была рѣшена; Иоантъ искалъ только случая объявить объ этомъ гражданамъ. Въ Февралѣ 1476 года В. Новгородъ опять отправилъ своего Владыку и анатлийскихъ гражданъ въ Москву битъ челомъ объ освобожденіи заключенныхъ бояръ: В. Князь не отпустилъ ни одного. Вѣче умогло, ибо обиженные трюжили о притѣсненіи сильныхъ не на дворѣ Яродава, ни у Св. Софіи, но на дорогѣ въ Москву; право судитися только въ Новгородѣ было забыто, ибо для обиженныхъ величайшее право есть право требовать защиты. Въ 1477 году такое положеніе дѣлъ принудило посадника Захарію Овчина явиться въ Москву отдавать на жалобы, просить управы на неслучившихъ. Лѣтописецъ говоритъ, что этого не бывало отъ начала, какъ земля стоитъ, какъ В. Князя начали быть отъ Рюрика до Ивана III ³⁵⁷; лѣтописецъ позабылъ отдаленную старину.

Иоантъ видѣлъ, что все было приготовлено: противная партія безмолствовала безъ главъ своихъ; народъ дряхлѣлъ, видѣть верховнаго судію въ Князѣ Московскомъ; вѣче молчало, но могло заговорить при первомъ удобномъ случаѣ, при первой побѣдѣ Ахмата или Хаца Казанскаго, и посадникъ все еще сидѣлъ въ судѣ подлѣ Московскаго намѣстника; надобно было освободиться и отъ вѣчи, и отъ посадника. Въ томъ же 1477 году послы Новгородскіе: Назаръ, Подвойскій, да Захарія, дьякъ вѣчевой, говоря отъ имени Новгорода, назвали Иоанна, вмѣсто господина, Государемъ ³⁵⁸. Господинъ было простымъ выраженіемъ учтивости, Государь или Господарь значило отнѣщеніе служебное, зависимость безусловную. Псковитяне давно уже въ сношеніяхъ съ В. Княземъ умотребляли титулъ Государя ³⁵⁹, сохраняя при этомъ вѣче и посадника, но положеніе Новгорода не допускало такихъ неопредѣленныхъ учтивостей. В. Князь тотчасъ послалъ спросить обстоятельнѣе: «Каково государства хотятъ Новгородцы? Назвать Московскаго князя государемъ значить безусловно ему покориться, т. е. посадить по всѣмъ угламъ для суда его плутовъ; отдать ему дворъ Яродава,

повиноваться одному его наместнику безъ посадинна ³⁶⁰. Вече изумилось; оно не ожидало такой скорой перемены старшины, и отъ того Князя, который показалъ себя прежде такимъ ревностнымъ ея охранителемъ. Оно вспомнило свой старый обычай: не смѣя обвинять В. Князя, обвинило собственныя гражданъ, обманувшихъ его и Новгородъ, и умертвило ихъ; потомъ думали шесть недѣль, честили посла великокняжескаго, и наконецъ отправили съ отвѣтомъ: „Умоляемъ не нарушать старины, но вѣрно исполнять условія Коростынскаго договора, сохранять старый титулъ, старый судъ: перевѣтники хотѣли насъ поссорить; казни ихъ самы; мы, съ своей стороны, казнимъ также, кого същемъ.“ Теперь Новгородцы опять начали говорить о старинѣ; но у В. Князя была своя старина: прежде, говорилъ онъ, Новгородцы не лгали, не говорили въ Москвѣ одно, а въ Новгородѣ другое; прежнихъ В. Князей они не называли лжецами ³⁶¹. Иоаннъ объявлялъ походъ, собралъ огромное войско, но звалъ, что битвы не будетъ: при первомъ волненіи народномъ приверженные къ Москвѣ бояре явились ко двору В. Князя и обстоятельно донесли о состояніи дѣлъ Новгородскихъ ³⁶². Въмѣсто опасной грамоты, какъ просили Новгородцы, Иоаннъ отправилъ къ нимъ складную. На дорогѣ онъ не встрѣтилъ враждебныхъ войскъ, готовыхъ къ сраженію: вмѣсто нихъ безпрестанно являлись Новгородскіе бояре, съ просьбою о вступленіи въ службу В. Князя. Увѣренный въ успѣхъ, Иоаннъ велѣлъ представить къ себѣ Новгородскихъ пословъ, задержанныхъ, по его приказу, въ Торжкѣ; они били ему челомъ объ опасной грамотѣ для Владыки и назвали Государемъ: Иоаннъ далъ онѣмъ. Теофиль явился съ посадниками и выборными отъ Житыхъ; просилъ о прекращеніи войны и о прощеніи виновныхъ бояръ, заключенныхъ въ Москвѣ. Иоаннъ угостилъ пословъ обѣдомъ и отправилъ къ своимъ боярамъ для переговоровъ. Здѣсь они просили востановленія вполнѣ Коростынскихъ условій, да кромѣ того еще требовали подчиненія Московскихъ подданныхъ Новгородскому суду. В. Князь велѣлъ отвѣчать: „Вы отправили къ намъ пословъ, которые называли насъ Государями; мы послали спросить васъ, что вы разумете подъ этимъ именемъ, и вы злились, что посламы не наказывали и упрекали насъ насильемъ. После этого мы долго ожидали вашего исправленія, но тщетно, и потому рѣшились управиться судомъ Божиимъ. Теперь вы напоминаете о задержанныхъ боярахъ вашихъ; но на ихъ грабежи и насилія жаловался весь Новгородъ; ихъ вина была найдена въ присут-

ствіи Владыки и вась, посадниковъ, послѣ чего надлежало казнить ихъ смертію; но, онисходя на ваше челобитье, я перемѣнилъ казнь на заключеніе: чего больше вы можете отъ меня требовать? Въ заключеніе сказано было посламъ: „Если Новгородъ хочетъ просить помилванія, то онъ знаетъ, какъ онъ долженъ просить его“³⁶³. Послы просили отерочки, посоветовались съ гражданами, и возвратились съ повинною, что точно посылали Назара и Захара съ извѣстнымъ предложеніемъ. „Если такъ, велѣлъ сказать имъ В. Князь, если вы признаетесь, что хотѣли имѣть меня Государемъ, то сами знаете, что это значититъ: мое государство въ Новгородѣ должно быть такое, какое оно въ Москвѣ“³⁶⁴. Послы просили подумать, Иоаннъ далъ имъ два дня сроку. Офицъ возвратился съ выборными изъ всѣхъ сословій, и просилъ поговорить съ боярами; Иоаннъ приказалъ. Посадники начали предлагать условія, и между ними одно, въ которомъ Новгородъ показывалъ всю вину свою предъ Россією, всю необходимость уничтоженія своего стараго быта, несовмѣстность его съ могуществомъ и благомъ общаго отечества, показывалъ, что онъ неспособенъ къ новой жизни, къ которой Москва призвала Россію, и хочетъ удержатъ свой старый, особый бытъ, съ своимъ обычаемъ: послы просили позволенія — не проливать крови за Россію вмѣстѣ съ другими городами и защищать только свои собственные предѣлы тамъ, гдѣ они сходятся съ народами чуждыми³⁶⁵. Болре донесли Иоанну о требованіяхъ Новгородцевъ; онъ велѣлъ отвѣчать: „Вы назвали меня Государемъ, т. е., властителемъ неограниченнымъ, какимъ я да Москвѣ, а теперь предлагаете мнѣ условія, указываете, какъ править вами!“ Послы отвѣчали: „Мы не указываемъ, но желаемъ только знать, какъ Государю угодно править въ Новгородѣ, ибо Новгородъ не знаетъ обычая Низовскихъ странъ.“ В. Князь велѣлъ сказать имъ обычай Низовскихъ странъ: „Ни вѣчу, ни посаднику у васъ не быть, быть одной власти государевой.“ Послы согласились; Новгородъ вошелъ вторично въ общую жизнь Россіи; летописецъ говоритъ, что Новгородскій вѣчевой колоколъ привезли въ Москву и повѣсили на площади *звонить, вмѣстѣ съ другими колоколами*³⁶⁶.

Обозрѣвъ исторію отношеній Новгорода къ В. Князямъ, какое же заключеніе мы должны вывести о характерѣ этихъ отношеній, равно какъ о характерѣ Новгородскаго народовластія?

Быль ли Новгородъ республикою, въ которой развивался особый бытъ, не имѣвшій ничего общаго съ бытомъ другихъ городовъ Русскихъ? Отдѣлился ли онъ своимъ бытомъ при Ярославлѣ I-мъ, который грамотами утвердилъ его особое устройство, или отдѣлился отъ новой Руси вмѣстѣ со старою и, потомъ, оставшись одинъ представителемъ послѣдней, не могъ удержать старины и преклонился предъ городами юнѣми? Что показали намъ событія?

Событія показали намъ, что не ко временамъ Ярослава I-го должно относить начало Новгородскаго народовластія, и не въ грамотахъ этого князя искать опредѣленія и утвержденія правъ его. Начало Новгородскаго народовластія совпадаетъ съ началомъ самого города, относится къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда нѣсколько родовъ Славянскихъ поселились впервые на берегахъ Волхова. Мы видѣли, какія причины препятствовали этому обществу къ развитію изъ самого себя правительственнаго начала; наконецъ это начало явилось извнѣ, было принесено князьями Варажскими. Вѣче умолкло, междуусобіе прекратилось, но не надолго: между самыми князьями скоро возникли споры; сила была призвана для ихъ рѣшенія; городское народонаселеніе не замедлило объявить, что и оно можетъ въ немъ участвовать; вѣча снова зашумѣли въ старыхъ городахъ, въ Новгородѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Верные обыкновенію, со временъ Олега утвердившемуся и скрѣпленному распоряженіемъ Ярослава I-го, Новгородцы постоянно признавали своимъ княземъ старшаго въ родѣ Ярослава, державца Кіевского, ему посылали дань, отъ него принимали намѣстника или посадника, князя, или простаго боярина. Но престолъ великокняжескій сталъ переходить изъ одной ливніи въ другую, за его обладаніе возникли споры и междуусобія: вмѣстѣ съ Кіевомъ и Новгородъ долженъ былъ подвергнуться безпрепятственнымъ перемѣнамъ, переходить отъ одного князя къ другому, слѣд. всѣ споры между членами рода Ярославова, всѣ междуусобія, отъ того происшедшія, должны были найти отзвучіе и въ Новгородѣ; внутренній нарядъ снова былъ нарушенъ; шумныя вѣча, волненія, междуусобія, участившеся. Народъ привыкъ къ нимъ, привыкъ самъ рѣшать судьбу свою, привыкъ, при первомъ неудовольствіи, требовать новаго порядка вещей и силою поддерживать свои требованія. Таковы были для Новгорода слѣдствія господствовавшаго въ старейшей Руси порядка вещей — нераздѣльности владѣнія между членами княжеской семьи и правъ

старшаго въ родѣ. Этотъ порядокъ вещей измѣнился на сѣверовостокахъ, въ сосѣдней Новгороду области Ростовской. Здѣсь, благодаря господству новыхъ городовъ и предпочтенію, которое Андрей и его преемники умѣли оказать имъ, явилось новое понятіе собственности неотчуждаемой. Безпрерывный переходъ князей изъ одного города въ другой прекратился; они усвоили каждый въ своемъ удѣлѣ, каждый старался, вопреки старшинству, получить городъ стольный съ его областію, но уже не для одной чести считаться старшимъ въ родѣ, а для усиленія себя на счетъ остальныхъ князей, для распространенія своего удѣла на счетъ сосѣдей. Для утвержденія новаго порядка вещей Сѣверной Россіи должно было освободиться на время отъ Россіи Южной, гдѣ старый бытъ господствовалъ и откуда являлись на сѣверъ непобѣдимые князья, съ угрозою задавить новорожденное государство. Этому освобожденію помогли Монголы. Геній старой Руси, герой Липецкій, не измѣнилъ старинъ и на берегахъ Калки завелъ котору съ братією и принужденъ былъ обратить тылъ предъ невѣдомыми врагами. Старая Русь, испепеленная Татарами, поддалась князьямъ Литовскимъ и потеряла свой прежній бытъ: Новгородъ, остался одинокимъ представителемъ прошедшаго, одинъ напоминалъ о старинѣ, уже непонятной и враждебной. Лишенный помощи южныхъ князей, старый городъ не могъ бороться противъ соединенныхъ пригородовъ, и потому видѣлъ единственное средство спасенія въ ихъ разьединеніи, въ междоусобіяхъ князей и въ ихъ зависимости отъ степныхъ варваровъ, т. е., видѣлъ единственное средство спасенія въ бѣдствіяхъ, въ безсиліи Россіи, ея униженіи; можно сказать, что одряхлѣвшій городъ поддерживалъ свое бесполезное существованіе кровію, слезами, стыдомъ городовъ юныхъ Стѣсненнѣй сильною Тверью, онъ старался противопоставить ей Москву; Москвѣ, усилившейся на счетъ Твери, хотѣлъ противопоставить Нижній Новгородъ: послѣднее желаніе не исполнилось: Москва была могущественна, Орда въ изнеможеніи. Тогда Новгородъ сдѣлалъ послѣднюю отчаянную попытку: онъ обратился къ другому В. Князю Русскому, снова хотѣлъ возбудить силы старой Руси противъ новой, завязать смертельный бой между Литвою и Москвою; но враждебный рокъ увлекалъ Литву къ западу, и союзъ съ нею положилъ только на Новгородъ пятно тяжкой измѣны, измѣны върѣ предковъ.

Съ 1478 года въ Новгородъ уже не было болѣе ни вѣча, ни посадника; но представитель старыхъ городовъ не могъ вдругъ забыть своей старины, спокойно подчиниться формамъ быта ненавистныхъ пригородовъ, и потому движенія въ пользу прежняго порядка вещей должны были находить въ немъ сильныя отзвучія. Мы видимъ, что старый бытъ Новгорода поддерживался княжескими междоусобіями, дававшими ему возможность выбора между соперниками; прекращеніе междоусобій смертію Шемяки возвестило надеіе Новгорода: ихъ возобновленіе должно было снова воззвать къ жизни умолкнувшее вѣче. Двое братьевъ Іоанна III — Андрей Большой и Борисъ, негодуя на В. Князя за то, что онъ назначилъ, мимо ихъ, соправителемъ сына своего, Іоанна Молодаго, вздумали вооруженною рукою заставить его отказаться отъ новаго порядка престолонаслѣдія. Разумѣется, что въ этой попыткѣ оживить старину удѣльные князья должны были надеяться самого ревностнаго содѣйствія отъ знаменитаго ноборника старины — В. Новгорода. Въ 1479 году В. Князь получилъ тайное извѣстіе, что Новгородъ измѣнилъ присягу и снова соединился съ Литвою. Король обещалъ немедленно явиться съ полками и послалъ, съ одной стороны, къ Хану Большой Орды звать его на Москву, а съ другой къ Папѣ съ просьбою о денежномъ вспоможеніи для успѣха въ дѣлѣ, которое неминуемо повлечетъ за собою присоединеніе огромной области къ Римской Церкви; Папа назначилъ на военныя издержки сборъ со всѣхъ Церквей Польскихъ и Литовскихъ. Новгородцы послали и къ Ордену съ просьбою о союзѣ противъ Москвы, но Нѣмцы отrekliсь, боясь Псковитянь, которые ничего не знали о намѣреніяхъ своихъ старшихъ братьевъ и ревностно держались Московскаго Государя. Последний показалъ въ этихъ опасныхъ обстоятельствахъ благоразуміе и рѣшительность необыкновенную. Взявъ съ собою только тысячу челоувѣкъ, онъ посмѣшно отправился къ Новгороду миромъ, надеясь внезапнымъ своимъ появленіемъ задавить крамолу, а между тѣмъ, подъ предлогомъ войны Ливонской, велѣлъ сыну набирать войска и спѣшить за собою слѣдомъ; заставы были разставлены повсюду, дабы не дать къ Новгороду вѣсти о наборѣ и приближеніи многочисленной рати. Но всѣ эти предосторожности были тщетны: на границахъ Московской области Іоаннъ свѣдалъ, что Новгородцы затворились и не намѣрены пускать его миромъ. Тогда В. Князь дождался своихъ полковъ и немедленно приступилъ къ Новгороду. Тѣже обстоятельства, которыя способство-

вали первому торжеству его, помогли ему и теперь: единственное средство избавиться отъ Москвы — союзъ съ Литвою былъ ненавистенъ приверженцамъ древняго Православія; они противились Литовскимъ сторонникамъ на вѣчъ и толпами перебѣгали въ станъ Московскій. Тогда Архіепископъ послалъ къ В. Князю требовать опаса, забывъ, что имѣетъ дѣло съ Іоанномъ III. Последний очень хорошо зналъ, что дать опась и вступить въ переговоры съ Новгородомъ значило дать последнему видъ независимой державы, и потому отвѣчалъ: „Я самъ опась для невинныхъ и государь вашъ; отворите ворота: невинные не потерпятъ отъ меня ни малѣйшаго оскорбленія, а между тѣмъ разрушительная стрѣльба изъ пушекъ не прекращалась: „бѣ бо Аристотель искусенъ зѣло,“ говоритъ летопись. Наконецъ отворились ворота, и Архіепископъ, въ сопровожденіи посадника, тысяцкаго (ибо Новгородцы поспѣшили возстановить свои древнія формы правленія), старость пяти концевъ, бояръ и всего народа вышелъ на встрѣчу къ В. Князю. Виновные граждане пали ницъ и просили прощенія. Іоаннъ спокойно благословился у Архіепископа и сказалъ во всеуслышаніе; „Я, Государь вашъ, даю миръ всѣмъ невиннымъ, не бойтесь ничего!“ и отправился, по обычаю, къ Св. Софіи, а потомъ въ домъ Ефима Медвѣдева, новаго посадника, гдѣ и остановился. Въ тотъ же день 50 человекъ главныхъ крамольниковъ были захвачены и пытаны: тутъ только В. Князь узналъ объ участіи Архіепископа въ заговоръ и о сношеніяхъ братьевъ своихъ съ Новгородцами. Теофилъ былъ взятъ и отосланъ въ Московскій Чудовъ монастырь подъ стражу, богатство его отобрано въ казну; 100 главныхъ крамольниковъ подверглись смертной казни; 100 семей дѣтей боярскихъ и купцовъ разсланы по Низовымъ городамъ; 7,000 семей купцовъ и черныхъ людей разведены по посадамъ и тюрьмамъ: „И тако конечнѣ укроти В. Новгородъ“, говоритъ летописецъ ³⁶⁷.

Д. Ч. С. Соловьевъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

- ¹ Соф. врем. II, 100.
- ² Тамъ же.
- ³ Ипатьев. лѣтоп. стр. 40: На утрѣи же день пославъ Иаиславъ на Ярославъ дворъ, и повелѣ звонити вѣче и проч.
- ⁴ Новгород. пер. лѣт. стр. 12, 36; Ипатьев. 97.
- ⁵ Новгород. пер. стр. 46.
- ⁶ Тамъ же.
- ⁷ Новгород. втор. стр. 136.
- ⁸ Новгород. пер. 65.
- ⁹ Историч. разгов. о древн. Новгорода, стр. 51.
- ¹⁰ Новгород. пер. стр. 87.
- ¹¹ Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, т. I.
- ¹² Акты арх. экспед. т. I. No. 91.
- ¹³ Тамъ же, No. 92.
- ¹⁴ Тамъ же, No. 87.
- ¹⁵ Собр. г. г. и. д. т. I.
- ¹⁶ Тамъ же.
- ¹⁷ Новгород. пер. стр. 15.
- ¹⁸ Тамъ же, стр. 37.
- ¹⁹ Соф. врем. II, 164 и слѣд.
- ²⁰ Тамъ же.
- ²¹ Новгор. пер. стр. 8.
- ²² Соф. врем. II, 183.
- ²³ Новгор. пер. стр. 31.
- ²⁴ Тамъ же, стр. 36.
- ²⁵ Акты арх. эксп. т. I, No. 92.
- ²⁶ Новгор. пер. стр. 37.
- ²⁷ Тамъ же. стр. 44.
- ²⁸ Тамъ же, стр. 46.
- ²⁹ Тамъ же, стр. 65.
- ³⁰ Тамъ же.

- ³¹ Тамъ же, стр. 76.
- ³² Тамъ же, стр. 82.
- ³³ Тамъ же, стр. 30.
- ³⁴ Лѣтоп. по Лавр. сп. над. Тмк. стр. 5.
- ³⁵ Script. Hist. Byz. XXII, p. 78.
- ³⁶ Procop. de bello Goth. t III, c. 14.
- ³⁷ Кралодвор. рукопись, Sném.
- ³⁸ Ипатьев. стр. 17.
- ³⁹ Тамъ же.
- ⁴⁰ Новгор. пер. стр. 11.
- ⁴¹ Акты арх. епис. т. I, No 91: А повозъ по волостямъ Ноугородскимъ позывати позовникамъ Великихъ Князей, да Ноугородскимъ; а въ городъ позывати Князей Великихъ подвойской, а Ноугородской подвойской. — Тамъ же, No. 92: А кого утяжутъ въ наваздъ и въ грабежи ино ваятъ Великимъ Княземъ и Великому Ноугороду на виноватомъ и проч.
- ⁴² Новгор. пер. стр. 44: Той же зимѣ побѣже Федоръ Даниловицъ съ тиуномъ Якимомъ, помнѣше съ собою два княжичи Федора и Александра... тѣгдаже Ноугородцы рѣша: дажь что зло съдумавъ на Святую Софію, а побѣглъ, а мы ихъ не гонили, въ братью свою осме казнили, а князю осме ала не створили никотораго же.
- ⁴³ Ипатьев., стр. 146.
- ⁴⁴ Лавр. стр. 100: «Святополкъ же окаянный нача княжити Къмѣ. Сзававъ люди, нача дати овѣмъ корня, а другимъ кунами и раз дал множество.» — Еще прежде, тотчасъ по смерти Владиміра, онъ поступилъ подобнымъ же образомъ, см. тамъ же стр. 94.
- ⁴⁵ Кѣнигсберг. стр. 118.
- ⁴⁶ Патерикъ Печер. житіе Св. Прохора.
- ⁴⁷ Кѣнигсберг. стр. 142: Въ лѣто 8804. Святополкъ и Володиміръ посласта ко Ольгови, глаголюще сице: »Пойди Кіеву, да Урядъ положимъ о землѣ Русской предъ Епископы и Игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили Русскую землю отъ поганыхъ.« Олегъ же воспріимъ смыслъ буй и словеса величава, рекъ сице: »Нѣсть мене лѣпо судити Епископу или Игумену, или смердомъ.«
- ⁴⁸ Кѣнигсберг. стр. 133.
- ⁴⁹ Ипатьев. 10: Володимеръ Мономахъ, иже просвѣти Русскую землю, аки солнце луча пушчал; егоже слухъ произиде по всимъ странамъ, наипаче же бѣ страшень поганымъ, братолюбець, и нищелюбець и добрый страдальць, за Русскую землю. — Тамъ же, стр.

15: Се бо Мъстиславъ Великій наследн отца своего потъ Володимера Мономаха Великаго. Володимиръ самъ собою ностоя на Дону, и много пота утеръ за землю Русскую.

⁶⁰ Патер. печер. житіе Св. Прохора : Ся слышавъ князь Святосолкъ, устыдѣся о дѣлѣ своемъ, и шедъ въ Печерскій монастырь, смирился со Игуменомъ Іоанномъ: прежде бо вражду имѣяше на него, обличенія ради о несмыслѣ богатства, и озлобленіи людей: тѣмъ же и въ Туровъ того заточилъ, обаче уболевся востаніа на ея Христолюбиваго Князя Владиміра Мономаха, скоро возврати съ честію въ Печерскій монастырь.

⁶¹ Ипатьев. стр. 31: Кіеве же рекоса (Ізяславу): «княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимирѣ племя руки вѣнцати; омиа же Ольговичъ хотя и съ дѣтми.» См. тамъ же стр. 35.

⁶² Тамъ же стр. 4.

⁶³ Въ лѣтописи ны различаемъ два рода дружинъ: дружину городскую и дружину собственнокняжескую. Если князь, по какому бы то ни было случаю, оставлялъ городъ, то дружина его оставалась въ старомъ удѣлѣ и вступала въ службу новаго князя; но часто нѣкоторые изъ ея членовъ, или изъ особенной привязанности къ князю, или отъ нерасположенія къ его преемнику, оставали старый удѣлъ и слѣдовали за любимымъ княземъ въ новыи, или куда бы то нибыло: эту-то дружину ны назвали собственно княжескою. Такъ читаемъ въ Ипатьев. лѣт. стр. 27: «И тако побѣже Святославъ (Ольговичъ) изъ Новгорода (Сѣверскаго) Корачеву; дружина же его, они во немъ идоша, а друаин осташа его.» Или стр. 54: «Ізяславъ же (Мстиславичъ) рече дружинѣ своей: «ны есте по мнѣ изъ Русскыя земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизній лишився, а язъ пакы своя дѣдины и отчины не могу перезрѣти: но любо голову свою сложю, пакыли отчину свою надезу и вашу всю жизнь.» — Ясно, что такая дружина пользовалась особенною привязанностію князя, предпочтительно предъ старою дружиною, найденною въ новомъ удѣлѣ: отсюда ропотъ послѣдней и негодованіе гражданъ; старая дружина, отстраненная новою и униженная ею, всѣми силами старалась сбыть пришлецовъ; такъ Кіевляне, убѣждая Ізяслава Мстиславича смѣнить Ольговичей, говорили: «Ты намъ князь, поѣди Ольговичъ не хочемъ быти акы въ задничи,» т. е. отстраненными въ пользу Черниговцевъ (Ипатьев. стр. 23).

⁶⁴ Тамъ же, стр. 22: А ныиъ, княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ, и съ братомъ своимъ: аще кому насъ обида, то ты прави. „Святославъ же рече имъ: язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ вы насилья ни которото же, а се вамъ и тивунъ, а по

вашей воли Игорьъ же ослѣдъ съ коми , и цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ воли.

⁵⁵ Ипатьев. стр. 76 : Мужи же боровяхуть ему (Ростиславу) поити Чернягову, рекучи ему: „се Богъ помялъ строя твоего Вячеслава, а ты ся еси еще съ людьми Кіевъ не утвердилъ ; а поѣди дѣлае въ Кіевъ же, съ людьми утвердишя. — Тамъ же, стр. 96 : о радѣ Мстислава Изяславича съ Кіевлянами; о томъ же Густин. стр. 930: Мстиславъ же вниде въ Кіевъ и сотвори радѣ съ Кіянны.

⁵⁶ Тамъ же стр. 66, 82 Никонов. II. 224.

⁵⁷ Кѣнигсберг. стр. 261 : Новгородци бо изначала; и Смоленские и Кіянне и Полочане, и вся власть яко же на думу на вече оходято, на что же старѣйшии адумаютъ, на томъ же и пригороди стануть.

⁵⁸ См. примѣч. предшествовавшее.

⁵⁹ Суздаль, вѣроятно, основанъ при Св. Владиміръ, ибо упоминается уже при Ярославѣ 1-мъ (см. Никонов. I, 130, Воскр. I, 181; Соф. врем. I, 150); Ярославъ при Ярославѣ 1-мъ, ибо упоминается уже при сынѣ его Изяславѣ (см. Воскр. I, 198; Соф. вр. I, 163; Соф. 126; Никон. I (161). Юрій Долгорукій утвердилъ столъ свой въ младшемъ Суздалѣ: отсюда названіе земли Суздальской смѣняется иногда названіе Ростовской, однако последнее преобладаетъ. Ипатьев. стр. 81: Вячеславъ же рече (Юрію): „у тебя сыновъ 7..... поѣди же у свой Перемиславъ и въ Курескъ, и съ своими сыны, а онамо у тебе *Ростовъ великій* и проч. См. тамъ же, стр. 81, 82, 87, 99, 102, 105. Объ относительномъ богатствѣ и великолѣпін Ростовъ свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто лѣтописи: (Ипатьев. стр. 88). Томъ же лѣтъ погорѣ Ростовъ, и церкви вси, и собраня дивная великая церкви святая Богородица, яко же не было, никогда же ни будетъ.

⁶⁰ Ипатьев. стр. 41.

⁶¹ Это нелюбье Кіевлянъ Долгорукій раздѣлялъ вмѣстѣ съ потомствомъ Святослава Ярославича; причинами были тѣже: своевольство Суздальской дружины въ Кіевѣ и частые союзы Юрія съ Половцями. Ипатьев. стр. 81.

⁶² Тамъ же стр. 78.

⁶³ Тамъ же, стр. 91.

⁶⁴ Исключая одного похода на Болгаръ въ 1164 г.

⁶⁵ Вотъ какъ современники смотрѣли на отношеніе удѣльныхъ князей къ Великому: „Володимеру бо еще въ Кіевѣ суцю, собирающу ему вой многи и молящю Бога о насильи и о гордости Ярославли, бѣ бо и Мотислава пустилъ передъ собою къ Володимерю съ маломъ вой, а самъ хотя поити по немъ съ всеми вой: и бысть

велика помощь Божія благовѣрному князю Володимеру, съ своими сынами, за честное его житѣе и за смиреніе его, оному бо младу сущю и гордящюся *противу строеви своему*, и *паки противу тѣсти своему Мѣстиславу* “ (Ипатьев. стр. 9). Здѣсь Ярославъ виноватъ, по мнѣнію современниковъ, тѣмъ, что не уважалъ дяди и тестя: исключительно одни родственныя отношенія, ни слова о государственныхъ.

⁶⁶ Правда = клятва, крестное цѣлованіе: И рече имъ Князь великій Святуполькъ: межн нами Богъ и *правда* есть, како урядились есмь съ Володимеромъ и проч. (Кѣнигсберг. стр. 166). — Иначе (Андрей Иванов. Старицкій) со княземъ съ Иваномъ ссылатся, и у князя Ивана учалъ *правды* просити; что его Великому Князю и его матеръ Великой Книгинѣ не поймати..... и Князь Великій и его мати В. Книгиня, на Князя на Ивана на Овчину о томъ словесную опалу великую наложиша, что безъ ихъ велѣнія Князю Андрею *правду* далъ (Кн. Царств. стр. 71). — И тую всю грамоту послали къ тебѣ съ твоими послы, учая на ней *правду* передъ твоими послы (Кн. Посольская Метрики В. К. Литовскаго т. I, N° 78).

⁶⁷ Ипатьев. стр. 116: Пріѣхаша же со всею силою Ростовскія земли на Михаляка къ Володимерю и много зла створиша, и Муромьцѣ и Рязаньцѣ приведоша, и пожьгоша около города. Володимерьцѣ же бѣхутся съ города, святѣй Богородици помогающе имъ; и столяша около города 7 недѣль и святая Богородице избави градъ свой. Володимерци же, не терпяще глада, рѣша Михаляку: „мирися, либо промышлай собѣ;“ онъ же отвѣщавъ и рече: „правн есте, ци мене дѣле хотите погнунити?“ поѣха въ Русь, проводиша его Володимерьци съ плачемъ великимъ. Потомъ же Володимерци утвердишеся съ Ростиславичема крестнымъ цѣлованіемъ, како не створити има никакого зла городу, и выйдоша, со кресты, противу Мѣстиславу и Ярополку изъ города. И вышедъша въ городъ утѣшиста Володимерьцѣ, и раздѣлившѣ волость Ростовскую и сѣдоста княжить; а Ярополка Князя посадиша Володимерьцѣ, съ радостью въ городъ Володимерь на столѣ, въ святѣй Богородици весь порядъ положивше. Не противу же Ростиславичема бѣхутся Володимерьци, но не хотяче покоритися Ростовьчемъ и Суждальцемъ и Муромьцемъ, зане молвахуть: „пожьжемъ Володимерь, алъ пакъ много посадника въ немъ посадимъ; то суть наши холопѣ каменъници.“

⁶⁸ Тамъ же.

⁶⁹ Тамъ же: И послашася къ Ростовьчемъ и къ Суждальчемъ, являюще имъ обиду свою. Они же словомъ суще по нихъ, а дѣломъ суще далече; а бояре Князю тою крѣпко держахуся.

- ⁷⁰ Кёнигсберг. 262.
- ⁷¹ Тамъ же, стр. 263: Володимирцы же помянуша Бога и крестное цѣлованіе къ Великому Князю Георгію, и вышедше предъ золотая ворота, цѣловаша крестъ Всеволоду Князю, брату Михалкову, и на двѣхъ его.
- ⁷² Тамъ же, стр. 264: молвахуть бо ему: „аче ты миръ даси ему, а мы ему не дамы.“
- ⁷³ Никонов. II, 310, 311: Князь же Константинъ не поиде в Володимеръ къ отцу своему, и поѣла къ нему сице глаголя: „отче чюдный и любезный даждь ми старый начальный градъ Ростовъ, и к нему Володимеръ ... Князь Великой же Всеволодъ Юрьевичъ посла к нему второе, да приидеть къ нему; онъ же не поиде. И пави третие посла к нему, да приидеть к нему в Володимеръ; онже не послуша отца своего, и не повѣхаша к нему, глаголя: да ми даси и Володимеръ к Ростову.
- ⁷⁴ Кёнигсберг. 261: и бысть радость велика въ Володимири. За 7 недѣль безъ Князя будуще, въ Володимеръ градъ только возложиша всю надежу на Бога и на пречистую его матеръ и на свою правду города старыи Ростовъ и Суждаль, и вси боляре хотяще свою правду поставити, а не хотѣху правды Божіей творити, но како намъ любо, рекоша, тако же сотворимъ; Володимеръ есть пригородъ нашъ. Противящесь Богу и пречистой его матери и правдѣ Божіей, слушающе злыхъ чловѣкъ развратниковъ, не хотящихъ намъ добра завистью, ни граду сему и живущимъ въ немъ Ростовцы и Суждальцы давниѣ старшіи творящесь, новіи жъ люди и мизеніи Володимерстїи уразумѣвше, яшась по правду крѣпко, и рѣкоша вси: „любо Михалка князя надъземъ собѣ и брата его Всеволода, а любо главы своя за святую Богородицу и за тые князи сложимъ:“ Се бо Володимерцы прославлени Богомъ по всей земли, за ихъ правду Богу имъ помогающу.
- ⁷⁵ Лавр. стр. 15: Се же Олегъ нача города ставити, и устави дани Словеномъ Кривичемъ, и Мери; и Варягомъ дань дати отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля, еже до смерти Ярославля даяша Варягомъ. — Тамъ же стр. 92: Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урокомъ дающи Кіеву двѣ тысячѣ гривенѣ отъ года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху а тако далху (вси) посадници Новгородскіе.“ Въ первомъ извѣстіи племя Славянъ (собственно такъ называемыхъ или Ильменскихъ) отдѣлено отъ главнаго ихъ города: Славяне плататъ дань наравнѣ съ Кривичами и Мерею, Новгородъ же платитъ особую дань въ 300 гривенъ. Въ первомъ извѣ-

стія сказано: Варягомъ , ибо въ началѣ дружина преимущественно составлялась изъ нихъ ; послѣ же , когда эта преимущественность исчезла , и слово *Варяги* замѣнено *гриди*. Назначеніе этой особой дани опредѣлено словами : *мира дѣля* : здѣсь *миръ* означаетъ внутреннее спокойствіе , общественную безопасность — главную цѣль общины, въ слѣдствіе чего *миръ* и *община* суть слова однозначущія, какъ у насъ, такъ и на западѣ. Миръ былъ нарушаемъ безпрестанными усобицами : постоянное войско , дружина княжеская, Варяги, гриди , должны были предотвращать ихъ вооруженною рукою , и получали за это особую дань. Это мѣсто лѣтописи ясно намекаетъ на недавнія безпокойства въ городѣ и на необходимость укрощать ихъ вооруженною силою. По смерти Ярослава 1-го, когда, въ слѣдствіе ослабленія власти княжеской, Новгородъ пріобрѣлъ извѣстныя права и вольности, пребываніе многочисленной дружины княжеской было опасно для гражданъ; они прекратили платежъ и такимъ образомъ заставили князя ограничиться малымъ числомъ приближенныхъ ; вотъ по чему сказано, что они давали эту дань до смерти Ярослава, т. е., до начала ослабленія княжеской власти и усиленія народовластія въ Новгородѣ. (Въ Никонов. списокѣ вмѣсто словъ : „еже до смерти Ярослава даше Варягомъ“ читаемъ: „еже и нынѣ даютъ“).

⁷⁶ Густин. лѣт. стр. 239: Иде Олегъ на Греки ... и поятъ съ собою множество Варягъ, Славянь, Чудь, Мерю Кривичи, Поляны, Сѣверы, Древланы, Радимичи и проч.—Лавр. стр. 19: Игорь же совокупивъ вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словѣни и Кривичи и проч.

⁷⁷ Тамъ же, стр. 90: Володимеру же шедшо Новгороду по верховѣниѣ воѣ на Печенѣгы.

⁷⁸ Тамъ же, стр. 31.

⁷⁹ У Сѣверныхъ народовъ было повѣрье , что князья , какъ потомки боговъ и находившіеся постоянно съ ними въ общеніи, имѣли особенное доброе счастье (*Kongs-hamingià*, *Kongs-gipta*), которое они могли сообщить также и своимъ дружинникамъ; такъ въ Сагѣ Олафа Тригвисона читаемъ, что когда Галлфредъ перемогъ Торлсфа Мудраго, то послѣдній сказалъ ему : „Вѣдь ты это не одинъ сдѣлалъ , ибо счастье королевское за тобою всюду слѣдуетъ.“

⁸⁰ Ипатьев. стр. 59: Бѣ бо въ то время пославъ (Изяславъ) сына своего Мъстислава въ Угры, да тѣмъ не твердъ ему бѣ бродъ , зане не башеть ту князя, а боярина не вси слушаютъ. — Тамъ же, стр. 70: Черниговцемъ же бьющимся изъ города, князи же сдумавши, се не крапко бьются дружина и Половци, оже съ ними не вѣдимы сами “

- ⁸¹ Лавр. стр. 48.
- ⁸² Кёнигсберг. 188.
- ⁸³ Тамъ же, стр. 101.
- ⁸⁴ См. Татищева предисловіе къ изд. Русской Прады въ продолж. Древ. Вивліюэ. т. I, стр. 6.
- ⁸⁵ Образчикъ грамоты княжеской извѣстному лицу. на волость см. въ Актахъ Арх. Эксп. т. I. №. 2-й.
- ⁸⁶ Лавр. стр. 12.
- ⁸⁷ Тамъ же, стр. 14.
- ⁸⁸ Тамъ же, стр. 47.
- ⁸⁹ Тамъ же. стр. 44.
- ⁹⁰ Тамъ же, стр. 48.
- ⁹¹ Никонов. I, 129.
- ⁹² Соф. врем. I, 156; см. также припись къ Остромирову Евангелію.
- ⁹³ Новгород. пер. стр. 5.
- ⁹⁴ Истор. Татищ. т. III. стр. 407.
- ⁹⁵ Новгород. пер. стр. 63; Того же лѣта (1281) отъяла посадничество, Князь Дмитрій и Новгородцы, у Михаила у Мишинича, и даша Семену Михайлову, выведши изъ Ладоги.
- ⁹⁶ Тамъ же, стр. 31: Приде Дмитръ Якуницъ изъ Руси, и съступися Твърдиславъ посадничества по своей воли старъшину себе.
- ⁹⁷ Тамъ же, стр. 44: А къ князю Ярославу послаша на томъ: поѣди къ намъ, забожницы отложи, судье по волости не слати; на всей воли нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь. — Забожничьемъ, по согласному мнѣнію изслѣдователей, называлась дань, собираемая съ церковей (божницъ); Карамзинъ прибавляетъ: съ церковей нѣмецкихъ, потому что божницами преимущественно именовались у насъ латинскіе храмы. Истор. Г. Р. III, примѣч. 324. Арцыб. Повѣств. о Россіи, кн. 2, стр. 327.
- ⁹⁸ Тамъ же: Приде Князь Михаилъ изъ Чернигова въ Новгородъ... и цѣлова крестъ на всей воли Новгородствѣ и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ; и вда свободу смърдомъ на 5 лѣтъ даніи не платити и проч. Соф. врем. I, 236: Прииде князь Михайло изъ Чернигова въ Новгородъ, и цѣлова князь крестъ, что ходити по Ярославлимъ грамотамъ, а болѣе того не изневодити Новгорода. Никоно. II, стр. 361.
- ⁹⁹ Новгород. пер. стр. 47.
- ¹⁰⁰ Тамъ же, стр. 79. Соф. врем. I. 322.
- ¹⁰¹ Соф. врем. I, 152: и людемъ написа грамоту, рехъ: по сей грамотѣ дадите дань. — Никон. I, 133.
- ¹⁰² О Судной грамотѣ Ярослава, или, такъ называемой, Русской Прады,

въ нашемъ изслѣдованіи не можетъ быть рѣчи, ибо та грамота не есть льготная.

¹⁰³ Лѣтопись во 2-й части продолженія Древ. Вивл. стр. 312.

¹⁰⁴ Патерикъ Печер., житіе Св. Никона : Умершу же Ростиславу Владиміровичу князю острова того, умолемъ бысть преподобный отецъ нашъ Никонъ отъ людей страны той, пойти къ Святославу Ярославичу Князю Черниговскому, и молити его да пуститъ имъ сына своего Глѣба на престолъ Тмутораканскій.

¹⁰⁵ Изгнанный Глѣбъ убитъ былъ далеко на Сѣверъ, въ странахъ Чуди Заволоцкой. Объ изгнаніи Глѣба см. лѣтопись во 2-мъ Томѣ продолж. Древ. Вивл.: И посади Святослав. всего Глѣба. И выгнаша ... и бѣжа за волокъ, и у и Чюдъ.—Пропуски эти дополняются тождественною съ напечатанною въ Вивл. лѣтописью, находящеюся въ Румянцов. Музеѣ подъ №0. ССХLIX : И посади Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша изъ города и бѣжа за Волокъ и убиша и Чюдъ.— Если Изяславъ и Всеволодъ изгнали племянниковъ отовсюду, то ясно они не могли спокойно оставить Глѣба въ Новгородѣ: отсюда понятно, почему *выгнаша* и *бѣжа*. см. Арцыб. кн. II, стр. 31, примѣч. 181.

¹⁰⁶ Карам. т. II, прим, 172: Въ харат. Новгород. стр. 8: въ лѣто 6603 иде Святполкъ и Володимерь на Давыда Смольску, и вдаша Давыду Новгородъ. Въ Новгород. попа Іоанна стр. 313 : „мнѣ живъ пять лѣтъ (Мстиславъ въ Новгородѣ), иде къ Ростову; а Давыдъ прииде къ Новгороду княжить, и по двою *лѣту* выгнаша и, и приде Мстиславъ опять.“—„Если Давидъ (замѣчаетъ Карамзинъ) какъ сказано выше, въ 1095 году изгнанъ изъ Смоленска, то онъ не жилъ двухъ лѣтъ въ Новгородѣ: ибо Мстиславъ возвратился изъ Ростова въ томъ же 1095 году.“ — Невѣрность показанія лѣтописи попа Іоанна объясняется, если сравнимъ ее съ показаніемъ, находящимся у Татищева, кн. II, стр. 157 : равно какъ съ Кѣнигсб. 141 и Никон. II, 11. Слова : *выгнаша* и относятся не къ первой смѣнѣ Мстиславомъ Давида въ 1095 году, ибо тогда Новгородцы на выгоняли Давида: онъ самъ добровольно ушелъ отъ нихъ; но относятся ко вторичному прибытію его въ Новгородъ, когда уже тамъ былъ Мстиславъ и когда граждане точно прогнали или, лучше сказать, не пустили Давида. У Татищева читаемъ такъ : „Давидъ Святославичъ, хоть былъ князь кроткій, милостивый и справедливый, но не могъ Новгородцамъ по ихъ непостоянству во всемъ угодить, выѣхалъ въ Смоленскъ и тутъ остался на княженіи, а Изяслава сына Владимірова выслалъ. Новгородцы же послали ко Владиміру просить, чтобъ имъ далъ сына своего Мсти-

слава изъ Ростова. Володимиръ согласися со Святполкомъ, поѣхалъ самъ въ Новгородъ, и Мстиславу изъ Ростова велѣлъ туда ѣхать.... Но Давидъ убѣдавъ, что Владимиръ въ Новгородъ поѣхалъ, а сына своего тамъ хочеть посадить, остави Смоленскъ, поѣхалъ паки въ Новгородъ, а Новгородцы убѣдавъ, что онъ идетъ, а у нихъ уже былъ Мстиславъ, послали ему сказать, чтобъ онъ не ходилъ къ нимъ, понеже они князя имѣють; онъ же, слышавъ то, возвратилъ къ Смоленску.“

¹⁰⁷ Кёнигсберг. стр. 167: Святполкъ рядъ имѣлъ съ Володимеромъ, яко Новгороду быти Святполчю; а посадити сынъ свой въ немъ, а Володимиру посадити сынъ свой въ Володимиръ. И приде Мстиславъ къ Киеву, и сѣдоша въ Истѣбъ, и рѣша мужи Володимири: „Се прислалъ Володимиръ сына своего Мстислава съ Новгородцы да поимше сына твоего идуть къ Новгороду, а Мстиславъ да идетъ къ Володимерю.“ И рече имъ князь великій Святполкъ: „межи нами Богъ и правда есть; како урядилъся есмь съ Володимеромъ; яко Новгородъ мнѣ есть: да идетъ въ Новгородъ сынъ мой.“ И рѣша Новгородцы Святполку: „Се мы, княже, присламы къ тобѣ, рѣкли намъ тако: не хочемъ Святполка, ни сына его; аще ли дѣтъ главѣ имѣеть сынъ твой, то послѣ; а се ны далъ Всеволодъ, да вскормилъ есмо себѣ Князя, а ты еси шель отъ насъ.“ Также точно поступили Подочане въ 1132 году: когда Изяславъ Мотиславичъ промѣнялъ ихъ столъ на Переяславскій, то они съ негодова-ніемъ отреклись отъ Мономаховичей (Лавр. 132). Псковитяне говорили Князю Андрею въ 1349 году: „А Псковъ повергъ то, уже еси самъ лишилъ Пскова, а намѣстникъ твоихъ нехотимъ. (Псков. изд. Погод. стр. 28).

¹⁰⁸ Кёнигсберг. стр. 151.

¹⁰⁹ Иде Мстиславъ Киеву на столъ изъ Новгорода, Марта въ 17, а сынъ посади Новгородъ Всеволода на столъ. Новгор. пер. стр. 4.

¹¹⁰ Тамъ же: Въ се же лѣто (1116) преставися Добрыня, посадникъ Новгородскыи. Въ лѣто 6626 преставися Дмитръ Завидицъ, посадникъ Новгородскыи, іуля въ 9, посадница въ 7 мѣоцѣ одну.

¹¹¹ Тамъ же: Тамъ же лѣтъ приведе Володимиръ съ Мьотиславомъ вся бояры Новгородскыи Киеву, и заводи я къ чьстному хресту, и пусти домовъ, а инны у себя остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноадръчю, и на сочьскаго на Ставра, и заточи я вся.

¹¹² Тамъ же, стр. 5: Въ то же лѣто преставися Къснятимъ Мосѣовицъ, посадникъ. — Въ лѣто 6628 приде Борисъ посадничать въ Новгородъ.

- ¹¹³ Преставися Володимиръ великимъ, Кыевъ, сынъ Всеволодъ; а сына его Мъстислава посадиша на столѣ отни..... Въ то же лѣто посадиша на столѣ Всеволода Новгородѣ. — Тамъ же.
- ¹¹⁴ Тамъ же: Въ лѣто 6634 ходи Всеволодъ къ отцю Кыеву, и приде опять Новгороду на столѣ, въ то же лѣто вдаша посадничество Мирославу Гюрятиницю.
- ¹¹⁵ Въ лѣто 6630 Преставися Мъстиславля Хръстина. Того же лѣта оженися Мъстиславъ Кыевъ пол Дмитровьну Новѣгородѣ Завидиця. Тамъ же.
- ¹¹⁶ Тамъ же: Въ лѣто 6636. Вдаша посадничество, Новѣгородѣ, Завиду Дмитровицю..... Въ се же лѣто... и Завидъ посадникъ Новгородскими умре Дмитровиць. Въ лѣто 6637. Въиде изъ Кыева Даниль посадничать Новугороду.
- ¹¹⁷ Тамъ же, стр. 6: Въ то же лѣто ходи Кыеву къ отцю.... а Петрилу даша посадничать Новугороду.
- ¹¹⁸ Въ се же лѣто (1132) ходи Всеволодъ въ Русь Переяславлю, пожелнѣемъ Ярополцѣмъ, а цѣловалъ крестъ Новгородцемъ, яко хоцю у васъ умерети. Новг. пер. стр. 6.
- ¹¹⁹ Тамъ же: И рече Георги и Андрей: се Яропѣлкъ, братъ наю, по смерти своей хочеть дати Кыевъ Всеволоду, братану своему.
- ¹²⁰ Ипатъев. стр. 12: Ярополкъ приведе Всеволода Мъстиславица изъ Новгорода, и да ему Переяславль; съ завтрѣя же сѣде въ немъ, а до обѣда выгна Юрьи стрый его.
- ¹²¹ Новгор. пер. стр. 6: И приде (Всеволодъ) опять Новугороду; и бысть встанъ велика въ людъхъ и придоша Пльсковици и Лодожане Новугороду, и выгониша Князя Всеволода изъ города; и паки съдумавше въспатиша и.
- ¹²² Такъ Владимѣрцы, принявъ къ себѣ Ярополка Ростиславича, и заключивши съ нимъ условія, говорятъ: „мы есмо вольнѣи, а князя прѣяли къ себѣ.“ Кѣнигсберг. стр. 258.
- ¹²³ Новгор. пер. стр. 6: А Мирославу даша посадничати въ Пльсковѣ, а Рагуилови въ городѣ.
- ¹²⁴ Тамъ же: И раздѣрся вся земля Русьская. Ипатъев. стр. 13: То же все ея створи, оже выгна Гюрги Всеволода изъ Переяславля, а потомъ Изяслава выгна Вячьславъ, а потомъ Изяслава же выгна тотъ же Вячьславъ изъ Турова, а они приступиша къ Олговичемъ, и бысть въ томъ межи ими прѣя, велика злоба, идяху слово рекуче Олговичи: „Яко вы начали есте перво насъ губити.“
- ¹²⁵ Татищ. II, 244.
- ¹²⁶ Причина упорства ясна: помогая Мстиславичамъ, Новгородцы должны были идти противъ В. Князя; ниже увидимъ еще другую причину.

- ¹²⁷ Новгород. пер. стр. 6: Почаша мълъвити о Суждальскѣи воинѣ Новгородци; и убиша мужы свои и съвергоша и съ моста.
- ¹²⁸ Татищ. II, 247: Новгородцы шедъ Волгою до Дубны, и тутъ возмутяся поворотились, представляя вину ту, для чего Мъстиславичи съ Черниговскими противъ дядьевъ своихъ союзъ учинили, естълибы оныхъ яко злодѣевъ племени Владимірова не присовокупляла, то бы мы готовы за обиду дѣтей Мъстиславичихъ воеваться, или ихъ примирить, а съ Черниговскими никакъ въ союзъ быть не хотѣли. — Ипатьев. стр. 31: Кіаже рекоша (Изяславу): княже, ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимире племіа руки възнати; оліа же Ольговичъ хотя и съ дѣтми.“
- ¹²⁹ Новгород. пер. стр. 6: Томъ же лѣтъ ходи Всеволодъ съ Новгородци хотя брата своего посадити Суждали, и воротшася на Дубинъ опять, и на томъ же пути оташа посадинцѣство у Петра и даша Иванку Павловицю.
- ¹³⁰ Тамъ же стр. 7: Въ лѣто 6643 ходи Мирославъ посадникъ наъ Новагорода мирить Кыянь съ Черниговьци, и приде не успѣвъ ницто же; сильно бо възмалася вся земля Русьскіа.
- ¹³¹ Тамъ же: Яронькъ къ собѣ зваше Новгородцѣ, а Черниговьскыи князь къ собѣ.
- ¹³² Ипатьев. стр. 14:
- ¹³³ Новгород. пер. стр. 7: А се вины его творяху: 1. не блюдетъ смердь; 2. чему хотѣлъ еси свѣсти Переяславли; 3. ѣхаль еси съ пълку переди всѣхъ; а на то много на початыи, велѣвъ ны, рече, къ Всеволоду приступити, а паки отступити велить.
- ¹³⁴ Томъ же лѣтъ, наставшю Индикта 15 убиша Гюрга Жирославнича и съ моста съвергоша.... Въ то же лѣто стрѣлиша князя милостьничи Всеволожи, нъ живѣ бысть.
- ¹³⁵ Тамъ же: Въ лѣто 6645.... бѣжа Костянтинъ посадникъ къ Всеволоду, и инѣхъ добрыхъ мужъ нѣколко.... въ то же лѣто приде князь Мъстиславичъ Всеволодъ Пльскову, хотя състи опять на столѣ своемъ Новгородѣ, позванъ отаи Новгородскыи и Пльсковьскыи мужи, пріятели его: поиди княже, хотятъ тебя опять; и яко услышано бысть се, яко Всеволодъ Пльсковѣ съ братомъ Святотплькомъ и митежъ бысть великъ Новгородѣ, не въсхотѣша людьє Всеволода; и побѣгоша друзіи къ Всеволоду Пльскову, и възмаша на разграбленіє дома ихъ.... Потомъ же Святославъ Ольговицъ съкупи всю землю Новгородскую, и брата своего приведе Глѣба, Куряны съ Половьяи идоша на Пльсковѣ прогонитъ Всеволода; и не покоршася Пльсковичи имъ, ни выгнаша князя отъ себя.

¹³⁶ Тамъ же.

¹³⁷ Тамъ же.

¹³⁸ Тамъ же, стр. 8.

¹³⁹ Тамъ же : Приде Гюрги Князь изъ Суждаля Смольнску, и зваше Новгородцѣ на Къевъ на Всеволода, и не послушаша его и тѣгда бѣжа Ростиславъ Смольнску къ отцю изъ Новгорода..... и развѣгъ-вася Гюрги, ида опять Суждалю възя Новыи Тѣргъ и послашася Новгородци Къеву по Святослава по Олговици, зъходивъше ротѣ ; и бѣ митежъ Новгородѣ , а Святославъ дълго не бѣше. Въ то же лѣто выиде Князь Святославъ Ольговицъ Новгороду ... Въ лѣто 6648. потоциша Къеву къ Всеволоду Къснятина Микульцицѣ а пакы по немъ инѣхъ мужь 6 оковавши.

¹⁴⁰ Ипатьев. стр. 17: Посла къ брату Всеволоду, река ему: «тягота , брате, въ людехъ смѣхъ, а не хочу къ нимъ быти, а кого тобѣ любо послѣи въ онѣ.»

¹⁴¹ Новгород. пер. стр. 9.

¹⁴² Тамъ же; Ипатьев. стр. 17.

¹⁴³ Ипатьев. стр. 17: Всеволодъ же, не хотя перенустити Новгорода Володимерию племени, призва шюрина своа, да имъ Берестій река: «Новагорода не березѣта, ать сѣдять сами о своей силѣ, кдѣ княся не нагвзуть.»

¹⁴⁴ Эти слова В. Князя также ясно показываютъ , что Новгородцамъ не дано было прежде Ярославомъ никакого права произвольнаго избранія князей.

¹⁴⁵ Новгород. пер. стр. 9: Епископъ, и купецъ, и омы Новгородскыя не пуцаху изъ Руси, и они не хотяху много князя, развѣ Святопѣлка; и вда имъ Святопѣлка изъ своею руку. вѣротивъся Гюрги оже пустилъ сына своа Новугороду. и услышаша Новѣгородѣ, яко Святопѣлкъ идеть къ нимъ съ всѣми людѣми ихъ, и яше Ростислава и вѣсадиша въ Епископѣ дворѣ сидѣвши 4 мѣсяца. Въ то же лѣто възидѣ Святопѣлкъ Новугороду; и пустиша Ростислава къ отцю. — Ипатьев. стр. 18: посла Всеволодъ Святополка въ Новгородѣ, шюрина своего, смолвася съ Новгородьци, которыхъ то былъ пріаля; поиша жъ Новгородци и сѣде на столѣ, и Дюрдевича стръичича своего пусти къ отцю. — Странно, что у Татищева разсказывается это событіе совершенно иначе (II, стр. 264): Юрій же не медленно отпустилъ къ нимъ пакы сына Ростислава; и какъ еще Ростиславъ не пріѣхалъ, но былъ близъ Новгорода, получили вѣвѣстіе, что Всеволодъ Ольговичъ отпустилъ къ нимъ шюрина своего Святополка, пакы пришли Новгородци въ недоумѣніе; но вадумавъ послали ко Святополку на встрѣчу съ дарами довольными, прося

его, чтобъ безъ гнѣва возвратился (куда?), извиняя себя народнымъ ко пріятію Юріева сына принужденіемъ, а о немъ вѣдомости тогда не было. Святополкъ же вельми разгнѣвался на нихъ, взялъ Новгородской области Торжескій городецъ. «Здѣсь ясна перемѣна имени и пропускъ; надобно читать: но вздумавъ послали къ Ростиславу, а не Святополку, тогда *возвратился* будетъ имѣть смыслъ; послѣ слова *возвратился* находится пропускъ начальныхъ словъ Новгородцевъ къ Святополку уже; но въ началѣ слѣдующей фразы должно читать опять: Ростиславъ, а не Святополкъ.

¹⁴⁶ Ипатьев. 77: Ростиславъ же ту стоя, послася къ Дюргеви, прося у него мира, река отце! кланяются, ты переди до мене добръ былъ еси, и азъ до тебѣ; а нынѣ кланяются, стрый ми еси яко отецъ;“ Гюрги же рече: „право, сыну, съ Изяславомъ есмь не могль быти, а ты ми еси свой братъ и сынъ.“

¹⁴⁷ Новгород. пер. 10-

¹⁴⁸ Тамъ же.

¹⁴⁹ Татищ. II, 322.

¹⁵⁰ Такъ у Татищева (см. выше); въ лѣтописи (Новг. пер.): тои жи осени присла Изяславъ изъ Кыева сына своего Ярославъ, и пріятна Новгородци, а Святополка выведе, злобы его ради.

¹⁵¹ Ипатьев. 39: Се стрый мой Гюргій изъ Ростова, обидите мой Новгородъ, и дани отъ нихъ отнималъ, и на путѣхъ имъ пакости дѣтеъ, а хочу пойти нанъ и то хочу управить, либо миромъ, либо ратью.

¹⁵² Тамъ же, 39 и слѣд.

¹⁵³ Тамъ же, 41: Гюрги же, въ соромъ сына своего сжаливъ собѣ, рече: таколи мнѣ части нѣту въ Руской земли, и монимъ дѣтемъ?“

¹⁵⁴ См. выше, примѣч. 146; тамъ же стр. 58: Изяславъ же рече брату своему Ростиславу: „ты ми еси, брате, много понуживалъ, яко же положить честь на стрыи своемъ и на отци своемъ.“ — Вотъ за что дядья любили Ростислава.

¹⁵⁵ Тѣгдаже иде Ростиславъ изъ Новгорода Кыеву настолю, оставилъ сына Давыда Новгородъ и възнегодоваша Новгородцы, зане нествори имъ раду, но боля раздѣра, и показаше путь по немъ сынови его. Новгород. пер. 11.

¹⁵⁶ Лѣтописецъ Новгородскій поставилъ котору своихъ гражданъ прежде смерти Юрьевой; но естественно, что онъ долженъ былъ событія своего города описывать прежде и обстоятельнѣе, а потомъ уже кратко упоминать о событіяхъ въ другихъ княжествахъ, въ этотъ годъ случившихся, и потому я слѣдую здѣсь Никонов. списку и Татищеву. Татищ. III, 106; Новгород. пер. 12.

- 157 Ипатьев. стр. 91: Ся же створи (Андрей) хотя самовластоць быти всей Суждадьской земли.
- 158 Тамъ же, 88.
- 159 Тамъ же: И оттолѣ начашася Новгородци мясти и вѣче часто начаша творити.
- 160 Тамъ же.
- 161 Новг. пер. стр. 13.
- 162 Тамъ же : и Святослава въведоша опять на всей воли его.
- 163 Новгор. пер. стр. 13.
- 164 Ипатьев. 94: Того жо лѣта исходяча, поиде Ростиславъ Новугороду, завеже не добръ живяху Новгородцы съ Святославомъ сыномъ его.
- 165 Тамъ же. Новгор. пер. 13 и 14.
- 166 Ипатьев. 97.
- 167 Новгор. пер. стр. 14.
- 168 Ипатьев. 99 : въ тоже время бѣ Андрей Гюргевичъ въ Суждали княжа, и тѣ бѣ не имѣя любви къ Мѣстиславу,
- 169 Новгор. пер. 14.
- 170 Тамъ же.
- 171 Ипатьев. 99.
- 172 Новгор. перв. 15.
- 173 Тамъ же.
- 174 О пораженіи Мстислава упоминаетъ Новгородская лѣтопись; но и въ ней нѣтъ тѣхъ прибавокъ, какія находимъ въ Никоновскомъ спискѣ, и Степенной Книгѣ.—При извѣстїи о походѣ Мстислава Андреевича подъ Новгородъ въ нѣкоторыхъ спискахъ находится любопытное мѣсто, гдѣ выразилась неприязнь Новой Руси, неприязнь новыхъ городовъ къ старымъ, представителемъ которыхъ былъ Новгородъ (Ипатьев. 105): „Не глаголемъ же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени *прадѣды князь нашихъ*; но злое невѣрствіе въ нихъ вкоренилося, крестъ къ княземъ преступити, и князѣ внуки и правнуки обесчестовати и соромляти, а крестъ честный къ нимъ цѣловавши переступати. То доколѣ Господеви терпѣти надъ ними? за грѣхы навелъ и наказа, по достоянью, рукою благовѣрнаго князя Андрея.“—Это мѣсто также доказываетъ, что не знали о льготной грамотѣ Ярослава I-го, ибо здѣсь просто сказано: „*прадѣды князь нашихъ*.“
- 175 Въ Ипатьев. стр. 105. это происшествіе разсказано самымъ естественнымъ образомъ: Романъ, узнавъ о смерти отца, которая лишила его права оставаться въ Новгородѣ княземъ, удалился добровольно :

„того же лѣта исходяща, и приде вѣсть къ Романоу о отни смерти, Романъ же яви дружинѣ своей и пріятелемъ своимъ. Новгородцемъ; и сгадаше дружина, и рѣкоша ему: „не можемъ княже уже здѣ быти,“ и проч.

¹⁷⁸ Новгород. пер. 15: Бысть дорогъ въ Новгородъ и съдумавше Новгородци показаша путь князю Роману, а сами послаша къ Одреву по миръ на всей волѣ своей. — По Никонов. списку и Соф. Врем., согласно съ Ипатьев., Новгородцы выгнали Романа, унавъ о смерти отца его.

¹⁷⁷ Новгород. пер. 15: ходи Архїепископъ Новгородскый Илія къ Одреву Володимиру, на всю правду.

¹⁷⁸ Вѣроятно Жиролавъ былъ виновенъ и потому Новгородцы не вступились за него при Рюрикѣ; по этому то они и послали Архїепископа къ В. Князю просить о смѣнѣ этого чиновника.

¹⁷⁹ См. Карам. III, гл. III.

¹⁸⁰ Новгород. пер. 17.

¹⁸¹ Ипатьев. стр. 120: прислаша Новгородци мужи свои ко Мъстиславу къ Ростиславичу, зовуче и Новгороду Великому; онъ же не хоташе ити изъ Русской земли, река имъ: „яко не могу ити изъ отчины своей и со братьею своею разойтись.“ Но понудиша и братья своя и мужи свои, рекуче ему: „брате! аже зовуть тя съ честью, иди; а тамо ци не наша отчина?“

¹⁸² Тамъ же; Новгород. пер. 17.

¹⁸³ Новгород. пер. стр. 17.

¹⁸⁴ Тамъ же.

¹⁸⁵ Тамъ же, стр. 18.

¹⁸⁶ Татищ. III, 246.

¹⁸⁷ Новгород. пер. 18.

¹⁸⁸ Тамъ же; Татищ. III, 272.

¹⁸⁹ Новгород. пер. стр. 19.

¹⁹⁰ Тамъ же 23: а Всеволодъ въшедъ въ землю ихъ, и не вда Богъ межн ими крѣви пролптія больша и взяша миръ межн собою, а Новгородъ выложиша вси князи въ свободу, кдѣ имъ любо туже собѣ князя поймають

¹⁹¹ См. выше; Всеволодъ позволилъ имъ выбрать Мстислава Давидовича.

¹⁹² Новгород. пер. стр. 23.

¹⁹³ Тамъ же.

¹⁹⁴ Тамъ же. Что у Ярослава была сильная партія, видно изъ слѣдующихъ словъ летописи: иде князь Ярославъ на Новый Тѣргъ, и пріише и Новоторжци съ поклономъ, и жялаху по немъ въ Новгородѣ добри, а зли радовахуся.

¹⁹⁶ Тамъ же , стр. 24.

¹⁹⁸ Татищ . III , 327.

¹⁹⁷ Новгор. пер. стр. 25.

¹⁹⁸ Тамъ же. стр. 29.

¹⁹⁹ Тамъ же, стр. 30.

²⁰⁰ Тамъ же.

²⁰¹ Татищ. III , 367. Что Татищевъ этихъ обстоятельствъ отъ себя не выдумывалъ, доказательствомъ служить мѣсто Пушкинскаго списка: „Всеволодъ посла сыны своя Константина съ братьею на Мстислава на Торжекъ. Мстиславъ же изыде изъ Торжку Новгороду ; а оттуда иде въ Торопецъ, въ свою волость. Константинъ же возвратися со Тѣри, и Святославъ приде съ нимъ изъ Новгорода.“ См. также Пол. Собр. Рус. лѣт. т. I, стр. 183, 184. — Къ этой запутанности присоединяется сюда смѣшеніе двухъ князей — Владиміра Всеволодовича и Владиміра Мстиславича, брата Удалаго, княжившаго во Псковѣ. Повгородская лѣтопись говоритъ о походѣ Новгородцевъ на Литву съ княземъ Владиміромъ прежде прихода Мстислава въ Торжекъ, а Карамзинъ приписываетъ этотъ походъ Владиміру Мстиславичу Псковскому ; Татищевъ ставитъ походъ послѣ пріѣзда Мстислава Удалаго, послѣ мира съ В. Княземъ и приписываетъ его Владиміру Всеволодовичу. Последний родился въ 1194 году, слѣд. въ 1209 долженъ былъ имѣть 15 лѣтъ. Здѣсь, вѣроятно, ошибка на сторонѣ Татищева, который и прежде смѣшалъ Романа Ростиславича Смоленскаго съ Романомъ Мстиславичемъ Волынскимъ. Смѣшать двухъ одноименныхъ князей онъ могъ ; но выдумать приведенныя подробности — это другое дѣло!

²⁰² Новг. пер. 32.

²⁰³ Тамъ же , 33.

²⁰⁴ Тамъ же : Князь же Мстиславъ створи вѣце на Ярославля дворѣ : и пойдемъ, рече, поищемъ мужъ своихъ вашей братьи и волости своей ; да не будетъ Новый тѣргъ Новгородомъ , ни Новгородъ Тѣржкомъ , но гдѣ Святая Софія , ту Новгородъ ; а и въ мнози Богъ , и въ малѣ Богъ и правда.

²⁰⁵ Никон. II, 323: Снеже дивно бѣ, пойдоша дѣти на отцевъ, и отцы на дѣти, и братья на братью. Пол. Собр. Рус. лѣтоп. т. I, стр. 212.

²⁰⁶ Тамъ же стр. 325: „но убо не забывайте, яко Ростиславле племя князи мудрыи и храбрыи, а Новгородцы и Псковичи и Смоленяне усердни суть къ бою, а самага князя Мстислава Мстиславича и сами вѣсте, каковъ есть, и яко отъ Бога дана ему храбрость паче всѣхъ.“

²⁰⁷ Новгор. пер. стр. 36.

²⁰⁸ Тамъ же, стр. 37.

²⁰⁹ Тамъ же.

²¹⁰ Тамъ же : князь же Святославъ присла свои тысяцкыи на вѣче , рече : не могу быти съ Твердославомъ , и отымаю отъ него посадищество , рекоша же Новгородци : ели вина его ? онъ же рече : безъ вины , рече Твердославъ : тому есмь радъ , оже вины моеи нѣту ; а вы , братье , въ посадиществѣ и въ князехъ . Новгородци же отвѣщаша : княже , оже нѣту вины его , ты къ намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа не лишити ; а тобѣ ся кланяемъ , а се нашъ посадищкъ ; а въ то ся не вѣдадимъ , и бысть миръ .

²¹¹ Тамъ же стр. 38 : и вложи дьяволъ князю грѣхъ въ сердца , гнѣвъ до Твердислава , и безъ вины ; и приде въ Новгородъ , и възвѣди весь городъ , хотя убити Твърдислава .

²¹² Тамъ же ,

²¹³ Тамъ же ,

²¹⁴ Тамъ же , стр. 39 .

²¹⁵ Тамъ же , стр. 41 .—Татищевъ (Ш, 433) рассказываетъ это событіе нѣсколько иначе : Новгородцы должны были заплатить Юрію съ Торжку 3,000 , съ Новгорода 7,000 новою , и старою 3,500 гривенъ серебра.... Новгородцы долго не хотѣли Михаила Всеволодича шурина его принять , и въ пенѣ просили убавки , но видя , что неизбѣжно принуждены учинить , приняли князя Михаила съ честію , злодѣевъ дали Тысяцкому Юріеву наказать , который такъ наказалъ , что два славныхъ возмутителей дни въ два померли .

²¹⁶ Тамъ же . Приде князь Михаилъ въ Новгородъ , сынъ Всеволожъ внукъ Ольговъ¹ , и бысть лъгько по волости Новгороду .

²¹⁷ Новгород . пер . стр. 44 .

²¹⁸ Тамъ же .

²¹⁹ Тамъ же , стр. 45 : и рече Ярославъ : «того не отступаю , а крестъ не цѣлую , вы собѣ , а я собѣ .

²²⁰ Новгород . пер . стр. 46 .

²²¹ Тамъ же стр. 47 : а княжицю Ростиславу путь показаша къ Торжку къ отцеви въ Църниговъ : какъ отецъ твой реклъ былъ въсѣсти на конь на войну съ Въздвиженіи и¹ крестъ цѣловалъ , а се уже Миклулинъ день ; съ насъ крестное цѣлованіе , а ты пойда прочь , а мы собѣ князя промыслимъ .

²²² Татищ. Ш, 457 . Ярославъ выслушавъ присланныхъ отъ Новгородцевъ , сказалъ имъ : „если данную Михаиломъ неистовую грамоту отринуть , и учинять ему роту по прежнему обычаю , то онъ къ намъ пойдетъ , и отъ непріятелей ихъ Нѣмецъ своими войсками обо-

ронять будетъ; естли же оной не отречутся, то не пойдетъ. Послы послали наскоро въ Новгородъ, и Новгородцы многу распрю имѣли, напоследокъ принуждены оную грамоту оставить и отдать ему, а сами учинили роту Ярославу по прежнему. Новг. пер. стр. 47: и послаша по Ярослава на всеи воли: Новгородстѣи, Ярославъ же въбързѣ приде въ Новгородъ и створи гнѣце, и цѣлова Свѣтую Богородицю на грамотахъ на вѣхъ Ярославлихъ.

²²³ Новгор. пер. стр. 48: въ Новѣ же городѣ бысть мятежь великъ, не баше бо князя Ярослава, но въ Переяславѣ бѣ тогда.

²²⁴ Тамъ же стр. 50.

²²⁵ Тамъ же стр. 53: Вииде князь Александръ изъ Новагорода къ отцю въ Переяславѣ, съ матерью и женою и со вѣми дворомъ своимъ, роспрѣвси съ Новгородци.

²²⁶ Никонов. лѣт. говорить что Александръ, прибывъ въ Новгородъ, перевѣшалъ многихъ крамольниковъ. III, 14.

²²⁷ Татищ. IV, стр. 27. Лавр. 203. Новгор. пер. стр. 56. Соф. врем. I, 269: Воскр. III, 232.

²²⁸ Тамъ же.

²²⁹ Тамъ же, стр. 57.

²³⁰ Тамъ же, стр. 58. 62.

²³¹ Собр. гос. гр. и дог. т. I. No. 1. На семъ, княже, цѣлуй крестъ къ вѣму Новгороду, на цѣмъ то цѣловали Дѣди и Отци.

²³² Тамъ же: А что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насиліе въ Новгородѣ, а того сѧ, княже, отступи.

²³³ Новг. пер. стр. 61: а князю послаше на городище. исписавше на грамоту всю вину его: чему еси отъялъ Волховъ гогольными ловци, а поле отъялъ еси заячими ловци? чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткинича? чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничи, и на Романѣ Болдыженичи, и на Варѣоломѣи? а иное чему выводилъ отъ насъ иноземца, котори у насъ живутъ? а того много вины его.

²³⁴ Новг. пер. 61 и 62: и присла Ярославъ съ поклономъ въ Новгородскій полкъ, и ваяша миръ на всей воли Новгородской. См. Собр. гос. гр. и дог. т. I, No 3.

²³⁵ Тамъ же. И присла Дмитрій князь послы свои въ Новгородъ съ поклономъ, хотя сѣсти въ Новгородѣ, а Василиій Ярославичъ также присла съ поклономъ, хотя сѣсти на столѣ.

²³⁶ Татищ. IV, 45. Извѣстіе Татищева тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣры, что Новгородцы, будучи облагодѣтельствованы Василиемъ, безъ сомнѣнія предпочли бы его Дмитрію, если бы требованіе В. Князя не заставило ихъ забыть старое добро.

- ²³⁷ Новгород. пер. стр. 63: и възмѣтошася люди и възхотѣша Василия; и съступися Дмитрей съ стола волкою, и поиде прочь съ любовію.
- ²³⁸ Тамъ же: и отголъ идоша къ Василию и поклонишася. — Татищ. IV, 46.
- ²³⁹ Новгород. пер. стр. 64.
- ²⁴⁰ Тамъ же.
- ²⁴¹ Татищ. IV, 68.
- ²⁴² Новгород. пер. стр. 65.
- ²⁴³ Тамъ же, стр. 66.
- ²⁴⁴ Тамъ же стр. 68: и сопростася два князя о великое княженіе.... и много бысть замятн Суждальской земли во всёхъ градѣхъ.
- ²⁴⁵ Тамъ же.
- ²⁴⁶ См. договор. грам. Новгород. съ Михаиломъ въ I мѣ томѣ Соб. гр. и дог. — Еще при жизни Андрея Новгородцы заключили съ Михаиломъ оборонительный и наступательный союзъ; этотъ союзъ должно отнести къ 1296 году, когда В. Князь Андрей поссорился съ братомъ Даниломъ Московскимъ и съ племянникомъ Иваномъ Переяславскимъ; Михаилъ Тверской принялъ сторону послѣднихъ; онъ пишетъ къ Владыкѣ Новгородскому: „То ти, отъче, повѣдаю: съ братомъ своимъ со старѣйшимъ съ Даниломъ одинъ есмь, и съ Иваномъ; а дѣти твои, Посадникъ и Тысяцьскіи, весь Новѣгородъ, на томъ цѣловали ко мнѣ крестъ. Аже будетъ тягота мнѣ отъ Андрѣя, или отъ Татарина, или отъ иного кого, вамъ потянути со мною, а не отступити вы ся мене ни въ которое же время.“ — Ясно, что въ это смутное время Новгородъ былъ предоставленъ самому себѣ, ибо, не признавая власти Тверскаго князя, заключалъ съ нимъ союзъ противъ Великаго. Слѣдствіемъ такого положенія было еще большее отчужденіе между В. Княземъ и Новгородомъ, еще больше раздѣленіе ихъ интересовъ; такъ въ договорной грамотѣ Новгородцевъ съ Михаиломъ, уже В. Княземъ, встрѣчаемъ слова: „А коли будетъ Новѣгороду розмирье съ Нѣмчи, или съ Литвою, или съ иною землею, пособляти ти, княже, по Новѣгородѣ бесъ хытлости.“ Здѣсь обязанность защищать свое владѣніе превращается уже въ обязанность союзника. Тутъ же находимъ новое условіе: „А безъ Новѣгородскаго ти слова, княже, войны не замышляти.“
- ²⁴⁷ Собр. гос. гр. и дог. т. I, №. 10 и 11.
- ²⁴⁸ Новгород. пер. стр. 70.
- ²⁴⁹ Татищ. IV. 93: Того же лѣта Новгородцы сотвориша вѣче, понеже нелюбы имъ быша намѣстники В. Князя Михаила, яко много обида и нужда бысть имъ отъ нихъ, и възхотѣша ихъ изгнати.

- 250 Новгор. пер. стр. 70.
- 251 Карамз. IV, примѣч. 219.
- 252 Новгор. пер. стр. 71.
- 253 Такъ въ Никонов. и у Татищева (IV, 95).
- 254 Воскрес. II, 278.
- 255 Новгор. пер. стр. 71.
- 256 Татищ. IV, 96: Князь же Великій пришедь на усть Цны первѣ самъ заболѣ, потомъ прииде моръ на кони; слыша же, яко Юрій Московскій готовится нанѣ со братією хотяще волость его по губити, возвратися въ Тверь.
- 257 Новгор. пер. стр. 71.
- 258 Тамъ же, стр. 72. С. Г. Г. и Д. No 13-й.
- 259 Тамъ же.
- 260 Собр. Гос. Гр. и Догов. Т. I-й, No 14-й.
- 261 Новгор. пер. стр. 72. Никонов. III, 126.
- 262 Собр. гос. гр. и дог. т. I, No. 15.
- 263 Новгор. пер, стр. 74.
- 264 Тамъ же, стр. 76.
- 265 Тамъ же, 77.
- 266 Тамъ же.
- 267 Тамъ же, стр. 78.
- 268 Тамъ же, стр. 79.
- 269 Тамъ же: Князь же присла послы свои, прося другого выхода: а еще дайте ми запросъ царевъ, чего у мене царь запрашалъ.
- 270 Новгор. пер. стр. 79: И они ркоша: того у насъ не бывало отъ начала міра; а ты цѣловалъ крестъ къ Новгороду, по старой поплинѣ Новгородской и по Ярославимъ грамотамъ.
- 271 Воскрес. II, 312: И всѣ князи Рускія подъ рудъ его даны.— Соф. врем. I. 324.
- 272 Новгор. пер. стр. 80.
- 273 Новгор, пер. стр. 80.— Татищ. IV, стр. 147: Князь же великій рече имъ: аще хоцуть милости и мира отъ меня, да приидуть предъ мя посадники и тысящій боси, и просятъ при всѣхъ князехъ на колѣняхъ и проч.
- 274 Новгор. пер. 78.
- 275 Тамъ же, стр. 83: прѣхъ князь великій Олгердъ, съ своею съ братією съ князи и съ всею Литовьскою землею, и ста въ Шелонѣ на усть Пшаги рѣкы, а позывал Новгородцевъ: хоцу съ вами видѣтися, даялъ ми посадникъ вашъ Остафеи Дворянинець, назвалъ мя псомъ.
- 276 Новгор. пер. стр. 84: а къ князю Семену Ивановичю послаша послы, а рекъ тако: поиди, княже, къ намъ боронити своа отчины,

яко идетъ на насъ король Свѣискій , на крестное цѣлованіе ; великій же князь Семень отвѣщаль Новгородцемъ : радъ иду къ вамъ. Медливъ же князь долго , поиде въ Новгородъ ; отпедши же отъ Тръжку до Ситна , и възвратися назадъ на Москву , а въ Новгородъ посла брата своего Ивана ; князь же Иванъ пришедши въ Новгородъ , нъ не поидяше къ Новгородцемъ въ Ладогу'.... князь же Иванъ слышавъ , яко взяша Нѣмци Орѣховець , и поидяше изъ Новгорода назадъ , не пріавъ владычня благословенія и Новгородского челобитія.

²⁷⁷ Тамъ же стр. 86.

²⁷⁸ Татищ. IV, стр. 180.

²⁷⁹ Новгород. перв. стр. 88.

²⁸⁰ Новгород. перв. стр. 90: ни отъ поганныхъ не бывало таково зло.а— Въ началѣ 1372 года Новгородцы заключили съ В. Килземъ и братомъ его Владиміромъ Андреевичемъ договоръ быть за одно на всѣхъ непріятелей. См. Акты арх. эксп. т. I. No. 8.

²⁸¹ Тамъ же.

²⁸² Тамъ же, стр. 91.

²⁸³ Тамъ же.

²⁸⁴ Молчаніе Новгородскаго лѣтописца объ участіи гражданъ его въ Куликовской битвѣ не оставляетъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія, хотя въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти о нашествіи Мамаѣ и упоминается о приходѣ Новгородскихъ посадниковъ на помощь Дмитрію съ 7000, а по инымъ съ 40,000 войска. См. Карамз. т. V, примѣч. 65. Въ Новгородской лѣтописи встрѣчаемъ только злостное извѣстіе о трусости Москвитянъ , служащее отвѣтомъ на Московскія приписки въ лѣтописяхъ, дышанція враждою на Новгородъ и обличающія ненависть , между старыми и новыми городами существовавшую. Новгород. перв. стр. 92: Москвичи же мнози не бывалци, видѣвшѣ множество рати Татарской , устрашишяся и живота отчаявшися, а ниии на бѣгы обратшася и проч. Въ той же лѣтописи, подъ годомъ 1238 встрѣчаемъ подобный же намекъ на трусость Москвитянъ: „Москвичи же побѣгоша, ничего же не видѣвшѣ“. —Новгородцы упрекали Москвитянъ въ трусости, Москвитяне Новгородцевъ въ буйствѣ (Троицк. лѣт. у Карамз. V, прим. 148: Таковъ бо есть обычай Новгородцевъ : часто правають ко князю къ Великому, и паки рагозятся и не чудися тому: бѣша бо челоуѣци суровы, не покориви , упрямыи , не поставни..... Тоѣ же вѣтны въ самый Великъ день спедшеса нѣции отъ Новгородцевъ , вѣчницы, крамольници, сурови челоуѣци, свирѣпни людіе и проч.

²⁸⁵ Новгород. перв. стр. 93.

²⁸⁶ Соф. врем. I, 379; у Татищ. нѣсколько иначе, VI, 317.

²⁸⁷ Акты, относ. къ Истор. Западной Руси, I, No. 10.

„Мы Князь Семень, инымъ именемъ Лыгвеній, чинимъ знамени-то симъ листомъ, кто нанѣ возреть, или прочтаетъ, ижъ коли освящены Господинъ Володиславъ, Божьею милостью Король Полскій, Литовскій и Рускій и иныхъ земель многихъ господарь братъ нашъ милѣйшій, поставилъ насъ опекальникомъ мужемъ и людемъ Великаго Новагорода: и мы тому Королю, и Ядвизъ, Королицъ Королевства Полского, и съ тыми людьми съ Великаго Новагорода, како жъ долго держимъ у нашемъ опеканю, слюбили есмы, и еще сныъ листомъ слюбуемъ, ижъ хотимъ при нихъ, при корунъ Королевства Полского пристати, и съ нашею силою и съ нашими помочи, и съ нашею радою, и съ нашимъ остраженьемъ, безо всякой лести и хитрости: не хотимъ такожь николи отступити ихъ, коруны Королевства Полского; а сему на свидѣство, наша печать привѣшена есть.“

²⁸⁸ Никонов. IV, 146.

²⁸⁹ Новгород. перв. стр. 96. Соф. врем. I, 403; Карамз. V, примѣч. 147, 148, 149.

²⁹⁰ Соф. врем. I, 417.

²⁹¹ Татищ. IV, 388: Того жъ лѣта Князь Великій Василай увѣдавъ, что Новгородцы ссылаются съ тестемъ его Витовтомъ хотя отложитися, и крестъ ему цѣловаше, посла за Волокъ и проч.

²⁹² Новгород. перв. стр. 100. Князь великій Витовтъ Литовскія земли Кестутъевичъ присла въ Новъгородъ грамоту разметную, рекъ тако: обезчестовали мя есте, что было вамъ за мене ятися, а мнѣ было вамъ княземъ великимъ быти, и васъ мнѣ было боронити; и вы за мене не ялися.

²⁹³ Тамъ же.

²⁹⁴ Тамъ же стр. 98: И биша челомъ посадникъ Тимошей Юрьевичъ, посадникъ Юрьи Дмитреевичъ, Василии Борисовичъ, и бояре, и дѣти боярскія, и житїи люди, и купечскїи дѣти, и вси ихъ вои: благослови, господине отче Владыко, поискати Святѣи Софїи пригородовъ и волостей; или пакы изнаидемъ свою отчину къ святѣи Софїи и къ великому Новугороду, пакы ли свои головы положимъ за Св. Софїю и за своего господина за великіи Новъгородъ, и владыка Иоаннъ благослови своихъ дѣтен, и воеводъ Новгородскихъ, и вснхъ вои.

²⁹⁵ Никонов. IV, 300. Того же лѣта Иванъ владыка архіепискупъ Новгородскїи прииде изъ Новогорода на Москву къ Киприану Митрополиту Киевскому і всен Русии позванъ о святительскихъ дѣдахъ,

и пребысть у Киприана Митрополита в наказаніи и смиреніи.... Того же лѣта бысть соборъ на Москвѣ... на томъ священномъ соборе отписася архіепискупъ Иванъ Новгородцкїи своея епискупья ... и повелѣ имъ присвещенныи Киприанъ Митрополитъ отъ себѣ с Москвы не изъѣзжати, бѣ бо на нихъ браня возложилъ. — Архангел.: „Прїѣха Владыка Иванъ Новгородскїй на Москву бити челомъ В. Князю о Торжку, и Киприанъ, по В. Князѣ слову, Владыку поймалъ, да посадилъ въ Чудовскомъ монастырѣ, *за мѣсячній судъ*, что не дали.“— Здѣсь не сообразность: или Митрополитъ посадилъ Иоанна за мѣсячній судъ, тогда не по В. Князя слову или посадилъ по В. Князя слову, тогда не замѣсячній судъ. — Татищ. IV. 404: В. Князь Василій, увѣдавъ яко Новгородцевъ Владыка Иоаннъ на ихъ зло поучаетъ и въ волости заволоцкой ропта возстаеъ, рекъ Митрополиту Киприану: отче! недобрѣ творять Владыка Иоаннъ съ Новгородцы: посылая на Волокъ дани емлютъ и людей отчины моея нужаютъ и солѣщаютъ къ себѣ; а вы поставлены къ миру и любви учити, мнѣже имѣніе собирать и возноситися. И Митрополитъ вскорѣ посла въ Новгородъ етольщика своего Новосильца, повелѣ ему развѣдати добрѣ и Владыку звати о святительскихъ дѣлѣхъ.

²⁹⁶ Новгор. перв. стр. 101. Татищ. IV, 407.

²⁹⁷ Новгор. перв. стр. 109.

²⁹⁸ Тамъ же.

²⁹⁹ Никонов. V, 95.

³⁰⁰ Новгор. перв. стр. 111.

³⁰¹ Тамъ же, стр. 112.

³⁰² Тамъ же, стр. 113.

³⁰³ Никонов. V, 191: Тое же осеніи Князь великїи Литовскїи Казимеръ Ягайловъ сынъ присла, въ Новгородъ глаголя, возмите себѣ моихъ намѣстниковъ на городище и язь васъ оборою, а с великимъ княземъ Московскимъ не взяли есмя миръ васъ деля, и Новгородцы за то не яшася.

³⁰⁴ Акты Историч. т. I. No. 40: Посланіе Росс. Духовенства Углицк. князю Димитрію Юрьевичу: »и ты въ цѣлованьи съ Великимъ Новгородомъ, да къ Новгороду къ Великому цѣлованія не сложишь, да еще посыдалъ еси къ Великому Новгороду и посла своего, а зочи себе Княземъ Великимъ, да просилъ еси у нихъ себѣ помочи, а вводя то слово, что Татарове изневолили нашу отчину Москву, а вы ми дайте на нихъ помочь.

³⁰⁵ См. условіе въ Новгород. грамотахъ: А безъ посадника ти, княже, ни грамотъ даяти.

- ³⁰⁶ Образецъ вѣчныхъ грамотъ см. въ актахъ арх. эксп. I, No. 42 ; форма: се пожаловаша посадникъ Великаго Новагорода Дмитрій Васильевичъ и вси старыи посадники, и тысяцкой В. Новагорода Михайло Ондреевичъ и вси старыи тысяцкіи, и бояре, и житыи люди, и весь Господиень Великій Новгородъ, на вѣчѣ на Ярославѣ дворѣ. См. также акты историч. т. I, No. 17.
- ³⁰⁷ Сборн. Муханова, No. 7: »А коли мѣ В. Князю Василію Новгородцы и Псковичи згрубятъ, а ухочу ихъ показати, и тебе королю Казимиру за нихъ не вступатися.«
- ³⁰⁸ Никонов. V, 282. Соф. врем. II, 64.
- ³⁰⁹ Акты арх. эксп. т. I, No. 58.
- ³¹⁰ Тамъ же, No. 58.
- ³¹¹ Соф. врем. II, 66.
- ³¹² Акты арх. эксп. т. I, No. 80.
- ³¹³ Соф. врем. II, 111: а на дворѣ В. Князя, на городище съ большаго вѣчья присылали многихъ людей, и намѣстниковъ его, да и послу В. Князя лаяли и безчествовали.
- ³¹⁴ Акты арх. арх. эксп. т. I. No. 57.
- ³¹⁵ См. выше, примѣч. 307.
- ³¹⁶ Соф. врем. II, 111: да въ именѣ В. Князя, за отказомъ, на городище дву князей поимали силно, а людей перебили, и перенимали, и въ городъ сводили.
- ³¹⁷ Тамъ же.
- ³¹⁸ Тамъ же: Благочестивый же государь, В. Князь Иванъ Васильевичъ всея Руси колкое къ нимъ о томъ къ своей отчинѣ, посылаѣ своихъ пословъ, чтобы ни котораго лиха не учинили, а исправили бы ся во всемъ его отчина, и жили бы на старинѣ.
- ³¹⁹ Соф. врем. II, 112: а и съ Васильемъ приказалъ въ Великій Новгородъ: исправитесь предо мною, отчина мод, сознайтесь; а въ земли, въ воды мои В. Князя не вступуйтеса, а имя мое В. Князя держите честно и грозно по старинѣ, а ко мѣ В. Князю посылайте бити челомъ по dokonчанію; а лзъ васъ, отчину свою, жаловать хочу и въ старинѣ держу.
- ³²⁰ Соф. врем. II, 113; Никонов. VI, 16; Царств. лѣт. 402.
- ³²¹ Въ случаѣ отпаза Феофила, преданнаго (по крайней мѣрѣ тогда) старинѣ, у нихъ былъ на готовѣ другой кандидатъ Пимень, объ участіи котораго въ замыслахъ Борецкихъ см. Соф. врем. II, 115; онъ же лукавый чернецъ Пимень отъ того Григорія богоотметнаго и поставленіе себѣ требоваше, извѣстудя людемъ сиче глаголаше: хотя на Кіевъ мя пошлите, и тамъ на свое поставленіе буду.

- ³²² Никонов. VI, 17; Царств. лѣтоп. 402: князь же великій по ихъ челобитію и прошенію, ничтоже къ прежнему промышляя, но и легча жалул.
- ³²³ Никонов. VI, 17; царств. лѣт. стр. 403.
- ³²⁴ Эти вѣчники, ваемные крикуны необыкновенно умножились въ послѣднее время, когда Новгородъ былъ предоставленъ самому себѣ, и когда слѣд. борьба сторонъ открывалось обширное поприще. См. акты историч. т. I. №. 44, посланіе Митрополита Іоны въ Новгородъ о прекращеніи междоусобій; Митрополитъ пишетъ къ Архіепископу, „и о семь, сыну и брате, прошю тебе, яко да не позабриши смѣренію нашему, о ихъ же вещехъ слышахомъ творящихоя отъ нѣкоторыхъ твоихъ дѣтей православныхъ христіанъ, еще же, паче рещи, и отъ честныхъ чловѣкъ, въ твоей паствѣ, В. Новгородѣ: нѣкая междособная спиранія, и раздоры, и убійства, и кровопролитія, и нѣколикія створившаася и творящаася душегубства православному христіанству, и на то на злое и богомерзское дѣло наимованія, съ обою страну, злорадныхъ и хотащихъ кровопролитству пѣнчивыхъ и о своихъ душахъ верающихъ злоторныхъ чловѣкъ.“
- ³²⁵ Соф. врем. II, 116: и сей Пиминъ такоже упова на множество злата, и даваша лукавѣи той женѣ Марѣ, а велише ей давати къ народъ людемъ многымъ, дабы имъ помогали на ихъ волю.
- ³²⁶ Царств. лѣт. стр. 403.
- ³²⁷ Псков. лѣтоп. изд. Погод. стр. 113. Этотъ Омельковичъ, вѣроятно подосланный Казиміромъ и Кіевскимъ Митрополитомъ, и принятый Новгородцами по старому ихъ обычаю, былъ самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ замыслахъ Борцкихъ, см. Соф. врем. II, 114.
- ³²⁸ Акты арх. эксп. т. I, №. 87.
- ³²⁹ Тамъ же.
- ³³⁰ Никонов. VI, 18: Мнозиѣжъ отъ нихъ глаголаху къ нимъ: нельзя братья тому такъ быти, якоже вы глаголатѣ за короля намъ датися, и архиепискупа поставити отъ его Митрополита Латынина суща.... и отъ того святого и Великого Князя Владимира даже и до сего господина нашего Великаго Князя Ивана Васильевича за Латыною есмы не бывали. Соф. врем. II, 116.
- ³³¹ Соф. врем. II, 119.
- ³³² Тамъ же, стр. 118.
- ³³³ Царств. лѣтоп. 411; Соф. врем. II, 120.
- ³³⁴ Царств. лѣтоп. 410.
- ³³⁵ Тамъ же, стр. 414.

- ³³⁶ Тамъ же, стр. 415; якоже и прежде прадѣдъ его благовѣрный Великій Князь Дмитрій Ивановичъ на безбожнаго Мамая, и на богомерзкое того воинство Татарское. Тако и сей благовѣрный Великій Князь Иванъ на сихъ отступниковъ и проч.
- ³³⁷ Соф. врем. II, 122.
- ³³⁸ Синодал. Новгород. лѣтоп. № 46, стр. 409. Карам. т. VI, пр. 49.
- ³³⁹ Царств. лѣтоп. стр. 421.
- ³⁴⁰ Тамъ же: А окаянныя измѣнницы Новгородскіе посадники и тысяцкіе, и бояре и купцы, и всякіе ремесленники, съ проста рещи плотники и гончары, и весь народъ гражданъ совокупишася всея ихъ рати и прочимъ, которой и родився на лошади не бывалъ, и на помысль которымъ того не бывало, что руки водяти противъ В. Князя, всѣхъ тѣхъ они измѣнники силою выгнали.
- ³⁴¹ Соф. врем. II, 126.
- ³⁴² Лѣтоп. синодал. типограф. стр. 175.
- ³⁴³ Тамъ же.
- ³⁴⁴ Тамъ же, стр. 176: И бысть на лучшихъ людей молва: яко вы приведосте на Новгородъ Великаго Князя; и бысть дороготня хлѣбу въ Новгородѣ.
- ³⁴⁵ Синодал. Новгород. лѣтоп. стр. 411. Карам. VI, прим. 61.
- ³⁴⁶ Акты арх. эксп. т. I, №. 90: Съ добилъ челомъ В. Князю Ивану Василевичю всея Руси... за Новгородскую дпроступку, полушесть-минадцати тысячи рублевъ денгами.
- ³⁴⁷ Тамъ же, №. 91
- ³⁴⁸ См. Герберштг.—Также отамъ Беросна Машому Греку. Акты арх. эксп. т. 1, №. 172.
- ³⁴⁹ Соф. врем. II, 168.
- ³⁵⁰ Тамъ же стр. 112.
- ³⁵¹ Псков. лѣтоп. стр. 135: тояжъ осени мѣсяца Ноябра въ 23 день прїѣха Князь Великій Иванъ Васильевичъ съ великою силою въ Новгородъ на судъ и на управу... А Новгородцы люди жити и моложшии сами призвали на тыя управы, что на нихъ насилье держать какъ посадники и Великіе Бояре.“ — Но мы ясно видимъ, что это не была борьба сословій, но борьба партій, ибо между обиженными являются и бояре
- ³⁵² Соф. врем. II, 166: Владыка же прислалъ къ дворецкому и къ конюшему Никиту Савина да Тимофея Лунева брата кормы отдавати; и Князь велики тѣхъ не похотѣлъ, да и на Владыку о томъ озлобися, что тѣ къ тому дѣлу не пригожи, да и корму взяти не велѣлъ. Архіепискупъ же добилъ челомъ о томъ В. Князю бояры его,

а велѣлъ кормы отдавати Намѣстнику своему Юрью Репехову, а тѣ съ нимъ же въ поддатныхъ, и Князь велики нелюбѣ Владыцѣ отожьялъ, и пожаловалъ и кормы велѣлъ имати.

³⁵³ Тамъ же, стр. 167: Архіепискупъ Теофилъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ въ священныхъ одеждахъ града того, вси Архимандриты и игумены, и іереи, и діакони и весь чинъ священнический и иноческій срътоша В. Князя съ кресты, якоже повеле имъ самъ князь велики.

³⁵⁴ Понеже бо земля она отъ многа лѣтъ въ своей волѣ живяху, а о Великихъ Князяхъ, отчинѣ своей, небрежаху и не послушаху ихъ, и много зла бѣ въ земли той, меже себе убійства и грабежи и домомъ разореніе отъ нихъ напрасно, кой съ котораго сможаше.

³⁵⁵ Тамъ же, стр. 170.

³⁵⁶ Соф. врем. II. 170.

³⁵⁷ Тамъ же, стр. 173.

³⁵⁸ Тамъ же.

³⁵⁹ Псков. лѣтоп. стр. 107, 145; Соф. врем. II, 178.

³⁶⁰ Псков. лѣтоп. стр. 144.

³⁶¹ Соф. врем. II, 174.

³⁶² Тамъ же.

³⁶³ Соф. врем. II, 185.

³⁶⁴ Тамъ же, стр. 188: ино мы, Великіе Князи, хотимъ государства своего какъ есмь на Москвѣ такъ хотимъ быти на отчинѣ своей, Великомъ Новгородѣ.

³⁶⁵ Тамъ же стр. 189: да всѣ были челоуѣ о томъ чтобъ въ Низовскую землю къ берегу службы намъ Новгородцемъ не было; а которые рубежи сошлись адѣсь съ Новгородскими землями и по своимъ государехъ повелѣнію мы отчина ихъ ради того боронити.

³⁶⁶ Тамъ, стр. 201.

³⁶⁷ Всѣ вѣгъ подробности вѣзты изъ рукописи, находящейся въ бібліотекѣ М. П. Погодина, и носящей названіе: *Часть четвертая древней лѣтописи Русской.*

ДОПОЛНЕНИЕ.

НОВГОРОДСКІЯ ГРАМОТЫ.

Необходимымъ дополненіемъ къ своему изслѣдованію : „Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ,“ я считаю сводную Новгородскую Грамоту, которая должна облегчить трудъ будущимъ изслѣдователямъ. Грамоты, въ которыхъ означены отношенія Новгорода къ Великимъ Князьямъ, напечатаны :

I) Въ 1-мъ Томѣ Собранія Государственныхъ Грамотъ и договоровъ, NO. 1-й договорная съ В. К. Ярославомъ Ярославичемъ, отнесена къ началу 1265; NO. 2, договорная съ тѣмъ же В. Княземъ отнесена къ тому же году; NO. 3 договорная съ тѣмъ же В. К., отнесена къ 1270 году; NO. 6-й съ В. К. Михаиломъ Ярославичемъ, между 1305 и 1308 годами; NO. 7-й съ тѣмъ же В. К., между тѣми же годами; NO. 8-й съ тѣмъ же, между тѣми же годами; NO. 9-й съ тѣмъ же, между тѣми же годами; NO. 10 и 11-й съ тѣмъ же, между 1307 и 1308 годами; NO. 12-й съ тѣмъ же, 1317 года; NO. 13-й съ тѣмъ же, того же года; NO. 14-й съ тѣмъ же, 1318 года; NO. 15-й съ В. К. Александромъ Михайловичемъ, 1327 года; NO. 20-й двѣ договорныя съ В. К. Иоанномъ Васильевичемъ и съ сыномъ его В. К. Иоанномъ Иоанновичемъ, 1471 г.

II) Въ Актахъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею, Т. I, NO. 8-й, договорная съ В. К. Димитріемъ Иоанновичемъ и Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1372 года; NO. 32-й, Данная В. К. Василю Васильевичу на Черный боръ, по Новоторжскимъ волостямъ, около 1437, или 1456—1462; NO. 57-й договорная съ В. К. Василю Васильевичемъ и Иоанномъ Васильевичемъ, 1456 года; NO. 58-й договорная съ тѣми же, того же года; NO. 59-й, грамота объ уплатѣ В. К. Василю Васильевичу залоговъ, по Демонскому докончанію, 1456 года; NO. 87-й договорная съ Польскимъ Королемъ Казимиромъ IV, 1470 — 1471

годами; NO. 90-й, объ уплатѣ В. К. Іоанну Васильевичу и Іоанну Іоанновичу пятнадцати тысячъ пяти сотъ рублей, 1471 года; NO. 91-й двѣ договорныя съ В. К. Іоанномъ Васильевичемъ и Іоанномъ Іоанновичемъ, 1471 года; NO. 92-й Судная Новгородская грамота, 1471 года; NO. 93-й Отказная грамота на Двинскую землю, 1471 года; NO. 103-й, запись Новгородская о Церковномъ судѣ, прежде 1477 года.

III) Въ Актахъ Историческихъ, собранныхъ и изданныхъ Археографическою Коммиссіею, Т. I, NO. 258-й договорная съ В. К. Василиемъ Васильевичемъ, 1434 года.

При составленіи сводной грамоты, я распредѣлялъ статьи въ слѣдующемъ порядкѣ: а) Обычная форма грамотъ въ началѣ и концѣ. б) Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Правителя. в) Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Судьи. г) Условія, опредѣляющіе финансовыя права Князя. д) условія, опредѣляющія отношенія между областію Великокняжескою и областію Новгородскою, какъ между двумя отдельными владѣніями. е) Условія и цѣль грамоты историческія, опредѣляющія какое нибудь случайное отношеніе, возстановленіе прежнихъ отношеній, нарушенныхъ войною и т. п.

Условія каждаго изъ означенныхъ разрядовъ слѣдуютъ одни за другими въ порядкѣ историческомъ; на сторонѣ выставлены измѣненія, претерпѣнныя условіями въ разныхъ грамотахъ.

а) Ф о р м а.

1) Начало: Благословленіе отъ Владыки, поклонаніе отъ Посадника, и отъ Тысяцкаго, и отъ всего Новагорода, и отъ всехъ старѣйшихъ, и отъ всехъ меньшихъ, къ Князю. (а) ¹).

Благословленіе отъ Владыки, поклонъ отъ Посадника, и отъ Тысяцкаго, и отъ всехъ Соцскихъ, и отъ всехъ старѣйшихъ, и отъ всего Новагорода, къ Князю. (б).

Или, если грамота составлялась послѣ войны: По благословенію пресвященнаго Архіепископа Великаго Новагорода и Пскова владыки (такого-то), отъ По-

(а) С. Г. Г. и Д. NO. 1. (б) Тамъ же NO. 2.

садники Новгородского (такого-то), отъ тысяцкого Новгородского (такого-то), и отъ всего Великого Новгорода. Се пріѣхали послове къ В. Князю (такіе-то), посадники, тысяцкіе, а отъжити ихъ такіе-то; и докончали мѣръ по крестыиымъ грамотамъ. (а).

2) На семь, Княже, цѣлуй крестъ къ всему Новгороду; на цѣмъ-то цѣловали Дѣди и Отци, и Отець твой, Новгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошланинѣ. (б).

На семь, Господине, Новгородъ весь крестъ цѣлуеть. Княжение твое честию дѣржати по пошланинѣ, безъ обиды; а тобѣ, Господине, тако же Новгородъ дѣржати по пошланинѣ, безъ обиды. (в) Или: на чемъ цѣловали пьрвини Князи и Дѣдъ твой и Отець твой. (г).

3) А намъ мужемъ Новгородцомъ Княжение ваше дѣржати честно и грозно, безъ обиды. (д) ²).

На томъ ти на всемъ крестъ цѣловати по любви, безъ всякого извѣста, въ правду, при нашихъ послѣхъ. (ж). Или: А на томъ на всемъ, Господине Кнѣзь Велики всея Руси (такой-то и такой-то), целуйте Господень крестъ ко всему Великому Новгороду, безо всякого извѣста; также и мы Посадники и Тысяцкіе, и весь Великий Новгородъ целуемъ крестъ ко своей Господѣ къ Великимъ Княземъ всея Руси, по любви въ правду, безо всякне хитрости. (з)

4) *Заключеніе.* А на томъ ти, Княже, на всемъ крестъ цѣловати, безъ перевода, при нашихъ послѣхъ: а мы ти ся, Господине Княже, кланяемъ. Тако, Княже Господине, пошло отъ Дѣдъ и отъ Отець, и отъ твоихъ, и отъ нашихъ, и отъ твоего отчя. (е).

(а) А. а. в. №. 57. (б) С. Г. Г. и Д. №. 1. (в) Тамъ же, №. 2. (г) Тамъ же, №. 10 и 11. (д) А. а. в. №. 8. (е) С. Г. Г. и Д. №. 1. (ж) Тамъ же, №. 2. (з) Тамъ же, №. 20.

б). *Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Провителя.*

1) Что волостей всѣхъ Новгородскихъ, того-ти, Княже, не держати своими мужи, нѣ держати мужи Новгородскими. (а).

2) А бесѣ Посадника тобѣ волостей не раздавати, (б) ни грамотъ даяти. (в).

3) А и Суждальской ти земле Новгорода не рядити, ни волостей ти не раздавати. (г) ³.

4) А безѣ вины ти мужа волости не лишити. (д).

5) А въ Немецьскомъ дворѣ тобѣ торговати нашею братиею, а двора ти не затворяти, а приставовъ ти не приставливати. (е).

6) А что ти грамотъ крестныхъ Новугороду съ всеми города съ Нѣмвчкыми, на тѣ ти грамоты, Княже, не поступати-ся; а Новгородской ти души блюсти. (ж). ⁴.

7) А печати быти Князей Великихъ. (з).

8) А вѣчнымъ грамотамъ не быти. (и).

в) *Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Судии.*

1) А грамотъ ти, Княже, не посуживати. (і).

2) А куда пошло судии твоему ездити по волости, ехати имъ межень по Петровѣ дни. (к). А судье слати на Петровъ день, тако пошло. (л).

(а) С. Г. Г. и Д. №. 1. (б) Тамъ же. (в) Тамъ же, №. 2. (г) Тамъ же. (д) Тамъ же №. 1. (е) Тамъ же, № 3. (ж) Тамъ же, №. 8. (з) Тамъ же, №. 20. (и) Тамъ же. (і) Тамъ же, №. 1. (к) Тамъ же, №. 2. (л) Тамъ же, №. 3.

3) А бесъ Посадника ти, Княже, суда не судити. (а).

4) А холопъ или роба почнетъ вадити на господу, тому ти въры не яти. (б).

5) А ряду въ Новгородской волости тобъ, Княже, и твоимъ судиямъ не посужати, а самосуда ⁶⁾ не замышляти; а старость ни холопа, ни робы, безъ господаря, твоимъ судиямъ не судити. А за рубежь изъ Новгородской волости твоимъ Дворяномъ суда не водити, ни судити, (г). А вязчего не пошло по Новгородской волости, то судиямъ твоимъ отложить. (д).

6) Аже възидеть кътобъ, Княже, на мужа овада, тому ти въры не яти, дати тому исправа (ж).

7) А за Волокъ ѳздити судьи, како пошло, по Новгородской пошлинѣ. (з).

8) Повелѣхомъ судъ дати на Городищѣ: отъ Великихъ Князей Бояринъ судьбою, а отъ Великаго Новгорода Бояринъ; судити имъ Князей Великихъ человека съ Новгородцомъ, а судити имъ какъ право, по крестному цѣлованію. А оже ся сопрутъ о каковѣ дѣлѣ, а не возмогутъ управити; и коли будетъ Князь Велики въ Новго-

А ряду вольного не посужати (в). ⁵⁾ А холопа и половника не судити твоимъ судиямъ безъ господаря, судити Князю въ Новѣгородѣ, тако пошло; и купчины въ силу ⁷⁾ не судити въ волости. А кто живеть въ Тържку на Новотързькой земли, а къ святому Спасу не тягнетъ къ Тържьку, Княземъ отъемься, а ти идуть и съ Торьжку, куда имъ годно. (е).

(а) С. Г. Г. и Д. № 5. (б) Тамъ же № 3. (в) Тамъ же, № 15. (г) С. Г. Г. и Д. № 6. (д) Тамъ же, № 10 и 11. (е) Тамъ же (ж) Тамъ же. (з) Тамъ же, № 15.

родъ, или Великого Князя сынъ, или Великого Князя братъ, и тому двѣю тогда учинить на Городище съ Посадникомъ конецъ. А что закладъ въ рядныхъ грамотахъ, а то имати Великимъ Княземъ со Владыкою на виноватомъ отъ сего докончания. А что грамота доковчальная въ Новгородъ промежъ себе о судѣ; ино у той грамоты быти имени и печати Великихъ Князей. А что закладъ въ той въ Новгородской грамотѣ въ доковчальной написанъ на наездъщиковъ, и на грабежщиковъ, и на доводщиковъ; ино Княземъ Великимъ взяти половина отъ сего докончания, а Великому Новгороду половина взяти. А кто иметь посулъ давати, или кто и начнетъ имати по концемъ, и по рядомъ, и по станомъ, и по улицамъ у грабежщиковъ, и у наводщика и у навадщика; ино взяти на томъ той же закладъ Великимъ Княземъ половина по Новгородской грамотѣ, а Великому Новгороду половина. (а).

9) А суда намъ у Великихъ Князей Намѣстниковъ не отнимати, опрочъ ратные вѣсти, или коли вмутъ городъ двѣати безъ хитрости. (б).

10) А Сотцкимъ и рядовичемъ, безо Князей Великихъ Намѣстника и безъ Посадника, не судити нигдѣ. (в).

(а) Тамъ же, №. 20. (б) Тамъ же. (в) С. Г. Г. и Д. №. 20.

11) А позовъ по волостемъ Новгородскимъ позывати позовникомъ Великихъ Князей, да Новугородскимъ; а въ городъ позывати Князей Великихъ подвоиской, а Новугородцкой подвоиской. (а) ⁸).

г) *Условія, опредѣляющія финансовыя права Князя.*

1) Чко волостнй всѣхъ Новгородскихъ, даръ имати тобѣ отъ техъ волостнй. (б).

2) А что ты, Княже, пошло на Торожку и на Волоць тивунъ свой държати, на своей части държѣти; а Новъгородць на своей части държати. (в).

3) А въ Бежицахъ, Княже, тебе, ни твоей Княгъни, ни твоимъ Бояромъ, ни твоимъ Дворяномъ сель не държати, ни купити, ни даромъ примати, и по всей волости Новгородской.

⁹) А се, Княже, волости Новгородскыя: Волоць со всеми волостями, Тържкъ, Бежиць, городць Палиць; потомъ Мелчя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Тръ, Перемь, Печера, Югра (г).

4) А въ Русу ты, Княже, ездити осень, а лѣтъ не ездити; ездити на озвадо звѣри гонитъ. А въ Ладогу ты, Княже, слати осетръникъ и медовара. (и).

Бежиче, Городецъ, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера (д).

Тиргъ вм. Тре. (е) Тирь. (ж) Тигрь (з).

Ехати ты въ Русу на третью зиму, а въ Ладогу, Княже, ехати на третие лѣто (і), на възвадь ¹⁰) вм. на озвадо. (к).

(а) Тамъ же. (б) Тамъ же, No. 1. (в) Тамъ же. (г) Тамъ же. (д) Тамъ же, No. 2. (е) Тамъ же, No. 20. (ж) А. а. в. I, No. 57. (з) Тамъ же, No 91. (и) С. Г. Г. и Д. No. 1. (і) Тамъ же, No. 2. (к) Тамъ же, No 20.

5) А поже, Княже, что пошло тебе и твоимъ мужемъ, то твое. (а).

6) Дворяномъ твоимъ и тивунимъ поже имати, какъ то пошло. (б).

7) А дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, развъ ратной весте (д). ¹¹.

8) А свиньи ти бити за версть отъ города, (е), а дале куда кому годно (ж).

9) А за Волокъ ти своего мужа не слати, слати Новгородца; (и) а тобъ серебро емати. (i).

10) А свободъ ти ни мѣтъ на Новгородской волости не ставити. (л). ¹².

11) А на Имоволозьскомъ погостъ куны ти имати и на Вазжаньскомъ. (м).

А дворяномъ твоимъ, како пошло, погонъ имати отъ Князя по кунъ, а отъ тивуна по куне (в).

Или: а отъ тивуна по двѣ долгѣ (г).

А свиньи ти, Княже, гонити за шестьдесятъ версть около города; а въ томъ шестьдесятъ Новгородцию гонити, Князя докладая Князя, а дале куды кому годно. (з).

А за Волокъ ти слати своего мужа изъ Новгорода въ двѣ носадѣ по пошлинѣ, а опять ѣхати туды же на Новгородъ; а съ Низу ти не слати, тако же и въ Бвжицѣ. (к). ¹³.

Или: А за Волокъ ти, Княже, своего мужа не слати, продаяти ти дань своя Новгородцию. (н).

(а) Тамъ же. №. 1. (б) Тамъ же, (в) Тамъ же, №. 3. (г) Тамъ же №. 6. (д) Тамъ же, №. 1. (е) С. Г. Г. и Д. №. 2. (ж) С. Г. Г. и Д. №. 10. (з) Тамъ же, №. 15. (и) Тамъ же №. 9. (i) Тамъ же, 2. (к) Тамъ же, (л) Тамъ же. №. 3. (м) Тамъ же, (н) Тамъ же №. 10.

12) А на Низу, Княже, Новгородца не судити, ни даний ти раздавати. (а).

13) А что пошлениъ Князю въ Новгородской волости, того вы мене не танти во всекъ волостьхъ. (б).

14) А въ Вьльгдъ ти тмуна не държати. (д).

15) А коли, Княже, поедешъ въ Новгородъ, тьгда тобъ даръ смати по постоянннмъ; а коли поедешъ изъ Новгорода, тьгда даръ не надобъ. (в). ¹⁵⁾

16) А въ Вотцкую землю слати Княземъ Великимъ ежегодовъ по старинъ. (ж).

17) А коли приведется Княземъ Великимъ взяти Черной Боръ, и намъ Черной Боръ дати по старинъ. (з) ¹⁶⁾.

18) А крюкъ Великимъ Княземъ по старинъ, на третей годъ. А отъ волостей даръ имати по старинъ. (и) ¹⁷⁾.

19) А пошлины вамъ Великимъ Княземъ и вашему отцу Митрополиту отъ Владыки имати по старинъ, и лишнего не прибавлявати. А на Волоцъ и на Вологдъ церкви, и десятина и пошлина своя въдати по старинъ; а что Юрьевъского монастыря земля на Волоцъ, а та земля къ Юрьеву монастырю по старинъ. (i).

А Новгородцемъ волости ¹⁴⁾ и оброковъ Книжихъ не танти (в). А виры имати Княземъ Великимъ по старинъ, а Новгородцомъ не танти (г).

(а) Тамъ же, No. 3. (б) Тамъ же No. 6. (в) Тамъ же, No. 15. (г) Тамъ же, No. 20. (д) Тамъ же, No. 10. (е) Тамъ же, No. 10. (ж) Тамъ же, No. 20. (з) Тамъ же. (и) Тамъ же. (i) Тамъ же.

д) *Условія, опредѣляющія отношенія между областю Великокняжескою и областю Новгородскою, какъ между двумя отдѣльными владѣніями :*

1) А изъ Бежиць , Княже , людей не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородской; ни грамотъ имъ дати, ни закладниковъ примати, ни Княгъни твоей, ни Болромъ твоимъ , ни Дворяномъ твоимъ , ни смерда , ни купчины. (а).

2) А что , Княже , мытъ по твоей земли , и по иной волости, и по всей Суждальской земли; а то, Княже , имати по 2 векши отъ лодье , и отъ воза , и отъ лну , и отъ хмелна короба (б).

3) А гости нашему гостити по Суждальской земли, безъ рубежа, по Царевъ грамоте (в)¹⁸.

4) А на Низу, Княже , Новгородца не судити (г), также намъ Новгородцемъ вашихъ Великихъ Князей торговцевъ изо всего Великого Княжения вашего въ Новѣгородъ не судити (д).

5) А холопы и поручники выдавати, а всему тому судъ въ Новѣгородъ. (е).

6) А рубежъ ти, Княже , межю Суждальскою землею и Новгородскою дати ти старый, ка-

А холопъ или половникъ забѣжитъ въ Тѣбрьскую волость, а тѣхъ, Княже , выдавати; который ли въстворитъ судъ собъ, судити его въ Новѣгородъ (ж).

А рубежъ ти дати правый по старому рубежю , въ хрестыное цѣлованіе, како было при Отци

(а) С. Г. Г. и Д. № 1. (б) Тамъ же. (в) Тамъ же, № 3. (г) Тамъ же, № 3. (д) С. Г. Г. и Д. № 20. (е) Тамъ же, № 6. (ж) Тамъ же, № 10.

ко было при дѣдѣ твоємъ и при
отци твоємъ. (а).

твоємъ (б). Или: А рубежь ти,
Княже, дати правый бесъ пере-
вода межю отчиною своею и Нов-
городскою всею волостью (в).

7) А приставовъ ти съ Низу
въвсю въ Новгородскую волость
не всылати (г).

8) А про послы и про куп-
ци Новгородскіе, тѣхъ вамъ
не приимати. (д) ¹⁹).

9) А Сужьдальскому гости
гостити въ Новѣгородъ безъ ру-
бежа, безъ пакости. (е).

10) А Псковскимъ Посломъ
ездити къ Великимъ Княземъ,
также и отъ Великихъ Князей
назадъ ко Пскову черезъ Нову-
городскую землю, путь чистъ
добровольно: также и Новуго-
родскимъ Посломъ ѣздити че-
резъ Псковскую землю, гдѣ
ни есть, путь чистъ изъ Нова-
города и въ Новгородъ. (ж).

11) А учинится татба или ра-
збой въ Великомъ Княженви Но-
вугородцу; ино Великимъ Кня-
земъ обыскать то дѣло въ пра-
вду, по крестному целованию:
а dospѣется Великого Княжения
торговцу въ Новугородской зем-
ли татба или разбой; ино то дѣло
Новугороду обыскать въ правду,
по крестному целованию. (з).

е) *Условія и цѣлья грамоты историческія.*

1) А кому раздаялъ волости Повторено. Собр. Гос. Гр. и
братъ твой Александръ, или Дог. Но 3-й.

(а) Тамъ же, Но. 6. (б) Тамъ же, Но. 10. (в) Тамъ же, Но. 15. (г) Тамъ
же, Но 8. (д) Тамъ же, Но. 5. (е) Тамъ же. (ж) Тамъ же. (з) Тамъ же.

Дмитрий съ Новгородци, тебе техъ волостей безъ вины не лишати (а).

2) А се, Княже, волости Новгородьскыя: Волокъ съ всеми волостями, Тържкъ, Бежиць, городць Палиць, а то есми дали Иванкови. (б).

3) А въ Ладогу ти, Княже, слати осетръникъ и медовара, по грамотъ отца своего Ярослава. А судъ, Княже, отдай Дмитрий съ Новгородци Бежичяномъ и Обонижаномъ на г лѣта, судъ не слати. (г) ²⁰.

4) А что былъ отъялъ братъ твой Александръ позже, а то ти, Княже, ненадобъ. А что, Княже, братъ твой Александръ дѣялъ насилие на Новгородъ, а того ся, Княже, отступи. (д).

5) А въ Ладогу, Княже, слати осетръникъ и медовара, по грамоте отца своего Ярослава: а ту грамоту, Княже, отъялъ еси, а та грамота, Княже, дати ти назадъ. (ж).

6) А что, Княже, грамоты посудилъ еси отца своего и брата своего, а свое грамоты подалялъ еси на ты грамоты; ты грамоты отъимати, а старые оправливати (з).

7) А что еси, Княже, отъимъ у Кюрили Хотуниче, даль еси попу святаго Михаила, а

А Городецъ, Княже, даль Дмитрий съ Новгородци Иванку; а того ти, Княже, неотъяти (в).

А что твой братъ отъялъ былъ позже у Новагорода, а того ти, Княже, отступитися: что Новгородцевъ, то Новгородцевъ; а что пошло Князю, а то Княже (е). Повторено Собр. Гос. Гр. и Дог. No 3-й.

(а) Тамъ же, No. 1. (б) Тамъ же. (в) Тамъ же. (г) Тамъ же. (д) Тамъ же, No. 2. (е) Тамъ же. (ж) С. Г. Г. и Д. No. 3. (з) Тамъ же.

городскимъ попомъ не пошло дани имать на Новгородскомъ погосте; вдай опять (а).

8) А что, Княже, тебе было гнѣва на Посадника и на весь Новгородъ; то ти, Княже, все нелюбие отложить, и отъ мала и отъ велика не мщати ти ни судомъ, ни чимъ же: а кто почнетъ вадити къ тебе, тому ти веры не яти. А про Послы, Княже, и про купче Новгородские, что въ Костромѣ и по инымъ городомъ; то исправивъ, пусти въ Новѣгородъ съ товаромъ. А про полонъ, кто кде заточенъ, ими человекъ, или конь Русскій и Новгородскій, то исправи. А село Святой Софии исправи къ Святой Софии. А до Владыкы отча нашего гнѣва ти не держати. А что закладниковъ за Гюргомъ на Торожку, или за тобою, или за Княгынею, или за мужи твоими, кто купецъ, тотъ вѣсто, а кто смердъ, а тотъ потягнетъ въ свой погостъ: тако пошло въ Новѣгородъ; отпусти всихъ процъ (б).

9) Что свободь Дмитриевыхъ и Андрѣевыхъ, и что сельць тягнуло къ тымъ свободамъ, того всего тобъ съступитися, то все

А гнѣва ти, Княже, до Новгорода не държати, ни до одного человека. Повторено Собр. Гос. Гр. и Дог. N№ 7-й, 8-й, 9-й и 10-й: А нелюбие, Княже, тобъ отложить и отъ старѣйшихъ, и отъ мншихъ, и отъ всехъ. No. 15-й, Ак. Арх. Эк. I, No 57-й.

Повторено, С. Г. Г. и Д. No 15-й.

Повторено, Собр. Гос. Гр. и Дог. N№ 6-й, 7-й, 8-й и 9-й. Ак. Ист. I. No 258-й.

А смердъ потянетъ въ свой *потугъ* (в). ²¹).

Повторено С. Г. Г. и Д. N№ 7-й, N№ 8-й, N№ 10-й, съ перемѣною: А что сель и свободь Дмитриевыхъ, то дали есме былъ Андрѣю, до живота Андрѣева, въ хрестыное цѣлованіе, а потомъ Новугороду то все; а тобъ, княже, въ то не въ ступитися.

(а) Тамъ же. (б) Тамъ же. (в) Тамъ же, No. 20.

къ Новугороду бесъ кунь. А что, Княже, сель твоихъ, и Владычънихъ, и Княгыниныхъ, и Бояръ твоихъ, и слугъ твоихъ на Новгородской земли, которое село зашло бесъ кунь, то бесъ кунь поидеть къ Новугороду, а кто купилъ, а тый знаетъ своего истьца, или дѣти его: истьца ли не будетъ, ни дѣтий его, цѣловати ему хрестъ; како истьца не свѣдаетъ, взяти ему куны, колико будетъ даль по исправъ, а земля къ Новугороду (а).

10) А коли будетъ Новугороду розмирье съ Нвмчи, или съ Литвою, или съ иною землею, пособляти ти, Княже, по Новугородъ бесъ хитрости; а безъ Новгородского ти слова, Княже, войны не замышляти (г).

11) А вынесуть тобъ изъ Орды Княжение Великче, намъ еси Князь Великый: или пакъ не вынесуть тобъ Княжения Великого изъ Орды, поити твоимъ Намѣстникамъ изъ Новагорода проць, и изъ Новгородскихъ пригородовъ; а въ томъ Новугороду измѣны нѣту (д).

12) А что подѣялося досель межи тобою и твоими мужи Новугороду до хрестьного цѣлования, то ти все, Княже, отложити, и твоимъ мужемъ (е).

Повторено С. Г. Г. и Д. № 9 и 10.

....кто будетъ даромъ отьяль, или сильно; а то поидеть бесъ кунь къ Новугороду и т. д. (б).

....а земля поидеть къ Новугороду; или не окупать съдѣти, ему, доколѣ окупать (в).

(а) Тамъ же, № 15. (б) Тамъ же, № 6. (в) С. Г. Г. и Д. № 6. (г) Тамъ же, № 8. (д) Тамъ же. (е) Тамъ же, № 10.

13) *Грамота отъ Новгорода къ В. К. Михаилу Ярославичу: (а).*

Благословение отъ Владыкы, поклонъ отъ Посадника, и отъ Тысячкого, и отъ всего Новгорода, Князю Михаилу Ярославичю. Князь Великий Андрей, и весь Новгородъ дали Федору Михайловичю городъ стольный Пльсковъ, и онъ едь хлѣбъ; а како пошла рать, и онъ отъехалъ, городъ повѣрگا, а Новгорода и Пльскова поклона не послушалъ; приехавъ въ село, Новгородскую волость пугу ноложилъ, братию нашу испродалъ. Тобъ, Княже, не кърмити его Новгородскимъ хлѣбомъ, кърмити его у себе; а на сельхъ его куны ему даемъ. А Бориса Костянтиновица кърмилъ Новгородъ Корѣлою, и онъ Корѣлу всю истерялъ, и за Нѣмцъ загонилъ; надъ тимъ рубежъ учинилъ на Новѣгородъ, чего не пошло про рубежъ, Господине. Како будешь въ Новѣгородъ у отца свосго у Владыцъ, и усвоихъ мужъ, намъ съ нимъ судъ передъ тобою, Господинс; а нынѣ серебра ему не вели емати. А тобъ, Господине, Новгородскимъ хлѣбомъ не кърмити его, а изъ Новгородской волости поидеть; а на сельхъ его куны даемъ по исправъ на купленыхъ, а которое не куплено, а съ твхъ поидеть бесъ кунъ. ²².

14) *Договорная съ тѣмъ же В. Княземъ: (б).*

Се докончалъ Великий Князь Михаилъ съ Владыкою Давыдомъ и съ Посадникомъ, и со всѣмъ Новымъ городомъ. Что ся учинило промежи Князя и Новгорода розратѣ, что взято въ Княжи волости въ замятню, или у Намѣстниковъ, или у Пословъ, или гостиный товаръ, или купецскый, или въ церквахъ, или у котораго Боярина, или по всей волости; то все Князь отложилъ. А что взято товара Новгородского, или купецского, или гостиного, или по всей волости Новгородской; а того всего Новугороду не поминати. А что сель или людей Новгородскихъ въ сю замятню заложилося за Князя и за Княгнью, или за дѣти, или за Бояры, или села кто купилъ; куны ему емати, а села къ Новугороду по Фектистовъ грамотъ, что на Тѣери докончалъ. А что головы поймано по всей волости Новгородской, а тв поидуть къ Новугороду безъ окупа. А Князю Великому Михаилу не

(а) Тамъ же, №. 11. (б) Тамъ же №. 12.

наводити на Новъгородъ, ни Бояромъ его, ни про что же; ни гостя рути въ Суждальской земли, ни гдѣ же; а за все за то взяти Князю у Новгорода двѣнадцать тысячъ серебра. Буди Андрѣвъ дѣти, буди Машко съ дѣтми, или Юрьи Калѣка и вси талщики, и что взялъ Федоръ Юрьевичъ, и Елферий Жидь Слаличъ у талщиковъ и у Машка зъ дѣтми; а то поиде въ ту же двѣнадцать тысячъ серебра. А срокъ тремъ тысячамъ и двема стома взяти Князю на сборъ въ Низовскій вѣсь. А како възметъ Князь $\overline{\text{Г}}$ и двѣ стѣ, тако ему пустити хлѣбъ и всякій гость; а другыи $\overline{\text{Г}}$ взяти Князю на Средокрестье въ Низовскій же вѣсь; а третьи $\overline{\text{Г}}$ пояша хопыи къ собѣ, дати имъ на Вербницю безъ $\overline{\text{Г}}$ сту и безъ полутрѣнадцати серебра въ Низовскій же вѣсь; а четвертыи $\overline{\text{Г}}$ взялъ Федоръ и Елферий у талщиковъ: а что переиде чересъ срокъ $\overline{\text{Д}}$ дни, а въ томъ Князю измѣны не учинити. А како Князь серебро поемлетъ, тако ему вся таль пустити по цѣлованью. А не любье Князь отложилъ отъ Новгорода, и отъ Пскова, и отъ пригородовъ; а Посаднику и Тысяцкому и всему Новугороду, кто мои недругы, мнѣ выдалъ въ Торжку, тѣмъ ся имъ не мшцати. А Новугороду Княжене мое честно държати безъ обиды, а Князю Великому държати Новъгородъ безъ обиды въ поплниѣ. А опать сълъ Князь Великій Михаило на Фектистовѣ грамотѣ, что доконьчалъ съ Владыкою и съ Послы Новгородскыи на Тѣврѣ. А на семь на всемъ Князь Великій Михаило крестъ цѣловалъ, по симъ грамотамъ. А исплатити Новъгородъ то серебро двѣнадцать тысячъ; то Великому Князю грамота изрѣзати, что докончали на городкѣ на Волзѣ, и другая грамота Новоторзская что въ Торжку доконьчали.

15) *Договорная съ тѣмъ же В. Княземъ. (а).*

Отъ Посадника отъ Михаила, отъ Тысячкого отъ Матѣя, отъ Бояръ, и отъ житыхъ людей, и отъ чорныхъ людей, и отъ всего Новгорода, послаше Новъгородъ Юрья и Якима къ Князю къ Михаилу на Тѣврѣ, а велѣлъ миръ имати на семь. А же братью нашу попушати безъ окупа, Новгородскихъ Бояръ и Новоторскихъ Бояръ, житыхъ людѣи и чорныхъ людѣи, и сиротъ Нов-

(а) Тамъ же № 13.

городской волости и Новоторьской волости; или хто дань на поруку Новгородчъ или Новоторжанинъ, а съ тыхъ порука на землю; или кого къ челованью привель, а съ тыхъ челованье на землю; или грамоты дерноватыи накого пописаль, а ть грамотъ подереть. А что Князь Михаило товаръ порубилъ братья нашей до Новоторьского взятъя, а того товара весь Новгородъ велель Юрьи и Якиму отступитися; а что товаръ Новгородскый и Новоторскый въ Торьшку взятъ въ полонъ, а того товара весь Новгородъ велель Юрьи и Якиму отступитися. А земль и водъ старый рубежь по старымъ грамотамъ. А Намьстники свои съ Торьшку сведеть. А на семъ повельше весь Новгородъ Юрьи и Якиму миръ взяти съ Княземъ съ Михаиломъ; а повельша печати приложити изо всьхъ пяти кончевъ къ сей грамотъ. Аже Князь Михаила почне Пословъ свои слати въ Новгородъ повель Юрьи и Якиму Пословъ Михайловъ поняти въ Новгородъ.

16) *Дозоворная В. К. Михаила Ярославича съ Новгородомъ при Князь его Юриъ Даниловичъ. (а)*

Се доконча Князь Великийь Гюрги съ братомъ своимъ Великимъ Княземъ съ Михаиломъ, и съ Посадникомъ, и съ Тысяцкимъ, и съ всьмъ Новымъ городомъ. Дати Князю Михаилу... рубежь правый по старому рубежю межю Торжькомъ и омъ имежю Кашиномъ, также..... гдѣ по старому рубежю..... дати. А что Княгыни покупила села въ Волог.... и въ Бѣжицкой.... имати ей куны у истьцевъ,..... святой Софии; также и дѣтемъ его, и Княгыни его, и Бояромъ его въ все Княженне Михаилово знаютъ своего.... а земля бесъ кунъ..... и Кня..... и при ... Тѣбри... Дмитр..... возмутъ..... рубежемъ въ Нов.....ца, или у сына, и..... на томъ ему хрестъ..... како истьца не вѣдаеть, а куны ему имати у Новгорода, колко далъ, хрестъ цѣловавъ. А кто живеть въ Новоторьскомъ уездѣ у Святого Спаса, а тѣ потягнуть къ Торжьку; буди закладъщикъ, буди пришлецъ, буди..... буди дѣтвй его, буди Княгининъ, буди Бояръ.... также и Василисинъ, также и въ волости Новгородской..... въ Торжьку, и въ Тѣбри положено, на стырыхъ людехъ..... прочной справѣ. А въ котораго чоловѣка почнуть окупать села въ Новгородской волости, окупити ему и доброе и худое. А что поимали на Вологдѣ кре-

(а) С. Г. Г. No. 14.

четы и серебро, и бѣлу, и свободамъ и Послюмъ и у Волоцъ и у Ладожанъ, или ихъ людей, дати имъ назадъ по исправъ; а головы..... имали въ полку и....то попушати безъ окупа. А что взялъ Михаило Князь.... ру.... на смердѣхъ на Пруте.. скихъ,.. земля къ Новгороду. А гости всякому гости слитно: гостити безъ рубежа; а ворота ти отворити, а хлѣбъ ти пустити, и всякій ти гость пустити въ Новъгородъ; а силою то гостя въ Тѣврѣ не перемати. А чересъ ти рубежъ въ Новъгородскую волость Дворянъ и приставовъ не въсылати; а обидному на рубежи судъ. А Послюмъ Новгородскимъ и Новгородцемъ ѣздити сквозъ Михайлову волость безъ пакости; а холопи и должники выдавати по исправъ. А что грамота на Городцъ писана, и что въ Торжъку писана при Тантемери и Владыцъ, серѣбренная, а тв грамотъ Михаило Князь порѣзалъ. А насемъ на всемъ Князь Михаило цѣловалъ крестъ къ намъ, по любви въ правду, безъ всякого извѣта.

17) А что Олександровыхъ Княжихъ сель купленыхъ, или его мужъ, а то поидеть къ Олександру Князю по исправъ, по хрестьному цѣлованью, по заводъ; а исъ тыхъ сель суда имъ не судити, ни Дворяномъ ѣздити, ни людей Новгородскихъ примати, ни земли. — А што ся дѣяло до твоего Княженія; и въ твое Княженье, того ти не поминати; што продано Княжихъ волостей съ Велика дни, а што будетъ не продано по Велицъ дни, то по цѣлованью повѣдати. — А што будетъ Дѣдъ твой сильно дѣлалъ или ины Князь на Новъгородъ, того ти не дѣяти (а).

18) *Договорная грамота Великаго Князя Дмитринъ Иоанновича и Князя Владиміра Андреевича съ Позыль городоля* (б).

Се прѣхали ко мнѣ къ Великому князю Дмитрею Иваповичю всеа Руси, отъ отца моего владыки Олексѣя, и отъ Посадника Юрѣя, отъ Тысяцкаго Олисыя, и отъ всего Новагорода Иванъ Посадникъ, Василей Ѳедоровъ, Иванъ Борисовъ, а отъ черныхъ людей Воиславъ Поповичъ, Василей Огаѳоновъ. Кончалъ есмь съ своими мужи въ одиночество, цѣловали есмь крестъ съ своимъ братомъ со Княземъ съ Володимеромъ Андреевичемъ: а натеъмъ къ намъ цѣловали крестъ Иванъ Посадникъ, Василей Ѳедоровъ,

(а) Собр. Г. Г. и Д. №. 15. (б) А. а. в. I, №. 8.

Иванъ Борисовъ, Воиславъ Поповичъ, Василей Огаѡоновъ. Натомъ цѡловати крестъ ко мнѣ ко Князю къ Великому къ Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и къ моему брату ко Князю къ Володимеру, въ одиначество всему Новгороду. Ажъ будетъ обида со Князми Литовскими, или съ Тѡерскимъ Княземъ съ Михаиломъ, Новгороду всѣсти на конь со мною со Княземъ съ Великимъ, и съ моимъ братомъ со Княземъ съ Володимеромъ съ одного; а коли будетъ мнѣ Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и моему брату Князю Володимеру, всѣсти на конь на Князя на Литовскогго, или на Тѡерскогго на Князя на Михаила, мнѣ Князю Великому самому быти въ Новѡгородѣ, а любо брата ми послати Князя Володимера въ Новгородъ всѣсти: или будетъ обида Новгороду съ Литовскимъ Княземъ, или съ Тѡерскимъ Княземъ съ Михаиломъ, или съ Нѣмци, мнѣ Князю Великому Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и моему брату Князю Володимеру, всѣсти по Новѡгородъ съ одного, по цѡлованью; а до колѣ ся Новѡгородъ съ Литовскимъ Княземъ, и со Тѡерскимъ Княземъ Михаиломъ, не умирить, или съ Нѣмци, мнѣ Князю Великому Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и моему брату Князю Володимеру, Новагорода не метати, любо ми самому быти Князю Великому въ Новѡгородъ, или брата пошлю, доколѣ Новѡгородъ умираю, а быти ми въ Новѡгородъ или брата пошлю; а пойдетъ на насъ рать, вѣхати ми отъ васъ или брату моему безъ хитрости, а то намъ не въ измѣну. А княженъ бы великое мое держати честно и грозно, безъ обиды: а мнѣ Князю Великому Дмитрею Ивановичю всеа Руси, держати Новѡгородъ въ старинѣ, безъ обиды ²³).

19) *Данная В. К. Василію Васильеву, на черный боръ по Новоторжскимъ волостямъ* (а).

Отъ Посадника Великого Новагорода степенного Оѡонаса Остаѡевича, и отъ всѣхъ старыхъ Посадниковъ, и отъ Тысяцкаго Великого Новагорода степенного Михайла Овдреевича, и отъ всѣхъ старыхъ Тысяцкихъ, и отъ Боярѣ, и отъ житѣихъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей, и отъ всего Великого Новагорода. На вѣчъ на Ярославѣ дворѣ, се дахомъ черный боръ на сей годъ Великому Князю Василью Васильевичю всеа

(а) А. а. в. №. 32.

Руси, а послалъ Князь Велики на черный боръ Семена Яковлича въ Торжокъ : а брати Князя Великого черноторцемъ на Новоторжскихъ волостѣхъ на всѣхъ, куды пошло по старинѣ , съ сохи по гривнѣ по новой, а писцу Княжу мортка съ сохи; а въ соху два коня да третѣе припряжь, да тищанъ Кожевничской за соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣщци за соху, ладья за двѣ сохи, прѣнь за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполови на томъ взяти за полсохи; а гдѣ будетъ Новгородецъ захвалъ лодьею, или лавкою торгуеть, или староста , на томъ не взяти; а кто будетъ одерноватый емлетъ мѣсячину , на томъ не взяти ; а кто поверга свой дворъ , а вбѣжить въ боярскій дворъ , или кто иметь соху таити , а избличать, на томъ взяти вины вдвое за соху. А кормъ съ десяти сохъ Князя Великого Черноторцемъ взяти тридцать хлѣбцовъ, баранъ а либо полоть мяса, трое куровъ, сито заспы, два сыра, бѣкаръ соли; а коневаго корму пять коробей овса въ старую коробью, три возы сына съ десяти сохъ какъ пошло; по двѣ подводы отъ стану до стану. А брати имъ, куды и переже сего черноторца брацъ, по старинѣ.

20) А что, Княже, гнѣвъ будетъ на Владьку , или на Посадника и на весь на Великий Новгородъ , то ти, Княже, нелюбіе отложите ; а про Дмитрел про Тарасова не мщатись , ни судомъ, ничимъ же; а кто почистъ вадити, тому ти вѣры не яти (а).

21) А что земли Ростовскія и Бѣлозерскія , что покупили наши Новгородци , а тыхъ земль Княземъ Великимъ съступились и грамоты подавали. А полонъ съ обѣ половинъ базъ окуша; а кто будетъ продавалъ полонъ въ Книженъи въ Великомъ , а тому серебру погрѣбъ съ обѣ стороны; а кто будетъ продалъ полоняники своему , тому ся увѣдати самому, а полоняникъ поидеть прочь. А съ Новоторжцевъ Князи Великии дѣлованіе сложили ; а что серебро и хлѣбъ Княземъ Великимъ недобранъ въ Торъжку , или на губахъ , а то Княземъ Великимъ ненадобъ ; а деть данъ на поруцъ въ серебръ ; или въ хлѣбъ , съ тыхъ покто бурука доловъ , а что собрано а то Княземъ Великимъ ; а Новгороду въ томъ дѣлѣ на Новоторжцовъ нелюбіа не держати, ни мщатись некоторою хитростью. А что война была Князей

(а) А. Истор. I, No. 258.

Великихъ надѣ Новгородскою волостію, или Новгородская война была надѣ Великихъ Князей волоостями, тому всему погребѣ; а послѣ сего крестного цѣлованія, аже доспѣется война съ объ половины, а не вѣдая сего докончанія, иманое назадъ отдати съ объ половины; а учинятся мертвые, а почнуть клепати мертвыми или грабсжомъ съ объ половины, ино судъ тому на Городищѣ передъ тыми судьями; а что были войны и грабежи изъ Великого Княженія и изъ Новгородской вотчины, до складной грамоты Великого Князя, съ объ половины, тому судъ на Городищѣ. — Также что наши братія Новгородци покупили земли Ростовскія и Бѣлозерскія, или даромъ поимали, и намъ тыхъ земель обыскавъ, отетупитися вамъ Великимъ Княземъ, по крестному цѣлованію; а кто которой земли запритца, тому судъ и исправа по крестному цѣлованію. А прїѣдутъ къ намъ къ Великимъ Княземъ отъ Великого Новгорода послы Новгородскыя о какихъ обидныхъ дѣлахъ исправы просити а наѣдутъ насъ обихъ Великихъ Князей въ Русской землѣ, ино имъ посольство правити объма Великимъ Княземъ и исправы просити у обихъ, а имъ исправа дати Великому Новгороду, по крестному цѣлованію, а отвѣтъ дати Великому Новгороду; а наѣдутъ одного Великого Князя въ Руской землѣ, ино одному посольство правити, а ему исправа дати Великому Новгороду, по тому же крестному цѣлованію, и отвѣтъ дати Великому Новгороду. А Великому Новгороду Князя Ивана Андреевича Можайскаго и его дѣтей, и Князя Ивана Дмитриевича Шемякина и его дѣтей, и его матери Княгини Софьи и ее дѣтей и зятя, Новгороду не прїимати. А послѣ сего докончанія, изъ Московской земли изъ Великого Княженія кто прїѣдетъ лиходѣй Великихъ Князей въ Великій Новгородъ, и Новгороду ихъ не прїимати; или кто лиходѣй Великихъ Князей побѣжитъ изъ Руской земли изъ Московскаго Княженія въ Литву или въ Нѣмци, а изъ Литвы или изъ Нѣмецъ прибѣжитъ къ Великому Новгороду, и Новгороду тыхъ лиходѣевъ не прїимати. А коихъ людей привели къ цѣлованію за Великихъ Князей, кои живутъ на Новгородской землѣ въ Торъжку, или за Волокомъ, индѣ гдѣ ниестъ, а съ тыхъ людей Князи Великіи цѣлованіе сложиша; а земли и воды къ Великому Новгороду, по старинѣ и по старымъ крестнымъ грамотамъ; а натыхъ людей Новгороду про то нелюбіа не держати, по крестному цѣлованію. А что нятцевъ или полону у Великихъ Князей, или Новгорода нятцевъ и полону, и старого полону Великихъ Князей и его братья молодой изо всего его Великого

Княженіа, ино тыи нятци и той полонъ отпустиша безъ окупа на обѣ поливинѣ, и старой и новой. (а) Повторено А. а. з. I, NO. 91.

22) *Грамота обѣ уладити В. К. Василію Васильевичу залоговъ по Демонскому докончанію.* (б)

Се заплатиша отъ Великого Новагорода подвойскіе Ноугородскіе Степанъ Илинъ, Степанъ Григоріевъ, и вѣчный дьякъ Яковъ, Ивану Володимировичу тысячу рублевъ да сто рублевъ послѣднаго платежа, что добиши челомъ Бояре Ноугородскіе Великому Князю въ Яжелбицахъ, посадникъ Григорей Даниловичъ, посадникъ Ѳедоръ Яковличъ, посадникъ Василей Степановичъ, тысяцкой Яковъ Ивановичъ, тысяцкой Василей Пантелеевичъ, а отъ житѣихъ Оонось Микулинничъ, Иванъ Юріевичъ, Яковъ Ивановичъ, полудевятою тысячею рублевъ, и грамоту дали Великому Князю въ той полудевятъ тысячѣ рублевъ и въ залозѣхъ отъ Демонского докончанія, за своими печатми, и честной крестъ цѣловали: ино та полдевяты тысячи рублевъ Великому Князю дошла чисто вся, а залози отъ Демонского докончанія остались за Новымъ городомъ. И мы ту грамоту у Ивана взяли, а въ залозѣхъ есмь Великого Князя, что ея за нами остало отъ Демонского докончанья, дали на себя сю грамоту, что справити намъ всѣ залози по крестному цѣлованью, по тому какъ цѣловали въ Яжелбицахъ Посадникъ Григорей Даниловичъ, Посадникъ Ѳедоръ Яковличъ, Посадникъ Василей Степановичъ, Тысяцкіе Яковъ Ивановичъ, Василей Пантелеевичъ, а отъ житѣихъ Оонось Микулинничъ, Иванъ Юрьевичъ, Яковъ Ивановичъ, къ Великому Князю; а какъ залози дойдуть всѣ Великому Князю, ино ся грамота подрати. А запечатали есмь сю грамоту печатію Посадничею степенного Ивана Лукинничъ, и Тысяцкого степенного печатію Михайловою Андреевича.

23) *Договорная съ Казимиромъ Литовскимъ* (в) ²⁴⁾.

Се язъ честны Король Полскій и Князь Велики Литовскій докончялъ есмь миръ съ нареченнымъ на Владычество съ Ѳеофиломъ, и съ Посадники Новгородскими, и съ Тысяцкими, и съ Бояры, и съ житѣими, и съ кушци, и со всемъ Великимъ Но-

(а) А. а. з. I, NO. 58. (б) Тамъ же, NO. 59. (в) А. а. з. I, NO. 87.

вымгородомъ. А прѣвѣша ко мнѣ послове отъ нареченаго на Владычество Θεофила, и отъ Посадника степенного, и отъ Тысяцкаго степенного Василья Максимовича, и отъ всего Великого Новгорода мужей волныхъ, Посадникъ Новгородцкїй Оѡнасъ Остафьевичъ, Посадникъ Дмитрей Исаковичъ и Иванъ Кузминъ сынъ Посадничъ, а отъ житыхъ Панфилей Селифоновичъ, Кирило Ивановичъ, Якимъ Яковличъ, Яковъ Зиновьевичъ, Степанъ Григорьевичъ. Докончалъ есмя съ ними миръ и со всемъ Великимъ Новымгородомъ, съ мужи волными. А держать ти, честны Король, Велики Новгородъ на сей на крестной грамотѣ. А держати тобѣ, честному Королю, своего Намѣстника на Городищѣ отъ нашей вѣры отъ Греческой, отъ православного хрестыанства; а намѣстнику твоему безъ Посадника Новгородцкаго суда не судити, а отъ мѣста купъ не имати; а Великому Новугороду у твоего Намѣстника суда не отымати, опричь ратной вѣсти и городоставленїа ²⁵); а судити твоему Намѣстнику по Новгородской старинѣ. А дворецкому твоему жити на Городищѣ на дворцѣ, по Новгородской пошлинѣ; а дворецкому твоему пошлина продавати и Посадникомъ Новгородскимъ по старинѣ съ Петрова дни ²⁶). А тиуну твоему судити въ Одринѣ ²⁷) съ Новгородцкими приставы. А Намѣстнику твоему и дворецкому и тиуну быти на Городищѣ въ пятидесять человекъ. А Намѣстнику твоему судити съ Посадникомъ во Владычнѣ дворѣ, на ношломъ мѣстѣ, какъ Боярина такъ и житяего такъ и молодшего такъ и селявина; а судити ему въ правду, по крестному цѣлованью, всѣхъ равно; а пересудъ ему имати, по Новгородцкой грамотѣ по крестной, противъ Посадника, а опричь пересуда посула ему не взяти; а во владычень судъ и въ Тысяцкаго, а въ то ся тебѣ не вступати, ни въ монастырскїе суды, по старинѣ. А пойдетъ К. В. Московскїй на Велики Новгородъ, или его братъ, или которую землю подыметъ на велики Новгородъ, ино тебѣ нашему Господину честному Королю всѣсти на конь за Велики Новгородъ, и со всею съ своею радою Литовскою, противъ Великого Князя, иборонити Велики Новгородъ; а коли Господине честны Король, не умиривъ Великого Новгорода съ Великимъ Княземъ, а поѣдешъ въ Лятцкую землю или въ Нѣмецкую, а безъ тебе, Господине, поидетъ Князь Велики, или его сынъ, или его братъ, или кою землю подойметъ на Велики Новгородъ, ино твоей радѣ Литовской всѣсти на конь за Велики Новгородъ, по твоему крестному цѣлованію, и боронити Новгородъ. А что Ржова, и Великии Луки, и

Холмовски погость, четыре перевары, а то земли Новгородския, а въ то ся тебѣ честному Королю не вступати, а знать тебѣ своя черна куна, а тѣ земли къ Великому Новугороду; а Ржевѣ и Лукомѣ, и Холмовскому погосту, и инымъ землямъ Новгородскимъ и водамъ, отъ Литовской земли рубежъ по старинѣ. А сведется Новугородцу судъ въ Литвѣ, ино его судити своимъ судомъ, а блюсти Новугородця какъ и своего брата Литвина, по крестному цѣлованью: а сведется судъ Литвину въ Великомъ Новугородѣ, ино его судити своимъ судомъ Новгородскимъ, а блюсти его какъ и своего брата Новугородця, по крестному цѣлованью, такожъ. А сведется поле Новугородцу съ Новугородцомъ, ино Намѣстнику твоему взяти отъ поля гривна, а двѣма приставамъ двѣ денги, а учнуть ходити за срѣчкою на поле, ино взяти твоимъ приставомъ двѣ денги. А въ Русь ти имати за проѣзжей судъ, черезъ годъ, сорокъ рублевъ, а держати десять варницъ въ Русь; а въ Водцкой землѣ плата за проѣзжей судъ, черезъ годъ, тридцать рублевъ; а въ Ладогѣ ти пятнадцать рублевъ, а съ Ижеры два рубля, а съ Лошчи рубль, за проѣзжей судъ, черезъ годъ; а по инымъ волостемъ по Новгородскимъ имати тебѣ пошлины по старинѣ, а Новугороду пошлинъ не таяти по крестному цѣлованью. А вывода ти, честны Король, изъ Новгородской отчины не чинити, а челяди не закупати, ни даромъ не примать. А подводъ по Новгородской отчинѣ не имати, не твоимъ посломъ, ни твоему Намѣстнику ни иному никому жъ въ твоей державѣ. А черны куны имати по старымъ грамотамъ и по сей крестной грамотѣ: а на Молвотицяхъ взяти ти два рубля, а тиуну рубль за Петровщину; а на Кунскѣ взяти ти рубль; а на Стержи тридцать кунницъ да шестьдесятъ бѣлъ; а съ Моревы сорокъ кунницъ да восемьдесятъ бѣлъ, а Петровщины рубль, а въ осенинѣ полрубля; а въ Жавнѣ двадцать кунницъ да восемьдесятъ бѣлъ, а Петровщины рубль; а медъ и пиво съ перевары по силѣ; а на Лопастияхъ и на Буйцахъ у чернокунцовъ по двѣ кунници и по двѣ бѣли, а слугамъ бѣла; а на Лукахъ нашѣ тиунъ, а твой другой, а судъ имъ на полы, а Торонецкому тиуну по Новгородской волости не судити; а въ Лубокѣ и въ Заклинѣ по двѣ кунници и по двѣ бѣли, а Петровщины сорокъ бѣлъ; а во Ржевѣ по двѣ кунници и по двѣ бѣли, а съ перевары медъ и пиво по силѣ; а въ Новгородскихъ волостяхъ, ни на Демонѣ, ни на Цсѣ ни на Полоновѣ, ненадобъ иное Литвѣ ничто жъ, ни черны куны не брати; а иныхъ пошлинъ тебѣ, честны Король, на Новгородския

волости не вкладывать черезъ сію крестную грамоту. А сведется вира, убьютъ Сотцкого въ селѣ, ино тебѣ взяти полтина, а не сотцкого, ино четыре гривны, а намъ вирь не таити въ Новѣгородѣ, а о убивствѣ вирь нѣтъ. А что волости, честны Король, Новгородцкія, ино тебѣ не держати своими мужи, а держать мужми Новгородцкими; а что пошлина въ Торжку и на Волоцѣ тивунъ свой держать на своей части, а Новугороду на своей части Посадника держати. А се волости Новгородцкія: Волокъ со всѣми волостми, Торжокъ, Бѣжици, Городецъ, Палець, Шипино, Мелеця, Егна, Заволочьс, Тиръ, Пермь, Печера, Югра, Вологда съ волостми. А пожни, честный Король, твои и твоихъ мужъ, а то твои, а что пожни Новгородцкія, а то къ Новугороду, какъ пошло. А Дворяномъ съ Городища и извѣтникомъ позывать по старинѣ. А на Новгородцкой землѣ тебѣ, честны Король, селѣ не ставити, ни закупать, ни даромъ ни примать, ни твоей Королевой, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ Княземъ, ни твоимъ Паномъ, ни твоимъ слугамъ. А холопъ или роба, или смердъ, почнетъ на осподу вадити, а тому ти, честны Король, вѣры не нять. А купецъ пойдетъ во свое сто, а смердъ потянетъ въ свой потугъ къ Новугороду, какъ пошло. А приставовъ тебѣ, честны Король, не всылати во всѣ волости Новгородцкія. А у насъ тебѣ, честны Король, вѣры Гречскіе Православные нашей не отымати; а гдѣ будетъ намъ Великому Новугороду любо въ своемъ Православномъ хрестыянствѣ, ту мы Владыку поставимъ по своей воли, а Римскихъ церквей тебѣ, честны Король, въ Великомъ Новѣгородѣ не ставити, ни по пригородомъ Новгородцкимъ, ни повсѣй земли Новгородцкой. А тѣну твоему въ Торжку судити судъ съ Новгородцкимъ Посадникомъ, такожъ и на Волоцѣ, по Новгородцкой пошлинѣ, Новгородцкимъ судомъ, и виры и полевое по Новгородцкому суду; а что во Псковѣ судъ и печать и земли Великого Новогорода, а то къ Великому Новугороду по старинѣ. А умиришь, Господине, честны Король, Велики Новгородъ съ Великимъ Княземъ, ино тебѣ взяти честному Королю Черны боръ по Новгородцкимъ волостемъ по старинѣ одинава, по старымъ грамотамъ, а въ иные годы Черны боръ не надобъ. А Нѣмецкого двора тебѣ не затворяти, ни приставъ своихъ не приставливати, а гостю твоему торговати съ Нѣмци нашею братьею. А посломъ и гостемъ на обѣ половины путь имъ чистъ, по Литовской землѣ и по Новгородцкой. А держать тебѣ, честны Король, Велики Новгородъ въ воли мужей воныхъ, по нашей старинѣ

и по сей крестной грамотѣ. А на томъ на всемъ, честны Король, крестъ цѣлуй ко всему Великому Новгороду за все свое Княжество и за всю раду Литовскую, въ правду, безо всякаго извѣта: а Новгородцкіе послове цѣловаша крестъ Новгородскою душею къ честному Королю за весь Велики Новгородъ, въправду, безъ всякаго извѣта.

24) *Грамота объ уплатѣ В. К. Иоанну Васильевичу и Иоанну Иоанновичу пятнадцати тысячъ пяти сотъ рублей* (а).

Се добилъ челомъ Великому Князю Ивану Василіевичю всея Руси, и сыну его Великому Князю Ивану Ивановичю всея Руси, наречены на архіепископство Великого Новгорода и Пскова священноинокъ Теофилъ, и Посадники Новгородскіе Иванъ Лукниничъ, Посадникъ Яковъ Александровичъ, Посадникъ Теофилятъ Захарьиничъ, Посадникъ Лука Остафьевичъ, Александръ Клементіевичъ, Ѳедоръ Іевличъ, Онкифъ Васильевичъ, Дмитрей Михайловичъ, по Ноугородскому вельнію всего Новгорода, за Новгородскую простуику, полушестьминадцати тысящи рублей денгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ. А дати намъ то серебро своей господъ Великимъ Княземъ, на Рожество Святіе Богородици полтретьи тысящи рублей, а на Крещеніе Господне три тысящи рублей, а на Великъ день пять тысячь рублей, а на Успеніе Святые Богородици, въ той же годъ, пять тысячь рублей; а дати намъ тое серебро на тые сроки, по крестному цѣлованію. А сія грамота писана лѣта 79 Августа 9.

25) А за Короля и за Великого Князя Литовского, кто Король или Велики Князь на Литвѣ нибуди, отъ васъ отъ Великихъ Князей намъ вашей отчинѣ Великому Ноугороду, мужемъ волнымъ, не отдатися никоторою хитростию, а быти намъ отъ васъ отъ Великихъ Князей неотступнымъ ни къ кому; а Князей намъ у Короля и у Великого Князя Литовского собъ на пригороды не просити, ни пріимати изъ Литвы Князей въ Великій Новгородъ. А на владычество намъ Великому Новгороду избирати собъ по своей старинѣ; а ставитися нашему Владыцѣ въ дому Пречистые и у гроба Святаго Петра Чюдотворца на Москвѣ, у

(а) А. а. в. I, No. 90.

Кн. I. Отд. I.

20

вась у Великихъ Князей и у вашего отца у Митрополита, которой Митрополитъ у вась у Великихъ Князей на Москвѣ нибуде; а индѣ намъ владыкы, опрочъ Московского Митрополита, нигдѣ не ставити (а).

26) *Отказная Новгородская грамота на Двинскую землю* (б).

По благословенію нареченного на Архіепископство Великаго Новагорода и Пскова священноинокъ Θεофила. Отъ Посадника степенного Новгородского Тимоея Остафьевича и отъ всѣхъ старыхъ Посадниковъ, и отъ Тысяцкого степенного Василиа Максимовича и отъ старыхъ Тысяцкихъ, и отъ Боярѣ, и отъ житейныхъ людей, и отъ кущевъ, и отъ черныхъ людей, и ото всего Великаго Новагорода, съ вѣча съ Ярославля двора, на Пинегу, и на Кевролу, и на Чаколу, и на Пермьскыя, и на Мезень, и на Пильи горы, и на Немьюгу, и на Пинежку, и на Вью, и на Суру на Поганую, къ старостамъ и ко всѣмъ христіаномъ. Что тые земли на Пинежь, Кевролу, и Чаколу, и Пермьскія, и Мезень, и Пильи горы, и Немьюгу, и Пинежку, и Вью, и Суру поганую, повняли за себе наши братья Ноугородци и вась къ цѣлованію привели на Новугородское имя: ино то земли осподы нашей Великихъ Князей, Великаго Князя Ивана Василіевича всея Руси, и сына его Великаго Князя Ивана Ивановича всея Руси; а то крестное цѣлованіе Новугороду съ вась доловъ.

(а) Тамъ же №. 91. (б) Тамъ же №. 93.

ПРИМЪЧАНІЯ.

¹ Здѣсь подъ старѣйшими разумѣются: лица правительственныя—Посадникъ Степенный и старые Посадники, Тысяцкій Степенный и Старые, и Соцкіе, далѣе Болре и Житые люди; подъ меньшими разумѣются купцы и черные люди (См. примѣч. 8). Житыми людьми назывались богатые, *зажиточные* собственники; черными — все остальное народонаселеніе, не принадлежащее къ извѣстнымъ и упомянутымъ разрядамъ (О значеніи слова: „Черный“ см. мою статью въ Историч. и Статистич. Сборникѣ, изд. Валуевымъ); такъ въ Новгородѣ дѣти бѣлаго Духовенства, какъ не принадлежаціе ни къ какому сословію, причислялись къ чернымъ людямъ: „Се пріѣхали ко мнѣ къ В. Князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, отъ отца моего Владыки Олексѣя, и отъ посадника Юрья, отъ Тысятцакаго Олексѣя, и отъ всего Новгорода Иванъ Посадникъ, Василей Ѳедоровъ, Иванъ Борисовъ, а отъ черныхъ людей Воиславъ Поповичъ, Василей Огаѣоновъ (А. а. в. I, №. 8).“ Здѣсь 5 пословъ, по числу 5-ти концевъ. — Иногда мы видимъ, что послы пріѣзжаютъ только отъ однихъ старѣйшинъ, отъ лицъ правительственныхъ и житыхъ людей, а иногда и отъ черныхъ; этого обстоятельства нельзя оставлять безъ вниманія, ибо оно показываетъ борьбу партій въ Новгородѣ, Аристократической и Демократической, и если первая побеждала, то исключала вторую отъ представительства. Указанія на эту борьбу см. Новгород. лѣтоп. стр. 57 и 136.

² Слово: „Грозно“ встрѣчается только въ грамотахъ къ Московскимъ Князьямъ и вѣроятно вошло въ употребленіе со временъ Симеона Гордаго.

³ На это условіе Новгородцы настаивали потому, что въ противномъ случаѣ Новгородъ являлся бы областью, зависящею отъ земли Нивовой, тогда какъ вольные люди признавали власть только своего Новгородскаго Князя, а не Владимірскаго или Московскаго; такъ въ лѣтописи В. Князь наз. В. Княземъ Новгородскимъ: „Преставися Князь Великий Новгородскыи Ярославъ Ярославичъ, въ Татарѣхъ. (Новгор. перв. стр. 62).“

- ⁴ А Новгородской ти души блюсти „т. е. блюсти, чтобъ Новгородцы не взяли грѣха на душу, будучи принуждены нарушить клятву, данную Нѣмцамъ.
- ⁵ Рядъ воольный, когда соперники добровольно уладятъ дѣло между собою.
- ⁶ Самосуда не замышлять, т. е., не судить самимъ, или однимъ безъ участія Новгородскихъ Правительственныхъ лицъ; хотя, впрочемъ самосудъ имѣетъ еще другое значеніе въ нашемъ древнемъ юридическомъ языкѣ: „А самосудъ-то, кто изымавъ тати съ поличнымъ да отпустить, а собѣ посулъ возметь, а намѣстники доведаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опричь того самосуда нѣтъ.“— Уставная Двинская грамота, А. а. в. I, No. 13.
- ⁷ Потому что купецъ тянетъ въ свое стѣ, и тамъ только можетъ быть судимъ.
- ⁸ Прибавленія изъ Судной Новгородской грамоты: А посаднику судити судъ свой съ намѣстники Великого Князя, по старинѣ; а безъ намѣстниковъ В. Князя посаднику суда не кончати; а намѣстникомъ В. Князя и тиномъ пересудъ свой вѣдати по старинѣ. А кто наведетъ наводку на Посадника, или на Тысетцкого, или на Владычна Намѣстника, или на иныхъ судей, или на докладшиковъ, или истецъ на истца у суда или у доклада или у Поля, ино взять В. Княземъ и В. Ноугороду на виноватомъ на Бояринѣ 50 рублевъ, а на житьемъ двадцать рублевъ, а на молодшемъ десять рублевъ за наводку, а истцю убытки подойметъ. — А кого утяжутъ въ нападѣ и въ грабежи, ино взять В. Княземъ и В. Ноугороду на виноватомъ, на Бояринѣ пятьдесятъ рублевъ, а на житьемъ двадцать рублевъ, а на молодчемъ десять рублевъ.—А кой посадникъ, межника давъ, а поѣдетъ прочь изъ города не кончавъ того суда, ино В. Княземъ и В. Новугороду на томъ Посадникѣ пятдесятъ рублевъ, а истцю убытки подойметъ; или тысетцкой поѣдетъ прочь изъ города не кончивъ суда, или владыченъ намѣстникъ, ино взять В. Княземъ и В. Новугороду пятдесятъ рублевъ.
- Изъ Записи о Церковномъ Судѣ: А будетъ одинъ человекъ простый истецъ мирянинъ, а не церковный человекъ съ церковнымъ, ино судити Князю и Посаднику съ Владычнымъ Намѣстникомъ въбчи, такоже и судьямъ. — Кто передъ господою ударитъ на судѣ своего истца, ино его въ рубли выдати тому человеку, а Князю продажа.
- ⁹ Это условіе, кажется, болѣе всѣхъ другихъ подвергалось нарушенію, что видно изъ словъ, повторяемыхъ въ послѣдующихъ грамотахъ: »А что, Княже, седъ твоихъ, и Владычьнихъ, и Княтыньныхъ, и

Бояръ твоихъ, и слугъ твоихъ на Новгородской земли, кто будетъ даромъ отъалъ, или сильно; а то поидеть бесъ кунъ къ Новугороду и т. д.“ *Калита въ своемъ завѣщаніи* (С. Г. Г. и Д. I, № 22); упоминаеть о Новгородскихъ селахъ имъ купленныхъ: „А опричь Московскихъ сель, даю сыну своему Семему села своя купленная: село Аваковское въ Новѣгородѣ, на Улалѣ.“— Впрочемъ, иногда сами Новгородцы давали Князьямъ слободы и села въ пожизненное владѣніе, но преемники этихъ Князей присвоивали, обыкновенно, себѣ эти села: „А что сель и свободъ Дмитриевыхъ, то дали есеме были Андрѣю, до живота Андрѣева, въ хрестіаное цѣлованіе, а потомъ Новугороду то все, а тобѣ, Княже, въ то не въ ступитися.“ Не одни Новгородцы, но и всѣ Князья, договариваясь другъ съ другомъ, необходимымъ условіемъ ставили: „А тобѣ въ моемъ удѣлѣ сель ти не купити, ни твоимъ Бояромъ, ни закладневь ти ни оброчниковъ не держати.“ (С. Г. Г. и Д. Т. I)

¹⁰ Озвадо, или Взавадъ, урочище: „Велѣлъ имъ (В. К.) стояти на Броничи: а ждати вѣсти отъ себе; а инымъ воеводамъ у озера Иллера на Взавадѣ и на Ужинѣ (Карамз. т. VI, примѣч. 155).“

¹¹ То есть, если повозъ нуженъ для извѣщенія о приближеніи непріятеля.

¹² Изъ записи о церковномъ судѣ: „Княжимъ людемъ корчмы по дворахъ не дръжати, ни во Пскови, ни на пригородѣ, ни въ ведро ни въ корецъ ни бочкою меду не продавати.“

¹³ Здѣсь разумѣется Волокъ по пути къ Сѣверной Двинѣ, отъ озера Онеги, или отъ рѣки Водлы, до рѣки Онеги (см. Арцѣб. Повѣсть. о Росс. т. I, Кн. I, стр. 3). Новгородцы, опасаясь за свои заволоцкія сокровища, выговаривали, чтобъ В. К. не посылалъ своего мужа, но за извѣстную сумму денегъ продавалъ Новгородцу свое право собирать дань: „слати Новгородца, а тобѣ серебро емати, продаяти ти дань своя Новгородцю;“ или, если Князь не соглашался, то могъ посылать своего мужа, но только изъ Новгорода, въ двухъ насадахъ, а никакъ не съ Нязу, и потомъ посланный долженъ былъ возвращаться опять въ Новгородъ, для повѣрки, а не прямо къ В. Князю. — Отношенія В. Князя къ Новгороду касательно заволоцкихъ земель объясняютъ двѣ грамоты: одна отъ В. К. Андрея Александровича на Двину (А. в. в. т. I, №. 1.): „Отъ В. К. отъ Ондрея къ посадникомъ, и къ скотникомъ, и къ старостамъ. Како есмь докончалъ съ Новымгородомъ ходити тремъ ватагамъ мовимъ на море, а ватаманъ (?) Ондрей Критцкый, отъ дають съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ; а сынъ его Кузма како поидеть съ моря съ потками съ данными по данничу пути, дадутъ ему кор-

му и подводы, по пошлия, съ погостомъ; а какъ пошли, при моемъ отцѣ и при моемъ братѣ, не ходити на Торокую сторону (Тре, Тиргъ, Тирь, Тигрь, см. выше) Ноугородцемъ, и нѣмъ не ходить.“—Вторая грамота В. Князя Юанна Даниловича также на Двинну (А. а. в. т. I, No. 2): „Отъ В. К. отъ Ивана, отъ посадишка Данила, отъ тысяцскаго Аврама и отъ всего Новагорода къ Двинскому посадишку на Колмогоры, и къ бояромъ Двинскимъ. Приказалъ есмь Печерскую сторону Михайлу, а ходитъ на море въ двадцати человекъ: а вы, бояре Двинские, не вступайтесь въ гнѣздные потки, ни въ мѣста; а погость Кегролскій Волокъ вѣдаетъ Михайло по пошлия, какъ то было при моихъ дядяхъ и при моемъ братѣ при старѣйшемъ; а Микифору не надобѣ вступатись нивочтожъ, атьходить Микифоръ въ Михайловъ ватазъ.“

¹⁴ Волостью наз. все то, надъ чѣмъ имѣли власть, чѣмъ можно было владѣть, будь то земля, или какое-нибудь право, пользованіе чѣмъ-нибудь, на пр.: „А възъ городскихъ волостей даю Княгини своей осмичее; а тамгою и иными волостми городскими подѣлятся сынове мои. (С. Г. Г. и Д. т. I).“

¹⁵ Такъ встрѣчали Новгородцы Ивана III въ 1476 году, см. Соф. врем. II, 164: „Въехалъ (В. К.) въ Торжокъ ... да туто же стрѣтилъ его отъ Владыки Феофила съ поминки Василей Микифоровъ сынъ Панкова, Нолбра 3-го стоялъ К. В. на Виру, ту срѣте его отъ Новагорода подвойской Козаръ съ поминки.... на Волмѣ стрѣтили В. Князя Посадищи Новугородстии ... съ поминки отъ Новагорода и отъ себе; да туто же стрѣтилъ его Федоръ Исаковъ съ поминки.... А изю Влукова стоялъ Князь Велики въ Рыдинѣ на рѣцѣ на Холовѣ; ту его стрѣтилъ В. Новагорода Архіепискупъ Феофилъ, а съ нимъ Кн. Вас. Вас. Шуйской.... отъ Владыки двѣ бочки вина краснаго едина, а бѣлого другаа, а отъ тѣхъ ото всѣхъ по мѣху вина и проч.“ Древнѣйшее указаніе объ этомъ обычаѣ встрѣчать Князя по постоянямъ, находимъ въ Ипатьев. лѣт. стр. 40: „Слышавше Новгородци, оже Изяславъ идетъ къ нимъ, и върадовашася радостью великою, и тако извидоша Новгородци противу ему три днище, а и нѣя всеми силами усрѣтоша и днище отъ Новагорода.“

¹⁶ Подъ именемъ черныхъ кунъ, или чернаго бора разумѣлась въ Новгородѣ общая дань, которая съ нѣкоторыхъ волостей шла въ родовую казну, а съ другихъ въ казну Княжескую; такъ видимъ условіе: „А на Имоволовскомъ погосте куны ти имати и на Важанскомъ. „Для Князя была отдѣлена также половина двухъ волостей Новгородскихъ: Торжка и Волока; что здѣсь не было смежнаго владѣнія двухъ Государствъ — В. Новгорода и В. Князя Ни-

зовской земли, что Торжокъ и Волокъ принадлежали вполнѣ къ Новгородскимъ владѣніямъ; и половина ихъ была выдѣлена для пользования Великому Князю, какъ Князю Новгородскому, доказательствомъ служить: 1) Новгородцы, въ своихъ договорахъ, постоянно говорятъ: „А се, Княже, волости Новгородскыя: Волокъ со осеми волостями, Тържкъ.“ 2) Заключая договоръ съ Казиміромъ Литовскимъ, Новгородцы отдають ему ту половину Волока и Торжка, которая была за В. К. Московскимъ, слѣд., распоряжаются ею, какъ своею волостью. — Въ 1259 году Новгородцы обязались платить общую подать, или черный боръ въ Орду, и хотя въ известіи сказано, что они явись по число (Новгор. I, стр. 57), но изъ этого не слѣдуетъ еще, что имѣло мѣсто поголовное перечисленіе, тѣмъ болѣе, что мы не видимъ Баснаковъ въ Новгородѣ, но сами Новгородцы отдають В. Князю черный боръ для отвоза въ Орду и, слѣд., имѣють возможность распределять его по своему старому обычаю; т. е. по сохамъ, приравнивая къ нимъ и другіе промыслы (см. Данную Новгород. грамоту В. К. Вас. Вас. на черный боръ по Новоторжскимъ волостямъ). Ясно, что этотъ черный боръ безпрестанно увеличивался, то уменьшался, то вовсе прекращался, смотря по запросамъ изъ Орды, по степени зависимости В. Князей отъ Хановъ, и по степени зависимости Новгорода отъ В. Князей. Лѣтописцы говорятъ, что когда была тяжелая Ордынская дань, тогда и на Новгородѣ былъ черный боръ (Суздаль. II, 186), этимъ-то и объясняется наше условіе: „А коли приведется взять Княземъ Великимъ черный боръ, и намъ дати черный боръ по старинѣ.“ Любопытно, что съ нѣкоторыхъ Новгородскихъ волостей дань издавна шла В. К. Литовскому; такъ въ договорѣ Новгорода съ Казиміромъ читаемъ: „А что Ржова, и Великія Луки, и Холмовски погость, четыре перевары, а то земли Новгородскія, а въ то ся тебѣ честному Королю не вступати; а знать тебѣ своя черна куна, а тѣ земли къ В. Новугороду; а Ржевъ и Лукомъ, и Холмовскому погосту, и инымъ землямъ Новгородскимъ и водамъ, отъ Литовской земли рубежъ по старинѣ.“ Далѣе: „А черны куны имати по старымъ грамотамъ и по сей крестной грамотѣ: а на Молатвицахъ взяти ти два рубля, а тиуну рубль за Петровщину; а на Кунскѣ взяти ти рубль; а на Стержи тридцать куницъ да шестьдесятъ бѣлъ; а съ Моревы сорокъ куницъ да восьмьдесятъ бѣлъ, а Петровщины рубль, а въ осеннѣ полрубля; а въ Жавнѣ двадцать куницъ да восьмьдесятъ бѣлъ, а Петровщины рубль; а медъ и пиво съ перевары послѣ; а на Лопастияхъ и на Буйцахъ у чернокунцовъ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а слугамъ бѣла; а на Лу-

кахъ нашъ тѣунъ, а твой другой, а судъ имъ на полы, а Торопецкому тѣуну по Новгородской волости не судити; а въ Лубокѣ и въ Заклинѣ по двѣ куницы и по двѣ бѣлы, а Петровщины сорокъ бѣлъ; а во Ржевѣ по двѣ куницы и по двѣ бѣлы, а съ первары медь и пиво по силѣ; а въ Новгородскихъ волостяхъ, ни на Демонь, ни на Цснѣ, ни на Полоновѣ, не надобѣ иное Литвѣ ничтожь, ни черны куны не брати.“ — Здѣсь сказано: „А черны куны имати по старымъ грамотамъ;“ и точно, тѣже самыя условія мы встрѣчаемъ въ одной изъ прежнихъ договорныхъ грамотъ съ Казиміромъ; мы выпишемъ ихъ здѣсь по причинѣ нѣкоторыхъ измѣненій: „А на Молвятцахъ взяти мнѣ Князю Великому два рубли, а тивуну рубль за Петровщину. На Кунску взяти мнѣ К. В. рубль, а тивуну полтина. На Березовцѣхъ взяти мнѣ К. В. полтора рубли да двадцать куницъ; на Стержи тридцать куницъ да шестьдесятъ бѣлокъ, а Петровщины рубль; у Моревѣ сорокъ куницъ да два сорока бѣлокъ, да Петровщины рубль; а въ Сеняи полъ-рубля (им. а въ осеннѣ (осенью)); Петровщина и осенина сроки платежа), а въ Жабяи дванадцать куницъ да сорокъ бѣлокъ, да Петровщины рубль; а пиво съ первары, а медь сыгити по силѣ. А на Лопастичахъ и на Буйчахъ у чернокуньцовъ по двѣ куницы да по двѣ бѣлки, а слугамъ тремъ по бѣлцѣ. А на Лукахъ вапъ тивунъ, а нашъ тивунъ: судъ имъ наполю. А Торопецкому тивуну по Новгородскимъ волостемъ не судити, ни Ржовскому. А въ Любокѣ и въ Заклинѣ по двѣ куницы да по двѣ бѣлцѣ, а медь сыгити по силѣ съ первары; а тивуну ѣздити по перваромъ у пятнадцати человекохъ, а по чернокуньцомъ потомужь въ пятнадцати человекохъ. А въ Новгородской волости менадобѣ ништо иное Литвѣ: ни на Демляни, ни на Цснѣ, ни на Полоновѣ, не надобѣ брати черноѣ куны, ни иное ничтожь. (Акты, относящ. къ Исторіи Запад. Россіи, т. I, № 39).“ Касательно дани Ржевской мы имѣемъ также любопытный актъ: это Запись о Ржевской дани, напечат. также въ Актахъ, относ. къ Истор. Запад. Россіи, т. I, № 71: „Дань Ржевская здавна потому шла, Господару его милости, и къ Новугороду, и къ Москвѣ: съ Ошевского погосту Королю шло сто рублевъ да три рубли и проч. такожь съ тыхъ третей, съ Ошевского погосту, идетъ В. К. Московскому рубль за два соколы и проч. Такожь зъ Ратьчина шло боярину одному Новгородскому, на имя Киприану, и предкомъ его пятый снопъ и проч. Такъ, старыи мужи повѣдаютъ, издавна бывало и до сихъ мѣстъ: то пакъ, какъ Князь Великій Московскій взялъ Новгородъ и вѣчо имъ сказалъ, ино възъхалъ на Ржову Князь Иванъ Дыко, и вѣхалъ черезъ Влицы, и судилъ и грабилъ люди, што хо-

тѣмъ, то нанявъ брала, и оставилъ слугъ своихъ Тимофея а Бурца; и тые его слуги судили и грабили люди, што хотѣли, то брали и проч.—Такое странное явленіе, что волость принадлежала одному Государству, а дань съ нея шла другому, мы видимъ не въ однихъ Новгородскихъ областяхъ, въ договорахъ В. К. Тверскихъ съ В. К. Литовскими читаемъ: „А которые мѣста порубежныи потягли будутъ къ Литвѣ, или къ Смоленску, а подать будутъ давали ко Твери: ино имъ и нынѣчи тягнута по старому: а которые мѣста порубежныи потягли будутъ ко Твери, а подать будутъ давали къ Литвѣ или къ Смоленску: ино имъ и нынѣчи тягнута по давному, а подать давати по давномужъ. (Акты, относ. къ Ист. Запад. Росс. I, No. 33, 51, 79).“ Здѣсь говорится о мѣстахъ порубежныхъ; но въ XII вѣкѣ одна Суздальская волость тянула данью къ Смоленску! Смоленскій Князь Ростиславъ Мстиславичъ говоритъ въ своей уставной грамотѣ Епископѣ Смоленской 1160 года: „Суждали Залѣская дань, аже воротить Гюгри, а что будетъ въ ней; въз того Святѣй Богородица десятина (Дополнен. къ Акт. Историч. т. I, No 4).“

¹⁷ Подъ крюкомъ, кажется, надобно разумѣть объѣзды Новгородскихъ волостей для иманія дара, на что указываетъ сопоставленіе этихъ двухъ условій: „А крюкъ В. Княземъ по старинѣ, на третей годъ. А отъ волостей даръ имати по старинѣ.“

¹⁸ Грамота, которую, вѣроятно, Новгородцы купили въ Ордѣ, и которая обязывала В. Князей не препятствовать ихъ торговлѣ на Низу.

¹⁹ Т. е., не переманивать и не принимать Новгородскихъ Пословъ и купцовъ въ свою службу или въ свою область.

²⁰ Т. е., Князь, за известную сумму денегъ, позволилъ Вѣжичанамъ и Обоничанамъ выбрать судей изъ среды себя, какъ въ послѣдствіи Московскіе Государи позволяли жителямъ известныхъ волостей избирать изъ среды себя излюбленныхъ головъ: „а тѣмъ выборнымъ судьямъ во всякихъ дѣлахъ судити и управа чинити.“ См. Уставныя и губныя грамоты въ I-мъ т. Актовъ Археогр. Экспед.

²¹ *Потугъ* отъ слова: потягнуть, слѣд. „а смердъ потянетъ въ свой потугъ“ собственно значить: а смердъ потянетъ туда, куда тянетъ.“

²² Эта грамота, очень любопытна. Здѣсь мы видимъ нарушеніе одного изъ самыхъ главныхъ условій, что волостей Новгородскихъ Князю не держать своими мужами, но держать мужами Новгородскими, что Федоръ Михайловичъ и Борисъ Константиновичъ не были мужи Новгородскіе, видно, во первыхъ, изъ ихъ поведенія относительно Новгорода, а во вторыхъ, изъ просьбы Новгородцевъ: „Тобѣ .

Княже, не кѣрмити его Новгородскимъ хлѣбомъ, кѣрмити его у себе, "равно какъ изъ выраженія: „а изъ Новгородской волости поидеть.“ Потомъ здѣсь видимъ еще другое нарушеніе условія: оба Боярина имѣли седа въ Новгородскихъ волостяхъ: „а на сельхъ его куны даемъ по исправѣ на купленныхъ, а которое некуплено, а съ тѣхъ поидеть безъ кунъ“ — „Городъ стольный Цѣльсковъ,“ т. е., такой, въ которомъ прежде Князя держали свой столъ, на пр., Всеволодъ Мстиславичъ.

²³ О смыслѣ такихъ договоровъ см. Исслѣдованіе, примѣч. 246.

²⁴ При этой грамотѣ надобно прежде всего замѣтить, что Новгородцы не знаютъ Короля Польскаго, но только В. Князя Литовскаго и Русскаго: „А поидеть В. К. Московскій на В. Новгородъ, или его сынъ, или его братъ, или которую землю подыметъ на В. Новгородъ, ино тебѣ нашему Господину честному Королю всѣсти на конь за В. Новгородъ, и со всею съ своею Рядою Литовскою, противъ В. Князя; а безъ тебѣ, Господине, поидеть Князь Велики... ино твоей Рядь Литовской всѣсти на конь за В. Новгородъ. — А на томъ на всемъ, честны Король, крестъ цѣлуй ко всему В. Новгороду за все свое Княжество и за всю Ряду Литовскую.“

²⁵ Т. е., подсудимые должны являться къ суду, исключая двухъ случаевъ: 1) Когда жители будутъ встревожены вѣстію о приближеніи непріятели; 2) Когда будутъ заняты укрѣпленіемъ города.

²⁶ Это можно объяснить двоякимъ образомъ: 1) Продавать — отдавать на откупъ; 2) Продавать пошдины, взятыхъ натурою.

²⁷ *Одринъ судъ* собирався въ домѣ Новгородскаго Архіепископа, въ его *одриной*, т. е., престольной комнатѣ; слово *одръ* означало тогда не одну постель, но и престоль (срав. *lit de justice*). См. Куницына — *Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи*, отрывокъ изъ котораго напечатанъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1843 г. №. 136.

II
МАТЕРИАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

ЛѢТОПИСЬ

САШОВИДЦА

О

ВОЙНАХЪ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО

И

О МЕЖДОУСОБІЯХЪ, БЫВШИХЪ ВЪ МАЛОЙ РОССІИ

ПО ЕГО СМЕРТИ.

Доведена продолжителями до 1734 года

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Такъ какъ нѣкоторыя изъ Украинскихъ лѣтописей не имѣютъ опредѣлительныхъ заглавій и означенія имени лѣтописца, то потому эта лѣтопись, въ отгнѣну отъ другихъ и для точности ссылокъ, названа *Лѣтописью Самовидца*, на томъ основаніи, что сочинитель ея, какъ видно изъ текста, жилъ и дѣйствовалъ отъ начала войнъ Богдана Хмельницкаго, можетъ быть, до послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія. Думаемъ такъ потому, что съ оныхъ годовъ разсказъ теряетъ свою описательную форму и переходитъ въ хронологическую переченьъ событій. Начало Лѣтописи, судя по языку и по особенному краткому изложенію, заимствовано Самовидцемъ изъ другой хроники Украинской. И такъ *Лѣтопись Самовидца* въ собственномъ смыслѣ начинается съ заглавія: „Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго (на стр. 6).“

II. Кульшъ.

Получивъ отъ П. А. г. Кульша списокъ этой, чрезвычайно важной, Лѣтописи на Малороссійскомъ языкѣ своего времени, я тотчасъ вспомнилъ, что въ Библіотекѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, имѣется что-то, похожее на нее. И дѣйствительно, въ Отд. I. подъ N. 131, я нашелъ рукописный списокъ ея, но не на Малороссійскомъ, а Великороссійскомъ, языкѣ, т. е., переводъ, неизвѣстно кѣмъ и когда сдѣланный, впрочемъ, отзывающійся слогомъ прошлаго столѣтія и писанный разными почерками. Онъ подаренъ Обществу въ 1824 г., генваря 23-го, Д. Ч. его, С. Д. Нечаевымъ, а Д. же Ч. онаго, Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ, представлены были въ Засѣданіе 29-го февраля, упомянутаго года, замѣчанія на оный, напечатанныя въ приложеніяхъ къ протоколу этого засѣданія. Списокъ этотъ сдѣланъ весьма неотчетливо касательно письма: безпрестанно попадаются самыя грубыя описки и недосмотры, которыя показываютъ, что онъ писанъ

II

въ Великороссіи. При всемъ томъ, не имѣя другаго Малороссійскаго списка, я и въ немъ нашелъ, при свѣркѣ, довольно такого, что значительно рознится отъ этого послѣдняго и собой исправляетъ и пополняетъ его. Съ 1677-го года почти подъ каждымъ годомъ встрѣчаемъ въ немъ, послѣ перевода, множество прибавленій, отмѣченныхъ знакомъ, поставленнымъ въ началъ и концѣ каждаго изъ нихъ и очень замѣчательныхъ своимъ содержаніемъ. Неизвѣстно, откуда и кто ихъ внесъ сюда. По крайности, прибавлявшій всюду отмѣчалъ свои привнесенія. Если бы этому примѣру слѣдовали всѣ, подобныя ему, то мы имѣли бы теперь лѣтописи наши какъ въ ихъ первичномъ видѣ, такъ равно и съ наростами, вездѣ строго обличающими свою природу. Разнословія и прибавленія я отмѣтилъ при печатаніи особыми числами и предлагаю ихъ отдѣльно, подъ конецъ списка. Кромѣ того, для мало знакомыхъ съ языкомъ подлинника присоединяю Словарь невразумительныхъ словъ и выраженій; а для большаго удобства при употребленіи этой лѣтописи, прибавляю еще Указатель замѣчательнымъ предметамъ и именамъ, въ ней заключающимся.

О. Бодянский.

МОСКВА.

Сентября 19-го, 1846 года.

Л Ъ Т О П И С Е Ц Ъ

ВЪ МАЛОЙ РОССІИ

ПРЕЖДЕ ХМЕЛНИЦКАГО БЫВШИХЪ ГЕТМАНОВЪ

И ПРИ НИХЪ ДѢЙСТВІА.

Когда послѣ самодержавія великаго князя Владиміра и междуусобнаго сыновъ его убійства, такожь послѣ великаго разоренія, Батыемъ нанесеннаго, нескоро Гедымъ¹, великій князь литовскій, пришедши на Кіевъ, побилъ надъ рѣкою Ирпенемъ князей рускихъ и прилучилъ къ своей землѣ княженіе Кіевское, постановивши въ немъ намѣстника Миндона князя Олшанскаго, то съ тѣхъ поръ Литва обладала Кіевомъ ажъ до смерти князя Симеона Одельковича, который церковь Печерскую, чрезъ 230 лѣтъ по Батыи пустовавшую, обновилъ.

Въ 1340 року, по смерти князя Одельковича, король польскій Казимиръ I княженіе Кіевское на воеводство перемѣнилъ и всю Малую Россію на повѣты роздѣлил; изъ Русиновъ поставилъ воеводы, каштеляны, старосты, судіи и протчіи урядники и многихъ рускихъ людей честію и волностію польскимъ чиновникамъ и шляхтѣ соравнилъ и наслѣдниками своими присягою утвердилъ. И потомъ король 1 Яггелонъ², 2 Владиславъ Яггеловичъ, 3 Александръ Казимировичъ, ажъ до 1410 року, тіе жъ права, отъ I Казимира Руси
Кн. I. Отд. II.

наданныѣ, при коронаціяхъ своихъ присягою подтверждали и держали ненарушимо, а Жикгимонтъ I³ и по немъ другіе короли польскіе въ подтвержденіе давнихъ правъ ихъ козацкихъ и привилегій свои давали имъ.

И въ 1506 року первый былъ гетманъ войскъ запорожскихъ изъ фамиліи сенаторской именуемый Прецславъ⁴ Лянцкронскій. Сей многократно землю Турецкую съ козаками щастливо воевалъ. За сего гетмана и за короля полскаго Жикгимонта I козакамъ за службы ихъ дано волности и привернено землю, которую король полскій Казимиръ I, въ року 1340, заобладавши, изъ княженія Кіевскаго воеводство учинилъ, выше и ниже пороговъ по обоихъ сторонахъ Днѣпра во владѣніе вѣчное, дабы Туркамъ и Татарамъ на Рускую землю козаки нападать не допускали.

Послѣ того былъ гетманъ запорожскій князь Дмитрій Вишневецкій.

А того послѣ былъ же гетманъ запорожскій князь Евстафій Ружинскій.

По доволномъ же времени Ляхи, владѣющіа Кіевомъ и Малою Россією, усовѣтовали въ работѣ п подданствѣ людей Малороссійскихъ Украинскихъ держать. Но которые не приобькали невольничей службѣ, обрали собѣ мѣсто пустое около Днѣпра, низше пороговъ днѣпровскихъ на житло, где въ дикихъ поляхъ упражняся звирными ловлями, также и рыбными, при томъ и безсурманъ на морѣ разбивали, называеся козаками отъ древнихъ Козаровъ, рода тогожъ Руского, при Какганѣ еще бывшихъ.

1516 року, за отшествіемъ вышпомянутаго короля Жикгмонта I, въ Москву великаго государя россійскаго воевать, ханъ татарскій Мелинъ Гирей, напавши на Рускую землю, огнемъ, мечемъ и плѣненіемъ многіе мѣста разорилъ. Тогда возвратяся изъ походу, король собралъ охотные войска, якъ Поляковъ, такъ и козаковъ, которые, повоевавши Бѣлгородъ, и воротяся съ добычами, какъ на нихъ напали Турки и Татары, хотячи отнять корысти, такъ еще и тѣхъ нападшихъ Турковъ и Татаръ побѣдили. И зъ того времени нетоко козаки козаками, и Поляки названы были козаками, акибы волными бесплатными жолнѣрами. Да съ тогожъ времени козаки въ храбрость и силу произойшли, воюя часто на Турковъ, и въ тѣхъ войнахъ жаждѣ и алчбѣ, морозу и зною приобькли, а жилище свое прозвали *Кішемъ* или *Сльчею*. Какимъ же порядкомъ жили и нынѣ еще живутъ и какое у нихъ оружіе и пища, о семъ всякому пзвѣстно можетъ быть. Да они жъ въ покой жити никогда не любятъ,

но и для малой корысти великую нужду поднимаютъ и море, было, преплавати отважуются и, суднами подѣзда подѣ турецкіа города и разоряя оныя, съ корыстями до Коша возвращаются. И для такихъ воинскихъ дѣлъ ихъ не возгнушались изъ высокихъ фамилій персоны бытъ у нихъ гетманами, какъ выше описано.

Послѣ того былъ гетманомъ запорожскимъ козакъ Венжикъ Хмелницкій и побилъ великую Орду подѣ Заславемъ⁵ на Волюню⁶, 1534 году.

Опослѣ же, при королѣ полскомъ Генгрѣвкѣ Французѣ, былъ гетманъ запорожскій Свѣрговскій⁷, который съ Иваніемъ, господаремъ волоскимъ по 14 цаславыхъ имѣ на обѣихъ войнахъ на Турковъ, наостатокъ отъ Турковъ въ Волохахъ убить зосталъ съ всѣмъ войскомъ.

1576 року былъ гетманъ Богданко. Сей повоевалъ Крымъ.

При Стефанѣ же Баторіи, королѣ польскомъ, въ томъ же 1576 годѣ, козаки въ дутшій порядокъ устроены, который, ради ихъ мужества, поставилъ самъ имѣ гетмана, давъ ему хоруговъ, бунчукъ, булаву и печать съ гербомъ, то есть рыцерь съ самопаломъ, на головѣ колпакъ перекривленный и рогъ при боку, а'армятъ и военныхъ припасовъ, воюя Турковъ, сами добули себѣ. Да тотъ же король Баторій и старшину войсковую въ нихъ учредилъ: обозныхъ, судей, писарей, асауловъ, полковниковъ, сотниковъ и атамановъ, и еще, опрочъ ихъже стариннаго

синодоваго ⁹ города Чигирѣна, даль Терехтемировъ съ монастыремъ для зимовыхъ квартиръ, а платилъ вслѣдъ тому въ годъ по червонцу золотому и по кожуху.

Въ то время козаки, напавши на Азію, на 1000 миль повоєвали, Трапезонтъ взяли и насѣкли, Синопъ до фундаменту опровергли и подъ Константинополемъ корысти побрали. Видячи же король Баторій, началъ и самъ опасоватися ихъ и хотѣлъ всѣхъ выгубити. Но козаки, познавши королевскій замыселъ, первые отъ кочевискъ своихъ пошли къ Донскимъ и тѣмъ самимъ болшій еще Полякамъ страхъ задали, а потомъ знову въ Луки днѣпровскіе прійшли и войною протявъ Татаръ забавлялися попрежнему.

1577 року гетманъ былъ козакъ славный Подкова. Произведенъ на господство волоское съ помощію Шаха гетмана, изгнавшаго съ господарства Петра воеводу. Но и сего Подкову, когда по двукратной его съ козаками надъ Волохами побѣдѣ, не похотѣлъ самъ волоскимъ воеводою быть, не повѣрся Волохамъ, и пришель на Подоле, где Ляхи, лество поймавши, отослали до короля, который повелѣлъ ему Подкову голову отсѣкти въ Львовѣ. Тѣло же его козаки въ Каневскомъ монастырѣ погребли.

Да въ томъ же 1577 годѣ былъ гетманъ запорожскій помянутый Шахъ, при которомъ козаки, мстичиса за Подкову, многіе бѣды Волохамъ нападками дѣдали.

Опослѣ былъ гетманъ Скалозубъ. Сей отъ Турковъ на морѣ пропалъ.

А въ 1593 року былъ соборъ нѣкоторыхъ архіереевъ русскихъ, именно: митрополита Михайла Ракосы ⁹ и другихъ епископовъ, въ Брестѣ Литовскомъ для уніи съ римскою вѣрою, которую и постановили, поклонившись папѣ, а благословеніе цареградскаго патріархи оставили. За что шляхтичъ Косѣвскій ¹⁰, когда по благочестію возривновалъ и, козацкимъ гетманомъ учинившись, сталъ воевать Ляховъ, тогда онаго подъ Пяткою Ляхи убили 1594 года.

1597 року, за тую жъ Унію взявшаися потомъ противъ Ляховъ Гетманъ Запорожскій Наливайко, съ козаками Слуцкъ и Могилевъ опаливъ и Ляховъ многихъ побилъ. Но онаго гетмана ¹¹ коронный Жолковскій подъ Лубнами, на уроцищѣ Солонищѣ, поймавъ и съ нимъ полковника Лободу и Мазепу якогось отослалъ въ Аршаву ¹², где его на мѣдномъ волю спалено. Изъ тѣхъ поръ война межъ козаками и Ляхами начиналась.

Петръ Конашевичъ Сагайдачный гетманомъ озовался, который съ козаками Кафу, турецкій городъ, надъ моремъ звоєвалъ и, многихъ христіанъ оттуда освободивши, съ богатыми корыстями вернулся.

Въ 1620 року, за Жикмонта II, короля польскаго, гетманъ Жолковскій ходилъ съ козаками украинскими на Цоцору противъ Турковъ, где и Михайло Хмельницкій былъ надъ козаками сотникомъ, который прежде сего, при нѣкоторомъ Иванѣ Даниловичѣ, старостѣ чигиринскомъ, писаремъ былъ зборовъ податей и оженн-

ся и родилъ сына Зьновія, послѣ названнаго Богданомъ, котораго отецъ измолоду въ наученіе русское, потомъ и въ латынское отдавъ а во время помянутаго походу туда жъ на Цоцору и сынъ Хмелницкаго пойшолъ съ отцемъ на войну. Между сямъ были гетманы запорожскіе Самойло Кушка, котораго Турки живаго въ полонъ взяли, а по немъ Бородавка. На Цоцорѣ же, когда Османъ, царь турецкій, избилъ Ляховъ, то и Михайла Хмелницкаго убито тамъ, а сына его Зьновія въ полонъ взято, откуда по двохъ годахъ выкупленъ лсыромъ татарскимъ.

1621 року Сагайдачный паки учиненъ гетманомъ, который, убивши гетмана Бородавку и собравши 6000 реестровыхъ козаковъ (бо уже такому только числу козаковъ опредѣлено быть, а прочіихъ всѣхъ въ подданство повертано), ходилъ съ Ляхами подъ Хотынъ¹³ на Турка, котораго тамъ и побѣдили. Помянутый Петръ Сагайдачный гетманъ, ктиторъ Кіево-Братскаго монастыря и школь¹⁴, умеръ же тамъ въ Братствѣ и погребенъ, 1622 года.

Около сихъ годовъ князь Острогскій Константинъ Ивановичъ, котораго статуя въ Печерскомъ монастырѣ имѣется мраморная, за общенародныя обиды рускіе сусликовалъ до всего сенату, таже и король шведскій, а полскій кородевичъ, Владиславъ до трибуналу.

1628 року, ради великихъ тлгостей и озлобленій, нетокмо козакамъ, но и церквамъ рускимъ, отъ Цоляковъ творимыхъ, повста-

вши козаки на ихъ, обрали гетмана Тараса, и, учинивши съ Ляхами баталію подъ Переклослемъ, множество Ляховъ побили и примирлиса.

Року 1629, Зьновій Михайловъ сынъ Хмелницкій, при другихъ вѣрныхъ службахъ своихъ въ королевствѣ Полскомъ, двохъ Кантимировъ живо до короля привелъ, за что имѣлъ у короля особливую милость, ибо изъ природы былъ разуменъ и полатынъ изученъ. Общенародное о Русѣ челобите, а паче отъ козаковъ, зъ великимъ жалемъ въ кривдахъ и утѣсненіяхъ, Ляхами дѣвчхся, посылано на еeneralный сеймъ въ Варшаву, но ничего по тому облегченія не получено.

1632 года еще былъ гетманъ нѣкоторый Семень Перевязка.

Между тѣмъ въ року 1634 король подъ Смоленскомъ взялъ Шенна съ войскомъ великороссійскимъ и донскимъ, и съ арматами и съ обозомъ, и нѣмецкую пѣхоту съ командиромъ Александромъ Асславусемъ¹⁵, где при войску полскомъ и козацкое, въ томъ числѣ помянутый Зьновій Хмелницкій найдовался. Да тогда жъ Поляки, пошедши далѣе въ Москву, облегли городъ Беліовъ¹⁶ и тамо миръ, своей сторонѣ полезный, съ великимъ государемъ россійскимъ здѣлали.

Когда же Ляхи, истлчиса на козаковъ, изнову начали ихъ зѣло озлоблять и хватая лвно вбивать, тогда козаки, паки збунтовавшись, выбрали себѣ гетмана Павлюка и здѣлали войну подъ Кумейками, где отъ гетмана короннаго Конеч-

польскаго побѣждены, а прочіи подѣ Вороницею примирились, 1637 году, декабря 6 дня.

1638 року вскорѣ Поляки, гетмана Павлюка поймавъ, въ Варшавѣ голову отсѣкли и на палю взбили. Вида же козаки, что Ляхи умыслили ихъ всѣхъ выгубить, знову поставили межъ собою гетмана Острицію, придавши къ въ нему помощь козака Гуню, и въ степу, надъ рѣкою Старицею, войною Ляховъ побѣдили, где уже Ляхи, миръ учинивши съ козаками, присягли, что не будутъ волюстей ихъ нарушать и не мститимутся. Но потомъ, присягу зломивши, Острицію и Гуню убили въ Варшавѣ, а Кизима ¹⁷ сотника кievскаго съ сыномъ его на пали вабили и многихъ знатныхъ четвертовали, а иныхъ на гакахъ вѣшали. И зъ того времени всякую свободу козакамъ отняли и тяжкіе и вымыслные подати наложили необычно, церкви и обряды церковные жидамъ запродали, дѣтей козачихъ въ котлахъ варили, жонкамъ перси деревомъ вытискали, и прочая, и прочая.

Въ томъ же року 1638 собралися были козаки съ Полторакожухомъ гетманомъ на Мёрлѣ, но тамъ разбѣгавши, послышавши о приходѣ князя Вышневецкаго. Однакожь тогда и безъ войны Поляковъ многое число погубило отъ жестокихъ морозовъ.

Гетманъ коронный Конецпольскій, опасаяючися, чтобы козаки не собралися на Запорожьѣ для помсты, устроилъ надъ порогомъ городъ Кодакъ и осадилъ Нѣмцами польскими для поскромленія коза-

ковъ. При которомъ гетманъ Конецпольскомъ, подѣ бытность его самѣго въ Кодакѣ, и Зѣновій Михайловъ сынъ Хмельницкій съ прочими козаками найдовался, и на вопросъ гетманскій: „Угоденъ ли же вамъ, козакамъ, Кодакъ сей?“ отвѣтствовала податынѣ, что ничего рукою человѣческою сотвореннаго нѣтъ, жебы не могло быть разорено.

1640 року былъ еще гетманъ козацкій Булюкъ, на которомъ Ляхи гетманство запорожское окончивши, наслади козакамъ, вмѣсто гетмана, комисаровъ и вождовъ своея лядскія державы, породы и вѣры, которые, для своего зыску и прихотей, такъ были козаковъ утѣснили, яко лѣдво кто имѣлъ что либо свое собственное въ дому, опрочъ жены, якъ и сами описали.

Между симъ имѣлъ Зѣновій Хмельницкій землю Суботовъ, отцу его Михайлѣ отъ вышпомянутого Давиловича, старосты чигиринскаго, наданную, и за поворотомъ отъ короля, въ надѣю службы отческой, въ которой на войнѣ отъ Турковъ и убитъ, также и для своихъ услугъ, на означенной землѣ поселилъ людей, чему подстаростій чаплинскій позавидѣвши, обнесъ старостѣ чигиринскому, „недостойтъ де простому козаку въ слободѣ селитися“, ¹⁸ и потому староста оную слободу отнял у Хмельницкаго и далъ Чаплинскому во владѣніе 1647 року. И за тое Хмельницкій, оскорбився зѣло, сказалъ: „Еще де козацкая мати не умерла; не все и Чаплинскій забралъ, когда еще есть шабля въ рукахъ“. А Чаплинскій, сіе послышавши, Хмельниц-

кого въ турму велѣлъ вкинуть, сына же его Тимошѣ въ два кія попередеъ города бити; и залѣдо по прошенію жены Чаплинскаго изъ турмы Хмелницкаго выпущено.

Того жъ року король Владиславъ, по плачевному козацкому челобитію въ обѣдахъ несказанныхъ, написалъ листъ, за своєю королевскою печатію до Барабашѣ, асаула войскового, въ тѣ слова: „Ежели де жолнѣры есте добрые, шаблю и силу имѣете, и что вамъ за себе стать восплащаетъ?“ Какій королевскій листъ Зѣновій, да онъ же и Богданъ, Хмелницкій досталъ fortunately у Барабашѣ, во время дытны его восприемникомъ бывшаго, и вычитавъ предъ козаками и усовѣтовалъ ступать на Запорожье, и рушилъ декабря 7 дня, 1647 года, первѣ въ островъ Бучный¹⁹, потомъ въ Рогъ Микитинъ, где найшолъ козаковъ съ 300 человекъ, съ которыми въ Сѣчи жолнѣровъ полскихъ всѣхъ выколдовъ, послалъ до Исламъ Гирея хана помочи просить на Ляховъ, и выпросилъ.

По веснѣ гетманъ коронный и каштелянъ Павелъ Потоцкій комендировалъ сына своего Стефана въ 6-ти тысячахъ Ляховъ полемъ, а Барабашѣ, учинивши за присягою гетманомъ запорожскимъ, въ 6-ти тысячахъ реестровыхъ козаковъ вѣдою Днѣпровую, при жолнѣрахъ нѣмецкихъ, зовемыхъ *гусаря*, на Запорожье выправилъ ловить тамъ и разгромить Хмелницкаго; ибо знову для збунтовавшагося Хмелницкаго козакамъ гетманство привернено въ концу 1647 року. Но Хмелницкій выйшолъ съ луговъ въ воде на Жовтыя Воды,

первые послалъ Дандру²⁰ до реестровыхъ козаковъ къ Днѣпру перемовлять ихъ на свою сторону, и веремовлялъ. Где агаразъ Барабашѣ Филонъ Дзеджелій скололъ сонного, а потомъ и всю старшину ихъ и полковниковъ лядскихъ то побилъ, то потопилъ ихъ драгуниєю нѣмецкою, Ляхамъ намыслившюю, до Хмелницкаго прійшолъ²¹. И тамъ когда генераль, сынъ Потоцкаго каспѣлъ съ войскомъ своимъ до Жолтыхъ Водъ, тотъ часъ баталія аделалася, и прогнали Ляховъ къ Книжнимъ байракамъ, где Потоцкій убить восталъ, а съ нимъ и комисаръ козацкій, и войско его нное въ полонъ взято, въ томъ числѣ и Шемберка и Сапѣгу съ прочими козаками и полковниками, а выхъ посѣчено съ помочи Татаръ, туда до Хмелницкаго прибувшихъ съ Тугабѣемъ мурзою. Тамъ же и Ивана Вигѣвскаго Хмелницкій въ полонъ взялъ, что сталося въ року 1648, мая 2 дня.

Послѣ же того что происходило, нижей сего въ лѣтописцѣ Хмелницкаго пространно и ясно и удивительно показанно и явствуетъ всѣ²².

ЛѢТОПИСЕЦЪ

О НАЧАЛѢ ВОЙНЫ ХМЕЛНИЦКАГО²³.

Початокъ и причина войны Хмелницкаго есть едино отъ Ляховъ на православіе гоненіе и козакомъ отмщеніе, тогда бо онымъ не хотячи, чего не звыкли были, пѣнщины робити, на службу замковую обѣрнено, которыхъ зъ лпстами и въ городѣ до хандожанія коной старостовъ держали, въ дво-

рахъ трубу, то ёсть печи, палити, пось хандожити, дворъ зытати и до иншихъ неизносныхъ дѣлъ приставляли; знову зась, которые зоставали козаками реестровыми, а надъ оними полковникове, панове, шляхта отъ гетмана коронного посыланные были, которые бы объ²⁴ ихъ волности бынаймыѣй не дбѣючи, але²⁵ яко могучи о ихъ мѣрала, лёгце поважаючи плату, которая поставовлена была на козака отъ короля его милости и речи посполитой по золотыхъ тридцать на рокъ, тое на себе отбѣрала, съ сотниками дѣлячися бо сотниковъ не козаки обѣрала и наставляли, але полковники кого хотѣли зъ своей руки, жебы онимъ жычливими были. Также полковникове козаковъ до всякой домовой незвычайной работы приставовляли. Въ поля зась пойшовши, любо якій козакъ достане у Татаръ коня доброго, того отоймутъ. Зъ Запорожья чрезъ поля дикіе зъ рарогомъ, раструбомъ²⁶, орломъ, съ хортомъ козака бѣдного шлетъ въ городы, кому подарокъ шлючи якому пановѣ, не жалуючи козака, хочай бы згинулъ, якъ не трудно отъ Татаръ. Знову зась хочай бы якого даяка татарского поймали козаки, то съ языкомъ татарскимъ, на кого ласкавъ полковникъ, якого жолнѣра своего высылаетъ до гетмана коронного, а козацкую отвагу потдумляетъ. Въ городахъ зась отъ жидовъ тая была кривда, же не волно козаковъ въ домъ своему жадного напитокку на потребу свою держати: не тилко меду, горѣлки пива, але и браги. Которые зась на рыбу хожували козаки за порога, то на Кодаку на комисара рыбу десятую²⁷ отбѣрала; а полковникомъ особливо треба дати и

сотникамъ, асауль и писаревъ; ажъ до великого убозства козацтво прійшло, а болше шести тысячей не повинно козаковъ быти. Хочай и сынъ козацкій, туо же панщину мусѣль робити и плату давати. Тое надъ козаками было. Надъ посполитствомъ зась, любо во всемъ жили обфито, въ збѣжахъ въ бѣдлахъ, въ пастѣкахъ, але однакъ чего не звыкла была Украина терпѣти, вымыслы²⁸ великіе были отъ старостовъ и отъ намѣстниковъ и жидовъ; бо сами державцы на Украинѣ не мешкали, тилко урядъ держали, и такъ о кривдахъ посполитыхъ людей мало знали, алебо любо и знали, только заслѣплены будучи подарками отъ старостъ и жидовъ арандарей, же того не могли узнати, же ихъ саломъ по ихъ же шкурѣ и мажутъ, съ ихъ поддавныхъ выдравши, онимъ даруютъ, що и самому пану волно бы узяти у своего подданного и не такъ бы подданный его жалковавъ; а то леда шевлюга, леда жидъ богатится, по килька цуговъ коней справляетъ, вымышляючи чинши великіе, поволощины, дуди, бсыпъ, мѣрочки сухіе, зъ жорновъ плату и иное отняманіе фолфарковъ²⁹, що натрафиди на человекка на одного, у которого отняли пастку, которая всей землѣ Полской начинила бѣды. А тимъ способомъ.

Въ Чигиринѣ мѣстѣ мешкаль сотникъ Богданъ Хмельницкій, козакъ ростропный въ дѣлахъ козацкихъ военныхъ и у пиесѣ въжливый и часто у двора королевского въ посѣлствѣ будучій, и подъ часъ бытности своей съ козакомъ значнымъ переясловскимъ, зъ Иваномъ Илляшемъ (а тотъ Илляшъ

барзо зычливый королевъ его милости), и упростили письмо, албо привилей, на робленіе челновъ на море мимо вѣдомости гетмановъ коронныхъ, що и одержавши, тое скрыто держали отъ полковниковъ въ Переясловле. А подъ тотъ часъ у вышъ менованного Хмелницкого подстаростей чигиринскій Чаплинскій, застаючій отъ Конецпольского, отнялъ хуторъ съ пасѣкою и млиномъ на урочищѣ Суботовѣ, полторы милѣ отъ Чигирина, и за той хуторъ посваръ сталъ съ подстаростимъ Хмелницкому. И Хмелницкій, видячи, же оного вѣчистіе добра оному кгвалтомъ выдрано, старался фѣртелемъ, жебы тотъ привилей, дамный отъ короля отъ его милости, на робленіе челновое волное козакамъ, достати; що и доказалъ, бо маючи въ дому своемъ у гостяхъ того Илляша Ормянчина и у оного вывѣдавшися о схованю того привилей, упоивши оного, ключъ у пяного взявши, послалъ своего посланця по тотъ привилей, дамный отъ короля его милости Владислава IV, который оному и привезъ его посланецъ. И такъ зъ онымъ привидемъ Хмелницкій за пороги пойдолъ и козакамъ ознаймилъ; же на водности козацкіе мѣетъ привилей короля его милости. До которого много войска козацкого почалось горнути. Аже на Запороже заставати не могъ задля налоги, которая на тотъ часъ съ полковниками лядскими посполу зъ жолнѣрами заставала, пошолъ на Низъ къ мору на поля къ Лиману, и тамъ войско къ оному рушилось, утѣкаючи отъ полковниковъ лядскихъ. Которого Хмелницкого полковникове посылали на тіе поля имати и разгромити; але оный

тихъ посланныхъ лядскихъ погромилъ, а козацтво до оного пристадо. И такъ Хмелницкій, видячи, же уже учинилъ задоръ зъ Ляхами, и своего набытку албо и грунтовъ жалуючи, выслалъ своихъ посланцовъ до хама крымского, чинячи зъ оными згоду и приймаючи братерство, жебы ему помогали войска лядскіе зносити. Шо ханъ крымскій зъ солтаномъ³⁰ ордами зъ радостію на тое позволивъ и, приславши своихъ мурзъ до Хмелницкого, межи собою присягу съ обонхъ сторонъ выкомали на Низу, и заразы ханъ посылаетъ съ ордами великими Тугайбей до Хмелницкого. Зъ которою ордою Хмелницкій на Запорожье наступилъ, до которого все войско, застаючое на Запорожу, пристадо и Хмелницкого себѣ за старшого приняли.

ВОЙНА САМАЯ,

РОКУ 1648.

Взявши вѣдомость отъ комисара козацкого панове гетманове, такъ коронный Миколай Потоцкій, яко тежъ и полній Калиновскій, же уже купа немалая войска зобралося на Запорожжи, до Хмелницкого приставши, заразы со всѣми войсками коронными притягли на Украину до города Черкасъ и тамъ, отправуючи свята великіе Воскресеніе Христова, усе войско козацкое съ полковниками ихъ скупили и казали онымъ присягти, же не мають зрадити полковниковъ своихъ и до Хмелницкого приставати. И такъ заразы по Воскресеніи Христовомъ гетманове ко-

ронные высылають войска немалые водою Днѣпромъ у чолнахъ, посадивши посполу съ козаками и пѣхоту нѣмецкую. А землю посылаетъ гетманъ Потоцкій сына своего Стефана съ комисаромъ козацкимъ, зъ которыми войска коронного тысячей шесть, а козацкого съ тыми, що у чолнахъ пошли еще при комисару, тысячей шесть, приказавши онымъ, жебы ишли просто на Запорожье до Съчи зловити Хмельницкого албо осадити его зъ войскомъ. И сами гетманство зъ войсками коронными за ними въ тропи помалу ишли съ тяжарами войсковыми и пѣхотами. Хмельницкій, узавши вѣдомость о наступленію войскъ коронныхъ, не ожидаючи приходу ихъ, але переправивши зъ войсками татарскими немалыми, на противъ пошолъ войскъ коронныхъ и, испоткавши въ поляхъ у урочища Жолтой Воды, тамъ осадилъ каштелянича Стефана Потоцкого и комисара козацкого зъ войсками ихъ. А войска, которые ишли Днѣпромъ водою чолнами, минувши города, не доходи пороговъ, старшину, застающую при нихъ, и пѣхоту нѣмецкую, въ чолнахъ будучую, выкололи и покидали въ Днѣпръ и послали своихъ посланцовъ до Хмельницкого. По которыхъ прислалъ Хмельницкій зъ Ордою, и Орда, на свои кони оныхъ побравши, привезла на Жовтые Воды, где посполу того войска коронного достали. Войска зась козацкіе, застаючіе при тяхъ войскахъ коронныхъ, выдачи, же южь и тое войско, которое водою ишло, застаеть при Хмельницкомъ и Орды, и тіе усѣ съ войска коронного пристали до Хмельницкого и до Орды и на то жъ войско на-

Кн. I. Отд. II.

чали бити, где презъ нѣлка днѣй безъ престанку таа война тривала, и войско, осаженное будучи въ степахъ, не могучи вытривати, рушило таборомъ оттоля ку Княжимъ байракамъ оборовною рукою, уступаючи назадъ къ городамъ. Але въ томъ отходѣ не пощастилоса имъ, бо, не допустивши оныхъ до тихъ Княжихъ байраковъ, почала Орда съ козаками таборъ ихъ розривати, а въ тіе Княжіе байраки запровадивши войско козацкое пѣхоту, покопали ровы, до которыхъ пришовши таборъ войска полского, змѣшались и тамъ усѣ тое войско разбито, въ неволю побрано татарскую и каштелянича Стефана Потоцкого посполу съ комисаромъ взято, который въ молодыхъ лѣтахъ на Запорожжѣ животь свой скончилъ, бо Хмельницкій оного, не даючи Орды, на Запорожье до Съчи отослалъ, и тамъ отъ ранъ померъ. А иншіе панята въ неволю пошли татарскую. Гетманове зась коронные и полній съ потугами своими на Чигиринъ ишли въ тропы за тимъ войскомъ, хотлячи оныхъ посылковати; але, по розгромленію войска полского у Княжихъ байраковъ, нѣкоторые, съ того погрѣму поутѣкавши, дали знати, же юже нѣкого посылковати, бо войско до остатку знесено, отвернули Гетманове Миколай Потоцкій, каштелянъ краковскій, коронный, и Калиновскій, гетманъ полній, зъ войсками назадъ къ городамъ, не идучи на Чигиринъ, але просто шляхомъ на поворотня къ Корсуновѣ мѣсту ишли. За которыми Хмельницкій зъ Ордами немалыми ишолъ, наступаючи на нихъ. Где Гетманове, переправивши рѣку Росъ у Корсуню и насдпующив-

ни мѣста, поминовали Корсунь. Которыхъ заразы настигнувши Хмелницкій за Корсуномъ, учинилъ потребу; где Гетманове оброчною рукою уступовали, беручися въ поля. А припало онымъ ити промежу лѣсами въ миль отъ Корсуна, где Хмелницкій казавъ запровадити пѣхоту козаковъ корсунскихъ въ тѣ лѣски; которые шляхъ перекопали и тамъ позаздали, не допущаючи переходу табуровъ людскому. А Хмелницкій, съ тылу и около зъ войсками и Ордами наступивши, оное войско роагромилъ зъ допущенія Боже-ского. Где Гетмановъ обоихъ, великого коронного и полного, въ неволю ваято и все войско выгубленно, же мало хто зъ того погрому увойшолъ. Где Орда неощацованную здобычь узяла, такъ въ коняхъ и риштункахъ, яко наиболше въ неволникахъ знатныхъ пановъ и панятъ и посполитого войска. А козаки знову збогатилися зъ обозу полского такъ великихъ пановъ, же серебро малою цѣною продавали. Которая-то потреба, злбо война, подъ Корсуномъ была на томъ тижню по святой Тройцѣ. Была тая поголоска на всей Украинѣ, албо хвадка, отъ шляхты, же по знесенію тоей своеволѣ съ Хмелницкимъ, мѣди панове Украинуплюдровати и болшую часть осажовати людьми Нѣмецкими и Полскими. Также и у вѣри русской помѣшка великая была отъ унѣять и ксендзювъ, бо юже негилко Унѣя у Литвѣ, на Волынѣ, але и на Украинѣ, почала гору брати. Въ Чернѣговѣ архимандритове одинь по другомъ zostавали; по иншихъ городахъ церкви православны запечатовали. До чого помощниками онымъ шляхта, урядъ и

ксіонзы были, бо уже на Украинѣ, що городъ, то костель былъ. А въ Києвѣ тежъ утискъ немалый церквамъ Божиимъ старожитнимъ чинили, такъ воевода Києвскій Тишкевичъ, на тотъ часъ будущій, яко тежъ Езупты, Домѣнѣканы, Бернадыны и иные законы наѣздами правами митрополиту утискуючи и науки школъ заборонляючи, агола староруску православную християнскую вѣру собѣ прекладаючи нерозну отъ погань, бо лѣпшое пошанованія абы жидищевѣ спроскому было, анѣже найлѣпшому християниновѣ Русиновѣ. А найгоршое насмѣвѣско и утѣски терпѣлъ народъ Рускій (отъ тыхъ?) которые зъ русской вѣры приняли римскую вѣру. И такъ народъ посполитый на Украинѣ, послышавши о знесенію войскъ коронныхъ и гетмановъ, заразы почали ся купити въ полки, не толко тѣ, которые козаками бывали, але кто и нѣгды козацтва не зналъ. Що видачи панове державцѣ украинскіе, не толко панове старостове, zostаючіе по городахъ, але и самъ князь Вишневецкій, который усе Заднѣвря мѣлъ въ своемъ подданствѣ, имѣючи при себѣ килканадцять тысячъ люду военного грошового, опрѣчь драгунѣй и выбранцовъ, которыхъ съ подданныхъ своихъ начинилъ былъ по всѣхъ городахъ неизлѣчоную рѣчь, мусѣлъ утѣкати и уступовати зъ Украины зъ городовъ своихъ зъ княгинею и зъ сыномъ своимъ Михайломъ, который напотомъ королемъ полскимъ zostалъ былъ. Отъ боку засѣ Хмелницкаго, гетмана войска Запорожского (который южъ по знесенію войскъ коронныхъ цѣле гетманство принявши за упрошеніемъ усѣго войска козацкого, бо до того ча-

су гетманомъ не звался, ажъ по-куля обоихъ гетмановъ коронныхъ знаки войсковые, то есть булавы и бунчуки, у свои руки узялъ, все войско оного гетманомъ настановило и на тотъ урядъ упростило), заразы отъ року оного козацтва по розныхъ городахъ разійшовшися, полковникове сотниковъ собъ постановлявши и гдеколвекъ внайшлася шляхта, слуги замковые, жидаи и уряды мѣскіе, все забивали не щадячи а нѣ жонъ и дѣтей ихъ, маѣтности грабовали костели палили, отвѣлювали, ксіонзовъ забивали, двори зась и замки шляхетскіе и двори жидовскіе пустошили, не составляючи жадного цѣлого. Рѣдкій въ той кризѣ на тотъ часъ рукъ своихъ не уможилъ и того грабленія тихъ добръ не чинилъ. И на тотъ часъ туга великая людемъ всякого стану значнымъ была и наруганія отъ посполитыхъ людей, а наиболше отъ гутяйства, то есть отъ броварниковъ, винниковъ, могилянниковъ, будниковъ, наймитовъ, пастуховъ, же любо якій человекъ значный и нехотѣлъ привязоватися до того козацкого войска, тѣло мусѣлъ за-для позбыта того насмѣвиска и нестерпимыхъ бѣдъ въ побояхъ, на пояхъ и кормахъ незвычайныхъ, и тѣи мусѣли у войско приставати до того козацтва. Где по городахъ, по замкахъ шляхту доставано, гдеколвекъ позачинялись были, то есть въ *Нпэжинп, Черниговп, Старадубовп, Гомлю*. Все тое подостававши, выстивали, бо першей устранившиися шляхта, жидовъ по-выдавали зъ маѣтностями, а напотомъ и самихъ подоставали и выстивали. И многіе на тотъ часъ зъ жидовъ, боячися смерти, христіанскую вѣру приняли; а ле зась

знову часъ углядѣвши, до Полци поутѣкавши, жидаи позоставали, ажъ рѣдко который додержалъ вѣры христіанской. И такъ на Украинѣ жадного жѣда не зостало, а жоны шляхетскіе зостали жонами козацкими. Также и на потомтой сторонѣ Днѣпра, ажъ по самій Днѣстръ, тое жъ ся стало спустошенія замкомъ, костеломъ и дворомъ шляхетскимъ, жидовскимъ урядомъ мѣскимъ и шляхтѣ, ксіонзовѣ. Усюда тое вытрачено, а наиболше жидовъ пропало въ Печеровѣ и въ Тулчинѣ незличоная личба.

Орда зась, збогатившися лсыромъ значнымъ того войска коронного, и гетмановъ обоихъ взявши, зоставивши часть малую Орды, въ Крымъ повернули, отпрыважуючи гетмановъ Потоцкого и Калиновского и незличоную рѣчь пановъ значныхъ, на томъ погрѣмѣ узатыхъ. А Хмельницкій, скупивши войско, тягнулъ зъ Украини къ полскимъ городамъ, где притягши подѣ Плявцѣ, не доходячи Константинова Великого, тамъ споткалися съ войскомъ короннымъ, надѣ которыми южъ гетмановали ксіонже Острожскій Домѣнѣкъ и ланѣ Сеніота справцами тихъ войскъ были, которыхъ незличоная личба была. Такъ тежъ и козацкого войска при гетману Хмельницкому болей сто тысячъ было, которыхъ войско коронное барзо спирало, же троха не въ обложеню зоставали козаки. Въ чомъ ничого не вопилъ Хмельницкій, бо послалъ по Орду. И такъ, скоро Орда притягнула великою потугою, заравъ того часу войско коронное собою стривожили, и такъ Орда съ козаками тое войско разгромилъ, же

мусьли утѣкати въ Константинову Великому, оставивши тяжары военные, тилко зъ скарбными возами; але постарому и тое въ руки козакамъ и Татарамъ досталось, бо, наганяючи шляхомъ, оныхъ рубали, а которые и до Константинова прійшли, тамъ мость подь самимъ мѣстомъ обламали и такъ переправу утративши, мусьли тамъ погибати; а и хто и въ Константиновъ увойшоля, и тие не одержалися въ Константиновъ, але усе розно у Полщу пошло розгромленое войско, а многіе зъ пановъ и шляхты въ неволю пошшли, а инныхъ постѣнано много, бо Орда не брала въ полону, задля того жебы не обтяжѣтиса, але усѣ стинали. И такъ Хмелницкій зъ войсками своими и Татарми, или съ ордами великими, просто къ Львову потягли, пустошили усѣ города и подь Львовъ подступивши, пустошилъ, тилко самый городъ Львовъ окупъ за себе далъ Ордѣ и Хмелницкому. И такъ оттоля Хмелницкій зо всіма потугами потягнулъ подь Замбѣтя, а тамъ стоячи, Орда съ козаками по самую Вислу пустошили; также на Волини города значные повыймали: Острогъ великій, Заслѣва, Луцко, Владимиръ, Кѣбринъ, ажъ по Брѣстя Литовское: и хто можетъ зраховѣти такъ неошачѣванную шкѣду въ людехъ, що Орды позабѣрали, а маѣтности козаки позабѣрали? бо въ тотъ часъ не было милосердія межи народомъ людскимъ. Негилько жидовъ губили и шляхту, але и посполитымъ людемъ, въ тихъ краяхъ живучимъ, тая жъ бѣда была. Многіе въ неволю татарскую пошшли, а найбарзѣй ремесники молодые, которые головы себѣ голили пополску,

чуприну пускаючи на верхъ головы. Але прѣдѣя Русь христіане въ тихъ повѣстахъ въ городахъ позоставали и, ежели якого Поляка межи собою закрыли, то тотъ живъ Костѣлъ зась рымские пустошили, склепы съ трупами откопували, мертвыхъ тѣла зъ гробовъ выкидали и обдирали и въ томъ одѣванію ходили. Где тое спустошенни того лѣта тривало, ажъ почавши отъ Петрова поста до Филипова посту, тамъ подь Замбѣтямъ зоставалъ Хмелницкій, бо Господь Богъ за грѣхи навидѣлъ землю такую тяжкою войною и отнялъ у оной господаря, то есть короля щасливого Владислава, который на початку тоей нещасной войны померъ, выхавши зъ Вѣяня у Меречу. И тамъ не могли панове сенаторове по тому запобѣгти згѣдою, але що порвалися войною, на себѣ понесли. Ажъ видячи такъ великій упадокъ своей шляхты, пановъ значныхъ и войска подданныхъ утраты, въ тотъ часъ почали старатися о королю себѣ и обобрали на королевство полское Яна Кизимѣра, рождѣного брата зѣйшлого короля Владислава. Где зоставши королемъ, ободлалъ гетмана Хмелницкого писмомъ, наповинаючи, жебы панства не пустошилъ. Що гетманъ Хмелницкій, на писмо королевское, вернулса на зиму на Украину до Чигирива и тамъ жону себѣ поналъ куму Чаплинскую, мающую мужа живого; а Орды въ Крымъ пошшли зъ добычу.

Того жъ року, по розказанню гетмана Хмелницкого, полкъ Нѣжинскій ходилъ доставати Кодака и, идучи по Днѣпру, чинили великіе кривды людемъ. Где люде,

розумѣючи оныхъ за войско литовское и якобы то они идутъ на оборону Кодака, а не доставати, и несподѣванне напавши, нѣкоторые сотнѣ погромили въ Рашевцѣ за Комышнымъ. Але зась скѣпившись тотъ полкъ у Максимовцѣ надъ Днѣпромъ, тое войско розбили, же мало который зъ ихъ увоишоль, и переправивши Днѣпръ, потягнули подъ Кодакъ, который держачи въ осаду, переязъ килка недѣль онымъ докучали, ажъ мусѣлся здати. Итакъ усѣхъ жолнѣровъ съ Кодаку спровадили въ цѣлости до Чигирина, и тамъ Чигиринцѣ оныхъ пожаловали, а коменданта узали за сторогу, которого напотомъ Хмельницкій въ Полцу отпустивъ.

Того жъ року саранча барзо великая на усей Украинѣ была и барзо шкѣды великіе починила, збѣже позѣдала и травы, же не было где сѣна косыти; а зѣма барзо великая была и не было чимъ стѣтку кормити. Тая саранча зазѣмовала на Украинѣ, съ которой знову икры на весну другая уродилася, итакъ великую дорожнѣту учинила.

■ ■ ■ ■ ■

ВЪ НАЧАЛѢ РОКУ 1649.

О Рождествѣ Христовомъ присылаетъ король его милость пословъ своихъ великихъ, то есть князя Четвертинского и пана воеводу кievского Адама Киселѣ съ иными зъ пановъ благочестивыхъ, въ поселство до гетмана Хмельницкого и усего войска Запорожского, задля которыхъ приходу зложилъ раду гетманъ Хмельницкій въ Пе-

реасловлю и тамъ по Рождествѣ Христовомъ прѣхалъ со всѣми полковниками и сотниками. И тамъ въ Переясловлю въ той радѣ отдавали панѣе пословѣ королевскіе при поселствѣ привилей на волности и булаву, бунчукъ, корогвъ, бубны, знаки войсковые отъ короля его милости, хотячи упокоити тую войну. Тамъ же и послове отъ короля венгерского на той же радѣ были: такъ зяразъ по усѣхъ земляхъ слава козацкая и Хмельницкого пошла, же монархи разные отзѣвалися съ приязню и подарки присылали, бо послове его царского величества зъ Москвы, отъ господарей волоскихъ, мултанского въ великими подарками почали приходити, що до болшаго застреня и пыхи гетмана Хмельницкого побужали, и за для того слушной згоды зъ монархоу полскимъ, якъ съ паномъ своимъ не чинилъ, по принявши пословъ великихъ короля его милости.... ³¹ учинити и тоей войны понехати, тилко жебы при стародавнихъ волностяхъ своихъ козацкихъ зоставали, але тутъ заразъ высылаетъ своихъ пословъ въ Крымъ, вытѣгаючи самого хана со всѣми ордами въ нашу землю. Въ чемъ ханъ радъ и учинилъ на оного жадаання со всѣми ордами Крымскими, Бѣгородскими, Нагайскими, Черкасскими незличѣными силами вытѣгнулъ на веснѣ до Хмельницкого на спустошѣння христіанства.

■ ■ ■ ■ ■

ПОЧИНАЕТСЯ ВОЙНА ЗВАРАЖСКАЯ,

РОКУ 1649.

Отмѣнявши Хмелницкій прїазивъ и постанову зъ королемъ полскимъ, зъравъ на весиъ затыгши само́го хана, зъ великими поту́гами татарскими и незличбыни своими войсками козацкими, которыхъ полковъ было: полкъ Чигринскій, полкъ Черкасскій, полкъ Корсунскій, полкъ Каневскій, полкъ Лисїанскій, полкъ Бѣлоцерковскій, полкъ Павлодкій, полкъ Уманскій, полкъ Калишскій²², полкъ Могилевскій, полкъ Животовскій, бо тамъ козацтво звалось ажъ и по за Днѣстромъ коло Галича и замковъ доставали, межи иными и Плевского вѣмку за Надворкою доставали; а тутъ волость усѣ и города опрочъ тилко само́го единого Подолскаго Каменця, ажъ по за Константиновъ Старый, въ Шулжинцехъ, Грицевѣ, Чорторїей, козацтво оставало. У Овручомъ особливый полковникъ оставалъ, до котораго усе Полѣся належало. Знову зась на Заднѣпру полки, которые до гетмана жъ Хмелницкого притягнули: полкъ Перелславскій, полкъ Нѣжинскій, полкъ Чернѣговскій со всею Свѣрью ажъ по Гомель и Дроковъ и Мглинъ, полкъ Прилуцкій, полкъ Ичѣнскій, полкъ Лубѣнскій, полкъ Ирклѣвскій, полкъ Миргородскій, полкъ Подтавскій, полкъ Зынкѣвскій. Тіе усѣ полки были при гетману Хмелницкому, въ которыхъ незличбоная личба войска была, бо иишій полкъ мѣлъ козацтва тысячь болше двадцати, бо що село, то сотникъ, а иная сотня мѣла люду тысячу. Такъ усе, що живо, поднялося въ

козацтво, же залѣдово зпайшотъ въ якомъ селѣ такого человека, жебы не мѣлъ албѣ самъ, албѣ сынъ до войска ити; а ежели самъ не здѣжалъ, то слугу пѣрубка посылалъ. А ииые, кѣлко ихъ было, всѣ ишли зъ двора, тилко одного зоставали, же трудно было о наймитахъ. А то усе дѣвалось за дѣла того, же прошлаго рѣку збогатилися шарпаніною добръ шляхетскихъ и жиловскихъ и ииыхъ людей, бываючихъ на прихоженствѣ, же наветъ где въ городахъ были и права Магдебурскіе, и присяглые буйми́стрые и райцы свои уряды покидали, и бороды годили, и до того войска ишли, бо тіе себѣ знева́гу держали, которые бы зъ бородою негбленою въ войску зоставали. Такъ дѣловъ учинилъ себѣ смѣхъ съ людей статѣчныхъ. И такъ Хмелницкій на початку посту святыхъ Петра и Павла, на Чорномъ Шлаху за Животомъ скупившися зъ тими полками и ханомъ крымскимъ, просто потягнули были подъ Межибоже, гдѣ зоставало козацтво въ облеженню отъ войска коронного, але увѣдомившися жолнѣрове о толь великихъ потугахъ козацкихъ и татарскихъ, зоставивши Межибоже, втѣкомъ уступили, которыхъ орда и здогонила, але увойшли до Зваражжя. Гетманъ Хмелницкій со всѣми поту́гами просто тягнулъ противо войска коронного, которое зоставало подъ Зваражемъ обозомъ, надъ которымъ былъ старшій ксібиже Еремѣй Вшивевецкій, съ которымъ войско великое было. И такъ притягнувши гетманъ Хмелницкій до Каменя Човганского и оставивши та́боръ ити помалу, самъ съ ханомъ комбынникомъ поишовши,

осадили тоє войско подъ Збаражемъ на святыхъ апостолахъ Петра и Павла, и напотомъ таборъ прійшождь и доставали того войска, которые мѹсѣли, оставивши окопы, около замку и въ мѣстѣ тѣсно стали, которыхъ въ обложенію держали, але оныхъ не доставали. На которыхъ барзо трудно было, же мѹсѣли стерво исти, а и того мало было, бо собакъ и кошекъ вѣлили. Король зась его милость Янъ Казмиръ, подъ Топоровомъ стоячи зъ сенаторами и посполитое рушенія скупивши, оттоль рушилъ со всѣми потугами на отсѣчь войску, застаючому въ обложенію у Збаражя. О которомъ узявши пѣвную вѣдомость гетманъ Хмельницкій, осадивши збаражское войско, зъ комонникомъ и ханомъ пойшождь противко короля его милости, и опоткѣлися подъ Зборовомъ. Южѣ азъ Зборова выйшло войско было и самъ король его милость. Где споткѣвшися войско зъ войскомъ, много шкѣды орда учинила войску коронному, же залѣдва могли справитися и назадъ до Зборова уступили. И тамъ осаженно короля его милость, и безъ мало до того не пришло было, же и узято бы было, бо уже нѣотколя помочи сподѣватися было; можная рѣчь, либо не приступомъ, але и голодомъ оныхъ звозвати. Однакоже и гетманъ Хмельницкій не зѣчилъ того, жебы мѣлъ ся достати монарха христіанскій въ руки и въ неволю бесурманскую. И такъ зъ собою трактовати почали преаздней два и учинили згѣду, же не вмѣли по самую Случъ жолитѣре на Украину бывати, тылко опрочъ урядове сторостѣе по горадахъ

албо сами нанѣе, жебы уже большъ задору и причинъ до войны не давано. А орды пѣата пономѣ городовъ дванадцати, которые могутъ вѣнати. И по тихъ трактатахъ, узявши заставу пановъ значныхъ у войско, гетманъ Хмельницкій бытностію своею былъ у короля его милости въ Зборовѣ, где оногю шанѣвано, ударѣвано и другого дня отпушено до войска. И такъ король его милость повернулъ назадъ до Льова; а Хмельницкій, пришедши подъ Збараже, приказалъ зъ шанѣвъ войску уступить и южъ межѣ собою зъ войскомъ короннымъ болше вадору не чинити; бо и отъ короля его милости посланцѣе до князя Вашневѣцкаго пришли, посполму при гетману Хмельницкому, и до всего того войска, застаючого въ обложенію въ Збаражу, озамѣмѹчи о той згѣдѣ. И Хмельницкій азъ ханомъ крымскимъ, розправивши орду, то есть мураѣ придавши козаковъ, и такъ многіе города козаки позводили, и людей Татарѣ въ неволю побрала, и козаки маѣтностъ побрала, и мѣста значные спустьли. И двемъ передъ Успеніемъ Богородицы уступило войско козацкое и Орды отъ Збаражя, тягнучи просто на Украину.

Того жъ року войско литовское подъ Заганимъ и Хвойниками розбили полкъ Кіевскій зъ Крымчѣвскимъ.

Того жъ року саранча великаа была и збѣже зѣсовала, же дорожнѣта великаа была на хлѣбъ, на соль и на сѣно. И такъ по оной згѣдѣ поназадѣли урядове на Украину были, и самъ воевода кіевскій Адамъ Кисѣль азъ жоню

въ Кіевъ оставалъ, бо, якъ благочестивый пань, въ згодѣ зъ гетманомъ Хмелницкимъ былъ. По той згодѣ выкупили обоихъ гетмановъ коронныхъ, Потоцкого и Калитовского, и при нихъ гетманства оставили.

■ ■ ■ ■ ■

РОКУ 1650.

Не хотячи войско порожніювати, а звѣща зъ такимъ поганиномъ и ворогомъ вѣры христіанской збратавшися, Волоская земля христіанство любо зостаєть въ подданствѣ Турчиновъ, али однакъ, же южь почали обѣито жить при одномъ господарѣ спокойно Василю Липулѣ, и потому позавидѣвши, жебы оныхъ уменшати, же христіанство, а звѣща Рось, гору узала, такъ розумѣю, же за повелѣніємъ Турчина, ханъ крымскій зъ гетманомъ Хмелницкимъ несподѣванно со всѣми потугами козацкими и татарскими, напавши на Волоскую землю, нѣвѣць все обернули, звоевали по самыя горы, людей побрали въ полонъ и набытки ихъ, тилко замки мѣцныя одержалися, и самъ господарь уступилъ былъ засѣ мѣста столечного, але знову ся навернулъ. А Хмелницкій стоялъ зъ ханомъ у Прута. А тую землю чатами зоевали. А напотомъ господарь поедналъ орду, а зъ гетманомъ Хмелницкимъ, жебы ся вернулъ зъ его землѣ, учинилъ сватовство, дочку свою за сына Хмелницкого прибищалъ дати, що напотомъ и учинилъ. А войско коронное зъ гетманами стояло подъ Камлицемъ Подолскимъ, не даючи жадной причины козакамъ до войны, Итакъ

того року жадной войны зъ короннымъ войскомъ не было, але, повернувши о Покровѣ зъ Волохъ упокою сядѣти въ домахъ.

■ ■ ■ ■ ■

РОКУ 1651.

Звѣбою почали давати жолѣтрово поводъ до войны, бо залогі козацкіе почали наѣжати, а войска затагати. О чомъ увѣдомившися гетманъ Хмелницкій, скупатися полкомъ приказалъ и зѣразъ по Рождествѣ Христовомъ выйшолъ и сталъ самъ въ Ставищахъ, а войска по разныхъ городахъ въ тихъ повѣтахъ коло Богу стали и такъ ажъ до весны зоставали, покуля ханъ зъ Крыму зъ ордами притянулъ. А скоро ханъ зъ Крыму наспешилъ зъ ордами, того жъ часу Хмелницкій зо всѣми потугами пойшолъ противъ короля его милости. А король стоялъ подъ Берестечкомъ, и тамъ всѣ войска съ посполитымъ рушеніємъ зоставали. Где притягши гетманъ Хмелницкій першой недѣли Петрова поста, дали бой слѣпшій войску королевскому. Аже не статѣчалъ пріязнь вовку зъ бараномъ, такъ христіаніновъ зъ бусурманомъ. Ханъ крымскій почалъ зъ королемъ его милостю щось згѣдного, и учинили потребу еще, и ханъ зѣразъ зъ ордами уступилъ, зоставивши самихъ козаковъ. Що видячи, гетманъ Хмелницкій зъ писаремъ скѣчали до хана, унимаючи ового, але не дался намѣвити, просто пошолъ подъ Ожеховцѣ миль килканадцять и сталъ. Которого гетманъ упросилъ, жебы оному орды далъ учинити ѳтсѣчь войску, поеважъ самъ не хотѣлъ верну-

тися. Що ханъ и учинилъ: на прозбу Хмельницкаго далъ мурзѣ въ килкацѣдцять тысячъ. Зъ которыми самъ ходилъ Хмельницкій, але юже не справедливая приязнь; бо тилько прійшовши до Пляшева рѣчки, болше милѣ отъ войска, и вернулись. Зъ которыми ити мусѣль и Хмельницкій, оставивши войско и усѣ признаки и гарматы войсковые, що при Хмельницкомъ козацтва и тридцяти коней не было. Итакъ ханъ пошелъ у свою землю, оставивши орды тилко тысячей двадцать при мурзахъ. И не доходячи Константинова Старого, Хмельницкій, въ малой купѣ, отвернуль къ Грицкову и на Любарѣ, а тилко при нема усего козацтва зобралось въ ордою отъ хана человека семдесятъ. Такъ-то нефортуна оному послужила зъ тимъ великого щастя, а наиболше зашкочила татарская необычайность, который уходати и самъ Хмельницкій Татаромъ не увѣрилъ. Итакъ идучи Хмельницкій городами отъ Любара, многихъ козаковъ заставлялъ на залогахъ, а иныхъ, которые до войска не дошли и по городахъ заставляли за труднымъ проходомъ отъ Татаръ, также и тихъ, которіе въ тихъ городахъ меновались козаками. Усе тое мусѣло уступовати на Украину за Хмельницкимъ, болчися пановъ своихъ и жолитрства. Итакъ тое усе кунилося до баку гетмана Хмельницкаго, который, прійшовши до Паволочи, знову почалъ войско збирати и изъ городовъ выгонати останцовъ приказалъ. А тое зась войско, зосталое подъ Берестечкомъ, презъ увесь ностъ Петровицу сами безъ орды маючи щодѣльную потребу за войскомъ ко-

Кн. I. Отд. II.

роннимъ и видати, же южѣ безъ орды о нихъ не посласкуютъ, що и въ далшій часть не мѣли би помочи, такъ южѣ не дѣючи и приказанія старшихъ своихъ, знаяшися, просто пошли черезъ переправы Икву и Пляшову, оставивши гарматы; на которыхъ переправахъ много козацтва погнуло. А такъ тое войско безъ табуру увошло на Украину и, оставши Хмельницкаго, при нему скупившися, стали таборомъ подъ Бѣлою Церквою и по орду заразъ послали. Войска зась короніе зъ гетмани полнимъ и коронимъ въ трону за войскомъ козацкимъ потягнули на Украину и, прійшовши подъ Трилѣсся, мѣсто оное достали и вѣстинали. А войско зась литовское зъ княземъ Радивиломъ гетманомъ своимъ, притягнувши подъ Лоевъ, мѣли потребу зъ козаками, которіе тамъ заставляли на заставахъ, немалое войско: полкъ Черниговскій и Нѣжинскій. Которіе заставляли безнѣчне, болшей бѣвчися пимствомъ, а нѣжели осторожностію, розумвючи, же южѣ невѣтяжними зостали. Которихъ заставляла сторожа у самого Дѣлпра, а войско зады пространности заставляли подъ Ропками. А когда дала сторожа знати, же войско литовское переправуется презъ Дѣлпръ, старшій козацкій Небаба, полковникъ черниговскій, порвавшися несправне, скочилъ противно тому войску исправному. Которого заразы тое войско литовское зломилло и много козаковъ порубали, и того самого Небабу, неуважного полковника, тамъ же стато. А остатокъ войска козацкаго, въ полковомъ нѣжинскимъ, уступили до Чернигова. За которимъ князь

3

Радивилъ притягнулъ подѣ Чернѣговъ, але, кождѣ тамъ нѣчого не вскурѣвши, назадъ повернулъ на Любечъ и, прійшовши до Любеча зъ своими людьми военными, городъ Любечъ осадилъ, и самъ, знову переправивши за Днѣпръ, потягнувъ на Кіевъ и, тамъ притягнувши на долное мѣсто, не малъ пустое засталъ, бо съ козаками и мѣщане кіевскіе уступили суднами у низъ Днѣпра къ Переяславию, Черкасомъ и къ инымъ мѣстамъ коло Днѣпра, где могли пройти байдаками и иными суднами. А митрополита кіевскій Силвестръ Коссовъ не уступовалъ съ катерды, алѣ zostавалъ при церкви святой Софій. Такъ же и архимандрита печерскій Іосифъ Тризна зъ братією zostавали у монастыру Печерскомъ, любо великую шкоду и небезпечность здоровья имѣли. И, поплюдровѣвши въ Кіевъ, войско литовское потягнуло подѣ Бѣлую Церковь, где скѣпившись съ войскомъ короннымъ, наступили на Хмелницкого гетмана. Але однакъ гетманъ Хмелницкій собою не звѣспилъ: далъ добрый бой обѣмъ тѣмъ войскамъ, коронному и литовскому, же оныхъ много пало и отъ козаковъ трудность великую и обиду мѣли, а бѣрзей о живность задля жѣной. И такъ зъ собою стѣючи презъ ведѣлъ двѣ, почали до згоды приходити презъ воеводу кіевского Адама Киселя, который на той згодѣ великую шкоду повеселъ отъ Татаръ, бо оного пожакѣвано. И такъ на той згодѣ гетманове коронные вымогли тое на Хмелницкомъ, же позволивъ войску коронному въ Браславию на збѣже, а части другой войска стати на Заднѣпру въ пол-

кахъ Нѣжинскомъ и Чернѣговскомъ и въ Вишневцѣ, а войску литовскому у Стародубовщинѣ. И такъ тую збѣду принявши, войска розійшлися. А що до иныхъ пактовъ, на збаражскихъ пунктахъ стало. Тилко то новая, що войско стало въ тихъ городахъ, где козацтво. И Хмелницкій гетманъ при той згодѣ взявши заставу добрую пановъ значныхъ, былъ у войску коронномъ у гетмановъ коронныхъ и Литовского на бенкетѣ презъ цѣлый день и повернулъ въ цѣлости. До того жъ и Любечъ zostавалъ зъ жолнѣрами въ обложѣнню отъ козаковъ, ажъ росказанія зайшло отъ гетмана Хмелницкого, жебы отступили отъ Любеча. И такъ войска розійшлися по той згодѣ такъ коронные литовскіе, люко тежъ и козацкіе по домахъ по Успеніи Пресвятой Богородицы, и тоей же зимы, за тѣмъ позволеніемъ гетмана Хмелницкого, войска коронные расположилися: гетманъ коронный Калиновскій, который zostавъ по Потоцкому Миколаю, бо Потоцкій тоей же осени померъ, и такъ братъ Калиновскаго Калиновскій же на Заднѣпра притягнулъ зъ войсками коронными, за універсаломъ гетмана Хмелницкого; которому Заднѣпра не сопротивляючись въ города пустило; и самъ сталъ Калиновскій въ Нѣжинѣ и тамъ зимовалъ, а войска, которые мѣлъ при себѣ немалые, расправилъ по разныхъ городахъ по Заднѣпру и поза Десною. А литовское войско стало въ Стародубовщинѣ, якъ идетъ граница князства Литовского. Козацтво засѣ, zostавюоче въ городахъ, волю сходито съ тихъ городовъ, выдаючи набытки свои у городѣ, къ Полтавѣ и тамъ слободы

посаживали а инные на грун-
тахъ московскихъ слободы посса-
живали, не хотачи съ жолнѣрами
зоставати и стацей онимъ давати,
бо несносную стацію брали. А тое
козаки мѣли позволенія, жебы
зходити зъ домовъ, отъ гетмана
Хмельницкого. Которымъ не мог-
ли жолнѣрове заборонити, бо и зъ
гарматами выходили зъ городовъ.
Але напотомъ хто зостался, юже
оного не пущено, и давати мѣ-
сць стацію жолнѣрамъ. Що не
могучи ся згодити, у Вишневец-
чинѣ въ Липовомъ учинили за-
доръ жолнѣре и тамъ на самое
Воскресеніе людей vyrубали у
Миргородскомъ полку, итакъ зъ
собою не згодилися. На що лю-
бо учинилъ инквизицію гетманъ
Хмельницкій, але, видачи попѣд-
ливость жолнѣрскую, иннымъ про-
мысломъ промышлялъ, бо на жа-
данне жолнѣрское полковника мир-
городского Гладкого казалъ стра-
тити. Тодко жъ тая причина бол-
шая: же онъ ишолъ отъ Берестеч-
ка зъ войскомъ, Гладкій гетма-
номъ назывался, итакъ на оного
причины Хмельницкій шукалъ, аже
тал причина стала за заводъ зъ
жолнѣрами, казалъ оного страти-
ти, а тутъ заразъ послалъ до Ха-
на въ Крымъ, жебы поспѣшалъ
до оного на зношенія жолнѣр-
ства, которое ся на его пріязнь
убезпѣчилися.

РОКУ 1652.

Жолнѣрове юже обезпѣчили на
пріязнь гетмана Хмельницкого и
на терпимость, бо, стоячи на
Украинѣ на зимовѣ, великую
кывду, албъ бѣду, людемъ чини-

ли, вѣдугъ своего звычаю жол-
нѣрского, такъ въ обтаженію адыр-
ствомъ, яко тежъ и по части тыхъ
людей, що въ козацствѣ зоставали
и о смерть приправовали. О
чомъ такъ великіе скарги до гет-
мана Хмельницкого доходили со-
всѣхъ сторонъ. И видачи, же жол-
нѣре, що далѣй, горшыми на лю-
дей становляться, и выгачи хана
зъ ордами и усему козацкому вой-
ску не знаймѣючи, але тилко тѣ
полки, зостаючіе поблизу чигри-
на, зъ собою узавши, поишолъ въ
поля противно орды. А гетманъ
Калиновскій, завзявши вѣдомость,
же въ поляхъ уже орда зостаєтъ,
войска своимъ, которые зоставали
коло Дивстрѣ и коло Богу, скѣ-
пилъ и сталъ за Ладѣжскомъ на
Батозѣ, а до того войску далъ
знати, которое зоставало въ Нѣ-
жинѣ зъ братомъ оного и по ин-
шихъ городахъ задѣвпрскихъ, же-
бы якъ найскорѣй поспѣшали до
обозу до боку его. Которые якъ
найскорѣй рушили зъ Задѣвпра,
немадые кывды чинили людемъ,
простуючи на кievскіе перевозы,
и тамъ переправили Дивпръ спо-
койно, бо въ Кіевѣ зоставалъ воє-
вода кievскій Адамъ Кисель, кото-
рый зъ тими жъ жолнѣрами у-
ступилъ совсѣмъ зъ Кіева, бо зъ
жоною зоставалъ. Которому, по-
добно, далъ знати гетманъ Хме-
лицкій, жебы уступалъ, бо въ
нимъ яко зъ благочестивымъ па-
номъ, мѣшкалъ згѣдне. Але тое
войско, которое уступало зъ За-
дѣвпра, не поспѣшило до боку гет-
мана своего коронного въ обозѣ на
Батогѣ, бо Хмельницкій, знявши-
ся зъ ханомъ въ поляхъ, за кото-
рыми войско козацкое наздобѣнь
ишло, и просто потагнулъ къ вой-
ску коронному, на которыхъ на-

павши зъ ордоу, обоу досталъ и тое войско знеслъ, и Калиновскому гетмановъ тамъ же голову отътѣло, и до Хмельницкого Татаринъ приѣхалъ. Зъ которого то войско зъ того обоу мадо хто увойшоль, бо, хочай хто былъ конми добрыми увойшоль албѣ лѣсами, то по старому, покуля Татаре оныхъ нагнали, то люди оныхъ громили, неимѣючи надъ ними милости за ихъ тиранства и здырства. И такъ тое войско разбивши, ханъ зъ Хмельницкимъ пустился просто къ Камянецовъ Подолскому, и що орда узлаа была живого неводника жолнѣрства, усе прикавалъ вѣсти нати, жебы ся орда не обтягала.

Въ тому року анову по городахъ много пановъ пропало, которые на свои маѣтности поваздыли были, бо знову оныхъ ихъ посполство позабывало, и козаки, що уступили были зъ своихъ дворовъ, знову ся понаворочали. А гетманъ Хмельницкій, ставши подъ Камянецемъ Подолскимъ, много шибды начинили, бо за Лвовомъ и по Волынию попустѣшивши и на полнивши лѣбиромъ Орду, повернулъ до чигирива и отпустилъ орду.

И того жъ року послалъ до Волохъ женити сына своего зъ дочкою господаря волоского Василія воеводы Лупика, который учинити мусѣлъ, боячися оного. И такъ тоей осени тое сталося веселѣя, и отдалъ дочкѣ свою до Чигирива. Которое зъ великимъ коштомъ, такъ отъ господаря волоского, яко тежъ и людей, зоставчихъ, куда тое войско зъ веселѣемъ ишло, отправлялося, бо не въ малѣ куня ишло, а люде свои водные.

Того жъ року барзо примерки великіе были въ Короунѣ и по иныхъ городахъ въ тихъ повѣтахъ, также и на Задѣпру, въ Перелесловлю и въ пригородахъ его, въ Носѣвцѣ, въ Прилуцѣ, опрочъ Нѣжина, много вымерло людей, же пусты зостави дворѣ.

Того жъ року въ осені чюдъ немалый стался въ Конотопѣ и воетъ у замку, бо по отходѣ жолнѣрства, албѣ еще отъ першого року тоей войны, зостався былъ урядникъ Сосновскій зъ жоною, который мѣлъ и пятеро дѣтей своихъ, зъ жоною своею сплѣбженныхъ, и мешкалъ въ томъ замку конотопскомъ до сего часу. Якъ Калиновского занесено на Батозѣ, заравъ и тутъ на Задѣпру старѣсть много позабивавно, где и того старосту въ томъ же замку конотопскомъ тая своеволя убила зъ жоною и зъ дѣтми, особъ четверо, и тамъ же въ томъ замку конотопскомъ въ колодязъ всѣхъ вкидано. Которое то забойство сталося о святой Троицы на томъ тижню. А тотъ колодязъ былъ глубокій, саженой коло десяти, ежели не болше. И такъ тіе тѣла побитыхъ зоставали въ томъ колодязѣ въ водѣ ажъ до Воздвиженія Честнаго Креста, и въ той часъ незнатъ откуда ужалася вода и тотъ колодязъ выполнила и усѣ тіе тѣла на верхъ вынесла, и якъ оные зъ теѣй води побрано, знову вода уступила на свое мѣсце внизъ въ колодязъ при очахъ многихъ людей. А тіе тѣла въ цѣлости зоставали. Которые то тѣла жители конотопскіе, тамъ же неподалеку того жъ колодязя выплавши яму, поховали.

Того жъ часу и року изъ Сивера, то есть изъ Стародубова, По-

чеша, Мглинѣ, Дрѣкова, жомитро въ выгнало посволство самихъ тихъ городовъ, много оныхъ погромавши.

.....

ГОДУ 1653.

Янъ Казимѣръ, король полскій, скѹпилъ войска коронные, якъ южѣ трава стала, и сталъ обозомъ подѣ Камянцемъ Подолскимъ. О чомѣ гетманъ Хмельницкій вывѣдавшися, послалъ до Крыму по орду, зѣ которою и самъ ханъ вышполъ. И гетманъ Хмельницкій, скѹпивши войско козацкое и поспѣлу зѣ ордами рѹшилъ противно короля, оставивши часть войска подѣ Чернѣговомъ, то есть полка: Нѣжинскій, Переяславскій и Чернѣговскій, противно войска литовского, которое zostавало обозомъ подѣ Речицею, придавши козакамъ кидко мурзѣ орды Ивановѣ Золотарѣнковѣ, шуриновѣ своему, который полковникомъ нѣжинскимъ zostавалъ. А самъ Хмельницкій гетманъ зѣ войсками козацкими и ордами потягнулъ противно короля, которого и засталъ подѣ Камянцемъ Подолскимъ. И тамъ, маючи зѣ собою утарчку, старался король полскій усѣма силами, жебы отъ Хмельницкого орду оторвати и призанъ ихъ розорвати, що усе великими подарками и обѣщаньямъ дани давати, тилко дабы отступили отъ козаковъ. Аже тотъ неприятель радъ бы усѣхъ христіанъ въ нѣвецѣ обернути, почалъ ся схиляти до згоды зѣ королеми и рѣчию посполітою. Очемъ Хмельницкій постерегши, высылаетъ посла своего Григорія Гуляницкого до его царского величества къ Мо-

сквѣ, стараячись о призанъ; а напотомъ, южѣ видати непризанъ хана зѣ ордами, отступаетъ отъ Камлица албо отъ Гусатина сторожне зѣ войскомъ и прійшполъ къ цѣлости на Украинну (А ханъ зѣ ордами у свою землю пошполъ) и выслалъ своихъ пословъ къ его царскому величеству въ Москву, южѣ щире поддаючися.

.....
..... *

И въ томъ же 1654 годѣ присланный бывааетъ отъ его царского пресвѣтлого величества Алексея Михайловича, всея Россіи Самодержца, ближній бояринъ и дворецкій Василій Василіевичъ Бутурлинъ, изъ иными бояре и многими столниками и двораны, великимъ посломъ до гетмана Хмельницкого по жадавию его и усего войска Запорожского, чиначи постанову, якъ маюгъ zostавати подѣ высокoderжавною его царского величества рукою. Задля которыхъ великихъ его царского величества пословъ зложилъ гетманъ Хмельницкій зѣѣздъ въ Переясловлю усѣмъ полковникамъ, сотникамъ и атаманию и самъ пріѣхалъ въ Перясловля на день Богоявленія Господня, и тамъ рада была, где усѣ полковники и сотники съ товариствомъ, при нихъ будущимъ, пов-

* Здѣсь пропущены мною, П. К., иерешиска и договоры гетмана Богдана Хмельницкаго съ царемъ Алексеемъ Михайловичемъ, ибо они вписаны лѣтописцемъ, вѣроятно, какъ гродскихъ книгъ и ничемъ не разнятся противъ помѣщеныхъ у Бадгыша-Камешкаго, Маркевича и въ 3-мъ томѣ Собранія Государственныхъ грамотъ и договоровъ.

волилися составати подѣ высокодержавною его царского величества рукою, не хотячи юже болш жаднымъ способомъ быти подданными королю полскому и давнимъ паномъ, а нѣ тежѣ пріймати къ себѣ Татарь; на чомъ на той-то радѣ и присягу выконалъ гетманъ Хмельницкій во всѣми полковниками, сотниками и атаманню и усею старшиною воинскою, и узяли великое жалованне его царского величества собоями, и разяъ по усѣхъ полкахъ розослали столниковъ съ приданнѣмъ козаконъ, жебы такъ козаки, яко войтыи со всѣмъ посполствомъ, присягу выконали на вѣчное подданство его царскому величеству. Що по усей Украинѣ увесъ народъ зъ охотою тое учинилъ. А бояринъ и дворецкій Василій Василіевичъ Бутурлиничъ повернулъ на Москву до его царского величества. И немалая радость межѣ народомъ стала.

ПОЧИНАЕТСЯ ВОЙНА ЕГО ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Того жъ 1654 году его царское величество, обвѣстивши чрезъ своихъ царского величества послонъ королевъ полскому о своихъ кривдахъ и о наступленію на православленную вѣру, уведачи римскую, а найбарзтѣй увѣю истинныхъ христіанъ, озанаймуетъ, же войною идетъ на короля полского, самъ своею персоною царскою рушаецъ зъ столицы зъ многими войсками, простуючи подѣ Смоленскъ, а боярина Василія Васильевича Бутурлина зъ многими войсками

высылаецъ до гетмана Хмельницкого. А гетманъ Хмельницкій высылаетъ своего войска полкъ Нѣжинскій, Черниговскій, при которыхъ и охочихъ много козаконъ и иныхъ полковъ пошло не мало, съ которыхъ осмъ полковъ стало. Ивану Золоторемковъ наказанное гетманство вручилъ давши ему булаву и бунчукъ, и армать зъ собою узялъ немало. Который просто ишолъ на Гомель и, тамъ заставши жолнѣровъ литовскихъ немалую купу, Гомель осадилъ, подѣ которымъ немалый часъ стоялъ, не могучи оныхъ узяти. А его царское величество просто подѣ Смоленскъ подступилъ и тамъ оногo доставалъ разными способами, где и козаконъ пришло немало зъ братомъ Золоторемковичемъ до его царского величества подѣ Смоленскъ, где собѣ отважне починали въ приступахъ ажъ на верху муряхъ смоленскихъ по лѣствахъ были; ажѣ оныхъ Нѣмцы взирали, але многіе, и въ городъ упавши, погинули. Що видачи его царское величество ихъ отвагу, барзо ихъ улюбилъ. Жолнѣре зась зъ воеводою смоленскимъ Глѣбовичемъ, видачи такъ великіе силы его царского величества и налогу щоденную и мощную, збѣпивши собою, просили его царского величества о милосердѣ, жебы зоставали при здоровію; що и одержали. И такъ поддали городъ Смоленскъ покловившася, и въ цѣлости отпущены въ Литву. А его царское величество своими воеводами и ратными людьми осадилъ Смоленско и, изъ костеловъ церкви посвятивши, и муръ посвятивши, по которыхъ самъ его царское величество ходилъ при томъ посвященію. И оттоль по-

слазь его царское величество подъ Витепско и Полоцко и тые города повыймали люде ратные его царского величества ажъ по самую границу курляндскую, и южъ другій заставлял воевода. Также того жъ времени Дубровную, Оршу, Шкловъ, Копысь повыймаю, и Могилевъ подался 'его царскому величеству, и тамъ воевода заставлял и *Поклонскій*²⁵ полковникъ; и иные многіе города литовскіе Бѣлая Русь; съ чего и титулъ сталъ: и *Бѣлая Россія*. А Золотаренко, Гомель державши въ обложенію немало, що видячи жолнѣрове, же южé трудно уседѣтися, адали городъ Золотаренковъ, который осадивши своими людьми, потягнувъ подъ Быховъ, города приворочаючи собѣ. Що усе привернулось и поддалось, опрочъ тилко самъ Старый Быховъ не поддался и держался. А Золотаренко, ставши въ Новомъ Быховѣ, былъ самъ съ козаками своими не въ малой купѣ у его царского величества въ Смоленску. Аже осѣнь наступала, его царское величество повернулъ до Вазмы и тамъ зѣмовалъ: а на Москвѣ моръ великій былъ. А козаки зъ Золотаренкомъ зѣмовали у Быхову Новомъ. А у Старый Быховъ прятягнулъ Князь Радивилъ, гетманъ литовскій, и ходилъ доставати Могилева, и ничего не вскуравши, отойшоу и повернулъ подъ Новый Быховъ доставати Золотаренка зъ козаками, и тамъ ничо́го не вскуравши, зъ великою шкодою отойшоу и, осадивши Быховъ Старый накрепко людьми военными, повернулъ у Ляту. А гетманъ Хмельницкій стоялъ зъ войсками своими и его царского величества подъ Фастовомъ. И отъ его царского величества присы-

лаю козакамъ жалованна копѣйки золотые, вагбю у полталлра. Того жъ часу и мѣдяные копѣйки повстали, которые розною цѣною ишли зъ срѣбными. А талларъ битый подъ печатью царскою былъ, въ цѣнѣ золотыхъ шести хожи-валъ.

Того жъ року солнце барзо мѣнилось въ Спасовки въ сѣреду першой недѣли.

Того жъ року Шведъ на Польшу повсталъ и многіе города побралъ, а король польскій уступилъ съ Польши въ Цесарскую землю.

=====

ВЪ НАЧАЛѢ 1655 РОКУ.

Гетманове коронные, по уступленію на зиму короля шведского, послали въ Крымъ и передѣлали хана зъ ордою, жебы онимъ на помощь вышли зносити Украину, а звѣща зимово. Що орда зъ охотою учинила, и вытѣгла поту́га великая. Также всъ войска коронные скүпившися, просто рушили отъ Камянца Подолского на Украину. О чомъ и Хмельницкій увѣдомившесь, полки казацкіе скүпилъ и постановилъ по городахъ отъ Умань, а самъ зъ иными полками и войсками его царского величества, вадъ которыми старшій былъ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, зъ немалымъ войскомъ сталъ у Ставищахъ. Аже почувъ, же жолнѣрове съ ордою зближаются, рушилъ зъ Ставищъ къ Умань и тамъ ва Пятигѣрамахъ на Дрижибѣлю въ поляхъ споткались зъ ордою и тыми войсками коронными, и стала война ве-

ликая. Войско козацкое въ купу не зійшлося и орда не допустила скупитися, осадивши гетмана Хмелницкого въ поляхъ, и такъ наступовало жолнѣрство на Хмелницкого, же трупомъ жолнѣрскимъ козаки втаборились, бо нетилко въ день, але у ночѣ бились у рукопашь; аже въ таборъ козацкій и московскій драгунія уломилась была, которыхъ не такъ стрѣлбою, якъ оглоблями зъ саней били и многихъ побили, зъ которыхъ мало хто увойшоль. Що видячи Хмелницкій, же такъ великая валога презъ дней три, казалъ табору рушати и просто на обозъ коронный ити, роспорадивши гарматы и пѣхоту. Що видячи жолнѣрове, мусѣли уступовати назадъ, также и орда, бо много Татаръ пропало. За которыми гетманъ Хмелницкій зъ войсками ишоль; а войска коронные уступили за Ботѣ, а шивые въ Подшчу повернули, и усъ войска коронные коло Подгоря держались, бо зааразъ на весну того жъ року его царское величество зъ великими потугами зъ Вязни вышповши, и просто къ Вилню войною ишоль, и усю Литву зсоевалъ, и Вилню взялъ и усъ города, опрочъ Слудка и Быхова. Тамъ же и козаки были при его царскомъ величеству, зостаючие зъ Золотаренкомъ, и барзо здобычъ великую узали. А гетманъ Хмелницкій, зъ войсками своими и его царского величества силами, подъ Львовъ ходилъ и, облегли Львовъ, равные города побралъ и Люблинъ узаль, и опустошилъ тоей земль не мало, бо не могли силы жолнѣрокіе опертися, же и короля не иѣли у земли, а шивые войска Шведовъ поподавалися. Навотъ и самъ гетманъ Радивиль,

будучи выгнанный зъ Вилни, поддался шведскому королю зъ гетманемъ литовскимъ и усѣмъ войскомъ. А у Вилню зоставалъ воевода, и по шныхъ городахъ, такъ великихъ, яко и малыхъ, зоставали воеводе его царского величества, а зваѣца по столѣчныхъ, где воевода, яко то Вилня, Полоцко, Витепско, Минско, то боевре зоставали. И такъ того року усю Литву зсоеваво, и его царское величество повернулся на зиму вновь до Вязни со всѣми силами. А Иванъ Золотаренко, повернувши отъ его царского величества зъ Литвы, подѣшподъ зъ войсками козацкими подъ Быховъ Старый и тамъ оный въ обложенію держалъ, где на коню, подъ часъ потребы, оного на герцу пострелено у ногу зъ мушкетъ, отъ которой нога и померъ подъ Быховымъ. И тамъ по смерти его акъ тѣло проважено до Нѣжина, въ скоромъ часъ забунтовалося козацство, на своихъ старшинахъ чернь повставала была, хотячи старшину побити; але старшина окупившися, многихъ съ чернѣ выстинали, бо чернь, напавши на вои купецкіе зъ горькими, оныхъ рабуючи, позаливалися, на которыхъ напавши старшина, выстинали; а привождовъ повѣшали. И такъ юже не могучи за непослушенствомъ больше держати Быхова въ обложенію и оный узати не могучи, отступили назадъ на Украинну, зоставивши тамъ полковника Нечая зъ войскомъ, которые тамъ и коло тамошнего новѣту Могилевскаго и коло шныхъ городовъ, акъ по самый Гомель, стояли, бо чилко Быховъ Дыхамъ голдовалъ.

О томъ часѣ тѣмъ або трупъ того Ивана Золотаренка выгину

положу, що ся стало на погрѣбѣ оного, напишу, бо и самъ тамъ былъ и набраемса страху немалого, бо тое тѣло зоставало презъ увесъ постъ Филиповъ въ Нѣжинѣ въ церквѣ и на остатнемъ тыжню попроважено оное до Корсуна, где предъ свѣти припровадивши, поставили въ церкви святого Николая за мѣстомъ, не ховаючи, але межи свѣти съ триумфомъ хотячи оное проводити оттоля въ городъ до церкви Рождества Христова, збудованного отъ того жъ Золотаренка; и тамъ въ самый день Рождества Христова въ святой церкви Святого Николая, где тое тѣло лежало на катафалку прибранномъ, священники нѣжинскіе съ протопопомъ своимъ Максимомъ и игуменомъ и діаконами двома; усѣхъ десять персонъ, зоставивши храмъ Рождества Христова такъ хвалебный и пошли соборомъ отпраовати службу Божію до св. Николая, где тое тѣло лежало; и дивовиско, а не такъ задля набоженства множество народа зобралоса и, по ишихъ церквахъ выслушавши набоженство, въ тую церковь натислоса. А церковь велика была забиванная, а тилко одни двери мѣла. А служба Божія забавна зъ музыкою спѣвана отпраовалоса. Где уже окончивши божественную службу, якъ уже *Буди имя Боже Господне* спѣвано, игумень нѣжинскій Діонисій, хотачи ити давати дару, ведлугъ звычайу чернецога хотачи узяти на голову подкапокъ, который зоставалъ у скарбницѣ, альбо коморцѣ, которая была прибудована у олтаре на правомъ боцѣ, маючи собѣ и склепѣнія зъ олгара. Итакъ отчинивши двери, обачять, же стѣна загорѣлась, и заразъ ставши

Кн. I. Отд. II.

на царскихъ вратахъ, священникъ тоя же церкви крикнетъ на народъ: „Про Бгъ, церковь горить.“ Итакъ тотъ народъ потиснулоса до дверей и двери затлумили, же нѣхто не могъ самъ выйти изъ церкви, ажъ каждого вытягали. А тая скарбница загорѣлась съ неосторожности вытрикуша, же тамъ свѣчи клалъ на полицѣ, не загасивши добре; и съ того занялоса, бо я самъ на тое смотрѣлъ въ той скарбницѣ, якъ еще огонь не разширился былъ, але анать, же особливый гнѣвъ Божій былъ, же въ скоромъ часѣ отъ такъ малой рѣчи уса церковь занялася, у единомъ квадратѣ згорѣла, же людъ не могъ выйти, але згорѣло людей живыхъ 430 съ наддачею. Въ той церкви и священниковъ два брата рожоныхъ згорѣло во всѣхъ аппаратахъ, какъ служили, которые аппарата коштовали на килѣка тысячей. Итакъ вмѣсто радостного праздника, мало хто знайшолся въ томъ мѣстѣ, жебы не плакалъ своихъ пріятелей, такъ въ скоромъ часѣ срогою смертію погибшихъ: хто отца, матки, сына, брата, сѣстеръ, дочки. Хто можетъ выповѣсти такой жалъ, якъ тамъ стался за малый часъ, же усе мѣсто смертелностного трупу паленого? ³⁴ И якъ тотъ огонь погасъ, тотъ трупъ недогорѣлый Ивана Золотаренка братъ его узялъ въ дворъ свой, и знову въ новую домовину вложилъ и ведлугъ своего уподобанна отпраовалъ погрѣбъ, зробивши катафалкъ у Рождества Христова, але и тамъ подвокротше загорувался. покола скончили тотъ погрѣбъ. ³⁵

— 3 —

РОКУ 1656.

Государь Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ его царское величество потрете выйшолъ на на войну противно Шведа, и того часу Шведъ уступилъ за море у свою землю, а Магнусъ Графъ, т. е. великій гетманъ шведскій, стоялъ зъ войсками въ розѣ, и его царское величество на Полоцко потянулъ зъ войсками, а тяжары военные рѣкою Двиною проважено, ³⁶

Того жъ года у Вильню комисія отпраовалася съ Ляхами, на которую и постороннихъ монарховъ и цесарскіе медиаторове были, и козацкіе послове отъ Хмелницкого тамъ же были, але згоды не стало, и такъ надаремнѣ тая комисія отпраовалася. А Гетманъ Хмелницкій заставлялъ зъ войсками на Украинѣ, бо не мѣлъ нѣ отъ кого наступованна, а до того уже и самъ неспособного здоровья былъ. Тылко тое войско застаючое къ Богу и ко Дивъпру ходило зъ сыномъ Хмелницкого Тимошемъ на помочъ господаревѣ волоскому, тестевѣ его Василевѣ Липулу, который зъ мулянскимъ господаремъ завоевался. И тамъ Тимоша убито, и войско тое зъ ущербомъ назадъ повернуло и припровадилъ зъ собою тѣло Тимошево, а господаря волоского Василя Лупула взято до Цариграда, и тамъ заставлялъ у вязеню въ едикулѣ и померъ тамо.

•
■

РОКУ 1657.

Гетманъ Хмелницкій, зносячися зъ Ракоцимъ, королемъ венгер-

скимъ, и королемъ шведскимъ, але хотячи того, жебы король венгерскій опановалъ корону польскую и королемъ заставлялъ, который выйшолъ зъ своей земли зъ войсками, также и Шведъ зъ войсками своими на початку того року, до которыхъ и Гетманъ Хмелницкій выслалъ отъ боку своего Антона Чпгиринского, придавши ему со всѣхъ полковъ людей голѣйшихъ по килка сотъ, албо иишихъ и тысяча ишло охочахъ. И такъ потагши Подгорямъ за Самборомъ и тамъ учинилъ зъ войсками венгерскими, а напотомъ и зъ шведскими, и пустошили Полщу ажъ по самыя Пруси, ибо и Варшаву узли были. Барзо тогда великое спустошеніе стало Полщи, бо, начавши отъ зимы, немалъ цѣлое лѣто тамъ пустошили. Що видячи король полскій, любо застаючи за границею зъ сенаторами, прикладали старання, якъ бы тому запобѣгнути, жебы до остатку не згубили своей землѣ, послали до Крыму, хана просячи о помочъ, который, онимъ приобѣщавши, посылаетъ солтановъ зъ ордами Волоскою землею. А тутъ зась король полскій зъ сенаторами, где чуючи о войскахъ своихъ, дали знати, жебы ся до одного горнули. И тамъ жолнѣрове, любо которые и при Шведу юже заставляли, и при королю венгерскому, и на цесарской границѣ, все тое до купы згорнулося до своего короля. О чомъ постерегши Шведъ, уступилъ въ Пруси, а Козаки, обтяжышеся добычею, назадъ уступовали, при которыхъ и король венгерскій держался, бо юже отъ Погурия орды зайшли. И такъ орда, случившися зъ войскомъ короннымъ, осадилъ подъ Межибогомъ короля венгер-

ского и достали оного и узали Лахи до себе. А Козаки увойшли на Украину, зацда которыхъ посылку, почувши гетманъ Хмельницкій, же орда выйшла, будучи самъ хорымъ, послалъ сына своего Юрія со всѣми войсками, где ся скупили на Ташлыку, а напотомъ збунтовавшися, назадъ уступили, не слушаючи полковниковъ своихъ. А такъ Рокочого войско згинуло, а Хмельничѣнко повернулъ къ Чигирину. Барзо хорымъ самъ Хмельницкій былъ, где юже съ тоей постѣлѣ албо хоробы не всталъ, але въ скоромъ часѣ померъ, о Успеніи Пресвѣтлыи Богородицы, а похороненъ былъ предъ свѣтлыи Сеціономъ въ недѣлю; где множество народа, а наиболше людей войсковыхъ, было, и провѣжено тѣло его зъ Чигирина до Суботова, и тамъ погребено въ рыноковой церкви.

По похоронѣ старого Хмельницкого, любо тое еще за живота старый Хмельницкій назначилъ гетманомъ сына своего Юрія, але еднакъ несчастливая задрость албо лживость уряду тое правила, же зъ старшинъ не одинъ того себѣ зичилъ уряду, а не могучи лвне въ тимъ открытися и того лвне доказовати, тое умыслили и намовили, яко молодую дѣта Хмельницкого, жебы отъ того уряду отмовлялся, здаючи оный. И такъ будто учинивши раду, часть Козаковъ зобравши въ дворъ Хмельницкою, а наиболше тихъ людей превратныхъ, а тимъ зычливыхъ, которыхъ тотъ урядъ гетманства зычили, а въ остатку дворъ замкнуди, непущаючи никого. Где Юрій Хмельничѣнко, выйшовши зъ свѣтлицы у тую раду, учинилъ

подякованне. отъ родича своего за урядъ гетманства и поклонился усе му войску и положилъ булаву и бунчукъ въ той радѣ, и поклонившися, отойшолъ въ свѣтлицо. А Выговскій писарь за писарство подякованне чинилъ, а обозный Носачъ Корсунскій за урядъ обозництва. И тая булава часть немалый лежала въ той радѣ. Кожному бы ся хотѣло узати тотъ урядъ, але не позволеть войско. Но тако по квалка кротъ презасауловъ войска, на чомъ бы ихъ воля была, жебы зоставалъ натомъ урядъ гетманства, але усъ одними голосами кричатъ, жебы сынъ Хмельницкого гетманомъ зоставалъ. А звлаца зъ посполитыхъ козаковъ тые голосы призывають молодого Хмельницкого и просятъ оного, жебы тотъ урядъ справовалъ на мѣстцу отческомъ, который отмовлялся молодостію дѣтъ своихъ и фрасункомъ родича своего, а до того придаючи, же еще оному до такъ великого уряду дѣта не позволяють, не маючи такого довѣщю войско справовати и жебы Украина зоставати мѣла въ тихости, дають оному на тое раду войско посполитое, жебы онъ тотъ урядъ гетманскій держалъ, жебы тая справа была, же Хмельницкій гетманомъ, а справѣ войска и порадци тыежъ, що и при небожчику Хмельницкому старому зоставали, т. е. Выговскій писарь и Носачъ обозный и Григорій Лесницкій судією, и тые жебы уже справовали яко оный Хмельницкій передъ смертію въ опеку того сына своего подалъ. Але они, того уряду собѣ желаючи, отражали молодому Хмельницкому жебы не брался за тотъ урядъ, що условне отпрошивался, але козацство

не хотѣло одного отъ уряду того уволнити, памятуючи на зычливость отцевскую. Итакъ упростили молодого Хмельницкого, жебы при нему заставали булава и бунчукъ, а якъ у войско выходити, жебы зъ рукъ и двора Юрія Хмельницкого отбиралъ Выговскій, а прійшовши зъ войска, знову тое отдавалъ до рукъ Хмельницкого; на що любо ся вымовлялъ Выговскій усты, але сердцемъ шукалъ того способу, якъ бы тое цѣлкомъ опановати, и просилъ войска, жебы тое до третяго дня, т. е. до середи отложено, на що войско позволяло. А гды пришлоъ тотъ день среда, знову козаковъ раду и знову въ тотъ же дворъ Хмельницкого зобралося козацтво, полковники и сотники, и що могло увойти чернѣ, знову тое гетманство трактовати; але яко перве сотники зъ черню постановиди, на томъ постановили, на томъ и стали, жебы заставали знаки войсковые при Хмельницкомъ молодомъ и жебы зъ своихъ рукъ Выговскому давалъ, якъ у войско выходити маеть; а зъ войска якъ повернетъ, жебы знову отдавалъ до рукъ Хмельницкого. Але предся фортель лядскій а лацѣни превротного найшла дѣру, которою бы мѣла влѣзти въ тотъ урядъ гетманства и опановати, и далъ такую рацію полковникамъ и всему войску, на той радѣ застаючимъ, яко бы покору свою показуючи Выговскій козакомъ, просить о позволеніи усею войска, якъ оному на листахъ свой титулъ писати при тихъ клейнотахъ, поневажъ Хмельницкій въ дому заставати будетъ, то одного трудно на листахъ и универсалахъ, выданныхъ зъ войска, подписовати, а притомъ письмѣ якъ ся подпи-

совати при печати войсковой. Але уже одного совѣтники вынайшли тотъ способъ, далъ такую рацію народу посполитому, жебы позволили оному писатися тимъ способомъ: *Иванъ Выговскій на тотъ часъ гетманъ войска Запорожского*; а чернѣ, яко простые люде, позволилися оному такъ писати. Итакъ рада скончалася, а Выговскій почалъ промышляти о козакахъ: первое, жебы тихъ, которыхъ быть разумѣлъ не зычливыхъ собѣ, вытрити; другое, жебы оторватися отъ царского величества и учинити згуду съ королемъ полскимъ, бо того жъ часу при похоронѣ Хмельницкого старого былъ посломъ Бѣневскій, еще въ тотъ часъ уряду на собѣ не маючи, которого за малую рѣчу козаки не убили, и заразъ тому Бѣневскому усю зычливость свою открылъ Выговскій, и якимъ способомъ мѣтъ оторватися отъ царского величества, а знову згуду брати зъ королемъ полскимъ, и чога жадаеть отъ короля и речи посполитой. Не много тая постановова Выговского зъ Хмельницкимъ тривала; запомнѣлъ того скоро Выговскій, же старій Хмельницкій зъ неволѣ одного отъ Татаръ вызволивши, такимъ паномъ учинилъ, а не тядко его самого, але и усѣхъ докревныхъ его збогатилъ; бо тіе признаки разъ узавши у молодого Хмельницкого, т. е. булаву и бунчукъ, уже оному не отдалъ, але при себѣ задержалъ и почалъ драгунѣю збирати, также корогвы полскіе збирати, затагати. Що видачи Пушкаръ, полковникъ полтавскій, заразъ почалъ отказовати; але Выговскій, почавшися писати гетманомъ запорожскимъ, высылаеть полкъ Нѣжинскій и Стародубовскій у по-

вѣтъ Подтавскій на залогу, яко бы тое ускромляючи. Где по усей Полтавѣ тое козацтво стояло часть немадый, а далѣй збунтовавшися, назадъ вернудися. А гетманъ Выговскій на ускромлення Пушкарка послалъ соби корогвы затыговые. Итакъ якъ прійшли подъ Полтаву, то выйшовши Пушкаръ и тѣ корогвы затыговые погромилъ, розогналъ, и отъ того часу сталъ задоръ съ Пушкаремъ. И Пушкаръ, держачи зъ Запорожемъ, посылаетъ до его царского величества, даючи знати, же Выговскій самъ собѣ гетманство привлащаетъ и хоцетъ оторватися отъ его царского величества, а зъ королемъ полскимъ и зъ ханомъ крымскимъ згуду беретъ. Посылаетъ его царское величество боярина и оруженничого Богдана Матвѣевича Хитрого до войска Запорожскаго, жебы при нему войско гетмана себѣ выбрали и жебы гетманъ присягу выконалъ на подданство его царскому величеству, и жебы той запалъ межи войску ускромилъ, але едностайне жебы собѣ гетмана выбрали и тому повиновалися, якъ и старому Хмельницкому. Которая рада въ Переяславлю была; тилко на оную полковники зъ сотниками и зъ иншою старшиною зѣхалися, опрочъ чернѣ, и Выговскій боярина такъ словами лестивыми, яко и подарками, уконтентовавши, до того навернулъ, же оному гетманство подтвердилъ въ въ Переяславлю, любо на тое войско и не позволяло, бо полковникъ полтавскій Пушкаръ жадною мѣрою на тое позволить не хотѣлъ со всѣмъ своимъ полкомъ и, скупивши, полкъ ишолъ до Переяславля, жебы раду тую разорвати, але почувши, же юже гетманомъ

бояринъ Выговскаго учинилъ, подъ Лубнями сталъ, до котораго и бояринъ, повернувши зъ Переяславля, у войско прійхалъ и оному поблажилъ и особливыми подарунки отъ его царского величества отдалъ. Итакъ Пушкаръ, повернувши до Полтавы, не захотѣлъ послушнымъ быти гетману Выговскому и Запорожцямъ, отлучивши отъ гетмана Выговского, до себе привернулъ. Що видачи гетманъ Выговскій, же войско не усе его гетманомъ любить, потаемне чрезъ своихъ посланцовъ зъ королемъ полскимъ згуду починаетъ, также въ крымъ до хана пословъ своихъ о згодѣ высылаетъ, до того Орда зъ охотою й пристада.

ИДЕМЪ

РОКУ 1658.

Заразъ по Воскресѣнн Христовомъ, на святого Георгія, зъ Крыму выйшолъ Карамбей зъ ордами, въ сороку тысячей, подъ Чигиринъ и тамъ зѣхавшиися у рѣчки, званой Арлїй, два шхъ, Карамбей зъ Выговскимъ, на особномъ мѣсцу, на конехъ сидячи, мали розмову изъ собою годивъ на двѣ дзигаровыхъ и тамъ зъ собою, потаемне отъ усѣхъ полковниковъ, постановили противко кого мали тую войну поднести; а напотомъ гетманъ Выговскій до намету своего Карамбей зъ муразами упросилъ, и тамъ зо всѣми полковниками и иншою старшиною учинили згуду зъ Ордою, где самъ гетманъ Выговскій, обозный, сѣддѣ, полковники во всею старшиною и козаками, при нихъ будучими, присягу выконали на братерство, и тамъ собою банкетъ

учинивши зъ гарматы били. Того жъ дня Карамбей повернулъ на кочовиоко до Орды на Цыбульникъ, зъ которымъ гетманъ послалъ Романа Ракушку и Левкѣ Буту, сотниковъ нѣжинскихъ, при которыхъ Карамбей и мурзы со всею ордою присягу выконали на братерство. И заразы гетманъ послалъ до его царского величества, даючи знати о той згодѣ зъ Ордою, жебы яко противъ Ляховъ оныхъ замыгаеть и на ускромленне Пушкарѣ, которому Его царское величество довѣрилъ, бо и полковники не знали о томъ ежебы онъ мѣлъ отъ его царского величества оторватися.

И того жъ року, заразы о святомъ Николаи, гетманъ Выговскій зъ ордами и зъ полками козацкими подъ Полтаву наступилъ. А Гуляницкій зъ полками Прилуцкимъ и Чернѣговскимъ, идучи за гетманомъ, перше въ Лубняхъ Пушкарцовъ, которые ся были зачинили, штурмомъ узялъ, а напотомъ Гадячое облегда. Того жъ часу и подъ Глуховомъ наклика сотъ Пушкарцовъ выстивали. А гетманъ Выговскій, прійшовшы подъ Полтаву, сталъ неподалѣ, докучаючи Полтавцамъ. Где Пушкаръ, не чекаючи приступу Выговского, тысячей двадцѣти албо и больше зъ Запорожцами, вышповши изъ города, на святую Троицу рано, ударилъ на таборъ уломившися, юже и гарматы опановалъ былъ; але гетманъ Выговскій, на коня впавши, до Орды прѣбѣгъ и знайшовши Орду въ готовности, заразы зъ Ордою далъ своимъ помочи, же ихъ зъ табору выбили и, не допустивши до мѣста Полтавы, всѣхъ выстивали

и самого Пушкарѣ стили, же мало кто зъ того войска живымъ вышполъ, и Полтаву до щенту Выговскій спустошилъ. Того жъ дня и Гадяче Гуляницкій узялъ.

Того жъ лѣта подъ осень князь Ромодановскій съ Бѣлгорода зъ войсками великими, такъ московскими, яко и Козацкими, вышполъ на Украинну къ Пирятину, съ которымъ и Запорожцы и полки Полтавскій, Миргородскій и Лубенскій были. А напротивъ его вышполъ Гуляницкій съ полками Чернѣговскимъ и Прилуцкимъ, и дали между собою бой подъ Пирятиномъ. Итакъ муслъ Гуляницкій оборонною рукою уходити, которого у Варвѣ бояринъ князь Ромодановскій держалъ въ обложенно ведѣлъ шесть, ажъ Выговскій гетманъ зъ ордами далъ оному отсѣчь.

Бояринъ князь Ромодановскій сталъ зъ войсками на зиму у Лохвиць. Того жъ лѣта Выговского братъ Данило зъ полками козацкими сталъ подъ Кіевомъ на Щекавци, хотячи Кіева доставати; але бояринъ Шереметевъ тое его войско розогналъ.

Того жъ року гетманъ Выговскій взялъ згоду зъ войскомъ короннымъ, где и жолаѣровъ на кляка тысячей на зиму прійшло, зъ которыми гетманъ Выговскій ходилъ доставати Лохвицу и изъ ордами доставати князя боярина Ромодановскаго, але тамъ нѣчого не вскуравши, подступилъ подъ Зѣнковъ, зъ которымъ много козацства украинского было, и тамъ стоячи, много городовъ украинскихъ попустошили и, Зѣкова не

взявши, отступилъ до Чигирина, а жолитрство корогами по городахъ украинскихъ поставилъ, которые, ведлугъ своего авычаю, стацію брали; а черезъ послы свои козацкіе, т. е. Павла Тетеру и Грушу, о згодѣ трактовали.

шоеи

РОКУ 1659.

Бояринъ князь Трубецкій отъ его царского величества зъ войсками великими прислаждъ къ Путивлю, до которого и князь Ромодановскій зо всіми полками бѣлогородскими, князь Пожарскій и иныхъ много зъ войсками великими скупилась въ Путивлю, противъ которыхъ Гуляницкій зъ полкомъ Нѣжинскимъ и Чернѣговскимъ пошолъ и, тамъ споткавшись за Конотопомъ, давши зъ собою бой, и Гуляницкій, не додержавши, въ городъ Конотопъ вступилъ, которого бояринъ Трубецкій зъ великими войсками, которыхъ было боьше ста тысячей, облегли Гуляницкого въ Конотопъ, отъ Проводной недѣль ажъ до святого Петра держалъ въ обложенню недѣль зъ дванадцять, разными способами достаючи, такъ приступами частыми, яко подкопами и гранатами великими промышлѣ чинячи, а наостатокъ, хотячи коло города ровъ засыпати, валъ передъ собою войско гнало, у ровъ землю сыпачи; але тую землю обложенцы вылазками въ городъ Конотопъ носили и съ того себѣ валъ приболшovali; въ которыхъ-то приступахъ бояринъ князь Трубецкій много людей потратилъ. Того жъ часу князь Ромодановскій мѣлъ по требу съ полками козацкими подѣ

Бораною, где козаки не додержавши, мимо городъ утекли къ Нѣжину, а князь зъ войскомъ Борзны досталъ, однихъ порубали а другихъ въ полонъ выбрали и мѣсто спалили. Того жъ часу, майя 8 дня князь Ромодановскій зъ войсками великими подѣ Нѣжинъ приходилъ, съ которымъ войско козацкое, маючи зъ собою Татаръ тысячей дванадцать при ятлю ханскомъ Мамсиръ-мурзѣ, дали бой въ поляху, але не додержавши, козаки вступили въ городъ за гетманомъ наказимъ, а орда оборонною рукою въ поле на Лосиновку вступила, за которыми князь ишолъ, але ничего не вскуравши, назадъ вернулся подѣ Конотопъ. Того жъ часу гетманъ Выговскій, скупивши всѣ полки козацкіе и маючи при себѣ Нураднѣ султана, притягъ зъ войсками на Крупичполе, где и ханъ зъ великими потугами войскъ Орды прибылъ до него, юня 24 дил; и тамъ гетманъ Выговскій зо всею старшиною, а полковники и сотники зо всею черню, присягали хану крымскому на томъ, жебы его не отступать; тамъ же и ханъ зъ салтанами и усѣми мурзами присягалъ козакомъ, жебы ихъ не отступати въ той войнѣ, якъ ударится зъ войскомъ московскимъ. И такъ ти трактаты скончивши, просто подѣ Конотопъ потягнули и заразъ о въ подѣ Тмицѣ подѣздъ добрый выправили, где прійшовши на переправу въ селѣ Сосновцѣ, не малъ презъ цѣлый день мѣли потребу, где лзыка взяли, а людъ Московскій не досталъ лзыка, и на той переправѣ, въ мѣли доброй отъ Конотопу, заставу отправовали и тамъ того дня розійшлися. На другій же день зась, юля 28 дня, въ середу рано,

гетманъ Выговскій, войско вшиковавши козацкое и полскіе корогвы, просто на Сосновку рушилъ, а ханъ зъ Ордами на Пустую Торговицу рушилъ зъ людомъ переправнымъ до бою. И тамъ прійшовши гетманъ Выговскій до Сошновки къ переправѣ, засталъ великіе войска его царскаго величества, съ которыми былъ околничій князь Григорій Ромодановскій и князь Пожарскій и иныхъ много начальныхъ людей конныхъ и пѣшихъ, и на килка годинъ у той переправы велии бой былъ, але ханъ зъ ордами, съ тылу отъ Конотопу ударивши, оныхъ зламалъ, где за одинъ часъ болей нѣжъ на двадцать тысячей аабо на тридцать люду его царскаго величества полегло. А князь Ромодановскій зъ того бою здорово увойшоль, а князя Пожарского живо поймано, которого ханъ стративъ того жъ часу, скоро приведено, для того, жѣ хану домовлялъ.

Того жъ року іюля 29 дня и Гуляницкій зъ войскомъ въ Конотопѣ вооталъ волнымъ отъ обложенія, которыхъ толко было полтретъ тысячи. А князь Трубецкій, видлячи, же на войско трудно отъ Орды, таборъ справивши и войско вшиковавши, третого дня рушилъ съ подѣ Конотопу и такъ оборонною рукою ааь до Путивля прійшоль юже безъ шкоды. А гетманъ Выговскій зъ войскомъ зъ Ордами, отъ Путивля отступивши, подѣ Гадяче потягнулъ и, тамъ ставши, Орду съ козаками выслалъ въ землю московскую задля добычи и ижбы пустошили, и тамъ же подѣ Гадячемъ докончилъ згоды зъ королемъ полскимъ, на томъ поставивши, же самъ воеводою кiev-

скимъ былъ, а съ каждого полку козаковъ по килка сотъ до шляхетства имѣли быть приняты; также шляхта вся и козаки троухъ воеводствъ: Кіевскаго, Чернѣговскаго, Брацлавскаго, въ Кіевъ усъ суды и справы имѣли отпраовати, не задячи до Люблина, а нѣ тежъ до Варшавы на сеймъ; що и привидеями южъ иствержено было. Тогда жъ гетманъ Выговскій, тамъ стоячи, города и тіе, съ которыхъ козаки были при войску Московскомъ, акъ то: Ромень, Миргородъ, Венрикъ и иные, казалъ зганяти за Днѣпръ, а города попанати. Того жъ року тая згода зъ королемъ полскимъ розорвалася, бо гетманъ Выговскій, повернувши до Чигирина, войска распустилъ, ханъ у Крымъ повернулъ, набравши асыру, а корогвы зятаговы полскіе на станцію расположилися и въ полкъ Нѣжинскій и Чернѣговскій, надѣ которыми старшій былъ панъ Немѣричь. А Юрій Хмелницкій, жалуючи зневаги своей, же ему гетманство отнято, выслалъ за пороги слугу своего Бруховецкого до войска, просячи, щобъ выйшли. Того жъ року полковникъ переясловскій Цюцюра, хотячи себѣ гетманства, съ порады протопопы нѣжинскаго Максима и Васюты козака, изъ собою зѣрѣягшися въ полѣ зачалъ новую рѣчь, бо будучи старшимъ въ городѣ Перяславѣ и которыхъ козаковъ значныхъ, до себе зазававши въ артель по одинцемъ, казалъ повязати, а напотомъ и позабивати на смерть, и послалъ до Кіева до боярина и воеводы кіевскаго Шереметева людей, просячи, жебы ему далъ московскихъ, що и одержалъ, и заразъ того жъ часу, т.

6, сентября 1 дня, до Пѣжина козаковъ своихъ послалъ, юже на тое маючи змову зъ Васкоюю Зодотаренкомъ, а звлаща въ небытности Гуляницкаго полковника, который на тотъ часъ отѣхалъ былъ до Корсуна, аже сторожи не было жолнѣрской у брамахъ, увойшовши козацтво въ мѣсто, крикнули на людей жебы Ляховъ били. И заразъ посольство кинулося съ теми козаками и за годину всѣхъ жолнеровъ выбили; которыхъ было корогвій 5, нѣкого не щадячи, же не звыкли дати стаций жолнѣрамъ. А зъ Пѣжина заразъ по усѣхъ городахъ; где были въ Чернѣговѣ, Березной Менѣ и винныхъ. А рейментара ихъ пана Немѣрича, за Кобизчою подъ седомъ Свидовцемъ нагнавши, забилъ и хто при нему былъ; никого не живачи. И того жъ часу послали до Путивля до боярина и князя Трубецкого, жебы наступовалъ зъ войскомъ московскимъ подъ Пѣжинъ зъ войсками. Що видячи князь Трубецкій, же старшина козацкая до оныхъ прѣхала, такъ же и изъ Кіевъ маючи вѣдомость, же Выговского жолнѣровъ выбито; рушилъ просто на Пѣжинъ, и изъ Пѣжина выславши посланцовъ козацкихъ до его царского величества и своихъ, зъ войсками рушилъ подъ Переяславль. О чомъ почувши гетманъ Выговскій, выйшолъ у войско подъ Бѣлую церковь, хотячи полки купити, но оному послушенства не отдавали; ибо молодой Хмелницкій Юрій выйшолъ до войска, до которого ся привернули всѣ полки зъ волостми и Сѣрко зъ запорожцами. И тако мусѣлъ Выговскій, оставивши жону въ Чигиринъ, уходити въ Полщу, до которого

Кн. I. Отд. II.

козаки посылали по гарматы и знаки войсковые, що онымъ одни поодавалъ, а другіе зъ собою попровадилъ въ Полщу; которому надано Баръ и иные города въ Полщи. А войско, остановивши за Переяславлемъ московское, где скупился и усѣ полки заднѣпрскіе, и учинивши раду, едностайне на тое зезволившия, обоихъ сторонъ козацтво обобрали гетманомъ совершенно Юрія Хмелницкаго, которому гетманство здавали князь Трубецкій. И такъ заразъ зъ тоей рады воеводѣ постановили въ Переяславлю, Пѣжинъ и Чернѣговъ зъ войсками. А князь Трубецкій повернулъ зъ войсками въ Москву. А гетманъ Юрій Хмелницкій, прійшовши въ Чигиринъ, розказалъ доставати замку Чигиринского, въ которомъ сидѣла жена Выговского зъ своимъ людомъ и теми; хто былъ зычливымъ Выговскому; которыхъ достали и усю мѣстность порабовали; а жену Выговскому одослали на прозбу его. И такъ трохи успокоили Украину. А того дѣта въ Литвѣ войско литовское князь Долгорукій збилъ и гетмана литовского Каневского поймалъ и на Москву до его царского величества отпровадилъ.

ГОДУ 1660:

Въ Борисовѣ починается комісія, на которую и насъ козаковъ стягано, и былисмо, за сѣ тая комісія фортелемъ отправовалася; бо певне князь Хованскій зъ войсками его царского величества войско литовское розбилъ подъ Ляховичами и тамъ нѣподалеку сталъ:

5

Итакъ комисары полскіе, стоячи въ Мѣнску, уведили ажъ до Петрова посту, пославши по Чернецкого на Полоцкую, где прійшовши Чернецкій, тоє войско, застаючое зъ княземъ Хованскимъ, розбилъ, же мусили и комисаръ его царского величества зъ Борисова уступить, мѣчого неотправуючи комисіи, въ Петровъ постъ уступили; а Борисовъ сталъ въ обложенію. Тамъ же князь Долгорукій мѣлъ потребу того лѣта зъ Чернецкимъ, але розная война была. Могилевъ, воеводу убивши, Ляхомъ поддался и также и Вилна учинили.

Того жъ лѣта рада въ Кодачку была у Петровицю, на которой радѣ гетманъ Хмелнычѣнко зо всею старшиною и бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ былъ, и на оной поставили ити зъ войскомъ подъ Львовъ, а зъ Шереметомъ старшимъ Цюцюръ, полковниковъ перяславскому, и полкамъ Киевскому и прилуцкому; а Хмелничѣнко гетманъ зо всіми полками особно ити мѣеть, що и учинили: бояринъ Шереметевъ на Котелню поишолъ шляхомъ, а Хмелничѣнко гетманъ Гонгорійскимъ⁵⁷. Где войска коронные зъ Ордами гетмана Хмелницкого оступили и, тамъ маючи потребу, не дали ся скупити зъ шереметевыми, и мусѣли згоду приняти зъ войскомъ короннымъ и королевѣ присягнули зъ своимъ войскомъ, А тая згода стала подъ Слободищами. Итакъ усъ войска, якъ коронные такъ козацкіе зъ Хмелницкимъ и Орда потягнули къ Шереметовѣ, который юже былъ выишолъ зъ Котелнѣ, и Котелню спалили зъ живности-

ми. Где на пустынь облегли Шереметева окодо, не даючи ему покою, а подъ часъ сдѣюты осѣиней. Итакъ выдачи гетмана своего зъ войсками, почали водно отъ Шереметева отступати, и самъ старшій Цюцюра зо всіми козаками отступилъ и до войска гетмана своего Хмелницкого зо всіми козаками прихилился; що не безъ шкоды козаковъ было, бо инныхъ Татаре пошарпали, а инныхъ и въ неволю побрали. Що выдачи Шереметевъ, не уступалъ обороною рукою и що мѣлъ короля полского, ваявши Варшаву, провадити въ Кіевъ въ неволю, якъ собѣ тоє обѣцалъ, того не доказавши, самъ о згоду просилъ и чинилъ примирія, обещуючися звести войско съ Кіева. Итакъ згоду принявъ, але того не доказалъ, бо князь Борятинскій, который заставлялъ въ Кіевѣ, на тоє не позволялъ и войскъ полскихъ не припустилъ до Кіева зъ Шереметомъ. Итакъ Шереметева зо всімъ войскомъ ваято въ неволю до криму и инныхъ начальныхъ людей жолитрове розобрали, въ которыхъ выкуплялись зъ неволь. Итакъ знову Украина вся zostала за королемъ полскимъ, опрочъ Переясловля, Нѣжина и Чернѣгова зъ водостями, бо въ тихъ городахъ воеводы заставляли. А Переяславля Якимъ Сомченко наказнымъ гетманомъ присланный былъ, который одержался щире при его Царскому Величеству, яко и жолитрове войскомъ съ козаками и Татаре при Гуляницкомъ, на Заднѣпріи прійшовши, докучали, але по старому тіе три полки не давалися; а иные усъ полки подавалися, где и залогіи стали были, и жолитрове зѣмвали тую зиму по инныхъ полкахъ

почавши отъ Прилуцкого, по усей
Украинѣ.

■ ■ ■ ■ ■

РОКУ 1661.

У великій постъ войска коронные уступили зъ Заднѣпра, оставивши тилко козаковъ пѣхоту, але и тихъ усѣхъ повыганяли зъ городовъ Заднѣпрскихъ, и знову усе Заднѣпря зостало въ подданствѣ Его Царскому Величеству, а Сомко гетманомъ меновался, любо радою не обранный былъ; задя чо-го гетманъ Хмелниченко хана зъ Крыму зо всѣми ордами затыгъ и Переяславль держалъ въ обложенню зъ ордами и войскомъ козацкимъ и жолнѣрами, але своего не доказалъ, бо городъ Переяславль и винные оному не здавалися, а напотомъ на зиму повернулъ подъ Нѣжинъ, и Ханъ стоялъ въ селѣ Хорошомъ Озерѣ, а Хмелницкій съ козаками у селѣ Кропивной. Итакъ не привернувши Заднѣпра много полону побрали ажъ по-за Стародубомъ коло Гиблина и у Московщинѣ, и ханъ уступилъ по Боговвленію отъ Нѣжина посподу съ Хмелницкимъ воссл.

■ ■ ■ ■ ■

отъ

тѣ

РОКУ 1662.

Уступаючи ханъ и Хмелницкій зъ Заднѣпра, оставили козаковъ у Иркльвѣ и такъ около Иркльева, аже шкоды великіе чинили по Заднѣпрю. Околицій князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, скупивши войска, пошолъ къ Иркльеву и тихъ Татаръ по-

громилъ у Веремѣвцѣ, съ которыхъ мало увойшло за Днѣпръ, бо той погромъ былъ заразь по Воскресеніи, и Арклѣвѣ узали и спалили. Тихъ же святъ Сомко учинилъ раду въ Козельцѣ, и тамъ гетманомъ его козаки учинивши, присягли ему, тилко тое не тривало, бо тая рада стала неслухна для того, же послали до Его Царского Величества, прослечи о позволеніи зуподной рады, на которой бы и войско съ Запорожжя было, жебы одностайне гетмана оббрали и одного слушали, бо Запорожцѣ собѣ гетмана Бруховецкого звали, а полковникъ Нѣжинскій Васюта себѣ гетманства хотѣлъ и не слухалъ Сомка гетмана. На що коже Царское Величество позволилъ, жебы рада были и гетмана собѣ постановили; аже тая козельская рада стала неслухна, и гнѣвъ царскій сталъ. А до того епископъ Меводій, который на той радѣ былъ и до присягѣ приводилъ также и Васюта, полковникъ Нѣжинскій, описали Сомка гетмана, же конечно по орду посылаетъ, хотячи измѣнити, що была неправда, бо того жъ року и лѣта гетманъ Хмелницкій, затыгши орды часть и жолнѣровъ комоняка и пѣхоты, и изъ усѣми полками своими перебрывши Днѣпръ, подступилъ подъ Переяславль и оного доставалъ часъ немалый, але ничего не вскуралъ бо тамъ было войско царское и козацкое при Сомку, которые може оборонилъ. И того жъ часу околицій князь Ромодановскій, скупивши войско и Нѣжинскій полкъ при собѣ мамочи, просто къ Переяславою потягнулъ зъ войскомъ, где Татары, приставши на свѣтанню подъ войско подъ Пи-

ратинномъ, узяли языка московскихъ людей и сами на око войско видѣли, прійшовши до войска, дали знати Хмелницкому о тихъ силахъ, которыя идутъ на него: що Хмелницкій, собою стривоживши, отступилъ отъ Переяслава и потагнулъ къ Днѣпру подъ Каневъ, и не дойшовши Канева, надъ Днѣпромъ, мѣнувши городище, противно села окопався. А князь Ромодановскій, пославши комонникомъ за тимъ подъѣздомъ татарскимъ, за которымъ гонидисьмо ажъ до самой Оржицѣ, аже Татаре полегчившися, тую переправу перейшли и, нечичаючи жадного одвороту, уходили мимо Яблуневъ, где барзо злые переправы, и мусьдо войско повѣгомъ ити, и переправивши Супой, сталисьмо, где посланцы гетмана Сомка прійшли; даючи знати объ отходѣ Хмелницкого отъ Переяслава, за которыми подъѣздъ добрый выслали, аже дано отъ подъѣзду знати, же рушилъ отъ городища князь Ромодановскій со всѣмъ таборомъ къ Днѣпру мимо Переяслава, где наказный гетманъ со всѣмъ войскомъ выйшолъ зъ Переяслава и, изкупившися зъ княземъ Ромодановскимъ, просто пойшли тропою гетмана Хмелницкого. Аже Хмелницкій юже сталь таборомъ окопавшися, выперьъ подъѣздъ и гналъ на полмилѣ, але войско ишло въ справѣ. Козаки Хмелницкого назадъ уступили къ своему табору, бо юже Татаре, составивши Хмелницкого, за Днѣпръ переправидиса и пойшли у свою землю. Где войско окодничого князя Ромодановского просто таборомъ наближидоса на таборъ Хмелницкого, якъ можно ся бити зъ гарматы, и комонникъ козацкій зъ

обоихъ сторонъ далъ бой отъ поля, съ тоей стороны отъ бору. А Якимъ Сомко съ пѣхотою козаковъ своихъ, также изъ Москвою, просто противно табору ишолъ, где великаа война точилася зъ обоихъ сторонъ, которая тривала годинъ полтретѣ, а напотомъ, якъ наступилъ князь Ромодановскій зъ комонникомъ ушакowanymъ, такъ копійнымъ, рейтарією, якъ и инымъ огнистымъ, заразы войско Хмелницкого тылъ подади, которые ся юже болше и поправити не могли, але мимо таборъ къ Днѣпру скочили, а иные съ Хмелницкимъ до бору. Що выдачи пѣхота нѣмецкая, же тѣ въ Днѣпръ скочили и такъ Днѣпръ наполнили, же за людомъ мало и воды знати было, въ углѣ табору заперлися и не здалися, которыхъ тысяча было, ажъ усѣхъ выбито. И такъ тамъ згибло войска зъ руки Хмелницкого, такъ козаковъ, якъ и Ляховъ, тысячей болше двадцати, же ажъ отъ смроду къ Днѣпру трудно было приступити, а иный трупу ажъ на Запороже заносило. И такъ Хмелниченко людь погубилъ и таборъ совсѣмъ утратилъ, а самъ не у великой купѣ на Черкасы увойшолъ. А иные козаки, которые переплыли Днѣпръ, нагѣ до домовъ ишли; а жолнѣровъ у Днѣпра били, а который переплывъ, то и зъ тихъ мало хто увойшолъ. И такъ козаки, Каневъ опановавши, многѣ шкоды чинили въ Корсунко и по иныхъ городахъ, мѣстахъ и сѣдахъ.

А тая потреба была мѣсяца іюля 16 дня. По той потребѣ войско козацкое, выдачи, же Якимъ Сомко, нащадяча здоровья своего, ишолъ зъ войскомъ и добрымъ при-

водцею былъ, хотѣло учинити совершеннымъ гетманомъ, аже епископъ Мееодій, на тотъ часъ тому заздросяти, а Васюта, полковникъ дѣжинскій, себѣ хотячи, упросилъ князя Ромодановскаго, жабы найскорѣй ишолъ подѣ Черкасы, не дождаючи Якима Сомка гетмана, который на radoщяхъ гулялъ зъ козаками. А тое спріалъ писарь Сомковъ, же Васюту, который потаеице перенати былъ отъ Васюты, и той почувши, же конечно рада мѣсть быти на подтвержденія гетманства Сомковъ, аже и козаки и полку Нѣжинского на тое схилялися. Итакъ князь Ромодановскій, не ожидаючи пріѣзду Сомковаго, зъ Переяслава рушилъ зъ войсками московскими, при которомъ и Васюта зъ полкомъ Нѣжинскимъ пошолъ, и иные усѣ полки оставивши, до которыхъ Сомко пріѣхавши, аже не засталъ князя, до Канева рушилъ, по Заднѣпру не малую увявши здобычь, въ цѣлости повернули къ домоу, уставивши полковника Лизогуба въ Каневъ. А князь Ромодановскій, прійшовши къ слободцѣ Богушковой и войско перебравши, послалъ товариша своего, столника Приклонского, который, переправивши Днѣпръ, подступилъ подѣ городъ Черкасы, которому Черкасы здалися. Итамъ будучи въ Черкасахъ, наставили полковникомъ зъ своей руки Михайла Гамалѣю, и немного цю оставивши Москвы, столникъ Приклонскій зъ войскомъ ишолъ внизъ Днѣпромъ, зближаючи къ Чагирину, ажъ до Божина притагнулъ, тое схиляючи. А князь Ромодановскій симъ бокомъ Днѣпра ишолъ внизъ и тамъ же противно Бужина сталъ надѣ Круковомъ. Але тое счастья вновь ся

отминило, бо гетманъ Хмельничѣю, прібывши въ Чагиринъ, того жъ часу послалъ къ Ордѣ, якую посланцѣ застали готовую Орду въ поляхъ, и заразъ поспѣшилъ салтанъ, укиданадцать тысячей перебранной орды, прішолъ до Чагирина. О чомъ уведомилися столникъ Приклонскій, рушилъ зъ Бужина къ перевозу, и тамъ омыхъ напала Орда, и оборонною рукою до самого перевоза ишли таборомъ и мало цю утратили. Тилко жъ напѣ людѣ восталый, оставивши таборъ, черезъ Днѣпръ въ плынь пошолъ, тилко поромомъ перевезали, цю Татарѣ ажъ у Днѣпръ за Москвою угнали, але зъ берега стрѣлою зъ гармать и дробною оныхъ отбивали, бо вода мала на тотъ часъ была. Итамъ, болше не бавлячися у Днѣпра, пошлалъ зъ Приклонскимъ къ Лублямъ. А Хмельничкій, не могучи переклосской шкодо себѣ наградити и укрѣпитися, отдавъ гетманство Тетерѣ, а самъ въ черциѣ постригся.

Между тѣмъ Запорожскіе козаки въ радѣ своей самовольно Бруховецкаго украинскимъ огласили гетманомъ и писменню Его Царскому Величеству рекомендовали. По челобиттю же Мееодія епископа и Васюты, указавъ Его Величество кого хотя волиими голосами избрати на гетманство, и подѣ сее время Бруховецкому, зъ Запорожа до Гадача прішедшему, которые великое пошанованне отъ Царя мѣли и чого хотѣли, то у его одержали. Итамъ Бруховецкій, икъ першой намешидося, вышолъ зъ Запорожя зъ козаками въ килка сотъ, которого князь Ромодановскій вдачне прінялъ и при икъ сталъ, же тая уся Украина по Ро-

мень оныхъ слушала, отступивши отъ Сомка гетмана. А полковникъ нѣжинскій Василь, будучи уведенный обѣтницею гетманства отъ Запорожцовъ, которые, прѣвзяючи зъ Запорожца и выдачи хтивость отъ его того уряду и зъ ошуканьями его подводичи, задалъ узяття подарковъ, жебы яко его войско на Запорожцѣ хотять гетманомъ настановити. А онъ, яко простакъ, а маючися добре, нежалучи добре даровалъ, а Сомка гетмана, яко могучи, удавалъ и на Москву описовалъ, за которымиъ его уданьямъ оба zostали у великомъ подозрѣнїю и неласцѣ на Москвѣ. Аже выдачи полковникъ нѣжинскій, же Бруховецкїй, выйшовши зъ Запорожца, жадной карты до оного не пишеть, отъываючися зъ якоу приязню, вымыслилъ былъ самъ вхати до Гадача и, зобравши товариство значное въ Батуриинъ, и тамъ хотѣлъ тѣхъ людей выгубити, которые оного отъ злого отводили, жебы не удавалъ Сомка, и межи собою гетмана настановили, и тое оному перовадовали, же Запорожцѣ не со всѣмъ добрымъ на старшину городовую жичать, якъ то у нихъ звычай давнїй. Аже по вблѣ его не сталося, бо пѣхота, которую онъ на тое былъ впровадилъ и наустилъ, бо сердца отвернулъ отъ невинныхъ людей, же на него самого повстали и замалымъ его не убили, же заледво тое усхромшили и изъ Батурина послалъ подарки до князя Ромодановского, жебы руку держалъ, также и вывѣдучися въ томъ, ежели Запорожцѣ что будутъ о томъ мовити, жебы оному гетманомъ бути. Аже посланцѣ застали князя Ромодановского у Зѣнковѣ, где и Запорожцѣ на тотъ часъ у князя были, ко-

торый подарунокъ оного въ смѣхъ князь принялъ, яко тотъ человекъ уже и своего много мветъ. А Запорожци зась подпивши, свой замысль явне открыли, же на усюю старшину городовую великія похвалки оныхъ выбити, а найболшей на Сомка и Васюту, полковника нѣжинского, которые посланцѣ повернувши, оному ознакомили, же порожняла оному надѣя на князя и Запорожцовъ, же зле мыслять, не тилко гетманомъ быти, але и здоровю его и худобѣ совѣтуютъ. И въ тотъ часъ почалъ стараться о прїизнѣ зъ гетманомъ Сомкомъ, которую учинили и, зазвавши полковниковъ и сотниковъ и козаковъ значныхъ до Ичнѣ, присягу выкомали въ церквѣ рыноковой на гетманство Якимовѣ Сомковѣ, и тотъ же Васюта присягалъ и иныхъ примушалъ, але юже не въ часъ, бо зопсовавши, не скоро поправити, цю удавалъ Сомка змѣнникомъ и незмычливымъ Царскому Величеству, то и самъ въ томъ zostалъ тою присягою. Итакъ тое превъ цалую зиму копотилося: едни при Бруховецкому zostавали, якъ то: полкъ Полтавскїй, Зѣнковскїй, Миргородскїй, а при Сомку zostавали полки: Лубенскїй, Прилуцкїй, Перелесловскїй, Нѣжинскїй и Чернѣговскїй, и на томъ постановили, жебы чорная рада была ^{зъ}.

ИТОГИ

ГОДУ 1663.

Заразъ по веснѣ заводится на новое лихо, чего за иныхъ гетмановъ не бывало, то есть Чорной рады; а то заразъ фортелїовъ заживаеть Бруховецкїй и докучаеть его царскому величеству,

о той радѣ просити, жебы кого зволнилъ его царское величество на тую раду послати. Итакъ на жаданія Запорожцовъ и тихъ полковниковъ, которые ся привязали до Бруховецкаго, высылаеть его царское величество околичного князя Великогагина³⁹ и столника князя Юсифовича Хлопова⁴⁰, о которыхъ аближенно вѣдючи вѣдомость Бруховецкій, зарезъ выйшовши въ Гадачого, простуетъ въ Батуринъ, переймаючи тихъ посланныхъ отъ его царского величества, а своихъ розсылаеть по всѣхъ полкахъ въ писмами, жебы все посольство стаглося подъ Нѣжинъ у раду и Нѣжинъ рабовати. На которые писма що живо рушили въ домовъ не только козацтво, але усе посольство, купчися полками. А гетманъ Сомко, козаковъ значимыхъ въ полковниками скупивши, притягъ подъ Нѣжинъ, где и полковникъ нѣжинскій увесъ подкъ былъ и Стародубовщина. Але тое собранія Сомково нѣ на що обернулося, поневажъ юже Бруховецкій дѣшную ласку въ Запорожцами мѣлъ у его царского величества, а то за стараніемъ епископа Меодія, которого Бруховецкій запобѣгъ подарунками и обетницами ровными, яко то люде звыкли дарами уводитися. Итакъ въ другой стороны мѣста Бруховецкій, зыйшовши въ околичимъ Великогагинымъ, въ которыхъ не мало люду военного царского величества было, подступили подъ мѣсто войска немалые, а найбільше посольства. Где Москва, не баявчися въ полю, увойшла уса въ городъ Нѣжинъ и стала по господахъ въ обохъ мѣстахъ — старомъ и новомъ, и постоявши кляка дней, у которыхъ

начальныхъ людей, то есть въ околичного, запрошомый Сомко гетманъ и Бруховецкій въ старшинами оповѣли онымъ о зволненію его царского величества, же, по жаданію и прошенію усѣхъ козаковъ, зезволнивъ быти чорной радѣ на обранія одного совершенного гетмана, чому любо Сомко, яко юже маючій гетманство отъ подручныхъ собѣ полковниковъ и сотниковъ и козаковъ подтвержденное присягою ново у Ичнѣ, спречали тоей радѣ, але же бошла была купа при Бруховецкому во всѣхъ полкахъ, мусѣли на тое позволить, исподѣваючися того доказати, же при нему старшина стоить. Итакъ зложили чашъ радѣ юня 17 дня, зарезъ ваступивши въ постъ Петровъ, на которую раду такъ постановили были, жебы въ тую раду ити пѣшо безъ всякого оружя, и за мѣстои рѣшито наметъ великій, на тое присланный отъ его царского Величества, при которомъ наметъ и войско московское стало въ оруженъ задала униманія своеволь, але тое мало що помогло. Якъ вдарено въ бубны на раду, Бруховецкій, ведлугъ постановы, пѣшо войско припровадилъ къ намету своей стороны на тую раду, а Сомко не зозволися: и самъ и усѣ козаки, при нему будучіе, яко люди достойные, на коняхъ добрыхъ, шатию и при оруженю, якъ до войны, тоей интенціи будучи, же еслабы не веддугъ мысли оныхъ рада станивчтися бы мѣла, то межи собою битву мѣти, бо при таборѣ Сомковомъ и гарматы было не мало; але тое нѣчого не помогло, поневажъ Запорожцѣ, ласкою его царского величества упевнены, и скоро тая рада стала и боляринъ вый-

шоль зъ намету и почалъ чѣтати грамоту и указъ его царского величества, не дано того скончити, а нѣ олухаючи писма царского величества, зъяръзъ крикъ стался зъ обохъ сторонѣ о гетманство: одни кричатъ Бруховецкого гетманомъ, а другіе кричатъ Сомка гетманомъ и на столець обохъ сажають, а далѣй межи собою узаяли битися и бунчукъ Сомковъ сламали; заледво Сомко выдрался презъ наметъ царскій и допалъ коня и иная старшина, а пныхъ позабывали до видка челоуѣкъ. Итакъ сторона Сомкова мусѣла уступати до табору своего, а сторона Бруховецкою на столець всадили Бруховецкого, зопхнувши князя, и гетманомъ окрикнули, давши оному булаву и бунчукъ въ руки; що заледво и нескоро той галасъ ускромился. Але того часу князь Великогоагинъ не подтверждалъ гетманства Бруховецкому, бо и до себе прійти не могъ за великимъ шумомъ межи народомъ. Итакъ Бруховецкій зъ тими знаками пошолъ до своего табору, где стоялъ надъ Остромъ у лѣтъ Романовского. А Сомко выѣхалъ до своего табору, уже не маючи бунчука а нѣ булавы, бо тое Запорожцѣ выдрали оному. Зачимъ войско почало Сомково собою тривожити, отступаючи Сомка, либо Сомко послалъ зъ тими до князя, же на той радѣ зъ войскомъ своимъ не прістаетъ и Бруховецкого гетманомъ не примуеъ, и ежели знову не будетъ рада, и жебы Бруховецкій положилъ знаки войсковые, то отходитъ зъ своимъ войскомъ къ Перяславлю и знову до его царского величества слѣти; же гвалтомъ гетманство дано Бруховецкому, которого войско не пріймуеъ. Що

видичи князь тое разорванна и обавляючися, жебы зъ того не врасло що зло, знову на третій день тую раду складаеъ и приказуеъ Бруховецкому, жебы въ тую раду прійшовши, знаки войсковые подожиатъ, жебы уся старшина уступила до рады до намету, а чернѣ войско жебы гетмана наставляли, кого улюблять; чому барво Бруховецкій спречался; ажѣ видячи, же князь почалъ на Сомкову руку склонитися, которому старшина порѣдила, жебы не будучи зупротивнымъ здала ненарушеніа ласки его царского величества, тляко жъ жебы не йдучи къ намету, где войско стояло московское, але межи своимъ войсками тую учинили раду, на що и Бруховецкій позволявся, але несталоотъ нашихъ людей тое поѣшала, бо вожаки стороны Сомковой, отступивши своей стороны старшины, пожапавши корогвы каждая сотня и до табору Бруховецкого прійшли и поклонилися и отвернувши, зараеъ напали возы своихъ старшинъ жаковати. Що видячи Сомко, зъ полковниками своимъ и иною старшиною, впавши на конѣ, прібѣгли до намету царского до князя, сподѣваючися помощи и обороны своему здоровю, которыхъ зрразъ князь зо всѣмъ отослалъ въ замокъ Нѣжинскій. Того жъ часу усе у нихъ поотбѣрано: конѣ, ристунни, сукнѣ, и самихъ за сторожу дано. А Бруховецкій зо всѣмъ войскомъ прійшолъ къ намету царскому, которому уже князь здавалъ зъ своихъ рукъ булаву и бунчукъ, подтверждаючи гетманство, и попровадилъ въ соборную церковь святого Николая, где присягу выконалъ Бруховецкій зо всѣмъ вой-

скомъ , и выйшовши зъ церкви , того жъ дня своихъ полковниковъ понастановлялъ зъ тихъ людей , которые зъ нимъ вышли зъ Запорожа по усъхъ городахъ , а Нѣжинскій полкъ на три полки раздѣлялъ . При которомъ настановляваню полковниковъ много козаковъ значныхъ чернь позабывала , которое забойство три дни гривало . Хочай якого значного козака забили или человекъ , то тое въ жарть повернено . А старшина козаки значные якъ змогучи крылися , где хто моглъ , жупаны кармазиновые на сермаги минляи . Итакъ тое забойство третого дня почало ускромлятися и заказъ сталъ , жебы юже правомъ доходилъ , хто на кого якую кривду шветъ . Тихъ засъ полковниковъ , которые у замку нѣжинскомъ зоставали у вязенню , усе пожаковали и въ домахъ мадо що востало . Того жъ дня , якъ тая рада стала , мѣсто Ичня , въ которомъ рада была , и церковь тая , въ которой Сомковъ присягали на послушенство гетманское , усе згорѣло до знаку тоей же години , якъ Сомка взято до вязения . Гетманъ Бруховецкій , одержавши цале гетманство , выслалъ послевъ до царского величества большей ста человекъ , дакуючи за урядъ гетманства , же одержалъ , и на Сомка зъ его полковниками , которые сидятъ въ нѣжинскомъ замку , нѣкоторые рѣчи змысливши объ ихъ неизчливости къ царскому величеству , чога и не было ; также и епископъ Месодій протопопу подалъ , при тихъ же посланныхъ , отъ себе , стараючися о ихъ згубѣ . Чому царское величество повѣривши , здалъ ихъ на судъ войсковыхъ , которыхъ потратити , а

Кн. I. Отд. II.

иныхъ живити , толко у ссылку зослати въ Москву . И гетманъ Бруховецкій , рушивши отъ Нѣжина , ропустилъ новопоставленныхъ полковниковъ тихъ , которые зъ нимъ зъ Запорожа вышли , по усъхъ столечныхъ городахъ , придавши каждому полковниковъ по сто человекъ козаковъ , которымъ по усъхъ полкахъ жупаны давано , а зъ млиновъ сами розмѣры брали и куды хотѣли оборочали , людемъ засъ несносную обиду чинили , а зланица значнымъ , бо были межи ними , который служилъ у якого человека значного , то юже свое зомщовали на господаряхъ , ежели которого якого часу за якій проступокъ побилъ або злалъ , якъ всяково въ дворѣ бываетъ .

Того жъ лѣта подъ часъ тоей рады у Павлочи перше былъ полковникомъ Иванъ Поповичъ , а напотомъ сталъ священникомъ ; аже оному чинили укоризну жида и иные , знову хотячися привернути до Кіева , знову узался за полковничество и жидовъ казалъ усъхъ выбити , толко жъ оному не дано помочи зъ Кіева и Сомка узато , на которого мѣлъ надѣю . Итакъ пришло войско отъ Тетери гетмана , и оный , не хотячи мѣста згубити , здался , которого страчено ; бо тие посланцы отъ того паволоцкого попа до Бруховецкого удался о помочъ , аже оный ничего не далъ помочи Павлочи , а рушивши зъ подъ Нѣжина у Черясловде , и тамъ стоялъ зъ войскомъ у Креста ; на которого Татары приходили , але нѣчого не вскурала . И за другимъ разомъ Татары того жъ лѣта вышли , але козаки оныхъ добре громили , нагнавши у Дишпръ у Веремѣвци , где ихъ много по-

6

тонуло и нѣчого жадного ясыру не унесли. Гетманъ Бруховецкій, зъ подь Переяславля рушивши, потягнулъ подь Кременчукъ того жъ лѣта подь осень, где ставши мѣсто Кременчукъ спаливъ, але стоявши немало, зоставалъ гетманъ въ цѣлости, а зъ козаками уступилъ до Гадячого, а то для того, же узялъ вѣдомость, яко король польскій Янъ Казимѣръ надъ сподѣванна на Украину простуетъ на Браславле. Тоей же осени въ Филиповъ постъ присланный былъ отъ его царского величества дякъ Башмаковъ тайныхъ дѣлъ въ Батуринѣ до гетмана Бруховецкого, где, по разныхъ постановленіяхъ, до присяги приводилъ гетмана и козаковъ въ Батуринѣ. Але наступованна королевское иные пакта помѣшало, бо король его милость зближилъ къ Днѣпру и переправлятися сталъ у Ставкахъ, которому городки почалися здавати: Вороновъ, Борисполе и Борисовка и иные до Остра. И у городѣ Острѣ король сталъ зѣмовати, а войска по розныхъ городахъ коло Нѣжина, бо усѣ города поздавалися королевѣ, опрочъ самихъ Переяславля, Нѣжина и Чернѣгова.

Вступаячи въ осень, о святомъ Симеонѣ, того лѣта, за позволеніемъ его царского величества, казалъ гетманъ Бруховецкій постигати гетмана Сомка и Васкоту, полковника нѣжинского; а полковниковъ чернѣговскаго, переясловскаго и лубенскаго и иныхъ, таможь асауловъ, завезено на Москву, которыхъ на Сибирѣ послано немало старшины козацкой; а которые позоставали, то на пѣхоту запорожскую давали жупаны. Барзо цритуга на людей великая была.

✠

РОКУ 1664.

Король польскій стоялъ въ Острѣ мѣстѣ, а Гуляницкій зъ Чернецкимъ ходилъ города приворочати, которыми поздавалася уся Украина, бо ишлоъ Богуиъ нажавнымъ гетманомъ зъ козаками, которому ся здавали города и заравъ зъ нимъ до войска ишли, тилко Монастырище мѣстечко не хотѣло ся здати, и тамъ впавши жолнѣрство зъ козаками, усе зграбовали, а иныхъ въ полонъ Татарѣ побрали, що не могъ оборонити и полковникъ Итсоцкій, который, уже здавшися, зъ войскомъ людскимъ былъ. И у Прилудѣ уже отъ гетмана Тетерѣ залога стала и туды вся дорога Ляхамъ была на Ичю, Нѣжинъ объѣзжавочи.

Того жъ року король польскій Иванъ Казимѣръ, перезимовавши въ Острѣ и уже тамъ наддуштивши, войска и Татарѣ до себе затагнувши спотребу, на початку того року великихъ мясницъ, учинивши раду, не поишлоъ подь Нѣжинъ, бо войска его царского величества не мало было и замокъ осаженъ порядне, также въ городѣ козацтва было много: подь Нѣжинскій и Зѣнковскій и волости иные, и не хочачи подобно мѣсто агубити, бо замку трудно узяти зъ людомъ его царского величества. И такъ, зоставивши Нѣжинъ, рушилъ зъ войсками своими королевскими на Олишевку и, приїшовши до Салтыковой Дѣвицѣ надъ Десною рѣкою, которая не хотѣла ся здати и поклонити, приступомъ доставали, где не мало жолнѣрской пѣхоты легло, килка днѣй достаючи. Аже напотомъ

люде, въ осады сидячіе, видать, же трудно выдержати, бо юже мѣсто заставили, тилко въ самомъ замочку, — просили о милосерда; а любо обещаши показати надъ ними милость, еднакже не додержали, бо, упавши въ замокъ, многихъ постынали, а иныхъ въ полонъ Татарѣ побрали, въ нѣвѣць обернули. Зъ июль Дѣвизи подѣзды ходилъ подъ Березную, аже тамъ полковникъ сосницкій стоялъ зъ новакими, не приворочалъ король, ку Менѣ простовалъ, которому Мена поклонилася, также Сосница, Новые Млины; а козакомъ Богунѣ Борзна здалася зъ полкомъ Лубенскимъ съ домовъ своихъ зоставчихъ при Богуну въ войску королевскому, и полковникъ поклонилася и Борзну мѣсто здалъ, которымъ кривды не было. И такъ тѣ зъ войска скупилася до боку королевского въ Новые Млины, и оттуда подъ Батуринь былъ подѣздохъ, а осматрѣвши фортецію, же мощна и люду немало военного при гетманѣ Бруховецкомъ, такъ козацкого, яко тежъ и московского, бо языка узали, же оныхъ зъ трудностію узати, але до Фолварковъ не допущаетъ, рушилъ король зъ силами подъ Коропъ, где оному поклонилася; зъ подъ Корона до Кролевеця, и Кролевецъ поклонилася; въ которыхъ городахъ залогъ свои король розказалъ класти, а самъ простовалъ подъ Глуховъ, мѣсто пограничное, которое жадною мѣрою не хотѣло ся здати, где стоялъ недѣль пять, розные промыслы чинячи, штурмуючи, подкопами, и нѣчѣго не могли вскурати, тилко волости московскія попустошили ажъ поза Корачевомъ и города жадного не взяли. Въ томъ столицю подъ Глухо-

вомъ войскомъ королевскимъ, же зинній часть, туудно стаде на живность, такъ зтому войску, яко тежъ и конѣ зморены голодомъ; войско барао ослабѣло. А тимъ часомъ войска его царского величества приближилися. Околничій князь Григорій Григоріевичъ Ромодановскій, зъ полками ему врученными бѣлгородскими, притягнулъ въ Батуринь, а иные бояре зъ великими силами стояли на границѣ: князь Куракинъ зъ Путивлѣ и бояринъ князь Куденковичъ Черкасскій въ Брянску. Тилко жъ тѣ князѣ не наступали зъ разу на короля того, не зная, для чего, а то подобно здалъ того, же еще подъ тотъ часъ князь Ромодановскій урядъ меншій мѣлъ на себѣ, околничимъ будучи, а тѣ князѣ боярами ближними зоставали и за для того до князя Ромодановского не купилася. Але князь Ромодановскій, прійшовши въ Батуринь и искупивши зоставшихъ козаковъ до гетмана Бруховецкого, которому знову города почали ся схилати — Борзна, Новые Млины, также и Коропъ, о который любо зъ Татары бой не малый былъ, также и Кролевецъ, где скарбу королевского немало узали; бо князь Ромодановскій, не бавачися въ Батуринь, зъ войсками рушилъ просто къ табору королевскому, о чомъ взявши языка, перво Татары почали уступати зъ Сивера, а напотомъ и король, собою стравоживши, зъ подъ Глухова вступилъ на Новгородокъ Сѣверскій, зъ которымъ князь Ромодановскій и гетманъ Бруховецкій мѣли потребу въ Перегѣвци подъ Новгородкомъ, а Новгородци не пустили короля въ городъ, але стоялъ король у монастырѣ новгород-

скомъ, а войско [зъ войскомъ на Деснѣ спотыкалося, бо юже король Десну переправилъ былъ, а рѣка юже почала псоватися: наступовало тепло. Где еслибы тѣ силы зъ Путивля до князя Ромодановского наступили были, заледво бы былъ король увойшоль отъ Десны; а итакъ много войска потратилъ, зъ голоду наиболше. Где надвое войско пойшло: воевода Чернецкій къ Чернѣгову потягнулъ, а король на Стародубъ, простуючи къ Могилеву на Бѣлую Русь, где много люду потратилъ, бо отъ Бранска князь Яковъ Куденковичъ наступилъ, и такъ войско рвали, а звлаща, же дорѣгою тѣсною простовали ку Кричову на млинъ, где зъ великою шкодою уступилъ король зъ Украины, большой колотнѣ начинивши, бо тѣ города трудность мѣли великую, которые королевѣ поздавалися были, где много старшинѣ Бруховецкій потратилъ.

Того жъ року Иванъ Сѣрко кошовый выйшоль зъ Запорожа изъ нимъ козаковъ немало, а то подобно за посельствомъ Ивана Выговского, бывшего гетмана запорожского, и обозвавшись нѣякійсь Сулима, искупилъ не мало голоты въ Уманскомъ повѣтѣ, оставивши Сѣрка, пойшоль до Лысянки, которому Лысянка здалася и Ставища, где прійшоль подъ Бѣлую Церковь, беручися до боку Выговского. Але Чернецкій зъ Маховскимъ не дались онымъ скупити, того Сулиму подъ Бѣлою Церквою розгромили, где и Сулима згинувъ, а напотомъ и Выговского взяли, которого Маховскій полковникъ казалъ розстрѣляти, не дбаючи, же воеводою былъ. Итакъ Выговского гетманство скончилось.

Того жъ року и митрополита Болобанъ въ Корсуню померъ, а на его мѣсце обрано Юсиѳа Тукалского, але и тамъ нещирость была, бо на митрополию садился Антоній Виницкій, которого руку держалъ гетманъ Тетера, а нишоѣ духовенство и шляхта отца Тукалского руку держали; але перемогль гетманъ Тетера, бо удалъ до короля его милости отца митрополиту Тукалского и своего швагра Хмельницкого, бывшего гетмана, также и Гуляницкого, бодчися гетманства стратити; которыхъ король казалъ побрати и на заточеніе послати до Мальборку, мѣста въ Прусахъ, где роковъ два сидѣли у вязеню.

Того жъ року, заразы по Воскресеніи Христовомъ, гетманъ Бруховецкій скупилъ усѣ полки заднѣпрскіе и, маючи зъ собою княка тысячей Москвы, рушилъ зъ подъ Переяслава къ Черкасомъ. О чомъ почувши гетманъ Тетера, и видячи незычливість противно собѣ козацкую и усѣхъ людей, забравши усѣ скарбы войсковые, що старій Хмельницкій збиравъ и новы гетманы, и клейноды войсковые, стада и товары, выйшоль зъ Чигирина до Браслава, зо всѣмъ провадился, зъ жемою, а напотомъ видячи, же юже уса Украина противно къ ему бунтуется, и сподѣваючися на ласку королевскую, же оному тамъ не мало указано маетностей, рушилъ изъ Браслава зъ скарбами, которые могль подняти, въ Польшу, а иные оставилъ у Браслава не мало грошей срѣбра, где прійшовши кошовый Сѣрко, усе тоѣ пожакowali зъ козаками; а и тоѣ, що запровадилъ Тетера въ Польшу, и тамъ

тое павобе фортедемъ выбирали у него, же прійшолъ до великого убоазства и утѣкати мусѣль до Волохъ. Гетманъ Бруховецкій, переправляючи Днѣпръ у Сокирной, послалъ напередъ до Черкасъ Гамалѣнка, полковника лубенского, зъ войскомъ, который у Черкасы увойшовши, зрабовавъ и спаливъ; где иные города узавши, чрезъ страхъ присылали, здаючиися гетману Бруховецкому; и изъ самого Чигирина были посланцѣ, гдѣ якъ на певное ишолъ до Чигирина, але тое ошукало, бо длюбо иные города поздавалися, еднакже были таковыя люде, которые дали знати до Чернецкого; где Чернецкій прислалъ килка корогвей жолнѣровъ у Чигиринъ, зъ которыми Чигиринцы противно гетмана Бруховецкого мужне стали и килка недѣль боронилися, длюбо не мало приступовъ было, также и гранатами докучали. Где Тетера гетманъ, затагнувши Татаръ, ишолъ на оборону Чигирина. О чомъ увѣдомившися гетманъ Бруховецкій, отступилъ отъ Чигирина ку Бужину, где занялся зъ Сѣркомъ; и тамъ гетманъ Тетера зъ Ордою и жолнѣрами налегаль барзо Бруховецкому, але еще самъ Чернецкій не наспѣшилъ былъ. Аже маючи Бруховецкій языка, же болше силы на него прибирается, уступалъ оборонною рукою горѣ Днѣпра до самага Канева, бо юже Каневъ былъ здался гетману Бруховецкому, отъ которого и залогы войско было въ Каневѣ. Итакъ въ цѣлости со всѣмъ войскомъ и гарматами увойшолъ въ Каневъ, где заразъ въ тропы албо переймаючи, отъ Корсуна Чернецкій притягнулъ со всѣмъ войскомъ короннымъ подъ Каневъ где заробо-

вавши килко разъ, нѣчого не вскуралъ и въ килка днѣй отступити мусѣль, зъ которыми и Татаре были, и усѣ уступили подъ Бѣлую церковь. А Сѣрко отвернувши, на Медведовку потягнулъ къ Уманю задля скарбу Тетерина, который и порабовали, якъ вышей написалося. Того жъ часу Чернецкій посажовалъ фортеци въ Чигиринъ, Корсунъ и Бѣлой Церкви жолнѣрствомъ, где тилко тѣе города не горнулися до гетмана Бруховецкого, а иные усѣ отлучилися отъ Тетеры ажъ по самый Днѣпръ.

Того жъ лѣта Колмыки вѣйшли на Украину перше, зъ которыми Сѣрко зъ козаками старшій пошолъ полями, минувши Татаръ и Ляховъ, ажъ въ Бѣлогородщину на Буджакъ. Итакъ села Ханскіе повоевавши, повернуали. Где напали Татаре и Маховскій зъ жолнѣрами подъ Сараджиномъ, и тамъ тихъ Колмыковъ розбито; где не мало пропало Колмыковъ и козаковъ, остатокъ вышло зъ Сѣркомъ на Украину. Того жъ року Чернецкій доставалъ Ставищъ, а Стеблівовъ узавши, Татаромъ отдалъ; а Ставища оборонилися; где и Чернецкого забито, а на его мѣстцу сталъ старшимъ Яблонскій надъ тимъ войскомъ, которое отвернуло до Бѣлой Церкви и тамъ на зиму стали; а гетманъ Бруховецкій тую зиму столалъ зъ войскомъ у Каневѣ.

—

РОКУ 1665.

Гетманъ Бруховецкій заразъ весною посылаетъ своихъ посланцовъ до колмыцкой пашы, затагачючи оныхъ на войну, и асыру

Ляхомъ онымъ послалъ; которыхъ Колмыковъ знайшли посланцѣ Бруховецкаго за Дономъ, бо на тотъ часъ зъ за Волочи перейшла часть Колмыковъ въ килка десять тысячей зъ Мунчаномъ, своимъ старшимъ, и тамъ кочовали. Которыхъ Колмыковъ вышло блиако тысячи о святой Тройцѣ. Которыхъ ходило сотъ сѣмъ, а козаковъ зъ ними тысячъ полторы подъ Бѣлую Церковъ, где зъ Яблонскимъ мѣлсьмо потребу власне въ обѣдную годану. Где Яблонскій убоявшися, таборъ напередъ выслалъ зъ обозу зъ Угребенниковъ, а комоиникомъ спотыкался разо въ два, аде не додержавъ, мусьль уступати ку Бѣлой Церкви, потративши товариства немало значного. А Колмыковъ тилко чтырохъ ранено, которые померли. Але Яблунского не пущено въ Бѣлую Церковъ, которую минувши, въ Польшу пошолъ. Такъ ся устрашили тихъ Колмыковъ.

Вправдѣ, людъ военный, зъ копьемъ сѣдаетъ на коня, а нѣкоторые и сагайдаки и стрѣлы великія съ площинами широкими; тилко наиболше до потребности копій заживаетъ коженъ, бо справне выветъ коженъ вбити копьемъ; въ нѣкоторыхъ и панцыри, а иныи и наго идутъ до потребности. Людъ отважный, а на взглядъ чорный, нѣкчѣмный, страшный; чарами бавятся, болвохваалцы. А потрава онымъ всакій звѣрь, що есть на свѣтѣ; и вѣчимъ ся не бридятъ: и мышъ, жаба, свиня; тилко опрочъ рака одного не любятъ и бридятся ракомъ. И въ той войнѣ, ежели бы козаки не уступали, то певне, що мало що жолнѣрства бы увоишло; вправдѣ, же огнистой стрѣлби боляся.

Того жъ лѣта по святомъ Петрѣ зъ теми жъ Колмыками и Москвою и козаками гетманъ Бруховецкій ходилъ подъ Бѣлую Церковъ доставати города, где нѣчого не вскуравши, вернулся, и войско взбунтовавшися розійшлося, и Колмыки повернули у свою сторону. Того жъ року Опара изъ Медведовки обозвалса старшимъ на гетманство и по орду послалъ, до котораго Татаръ не мало вышло, и Опара на королевскую руку Татаръ затягуалъ и города вновь привернулъ нѣкоторые до себе. Аже видячи Татаре нестатокъ Опарины, а Дорошенко, который прежде былъ асаудомъ при гетману Тетерѣ, тутъ же будучи и при Опарѣ, старался о гетманство и салтана переседналъ; котораго салтанъ зъ Ордою держучи, призвавши Опару до себе зъ старшиною, казалъ Опару взяти, а Дорошенка далъ гетманомъ козакамъ. А того Опару солтанъ зъ иншими козаками старшиною отослалъ до короля; котораго страчено зъ его товариствомъ. И такъ скончалоса гетманство Опарино.

Того жъ року у Спасовъ постъ гетманъ Бруховецкій, зобравши усѣхъ полковниковъ до Глухова и учинивши наказнымъ полковника переяславского, самъ зъ полковниками и иною старшиною пошолъ на Москну зъ поклономъ его царскому величеству; котораго на Москвѣ идяче приняти и даровано честь бодрства; и жону ему дано роду значного; а полковникамъ дворянскую честь дано. Тилко писара войскового взято на сибѣрь, маючій на него подозръ; который тамъ и пропалъ. И гетмана Бруховецкаго зъ

подтвержденіемъ чести гетманства отпущено въ Москву, барзее уда- ровавши.

Того жь лѣта голтай нѣкійсь Децккъ усе Полѣся спустошивъ, але и того у Нѣжинѣ взято до везення и изгинувъ. Того жь року гетманъ Дорошенко, приворо- чаючи подъ свою власть, много городовъ попустошилъ зъ Ляхами и Ордою, бо жолнѣре людей стинали, а Татаре въ полонъ бра- ли, и Браславле того жь року въ обложению держалъ, бо Браславци, будучи обезпечены на посылки его царского величества, держали- ся часть немалый, четверть року, у которыхъ старшимъ былъ Дроздъ, аже тихъ посліковъ дождатися не могли, а великую налогу мѣли зо всѣхъ сторонъ отъ войскъ корон- ныхъ и козацкихъ, поддалися гет- мановъ Дорошенковъ, который у- зялъ старшого. Того жь часу и Рашкова доставалъ, и тое оному здалося. Итакъ, прійшовши до Чи- гирина, Дрозда стратилъ; а ин- шая старшина оборонною рукою зъ войскомъ уступили за Днѣпръ до гетмана Бруховецкаго, кото- рымъ становиска даны поза Дес- ною. Итакъ юже гетмановъ два ко- зацкихъ справовало; одинъ на ко- ролевскую руку, а другій на мос- ковскую руку, и Запороже его цар- скому величеству держалися.

■ ■ ■

РОКУ 1666.

Гетманъ Бруховецкій повернулъ зъ Москвы на початку того року зимою зъ достатками великими, бо цале отдалъ Украину, то есть людей тяглыхъ, мѣщанъ, жебы от-

давали всякое послушенство и изъ плуговъ осыпъ и чиншъ, и заразъ приболшено воеводъ по городахъ: въ Придуку, Лубнѣ, Гадячѣ, Мир- городѣ, Полтаву, въ Батурнѣ, Глуховѣ, Сосницю, Новгородокъ и Стародубъ, до тихъ воеводъ, ко- торые зоставали въ Кіевѣ, въ Пе- рещлавлѣ и Нѣжинѣ; отъ кото- рыхъ-то усѣхъ воеводъ по ивншихъ городахъ мѣли свои прикащики вмѣсто подстаростыхъ.

Того жь року заразъ на весну выслани отъ его царского величест- ва спищики на усюю Украину, которые переписовали усѣхъ лю- дей на Украинѣ, мѣшкающихъ по городахъ и по селахъ: и сыновъ хто маєт, и хто чимъ пашеть. Итакъ вложили дань на людей тяглыхъ отъ пауга воловъ осыпи по осми осмачокъ, а грошей по пяти золотыхъ; а знову хто кон- ный пашеть, отъ коня по полжопы, а по осмачѣ житя. Также поста- новили по городамъ цѣлованиковъ зъ мѣщанъ, которые выбирали отъ вшелякихъ торговъ такъ великихъ и малыхъ. Также подачку нало- жили отъ всякого челоуѣка, такъ ремесника, якъ тожъ и найубогшо- го. И тіе реестра въ книги попи- саны, которые книги оди на Мо- скву повезли, а другіе воеводамъ поданы, жебы тое наложенную по- дачку на людей выбирали и тамъ платили людемъ ратнымъ, зоста- ючимъ на Украинѣ.

Тото жь року знову гетманъ Бру- ховецкій посылалъ полковниковъ, которыхъ вышло щось немного и, недавши нѣкому битвы, ровсерди- вшыся, отъ Гадячого знову повер- нули до своего войска. А то задля того гнѣвъ узали, же гетманъ Бру-

ховецкій самъ зъ ними не поишлоу на войну; и повернули на Запороже, бо тамъ Сърко зъ козаками Низними на Татаръ ходилъ. Того жъ року Данко, полковникъ Переславскій, зъ подкомъ своимъ зоставалъ на залозѣ у Богущковой слободѣ; которого полковника козаци переславскіе не любили, же насланный былъ, и знову того перепису не залюбили и подачи вложенной, въ осені збунтовавшись, полковника своего убили и, отступя, ночью поспѣшили, хотячи, въ замокъ упавши, Москву выбити, але того не доказали, бо воевода остерегся и своихъ въ городъ зобранъ и не дался. Итакъ мѣсто спалили и одинъ другого пожаковалъ, и покинувши городъ, до Барышовки уступили, хотячи, тамъ живучи, зоставати при Дорошенку; але того не доказали, бо оттуля утекли до Золотоноши, где войско скупившись козацкое и московское, оныхъ облегли въ Золотоноши и часъ немалый доставали; аже нѣкоторые зъ старшины переславской, спутѣвши Переславль и шукаючи обороны, прибѣгли до Дорошенка, просячи оного, жебы ихъ принявши, зъ городами оборонилъ; который тому радъ будучи, заразъ послалъ по Орду; которого Орда барзо слухала, поневажъ оного и гетманомъ наставила, въ скоромъ часѣ поспѣшила, и переправивши Днѣпръ, зъ козаками Дорошенковыми юже подѣ часъ заморозковъ, дали отовѣчъ тимъ козакамъ, зоставучимъ въ Золотоноши, же мусьло войско оборонною рукою уступати къ Переславлю, такъ московское, якъ и козацкое, которого не мало было зъ княземъ Щербатимъ.

Тая жъ Орда, оборонивши Золотоношу о Покровѣ, много людей по за Нѣжиномъ и около Прилуки усѣ села забрали, бо обезпечилися были на тое войско, которое зоставало подѣ Золотоношею, и несподѣвано на нихъ Орда напала.

Того жъ часу тая Орда на Маховского, бо Маховскій посланный былъ зъ войскомъ на становиско на Украину, который прійшовши подѣ Иванъ-Городъ, которого не хотѣли пустити подѣ Иванъ-Городъ, оный досталъ и опустошилъ, людей выстиналъ; о чомъ знати дано Дорошенкоу гетмановѣ. Итакъ Дорошенко зъ тоею ордою и козаками напалъ на Маховского и его войско въ Бравловѣ, который рушилъ былъ до бору, и тамъ тое войско разбиаи и самого Маховского рейментара поймали, и жолнѣрства много въ неволю взято; зъ которого войска мало хто заледво увойшлоу. И отъ того часу знову сталоса розорванна козаковъ отъ короли.

ИЮНЬ

РОКУ 1667.

Войско его царского величества, которое зоставало на Запорожю онымъ на оборону и помощь противу Татаръ, до которыхъ и Колмыки прихожували, але Запорожцѣ, яко люде своеволиые, не могли зъ Москвою помѣшкати и наприкрылися тому Московскому войску, которое зъ Косоговымъ стояло, же мусьли добиватися челомъ, жебы онымъ позволено уступити, бо оныхъ Запорожцѣ не потребовали собѣ, а зваща тая сторона боку Днѣпра, которая при Дорошенку зоставаетъ; итакъ за указомъ его цар-

свого величества, тое войско уступило зъ Запорожя зъ гарматами своими.

Того жъ року посла ханского, который повернулъ отъ его царского величества, не допустивши на ночь до Сѣчи, на ночлегу подъ Сѣчу убили козаки и Татаръ, що при послѣ были, и усе пожаквали, тилко послу царского величества дали покой, который прійшолъ до Сѣчи во всѣмъ подарками, що провадилъ хану крымскому, и тамъ часть не малый воставалъ, ожидаючи на указъ его царского величества, где оному повернутися, и прійшолъ указъ его царского величества на Запороже, жебы тихъ збѣсковати, хто того посла татарского погромилъ, и карати горломъ; а столнику его царского величества Ладыжинскому ити въ поселствѣ до хана въ Крымъ и тую провадити казну. Що Запорожцѣ якобы послушали царского росказання и тихъ килка козаковъ поймали и того столника отпустили зъ честю зъ коша и поѣхали въ речу опроважати чолнами, и не далеко отступивши отъ Сѣчи, утопили, и иныхъ, хто при немъ былъ, а тую казну пожаквали, що проважено хану въ Крымъ; и такъ юже на своеволю почали знову заробляти, запомнѣвши такъ великую ласку царскую къ себѣ, же онымъ сласть соболями, сукнами, грошами, борошномъ; которое ихъ злое дѣло безъ карности минуло: его царское величество пробачилъ. Але юже ненависть почала рости на Украину за такую своеволю: нарушили ласку его царского величества, а козацтво що далѣй въ злость ся утравляли, а звлаца и тую даючи причину, же людей

Кн. I. Отд. II.

тяглыхъ повернули въ послушество и у подачку его царского величества воеводамъ, що юже отвыкли были давати подачокъ, и зъ того наиболше бунты почали вставати бо на Запороже волю ити въ козацтво такъ козаковѣ, яко тежъ и мѣщанину: тамъ того не постерігають.

Того жъ року гетманъ Дорошенко татарской стороны, затягнувши Орду зъ Далга ⁴² солтаномъ и иными солтанами великую потугу на Ляховъ и искупивши войско свое козацкое, ходивъ противно Ляховъ. Але оногъ въ Полщу недопущено, бо войско стояло подъ Подгайцами. И такъ видячи албо маючи вѣдомость певную, же Орды великия выйшли, стали жолнѣре по фортеціяхъ, а гетманъ коронный Собѣскій зъ войскомъ сталъ въ Подгайцахъ, которого орда зъ Дорошенкомъ облегли и тамъ чрезъ немалый часть держали въ обложенію, що и далѣй можетъ быть не приступала Орда до трактатовъ, доказуючи своего, але Татаромъ стала помѣшка въ Крыму, бо Запорожцѣ зъ Сѣркомъ кошовымъ ходили въ Крымъ, которыхъ зострѣлъ ханъ зъ Ордами у Перекопу, где давши бой, коваки Орду владмали и мусѣлъ ханъ отступати и орда равно пойшли, каждый до жоны и дѣтей. И такъ козаки тиждень Крымъ пустошили, палили села и, узявши немалую добычъ, повернули на Запороже. О чомъ почувши орда, учинивши агоду зъ гетманомъ короннымъ и повернули у кримъ, а гетманъ Дорошенко де Чигирина.

Того жъ року въ заточення выпущенъ зъ Малборку митрополитъ

Иосифъ Тукадскій и Хмелницкій молодой и Гуляницкій, и небавчися въ Полцѣ, перше Хмелницкій утѣкомъ на Украину повѣхалъ, а потомъ заразъ и Митрополитъ, бо знову хотѣли побрати и потрагити за поводомъ Тетеринимъ.

Того жъ року комисіа скончалася въ Красномъ подъ Смоленскимъ, зъ которой комисіи, якъ на Москвѣ освѣдчено, отъ его царского величества, усему народу при соборной церквѣ, и присланъ былъ Евстратій Антиповичъ такъ зъ писмомъ тоей постановленной комисіи до гетмана на Бруховецкого. Ажъ отъ того часу тая была пошла пословица, же Кіеѣн уступити мѣтъ Ляхомъ, также забранные рѣчи въ костелахъ лядскихъ—сребро, аппарати, книги и иные рѣчи, где хто що познаѣтъ, то тое отбѣрати на Украинѣ; знову засъ козацтво, которое застаецъ на томъ боку Днѣпра, якъ-то Чигиринъ, Черкасы, то повинны слухатъ Короля его милости; а которое застаецъ на семъ боку Днѣпра, то повинно слухати его царского величества; а которая бы сторона спротивилася, то зобополне оную знѣсити. О чемъ усемъ Бруховецкій далъ знати на Запороже, и отъ того часу встали шатости на Украинѣ. Того жъ року посель великій королевскій, воевода чернѣговскій Биневскій, былъ на Москвѣ; которому шляхту и мѣщанъ литовскихъ, застающихъ въ полону на Москвѣ, отдано на волю зъ жонами и дѣтми и усѣми набитками. Также и посланцѣ гетмана Бруховецкого частые на Москвѣ бысали въ кривдахъ отъ воеводъ, зостающихъ по городахъ, отъ кото-

рыхъ люде поносили, на що жадного респонсу не одержовалъ; а наиболее якъ былъ подписокъ зъ канцеляріи Мокрѣвичъ и Якубовичъ тое знати дали, же козаки юже нѣ за що, и якобы Ляхомъ вскорѣ Украину отдадутъ. Того жъ часу и грамота его царского величества прійшла, же бояринъ въ килкадесятъ тысячъ войска на Украину зимою быти мѣлъ; въ чего барзо Бруховецкій себою и уся старшина стривожили, того ся боячи, жебы не отдано королевѣ Украины. Того жъ часу въ осени много козаковъ зъ Запорожя на зиму прійшло. Того жъ року и лѣта на Москву пріѣхали два патріархи: александрійскій и антиохійскій Пансіи; а то на жаданна и поселство его царского величества патріарху московского судити Никона. При которыхъ патріархахъ соборъ былъ на Москвѣ, и на томъ соборѣ патріарху московского зложили зъ патріаршества въ простые черци и въ заточеніе послали, а на его мѣстце иншого патріарху посвятили. Але жадной ереси на патріарху не показалось, тлако зъ ненависти тое учинили бояре, и послѣ того великая стала мѣшанина на Москвѣ.

Того жъ часу якійсь Степанъ Рагожинъ зъ Дону поднялся зъ козаками зъ военными и пошолъ на Хвалынское море и тамъ прибралъ много своеволѣ и по городахъ воеводъ мордовалъ, а людеи посполитыхъ собѣ приворочалъ, ажъ и Астраханъ увалъ. На которого по килка вротъ посылали и нѣчого оному радити не могли; же стрелцѣ до него въ тую своеволю приставали. Который чрезъ

кидка лѣтъ тое робилъ, покуда ового зрадою ваято, якъ уже повернулъ къ Дову, и на Москвѣ четвертовано.

Того жъ лѣта Фортелемъ своимъ Дорошенко подхожовалъ Бруховецкокого, маючи себѣ способного и домочного митрополиту, который презъ ченца Пивского намѣстника, Якубенка оного такъ писмами, якъ и словесно, обещуючи Бруховецкому уступити гетманство усего, тилько жебы вкупѣ зоставало козацтво; чому повѣривши Бруховецкій гетманъ, далъ сѣ намовити и почалъ брати ненависть на Москву.

року 1668.

На початку року того о Богоявленіи зѣхалися усѣ полковники въ Гадаче, и гетманъ Бруховецкій учинилъ раду зъ полковниками, судьями и усею старшиною и поприсягли себѣ, же юже конечно отступити отъ его царского величества и по Орду слати и воеводъ и Москву зъ городовъ отсылати, албо зъ ними битися, ежели бы не уступали зъ городовъ; на що усе добровольно повволялося, усѣ обще. Того жъ часу, нѣчого не отволѣкаючи, полковники, скоро попріѣздили въ дома, почали задоръ чинити зъ воеводами и на масниці всюды почали ся бити зъ Москвою и воеводъ побрали; а напарвей въ Гадачомъ воеводу выслалъ былъ зовсѣмъ гетманъ Бруховецкій, але, подобно за его жъ позволеніямъ, задоръ учинили козаки и, подѣжавши Москву, пообдирали, а иныхъ по-

забивали, и воеводу зъ жоною въ замокъ взяли на годъ. Также въ Прилуцѣ, Миргородѣ и Батуринѣ воеводъ побрали, а людеи при нихъ будущихъ погубили; а со-сницкого, мовгородского и стародубского, подостававши замковъ приступами, Запорожскіе козакки зъ мѣщанами усѣхъ побили. Ижвинъ зась и Черниговъ и Переяславле мѣста полустошемы и попалены, а замки зоставали презъ усѣ лѣто въ обложеніи отъ козаковъ и усего послодства.

Зачавши гетманъ Бруховецкій тое непотребное дѣло, послалъ посланцовъ своихъ Степана Гречачого въ Крымъ до Хана, чинячи згоду и затагаючи Орду; а другихъ пословъ своихъ — Григорія Гамалю и Лаврентія Каппаровича канцеляристу выслалъ на Бѣлагородъ до Цариграда до царя турецкого, поддаючися оному, жебы его приналъ подъ свою борону. На весну, заразы скоро трава подросла, того жъ часу князь Ромодановскій зъ войсками его царского величества подступилъ подъ Котелву и тамъ козаковъ облегалъ. Козакки зась, зостаючи подъ рейментамъ гетмана Бруховецкого, почали свою пріязнь отмѣняти и до Дорошенка посылати, жебы, изъ Чигирина выйшовши, за Днѣпръ пероправовался, обещуючися оного за гетмана приняти. Тако жъ и Сѣрко и зъ Чернигова полковникъ Демко Многогрѣшный. На которые ихъ слова Дорошенко до Чернигова послалъ своихъ козаковъ, а самъ Дорошенко, переправивши Днѣпръ потягнулъ подъ Опошное.

Того жъ часу и Орда зъ Крыму выйшла зъ посланцами Бури-

ховецкого и Дорошенковыми, и часть прїйшла подъ Гадячое, которыми выконалъ присягу Бруховецкій, и Татары присягли. На которыхъ присягу гетманъ Бруховецкій зобравши войско, заразъ въ тими жъ Татарами выйшолъ зъ Гадячого, хотячи итить подъ Котелву на оборону; але не взрзумѣвъ Фортелства Дорошенкового и зрады татарской и що юже и козацтво оному незычливо опрочъ Запорожцовъ; где Дорошенко, не допущаючи въ милѣ до Опошного, зо всѣмъ войскомъ и Татарами зострѣлъ, до которого заразъ козацтво пристало и таборъ Бруховецкого пожакovali, а самого Бруховецкого узавши, до Дорошенка припроводили, которого Дорошенко позволилъ забити голодѣ. Итакъ голода тиранско забили и замордовали Бруховецкого на полѣ и много людей значныхъ козаковъ и Запорожцовъ позабивали на першомъ тижню Петрова посту. Которого тѣло отпровадити ведѣлъ Дорошенко до Гадячого, и тамъ у церквѣ Богоявленія Господня поховано. Где усю маѣтность и жону Бруховецкого гетманъ Дорошенко казалъ позабирать и до Чигиряна запровадити. Итакъ скончилось гетманство Бруховецкого. Дорошенко засъ, гетманомъ ставши обоихъ сторонъ Днѣпра, пойшовши зъ Ордою и козаками, князя Ромодановского зъ войсками отогналъ отъ Котелвы и тихъ людей освободилъ. Итакъ Котельяне уступили зъ Котелвы, зоставивши мѣсто пусто; а гетманъ Дорошенко рушилъ зъ войсками отъ Котелвы на Гадячое, где паяндровалъ маѣтность Бруховецкого зъ Татарами; а оттоля ишолъ къ Путивлю; але оному зъ двора зайшло неотѣшное,

же жона оному сбѣчила черевъ плоть зъ молодшимъ. Зоставивши войну и приказавши старшинство отъ себе наказимъ, розказуючи накрѣпко доставати воеводѣ по городахъ въ Перелславлю, Нѣжинѣ и Чернїговѣ, а самъ повернулъ до Чигиряна. А орда, узавши асыру на пограничу московскомъ, повернула въ Крымъ.

Того жъ лѣта, по отходѣ Дорошенковымъ къ Чигиряну, зъ за Днѣпра знову околничїй князь Ромодановскїй, скунивши войска немалые рушилъ на Украину на оборону зоставимъ въ облеженю воеводамъ, и просто тягнулъ подъ Нѣжинъ, гдѣ прїшолъ до Нѣжина на рождество пресвятыя Богородицы, которого приходъ видачи Нѣжинцѣ узавшиши съ козаками отступили зъ нѣжина, гдѣ прїшовши князь Ромодановскїй сталъ у мѣстѣ и усю войско разграбило выходячи зъ Нѣжина, мѣсто спалилъ ничого не оставуючи. А Дорошенково войско купилъ у Сакърмон. Запорожцѣ засъ по забутья Бруховецкого, который онымъ барзо былъ зичливымъ и не хотячи пристати до Дорошенка удалися себѣ, особливе до Хана крымского азъ прїязию чому ханъ радъ будучи зъ охотою ихъ принлъ, и того имъ зичилъ, жебы себѣ мади гетмана на Запорожу. Аже на тотъ часъ такого пробѣгца не было на тотъ урядъ гетманства, и такъ будучїй писаремъ Суховѣнко на Запорожу и самъ листы писавши и въ посельствѣ до хана пошолъ, которого вдячне принявши ханъ и учинивши згуду далъ Солтановъ зъ ордами которїй вышолъ и солтани послали до гетмана Дорошенка же-

бы переправовалъ Днѣпръ зъ войсками. Аже Дорошенко видячи же орда становится зичливѣйша бути запорожцамъ, а нѣжѣли ему, не пошолъ самъ зъ войскомъ, але послалъ брата своего рожоного Григорія, злецивши ему войска. Аже покуда наспешили войска запорожскіе татарскіе Демко Многогрѣшный учинидъ згоду зъ княземъ Ромодановскимъ. О которыхъ войскахъ татарскихъ и козацкихъ узавши вѣдомость князь Ромодановскій послалъ подъездъ зъ сыномъ своимъ Княземъ Андреемъ, которыхъ напавши Татаре у Гайворонѣ погромили и сына князя Ромодановскаго узали, и такъ самъ князь оборонною рукою уступить до Путивля, которому болшей жадиой шкоды Татаре и козаци не могли учинити и наступила стужа же уже не пора осенная. Запорожцѣ зъ ордами повернули въ Крымъ, а Григорій видячи, же уже приходять до згоды знову Заднѣпране зъ москвою, уступили зъ войсками своими ку Каневу и уже безпечней почалъ Многогрѣшный трактовати зъ Москвою.

■ ■ ■ ■ ■

РОКУ 1689.

Демко Многогрѣшный будучи наказнымъ гетманомъ отъ Дорошенка за тое же онъ наивершей отступилъ отъ Бруховецкого зрадивши его, а хочай Бруховецкій марне згинувъ, на тое неуважаючи, жебы кого тое неспоткало, себѣ гетманства амчачи наабиралъ компаньи зъ Литвы Длаховъ и иныхъ не мало жебы оно-

му зичливыми быти и избравши усю старшину поблизъ себѣ заднѣпрскую до Новгорода и приказалъ онимъ же бы себѣ цалого гетмана настановили, несподѣваючися на оборону гетмана Дорошенка, що старшина будучи удворѣ зачинаена, которыхъ о малѣ, а при Многогрѣшномъ не мало его компантей и боачися болшей що мовати, але пошовши гуртомъ просили его Многогрѣшиного, жебы онъ надъ ними гетманомъ былъ, чого онъ отмовлялся якъ старая дѣвка хорошого жениха. Бо того самъ требовалъ. Позволился на тое которому и присягу выконали на послушенство; итакъ заразъ пословъ своихъ до Е. Ц. В. послалъ, просячи жебы знову приняты были по прежнему, що и одержали знову. Рада была въ Глуховѣ, на которой князь Ромодановскій былъ и статіть новіе постановили. И отъ того часу уже воеводамъ приказано, жебы ни воцо не втручалися, и воеводы тылько въ Кіевъ Чернѣговѣ, Нѣжинѣ, въ Переяславку зоставали, и то ничего не беручи у людей, але усе на гетмана злеценно, и тамъ знову присягу выконали на подданство Е. Ц. В-ву. И отъ того часу Демко гетманъ усе Заднѣпре квалтомъ до себе приворочалъ, турбуючися болшей року, покола усѣ города до него ся прихияляли. Тоей же зимы видячи Дорошенко гетманъ же орда крымская почала прихиялтися до Запорожцовъ и ему незичливо са становити, умыслилъ тое зъ своимъ совѣтниками жебы са цале поддати Турчинови, якъ Волохи и Муляне, и послалъ зъ тимъ пословъ своихъ Портянку просячи о Санджака. На которое

его посолство царь турецкій задержавши Портянку присылает Чауса отъ себе, на которого прїѣздъ збираетъ раду Дорошенко въ Корсунѣ, усѣхъ полковниковъ и старшину, въ которой радѣ усѣ кричали не хотѣли подданными быти Турчинови, але онъ тимъ ся вымѣрѣлъ, же тылко на хана и Солтановъ зъ жалобою посылѣлъ, же не хотѣть ему помогати, але еще на его зъ Запорожцами встануть, и такъ згуду примую зъ Цесаремъ. И такъ въ той радѣ подившовши козаковъ яко простыхъ людей за повеленіемъ усей той рады принялъ того Чауса посла турецкого, и що хотѣлъ, тое зъ нимъ трактовалъ. И постановивши усе, своего суддю Бѣлогруда послѣлъ на певное о Санджака, о чемъ чернь не знала, о которыхъ онъ мало дбалъ, маючи при себѣ пѣхоты кидка тысячь и комонника не мало. Которая рада заразы на початку того року была зимою великихъ мясницъ, и заразы тогожъ часу послѣлъ знову своихъ пословъ до Турчина, при томъ же Чаусѣ, уже поддаючию вѣчне и просячи жебы оному прислано Санджака. Бо Турчинъ не позволялся сквалпие оного примати, видячи нестатечность козацкую, же жадному монарсѣ слушного подданства не додержуютъ, и то ониъ послѣлъ вымовлялъ, же я по васъ не посылаемъ, а нѣ тежъ васъ барзе потребу; ежели щире жадаете помочи отъ мене, жебы васъ боронилъ отъ вашихъ неприятели, тое на вашу пробу могу учинити, але тое себѣ уважайте, же бысте вы додержали своей вѣрности; бо я не король полскій, а нѣ царь московскій, а нѣ король венгерскій, ко-

торыхъ вы ошукивали и издрядили жъ свою вѣру; на вашу пробу учиню, же васъ приму, але же бы сте ся держали, бо ежели не додержите, сами обачите що зъ вами чинитися будетъ. И такъ позволился дати Сиджаки, съ которыми Санджаками при Бѣлогрудѣ Чауса посылаетъ.

Того жъ року заразы на весну Запорожцѣ заткнувши орду съ Солтанами вышли на Дорошенка. О которыхъ приходѣ увѣдомившася Дорошенко зъ полками рушилъ и розно коло Чигирина постановилъ, але скоро аблизжилися орды зъ козаками. Тогожъ часу заразы полки почалися схилати до Запорожцовъ и до орды, уже не сподѣваючися жебы орда мѣла зоставити при Дорошенку, того не знаючи же оный послѣлъ по Санджаки, отдаючи Украину въ подданство. И такъ полки пристали Корсунскій, Уманскій, Бѣлоцерковскій, Павлоцкій, Браславскій, Могилевскій, надъ которыми старшимъ Суковенко былъ. Гетманъ Дорошенко выдачи же уже тѣ полки отъ оного отступили, уже маючи при себѣ пѣхоты своявольной тысячь зъ шесть, и комонники компанїи и тако запобѣгаючи жебы и тѣ полки останокъ т. е. Черкасскій и Каневскій отъ него не отступили, а сподѣваючися отъ Турчина зъ Санджаками вышолъ зъ теми войсками при нему зостаючи кую Каневу, и скоро тылко переправилъ Рось рѣку у селѣ Кононти, заразы оного тамъ осадилъ орда зъ козаками, гдѣ зоставалъ въ осадѣ недѣль пять маючи докуку отъ Татаръ и козаковъ. Але скоро притягнулъ Чаусъ съ подданцами Дорошенковыми до Сороки надъ

Дивстръ, тогожь часу послалъ двухъ Турчиновъ съ козаками до солтановъ, которые противно Дорошенку воевали, и заразь Татаре тихъ козаковъ постинали, а Суховѣнко Турчиновъ до везена взалъ, однакъ же за росказанемъ того чауса солтани зъ ордами отступили отъ Дорошенка и пошли въ Крымъ, а козами повернули къ Уманю, и Суховѣнко здалъ урядъ свой Ханенкови полковникови Уманскому, а Дорошенко зъ войсками своими рушилъ съ подъ Канева ку Лисянцъ, знову приворочаючи полки подъ свою власть, которіе знову посхилялися съ которыми потагнулъ просто подъ Умань и тамъ стоялъ часъ немалій войну зъ собою мѣючи, гдѣ тамъ же подъ Умань чаусъ маючи зъ собою орду бѣлогородскую съ тими санджаками пришолъ, и тамъ тѣ санджаки Дорошенкови отдалъ и отъ того часу сталъ подданимъ Турчинови. Що видячи Уманцѣ же и орда при Дорошенку зостала, почали трактовати зъ Дорошенкомъ и приняли згоду, тылкожь Дорошенка у Умань мѣсто не пустили и Ханенко зъ старшиною не выходили до Дорошенка тылко обѣцывалися пріѣхати къ нему до Чигирина. И такъ Дорошенко отступивши отъ Уманя потагнулъ къ Чигирину отпустивши того посла турецкого ударовавши оногo, а полки знову привернулъ къ себѣ и приходивши подъ Чигиринъ выслалъ орду зъ козаками на оборону полку Лубейского и Гадацкого, которіе еще привему держалися, гдѣ орда подъ Лохвицею войска Заднѣпрскаго ушибши и увявши ясиру назадъ повернула, а Заднѣпра по старому усе зостало въ подданствѣ Е. Ц.

В. и въ послушенствѣ гетмана Мюггоръшного.

По згодѣ той Уманской Ханенко и Суховѣнко и Хмѣльниченко, не поѣхавши ко Чигирину, але зъ козаками Запорожскими на Запороже выславши затагнули знову орду Крымскую на Дорошенка, а бѣлгородская орда держалася при Дорошенку, которой часть Дорошенко при себѣ держалъ. Аже уже послѣ святой покровы вышла орда Крымская зъ Хмѣльниченкомъ и Суховѣнкомъ на помочъ нинъ зъ Ханенкомъ противъ Дорошенка, а Дорошенко послалъ по бѣлгородскую орду которая уже не хана слушала, а паши Силестрійского. И такъ Дорошенко зъ войсками козацими и Татарми потагнулъ противъ Ханенка, которого Ханенко зъ Запорожцами подъ Стеблевымъ споткалъ и такъ далъ оному бой же мусьлъ Дорошенко въ городѣ Стеблевѣ зачинитися, которого приступомъ Ханенко доставилъ а на валу були, аже Сѣрко зъ козаками и Татарми насѣвши зъ бѣлгородскими ордами оному помочи, же орда крымская мусьла уходити, съ которыми и Ханенко и Суховѣнко на Запороже, а Хмѣльниченко зъ Уманя уходилъ, а се оногo бѣлгородскіе Татары поймали и зъ собою запровадили до Бѣлгорода, оттуда за причиною гетмана Дорошенка до Цариго рода запроваженъ, и такъ зосталъ въ неволѣ царской въ Еджкулъ. А Дорошенко змоцнѣвши тоею ордою бѣлгородскою Умань опановалъ, и тамъ людей сильнѣйшихъ выбралъ до влезенъ въ Чигиринъ, зъ которыхъ иншихъ и потратилъ. А орду тую бѣлгородскую постановилъ зимовати по усей

Украинѣ ажъ до Днѣстра, хотячи зимою ити за Днѣпръ воевати, що и розказаль былъ ордѣ купитися ку Мошнямъ передъ Р. Х., которіе жюбо скупилися буди, але збунтовавшия вернулись отъ Днѣпра для того, же зъ оными не шоль гетманъ Дорошенко; и такъ гдѣ кто стояль набрали жиру и повернули у свою землю, на которихъ посилаль Дорошенко зъ жалобю до царя Турецкого, але тое повернули въ жарть, нѣкого не вернули, кого узято пропаль, хибя кого выкуплено.

Того жъ лѣта патріархове повернули зъ Москвы, постановивши на Москвѣ патріарху инного на мѣстцѣ Никона. Але тая дорога несчастлива была патріархомъ, бо Александрійскій идучи моремъ померъ, а Антиохійскій якъ пришлоъ въ землю турецкую, то оногъ взято до Царигорода, и тамъ много сплатился, и за ледво на своемъ мѣстпу зосталь, бо' часъ не малій у Царигородѣ зоставаль непущони.

■ ■ ■

РОКУ 1670.

Гетманъ Дорошенко послаль своего резидента до царя Турецкого; и отъ того часу зоставали резиденты у Турчина козацкое.

Тогожъ року посилаль митрополита кievскій Іосифъ Тукалскій посланца своего Романа Ракушу протопопу браславского до святѣйшого патріарха въ Царигородъ о подтверженя на митрополию кievскую, а то для того, же и епископъ премыслскій Антоній Винецкій отъзывался митрополитомъ кievскимъ,

и жъ бы одинъ хто зъ нихъ былъ митрополитомъ, а не два митрополита, чого нѣколи передъ тмиъ не бывало. Которого посланнаго святѣйший патріарха Месодій не хотѣль принять безъ вѣдомости цесарской, и тамъ ажъ мусьль ѣхати до Солуна ку цесареви, отъ которого привезль писмо также и отъ цесаря до святѣйшого патріарха, же позволено принять, и такъ принять и соборие позволено и потвержено митрополию Іосифу Тукалскому, а же бы нѣкто иншій не отъзывался митрополитомъ и архіепископомъ кievскимъ Тотъ же посланный протопопъ браславскій везель соборную клятву отъ святѣйшого патріарха на заднѣпрского гетмана Демяна Многогрішного, которій въ пиху поднеслися легце себѣ тое поважалъ, еще ся грозючи, але зарезъ оногъ Господь Богъ скараль, же спадши зъ кганку шію былъ зламаль, же часть немалій немогль говорити, що пришовши до здорова не хотѣль ся упамтити що на потомъ оному нагородилося але бо того року за Днѣпра зоставало въ покою, а Запороже маючи себѣ кошовимъ Халенка пословъ своихъ часто посылали до короля подского на тотъ часъ зостаючого Мѣхала зъ Вишневецкихъ; и на Запороже послове королевскіе по Заднѣпрю ходили бо уже Дорошенко гетманъ дале держаль зъ Турчиномъ. Любо то и комиссію зложили были въ Острозѣ, на которую козаци зъ паволочи не хотѣли ѣхати не подобныхъ рѣчей на комѣсарахъ полскихъ вымагаючи а зладца сенаторовъ; у заставѣ же бы дано до Чигирина, которая комиссія на нащо зышлася.

■ ■ ■

РОКУ 1671.

Заразъ на початку того року гетманъ Дорошенко уже будучи непріятелемъ коронъ полской послалъ до пашъ силестрійского просячи орду, жебы поспѣшала еще зимою на Украину. А покуля Орда вышла на Украину пріѣхаль у свою епархію епископъ двовскій Іосифъ Шуманскій до Могилева Днѣстрового, которого ровсказаль гетманъ Дорошенко силою провадити въ Чигиринъ зовсѣмъ, которого и взято въ Могилевъ зъ великою жалостою усею народу зостаючого на тотъ часъ въ Могилевъ, а зълаща подъ часъ ярмарку богоявленского. Которого запровадивши въ Чигиринъ, не много держачи Дорошенко отпустилъ за старанемъ отца Митрополита. А заледво у свои города увойшоль. Бо заразъ въ тропы и орду за нимъ пустилъ, же мало въ неводю не впалъ. Итакъ орда много шкоды людямъ учинила и вернувшись стояла по волости коло Богу и коло Умана, часто чаты оправуючи въ волости належачіе до короны; бо на весну якъ трава стала то и козаки въ братомиъ Дорошенковимъ скупившиися стали за Калниконъ въ поляхъ зъ ордою. До спасовки видячи гетманове коронніе великую доуку отъ орды послали своихъ пословъ на Запороже до Ханенка и войска, жебы вышли ку Ладижину ознаймуючи и о своемъ приходѣ на побуже. На которое поселство королевское вышоль Ханенко и Сърко зъ войскомъ въ кидка тысячей въ арматами, а гетмане коронніе упередили и Татаръ подъ Браславлемъ зломилли, же мусъли уте-

кати въ свою землю. Такъ же и тая орда застаючая при самомъ Дорошенкѣ гетману уступила, же и Дорошенко мусъль отъ Богу вернутися и туляючися коло городовъ уступилъ ку Чигирину, а гетманове коронніе Янъ Собѣцкій и князь Дмитрій полній знову подступили подъ Браславле а Ханенко зъ Съркомъ до Ладижина, котрымъ усе побуже схилилося и учинивши раду потягнули со всѣмъ войсками подъ Калникъ, который не хотѣлъ ся поддати гетманомъ короннымъ. Итакъ стояли войска недѣль двѣ достаючи Калника; тамъ подъ Калникъ прислалъ король его милость булаву, короговъ, бубни кованомъ, поволуючи овимъ обирати гетмана. Гдѣ войско дали гетманство Михайлу Ханенку, на що и гетмане коронніе позволили. Але Калника не доставши войска отступили подъ Браславле и утвердили президіумъ тоестъ жолнѣровъ по замкахъ: Могилевъ, Браславля, Немировъ, Ладижинъ, Рапковъ и излецали гетманове коронніе тие усь войска по тихъ замкахъ гетманови запорожскому Ханенкови жебы оноу слухали, ежели чого потреба придавши и своего рейментаря посла Везицкого съ котрымъ тие войска расправили по станціяхъ. Але на тотъ часъ жолнѣре скромно заховалися съ людьми зъ гроше ся контентовали тылко ежели сѣна увяли де найшли. А гетманъ Ханенко зоставалъ у Ладижинѣ при котромъ жолнѣре и коваки були, тылкожь люди козаковъ запорожскихъ кормили, а жолнѣре зъ гроша жили.

ИДЕЖЕ

РОКУ 1672.

На початку того року заразъ великихъ масницъ, якъ уже войска великіе коронныя уступили въ Польшу, гетманъ Дорошенко затягнувши орду на малую и войска своѣ скупивши притягнувъ подъ Тростянець и мѣсто спаливъ, але замку достати не могъ, же жолнѣре зъ людьми тамъ зачинилися и оборонилися; тылко жъ великую шкоду жолнѣре подняли въ колахъ и ристункахъ, що въ городѣ потратили, же много пѣшихъ зостало. Але Дорошенко не доставши замку вернувся ку Чигирину, тылкожъ много попустишилъ,—Татарѣ выбрали Кубычи, и иннѣе мѣстечки, и идучи зоставилъ пѣхоты полкъ въ Умани. На которыхъ Уманецъ забунтовавши с полковника Жеребыла убили и инныхъ коваковъ знатныхъ зъ старшины, а чернѣ выгнали зъ мѣста и мѣсто адали гетманови Ханенку на имя королевское.

Тогожъ року конфедерація встала на короля, и жолнѣровѣ, которіе были при гетману Ханенковѣ комонно пошли въ Польшу до того звязку.

Тойже зимы о средопустю старшина зъ писаремъ войска заднѣпрского Карпомъ змовившися левуючи же poste regia змѣну гетмана заднѣпрского Демка Игнатенка Многогрѣшного противно его царскому величеству, и напавши оно го въ ночь въ замку батуринскомъ на ложу оно го взяли и звязали, и уноживши въ возъ накрывши шкурою повезли на Москву вичого не

держачи, болчись жебы оно го не отнято, бо мѣлъ много войска сво его затаганого по станціяхъ, такъ же и полковниковъ не мало по усѣхъ горахъ пріятель его були, але якъ уже оно го взявши провадили, то уже и тоѣ мусѣло розно уходити, а инныхъ поймавши на Москву поотсылали, гдѣ того гетмана на Москву приприводили, давали на спытку то естъ катомъ до рукъ пробовати, а якъ впроважено въ городъ, то многіе стрѣчи были, и на оно го пловали. И не стративши оно го отослаю съ братами его зъ жоною на Сабаръ на вѣчноѣ пробуване. И такъ скончалося гетманство Многогрѣшного, которій поважилъ себѣ клятву соборную святѣйшаго патріарха, со всѣмъ въ нѣвецъ пошполъ; а маетность его розно старшина подѣляла. Лѣта того присланъ отъ короля его милости и гетмановѣ коронныхъ рейментаромъ зъ войсками панъ Луецкій каштелянъ подляскій въ Ладыжинъ до гетмана Ханенка. Але тамъ не много стояли, бо Дорошенко гетманъ видячи же оно го утискують зо всѣхъ сторонъ, а жалуючи гетманство утратити, яко найчастѣй посылалъ до Турчина просячи о посылки. Турчинъ того лѣта зо всѣми войсками рушилъ подъ Камянець, розказавши и ханови кримскому ку себѣ ити. И такъ ханъ кримскій зинвошися зъ гетманомъ 'дорошенкомъ' тягнули мимо Ладыжинъ на Батогъ. И тамъ гетманъ Ханенко и рейментаръ панъ Каштелянъ подляскій мѣли петребу зъ оными, алежъ ихъ силы великіе недодержавши мусѣли уступити до Ладыжина изъ шкодою. А ханъ и Дорошенко не займаючи Ладыжина зъ войсками потягнули просто подъ

Камянецъ до Турчина, гдѣ и Турчинъ притягнувши, Камянецъ найшовши не въ готовности, бо войска на тотъ часъ съ Камянца вышши были за упрошенемъ мѣшамъ, же не сподѣвались того проходу турчинового. Гдѣ тылко недѣль двѣ держались, але внятъ же уже божескій гнѣвъ наступилъ, бо порохи въ цекгавзу запапали, гдѣ много замку выкидало, и такъ Камянецъ здали, гдѣ и самъ Турчинъ маючи тамъ уѣхати приказалъ, абы умерлихъ съ склеповъ выбрано и за мѣсто вожено, що заразъ учинено, всѣхъ умершихъ такъ съ склеповъ яко изъ гробовъ выкупывано, а за мѣсто вожено, а образа божіи беручи съ костеловъ и церквей по улицахъ мощено по бологахъ по которыхъ Турчинъ вѣхалъ въ Камянецъ. И его подданный, незбожній Дорошенко! не заболѣло его сердце такого безчестія образовъ божіихъ задля своего несчастнаго дочаснаго гетманства! И тогожь часу мечети съ костеловъ и церквей починено: съ фари самому цареву турецкому. И такъ староста Потоцкій съ Лянскоронскимъ отдала Камянецъ Турчинови, трактуючи, жебы онимъ волно выти такъ шляхтѣ такъ и мѣщаномъ съ Каменца, на що Турчинъ позволялъ и усѣхъ волно пустилъ, гдѣ заразъ жодного дзвона не о-стало: усе Турки поскидали, а инніе Дорошенко побралъ, такъ же и крестъ нѣгдѣ не одержался — поскидано!

Тогожь лѣта визирь и ханъ и Дорошенко съ войсками великими ходили подъ Львовъ и куды ишли пустошили, а гдѣ онимъ здавалися города, то залогі ставили, тылко жъ Татаре кривду чинили

и подступивши подъ и Львовъ налагали оному барзо во всѣхъ сторонахъ, але оного достати не могли. Еднакъ же Львоване трактати учинивши дали плату немалую Турчинови але не поддавались. Оттоли повернули войска назадъ подъ Камянецъ, а Татаре загонами ходили на Подгорье, войска засъ тѣ зостаючіе съ паномъ подляскимъ и гетманомъ Ханенкомъ зоставивши коменданта въ Ладыжинѣ, потягнули въ Польшу до короля, почувши о приходѣ Турчиновомъ подъ Камянецъ, знову засъ комендантовѣ зостаючіе по замкамъ Браславскомъ, Ладивжискомъ, Могилевскомъ, барскомъ, узявши вѣдомость о томъ полную, же уже Камянецъ Подолскій взято, постановили трактаты съ козаками Дорошенковыми, уступили съ своими войсками пѣццими съ гарматами съ городовъ, отдавши города въ цѣлости Козакамъ Дорошенковымъ.

Того жъ лѣта Заднѣпране, за позволенемъ Е. Ц. В. учинили раду въ козацкой дубровѣ, и тамъ наставили гетманомъ Іоанна Самойловича, поповича съ Краснаго, у постъ св. апост. Петра и Павла, при боярахъ отъ его царского величества засланныхъ и князю Ромодановскомъ, и тамъ знову присягали, и етатъ поддержали также и усю старшину козацкую наставляли. Царь Турецкій дочекавши осени осадилъ Камянецъ Подолскій войсками немалыми и учинивши тракти дочаснымъ съ королемъ же мѣли усего Подоля уступити Турчинови и дати дань, уступилъ Турчинъ у свою землю; такъ же въ Межибожу и Бару Турки стали и по инихъ мѣстахъ. А

Дорошенко повернуль ку Чигирину, которому знову Умань поклонилася, а козаки запорожцѣ пошли въ Полшу до своего гетмана Ханенка, а наказного Ханенкового узляь Дорошенко и страшилъ въ Чигиринѣ. Бѣлоцерковскій комендантъ неслухаючи тоей постановы зъ Турчиномъ, не уступилъ замку Бѣлоцерковского зъ своими жолнѣрами, а ни Турчина въ городъ не принялъ. Въ Камяницѣ зостало христіанъ Русь, Ормяне, которіе себѣ упросили, Русь три церкви, а Ормяне одну церковь, и то съ трудностію великою ихъ набожество отп्राветося.

ЗСОСН

РОКУ 1673.

Заразъ на весну наступили знову у волоскую землю турецкіе войска пашей семъ и стали подъ Хотѣнемъ при которыхъ и господарь волоскій и господарь мулянскій зъ войсками своими готуючися ити на Полщу, а паша одинъ потужный...¹⁴³ сталъ на Цоцорѣ. И войска коронніе и литовскіе скупившися маючи зъ собою люду затыгового за росказанемъ королевскимъ рушила съ подъ Лвова просто Котѣня, гетмане сами, а король зосталъ во Лвовѣ: бодного отруено, и тамъ померлъ; а войска пошли, надъ которыми старшимъ былъ Гетманъ коронный Янъ Собѣцкій, и притягнувши просто на обозъ Турецкій мали зъ ними потребу. И господарѣ волоскій и мулянскій зъ своими войсками, у которыхъ силы невеликіе отступили отъ Тур-

чина и прихилилися до войска коронного. И такъ другого дне жолнѣре просто пошли на обозъ турецкій, любо въ окопѣ стояли Турки, и тое войско турецкое розбили, которыхъ меновали тысячей сорокъ, зъ которыхъ ледво увойшло тысячей на десять презъ Днѣстръ до Камянца и то голо, така имъ поразка была, бо сами Турки безъ Татаръ были и замокъ хотѣнскій узляли, гдѣ великіе скарбы турецкіе узляли гетманове и тое збывши на того пашу на Цоцору, але тотъ паша не дожидаячи уступилъ за Дунай. Тоей зимы стали жолнѣрове на зиму въ волоской землѣ розно по становискахъ а пашѣ Сянявскій коронный хоружій сталъ у Ясяхъ, и замки хотѣнскій и сочавскій и инніе поосажовали пѣхотою нѣмецкою, але тое не много тривало, бо Турчинъ выдачи тую поразку послалъ въ Кримъ до хана абы заразъ высылалъ орду у волоскую землю выговати жолнѣровъ, а на каждого Татари на по два червонихъ платы далъ. И такъ заразъ зимою солтанъ зъ сыномъ ханскимъ зъ ордами притягнули у Бѣлогородчину, до которихъ знову панове волоскіе притали, отступивши Ляховъ и пришовши у волоскую землю до Ясь города столенского выгнали жолнѣровъ, же мусѣли уступати зъ волоской земли, тылко въ сочавскомъ замку и хотѣнскомъ зостала пѣхота. Тоей зимы много жолнѣрства зъ голоду померло. Въ томъ же року на веснѣ въ Бѣлогородѣ громъ розбилъ замокъ, же ажъ въ море летѣло камня, котораго Турки заробити не могли, бо Татаръ усѣхъ выгнавши зъ Бѣлогородчины у Кримъ: якъ повернуль царь турецкій зъ подъ

Каманца, зимою оныхъ выгнано, которіе въ поляхъ коло Богу померзали, бо не переправили рѣкъ, а много ихъ потонуло. Задля того того лѣта не ходили Татары у волоскую землю Туркамъ на помочь, и Сѣрко много шкоды того лѣта зъ колмыками учинивъ въ Криму и въ Бѣлогородчинѣ попустошивъ и тѣе недоборки турецкіе съ каманца и ходили на Могилевъ, Стѣну, Рашковъ, до Тягинѣ бо того часу козаки зъ Дорошенкомъ при Турчину оставали. Волоская земля того часу у великомъ утрапленю была, же мусъли усѣ зъ своѣ землѣ уतिकати, и много коло Богу знатныхъ Волохъ туллосся, бо великую кривду терпѣли отъ Татаръ которіе зимовали выгнавши Ляховъ и господаря Петрицея, а насталь Димитрашенко господарь, що зъ ордою пришелъ, которій и самъ у Татаръ за неволника былъ; бо що хотѣли то робили, и брали по самъ Дунай, покуля жолитре засагли были.

—

РОКУ 1674.

Заразъ по рождествѣ Христовѣ по указу Е. Ц. В. собравши войска бояринъ князь Григ. Григ. Ромодановскій и околничій Петръ Дмитріевичъ Шкуратовъ воеводы Бѣлогородскіе силы великіе московскіе и влучившися зъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ зъ войсками козацкими заднѣпрскими потягнули на Крыловъ подъ Чигиринъ и попустошивши мѣстечка около Днѣпра подтягнули

подъ Черкасы и оныхъ доставали, гдѣ Черкасцы собою звантившися, здалися князю и гетманови, въ которыхъ оставивши часть войска залогу, потягнули зъ войскомъ до Кіева, гдѣ и Каневци собою стривоживши поклонилися князюви и гетманови и до города впустили, и зъ Канева князь и гетманъ послали войска до Богуслава, бо у Корсуни и у Лисянцѣ стояло войско Дорошенково, а Дорошенко послалъ до волоской землѣ до Солтановъ просячи жебы що колвекъ Татаръ оному послалъ за дѣла постраху, а же за частою прозбою Дорошенковою солтанъ послалъ часть орды на Рашковъ которые почали въ Рашковѣ своеволити, жони брати, и такъ мѣщане обурившися оныхъ изъ мѣста выгнали, аже заедво знову перепросили еднаючи утратили тысячей шесть грошей, и тая орда притягла до Лисянки къ брату Дорошекову, Григору, который зъ оними Татары и казаками ходилъ подъ Богуславе противъ войска Московского, але заедво за ними увойшолъ: добре оныхъ гнано, и Лисянцѣ не терпячи татарской своеволь обурившися Татаръ побили, а старшина татарска у господѣ боронилася, ажъ пріѣхавши отъ Заднѣпрского войска асаудъ оныхъ побралъ: ему здалися, а Дорошенкова брата знайшли на передмѣстѣ крющагося и узали въ неволю у Москву, а другій братъ Дорошенко Андрей съ Корсуни зъ нѣкотою старшиною утекомъ пойшолъ изъ компаньею Дорошенковою. И такъ всѣ полки скилилися его царскому величеству и гетманови заднѣпрянскому Ивану Самойловичу, опрочъ самаго

Чигирина и Павлочи. И побравши писма отъ гетмана Самойловича полковники по городахъ розѣхались зъ войскомъ въ тотъ часъ. И гетманъ Ханенко по смерти короля Мѣхада варуючися пановъ уступилъ на Заднѣпра и въ томъ же войску zostавалъ при князѣ зъ своимъ войскомъ, которое при нему zostавало такъ запорожскихъ козаковъ якъ тежъ и тихъ, що зъ городовъ до него пристали немало А Дорошенко тимъ же вводилъ же мѣлъ поклонитися Е. Ц. В-ву и положить Гетманство у радѣ, тылко жебы рада была у Переяславлѣ, на що князь зъ гетманомъ Самойловичемъ позволивши заразъ той же зими въ постъ великій зобралъ всѣхъ полковниковъ и козаковъ чоднѣйшихъ на раду въ Переяславль, и Ханенко здавъ гетманство, и до Дорошенка послала, але Дорошенко не повѣхалъ жалуючи утраты гетманства и такъ совершенно зъ обоихъ сторонъ Днѣпра подтвердили Гетманство Ивану Самоловичу, на той радѣ въ Переяславлю по самій Днѣстръ, тылко надъ Днѣстромъ Гоголь, нехотяче полковничества утратить, держался при руцѣ Дорошенковой, и до Турчина черезъ него посолство отправодалося, а же зима великая бярзе была, войска его Царскаго Величества и козацкіе мусѣли по городахъ розитизя, а Дорошенко манячи до лѣта просилъ, жебы рада отложена была, а тутъ старался о посилки себѣ заразъ по воскресеніи Христовомъ, на веснѣ вышло Салтановъ три на посилокъ Дорошеникови въ поля, аже почали докучати подъ города Лисянку, Олховець и инніе, противно которыхъ ординованіи Дмитрашко полков-

никъ переяславскій зъ войсками Московскимъ и козацкимъ и напавши на нихъ за Шапликомъ, онихъ знатне громилъ, четаре миль гонилъ, рубаючи татаръ и многихъ поймали. Болринъ яся, князь ромадоновскій и Гетманъ Иванъ Самойловичъ переправивши Днѣпръ у Черкасъ звойсками подъ Чигиринъ подтягли, и облегли сюю сторону отъ Черкасъ, а тамъ та сторона за тясминомъ, онымъ повольна была, которою вольный провѣздъ посланцѣ Дорошенкови мѣли въ кримъ и до царигорода, и такъ горячею прозбою своею Дорошенко двигнулъ знову самого Турчина зъ потугами великими, зъ которого и Ханъ привелоннулъ въ волоскую землю, и такъ великими поганскими своими силами рушилъ ко Днѣстру, и засталъ города усѣ полями людей, сподѣваючися посліковъ отъ Царскаго Величества, отъ Гетмана Ивана Самойловича, будучи обезпеченными писмами, же посланки великіе идутъ, и такъ протягнувши Турчинъ, конницу досталъ, и всѣхъ людей витинано, а напотомъ мѣсто стѣну достали, и вистинали, оттула засѣ мѣсто Куничное въ которомъ килка городковъ зышлося было, и тамъ много Турковъ побито, але поганинъ не отступилъ ажъ приступомъ узали, и усѣхъ вистинали, а оттуль подъ Ладжинъ потягнулъ и до Ладжина штурмовали, бо тамъ Козаковъ немало было Заднѣпрскихъ зъ Мурашкою полковникомъ, аже мещане звонгнали, почали просити милосердія, и шадватися, але поганинъ показалъ недоброе милосердіе, бо перше старшину выбралъ, а напотомъ и усѣхъ въ неволю побрано, и такъ стоячи,

самъ царь послалъ подъ Умань, и доставали Уманя, щоуже Уманьвидачи немалую налогу, и котячи получить милосердія, услыхавши Дорошенка и его посланцовъ, полковникъ въ старшвиною и чолнѣйшими козаками, поѣхалъ кланятися Турчинови, и такъ усѣхъ тыхъ Козаковъ вневолю взято и зосталася Умань безъ старшвины, бо-ролися часть немалій потушне, и онихъ подкопами узато, которіе таміа боронили, же не тылко на парканахъ, але уже по улицамъ з дворовъ билися, же кровь тѣкла рѣками, ажъ усѣ polegли, що такъ розумѣти, же много мучениковъ стало того часу, ханъ вазь отъ Турчина посланъ на оборону Чигирина, о чомъ увѣдомившися князь и гетманъ Самоилловичъ отступили отъ Чигирина, запаливши таборище и увойшли въ цѣлости до Черкасъ, и тамъ подъ Черкасами Дорошенко съ Ханомъ притягнули на войска Заднѣпровскіе, которимъ жадной шкоди не учинилося, и такъ усе войско, которе першей переправовалося килка недѣль, ти одного дня и ночи у весь Днѣпръ переправили, и жители Черкаскіе, бо Черкасы запали-ти Князь рсказалъ, и такъ усе выгорѣло, ничого не зосталовъ черкасахъ, а иніе города поздавалися Дорошенкови, которыхъ барзе зодрагъ, плату даючи Татаромъ, а Лислянка вся уступила за Днѣпръ и испалена. Тогожъ часу Умань Турчинъ розоривъ, уступилъ у свою землю, зоставивши орду при Дорошенку, которій много потратилъ старшвины, которіе поздавалися было его Царску Величеству и тое що Турки не добрали, гдѣ що вскованыхъ было, то тое отъ него посланіе отбирали, и до него от-

сыдали, а онъ тамъ платилъ, той своевольной пѣхотѣ, которая при нему держалася, такъ же зостаючая пѣхота отъ него въ паволочи великіе разбои по гостинцахъ чинила, и многыхъ вятнихъ Кіевскихъ позабывала купцовъ.

Тоей же осени по отходѣ Турецкомъ у свою землю, заразь наступилъ, на забожѣ Король Польскій Янъ Собецкій, которій ново по гетманствѣ королемъ сталъ, и еще не корованнымъ будучи и хотячи ускромити землю и привернути украину къ себѣ, сталъ зъ войсками у бреславлю самъ, а иніе стали панове и жолнѣре по городахъ усѣхъ, ажъ до белой церкви, при нему зоставили, а гетманъ коронніи князь Дмитрій Збаржскій и Яблонскій полній, и всь теми войсками отнялъ у Турковъ баръ зъ черкасами и Рашковъ, Турковъ вибивши, и Могилевъ.

■ ■ ■ ■ ■

РОКУ 1675.

Король стоячи у Браславѣ и Паволочи казалъ докучати, и такъ пѣхота Дорошенкова здалася королеви, которихъ до двора своего король узалъ уборы и плату онимъ далъ; стоячи тамъ король съ войсками учинилъ¹⁴⁴ а Дорошенко жадною мѣрою не хотѣлъ поддатися, але посылалъ по орду, которая вскорѣ зимою до оногъ вышла, не даючи оному зъ королемъ до згоди прити, и такъ перезимовавши король въ Браславлю пошелъ до

Кракова на коронацію, а тамъ по городахъ цозоставали Коменданты, то есть у Браславлю, Немеровъ, Жорницахъ, и Лѣвцахъ, Бару и иныхъ.

Того жъ лѣта Браславцѣ здалися Дорошенкови, и хотѣли жолнеровъ выбити, але того не доказали, и мусѣли уходить до Браславля, и такъ комендантъ спаливъ Браславе и уступилъ до Немерова, але по старому Браславцовъ у Ладжинѣ жолнѣре напавши пожаковали, а иныхъ постинали, а напогомъ у бершади, и такъ тая Украина стала пуста, бо остатокъ тихъ людей побужа и торголочане зайшли на Заднѣпра.

Того жъ лѣта бояринъ князь Ромодановскій скупивши войска его царскаго величества и скупивши ся съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ, ходили по Днѣпру и послали войско свое до Корсуна, которымъ Корсунъ здався, и такъ усѣхъ людей съ Корсуна съ полковникомъ ихъ спровадили на Заднѣпра. А Ляхи пришовши спалили Корсунъ съ церквами, и подъ Чигиринъ ходилъ тылко жъ ничего не вскурали, але вышолъ Сѣрко зъ Запорожа, съ которымъ згуду узалъ Дорошенко, и присягу виконалъ на подданство его царскому величеству, и послалъ своихъ пословъ на Москву а на потомъ и Санджаки отослалъ на Москву своимъ тестемъ, тылко жъ втомъ мало было правды, бо по старому посилалъ до Турчина и до хана о помощь, тое лѣто маячи, отзиваючися слугою его царского величества, але жалъ было гетманство положить, отъ которого своевольнѣе кампанѣ и пѣхота

почали вратися, и на Заднѣпра уходить, и для того почалъ зъ Запорожцами мешкать въ прїязни, и живность, горѣлки, тютюнъ онымъ слати, сподѣваючися того, же его гетманомъ утвердятъ, а до того, же уже нѣ откого небачилъ прїязни, а нѣ отъ Ляховъ, а нѣ отъ Татаръ, а нѣ отъ Турчина, санджаки обавлялся, а наибольшей зъ Запорожцами сгуду прїнялъ, сподѣваючися, же оного наставлятъ гетманомъ и на Заднѣпру, бо передъ тѣмъ жадною мѣрою не хотѣлъ въ згодѣ зъ Запорожемъ мешкати, але еще промышлялъ и поднимался Турчинови зносити Запороже, бо наибольшей оного не любилъ козаки запорожскіе, же поддался Турчинови, и такъ Дорошенко зостаючи у Чигиринѣ, либо уже въ малой купѣ, и подъ собою держачи городковъ мало, тылко Чигиринъ, Криловъ, Черкаси, Медведовку, Жаботинъ, Могилы, по старому не хотѣлъ на Заднѣпра гетманови поклонитися, и гетманство отдати, але гетманомъ отзивался, и посилалъ до орды, але орда оного не послушала, такъ же и до Турчина посилалъ, але и тотъ за свою зневагу, же отдалъ Санджаки, розгнѣваній оному помочи недалъ, тылко зъ самою пѣхотою своевольною, которую держалъ тысячь полтори, даючи онымъ плату грошевую, а живность зъ тихъ родовъ оному послушнихъ мѣли, на усѣ стороны манилъ своєю прїязнію, и своими прїязними побужалъ такъ Запорожцовъ, яко тежъ и въ Подтавщинѣ, и иныхъ городахъ украинскихъ презъ людей себѣ зичливыхъ, жебы ся збунтовали на своего гетмана, и на раду везволилъ своевольную, на обрапѣе гетмана, що уже пнѣ почали-

са были бунтовати, але Запорожце не зезволилися у радѣ.

■ ■ ■ ■ ■

РОКУ 1676.

На весну зрявъ видячи его царское величество, же Дорошенко тилко писаними своєю зичливість освѣдчають, а на сердци що иншого мають, и не попускаючи оному болшей зводити, войска не маліе зъ Москви рушили, и повѣтъ Смоленскій, также бояринъ князь Ромодановскій зобралъ великіе Бѣлогородскіе силы и испутившиши съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ, войсками козацкими притягнули ко Днѣпру противъ воронувки, а напередъ вислали подъездъ тысячъ у двадцать подѣ Чигиринъ, которій подъездъ обогнавши Чигиринъ, не далъ городкомъ околничнимъ уходить до Чигирина, тилко сами Чигиринцѣ зоотали въ осаду, що Дорошенко собою звантивши почалъ трактовати, варуючи своего здоровья, на що бояринъ князь Ромодановскій зъ своими начальными, также и гетманъ зъ своей старшиною позволили, и поправили сумленемъ; и такъ по тихъ трактахъ прѣхалъ Дорошенко зъ Чигирина до войска и поклонился боярину и гетмановѣ Ивану Самойловичу и поотдавалъ знаки войскіе, належачіе гетманомъ, то есть бунчукъ, булаву, армату, и варазь тогожь часу выступила пѣхота Дорошенкова зъ замку Чигиринского и изъ города, а тогожь часу войска его царского величества увойшли въ замокъ Чигиринскій, у угородъ Чи-

Кн. I. Отд. II.

гиринъ посполу зъ козаками Запорожскими, то есть полковникомъ Черниговскимъ Василиемъ Борковскимъ, и що належало войскового, то есть армату, которихъ не малая лѣчба, пороховъ, борошна, усетое поотбирали подѣ свой дозоръ, и Дорошенкови постановили, а напотимъ приказали, жебы уступилъ зъ Чигирина на Задыпра на мешкане, що и учинити мусѣлъ, которому дано мешкане у мѣстѣ Сосницѣ; и такъ гетманство его скончалоса при упадку великомъ украинѣ, а отъ того часу Москва стала у Чигиринѣ, по указу его царского величества.

Тогожь лѣта паша великій Капланъ зъ великими войсками ходилъ въ Польшу противъ короля Польскаго Яна Собецкаго, и не дался войску коронному скупити, бо войско одно зъ хоружимъ короннымъ Снявскимъ стояло подѣ и Львовомъ, а король зъ войсками Литовскими и короннымъ стоялъ подѣ Берестечкомъ, и тамъ любодали были бытву добре Турчинови, але же ханъ зъ великими силами наспѣшилъ, трудность великую учинилъ войску королевскому оныхъ облегши, гдѣ барзе много войска потратили и отъ коней отпали, и сами у великой тревозѣ зоставши мусѣли згуду чинити, и не хотачи позволяти, то есть уступити у сего подоля подѣ королевство Туркамъ и усей украинѣ зряктися, такъ же и плату дати тридцать тысячей червонныхъ и иннихъ немало вымисловъ за грѣхи наша надѣ Христіаны.

Тогожь року Генваря 1. на запустную недѣлю померъ великій государь царь Алексѣй Михай-

9

ловичъ въ ночь, годнии четвертой, а на его мѣстѣ зоста сынъ его царемъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, и того жъ часу усъ бояре и стрелцѣ присягли его Царскому Величеству на подданство и на послушанство.

Того жъ року и того жъ дня узато монастырь Соловецкій и чорнцовъ вистинали презъ роковъ шесть неотступно, а за такую вину, же не позволилися принять новопоставленныхъ рѣчей на соборѣ московскомъ при бытности двоихъ патріарховъ, Александрійскаго и Антиохійскаго, першая рѣчь, же Духа Святаго не мовити у вѣру, а знову засъ, жебы не мовити Господи сыне Божій помилуй мя, але такъ мовити, Господи Іисусе Христе помилуй мя, а сына оставляти, и иншіе новіе рѣчи, которіе подруковано у книжидѣ, наваной Жезль, а тое тотъ монастырь сплюндровано, которій на увесь свѣтъ славній, и святыхъ чудотворныхъ мѣлъ у себѣ, и за тое новіе рѣчи многихъ чернцовъ, поповъ и свѣцкаго стану людей уземлѣ московской помордовано, же того не похотѣли привимати, але на старомъ держалися, якъ передъ тимъ было, и многіе выходили на украину на мешканя къ сѣверу, позоставивши набитки своѣ, а инихъ у силку позасилано ⁴⁴.

Того жъ року отъ короля польскаго гетманомъ козацкимъ поставлено Евстафія Гоголя, полковника Подолскаго, и по потребѣ съ турками дано оному становиско у полѣсю изимаючи городовъ Литовскихъ, а самъ стоялъ у димери, бо не малая купа при ономъ войска была, котормъ плату и сук-

на отъ короля давано и живность отъ людей.

■ ■ ■ ■ ■

РОКУ 1677, ⁴⁵.

Присланъ столникъ его Царскаго Величества Алмазовъ по Дорошенка Петра, бывшаго гетмана, у великій постъ, и оного попровадилъ на Москву, гдѣ якъ прѣхалъ, брата его Григорія отпущено з вѣзени на украину, а его задержано на Москвѣ ⁴⁶.

Того жъ року войско турецкое з ордами и Юріемъ Хмельницкимъ подступили подъ Чигиринъ у Славовку и доставали потужне, которимъ ни отсѣчь зостаючи въ Чигиринѣ гетманъ Иванъ Самуиловичъ зъ козаками ко Днѣпру противъ бужина на переправу, а напередъ еще не пришовши ко Днѣпру вислали до Чигирина козаковъ лѣхоти полторы тысячи и Москвы, которіе за ласкою Божією ушли оборонною рукою въ Чигиринъ, любо орды мощно того обороняли, але по надъ тясманомъ ишли до Чигирина. Притягнувши ко Днѣпру войска Московскіе и козацкіе заразъ стараня приложили о переправованю черезъ Днѣпръ, але ониимъ барзѣ того Турецкіе войска бороняли, бо и самъ, ханъ былъ, еднакъ же войска козацкіе отважившися, судами на той бокъ Днѣпра переправлялися въ ночи и тамъ заразъ шанцѣ надъ Днѣпромъ дали; у переправѣ хочай ониимъ Турецкіе войска барзѣ налягали, але ониихъ вспирали арматами чрезъ Днѣпръ зъ войска

козацкого и Московского, и такъ козаки и Москва, якъ могучи переправовалися, даючи отпоръ неприятелеви, и что часъ шанцовъ причиняли; въ той потребѣ и сына ханского убито, и такъ таѣ война у Днѣпра трвала през дней два, що выдачи Турчинъ, которій стоялъ подь Чигириномъ, же потужные войска наступають, бо тутъ у бужина князь Ромодановскій съ гетманомъ зъ немалыми войсками, а знову зась у нивахъ князь Голлицинъ также зъ великими войсками близко Днѣпра сталъ, и Турчинъ Чигирина достати жадною мѣрою немогъ, бо недѣль четири доставалъ розными способами, подкоповъ чтири стратилъ, которихъ уже зъ валу рукопашъ отбили, и собою стривоживши за помощію Божією отступилъ отъ Чигирина, и пойшолъ у свою сторону. Бо и орда набарзе онымъ зичлива была, а подь Чигириномъ не было самого Турчина, а нѣ вейзера, тылко пашѣ, надъ которими старшимъ бравимъ паша; и такъ Чигиринъ зосталъ волнимъ отъ того облеженя, Августа 29, гдѣ притягнувши войско московское и козацкое направовалъ городъ Чигиринъ и замокъ, що турки попововали достаючи зъ армать, и подкопами, и шанцѣ и рови позаровнивали, що турки были поконали коло города; а мѣсто Черкаоп, Медведовка, Жаботинъ, Мошно, Драбошки и инніе, которіе подавалися были Турчину, то знову гетманови поклонилися, и залоги по тихъ городахъ стали, и осадивши Чигиринъ новими войсками Московскими и Козацкими, войска его Царского Величества и козацкіе назадъ уступили ку домамъ своимъ.

По зданю Чигирина отъ Дорошешка уже и самъ поддался его Царскому Величеству, и уступилъ зъ Чигирина до Сосниці за десну рѣку. Турчинъ хотячи учавити замѣшавину на украинѣ, выпускаетъ Юрѣя Хмельницкого зъ вязена, которій былъ здалъ добровольне гетманство и зосталъ черицемъ и Архимандритомъ жидичинскимъ, знову зась оногo мамовляетъ турчинъ отъ боку своего гетманомъ запорожскимъ, и посилалъ зъ тими пашами и зъ войсками подь Чигиринъ, але еще оному вцалѣ недоставали, и такъ поневажъ не доставали Чигирина, меншую винну складали на Юрѣю Хмельницкого, але тихъ Пашей казалъ потратити, же уступили зъ подь Чигирина съ соромомъ, и хана кримскаго хотѣли стратити, але ханъ въ Черкескую землю уступилъ, и диншого хана въ Крымъ наслано, приказавши жебы знову готови были на другое лѣто подь Чигиринъ и подь Кіевъ, а Хмельницкого на зиму поставлено у волоской землѣ надъ Днѣстромъ въ Сороцѣ зъ его козаками, до которого почали козаки прибиратися зъ тамъ тихъ гордовъ Подолскихъ и слободи, и на его имя закликано коло Бугу на спустошенихъ мѣстахъ.

■ ■ ■ ■ ■

ГОЛУ 1678.

Зимою на усеедной орда вишла и ставши на ресавѣ загонами, много шкоди починила, въ повѣтъ Перевславскомъ людеи порубила и побрала иннихъ ⁴⁷.

Тогожь року заразъ на вѣснѣ войска великіе его Царского Величества вышли, надъ которыми старшимъ былъ Царевичъ Касимовскій, и Князь Ромодановскій, а гетманъ Иванъ Самойловичъ овоѣ войска скупивши, рушилъ зъ Батурина, съ которимъ войска не маліе цонли, бо не тылко козакоу у войско гнано, якъ мещанъ и селянъ, два треттего виправовали, а убогіше чтири пятого в оружень и борошномъ якъ до войска, и тіе войска потагнули поза Сулою ку Днѣпру до пристанѣ Бужинской, такъ козаки якъ и постолство, бо нікому нефолговано, войтовъ бурмистровъ, райцовъ и ремесниковъ, всакихъ музикъ, скрипниковъ, дубниковъ, усѣхъ гнано до войска. ⁴⁸

Тогожь року поселъ великій отъ короля Польского, Сопѣга и инніе пани вкилака сотъ людей на Москву ходили, упоминаючися Смоленского и Кіевского воеводства, которихъ зразу принято зъ честю, а подарковъ королевскихъ не принято, а напотомъ и самихъ задержано и мало чести онимъ отдавано, за знову до своихъ городовъ по скарбъ слати мусѣли на живность.

Тогожь Іюля 10-го войска великіе подступили Турецкіе зъ Везеромъ подъ Чигиринъ зъ тяжарамы великими, а войска его Царского Величества зъ княземъ Ромодановскимъ и гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ переправилися того жъ часу чрезъ Днѣпръ ниже Божина на поля Чигиринскіе по сей сторонѣ реки тясмина отъ Черкасъ, а Турецкіе, войска стали на другой сторонѣ рѣки тясмина коло Чигирина съ Татарского бо-

ку, и родившиши войска папеш килка зъ Ханомъ Крымскимъ и господарями волоскимъ и Мулглискимъ, переправили тясмию рѣку, сили великіе стали на семь бову рѣки тясмина коло бору, недаючи проходу до Чигирина, а около обточивши Чигиринъ оставала, а войско Московское и козацкое стало въ бужинѣ ку перевозу тую плавало обилаши, гдѣ Турки зобравши большую силу стали коло войска Московского и козацкого неоступно комоинномъ, Турки и Татаре коло табору, которимъ перемѣна отъ вѣвѣра що день орадинованиал приходила презъ килка надѣль, покула притягнулъ князь булатъ зъ частію Калмыковъ и Черкесъ и козаковъ Денскихъ, и скоро тіе войска притягнули, ааразъ войска почали рушати просто на турецкое войско, которѣе отступило было такъ комоино, якъ и арматам, и зъ пѣхотою зостаючими на горѣ при Капланъ паши, въ которомъ рушави войскъ великая жалечная потреба была на переправѣ, которая ведле села Шабелинѣ иде, гдѣ ажъ заночовало войско бючися, гдѣ немало домцовъ побито, и козаковъ; на другій день переправивши таборъ подъ гору пошли, але недопустили Турки, стоячи на горѣ зъ арматами, гдѣ знову ночевати мусѣли, и вночь полковника Чернѣговского гетманъ послалъ, и боляринъ Московскій войска немало, гдѣ недоишовши гори мажи собою войска сталися бити узавши тривогу, що почувши турки зъ арматъ быди можно на таборъ козацкій, такъ заночевати мусѣли; а въ субботу скоро свѣтъ войска козацкіе и московскіе гору опановали, Турковъ отбивши, и арматъ Турецкихъ двадцать семь зъ ни-

шими ристунками узали, и Турки пострахъ великій узали, але же войска непушено за Турками, комонникъ Турацій огладѣвшись, знову отвернулъ, и такъ ажъ до самого табору войско козацкое и Московское гнали рубаччи, тылко одинъ полковникъ Московскій оставшися, рогатками одержался на горѣ, гдѣ и усе войско съ таборъ притягнуло, и цали день мѣли потребу, и такъ Турки видачи потугу немалую, уступили за тясминъ, взявши тривогу великую, и перейшовши тясминъ, мости попалили, а войска Московскіе и козацкіе подступили подъ Чигиринъ и стали подъ боромъ около озера, гдѣ стояли тиждень надаремне, жадного промыслу не чинячи, що видѣвши Турки, спялностю доставали Чигирина, а гетманъ услалъ свѣжого войска килка полковъ въ Чигиринъ, которіе увойшовши влегче себѣ важили потугу Турецкую; и такъ въ пятницю вирвало подкопъ подъ замкомъ, гдѣ убито гранатомъ воеводу околничого Ивана Ивановича Ржевского, человека военнаго справнаго, а напотомъ дня 10 Августа въ недѣлю о полудню вирвало нилка подкоповъ подъ мѣстомъ, правѣ въ самій часть якъ козацтво, одни попалили, а инніе спали, и такъ якъ сталъ крикъ, мало хто зъ войска козацкого кидался бити, але усе утекло, скочило згорода, обачивши войско Турецкое на той вирви, гдѣ подиопи вирвали, гдѣ на мостъ якъ зшло козацтво, съ которыми мость обломался, а на греблѣ самѣ себе подавили утекаючи, гдѣ немалую шкоду Турки въ людяхъ учинили, на килканадцять тысячъ козаковъ погубло, одни потонули въ тясминѣ, а иннихъ порубали, бо

турки неживили никого, але усе стинали, а мѣсто палили и допановали, пѣхотное зась войско козацкое подъ гору за церковь зобравшися, боронилоса до самой ночи, а Москва въ замку боронилася, и такъ въ ночи Москва нонабивавши поляи армати пороху и замокъ запаливши, пошли зъ тими кованами на проломъ презъ Турецкое войско, которое уже было знову перейшло презъ тясминъ, и такъ увойшли до своего войска, але еднакъ на замку полегло Москви, якъ уступали, бо сторожѣ не спровожали старшиимъ сватарѣ и тихъ бѣднихъ погубили, а и тіе усе заледви би увойшли, ежели бы не пѣхота козацкая сердюки греблѣ до ночи боронили; въ понедѣлокъ рано до дня рушило усе войско Московское и козацкое ку Днѣпру, и околалоса, але въ томъ отходѣ трудностъ великаа отъ Турковъ была, а всреду везиръ зъ Хмельницкимъ зо всіма войсками и арматами притягли и обетупили войска наши своїми потугами, мочне доставочи цали тиждень, гдѣ Турковъ много побито, а подъ самимъ везиромъ коней двоохъ убито, бо не тылко зъ оружа, але рукопашъ билася, такъ барзе налегали на таборъ было, же хотѣли Турки узати, але за помощію Божію на себѣ понесли; и такъ видячи Турки, же ихъ много пропало, другой недѣли уступили отъ войска нашего ку Чигирину, и тамъ презъ три днѣ тязари переправляли, и Чигиринъ до остатку зруйновали, и армати забрали, и пошли у свою землю, а наши войска переправилися черезъ Днѣпръ безъ жадной уже налоги. Заразъ того жъ часу отступивши отъ нашего войска часть войска Турецкого и Та-

тарь, пошовши зъ Яненкомъ подъ каневъ, и каневъ достали, и виру-
бали людей, и каневъ спалили и
монастырь, гдѣ у церкви мурова-
ной много люду подушили огнемъ
Турки, а остатокъ черезъ присягу
здалися Хмѣльницкому, а города
Черкаси, Мошна, Корсунъ, Жа-
ботинъ zostали въ послушенствѣ
Хмѣльницкого, въ власти Турец-
кой; и того жъ часу жолнере усту-
пили съ Калнива, Немерова, Лѣ-
нецъ и Жорницъ, и тое zostало
въ владзи Хмѣльницкаго, которій
ся писалъ княземъ рускимъ и гет-
маномъ запорожскимъ, и Хмѣль-
ницкій сталъ самъ въ Немеровѣ
зъ войскомъ своимъ, а Яненко у
Корсуню, при которихъ и Татаре
стали, и своѣ валогы по тѣхъ мѣ-
стахъ покладаи.

Того жъ року посель великій отъ
короля его милости польского то
есть панъ сопѣга зъ Литви, и панъ
Коморъ, а съ короны князь Чет-
вертенскій на Москву до его Цар-
ского Величества ходила и о при-
мирю трактовали, и учинили зго-
ду, на которой его Царское Вели-
чество присягалъ.

ЖОСКИ

РОКУ 1679.

Заразъ на початку того року
Орди немаліе зъ Яненкомъ вышли
о Боговленію подъ Козелець и
тамъ великую шкodu удлюдяхъ учи-
нили коло Днѣпра ажъ по Носов-
ку. Многіе села повибирали и на-
задъ вернулись съ полономъ вѣ-
лости, а то была орда Белоград-
ская, и трафала подъ часъ, же-

снѣги маліе были. А знову тоей
же зими коло вседноиъ вышло
Крымской орди Солтановъ чтири,
зъ которыми множество Татаръ
и самъ Хмѣльницкій былъ, и про-
отовали на Черкаси за Днѣпръ,
хотачи Заднѣпря сплюндровати,
але Господь Богъ онихъ замисли
перемешалъ, бо барзе снѣги ве-
ликіе випали, же неможная бы-
ла конемъ куда хотѣти ехати, и
тамъ тылко по лукомле, Яблунювъ
были, а далѣй не ишли за великою
вимою и варовались, же войска
стояли около Днѣпра отъ Арклѣ-
ва по мѣстамъ и отъ Миргорода;
и такъничого не вскуравши, на-
задъ повернуло зъ великою утра-
тою коней, и самихъ Татаръ на-
брано немало, бо холодно было на
конѣ. По отходѣ оныхъ Панъ гет-
манъ Самойловичъ послалъ сына
своего Семена, до которогося не-
мало войска скупило Козаковъ и
Московского, и отъ Переяславля
ходили до иржищева, и тамъ узя-
ли приступомъ замочокъ и людеи
усѣхъ выстинали, а оттула ходи-
ли до Корсуна, и Корсунъ узяли,
але Яненко зъ своѣми утѣилъ, и
Мошни, Драбовку, Черкаси, Жа-
ботинъ, и тихъ людеи зогнали
на Заднѣпрѣ, попустошивши тіе
мѣста.

Того жъ року сеймъ важни от-
правовался въ Литвѣ къ Кгрод-
нѣ, на которой Папѣжъ прислалъ
Легата отъ боку своего, жебы
конечне Король и рѣчь постולי-
тая розорвали згоду съ Турчи-
номъ и приняли згоду съ Цар-
скимъ Величествомъ, и усе Хрис-
тіянство жебы заодно давали от-
поръ поганови Турчинови, и свое-
го кошту обещуючи дати на вой-
ско, а Царское Величество презъ

своихъ пословъ, бутурлина боярина, и чадаева Околничого, сумми прислалъ два миліона на войско и задля доконченя згоди обещовали Дяхи своими войскими допомогти. На весну заразы его царское Величество высилаеть сили свои великіе до Кіева, то есть князя Михайла Черкаского и при немъ бояре великіе Петръ Васильевичъ Шереметевъ, и братъ Шереметевъ, бояринъ Милославскій, князь Урусовъ, князь Хованскій, князь Доргогорукій, Алексѣй Зміевъ, царскихъ приказовъ голова Шепелевъ, и тіе усъ войска, которыхъ было на по два кротъ сто тысячей, съ Козацкимъ войскомъ стояли коло Кіева и валъ копали коло Монастырей, а жаднихъ подъездовъ не отправовали нікуда черезъ все лѣто, а войска Турецкіе за пороги ходили и тамъ нижей Запорожа и съчи городка два смуровали надъ Днѣпромъ зъ обоихъ сторонъ, а козакъ Запорожскіе уступили у луги съ Кошовымъ Иваномъ Сяркомъ, котрымъ на знесеня тихъ городовъ Москва въ Коваками пѣхотини ходили ⁴⁹.

■ ■ ■ ■ ■

РОКУ 1680.

На початку того року вишолъ Ханъ зъ Ордами немалими подъ слободами Московскіе и сталъ коло мерли, и барзо великую шкочу учинилъ въ слободахъ Московскихъ, миль на тридцать попустошилъ, ажъ поза бѣлогородомъ, и вернулъ ся вѣдлости, бо никто за нимъ неходилъ.

Тогожь року на веснѣ Татаре коло Кіева шкочди великіе ночинили на пренесеніе мощей святого Николая в на святую Троицу⁵⁰.

■ ■ ■ ■ ■

РОКУ 1681.

Посель его Царского Величества прозвимаеми Тяпкинъ повернулъ отъ Турецкого Монарха, зъ которимъ и Татарскій посель у килкадесять коней ишолъ до его Царского Величества, бо Турецкій Монарха злецилъ Ханови Кримскому зачинати згоду зъ его Царскимъ Величествомъ, о которой такъ трактовавши зъ онимъ Тяпкиномъ у Криму, и постановивши якую дань маєть давати его Царское Величество Турчинови презъ руки Хавскіе, и на томъ поприсягши въ Криму, и до его Царского Величества поѣхали о потверженіе тоей згоди ⁵¹;

■ ■ ■ ■ ■

РОКУ 1682.

Мѣсяца Мая Царъ Московскій и всяя Россіи Федоръ Алексѣевичъ померъ з жалемъ усею Христіанства въ молодихъ лѣтахъ, которій великую любовь до нашего народу мѣлъ, бо и набоженство на Москвѣ нашимъ напѣломъ по церквахъ и по Монастырехъ отправовати приказалъ, и одѣжу Московскую отмінено, але по нашему носити позволилъ, а на его мѣсть обрано Царемъ брата его

молодшаго, Петра Алексѣевича у молодыхъ лѣтахъ, мѣсяца Мая 6-го дня, которому бояре присягли, а стрелцѣ Московскіе не хотѣли присягати задля того, же старшій братъ zostавалъ у семнадцати лѣтъ, Царевичъ Іоанъ Алексѣевичъ зъ першой жени, и того стрелцѣ хотѣли Царемъ, що видячи покровніе Царици Наталіи, матки Царя Петра Алексѣевича, старалися, жебы якъ уморити старшаго Царевича Іоана, и до того пришло было, же почали были душити, брати Царици Наталіи роженіи, которихъ прозивано Нарішкнии, що постерегши Молодая царица небожчика Царя Ѳедора и царевни, на стрелцовъ крикнули, що стрелцѣ принавши оборонили, и тихъ Нарішкниихъ, дядковъ царскихъ, побили, и нинихъ давали на спитку, кто причиною смерти былъ небожчика Царя Ѳедора, чего допыталися, же оному дано трутизну за ловодомъ Мачехи его Царици Наталіи, которая о здоровоу ихъ старалася, намовивши доктора царскаго перехриста, а то для того, жебы сынъ оной, Царевичъ Петръ наймолодшій, освѣлъ Царство, которую то Царицу насилу самъ Царь, молоди Петръ, яко матку свою отпросилъ у стрелцовъ, жебы нестратили, а родъ оной вигубили срого, на штуки рубаючи, а отца царици отпросивши у черци постригли, и у монастырь Соловецкій отослали; и такъ великіе бумти повстали на Москвѣ отъ стрѣльцовъ на Сенаторовъ своихъ, обравши Царемъ Іоана Алексѣевича того жъ часу, жебы оба Царями были, Іоанъ яко старшій, а Петръ молодшій; и тымъ два Царь на Москвѣ стали, и обоимъ присягали на послушенство, и

такъ стрелци вивѣдуочи хто невѣдливимъ былъ царю Іоану, то тихъ брали и тирански забивали, отъ палацовъ царскихъ кидали на родъ, а тутъ на копіи брали и на площади на штуки рубаючи, псомъ кидали, съ которихъ наивнѣйшихъ персонъ Сенаторовъ зъ пятьдесятъ помордовано, и Царевича Касимовскаго чертовано, Долгорукаго Князя Юрѣя въ синомъ, Князя Ромодановскаго въ синомъ, которіе воками славными были у войскахъ Московскихъ, и нинихъ многихъ; также стрелцѣ подавали челобитное на своихъ полковниковъ, головъ, сотниковъ, же ихъ работами обтягають палату, имъ належачую себѣ берутъ, по которой челобитной многихъ Полковниковъ, головъ и сотниковъ Московскихъ стрелцѣ своихъ помордовали, позабывали, а зъ добръ ихъ що было задержано и не тылако тихъ троухъ Полковниковъ що на Москвѣ, zostавали, такъ строгое мордовано, але которіе у городахъ украинскихъ буди, въ Кіевѣ, Чертіговѣ и нинихъ, то по челобитію стрелцовъ высказано и мордовано, задаючи муки великіе, и трачено въ Москвѣ, такъ, же и тихъ многихъ, що боярами и думными дяками надъ приказании zostавали на Москвѣ, вытрачено за нечинене слушнои справедливости. Тажъ тривога великая на всѣхъ жителей въ Москвѣ была отъ стрелцовъ, якои никогда не бывало, а то знати гнѣвъ Божій, а звлаща тихъ бояръ губили, хто причиною смерти небожчика царя былъ, бо вызнали докторъ Перекрестъ, котораго пробовано, за чією радю отруено, зъ чого Царицу и Патріарху повнано ⁶⁵.

■ ■ ■ ■ ■

• **III.**

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ
НАЧАЛА НАРОДОВЪ СЛАВЯНСКИХЪ.

РАЗСУЖДЕНІЕ,

ЧИТАННОЕ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ЗАСѢДАНІИ ВАРШАВСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ НАУКЪ,

24 ГЕНВАРЯ, **1824** ГОДА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ ЕГО,

Лаврентіемъ Суровецкимъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

Юстина Бьялскаго.

Antiquos exquirite patres.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая это сочиненіе въ Русскомъ переводѣ, приготовленномъ, по моему распоряженію (и пробѣренномъ мною), бывшимъ моимъ ученикомъ, а нынѣ старшимъ учителемъ въ одной изъ Вѣлорусскихъ гимназій, кандидатомъ Юстиномъ Бѣдвскимъ, я думаю сдѣлать тѣмъ пріятный подарокъ моимъ соотечественникамъ, занимающимся Славянскою исторіей, но незнакомымъ съ языкомъ его подлинника. Оно весьма замѣчательно во многомъ отношеніи, какъ плодъ свободнаго изслѣдованія по пути, совершенно новому и независимому отъ всѣхъ прочихъ, занимавшихся розысканіемъ этого же самого предмета. Внимательный читатель замѣтитъ, что всѣ главные положенія и выводы сочинителя вполне приняты и усвоены другими, не менѣе знаменитымъ, Славянскимъ ученымъ, г. Шафарикомъ, въ его безцѣльномъ твореніи „Славянскихъ Древностей,“ въ концѣ онъ отдаетъ своему предшественнику всю должную честь и славу, какъ первоизвѣстнику новаго и, чуть ли не самаго вѣрнаго, взгляда на нашихъ предковъ въ сѣдой, незапамятной, древности. Не знаемъ, имѣлъ ли этотъ взглядъ Шафарикъ до появленія изслѣдованія Суровецкаго, или же послѣдній сообщалъ ему оный: и то, и другое возможно; исторія такъ часто представляетъ намъ примѣры, что не только два, но даже нѣсколько лицъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же предметомъ, приходятъ въ равное время къ одинакимъ выводамъ и открытіямъ, совершенно независимо и самостоятельно, не имѣя, по большей части, ни малѣйшаго свидѣнія другъ о другѣ. Но, судя по тому, кто прежде обнаруживалъ свою находку и представлялъ на нее несомнѣнные доказательства, говоримъ: „Вотъ первый виновникъ того или другаго мнѣнія, открытія, и т. п.“ Это, однакоже, относится только къ мнѣнію о древнѣйшей прародинѣ Славянъ, т. е., гдѣ и какъ слѣдуетъ искать ее? До Суровецкаго всѣ изслѣдователи старались отыскать, прямо или косвенно, Славянъ въ томъ или другомъ великомъ народѣ древности; но онъ первый, послѣ многолѣтнихъ и глубокихъ розысковъ и соображеній, убѣдился, что Славянъ должно искать у Славянъ, и притомъ, оставивъ Азію, какъ безразличную колыбель всего человечества, ограничиться одной Европой, въ которой они были такой же самостоятельный народъ, какъ и другіе, сходные съ нимъ, болѣе или менѣе, своей численностью. Этой мысли, составляющей исходную точку всего изслѣдованія его, вполне сочувствуетъ и Шафарикъ, какъ въ упомянутомъ своемъ твореніи, такъ и предтечѣ его, именно: „О происхожденіи Славянъ (Ueber die Abkunft der Slawen nach Lorenz Surawiecki. Ofen. 1828.),“ писанномъ имъ на Нѣмецкомъ языкѣ по поводу вы-

хода сочиненія Суровецкаго, въ которомъ онъ, послѣ сжатаго извлеченія словами автора (съ 15 по 55 стр.), предлагаетъ отъ себя замѣчанія, выказывавшія согласіе и несогласіе его съ послѣднимъ. „Nach dieser kurzen, aber getreuen Darstellung des dem Vf. eigenthümlichen Ideen-ganges und der auf demselben Wege gewonnenen Endergebnisse, geht das Verdienstliche seiner Arbeit hervor. Niemand wird ihm schon nach dieser hier mitgetheilten Probe gründliches Quellenstudium, nüchternen Forschungsgeist, Helligkeit der Begriffe und Zweckmässigkeit der Anordnung ab-sprechen wollen. Das Streben, durch systematisches Verfahren die Grundansichten und den Endertrag seiner Forschung gegen mögliche Zweifel sicher-zustellen und ein Gebäude des slowenischen Alterthums aufzuführen, das in seinen Grundfesten unerschütterlich den Angriffen der Kritik ruhig entge-gensehen könnte, wird ueberall sichtbar. Mit entschiedener Zuversicht weist der Vf. jede noch so leise Zumuthung, von sich, als wollte er ueber das Volk, dessen Ursprung zu ergründen er sich vorgenommen, wieder irgend eine der alten zehn Landplagen, die Hebräer, Römer, Skythen, Teutonen, Finnen, Hunnen, Bulgaren, Awaren, Gothen, Kirgisen, — denn mit allen diesen haben, unheilbar blinde Geschichtstoppler die Slowenen verbrüdet und verschwägert — kommen lassen, und uebernimmt es, die Slowenen in den Slowenen, auf eigenem Grund und Boden, aufzusuchen. Dass ihm dieses innerhalb der von ihm selbst gesteckten Gränzen seiner Forschung, d. i., in Beziehung auf die Selbigkeit der Veneden und Slowenen, trefflich gelungen, davon bin ich vollkommen ueberzeugt. Gleichwohl sey mir, dem gleichgesinn-ten, wiewol weniger erfahrenen Pilger auf dem Felde der vaterländischen Geschichte, nach Niederlegung meines Dankes an die Maen des Vf. für reichliche Belehrung und Gemüthsstärkung erlaubt, meine uebereinstimmen-ten und abweichenden Ansichten, wie sie sich mir bei sorgfältiger Prüfung der Abhandlung aufdrängen, hier etwas umständlicher zu entwickeln, um nach Maassgabe meiner Kräfte zu einem Zwecke mitzuwirken, dessen Erreichung wol nur dem vereinten Streben mehrerer dereinst gelingen kann (S. 54).“

Послѣ сего Шафарикъ приводитъ свои замѣчанія (съ 55 по 212 стр.), которыя, однако же, всѣ вошли, съ некоторымъ измѣненіемъ, въ его Славянскія Древности, а потому мы и не считаемъ нужнымъ сообщать ихъ нашимъ читателямъ. Замѣчательно, что предлагаемое из-слѣдованіе Суровецкаго оставляетъ только извлеченіе изъ его обширнаго творенія объ историческомъ времени и древностяхъ Славянъ, составляющаго въ рукописи около 300 листовъ. Чрезвычайно жаль, что это послѣднее по сию пору не только не обнаружено, но даже неизвѣстно, гдѣ и что съ нимъ стало.

О. Бодянский.

Сентября 21-го, 1846 г.

Москва.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

НАЧАЛА НАРОДОВЪ СЛАВЯНСКИХЪ.

Народъ Славянскій, какъ своимъ происхожденіемъ, такъ и чрезвычайнымъ распространеніемъ по лицу земли, составляетъ загадку, до сихъ поръ еще никому удовлетворительно неръшенную. Едва услышали объ Антахъ и Славянахъ, какъ уже многочисленнымъ полчища ихъ занимали обширныя страны на востокъ, свверь и западъ Греческой имперіи. Замъчено было, что они въ одно почти время заняли все пространство отъ восточныхъ концевъ Балтійскаго моря до Понта Эвксинскаго и Адриатическаго моря, а оттуда, черезъ Дунай, къ вершинамъ Майна и устью Лабы, т. е., жилища древнихъ Скивовъ, Сарматовъ, Алавовъ, Роксолановъ, Гетовъ, Бастарновъ, Пащионовъ, Илировъ, Скордисковъ, Маркомановъ, Семановъ, Вандаловъ, Бургундовъ, Готовъ и многихъ другихъ народовъ, известныхъ своей многочисленностью и могуществомъ.

Бросивъ взглядъ на огромное пространство этихъ земель, кажется невероятнымъ, чтобы одинъ народъ, въ столь короткое время, могъ захватить и населить ихъ. Но когда это не подлежитъ никому сомнѣнію, и когда припомнимъ себѣ, сколько въ это время Славяне, въ безпрестанныхъ войнахъ съ Греками и варварами, потеряли, и сколько племенъ ихъ смѣшалось съ чужими, то невольно приходишь къ заклю-

ченію, что они, какъ теперь, такъ и въ то время, не только не уступали своей многочисленностью величайшимъ Европейскимъ народамъ, но даже превосходили ихъ.

Занятіе цѣлой половины Европы столь многочисленнымъ народомъ менѣе бы удивляло насъ, если бы оно было совершенно обыкновенными средствами, изъ обыкновенныхъ побужденій. Известно, что можетъ сдѣлать народъ, влекомый жаждой добычи и руководимый сильной волей одного. Исторія міра приводитъ намъ не мало примѣровъ великихъ завоеваній; но ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть примененъ къ Славянамъ. Когда другіе народы, тѣсно соединенные общей пользой и властью, одновременно и, такъ сказать, густыми толпами бросались на непріятеля при первомъ его видѣ, Славяне, раздробленные на отдѣльныя поколѣнія, безъ взаимныхъ связей, являлись малочисленными толпами, въ разные времена и въ разныхъ частяхъ свѣта. Первые, повинувшись воли и приказаніямъ верховнаго вождя, слѣдовали вездѣ его мановенію; Славяне же, при народномъ образѣ правленія, прежде чѣмъ рѣшались на какое-нибудь предпріятіе, заблаговременно обсуживали пользу, которую надѣялись получить отъ того въ замѣнъ жертвуемаго ими драгоценнаго спокойствія. Наконецъ, другіе воин-

ственные народы, свыкшіеся съ военной жизнью, ужасными толпами быстро переносились съ мѣста на мѣсто, ища непріятелей съ тою цѣлю, чтобы притѣснить ихъ и отнять у нихъ готовую добычу: напротивъ Славяне, нестрашные оружіемъ, кроткіе отъ природы, въ свободномъ переселеніи искали единственно земли, чтобы собственными трудами сдѣлать ее плодородною. Казалось, что сама судьба, благопріятствуя намѣреніямъ и дѣйствіямъ ихъ, хотѣла увѣнчать оныя совершеннымъ успѣхомъ; ибо, когда хищные народы исчезли, вмѣстѣ съ прахомъ своей добычи, Славяне, удержавъ, среди всѣхъ смуть безпокойныхъ вѣковъ, занятые ими однажды жилища, дождались, наконецъ, того счастливаго времени, которое предвѣщаетъ имъ продолжительное существованіе и величіе.

Глубокомысленные историки, разсматривая неслыханное распространеніе народа Славянскаго, неизвѣстнаго прежде ни по имени, ни по жительству, спрашивали, и теперь еще спрашиваютъ съ удивленіемъ: откуда онъ явился? гдѣ росъ? и гдѣ, до послѣдняго мгновенія, скрывалъ свой родъ и могущество? Безчисленныя толпы его не могли прокрасться незамѣтно и долго скрываться на пространствахъ Европы, хорошо уже освѣщенныхъ исторіей. Со времени походовъ Дарія, Александра В., Митридата, до самыхъ послѣднихъ Римскихъ войнъ, на Северѣ не было ни одного народа, которому бы современные писатели не назначали извѣстныхъ жилищъ и извѣстнаго имени. По сему Славяне должны были паходиться между ними, и основательнѣйшіе историки, по всему праву, искали ихъ здѣсь. При всемъ томъ, относитель-

по первоначальнаго названія и рода ихъ, они оставили намъ столь противоположныя и столь сомнительныя извѣстія, что ни на одно изъ нихъ съ полною достовѣрностью нельзя положиться.

Мы до сихъ поръ, не смотря на глубокія изслѣдованія многихъ ученыхъ, не имѣемъ никакого положительнаго извѣстія о происхожденіи великаго Славянскаго народа, именно отъ того, что въ изысканіяхъ по этому предмету не хотѣли отступить отъ обыкновеннаго пути и изъ предубѣжденія довольствовались сомнительными руководителями. Идя, такимъ образомъ, обычной колеей, одни придерживались ошибочныхъ названій и, опираясь на нихъ, роднили Славянъ съ народами, представляющими никакой связи, даже малѣйшаго сходства, съ ними; другіе, переносили на народы географическія названія земли, въ которой они жили, и смѣшивали ихъ, не обращая вниманія на явное ихъ различіе; третьи, наконецъ, болѣе рѣшительные, начинали съ самой колыбели рода человеческого и, проходя чрезъ многочисленныя ряды неизвѣстныхъ поколѣній, хотѣли довести насъ оттуда къ первому Славянину. А тѣ, которымъ кое-какъ удалось дойти до цѣли, не видели средствъ показать ее всѣмъ.

Для избѣжанія подобной неудачи и чтобы представить начало народовъ Славянскихъ въ надлежащей ясности, я, послѣ долготныхъ изслѣдованій и внимательнаго разсмотрѣнія, избралъ особый путь и новыхъ руководителей. Вмѣсто того, чтобы начать сверху отъ Яфетовъ, Асарматовъ, Гетіоховъ и т. п., я намѣренъ идти по послѣднимъ слѣдамъ вверхъ къ древнимъ жилищамъ Славянъ, и тамъ, внимательно разсмотрѣ-

рвъ ихъ физиогномію, обычаи и другія, свойственныя имъ, черты, искать далѣ истинныхъ ихъ предковъ. Хотя бы мнѣ, при ограниченнхъ средствахъ, и не удалось, на первый разъ, достигнуть конца избраннаго мною пути; хотя бы я и не исчерпалъ всѣхъ пособій, облегчающихъ совершеніе онаго, однако жъ для меня будетъ довольно, если избранный мною путь почтутъ вѣрнѣйшимъ другихъ.

Такъ какъ намъ предстоитъ искать Славянъ въ Европѣ, а не въ другой части свѣта, то, прежде нежели приступимъ къ нашей задачѣ, должно познакомиться со всеми народами этой части свѣта, показать мѣста, ими занимаемая, и время ихъ движеній и переходовъ. При такихъ свѣдѣніяхъ, какъ скоро покажется Славянскій народъ, намъ не трудноуже будетъ отличить его отъ другихъ и показать, откуда онъ пришелъ и подъ какимъ именемъ до того скрывался. Тогда, имѣя его предъ глазами, легко намъ всмотрѣться въ отличительныя его черты, сравнить ихъ съ чертами другихъ народовъ, и разлчіе между ними послужить къ уничтоженію остальныхъ сомнѣній и къ окончательному утвержденію нашего мнѣнія.

Древніе Европейскіе народы, жьста, или занимаемая, и ихъ переселенія.

Съ незапамятныхъ временъ пять главнѣйшихъ народовъ населяли Европу: Эракійцы, Кельты, Германцы или Тевтоны, Скионы и Венеды.

Эракійцы, къ которымъ относили Гетовъ, Даковъ, Кораловъ, Бесовъ, Кробицевъ, Мизовъ и Македонянъ, занимали страны, лежащія между Эгейскимъ моремъ, Поигтомъ и Днѣстромъ до юговосточныхъ от-

логостей Карпатскихъ горъ; отсюда жилища ихъ простирались за Истръ по Савъ, чрезъ Македонію до Иллирии, Эпира и земли, собственно такъ называемыхъ, Грековъ (1).

На западъ отъ Эракійцевъ жили Кельты, имено, съ одной стороны до устья Савы, по обѣимъ сторонамъ Дуная, вверху до средней части Рейна, а съ другой отъ Иллирии и береговъ Адриатическаго моря до Анконы, далѣ вдоль Аппенинъ и Средиземнаго моря до Испаніи, во всей Галліи до Рейна и Британскихъ острововъ. Къ нимъ причисляли, между прочимъ, Панноновъ, Скордисковъ, Илирцевъ, Венетовъ, Боевъ, Таврисковъ, Ретовъ, Гельветовъ, Предальпійскихъ Кельтовъ вдоль рѣки По, Тусковъ, Лигурійцевъ и въ Галліи, такъ называемыхъ Кельтовъ Заальпійскихъ; сюда же принадлежали Аквитапы и Арморика, жившіе вдоль Атлантическаго океана; Бельгійцы отъ Сены до устья Рейна; Британцы на островахъ Британскихъ, Каледоняне, Пикты, Силуры, Гиберны; въ Испаніи Ибры, Кельтибры, Турдетане, Баски, Лузитане, и др. (2).

Страны, лежащія на востокъ отъ Рейна до самой Вислы и южныхъ отраслей Карпатовъ, и ограниченныя, съ одной стороны, Майномъ и средней частью Дуная, а съ другой Нѣмецкимъ и Балтійскими морями до Скандинавскаго полуострова, заселяли Германскіе народы. Изъ нихъ важнѣйшіе занима-

(1) Herodot. l. 4 et 5. Mela l. 2. Strabo. l. 7. Athené. l. 6. Plin. l. 7.

(2) Strabo l. 4, 5, 6 et 7. Appian. Illyr. Mela l. 2 et 5. Plin. l. 3 et 4. Lucan. l. 4. Caesar. B. Gal. Tacit. Germ. Diod. l. 5. c. 9.

ли слѣдующія мѣста: Фризы, Каты и Херуски отъ Рейна до Салы и Лабы; Гермундуры — около верховьевъ Майна. Между Лабой и Вислой, по берегамъ Балтійскаго моря, въ нынѣшней Голштиніи, Меклембургіи и обоихъ Поморьяхъ, жили Англы, Варинны, Руги, Герулы и Готы; надъ ними Лоцгобарды и Туринги въ окрестностяхъ Гавеля; да лѣе Семноны, отъ Салы чрезъ Лабу и Одру, до средней части Варты. Бургунды занимали земли отъ Варты чрезъ Гопло до самой Вислы, Лиги вдоль по обоимъ берегамъ Пилицы, и Буры отъ Промши и истоковъ Одры Готины и Озы, занимавшіеся исключительно добываньемъ и выдѣлкой металловъ; пониже жили Нагарвалы и Ары, въ нынѣшней Моравіи Квады, въ Чехіи, до береговъ Дуная, обитали Маркоманцы. Сильный народъ, причисляемый къ Германцамъ подъ именемъ Бастарновъ и Певкиновъ, издревле проникъ въ земли Фракійцевъ и Скивоновъ и, смѣшавшись съ туземцами, жилъ частью при устьяхъ Истра, частью же разсѣяно по обѣимъ сторонамъ Днѣстра. Большую часть племень, жившихъ между Лабой и Вислой до устья Моравы, называли общимъ именемъ Свевовъ и Вандаловъ; къ этимъ послѣднимъ Плиній причисляетъ Варяновъ, Готюновъ и Бургундовъ (3).

Скионы населяли всѣ страны къ сѣверу отъ устья Истра и отъ Меотиды, нынѣшняго Азовскаго моря. Пovyше Понта до Танаиса, нынѣшняго Дона, обитали, собственно такъ называемые, Скионы, раздѣлявшіе-

ся на Скионовъ земледельческихъ, царскихъ и пастушескихъ; за ними, вдоль упомянутой рѣки, Будины и Гелоны; далѣе къ Борисоену и на сѣверъ, Сарматы, Аланы, Роксоланы, Меланхлены и Эсседоны; на западной сторонѣ Борисоена (Днѣпра) Агаирсы, Невры и другіе. Гетовъ и Тирагетовъ, жившихъ на Днѣстрѣ, часто смѣшивали съ Скионами. Одно поколѣніе Сарматовъ, отдѣлившееся отъ прочихъ, поселилось при впаденіи Тиссы въ Дунай, и здѣсь, среди Фракійскихъ и Германскихъ народовъ, долго удерживало свою самостоятельность (4).

Пятый главный въ Европѣ народъ, Венеды, занималъ обширныя страны отъ восточныхъ береговъ Вислы къ сѣверу до верховьевъ Днѣпра и Волги, прилегая къ части Балтійскаго моря, называемой, по его имени, заливомъ Венедскимъ. Венеды менѣе всѣхъ народовъ были извѣстны древнимъ писателямъ, а потому мало дошло до насъ свѣдѣній о жилищахъ и именахъ отдѣльных ихъ поколѣній (5).

Всѣ эти главные народы не всегда составляли одно племя; некоторыя ихъ отрасли разнились и языкомъ, и физиогноміею отъ племени, къ которому причислялись. Судя по мѣсту жительства ихъ, можно заключать, что одни изъ нихъ принадлежали къ древнѣйшимъ народамъ, а другіе къ народамъ, послѣ прѣбывшимъ. Горы и мѣста недоступныя или невыгодныя, обыкновенно, были жилищемъ и послѣдней защитой для слабыхъ племень, вытѣсняемыхъ смѣ-

(3) Tacit. *Her.* Livius l. 40. Strabo l. 7 Plin. l. 4. Ptolom. l. 2. Mela l. 3. Cluver. *German. Ant.* tab. 13 et 14.

(4) Herod. l. 7. et 3. Mela l. 2 et 3. Strabo l. 7. Arian. *exp.* Alex. M. l. 4. Joseph. l. 7. Plin. l. 4. Ptolom. l. 3. c. 3

(5) Tacit. *German.* Plin. l. 4. Ptolom. l. 3.

нѣйшими изъ лучшихъ мѣстоположеній. Въ мѣста, удобныя для торговли, особенно на берега морей, стремились, изъ разныхъ частей свѣта, народы наиболее промышленныя, и, по мѣрѣ своего усилія, или порабощали, или вытѣсняли во внутренность страны прежнихъ ея обитателей.

Древніе писатели приводятъ между Фракійцами, какъ особая племена, жившія въ горахъ Гемуса: Загоранъ, Коралловъ, Кробицевъ, Бессовъ, а въ горахъ Олимпа и Эпира: Пеласговъ, Делеговъ, Эпиротовъ и т. д., которые не смѣшивались съ своими соседями и, вѣроятно, были ими первоначально вытѣснены изъ долинъ и лучшихъ мѣстъ (6).

Въ странѣ, занимаемой Кельтами, кромѣ Илирцевъ, Далматовъ, Нориковъ, Тусковъ, Лигуровъ, Аквитановъ, Иберовъ, Турдетановъ, Басковъ, Силуровъ и т. д., современники упоминаютъ о трехъ поселеніяхъ Венетовъ, которые происхожденіемъ, подобно предыдущимъ, отличались отъ настоящихъ Кельтовъ. Одни изъ нихъ обитали на берегахъ Адриатическаго моря (7), другіе въ Бельгій, близъ пролива Кале, и въ странѣ, такъ называемыхъ, Моринновъ, а третьи въ Галліи, въ нынѣшней Вандей. Среди Гарманцевъ жили чуждыя имъ племена: Готтины и Озы, а между Венедами—Эсты или Гитоны (8).

Приморскія страны, гдѣ съ древнѣйшихъ временъ производилась торговля, начиная отъ Меотиды чрезъ Понть, Эгейское и Средиземное моря до Атлантическаго океана и Британіи, заключали въ себѣ множество поселеній, основанныхъ пришельцами изъ разныхъ частей свѣта. Во всемъ Пелопоннѣ, Греціи, Сициліи, Итальянскомъ полуостровѣ, далѣе на берегахъ Средиземнаго моря до Марсели, Испаніи и Лузитаніи, смѣшивались съ туземцами разные Африканскіе и Азіатскіе народы. Известно, какъ много поселеній имѣли Греки при Черномъ морѣ, на Таврическомъ полуостровѣ и среди Скиѣи (9).

Такъ размѣщены были Европейскіе народы передъ началомъ эпохи Христіанской; и безъ той бури, которая готовилась разразиться надъ ними, они, вѣроятно, надолго остались бы на своихъ мѣстахъ. Видно, что привычка къ собственнымъ жилищамъ и довольствованію произведеніями ихъ, уже брала у нихъ перевѣсъ надъ хищничествомъ: отъ сказаній Геродота до респрей Помпея и Цезаря не слышать, исключая нѣкоторыя нашествія Галловъ и Кимбровъ, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, о какомъ-либо значительномъ движеніи Европейскихъ варваровъ. Только безмѣрная жадность добычи и окровавленный мечъ Римлянъ встревожили эти мирныя племена и повергли ихъ въ тѣ бѣдствія, которыя, со временемъ, обрушились ужаснымъ образомъ на главы самихъ виновниковъ и причинили имъ гибель. Эти грозные притѣснители народовъ, послѣ варварскаго опустошенія Греціи, встре-

(6) Herod. l. 4. Strabo l. 5, 7 et 12. Plin. l. 3.

(7) Plin. l. 3 et 6. Strabo l. 5 et 7. Ptol. l. 5. Li. u l. 1. Dio Halicarn. l. 4. Jornand. R. G. c. 24. Claver. Tab. Helvet.

(8) Tacit. Germ. Caesar. B. G. Com. 2, 3, 4, 7. Plin. l. 3, 4. c. 18. Strabo l. 4. Ptolom. l. 2 et 3.

(9) Herodot. l. 4. Demosth. Com. Phorm. Strabo. l. 7, 11. Diod. l. 12.

бивъ и вытѣснивъ за Дунай разныхъ народовъ, жившихъ отъ нихъ на востокъ и сѣверъ, бросились на западъ для завоеванія, подобнымъ же образомъ, Галлія и другіяхъ, прилежащихъ къ ней, странъ. Въ самомъ дѣлѣ, они вскорѣ достигли своей цѣли; но, побуждаемые ненасытною страстью къ завоеваніямъ, они перешли черезъ Рейнъ и тамъ возмутили спокойствіе Германскихъ народовъ до Салы, Везера и Лабы. Тогда одни изъ нихъ, уступая силѣ, должны были покориться, другіе, какъ непокорные, были истреблены, а прочіе, избывая ига или смерти, пошли искать себѣ въ другихъ мѣстахъ безопаснѣйшихъ жилищъ, не щадя на пути даже своихъ собратій.

Такое насиліе, сдѣланное народу сильному и мужественному отъ природы, не могло долго оставаться безъ отмщенія; такъ какъ бѣдствія постигали всѣхъ, то и возстаніе противъ виновниковъ этихъ бѣдствій было всеобщее. Опомнившись отъ первыхъ ударовъ, всѣ поколѣнія Германскія, на призывъ мужественныхъ Ариовистовъ, Цивилисовъ и Арминьевъ, бросились къ оружію, и одни съ востока, другіе съ запада, начали сокрушать могущество гордыхъ Римлянъ. Сначала эти войны были только слѣдствіемъ отчаянія и ненависти къ притѣснителямъ; но, наконецъ, первыя побудительныя причины смѣнились страстью къ грабежамъ и добычѣ. Послѣ разныхъ браней и испытанія собственныхъ силъ, одинъ народъ за другимъ вырывался изъ своихъ жилищъ и искалъ счастья въ землѣ общаго ихъ врага. Отсюда произошли неслыханныя доселѣ движенія Сѣверныхъ народовъ, которыя сначала, произвели всеобщее замѣшательство между ни-

ми самими, а въ послѣдствіи дали совершенно другой видъ древней Европѣ.

Сколько извѣстно, Маркоманны или Севы были первыя, которые въ натискѣ, происшедшемъ на Рейнѣ, бросились на востокъ на Кельтическій народъ, Боевъ, жившихъ въ нынѣшней Чехіи и, завладевъ ихъ землями до самаго Дуная, послѣ соединенія съ Квадами, Лигами, Бурами, Семнонами и др. народами, жившими между Лабой и Вислой, непрерывно, со времени Августа, безпокоили, съ этой стороны, Римлянъ, до совершеннаго ихъ паденія (10).

Вслѣдъ за Маркоманами выступили отъ югозападныхъ береговъ Балтійскаго моря многочисленныя толпы Готовъ, которые дошли до самой Меотиды, и оттуда, подкрѣпленные, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, разными пришельцами изъ своего и другихъ поколѣній Германскаго племени, долгое время безпокоили Римскую имперію со стороны Понта и Истра. Наконецъ, одна ихъ часть, подъ именемъ Визиготовъ, опустошивъ Фракію, Иллирію, и Италію, въ началѣ V - го столѣтія проникла въ Галлію и Испанію, гдѣ навсегда осталась; другая же, подъ именемъ Остроготовъ, вытѣсненная Гуннами изъ своихъ жилищъ, кочевала по разнымъ провинціямъ Восточной имперіи и, въ первой половинѣ VI - го столѣтія, завладѣла Италіей (11).

(10) Strabo l. 7. Vellej. Pater. l. 2. Tacit. Ger. et. Ann. l. 2. Jornand. R. G. Lazius De migr. gent. l. 2.

(11) Theodos. ex Dion. l. 71. Jornand. R. G. et. reg. succes. Isidor. Chron. Goth. Lazius. Migr. gent.

Въ это же самое время разные другіе Германскіе народы, поочередно оставляя свою родину, тѣснились, со всѣхъ сторонъ, на границы Римскихъ областей и оттуда оружіемъ пролагали себѣ дорогу къ завладѣнію ими. Не упоминая о западныхъ Германцахъ, исчислимъ только движенія народовъ, жившихъ на востокъ отъ Салы и Лабы до самой Вислы.

Съ половины II-го столѣтія Лиги и Буры, вмѣстѣ съ Маркоманами, Квадами и Сарматами, почти постоянно воевали на Дунавъ съ Римлянами, а въ концѣ III-го столѣтія первые жили уже на Рейнѣ и Некарѣ (12). Около половины IV-го столѣтія Вандалы, прошедши чрезъ разные страны до Понта, приблизились къ средней части Дуная и, принятыя въ Паннонію и Иллирію, гдѣ прожили около 40 лѣтъ, отправились, вмѣстѣ съ Свевами, Аланами и частью Бургундовъ, чрезъ Рейнъ въ Галлію, Испанію и Африку (13). Другая часть Бургундовъ, вмѣстѣ съ сосѣдними Лигами, протѣснилась, въ царствованіе Проба, до Рейна, откуда послѣ также перешла въ Галлію; оставшіеся же въ древнемъ отечествѣ, на Вислѣ, вскорѣ истреблены были въ нашествіе Гунновъ и Гепидовъ (14). Отъ половины до конца V-го столѣтія непрерывно налегали на среднюю часть Дуная и Ита-

лію Руги, Герулы, Туринги, Сѣверы, Гепиды и Лонгобарды, которые, послѣ разныхъ приключеній, были здѣсь или истреблены, или пошли далѣе искать новыхъ для себя жилищъ (15). Такимъ образомъ, въ продолженіе сего времени, всѣ земли, лежащія между Лабой, Балтійскимъ моремъ и Вислой, были, однѣ совершенно оставлены, а другія значительно обдѣвлены народонаселеніемъ.

Среди такихъ замѣшательствъ и всеобщаго разсыпанія Сѣверныхъ народовъ, съ востока приблизились Гунны; Германскія поколѣнія, еще оставшіеся на своихъ мѣстахъ, принуждены были или покориться имъ, или искать другихъ жилищъ. Силы этихъ варваровъ, вскорѣ повелѣвавшихъ Маркоманами, Квадами и оставшимися Готами, Свевами, Турклингами, Герулами, Ругами и т. д. (16), до того увеличались, что вся Европа готовилась подпасть подъ ихъ иго. Къ счастью, смерть Аттилы, въ половинѣ V-го вѣка, уничтожила ихъ владычество, послѣ чего вскорѣ последовали въ этихъ земляхъ важныя перемѣны. Сарматы, Бастарны, Певкины, Маркоманны, Квады и т. п., исчезли, а на мѣсто ихъ появились, на Дунавѣ, Славяне, Авары, Булгары и разные мелкіе народы Гунскаго происхожденія. Часть Сарматовъ уже во время Диоклетіана была поселена въ Бельгію на Мозель, другіе соединились въ Галліи съ Визиготами, а остальные, долго скитаясь по Панноніи, Мизіи и Фракіи, двинулись отсюда, вмѣстѣ съ Лонгобардами, для завоеванія Италіи

(12) Zos. in l. 1. S. Hieronym. Chr. Euseb. ad Valentio. Julius. Cap. Vit. Marciani Caes.

(13) Procop. B. G. et Vandal. Zosim. l. 1. Jornand. R. G. et reg. suc. Isidor. Chr. Vandal. Laz. M. gent. l. 11.

(14) Mamert. Genet. Diocl. c. 17. Eumen. Gen. Maxim. Cassiod. in Chro n. Oros. l. 7. Socrat. Hist. Occles. l. 7. Marcell. l. 18. l. 28. Procop. l. 1. Jornand. R. G. c. 7. Laz. M. gent.

(15) Procop. B. G. Jornand. R. G. Laz. M. gent.

(16) Jornand. R. G. Procop. B. G. Laz. M. gent. l. 9.

(17). Бастарны, подобно Сарматамъ, кочевой народъ, вѣроятно, не были многочисленны; ибо, когда, около конца III-го столѣтія, Пробъ принялъ ихъ, числомъ 100,000, въ Мизію и Фракію, объ нихъ перестали упоминать. Кажется, если нѣкоторые изъ нихъ и остались за Днѣстромъ, то въ войнахъ Гунновъ и натискъ разныхъ народовъ, должны были, частью погибнуть, а частью смѣшаться съ другими народами (18).

Мы не имѣемъ точныхъ извѣстій, когда именно Свевскіе Маркоманны и Квады совершенно оставили нѣмѣцкую Чехію и Моравію; достоверно то только, что послѣ удаленія, во время Гонорія, значительной части ихъ къ источникамъ Дуная, оставшіеся тамъ ослабли, и что послѣ знаменитаго похода въ Галлію съ Аттілою, въ 451 году, въ этой странѣ не находимъ объ нихъ никакихъ извѣстій. Можно предположить, что оставшіеся послѣ этой гибельной войны не возвращались болѣе на родину, а пребывавшіе въ ней, будучи не въ состояніи сопротивляться вторженію чужихъ народовъ, исчезли, или пошли къ своимъ соплеменникамъ, поселившимся у верховьевъ Дуная (19).

Появленіе Славянскихъ народовъ.

Могущественная Римская имперія, подъ властію и тяжестью которой недавно еще стонала земля, подъ конецъ

V-го столѣтія такъ было ослабѣла, что только судьба и случайныя происшествія спасали ее отъ совершенной гибели. Западная ея часть, начинавшая отъ Адриатическаго моря до Галліи, Испаніи, Африки и Британскихъ острововъ, уже была раздроблена Сѣверными варварами на мелкія части; Восточная же до того изнемогла, что горсть хищниковъ не одинъ разъ приводила ее въ трепеть. Вдоль береговъ Дуная, Савы и Дравы опустошенныя провинціи: Мизія, Паннонія, Иллирія, обратились въ безлюдныя пустыни; здѣсь, блуждающіе остатки разныхъ народовъ, одинъ за другимъ, основывали свои станицы, и съ этой стороны безпрестанно нарушаемо было спокойствіе всей имперіи. Въ такомъ жалкомъ положеніи застали Славяне Римскую монархію, когда они приблизились къ Истру. Незначительные остатки Гунновъ и Германскихъ поколѣній, которыхъ они еще нашли здѣсь, вскорѣ убѣдили ихъ своимъ примѣромъ, что Восточную имперію можно терзать безнаказанно. Сначала Славяне, пытая счастья, довольствовались отдельными только нападеніями, предпринимаемыми то ими одними, то вмѣстѣ съ другими; но, какъ скоро счастье начало имъ благоприятствовать, они общими силами нагрянули на имперію, что возбудило въ нихъ страсть къ битвамъ и грабежамъ. По этому вскорѣ увидѣли въ сихъ странахъ Славянъ, то распространяющихъ ужасъ до самаго Константинополя и Фессалоники, то за деньги вступающихъ въ службу Грековъ, или варваровъ, смотря по обстоятельствамъ (20). Это именно и по-

(17) Aeson. ap. Cluv. l. 2. c. 14. Ammian. Mar. l. 19. Procop. B. G. Warnefrid. seu Paul. Diac. Long. l. 2. c. 26. Laz. M. gent. l. 3.

(18) Sidon. ad Avid. Eutrop. ap. Laz. M. g. l. 9. Avent. ann. Boj. l. 2, c. 42.

(19) Lazius M. gent. l. 8 et 9.

(20) Stritt. Scrip. Byzant. T. 2.

дало первый поводъ современнымъ писателямъ обратить вниманіе на Славянскіе народы; и здѣсь, по всей вѣроятности, они впервые явились какъ завоеватели. Еслибы они прежде участвовали въ тѣхъ войнахъ и переселеніяхъ, которыя въ продолженіе пяти столѣтій безпокоили сѣверные народы, то, вѣроятно, мы имѣли бы и прежде объ нихъ свѣдѣнія; но онѣ кончились бы, безъ сомнѣнія, подобно извѣстіямъ о прочихъ народахъ, то есть, извѣстіемъ объ ихъ гибели.

Въ началѣ VI го столѣтія, въ царствованіе Юстиніана, Прокопій и Юрнандъ первые упомянули о Славянахъ, безпокоившихъ предѣлы имперіи. Оба они согласно указываютъ на тогдашнее отечество Славянъ за Истромъ и Днѣстромъ; но ни одинъ изъ нихъ не объясняетъ, съ котораго времени они тамъ поселились. Только изъ описанія походовъ, въ это время предпринятыхъ Греками въ землю Славянъ, видно, что они уже давно тамъ жили; ибо эта земля вездѣ была хорошо населена. Должно думать, что еще до Юстиніана Славяне какъ съ сѣвера, такъ и съ запада приближались къ предѣламъ Восточной Имперіи. Кровавые битвы съ Винитаромъ, королемъ Остроготовъ, происходившія, какъ можно полагать, за Днѣстромъ, въ нынѣшней Украинѣ, показываютъ, что еще до распространенія владычества Гунновъ, во второй половинѣ IV го столѣтія, нѣкоторыя Славянскія поколѣнія уже выступили изъ первобытныхъ своихъ жилищъ и подвигались на Югъ. После паденія могущества Аттилы и разсѣянія воинственнѣйшихъ народовъ, около половины V го столѣтія, ничто уже въ тѣхъ странахъ не могло удержатъ ихъ стремленія

къ Дунаю. И въ самомъ дѣлѣ, изъ повѣствованія Прокопія о возвращеніи Геруловъ въ Данию и Скандинавію явствуетъ, что до конца того же столѣтія Чехія, Моравія и нѣкоторыя земли къ западу отъ Вислы заняты были Славянскими народами (21).

Такъ какъ выступленіе народовъ Славянскихъ случилось почти въ эпоху владычества Гунновъ, то позднѣйшіе писатели хотѣли заключить, что первые, какъ подвластные Гуннамъ, были ими приведены на Дунай. Догадки такого рода, неоснованныя ни на какомъ современномъ извѣстіи, не заслуживаютъ вниманія; впрочемъ, если и допустить, что Славяне, подобно всемъ народамъ, жившимъ между Понтомъ, Истромъ и Балтійскимъ моремъ, принуждены были покориться оружію Аттилы, то нигдѣ однако жъ, нѣтъ и слѣда, чтобы эта подчиненность принуждала ихъ оставлять свои жилища, или обязывала военною службою. Всѣ народы, которыхъ Гунны выводили противъ Грековъ, которыхъ высылали на войну въ разныя стороны, и которые, после паденія ихъ владычества, расходились въ разныя стороны, съ точностію исчислены современными писателями; между ними были: Готы, Алапы, Гепиды, Маркоманны, Свевы, Герулы, Невры, Гелоны и т. п., но о Славянахъ нигдѣ не упоминается (22). Если бы они въ какомъ нибудь происшествіи появились уже во время Аттилы, то Греческіе писатели, видя, впоследствии,

(21) Procop. B. G. l. 2 et 3. Jornand. r. g. c. 48. Stritt. Scr. Byz. T. 2.

(22) Sidon. ad Avit. Jornand. r. g. c. 80. Eutrop. ap. Laz. l. 9.

приближеніе ихъ къ предѣламъ имперіи, не говорили бы о нихъ, какъ о недавно явившихся и дотолеъ невиданныхъ (23).

Все это доказываетъ, что Славяне только послѣ паденія Гунновъ приблизились къ Дунаю, что если Гунны и въ самомъ дѣлѣ завладѣли всею Сѣверомъ, то менѣе имѣли вліянія на нихъ, чѣмъ на другіе народы. Ибо когда прочіе покоренные народы несли дань Гуннамъ личною службою, Славяне, какъ кажется, удовлетворяли своихъ повелителей или самою дружбою, или означенною данью. Тѣ Славянскія поколѣнія, которыя отдѣльно подъ предводительствомъ Лавриты, Андрогоста, Мужомира, Пирогоста, Мужоха первые приблизились къ Истру, не только не признавали надъ собою ничьей власти, но даже Аварамъ, послѣ нихъ сюда пришедшимъ, на предложеніе перейти въ ихъ подданство, рѣшительно отвѣтили, что они не привыкли никому повиноваться. Вотъ ихъ слова: „Кто же изъ живущихъ подъ солнцемъ можетъ поколебать наше могущество, или устоять противъ него? Мы привыкли покорять чужія земли, но никто не можетъ завоевать нашей. Пока будутъ существовать брани и мечи, до тѣхъ поръ никто не въ состояніи противиться намъ (24).“

Разсмотрѣвъ эпоху появленія Славянъ, изслѣдуемъ теперь, подъ какимъ именемъ и откуда современные писатели выводятъ ихъ. Въ этомъ отношеніи Прокопій говоритъ такъ: „Nomen etiam Sclavenis et Antis unum erat; utrosque enim antiquitas appellavit Sporos, ob id, opinor, quia Sporaden, id est, sparsim

et rare positis tabernaculis regionem obtinent; quo fit ut magnum occupent spatium. Et vero ulterioris ripae Istri partem maximam habent.“ Далѣе современникъ прибавляетъ: „Ad Meotidem Scythi uturguri, supra eos ad Aquilonem Antarum populi infiniti (25).“ Иорнандъ, другой современный писатель, родомъ Готъ, упоминая о Карпатскихъ горахъ, окружающихъ древнюю Дакію, говорить: „Juxta quorum sinistrum latus, quod ad Aquilonem vergit, et ab ortu Vistulae fluminis per immensa spatia venit, Winidarum natio populosa consedit: quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Sclavini et Antes nominantur. Sclavini a civitate nova et lacu, qui appellatur Musianus, usque ad Danastrum et in boream Viscla tenuis commorantur; hi paludes sylvasque pro civitatibus habent. Antes vero, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur, a Danastro extenduntur usque ad Danubium....ad littus autem oceani, ubi tribus faucibus fluenta Vistulae ebibuntur, Vidivarii resident, ex diversis nationibus aggregati, post quos ripam oceani item Esti tenent, paccatum hominum genus omnino.“ Тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ: „Ermanagicus in Venetos arma commovit, numerositate pollentes....qui ab una stirpe exorti, tria nunc nomina reddidere, id est Veneti, Antes et Sclavi (26).“

Изъ приведеннаго здѣсь видимъ, что Славяне подъ разными названіями вышли изъ древнихъ своихъ жилищъ; что народонаселеніе у нихъ было уже очень велико; что въ перьвой половинѣ VI го столѣтія, начиная отъ

(23) Procop. B. G. l. 3. Jornand. r. g.

(24) Procop. de edif. l. 4. Menand. ap. Stritt. T. 2. p. 46.

(25) Procop. B. G. l. 3. et 4.

(26) Jornand r. G. c. 5. et 23.

устья Дуная по берегамъ Меотиды и вдоль по Вислѣ, они занимали на Сѣверъ всю тѣ страны, гдѣ, нѣкогда, жили Геты, послѣ нихъ Бастарны и Певкины, Готы, Гунны, Будины, Сарматы, Ланы, Роксоманы, Меланхлены, Антроповаги, Венеды и т. п.; что, наконецъ, Эсты, во время Тацита, жили рядомъ съ ними на берегахъ Балтійскаго моря, изобиловавшихъ янтаремъ.

Хотя Греческіе писатели, по своему обыкновенію, называютъ Славянъ разными именами, то Sclaveni, Sclavini, Viividae, то Sclavi, Venetae, въ томъ, однако жъ, нѣтъ сомнѣнія, что эти названія были общія, что ими въ самомъ дѣлѣ назывались Славяне; потому что во всехъ ихъ нарѣчіяхъ говорится: Словяне, Словенцы, Словинякъ, Словакъ, Шлавяне, Славянинъ, Ванда, Винда и т. п. Названіе: Анты, которое вскорѣ вышло изъ употребленія, вѣроятно, произошло отъ названія Венеты или Энеты особеннымъ произношеніемъ или правописаніемъ (*).

(*) Нѣкоторые писатели, желая производить имя Славянъ отъ *славы*, требуютъ, чтобы ихъ называли Славянами. Я избираю первое по той причинѣ, что имъ такъ находимъ въ большей части нарѣчій Славянскихъ и что *слава*, бѣзъ сомнѣнія, происходитъ отъ *слова*. Можно предполагать, что имя Словянинъ, Словенецъ и т. п., въ народѣ раздробленномъ на множество отдѣльныхъ поколѣній, произошло, впоследствии, для означенія всѣхъ соотечественниковъ, которымъ повелѣнъ былъ общій языкъ, на которомъ они изъяснялись, и что это имя употреблялось самими народами; другіе же называли его иначе, и это названіе, какъ древнѣйшее, осталось у прочихъ народовъ въ употребленіи. Впрочемъ, здѣсь заслуживаетъ особенное вниманіе то обстоятельство, что, какъ Славяне на-

Что Греки вмѣсто Словене, Словяне писали Sclaveni, Sclavi, вѣроятно, происходило отъ того, что имъ трудно было послѣ S провзвести буквы L и O, которая-во всѣхъ языкахъ, обыкновенно, замѣняется буквою A. Потому-то и Иорнандъ первый, стараясь, вмѣсто Vistula, назвать эту рѣку по Славянски, пишетъ Viscla, а не Visla.

Хотя никто изъ древнихъ писателей, кромѣ одного Прокопія, не говоритъ, что Славяне назывались въ древности Спорами, нѣтъ, однако жъ, причины сомнѣваться въ этомъ свидѣтельствѣ. Только предположеніе его, что это названіе могло произойти отъ разбросанныхъ или разсѣянныхъ ихъ жилищъ, кажется не слишкомъ основательно; ибо оно могло относиться не къ однимъ только Славянамъ. Известно, что и Кельты, и Германцы, обитали, обыкновенно, въ разбросанныхъ селеніяхъ. Производство названія Sprogi отъ Sreigon, свѣтель, болѣе прилично для означенія народа, занимающагося исключительно земледѣліемъ.

Кромѣ общихъ названій, каждое поколѣніе, по свидѣтельству Иорнанды, имѣло еще свое особенное, данное ему или по имени предводителей, или по мѣстоположенію его жилищъ. Такъ позднѣйшіе пи-

зывали Германцевъ гѣмцами отъ слова *гѣмой*, такъ, наоборотъ, въ древнемъ Мизо-Готскомъ языкѣ слово *Slaval* значило *молчать*. Въ Валахскомъ языкѣ (который почитается остаткомъ Бракійскаго), находится много коренныхъ словъ, общихъ съ Славянскими) слово *Slavos* означаетъ свободнаго человека, а *rob*—невольника. У насъ *Slawany, Rab, porabek* тоже самое имѣли значеніе. Ihre Cod. arg. p. 266. Sulzer's Gesch. v. Walach. §. 135.

сатели вычисляють много такихъ именъ, которыя, будучи разобраны съ надлежащею проницательностію, могли бы не мало содѣйствовать къ раскрытію первоначальной исторіи Славянъ.

Трудно объяснить, отъ чего, при столь точныхъ описаніяхъ поповывшихся Славянъ, ни Прокопій, ни Иорнандъ, ни послѣдующіе писатели, не упоминаютъ, откуда собственно они пришли? гдѣ были древнія ихъ жилища? и къ какому племени они принадлежали? Такіе важныя обстоятельства они нигдѣ не умалчивали, даже при описаніяхъ мелкихъ, въ первый разъ показавшихся, народовъ, напротивъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за ними въ отдаленнѣйшія страны Скандинавіи, на Кавказъ и даже въ безвѣстныя земли сѣверной Азіи. Но это молчаніе при описаніи Славянъ имѣло свои причины: когда говорили о Гуннахъ, Гепидахъ, Аварахъ, Булгарахъ, о которыхъ прежде и слуху не было, непременно нужно было сказать, кто они были и откуда вышли; но говоря о Сарматахъ, Скивахъ, Свевахъ и т. п., пропускали такія подробности, какъ излишнія и давно всякому извѣстныя. Славяне, извѣстныя уже въ древности, по словамъ Прокопія, какъ сѣятели или земледѣльцы, подъ именемъ Венедовъ, вышли изъ земли, нѣкогда занимаемой Венедями; въ то время никто и не сомнѣвался въ томъ, что они были древніе Венеды. Потому писатели не видѣли никакой надобности, ни причины, упоминать о ихъ происхожденіи и родинѣ.

Со временъ Плинія, Тацита и Птоломея, то есть, въ продолженіе слишкомъ 400 лѣтъ, при вниманіи,

на Сѣверъ непрерывно обращенномъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека, ни слѣда, чтобы многочисленный народъ Венедовъ или самъ оставилъ свою родину, или изъ нея другими былъ вытѣсненъ. Что они непрерывно владѣли оною подъ однимъ обще извѣстнымъ, а потомъ и подъ другимъ еще, именемъ Славянъ, мы можемъ уже убѣдиться изъ того, что, по свидѣтельству Иорнанда, въ томъ самомъ мѣстѣ, около половины IV-го столѣтія, побѣдоносное оружіе Эрманарика, короля Остроготовъ, поселившихся при Польтѣ, достигло Венедовъ Славянскихъ а также и Эстовъ и другихъ народовъ, жившихъ вдоль береговъ Балтійскаго до Нѣмецкаго моря. Оттуда же вскорѣ послѣ того выходили народы, съ которыми Винитаръ велъ войны. Накопецъ съ первой минуты знакомства съ Славянами, мы нашли ихъ во всѣхъ земляхъ древнихъ Венедовъ, и отсюда они расходились въ разныя стороны. Итакъ нельзя сомнѣваться, что Славяне по имени, по происхожденію и по родинѣ были Венеды, извѣстные уже съ давнихъ временъ.

Узнавъ нашихъ Славянъ въ прежнемъ народѣ Венедовъ, послушаемъ теперь, что объ нихъ говорятъ древніе писатели. Плиній упоминаетъ только, что они обитали на Востокъ отъ Вислы въ соседствѣ Скировъ, Гирровъ и Сарматовъ. Изъ сочиненій Тацита мы узнаемъ болѣе; онъ, приступая къ описанію народовъ на восточной сторонѣ Вислы, отъ Карпатскихъ горъ и Днѣстра до конца Балтійскаго моря, говорить: «dextro Suevici maris litora (Балтійскаго моря) Aestiorum gentes adluuntur, quibus ritus habitusque Suevorum, lingua Britanicae proprior.» Далѣе: «Peucinozum Vene-

dorumque ac Fennorum nationes Germanis an Sarmatis adscribam, dubito. Quamquam Peucini, quos quidem Bastarnas vocant, sermone, cultu, sede ac domiciliis ut Germani agunt: sordes omnium ac torpor, procerum conubiiis mixtis nonnihil in Sarmatarum habitum foedantur. Veneti multum ex moribus traxerunt, nam quicquid inter Peucinos Fennosque sylvarum ac montium erigitur, latrocinii pererant. Hi tamen inter Germanos potius referuntur, quia et domos figunt, et scuta gestant, et pedum usu ac pernicitate gaudent, quae omnia diversa Sarmatis sunt, in plaustro equoque viventibus.» Намекъ Птоломея оканчивается слѣдующими словами: »Tenent autem Sarmatiam maximae gentes: Venedae per totum Venedicum Sinum.... penes Vistulam sub Venedis Gylbones, post Phynni.» Наконецъ онъ исчисляетъ различныя ихъ имена и, подобно Тациту, помѣщаетъ возлѣ нихъ Певкиновъ, а Бастарновъ подлѣ Карпатами (27).

Эти свидѣтельства показываютъ, что въ первомъ вѣкѣ Христіанства Венедскіе Славяне находились на правой сторонѣ Вислы; что отъ устья ея, на берегахъ, богатыхъ янтаремъ, обитали Эсты или Гитоны; что прилежащее море, отъ имени народа, называлось Венедскимъ; что земли его простирались отъ Вислы и Певкиновъ до Финновъ; что онъ почитался великимъ народомъ; что его ясно отличали отъ Сарматовъ; наконецъ, что эту часть древней Скиѣи Птоломей назвалъ Сарматіей.

Хотя мы видимъ, что жилища Венедовъ доходили до самой Вислы,

бывшей тогда границею между ними и Германцами, впрочемъ, нигдѣ не сказано, въ какомъ именно мѣстѣ и какъ далеко они простирались по берегамъ этой рѣки. Такое недоумѣніе можетъ быть устраниено только критическимъ разборомъ выше приведенныхъ мнѣній древнихъ писателей и свидѣтельствами другихъ. Тацитъ, исчисливши всѣ Германскіе народы до самой Скандинавіи, чтобы не прервать ихъ связи, отсюда возвращается на южные берега Балтійскаго моря и здѣсь, съ восточной стороны Вислы, къ нимъ причисляетъ Эстовъ и Певкиновъ, потомъ приступаетъ къ Венедамъ, а наконецъ и къ Финнамъ. О Сарматахъ, которые никогда не жили на Вислѣ, онъ на семь мѣстъ не упоминаетъ, а указываетъ ихъ жилища на югѣ Карпатскихъ горъ, въ нынѣшней Угріи. Слѣдовательно, только Эсты, Певкины, Венеды и Финны могли занимать берега Вислы. Объ Эстахъ единогласно говорится, что они, живя на янтарныхъ берегахъ, только на небольшомъ пространствѣ примыкали къ низовьямъ Вислы; владѣнія ихъ никогда не выходили изъ границъ нынѣшней Восточной Пруссіи (28).

Что касается до Певкиновъ или Бастарновъ, то ихъ отечество издревле постоянно указываемо было на сѣверъ отъ Истра, близъ горъ Дакіи и рѣки Днѣстра. Одна часть ихъ поселилась при устьѣ Дуная, а другая, ведя, по большей части, пастушескую жизнь, занимала земли въ нынѣшней Валахіи, Молдавіи, Волинии и Подоліи, до Украйны (29).

(28) Plin. l. 4. Ptolom. l. 3. Jornand. c. 5.

(29) Tacit. Germ. Plin. l. 4. Strabo l. 7. Ptolom. l. 3. Dio. l. 38 et 51. Liv. l. 40, 42 et 44.

(27) Plin. l. 4. c. 13. Tacit. Germ. 45, 46. Ptolom. l. 3. c. 5. et l. 8.

Тѣмъ изъ нихъ, которые жили за Дакією, назначали мѣста при самыхъ горахъ, въ нынѣшнемъ Покутѣ, а изъ описанія Птолемея можно заключить, что земля ихъ простиралась только до верховьевъ Днѣпра и Буга. Поэтому нѣтъ ни слѣдовъ, ни доказательствъ, чтобы Певкины гдѣ нибудь примыкали къ берегамъ Вислы, и кто бы захотѣлъ утверждать противное, тотъ нашелся бы принужденнымъ полагать, что большая часть правой стороны Вислы отъ ихъ жилищъ, т. е., отъ истоковъ Буга, населена была Германскими народами; но это противорѣчило бы явнымъ указаніямъ современныхъ писателей, которые эту рѣку единогласно признавали границею Германіи.

Накопецъ, что касается до народа Финновъ, то онъ совершенно не принадлежалъ къ прибрежнымъ жителямъ Вислы; настоящее ихъ отечество, какъ и теперь, было во злѣ Скандинавіи, и только нѣкоторыя отдѣльныя его поколѣнія могли соприкасаться съ Венедами при восточныхъ берегахъ Балтійскаго или Венедскаго моря (30).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ явствуетъ, что ни Певкины, ни Финны не могли примыкать къ Вислѣ; потому заключить должно, что одни только Венедскіе Славяне владѣли ея берегами, начиная отъ границъ Эстовъ до Карпатскаго хребта. Такое мнѣніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что Висла, какъ сказано, обыкновенно почиталась предѣломъ Германіи, и что, кромѣ выше приведенныхъ четырехъ народовъ, болѣе здѣсь не находилось. Тацитъ, который съ величайшею точностію

описываетъ весь отдѣльныя Германскія поколѣнія и указываетъ ихъ жилища, ни одного изъ нихъ не помѣщаетъ на правой сторонѣ верховьевъ Вислы къ Карпатамъ и нынѣшнему Подгору. Земли эти не могли быть безлюдны; и если бы Певкины доходили до верхней части Вислы, то древніе географы, вмѣсто того, чтобы искать ихъ въ Дакіи, нынѣшней Трансильваніи, какъ они дѣлали, указали бы ихъ вслѣдъ за другими Германскими народами, жившими рядомъ съ ними на лѣвой сторонѣ Вислы. Для подкрѣпленія моего мнѣнія можно здѣсь изъ сочиненія Птолемея привести названія народовъ, исчисленныхъ въ его Сарматіи, начиная отъ Карпатскихъ горъ; эти названія, не смотря на то, что онѣ искажены по обыкновенію Грековъ, носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ Славянскаго языка. Между прочими въ Подгору, близъ нынѣшняго Бвча, помѣщаются онъ Бессовъ, также Пвнгитовъ, въ окрестностяхъ Самбора, ближе къ Бугу, Сабоковъ, около середины Буга Кестобоковъ, близъ Сѣдлецъ Сулановъ, далѣе за Нѣманомъ Галидовъ, Суденовъ, Ставановъ, близъ истоковъ Днѣпра и Волги Пагоритовъ, Борусковъ и т. д. (*)

Всѣ эти доказательства даютъ намъ возможность означить тогдашніе предѣлы владѣній Венедскихъ

(*) При этомъ удобномъ случаѣ нельзя пропустить замѣчанія, сдѣланнаго уже многими учеными, что Географія Птолемея содержитъ множество равнаго рода недостатковъ и ошибокъ; что она искажена позднѣйшими переписчиками; что, по этому, безъ помощи другихъ современныхъ писателей, трудно ее понимать и не вездѣ можно на нее съ увѣренностію полагаться.

(30) Plin. l. 2. c. 108. et l. 4. c. 13. Solin: c. 23. Ptolem. l. 3. Procop. B. G. l. 2.

Славянь. Они простирались отъ Вислы чрезъ всю землю Эстовъ и нынѣшній Нѣманъ, Жмудь, Ливонію, до восточныхъ краевъ моря Балтійскаго; оттуда около истоковъ Волги и Днѣпра до устья Припяти; далее, вверхъ по Припяти, чрезъ часть Польши и Волыни, чрезъ верховья Днѣстра до Карпатъ и Вислы, которая, съ этого времени, служила западною границею между Славянами и Германцами.

Такое положеніе Славянь легко объясняетъ, какимъ образомъ, въ продолженіе столькихъ вѣковъ и среди всеобщаго смѣшенія народовъ въ Европѣ, они могли уцѣлѣть и остаться въ покоѣ. Съ запада защищенные Вислою, съ сѣвера моремъ, съ востока окруженные слабыми народами, которые тамъ скитались и жили въ бѣдности, съ юга огражденные непрерывною цѣпью болотъ Припетскихъ и лѣсовъ, которые Геродотъ уже почиталъ за непроходимыя (31) и которыя до сихъ поръ остались почти такими, да еще разными отраслями горъ и самыми Карпатами, они, въ случаѣ нападенія или возникшихъ вокругъ нихъ смуть, скорѣе другихъ могли избѣгнуть гибельнаго ихъ вліянія, а въ удобное время выступить въ одну или другую сторону. Впрочемъ, народъ, который, какъ можно заключить изъ его продолжительной бездѣятельности, не искалъ славы въ оружіи и не вмѣшивался въ чужія распри, который, при своемъ раздробленіи на особыя поколѣнія, не могъ быть никому страшнымъ, котораго земли, особенно послѣ потери янтарныхъ береговъ, не представляли никакой особенной приманки для завоевателей, безъ

сомнѣнія, менѣе другихъ Европейскихъ народовъ подверженъ былъ несчастіямъ и бѣдствіямъ.

Мнѣніе Тацита, что Венеды много обычаевъ перенимали отъ сосѣдей (*), „ибо (говорить онъ) скитаясь по горамъ и лѣсамъ отъ Певкиновъ до Финновъ, занимаются разбоемъ и грабежами,“ нисколько не опровергаетъ нашего мнѣнія о спокойной ихъ жизни, мнѣнія, основаннаго на фактахъ и собственномъ свидѣтельствѣ того же писателя. Если онъ прежде сказалъ, что Венеды строили себѣ дома, т. е., что они привязаны были къ тому мѣсту, гдѣ они жили, что жилища ихъ простирались отъ Певкиновъ до Финновъ, то, безъ явнаго противорѣчія самому себѣ, онъ не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать, что они скитались и только въ собственной землѣ занимались разбоемъ и грабежами. Находясь въ непрерывной междоусобной войнѣ, народъ вскорѣ истребилъ бы самъ себя, и, вмѣсто того, чтобы обитать въ разсыянныхъ жилищахъ, былъ бы принужденъ, для безопасности, жить въ обществахъ, или въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, или въ лагеряхъ, какъ въ то время жили Сарматы, Аланы и др. народы. По этому должно думать, что или Тацитъ въ словахъ „latrociniiis peregrant,“ хотѣлъ выразить, что Венеды за добычею пробѣгали свои лѣса и горы, или, имѣя объ нихъ ложныя свѣдѣнія, самъ онъ невольно впалъ въ противорѣчіе (**).

Въ другомъ мѣстѣ Тацитъ говоритъ: „Не знаю къ Сарматамъ ли,

(*) То есть, отъ тѣхъ народовъ, о которыхъ Тацитъ передъ тѣмъ говоритъ.

(**) Latrocinium употреблялось pro venatione, вмѣсто охоты, ap. Plin. l. 9. c. 24. Virg. Eneid. 12. de Leone, vid. Forcellini Lexicon.

(31) Herodot. l. 4. 5.

ния къ Германцамъ должно отнести народъ Венедовъ. Впрочемъ, онъ болѣе принадлежитъ къ Германцамъ, ибо и дома строятъ, и щиты носить, и искусно пѣшій сражается, что все чуждо Сарматамъ, ведущимъ жизнь на лошадяхъ и въ повозкахъ.“ Это мѣсто также требуетъ объясненія. Если бы писатель этими словами хотѣлъ породнить Венедовъ съ Германцами въ отношеніи ихъ происхожденія, то доказательства, основанныя на строеніи домовъ, сходствѣ оружія и образѣ войны, были бы слишкомъ слабы. При томъ казалось бы, что, при всей точности прежняго исчисленія народовъ Германскихъ, онъ забылъ еще о великомъ народѣ Венедовъ, сюда же принадлежащемъ, и только послѣ, какъ бы вдругъ вспомнивши объ немъ, описываетъ его. Такимъ мнѣніемъ онъ противорѣчилъ бы и самъ себя, и другимъ современникамъ, которые никогда Венедовъ не причисляли къ Германцамъ и Вислу считали предѣломъ Германскихъ народовъ. По этому Тацитъ не могъ ихъ сравнивать съ Германцами въ отношеніи происхожденія, но только въ отношеніи нѣкоторыхъ обычаевъ, какъ это явствуетъ изъ сравненія ихъ съ Сарматами.

Нашедши древнія жилища Венедскихъ Славянъ, намъ остается указать еще съ какого времени они тамъ поселились. Эти изслѣдованія не будутъ бесполезны, потому что мы можемъ основывать ихъ на вѣрныхъ преданіяхъ и историческихъ догадкахъ. Венеды со времени, намъ извѣстныхъ, могли прійти въ свои жилища только съ Востока. Мы уже сказали, что за 600 лѣтъ до Христіанства ни одинъ значительный народъ не могъ съ Востока ворваться въ Европу безъ

важныхъ переворотовъ и не обративъ на себя особеннаго вниманія. Въ эту эпоху многочисленныя Греческія колоніи на сѣверномъ берегу Понта, Местиды и внутри Скиѳіи, ведя обширную торговлю на Востокъ и Западъ, были бы, навѣрно, свидѣтелями всѣхъ переменъ и событій, тамъ происходившихъ. Тѣхъ самыхъ Массагетовъ, Скиѳовъ, Сарматовъ, Будиновъ, Гелоновъ, Исседоновъ, Меланхленовъ и т. д., которые во время Геродота и походовъ Александра В. жили отъ Каспія и Кавказа до Борясена, тамъ же искали еще въ свое время П. Мела, Плиній, Страбонъ и другіе (32). Пока сіи народы занимали всѣ эти пространства, до тѣхъ поръ никакой другой народъ не могъ проникнуть изъ Азіи въ Европу, не причинивъ великихъ потрясеній. Столь многочисленный народъ, какъ Венеды, долженъ былъ бы переселиться или въ одинъ разъ, одной огромнѣйшей ордой, или же врозь, въ нѣскольکو пріемовъ. Въ первомъ случаѣ походъ ихъ былъ бы непременно также громокъ и грозенъ, какъ походы Гунновъ и Чингисхановой орды; въ последнемъ случаѣ трудно, если не вовсе невозможно, было бы разрозненными отдѣльными толпамъ и поколѣніямъ прорваться черезъ столько иноплеменныхъ народовъ, прійти къ своимъ братьямъ, вышедшимъ еще прежде, и тамъ подѣвъ ихъ найти готовые для себя жилища.

Какъ скоро пѣтъ слѣда, чтобы Венеды могли въ упомянутую эпоху переселиться въ Европу, то должно заключить, что они издревле жили

(32) Herodot. l. 4. Mela l. 1. 2 et 3. Strabo l. 7. Pliu. l. 4. et 6. Amm. Marcell. l. 22. c. 8. Arrian. de exp. Alex. M. l. 4.

въ этой части свѣта и принадлежа- ли къ первобытнымъ ея народамъ. Для подкрѣпленія нашего предположенія есть доказательства, тѣмъ больше заслуживающія вниманіе, что источникъ ихъ принадлежитъ къ несомнѣнной древности, и что даже отдаленнѣйшіе вѣка не въ силахъ были уничтожить ихъ.

Греки, съ незапамятныхъ вре- менъ, имѣли преданіе, что янтарь получается съ сѣвера изъ земли Венедовъ. Это сказаніе не могло быть вымышлено и не имѣть основанія, потому что оно совпадаетъ какъ съ положеніемъ, такъ и съ названіемъ Прибалтійскихъ Венедовъ, о кото- рыхъ послѣ, какъ видно изъ Геродота, они уже не знали. Въ памятникахъ ихъ сохранилось только извѣстіе, что Венеды владѣли нѣкогда янтаремъ и что его собирали на берегахъ Сѣвернаго моря, въ которое упадаетъ рѣка Эриданъ. А что послѣ забыла объ этихъ Венедахъ, то это могло произойти или въ слѣдствіе насильственнаго поселенія между ними другихъ народовъ, или по причинѣ потери янтарныхъ береговъ, отъ чего и непосредственная торговля ихъ должна была до того прекратиться, что, наконецъ, и извѣстія объ ней превратились въ загадку (*).

(*) Какъ изъ повѣствованія о походѣ Аргонавтовъ, такъ и изъ преданій Геродота, можно догадываться, что Балтійское море съ древнѣйшихъ временъ извѣстно было южнымъ жителямъ Финикіи и Карагеніи, искомъ посѣщали Касситеритскіе, или Великобританскіе острова; нельзя допустить, чтобы эти промышленные и смѣлые народы не проникли и далѣе, до янтарныхъ береговъ. Путешествіе Пиней было, безъ сомнѣнія, не иное что,

Древніе писатели, находившіе въ этомъ сказаніи слѣды настоящей правды, думали, что все дѣло объяснится, какъ скоро перенесутъ его къ Венедамъ Адриатическимъ. Но позднѣйшіе писатели, не находя въ этомъ мнѣніи никакого объясненія недоумѣній, и имѣя о сѣверѣ болѣе точныя свѣдѣнія, возвратились къ настоящему янтарному морю и приписали къ оному древнее объ немъ преданіе. Но такъ какъ близъ обитающіе Венеды не владѣли уже въ то время этимъ берегомъ и торговля не шла болѣе черезъ ихъ руки, то отсюда заключили, что въ этомъ сказаніи должно говориться о Венедахъ Адриатическихъ, которые были только перекупщиками этого произведенія (33).

Оставляя всѣ замѣчанія на счетъ этихъ мнѣній, скажемъ только, что какъ теперь, такъ, безъ сомнѣнія, и въ древности, произведенія пазывались, собственно, не по перекупщикамъ ихъ, но по ихъ родицѣ и вновникамъ, а потому древніе мѣсто происхожденія янтаря навѣрное полагали не у Адриатическихъ Венедовъ, но у Балтійскихъ, у коихъ онъ въ самомъ дѣлѣ находился. Точно также древніе не выводили олова ни отъ Финикійцевъ, ни отъ Карагеніянъ, доставлявшихъ его, а

какъ изслѣдованіе долго скрытаго хуццанъ пути къ рѣдкому тогда богатству, а описаніе путешествія Гамалькона показываетъ, какъ усильно одинъ старался удерживать другихъ отъ этого мореплаванія, знаяшя невѣроятныя трудности.

(33) Apollon. Rhod. Argonaut. 4. Herod. 1. 5. c. 115. et 4. Ctesias ap. Rhod. Plin. 1. 37. Solin. c. 20. Diodor. 1. 5. Tim. ap. Diod. 1. 4. c. 56. Schönning. alt. nord. Geogr. ap. Schlüz. 6. abs.

съ острововъ Касситеридскихъ, хотя мало извѣстныхъ, но откуда оно именно получалось. А потому, какъ ни толковать выше приведенныя преданія, всегда останется несомнѣннымъ, что и янтарь и собиравшіе его Венеды, были, съ незапамятнаго времени, извѣстны Грекамъ, которые, конечно, первые узнали юго-восточныя страны Европы, вмѣстѣ съ этимъ произведеніемъ (34) (*).

Какъ рѣка Эридавъ, такъ и янтарные берега Балтійскаго моря, вѣроятно, издревле назывались Греками по имени Венедовъ; ибо, хотя, въ послѣдствіи, при вторженіи въ страну ихъ чуждаго народа, Эстовъ или Гитоновъ, эти берега были ими потеряны уже задолго до Хри-

(34) Homer. Od. 4. et 37. ll. 18. Batrachom. Hesiod. Theog. c. 238. Mirabil. auscult. Dionys. Perieget. Scymnus Ch. Orbis descr.

(*) Плиніи, l. 37. c. 3, и Тацитъ, Germ., говорятъ, что Германцы янтарь называли *Glesium* или *Glesum*. Но какъ Нѣмцы стекло называютъ *Glas*, то и некоторые извѣстнѣе писатели полагаютъ, что слово *glesum* было, собственно, Германское, и что Германцы дали такое названіе янтарию. На это можно отвѣчать, что Германское *Glas*, Латинское *glacies* и Славянскія *глаза*, *wehlasny* (проницательный) и *gladam*, безъ сомнѣнія, происходятъ отъ одного корня и означаютъ предметъ прозрачный, блестящій. Безъ сомнѣнія *глаза* и *ледъ*, какъ древнѣйшія слова, не получили своего названія отъ, послѣ уже открытаго, янтара и стекла, но на оборотъ. Итакъ, если *glesum* не происходитъ отъ Латинскаго *glacies*, то, всего вѣроятнѣе и скорѣе, оно происходитъ отъ Славянскаго *глазъ*, чѣмъ отъ Германскаго слова *Glas*, и что не Германцы, а Венедскіе Славяне, дали янтарию такое названіе. И на языкѣ древнихъ Пруссовъ *glasso* означало стекло.

стіанства, однако жъ Птоломей не называетъ ихъ, какъ Римскіе писатели, ни Кодацкими, ни Свевскими, ни Сарматскими, но Венедскими берегами (35).

Открывши и обозначивши первоначальныя жилища Славянъ, легко уже объяснить себѣ нечаянное ихъ появленіе и быстрое распространеніе, которое до сихъ поръ казалось непонятнымъ. Когда исчезли или ослабили сосѣдніе народы, тогда ничто не могло удержать ихъ отъ выступленія за собственные предѣлы, а одинъ сдѣланный впередъ шагъ сблизилъ ихъ съ общезвѣстнымъ міромъ и съ прочими жителями Европы. Поколѣнія, двинувшіяся на югъ и къ Понту, остановились въ виду Грековъ; другія же сошлись съ Германцами, которые тогда имѣли уже далекія сношенія съ ними. Съ этого времени мы должны бы также имѣть точнѣйшія объ нихъ свѣдѣнія; при всемъ томъ, послѣ безпорядковъ, продолжавшихся нѣсколько вѣковъ, долго еще весь Сѣверъ покрывали густые туманы, а Европа не имѣла уже ни Плиніевъ, ни Тацитовъ. Греческіе писатели, при ограниченнѣхъ свѣдѣніяхъ, оставили намъ только кой-какіе намеки о тѣхъ поколѣніяхъ, которые вблизи мелькали предъ ихъ глазами; объ отдаленнѣйшихъ же ничего съ точностію сказать не умѣли. Отъ Прокопія до X-го вѣка, они едва знали страны и народы до Днѣстра и около Понта: Висла столь же имъ была неизвѣстна, какъ Геродоту за 1500 лѣтъ. Константинъ Багрянородный по темнымъ

(35) Ptolemaeus. ap. Pline. l. 57. Ptolemaeus. l. 3. Marcian. Heracl. ap. Hudsons scr. geogr. T. I. p. 55.

только извѣстіямъ упоминаетъ о какихъ-то Хорватахъ за Бабьею горою, которые смежны были съ Баваріею, тоже о великой Сербіи, сопредѣльной съ Франками (36). Народы, жившіе близъ Вислы и далѣе къ западу были ему вовсе неизвѣстны. При томъ тогдашніе писатели, полагая, что незнаніе настоящихъ народовъ можетъ быть замѣнено сообщеніемъ имъ названій прежде тамъ жившихъ народовъ, самовольно называли теперешнихъ Чеховъ Боями, Закарпатскихъ Славянъ—Скинами, а обитавшихъ близъ Борисоена — Сарматами (37).

На Западѣ также нельзя искать объясненій касательно первоначальнаго состоянія Славянскихъ народовъ; пока Христіанство не распространилось между сосѣдними Германцами, до тѣхъ поръ мало извѣстій о прежнихъ вѣкахъ могло сохраниться въ памяти. Въ сѣверныхъ сагахъ и другихъ подобныхъ разсказахъ, дѣйствительно можно было бы найти нѣкоторыя сказанія о Славянахъ; но въ нихъ трудно опредѣлить и время, и поколѣніе, о которомъ говорится. Съ распространеніемъ имперіи Карла В. до Лабы, вниманіе, нѣкоторымъ образомъ, больше было обращено на эту страну: миссіонеры иногда заходили къ сосѣднимъ Славянамъ и доставляли нѣкоторыя о нихъ свѣдѣнія, которыя, при всей неполнотѣ своей, имѣли то достоинство, что отчасти носили на себѣ признакъ истины. Но послѣ, когда гибельная

страсть къ нападеніямъ и завоеваніямъ опять овладѣла жителями Европы, когда Славяне, подъ предлогомъ вѣры, были запутаны въ продолжительныя кровавыя войны, съ тѣхъ поръ, чѣмъ болѣе упоминали объ нихъ, тѣмъ менѣе скупились на выдумки и клеветы. И потому писатели того времени тамъ только заслуживаютъ вѣроятіе, гдѣ являются свободными отъ предубѣжденія и ненависти къ упорнымъ въ язычествѣ Славянамъ.

Къ причинамъ, которыя долгое время лишали насъ точныхъ свѣдѣній о народахъ Славянскихъ, должно еще присоединить и то, что, со времени выступленія изъ первобытныхъ жилищъ до принятія Христіанской вѣры, они вездѣ жили раздѣленные на мелкія поколѣнія. Въ такомъ положеніи, не будучи въ состояніи отличиться яредъ лицомъ Европы ни значеніемъ, ни могуществомъ, они менѣе обращали на себя вниманія, а другіе рѣдко умѣли ихъ отличить однихъ отъ другихъ. Первый примѣръ соединенія многихъ поколѣній подъ одну власть подали юго-западные Славяне въ VII-мъ вѣкѣ, во время Сама, когда дѣло шло о сверженіи ига Аваровъ и объ увольненіи себя отъ докучливыхъ Франковъ; но этотъ союзъ, сдѣлавшій ихъ болѣе извѣстными, продолжался только до того времени, пока они не достигли предположенной цѣли.

Только около половины IX-го столѣтія, когда совершились два важныя соединенія, одно подъ предводительствомъ Сватополка въ Моравіи, а другое подъ начальствомъ Рюрика въ Великомъ Новгородѣ, которыя слили мелкія незначущія поколѣнія въ два великія народа,

(36) Constant. d. Imp. c. 30, 31, 32.

(37) Stritter. *Script. Byzant. Cinnam.* p. 47.
Georg. *Acropol. Cedren. Chalcocond.* p. 17.
Theophan. *Nicetas. Anonym. Raven. Const.*
d. *exc. Thessal.*

Чеховъ и Русскихъ, Славяне сдѣлались главнымъ предметомъ Европейской исторіи. По данному примѣру вскорѣ послѣдовало подобное соединеніе многихъ поколѣній, обитавшихъ по рѣкамъ Вартъ, Одръ и Вислѣ, изъ котораго произошелъ значительный народъ подъ именемъ Поляковъ или Ляховъ (*).

Кто захотѣлъ бы искать прежде сихъ эпохъ Чеховъ, Русскихъ, Поляковъ и ихъ дѣяній, тотъ напрасно тратилъ бы время. Въмѣсто Чеховъ, онъ нашелъ бы только Моравовъ, Лучанъ, Билиновъ, Псованъ, Куримовъ, Хорватовъ, Лутичей; на мѣствъ Русскихъ открылъ бы Славянъ Новгородскихъ, Полочанъ, Кривичей, Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ, Дремянъ, Полянъ, Лутичей и другихъ; а вмѣсто Поляковъ нашелъ бы Подгорянъ, Хорватовъ, Сѣверянъ, Силезцевъ, Полянъ, Куявянъ, Мазовчанъ, Палучанъ; за ними же прочія отдѣльныя поколѣнія Кашубовъ, Поморянъ, Вильцовъ, Бодричей, Руговъ, Полабовъ, Брезанъ, Сербовъ, Доломенцевъ и т. д., которые, живя подъ особымъ правленіемъ, составляли отдѣльныя республики и имѣли особыя предапія о своихъ дѣяніяхъ.

Такъ какъ намъ осталось очень мало свѣдѣній о первоначальныхъ дѣяніяхъ Славянскихъ народовъ, то, для опредѣленія эпохи выступленія ихъ изъ прежнихъ жилищъ и за-

(*) Вѣроятно, одинъ изъ предводителей, по имени Лехъ, начальствуя надъ Поляками, жившими около Гѣбедя и Полавицъ, составлялъ этотъ союзъ, отъ чего имя Леховъ и Поляковъ распространилось на весь народъ.

нтія новыхъ мѣствъ, мы должны болѣе руководствоваться соображеніемъ, чѣмъ свидѣтельствомъ современныхъ писателей. Эпоха приближенія ихъ къ Дунаю, безъ сомнѣнія, не была временемъ перваго ихъ переселенія: въ этой сторонѣ долѣ всего кочевали, (хотя одни только остатки) воинственные Гунны, Готы, Гепиды, Лонгобарды и другіе, чрезъ которые нужно было пробиваться слѣдой. Съ востока и запада отъ своихъ предѣловъ Славяне могли прибыть раньше, и притомъ имѣли удобнѣйшій путь. Послѣ нашествія Готовъ, Вандаловъ и другихъ Германскихъ поколѣній, исчезли, издревле поселившіеся на сѣверъ Понта, между Борисееномъ, Танаисомъ и верховьями Волги, народы Скиевовъ, Сарматовъ, Меланхленовъ, Будиновъ и др. Остались одни только Аланы и Роксоланы, которые, изнуряемые безпрестанною войною съ Гуннами, наконецъ, тоже совершенно исчезли. Значительная часть первыхъ, какъ мы видѣли, переселилась уже раньше на берега Дуная и оттуда пошла, вмѣстѣ съ Вандалами, покорять Испанію; другая отправилась въ Галлію и поселилась на Лоаръ, около Орлеана. Прочіе, оставшіеся въ службѣ Гунновъ, послѣ паденія государства Аттилы, принуждены были, вмѣстѣ съ Готами, искать убѣжища у Маркіана, Восточнаго императора, который назначилъ имъ мѣсто въ Мизіи (38). Слѣдовательно, съ этой эпохи, т. е., съ половины Vго вѣка, страны между верхнимъ Днѣпромъ и Дономъ можно разсматривать, какъ оставленныя прежними жителями, и съ тѣхъ поръ смежные Славяне могли до такой степени распростра-

(38) Jornand. г. G. с. 24, 37, 43, 50.

нитъся въ этихъ странахъ, что въ первой половинѣ VIго вѣка многія поколѣнія ихъ нашли уже возможность приблизиться къ берегамъ Понта (39).

Западные страны древнѣйшихъ жилищъ Славянскихъ еще ранѣе восточныхъ потеряли своихъ первобытныхъ обитателей; начиная со IIго вѣка, народы, поселившіеся между Вислою и Лабою, въ непрерывномъ стремленіи одна за другими, подвигались къ предѣламъ Римской имперіи. Съ этого времени до конца IVго столѣтія мы видимъ Вандаловъ, Бургундовъ, Лиговъ, Буровъ, жившихъ прежде у Вислы, уже распространившихся по Дунаю и Рейну до самой Галліи и Испаніи. За ними Герулы, Руги, Туркилинги, Скиры, Лонгобарды и Саксы до того выселились, что въ Vмъ вѣкѣ, на всемъ этомъ пространствѣ, мы не находимъ уже ни воспоминанія, ни, даже, слѣдовъ древнихъ народовъ. О Свевскихъ Семнонахъ, которыхъ жилища простирались, вѣкогда, отъ Лабы до Варты, въ продолженіе всѣхъ переселеній народовъ, не существовало уже ни малѣйшаго воспоминанія; полагаютъ, будто они еще заранѣе удалились къ устьямъ Майна, къ главнымъ жилищамъ родичей ихъ, Свевовъ и Гермундуоровъ (40).

Слѣдовательно, съ этой стороны Славяне могли уже въ IV вѣкѣ распространяться за Вислу и занимать жилища, оставленныя Бургундами, Лигами и Бурами, а до исхода Vго столѣтія двинуться даже къ Салв, низовьямъ Лабы и къ западнымъ

берегамъ Балтійскаго моря (*). Съ этой стороны вскорѣ и южные края сдѣлались имъ доступными; по ослабленіи Маркомановъ и Квадовъ, какъ доказано выше, съ половины Vго вѣка завладѣніе Моравіею и Богеміею до предѣловъ Баваріи, Франконіи и, поселившихся между Одрой и Лабой, племенъ, не могло имъ быть трудно (41).

Въ такомъ-то видѣ представилось положеніе Славянъ подъ исходомъ Vго вѣка писателямъ, которые, по прошествіи бурныхъ временъ, могли, хотя отчасти, замѣтить то, что въ эту эпоху совершилось на сѣверѣ. Въ это время они нашли одни только поколѣнія Славянскія, которые граничили у западныхъ предѣловъ Балтійскаго моря съ Германскимъ народомъ Варновъ (42). Изъ всѣхъ древнѣйшихъ сказаній объ нихъ намъ известно то только, что около 530 года они вели пограничныя войны

(*). Славяне, переселившіеся на западъ отъ Вислы, начиная отъ береговъ ея до самой средины Лабы, вѣроятно, нашли эту страну довольно уже очищенною отъ самыхъ древнѣхъ лѣсовъ, а также множество старинныхъ развалинъ, жилищъ и замковъ, гдѣмъ болѣе, что Лиги и Бургунды, по свидѣтельству Тацита, жили уже здѣсь много городовъ, а у Семноновъ считали 100 уѣздовъ (pagos), нѣтъ коней каждаго нога выставлятъ 1000 воиновъ. Омолобныхъ развалинахъ большого города упоминаетъ, между прочимъ, Дитмаръ подъ Любушемъ за Одрой, ошибочно считая этотъ памятникъ Римскимъ; такого рода памятники, говорятъ, найденъ Болеславъ Храбрый на Дысой горѣ, гдѣ онъ основалъ монастырь Бенедиктинскій.

(41) См. прим. 19.

(42) Просор. В. G. I. 2. с. 15. et I. 3. с. 35. Waglefr. Long. с. 13.

(39) Просор. I. 4. Jogh. г. G. с. 5.

(40) См. прим. 10, 12, 13, 14, 15.

съ Теодорикомъ, королемъ Франкскимъ, и потомъ съ Тассиломъ, княземъ Баварскимъ (43). Когда Авары въ 561 и 565 г. нападали на Туринговъ, Сорабы или Сербы сражались уже съ сими послѣдними за Лабюю, около р. Салы (44). Касательно племенъ, поселившихся у западныхъ береговъ Балтійскаго моря, мы знаемъ, между прочимъ, то, что, когда, около конца VI вѣка, Аварскій ханъ значительными дарами хотѣлъ привлечь къ себѣ Дунайскихъ Славянъ на помощь противъ императора Маврикія, то они отправили къ нему трехъ бандуристовъ, съ изъясненіемъ, что они въ земляхъ своей желъза не имѣютъ, не занимаютса оружіемъ и не могутъ обшчатъ никакого вспоможенія (45).

Сія-то господствующая склонность къ миру, безъ сомнѣнія, была причиною чрезвычайнаго размноженія народовъ Славянскихъ: едва прошло одно столѣтіе, какъ поселившіяся въ этѣхъ странахъ племена были уже столь многочисленны, что, безъ ослабленія собственныхъ силъ, могли высматъ значительныя поселенія для занятія Далмаціи, Иллиріи, Мизіи, Македоніи и Фессаліи (46).

Они удержались на занятыхъ ими мѣстахъ и, вѣроятно, не силою оружія, не славою завоеваній: этимъ Славяне не отличались; но однимъ только многочисловомъ они

приобрѣли себѣ такое уваженіе, что храбрые Франки, Туринги, Саксонцы и другіе народы должны были смотрѣть терпѣливо на то, когда всякій разъ болѣе и болѣе стѣсняли они предѣлы оставшихся имъ жилищъ. Одно только многочисленное народонаселеніе могло въ VIII вѣкѣ распространить торговлю у западныхъ Славянъ уже до такой степени, что Карлъ V., по зависти ли, или въ намѣреніи перевезть ее въ свои земли, на Средиземное море, счелъ нужнымъ принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію ея съ этой стороны (47).

Въ то самое время, когда Славянскіе народы, утвердившіеся на западѣ отъ Вислы, наслаждались счастіемъ и миромъ, племена, приближившіяся къ Истру, должны были испытывать превратности судьбы. Съ пришествіемъ Аваровъ, изъ рода Волжскихъ Угровъ, около половины VI-го вѣка, значительная часть этыхъ Славянъ, уступая превосходству силъ, принуждена была признать владычество ихъ надъ собою. Остальная же часть, послѣ продолжительныхъ браней съ разными варварами, не вида имѣя конца и пробывъ здѣсь около столѣтій, возвратилась въ прежнія свои страны на Сѣверѣ (48).

Такъ какъ дѣянія и происшествія не касаются предмета нашихъ изслѣдованій, то по тому мы остановимся только на переселеніи оставшихся здѣсь Славянъ до времени избранія ими постоянныхъ жилищъ. Хотя и нѣтъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о томъ, могли ли они прежде половины VI-го вѣка проникнуть

(43) Eginh. ap. Adam. Brem. h. eccl. l. 1. c. 4. Gerck. G. d. Slav. p. 56.

(44) Menand. d. leg. p. 103. Gregor. Turon. l. 4. c. 29. Warnetr. Long. l. 2. c. 10.

Eckart. r. Fran. T. I. p. 91.

(45) Theophilact. l. 5. c. 2. Theophan. p. 226.

(46) Const. d. Adm. Imp. c. 30 et 32.

(47) Capit. An. 805. ap. Baluz. T. I. p. 425.

(48) Stritt. Scrip. Byzan. T. 2. Thaum. Unt. nörd. Völ. Nestor. ges. v. Rma.

за Дунай, въ древнюю Паннонію, однако жь нельзя въ томъ сомнѣваться; ибо Авары, кои прибыли туда около 560 г.; должны были переправляться чрезъ эту рѣку и чрезъ Саву, чтобы покорить Славянъ, да по уже, съ этой стороны, тревожившихъ предѣлы имперіи. Въ послѣдствіи упоминается, что, когда тѣже Авары тѣмъ же путемъ нападали на Фракію, Славяне помогали имъ въ ихъ походѣ (49). Оттуда распространя свои владѣнія далѣе и далѣе, особенно по прибытіи Лонгобардовъ въ Италію, они завладѣли всеми краями нынѣшней верхней Австріи и Хорутаніи, гдѣ, въ 570 г., они имѣли войну съ Баварскимъ княземъ, Тассиломъ, по причинѣ вторженія его въ ихъ предѣлы (50). Вскорѣ потомъ, подвигаясь на югъ, они заняли Фріуль и Истрію, а съ прибытіемъ новыхъ колоній изъ Великой Сербіи и Хорватіи въ самомъ началѣ VII-го вѣка, вытѣснили Аваровъ изъ Панноніи, обитавшихъ между рр. Савою и Дравою, и населили Далмацію, Иллирію и значительную часть Мизіи. Часть прибывшихъ туда Сербовъ, императоръ Ираклій принялъ въ Фессалію, гдѣ они заняли окрестности Сербицы у Лариссы (51). Изъ этихъ колоній образовались здѣсь разные, доселѣ еще существующіе, народы Славянскіе, какъ-то: Далматы, Хорутане, Славонцы, Хорваты, Босняки, Сербы и другіе, которые долго управлялись независимо и сами избирали себѣ жупановъ или воеводъ. Карлъ

Великій, завоевавъ нынѣшнюю Австрію, по истребленіи Аваровъ, нашелъ я тамъ четыре отдѣльных племени Славянъ, которыхъ, какъ мирныхъ земледѣльцевъ, онъ оставилъ на мѣстѣ подъ управленіемъ собственныхъ воеводъ (52).

Кромѣ выше упомянутыхъ, нашлось еще семь другихъ племенъ Славянскихъ, которыми, ворвавшись, неизвестно когда, въ предѣлы Восточной имперіи, подъ именемъ Сѣверцевъ и Добручей, занимали значительную часть Фракіи, отъ устья Истра по берегамъ Понта до Варны, а оттуда вдоль горъ, называемыхъ Загорье, до средней Мизіи. Полагаютъ, что эти поселенія образовались во времена безпрестанныхъ нашествій и пребыванія во Фракіи Славянъ Задунайскихъ и разныхъ другихъ варваровъ, и что, по причинѣ мирнаго занятія земледѣліемъ, они долго не были упоминаемы. Уже въ 678 г., какъ повѣствуютъ историки, пришли къ нимъ Волжскіе Булгары и, соединившись съ ними, начали далѣе распространяться по Фракіи. Нѣкоторые племена, недовольныя этими новыми властелинами, переселились скорѣе въ другія провинціи имперіи; осталая же часть имѣла такое вліяніе на природный Булгарскій народъ, что, кромѣ имени, не осталось послѣ него никакихъ иныхъ слѣдовъ (53). Въ скоромъ времени эти различныя поселенія столь размножились по прежнимъ Римскимъ провинціямъ, что своимъ многолюдствомъ покрыли значительную часть Восточной имперіи. Въ то время, когда одни бо-

(49) Theophilact. l. 6. c. 3 et 4. Menand. p. 127.

(50) Warnefr. Long. l. 4. c. 11.

(51) Const. d. Adm. Imp. c. 30. 31. 32. Warnefr. l. 4. c. 40. Gebh. Ges. v. Hung. T. I. p. 313.

(52) Constant. de Adm. Imp. c. 29. Gelh. l. c. p. 316.

(53) Cedren. T. I. p. 440. Stritt. T. 2. Bulg.

дѣе и болѣе распространяли предѣлы первоначально занятых ими жилищъ, другія добровольно отправлялись для заселенія окрестныхъ странъ Θракіи, Македоніи и Θессалии до самыхъ береговъ Стримона и прилежащихъ горъ. Нѣкоторыя изъ племенъ, оставившихъ Булгарію, въ числѣ 208,000 переселились въ Виоңію, область въ Малой Азіи, гдѣ Юстиніанъ Ринотметъ основалъ подобное поселеніе, которое могло ему выставить 30,000 человекъ способныхъ къ войнѣ. Около 664 г. появилось особенное Славянское поселеніе въ Сиріи близъ Селевкобери, куда оно прибыло, вѣроятно, чрезъ Кавказскія горы вдоль восточныхъ береговъ Чернаго моря; это поселеніе доставляло Туркамъ 5,000 воиновъ. Въ царствованіе Іоанна Комнина Славяне заняли въ Малой Азіи всѣ окрестности Никомидіи; во время же владычества Турокъ переселяли туда множество Сербовъ и другихъ, имъ соплеменныхъ, народовъ (54).

Въ первой половинѣ VIII-го вѣка, пользуясь слабостію Восточной имперіи, Славяне распространились, сперва по всей Македоніи и Θессалии, а потомъ, завладѣвъ Греціею и Пелопонисомъ, долго предпринимали отсюда морскіе походы противъ нѣкоторыхъ острововъ Архипелага. И хотя, наконецъ, удалось императорамъ изгнать однихъ изъ занятыхъ ими провинцій, а другихъ подчинить своей власти, однако жъ нѣкоторыя племена, и именно: Миленговъ и Езеритовъ, поселив-

шихся въ Пелопонисъ у Элоса и Лакедемона, по обѣимъ сторонамъ Пентадактильскихъ горъ, они принуждены были оставить въ независимости. А какъ нѣтъ слѣдовъ, чтобы эти племена были когда либо вытѣснены изъ своихъ жилищъ, и какъ мы находимъ извѣстія, что они до конца XIV-го вѣка, въ знакъ покорности, платили нѣкоторую дань императорамъ, то слѣдуетъ предполагать, что поколѣнія ихъ дотомъ еще держались въ этихъ горахъ, окруженныхъ, съ трехъ сторонъ, моремъ, а со стороны материка укрѣпленныхъ крутыми, почти неприступными, скалами (55).

Изслѣдовавъ, такимъ образомъ, главнѣйшія жилища народовъ Славянскихъ и обозначивъ время занятія каждымъ, мы можемъ теперь, съ бодѣшею увѣренностію, повторить выше сказанное, именно, что Славяне въ то время должны были многолюдствомъ своимъ превосходить прочіе Европейскіе народы, и что для того только они искали новыхъ странъ, чтобы, оплодотворивъ оныя собственнымъ трудомъ, уже не оставлять ихъ болѣе. Не довольно было занять значительныя (нѣкогда Римскія) провинціи и распространить предѣлы жилищъ своихъ отъ Лабы до Волги и Дона; но, для отраженія нападений и вторженій неприятелей, должно было еще эти жилища вездѣ соответственно заселить и въ мѣстныхъ только источникахъ искать потребностей жизни. То и другое исполнилось: Славяне, однажды занявши земли, сохранили оныя

(54) Theophan. p. 289. 303. 306. Constant. d. Them. p. 23. Nicet. Chon. p. 11. Nicephor. p. 44. Chalcocondil. p. 19. Stritt. T. 2.

(55) Constant. d. Them. p. 25. d. Adm. Imp. c. 50. Theoph. p. 361. Nicephor. p. 49. Stritt. T. 2. Slav. Serv. etc. Chalcocondil. p. 17.

для отдаленнѣйшихъ своихъ потомковъ; при первомъ извѣстїи о поселенїяхъ ихъ, мы вездѣ видимъ въ нихъ поколѣнія, привязанныя къ отечественной землѣ и мирно занятая обработыванїемъ ея.

Эта господствующая склонность къ земледѣлю, эта добродѣтель, какъ ее по справедливости можно назвать въ тогдашнїя времена, была причиною, что Славяне и менѣе испытывали зависть своихъ сосѣдей, и вездѣ у нихъ, даже у своихъ враговъ, находили радушный прїемъ. Большая часть странъ, занятыхъ ими въ Восточной имперїи, добровольно была имъ уступлена для обработыванїя. Нѣмцы въ разное время старались привлечь къ себѣ болѣе и болѣе многочисленныя племена ихъ, которыя углубились въ предѣлы Германскихъ народовъ и въ продолженїи нѣсколькихъ вѣковъ живя среди оныхъ, не только не испытывали, со стороны ихъ, никакого безпокойствїя, но еще, напротивъ, уважаемы были ими за полезную промышленность. Между прочими св. Бонифаций въ VII вѣкѣ, даровавъ выгодныя привилегїи многимъ Славянскимъ поколѣнїямъ, привлекъ тѣмъ ихъ въ окрестности Фульды, верхняго Майна, Вюрцбурга, Бамберга и Бейрейта; этѣ провинціи, очищенныя ими отъ вѣковыхъ засѣкъ и обращенныя въ плодородныя пивы, долго назывались Вендскими округами (56). По свидѣтельству современныхъ писателей, всѣ такого рода поселенїя ихъ, съ давняго времени заняты жителями, именно: начиная съ Австрїи, чрезъ Тироль, до самаго Форальберга, въ нижней и верхней Баварїи, Швабїи, Энгаденѣ, Рейнскомъ палатинатѣ, въ

Франконїи, по обѣимъ сторонамъ Майна, въ Гессенѣ, Турингїи, Брауншвейгѣ, Мишнїи, и т. п., сохранили до самаго XV вѣка, среди Нѣмцевъ и свою народность, и свой языкъ (57).

Останавливаясь на этомъ чрезвычайномъ распространенїи Славянскаго народа, не должно удивляться, слыша объ остаткахъ его въ отдаленнѣйшихъ странахъ міра и находя слѣды смѣшенїя его съ различными племенами народовъ, живущихъ на земномъ шарѣ. Германцы, Эракійцы, Греки, Валахи, Угры и многіе Азіатцы, не мало одолжены многолюдствомъ своимъ племенамъ Славянскимъ. Нынѣшнїе Музульмане наиболѣе при помощи Славянъ распространили свое владычество и могущество въ Европѣ: какъ сначала они мужественнѣе всѣхъ сопротивлялись вторгающимся въ ихъ земли, такъ, въ послѣдствїи, со времени Баязета, почти одни они окружали престолъ султановъ. Письмена и языкъ ихъ долго были въ употребленїи при Дворѣ Оттоманской Порты, а грозное войско Янычаръ, съ самаго учрежденїя его до настоящаго времени, болѣею частїю, состояло изъ людей Славянскаго происхожденїя (58).

Оканчивая эту часть нашего изслѣдованїя, мы должны еще обратить вниманїе на мнѣніе тѣхъ историковъ, которые, не замѣтивъ ближайшихъ предковъ Славянъ, пытались, при недостаточныхъ свѣдѣнїяхъ, найти дальнѣйшихъ. По мнѣнїю ихъ,

(56) Stritt. mem. T. 2. Eckhart. r. Franc. T. I. p. 91, 328, 507, 802.

(57) Aventin. ann. Bojor. L. 1. c. 4. Acta Acad. Palat. T. 1. p. 215. Hanselm. Bew. p. 210. Eckhard. I. 23. c. 6, 7.

(58) Ducas. p. 30 et 77. Stritt. Slav. T. 2. Engel. Allg. WG. Thunm. v. Oesil. Völk. Orzechow. ann. Pol.

древніе Илиры были главнымъ корнемъ, а земля ихъ — родиною всѣхъ Славянскихъ народовъ. Отсюда-то, по словамъ ихъ, они нѣкогда разошлись, а по паденіи Римской имперіи здѣсь соединились и опять разсыпались въ разныя стороны. Если бы эти мѣтнія ограничивались однимъ древнѣйшимъ временемъ, трудно было бы найти доказательства въ опроверженіе ихъ; но простираясь и на времена, хорошо извѣстныя, они должны были испытать сильныя противурчія. Положимъ, что древніе Илиры дѣйствительно были племя Славянское, все еще представляется вопросъ: не могли ль они значительно переродиться въ своемъ состояніи и потерять слѣдовъ собственнаго своего происхожденія? Этотъ народъ, съ незапамятныхъ временъ окруженный Фракійцами, Кельтами, Италиами и Эпиротами, до того перемѣшался съ ними, что современные писатели едва могли различить его отъ тѣхъ и другихъ (59). Въ такомъ положеніи языкъ, обычаи и прочія черты сего народа такъ должны были измѣниться, что трудно повѣрить тому, чтобы Славяне, возвратившись въ послѣдствіи назадъ, могли, вѣрнее послѣ тысячелѣтней разлуки, узнать въ немъ соплеменный себѣ народъ.

Кромѣ того, невозможно доказать, чтобы древніе Илиры въ состояніи были, до эпохи послѣднихъ странствованій Славянъ, вынести у себя всѣ тѣ бѣдствія, которымъ они такъ долго и безпрестанно подвергались. Извѣстно, что за два вѣка до Христіанства, они, вовлеченные въ войну съ Римлянами, должны были, за упорное сопротивление и непрерывные мяте-

жи, испытать всю жестокость этихъ мстительныхъ побѣдителей. Что въ этихъ безпрестанныхъ войнахъ пощадилъ мечъ Фламиніевъ, Павловъ и Метелловъ, то, въ послѣдствіи, въ царствованіе Августа, истребилъ Люцій и другіе (60) (*). Ни одна Римская провинція не претерпѣла столько бѣдствій, перемѣнъ и истребительныхъ вторженій непріятелей, сколько Илирія, Паннонія и прилежація къ нимъ страны. Безпрестанно заселяемая и опустошаемая, эти земли сдѣлались, на-

(60) Strabo l. 7. Journald. d. r. Success. Appian. Illyr.

(*) Чтобы составить себѣ хотя слабое понятіе о томъ, какъ Римляне поступали съ побѣжденными народами и до какой степени опустошили, между прочимъ, Илирію и прилежація ей области, мы упомянемъ здѣсь только о двухъ полководцахъ, которые, поступаая въ ихъ духъ, превзошли своею суровостію и варварствомъ самыхъ дѣкихъ наѣзниковъ. Юлій Цезарь приобращалъ себѣ особенную славу тѣмъ, что въ продолженіи жизни своей истребилъ 1,192,000 людей разныхъ народовъ, покоренныхъ имъ въ Европѣ. Равнымъ образомъ Римляне высоко уважали услуги П. Эмилиа, который, не довольствуясь Вандалскимъ опустошеніемъ всей Греціи, отдалъ болѣе 70 Македонскихъ городовъ на публичный торгъ и въ одинъ день продалъ ихъ на разграбленіе и опустошеніе лихонцамъ. Столько же городовъ разорилъ онъ и въ Эпирѣ, а жителей частью умертвилъ, а часть, именно 150,000, въ оковахъ послалъ въ Римъ, чтобы тамъ въ циркахъ доставить свирѣпымъ соотечественникамъ кровавое зрѣлище и наполнить ими темницы невольниковъ. Мечъ его до того истребилъ Грековъ, что, по окончаніи войны, во свѣдѣтельству Плутарха, едва осталось изъ нихъ 3000 способныхъ носить оружіе.

(59) Strabo l. 7. Appian. de illyr. Athen. l. 6. c. 5.

конецъ, общими кочевьемъ блуждающихъ варваровъ: Со времени Августа до конца IV го вѣка тамъ, одни за другими, поселяемы были остатки еще не совсемъ истребленныхъ Гетовъ, цѣлый народъ Картовъ, множество Бастарновъ, 300,000 Сарматовъ, да и Вандалы, Бургунды и другіе. Съ этого времени до половины VI-го вѣка тутъ поочередно и вмѣстѣ обитали Маркоманны, Сарматы, Визиготы, Остроготы, Руги, Герулы, Скиры, Аланы, Лонгобарды, Гунны и множество другихъ племенъ, которыя, подобно саранчѣ, все вокругъ себя истребляли и уничтожали (62). Такъ какъ всѣ эти толпы вскорѣ, однѣ погибли на мѣстѣ, другія пошли въ иныя страны искать себѣ новыхъ жилищъ, то потому, пришедшіе туда въ послѣдствіи Славяне не находили, начиная отъ Дуная вдоль Савы и Дравы до самыхъ береговъ Адриатическаго моря, ничего, кромѣ пустыни и, по словамъ современныхъ писателей, *urbes erutas per totum Illyricum* (63).

Отличительныя черты древнихъ Европейскихъ народовъ.

Хотя мы нашли уже довольно убедительные доводы въ пользу того, что одни лишь Венеды могли быть

предками Славянскихъ народовъ, но, такъ какъ противъ такого заключенія имѣется не мало мнѣній, утвержденныхъ вѣками, авторитетомъ и предубѣжденіемъ, то, желая опровергнуть оныя, мы необходимо должны показать неосновательность ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Одна производятъ Славянъ отъ Сарматовъ, другіе отъ Скивовъ, Будинцевъ, Фракійцевъ, Вандаловъ, Мидянь, и даже Индійцевъ; всѣ приводятъ на то свои доказательства, и каждый одинъ и тѣ же доводы по своему примѣняютъ къ своему мнѣнію. Для избѣжанія подобныхъ заблужденій, мы, какъ доселѣ, такъ и впредь, приводя достоверныя преданія, станемъ избѣгать въ нашихъ изслѣдованіяхъ всѣхъ тѣхъ догадокъ, которыя не основаны или на очевидныхъ доказательствахъ, или на свидѣльствахъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію. Держась такихъ правилъ, мы надѣемся привести читателей къ тому, что, наконецъ, они сами, изъ собственнаго убѣжденія, въ состояніи будутъ развивать дагѣ упомянутыя выше предположенія.

Всякое отдѣльное племя имѣетъ свои особенныя черты, которыми оно отличается отъ другихъ. Природа въ этомъ отношеніи столь неисчерпаема и неизмѣнна, что она даже каждое отдѣльное семейство и каждаго человека въ частности отличаетъ особенными чертами и переноситъ оныя на его племя. Изъ нихъ однѣ менѣе, другія болѣе, выпуклы, но вообще всѣ постоянно принадлежатъ одному племени. Хотя взаимныя связи разныхъ племенъ производятъ въ нихъ нѣкоторыя перемѣны, однако жъ на нихъ должно смотрѣть, какъ на нѣкотораго рода отгѣнки; отсюда, если природныя черты взяты въ совокупности, не склоняются

(61) Strabo l. 4. c. 1, 17. et l. 7. c. 2. Plin. l. 7. Montesqu. l. 23.

(62) Strabo l. 7. c. 1. Plin. l. 3. c. 22. Ammian. Marc. Jul. Capitol. Procop. B. G. et Vandal. Jorn. r. G. et r. Succes. Isidor. Chr. Got. Wisig. et Wand. Lazius migr. gent. l. 9, 10, 11, 12. Ricobald. Ferrar. Avent. an. Roj. l. 2. c. 42. Lucii Mar. Got. l. 6.

(63) Menand. Warnefr. Long. c. 1. Const. de Adm. imp. Stritt. Scrip. Byz. T. 2.

въ ту или другую сторону, то, обыкновенно, легко отличить можно признаки двухъ родовъ даже въ перемѣшанныхъ тѣняхъ.

Къ таковымъ отличительнымъ чертамъ съ самыхъ древнихъ временъ относили цвѣтъ тѣла, волосъ, глазъ и ростъ. Нынѣшние естествоиспытатели, лучше ознакомленные съ обитателями земли, нашли, при болѣе отчетливомъ сравненіи ихъ между собою, въ ихъ физическомъ составѣ еще множество новыхъ признаковъ. Опуская другія, мы упомянемъ здѣсь только о примѣтахъ, болѣе вышуклыхъ, которыя, обыкновенно, распространяются на цѣлыя отдѣльныя племена. Сюда относятся, кромѣ разныхъ цвѣтовъ тѣла, волосы простые, кудрявые, тонкіе, грубые, волнистые; лице круглое, плоское, продолговатое, овальное; глаза круглые, продолговатые, служенные, въ ближайшемъ или дальнѣйшемъ между собою разстояніи; носъ длинный, вздернутый, грубый, тонкій; губы узкія, широкія, грубыя, отвислыя; челюсти ровныя, неровныя, выдавшіяся; ноги короткія, длинныя, посредственныя; голени прямыя, искривленныя; кожа бѣлая, красная, пепельная, желтая, смуглая, оливковая, и т. д. Монгольское племя постоянно отличается среднимъ ростомъ, лицемъ плоскокруглымъ, малымъ сплюснутымъ носомъ, кожею темножелтою, черными и служенными глазами, черножесткими волосами. Собственно Индѣйское племя, съ древнѣйшихъ временъ донынѣ, отличается стройнымъ, гибкимъ и прекраснымъ ростомъ, продолговатымъ лицемъ и носомъ, кожею темноватою, волосами гладкими, черными и такими же глазами. Племена, называемыя Негрскими, имѣютъ множество различій, какъ въ цвѣтъ тѣла, такъ въ составъ лица, въ фор-

мѣ глазъ, цвѣтъ волосъ и т. д. Племена Европейскія, хотя изъ всѣхъ племенъ на земномъ шарѣ, вѣроятно, наиболѣе перемѣшанныя, однако жъ вообще носятъ еще на себѣ очевидныя слѣды особенныхъ примѣтъ, то въ составѣ лица, то въ волосахъ и глазахъ, которыми они нѣкогда постоянно отличались. Вездѣ гдѣ только Германскія племена сохранили перевѣсъ надъ другими племенами, на пр. въ Великобританіи, сѣверной Германіи, Даніи, Швеціи и другихъ мѣстахъ, постоянно находимъ тѣло бѣлое, волосы русые, глаза голубые (64).

Уже Геродотъ, Аристотель, Гипократъ, Витрувій, Галенъ, Плиній, Тацитъ и другіе древніе писатели, рассматривая этѣ отличительныя черты народовъ, принимали опыта за постоянныя слѣдствія природы и на нихъ основывали свои мнѣнія. Кальпурій нѣсколькими словами очертилъ намъ сущность убѣжденій ихъ въ этомъ отношеніи: „*Miramur hanc legem esse naturae,*“ говоритъ онъ, *ut in sobolem transeant formae, quas quasi descriptas species custodiunt. Sua cuique genti etiam facies manet. Rutili sunt Germaniae vultus et flava proceritas Hispaniae; non eodem omnes colore tinguntur, diversa sunt mortalium genera: nemo tamen est suo generi dissimilis.*“ Нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ изслѣдователей природы, желая опредѣлить причину подобныхъ явленій, приписывали опыта климату. Такъ какъ главные народы, извѣстные имъ тогда на Сѣверѣ, имѣли бѣлую кожу, русые волосы и голубые глаза,

(64) Herod. l. 4. Strabo l. 15. Tibull. Line. Fauu. Svec. Bufon. h. n. d. Thom. T. 2 et 3. Blumenb. variet. gen. hum. Pallas. voy. Sömmering. Corp. hum. fabr. K. A. Rudolphi Physiolog. B. I. Antrop.

обитатели же Южнаго края отличались отъ нихъ темнымъ цвѣтомъ тѣла, черными волосами и такими же глазами, то отсюда заключали они, что холодъ былъ причиною первыхъ, а жаръ послѣднихъ явленій (65).

Хотя эти мнѣнія, по недостатку основательнѣйшихъ, я были приняты древними, но, не смотря на то, онѣ не были убѣдительны; ибо тѣже самые писатели приводятъ не мало народовъ, которые въ тепломъ климатѣ постоянно отличались отъ прочихъ близкою тѣла, русыми волосами и голубыми глазами, а въ холодныхъ странахъ смуглымъ тѣломъ, черными глазами и волосами. Такъ, по собственному ихъ свидетельству, Гелоны, съ незапамятныхъ временъ жившіе на сѣверѣ, между Будинами, Силуры и Гибены на островахъ Британскихъ, отличались отъ прочихъ сообитателей своихъ черными волосами и глазами. Напротивъ того Галаты или Кельты въ Азіи, Италиі, Испаниі и Галліи всегда отличались близкою своею и голубыми глазами отъ Азіатцевъ, Тусковъ, Басковъ, Иберовъ, Аквитанцевъ и другихъ (66). Ктезий, который еще до Геродота путешествовалъ по Индіи, утверждаетъ, что онъ нашелъ тамъ между смуглыми народами и такихъ „qui non a solo, sed a natura sunt flavi“ (67). Впрочемъ, всѣмъ древнимъ было из-

вѣстно, что Скифы и Сарматы, проживши долгое время въ Азіи, не утратили въ этихъ жаркихъ странахъ ни голубыхъ глазъ, ни близкую тѣла, ни русыхъ волосъ (68).

Если бы и теперь даже кто нибудь сталъ утверждать, что жаръ, холодъ, или другая какаяд нибудь внѣшняя причина имѣетъ вліяніе на природныя отличія людей, то, въ опроверженіе этого, можно было бы привести множество доказательствъ, которыя не подлежатъ ни какому сомнѣнію, ибо онѣ основываются на опытѣ многихъ вѣковъ. Какъ въ самыхъ холодныхъ полосахъ нашей земли мы, съ незапамятныхъ временъ, находимъ людей съ смуглымъ цвѣтомъ лица, черными волосами и глазами, такъ равно и въ самыхъ жаркихъ странахъ встрѣчаемъ бывша племена съ бѣлою кожею, голубыми глазами и русыми волосами. Самые сѣверные Лапландцы, Самоѣды, Тунгузы, жители Новой Земли, Гренландцы, Ескимосы, Канадцы и всѣ обитатели острововъ между Камчаткою и Америкою, даже за 60° широты, имѣютъ, безъ исключенія, глаза и волоса черные, тѣло темнокрасное. Въ горахъ Индѣйскихъ полуострововъ, на Азіатскомъ Архипелагѣ у тропиковъ, на Мадагаскарѣ, рядомъ съ совершенно черными людьми живутъ особенныя племена съ бѣлымъ тѣломъ, русыми волосами и голубыми глазами. Подобныя племена находятся въ Хили и другихъ краяхъ Америки. Въ Атласныхъ горахъ Ауресса, въ Африкѣ, встрѣчаемъ народъ, который, какъ навѣрно полагаютъ можно, происходя отъ пришедшихъ туда Вандавовъ, въ продолженіи 1400 лѣтъ до сихъ поръ не потерялъ природ-

(65) Herod. l. 4. Strabo l. 15. Aristot. probl. 11. sect. 14 et 38. Пупрост. de aër. Plin. l. 2. c. 78. Calpurn. Flac. decl. 2. Vitruv. ar. Cluv. germ. l. 1. c. 14. Galen. de temp. l. 2. c. 5.

(66) Herod. l. 4. Tacit. ad Agr. Tit. Liv. l. 21 et 38. Polyb. l. 2. Caesar. B. G. l. 2. Ammi. Marc. l. 15. Strabo l. 4, 5. et 7. Diod. l. 5. Clem. Alex. paedag. l. 3. Virgil. Aen. 8.

(67) Ctes. ap. Rhodom.

(68) Herodot. l. 4. et 6. Plin. l. 4. Justin. l. 2. c. 3. Strabo l. 7.

ныхъ примѣтъ Германскаго народа, подобно черноглазымъ и черноволосымъ Иберамъ въ горахъ Пиренейскихъ, и Силурамъ въ горахъ Британскихъ, которые, со времени Тацита, Страбона и другихъ, также не утратили своихъ чертъ, находясь возлѣ племени русоволосыхъ (69). У насъ Цыгане и Евреи, сохранивъ себя отъ смѣшенія съ другими, одни 400 лѣтъ, а другіе нѣсколько уже вѣковъ, съ перваго взгляда указываютъ тѣлесными чертами на свое племя.

Природныя черты отдельныхъ племенъ, обыкновенно, прочтѣе всего сохраняются въ своей неприкосновенности у народовъ, живущихъ въ первобытной простотѣ и, такъ называемомъ, варварствѣ; ибо въ этомъ состояніи не только инстинктъ, но и самое положеніе и нужда берегутъ оныя. Привязанность къ подобнымъ себѣ врождена людямъ, а чѣмъ больше между ними различія, тѣмъ они равнодушнѣе другъ къ другу. Бѣлые не терпятъ черныхъ; статный Европеецъ съ отвращеніемъ смотритъ на плосколицаго Монгола, малорослаго Самова. Въ первобытномъ состояніи народы живутъ, обыкновенно, въ строгой отдаленности другъ отъ друга, и какъ самыя эти народы, такъ и отдаленныя лица ихъ не могутъ рассчитывать на взаимную помощь, благосклонность, или безопасность. Въ этомъ состояніи очевидныя отличія служатъ имъ какъ бы знакомъ предосторожности, съ кѣмъ можно дру-

жить, къ кому прибѣгать, кому не вѣрять.

Кажется, люди во всякое время и во всякомъ состояніи убеждены въ необходимости и пользѣ отличающихся ихъ признаковъ; ибо коль скоро, при раздѣленіи или смѣшеніи особыхъ племенъ, природныя отличія дѣлались недостаточными, то вездѣ старались замѣнить оныя вымышленными. Между тѣмъ какъ дикіе или бѣдные народы расписываютъ тѣло свое разными цвѣтами, выжигаютъ на немъ знаки, сопровождаемыя иногда изувѣчиваніемъ, народы, болѣе просвѣщенные, отличаютъ себя то формою одежды, то цвѣтомъ ея, то иными знаками. Какъ дикій, такъ и образованный человекъ, коль скоро среди чужихъ увидитъ своего соплеменника, не можетъ скрыть своей радости и съ довѣренностію къ нему приближается.

Къ различенію отдельныхъ племенъ другъ отъ друга, кромѣ физическихъ отличій, служатъ еще: языкъ, религія, права, обычаи, господствующія качества, образъ жизни и т. п. Все это, обращаясь въ привычку, дѣлается ихъ неотъемлемою собственностію и переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Для того, чтобы въ цѣльномъ народѣ измѣнить или истребить всѣ эти отличія, нужны или чрезвычайныя потрясенія, или сильныя побужденія. Языкъ, долго подавляемый перевесомъ другаго, можетъ, наконецъ, исказиться и даже совершенно выродиться, но слѣды его происхожденія и первобытнаго образованія остаются неизгладимыми. Съ подобнымъ же трудомъ сопряжена перемѣна религіи; на ея началахъ основывается у первобытныхъ народовъ союзъ общественный; съ нею тѣсно соединены народныя мнѣ-

(69) Tacit. ad Agr. c. 2. Pytesa ap. Strabo l. 4. Bufon. l. c. T. 3. Blumenb. var. gen. hum. Journard. r. g. c. 2. Pinkert, de Scyt. pref. p. 6. Strahlenb. word. u. Ost.-Eur. Obraz narod. Krak. r. 1801. Pallas. voy. Rudolphi Physiol. Ig. Molina Stor. natur. d. Chili.

нія, нравы и обычаи; святыни боговъ-хранителей составляли главное условіе соединенія народовъ. Съ нарушеніемъ религіи нарушается вмѣстѣ и весь общественный бытъ, равно какъ и все то, что каждый въ отвѣтственности считалъ личною свободою. Слѣдовательно, нападеніе на господствующую религію должно произвѣдти тѣмъ сильнѣйшее сопротивленіе, что никто въ этомъ случаѣ не остается равнодушнымъ. Эти трудности не были тайной для древнихъ законодателей и мудрецовъ; отсюда, часто они, вопреки собственному убѣжденію, слѣдовали общему мнѣнію, свои же собственные типично скрывали въ кругу однихъ лишь ревностнѣйшихъ послѣдователей своихъ.

Самъ инстинктъ вдохнулъ въ челоука убѣжденіе о существованіи высшей силы, управляющей міромъ. Первыми чувственными изображеніями оной были солнце и луна, потомъ огонь, земля и другія стихіи. Такъ какъ вмѣстѣ съ самыми удивительными явленіями, люди въ этихъ стихіяхъ видѣли главные источники благодѣяній и бѣдствій, на нихъ ниспосылаемыхъ, и какъ они замѣчали въ нихъ непосредственные предметы своей радости, надежды и страха, то, по этой причинѣ, высшая сила удостоивалась первыхъ почестей на землѣ. Въ этихъ простыхъ понятіяхъ религія была естественна и ясна, ибо она шла путемъ, представленнымъ человѣческой слабости. Но когда въ послѣдствіи главные источники добра и зла начали дѣлаться на меньшіе; когда для отвѣтныхъ ихъ свойствъ старались изобрѣсть особые образы, примѣшивая къ нимъ философію и временныя происшествія, то первобытныя ясныя понятія до такой степени по-

мрачались, что религія, наконецъ, превратилась въ лабиринтъ заблужденій, а ея мифологія обратилась въ баснословные рассказы. Египтяне, Греки и Римляне, олицетворяя божества свои, дошли, навослѣдокъ, до того, что никто не могъ ни различить ихъ, ни объяснить, ниже исчислить.

Сначала образцы обожаемыхъ существъ ограничивались известными символами, выражающими главныя ихъ свойства: такимъ образомъ левъ изображалъ господствующее божество, конь съ распушенной гривой и хвостомъ означалъ солнце съ лучами; быкъ съ полукруглыми рогами представлялъ землю, оплодотворенную вліаніемъ луны; пирамида — огонь, оружіе — могущество въ битвѣ, и проч. Далѣе, для выраженія различныхъ свойствъ одного божества, къ общему символу прибавляли разные особенныя; отсюда произошли чудовищныя смѣшенія людей съ звѣрыми, человѣческія фигуры съ нѣсколькими головами, крылатыя, въ рогахъ и т. п. Наконецъ, почти приличнѣйшимъ изображать эти божества въ одномъ только человѣческомъ видѣ, различая оныя свойственными имъ символическими знаками: такимъ образомъ лице человѣческое, или кругъ, обнесенный лучами, изображавшій прежде солнце, замѣнили головою Апполона; огненную стрѣлу, означающую власть истребительную, дали въ руку Юпитеру; Меркурію придали крылья птицы. Поступая такимъ образомъ далѣе и далѣе, наконецъ, дошли до того въ этихъ изобрѣтеніяхъ, что каждый изъ обожаемыхъ предметовъ представляли въ различныхъ и совершенно другъ на друга непохожихъ образахъ. Геркулесъ, Бахусъ, Юпитеръ, Меркурій, Марсъ, Вулканъ, Аполлонъ, Янусъ и другіе были не что иное, какъ только

солнце въ различныхъ его свойствахъ; Геката, Юнона, Изиды, Прозерпина и Диана представляли луну; Гея, Цибела, Церера, Венера и Панъ — землю. Хотя все эти изобретения постепенно болѣе и болѣе отводили отъ первобытной дѣлы почитанія и естественной религій, однакожь, человекъ, какъ бы по предчувствію, невольно всегда къ ней возвращался. Не смотря на изображенія и символы божества, преимущественно имъ избраннаго, онъ молилъ его обо всемъ и во всякой своей нуждѣ прибѣгалъ къ нему. Отъ того величественный Юпитеръ, веселый Аполлонъ, роскошная Венера, спокойная Минерва и гостеприимный Меркурій, должны были часто вооружаться и заступать мѣсто Марса, когда требовали того ихъ поклонники (70).

Мы не должны удивляться, что все религій древнихъ имѣли много между собою общаго, какъ въ своихъ мнѣніяхъ, такъ и въ обрядахъ: начала оныхъ должныствовали быть одиѣ и тѣже; ибо все они по одинаковымъ побужденіямъ стремились къ одной и той же цѣли. Все же прочее, безъ сомнѣнія, произошло отъ взаимныхъ преданій, которыя, переходя отъ народа къ народу, распространялись по всей землѣ. Одно только кажется непонятнымъ: по какимъ причинамъ приношеніе людей въ жертву богамъ могло сдѣлаться общимъ во всехъ этихъ религійхъ? Кажется, ни врожденныя чувства чловѣколюбія, ни

первобытныя изображенія обожяемыхъ существъ, не побуждали къ подобнымъ жестокостямъ. Не смотря, однакожь, на то, начиная съ древнихъ Индійцевъ, Персовъ, Сиріанъ, Египтянъ, Грековъ и Римлянъ, до, такъ называемыхъ, варваровъ, не исключая и Американцевъ, обычай этотъ всегда былъ въ употребленіи (71).

Такое всеобщее согласіе могло произойти только отъ всеобщихъ причинъ. Приношеніе такого рода жертвъ, вѣроятно, было не для боговъ, а для самыхъ людей. Въ первоначальныхъ обществахъ религій сдѣлалась главнымъ ихъ оракуломъ и порукою ихъ внутренняго порядка; люди были вмѣстѣ оспователями, толкователями и исполнителями постановленій своей вѣры. Преступленія, которыя считались оскверненіемъ божествъ, должныствовали быть наказываемы ихъ именемъ и въ ихъ присутствіи. Оттуда вродавыя жертвоприношенія людей, начавшіяся, безъ сомнѣнія, съ преступниковъ, и существовавшія дотолъ, докомъ общественныя права не приобрѣли достаточной силы.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, столь удивительныя уклоненія религій, мы уже легче можемъ понять, почему варварскіе народы съ сильнѣйшимъ убѣжденіемъ и упорнѣе защищали ее, нежели народы просвѣщенные. Первые, придерживаясь искаженной или менѣе помраченной религій, никогда не теряли изъ ви-

(70) Herod. l. 2. Ovid. Fast. Pausan. Lacon. l. 3. Quotil. l. 2. Cicero. d. n. deo. Plutar. d. fac. Iua. l. 2. Placit. phil. c. 30. Macrobi. Satur. Clem. Alex. Str. Apollod. Relig. d. Gaul. par. u. Rel. d. S. Maur. Hyde r. Pers. Fr. Paol. v. al. Iud. Sched. d. dia. Germ. Germ. Jablonski Pant. Egip. Montfauc. ant. Bailly h. d' l' Astr. éclair. Hüllm. Theog.

(71) Moses. Lev. c. 18, 20. Reg. l. 1. c. 11. et l. 2. c. 23. Herod. l. 4. Meli l. 2. c. 1. et l. 3. c. 7. Strabo. l. 11. Plutar. de sup. et Isid. Sophocl. Androm. Pomp. Varr. ap. Pelout. T. 2. l. 5. Dio. Hal. ant. Rom. l. 1. Lactant. c. 21. Macrobi. Satur. Procop. Pers. l. 1.

ду ни первоначальныхъ предметовъ своего обожанія, ни постояннаго вѣдѣнія ихъ на земныхъ твари; у послѣднихъ же все это, будучи забыто или запутано, приняло видъ суеты. Изображенія божествъ у первыхъ всегда напоминали, что они были только символами; у другихъ же, будучи представляемы совершенно въ человѣческомъ видѣ, выражали всю слабость, ничтожность и обыкновенную страсти челоука. Фракійцы, Кельты, Германцы, не смотря на долговременныя связи съ Греками и Римлянами, не приняли отъ нихъ ни мифологіи, ни изображеній, ни позднѣйшихъ обрядовъ; все, что только было между ними общаго, происходило отъ первобытнаго, всмѣ общаго, источника. Скифы зато только умертвили мудреца своего Анахарсиса, что онъ осмѣлился вестъ было у нихъ нѣкоторыя Греческія обряды; потребны были необыкновенныя люди, какъ Зороастръ, Нума и Замолксасъ, для того, чтобы склонить народы къ важнѣйшимъ перемѣнамъ въ религіи.

Подобнымъ же трудностямъ подвергались у менѣ просвѣщенныхъ народовъ измѣненія правъ, обычаевъ, склонностей, обыкновеннаго образа одежды, оружія, обычаевъ и т. д. Одни, какъ тѣсно соединенные съ правдами религіи, вмѣстѣ съ нею не могли быть нарушаемы; другія же удерживались привычкою, которая нѣредко сопротивляется самому даже разуму и силѣ.

Убѣдившись, такимъ образомъ, что отдѣльныя племена людей имѣли свои черты, которыя были у нихъ, большею частію, неизмѣнны (а если нѣкоторыя изъ нихъ были общи, то другія принадлежали имъ исключительно), мы обозначимъ теперь глав-

Кн. I. Отд. III.

ныя въ древности Европейскіе народы, сравненіе коихъ покажетъ намъ: могъ ли народъ Вендо - Славянскій принадлежать къ которому нибудь изъ нихъ, и нѣтъ ли какихъ указаний на сродство или продолжительное съ которымъ нибудь изъ этихъ народовъ общеніе? Мы въ самомъ началѣ своего изслѣдованія признали главными народами: Фракійцевъ, Кельтовъ, Германцевъ, Скивовъ и Вендовъ; не пускаясь въ разрѣшеніе вопроса, были ли первые четыре народа особеннаго происхожденія, мы ограничимся здѣсь однимъ только описаніемъ главнѣйшимъ ихъ свойствъ и тѣмъ покажемъ существенное отличіе отъ нихъ Вендовъ.

У древнихъ обитателей Европы были три главнѣйшія отличительныя черты, на которыя, какъ мы упомянули, современные писатели болѣе всего обращали вниманіе; это: волосы русые, черные, темные. Съ первыми всегда соединялись голубые глаза и блѣлое тѣло, со вторыми глаза черные и кожа смуглая или темная, съ третьими же глаза сѣрые или голубые съ примѣсью свраго, и тѣло нѣсколько румяное. Этѣ черты, какъ природныя, будемъ считать главными или нормальными, прочія же, какъ общія нѣредко различнымъ племенамъ, будутъ только вспомогательными.

Ф р а к і й ц ы .

Народъ Фракійскій, который, по слову Индійцевъ, считался многочисленнѣйшимъ, не могъ избѣжать значительнаго смѣшенія съ другими народами: его жилище въ соседствѣ многолюдной Авіи, омываемое морями, съ незапамятныхъ временъ посѣщаемыми, доступное съ запада и

8

сѣвера, были открыто со всѣхъ сторонъ вторженію другихъ народовъ. Отъ того мы имѣемъ два рода мнѣній о природныхъ свойствахъ сего народа: одни относили его къ племени русоволосому съ голубыми глазами (72), другіе же къ темноволосому съ тѣломъ красноватаго цвѣта (73). Эти мнѣнія показываютъ, что въ тогдашнее время главное народонаселеніе Фракіи составляли два отдѣльных племени, что подтверждаютъ и выше приведенныя свидетельства современниковъ, отличавшихъ многочисленныя Бессовъ и Коралловъ отъ прочихъ Фракійскихъ народовъ и выводившихъ ихъ отъ Мидявъ (74).

Полагаютъ, что отъ первобытнаго языка Фракійскаго произошелъ Греческій, и что Латинскій и Кельтскій имѣли съ нимъ значительное сродство. Овидій, изучивъ этотъ языкъ во время пребыванія своего у Понта, свидѣтельствуетъ, что въ составъ своемъ онъ сходенъ былъ съ Греческимъ и что въ немъ существовали еще остатки сего послѣдняго. Тотъ языкъ, которымъ нынѣ говорятъ древніе обитатели значительной части Фракіи, именпо, такъ называемые, Куцовлахи въ Македоніи и Тессаліи, сохранилъ донынѣ ясныя слѣды сродства своего съ древнимъ Греческимъ и Латинскимъ (75).

Нѣтъ слѣдовъ, чтобы образованная религія Грековъ съ своею мифологіею имѣла какіе либо успѣхи у сосѣдственныхъ Фракійцевъ. Больше всего почитали они Меркурія, послѣ

него Марса, Бахуса и Діану. Геты, считавшіеся за людей справедливейшихъ и обыкновенно называвшіеся безсмертными, исключительно обожали Замольксиса, произведшаго въ которыхъ перемѣны въ ихъ религіи и положившаго начало мнѣнію о безсмертіи человѣка. Оттуда одни изъ Фракійцевъ придерживались мнѣнія, что души, по прошествіи некотораго времени, опять возвратятся въ тѣло для его одушевленія, а другіе полагали, что люди по смерти переселяются къ Замольксису и тамъ наслаждаются съ нимъ вѣчнымъ блаженствомъ. Это убѣжденіе столь сильно вкоренилось въ нихъ, что каждые пять лѣтъ выбирали они одного изъ своей среды по жребію и, давъ ему разныя препорученія на тотъ свѣтъ, бросали его вверхъ надъ разставленными копьями. Если онъ, падая на острія, не умиралъ на мѣствъ, то его считали за посланника, неугоднаго божеству, и на его мѣсто избирали новаго, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока они не достигали своей цѣли. Во время грома они обыкновенно стрѣляли въ небо, грозя Замольксису, чтобы онъ не вредилъ имъ молніею (76).

Многоженство было общимъ у Фракійцевъ; кто не имѣлъ до 12 женъ, тотъ считался менѣе знатнымъ. Этѣ жены дорого покупались у родителей и находились подъ строгимъ присмотромъ въ домахъ мужей своихъ. Дѣвственность мало была уважаема; родители собственныхъ дѣтей продавали на торгахъ (77). Мертвые частію сожигались, а частію хоронились; въ такомъ случаѣ жена, болѣе другихъ любившая мужа, убивалась ближайшимъ родственникомъ и бро-

(72) Herod. l. 5. Xenoph. ap. Voss. Mit. Brief. T. 1, 6, 3. Procop. B. V. l. 3.

(73) Firm. Matern. l. 1. c. 1.

(74) Strabo l. 7. Herod. l. 7.

(75) Ovid. Tr. 5. Thunm. Oestl. Völk. Engel. Val. Sulz. Walach. Moldav.

(76) Herod. l. 2, 4, 5.

(77) Herod. l. 5. Menand. ap. Strabo. l. 6. c. 1.

салась въ гробъ или на костерь, пожирающій трупъ ея супруга (78). Наконецъ, какъ день рожденія у нихъ былъ днемъ печали, такъ день смерти былъ провождаемъ въ радости и веселіи (79).

Фракіицы распадалась на разныя отдѣльныя поколѣнія, изъ которыхъ одни имѣли республиканскій образъ правленія, а другія монархическій. Во время войны съ Римлянами, нѣкоторые изъ ихъ вождей, особенно короли Даковъ и Гетовъ, покрылись славою. Поколѣнія, поселившіяся въ неприступныхъ горахъ и считавшіяся за дикарей, никогда не покорялись чужеземной власти (80).

Фракіицкіе народы, которыхъ вообще укоряли въ гнусности и пьянствѣ, презирали земледѣліе; обыкновеннымъ ихъ занятіемъ, среди пастушеской жизни, были охота, война и грабежъ. Храбрѣйшими между ними считались Бессы и безсмертные Геты (81). Древнее ихъ оружіе состояло изъ небольшого коженнаго щита, дротика и кинжала; въ послѣдствіи (какъ то видимъ въ изображеніяхъ на колоннѣ Траяна) Даки и Геты употребляли грубую суковатую палицу, кривую саблю, лукъ и щитъ безъ збруи и плема. Военныя знамена, прикрьшенныя къ длиннымъ древкамъ, у однихъ представляли драконовъ съ головою и хвостомъ, поднятыми вверхъ, а у другихъ смерть, или человѣческой скелеть, съ косою надъ головою. Знакъ къ бою подаваемъ былъ ужаснымъ

звукомъ трубъ (82). Когда хотѣли вступить въ переговоры съ неприятелемъ, то, обыкновенно, высылали къ нему жрецовъ, которые, приближаясь къ нему, играли на лирахъ или гитарахъ (83).

Геродотъ весьма хвалитъ полотно Фракіицкое, выдѣлываемое изъ конопли; мужчины носили изъ него короткія тунники и плащи, длинныя до пятъ штаны изъ лошадиной кожи и лисьи шапки. На колоннѣ Траяна мужчины изображены въ длинныхъ штанахъ, въ туникѣ до коленъ, перевязанной поясомъ, въ плащѣ изъ звѣриныхъ кожъ, застегнутомъ спонкой на левомъ плечѣ, а на головѣ шапочка изъ полотна. Женщины носили длинное до пятъ фалдистое платье съ рукавами, перевязанное поясомъ; голову обвивали платкомъ, концы коего висѣли сзади (84). Выжиганіе тѣла было у нихъ почетнымъ знакомъ; кто не имѣлъ, особенно на челѣ, множества такихъ знаковъ, тотъ мало былъ уважаемъ (85).

К е л ь т ы

Такъ какъ народъ Кельтскій былъ болѣе прочихъ народовъ распространенъ и вездѣ перемѣшанъ съ другими, то потому и природныя его свойства и обычаи не могли быть до такой степени, какъ у другихъ, всюду одинаковы. Для избежанія всякаго недоумѣнія въ этомъ отношеніи, мы представимъ только тѣ изъ нихъ, ко-

(78) Herod. l. 4, 5. Solin. c. 15 et 16.

(79) Herod. l. 5. Valer. Max. l. 2. c. 6. Mela. l. 2. c. 2. Solin. l. c.

(80) Herod. l. 5. Strabo l. 7. Tacit. annal. Jornand. d. g. succes.

(81) Herod. l. 5. Plato. de leg. l. 1. Jornand. l. c.

(82) Marcial. epig. l. 7. Engel. d. gest. Traj. Herod. l. 7. Dandae Bardon. Antiq. Cab. 25. T. 3.

(83) Atene. l. 14. Jornand. d. g. c. 10.

(84) Herod. l. 4, 7. Procop. Pers. l. 2. c. 21. Bardon. Cost. T. 3. Engel. d. g. Traj.

(85) Herod. l. 5. Plin. l. 22. Strabo l. 7.

торыя были болѣе общи и принадлежали разнымъ обитателямъ страны, ими занимаемой.

Собственное племя Кельтовъ было русоволосое, и всѣмъ тѣломъ своимъ столь похоже на Германцевъ, что оба эти народа считались сродными. *Galli semi Germani*, говоритъ Ливій, а Страбонъ прибавляетъ, что они ростомъ, свойствами и русыми волосами ни мало не отличались отъ Германцевъ. Тоже говорятъ современники о всѣхъ Кельтскихъ поколѣніяхъ, начиная отъ Адриатическаго моря до острововъ Британіи: вездѣ, по свидѣтельству ихъ, была у нихъ *cutis candida, comae flavae, oculi saerulei, magna corpora* (86). Рѣдко какой писатель употребляетъ слѣдующее выраженіе: „*repe omnes Galli candidi*“, хотя исключенія могли имѣть мѣсто по причинѣ значительнаго смѣшенія ихъ, именно съ темно-волосыми Тусками, Лигурійцами, Иберами, Аквитанцами, Силюрами и другими (87).

Кромѣ этѣхъ природныхъ чертъ обыкновеніе накалывать кожу желѣзомъ и расписывать извѣстныя части тѣла, сохранялось до позднихъ временъ Кельтскими народами, начиная отъ береговъ Истра до самой Испаніи и острововъ Британскихъ. Женщины обыкновенно красили свое тѣло шафраномъ (88).

(86) Liv. l. 21. c. 38. et lib. 58. Strabo l. 4, 7. Tacit. Ger. et ad Agric. Plutar. ad Mar. Polyb. l. 2. Virgil. Aen. 8. Silius. It. l. 4. Diodor. l. 5. Auson. Edil. Claud. in Ruf. l. 3. Lucan. l. 3. Veget. mil. l. 1. Flor. l. 2. c. 4. Caesar. Com. 1. Flac. Calp. decl. 2. Clem. Alex. paedag. l. 3. c. 3. Arian. de exp. Alex. l. 1. Jornand. G. c. 2.

(87) Amm. Marc. l. 15. c. 12.

(88) Tacit. ad Agr. Caesar. Com. l. 5. Mela l. 3. c. 6. Herodian. l. 3. Strabo l. 7. Pellout. T. 1. l. 2. Plin. l. 22. c. 1.

Языкъ, столь далеко распространеннаго народа, конечно, раздѣлялся на разныя нарѣчія; можно навѣрное полагать, что онъ, смѣшанный съ языками природныхъ или побѣжденных жителей страны и колонистовъ Африканскихъ, Азіатскихъ и Греческихъ, во многихъ странахъ могъ казаться совершенно инымъ языкомъ. Такъ какъ этому языку приписывали то исключительное свойство, что въ немъ измѣненіе словъ производилось не на концѣ, какъ въ другихъ, а въ началѣ, то потому его нарѣчія, при всемъ своемъ разнообразіи, легко указывали на свое сродство. Полагаютъ, что онъ происходилъ отъ одного корня съ языками Греческимъ и Латинскимъ, и что нынѣшніе языки: Италіанскій, Французскій, Испанскій и Португальскій, произошли отъ него, и что даже древній Германскій языкъ имѣлъ съ нимъ много общаго (89).

Начало Кельтической религіи и ея іерархіи полагаютъ въ Гиберніи: главными божествами были Тевтатъ, Гесъ, Таранъ и Беленъ. Цезарь упоминаетъ только о трехъ первыхъ, называя ихъ Римскими именами, то есть: о Меркуріи, имѣвшемъ преимущество предъ прочими, Марсѣ и Юпитерѣ (90). Беленъ, по Кельтски Бѣлый, изображалъ собою солнце, или Аполлона, и преимущественно былъ чтимъ на берегахъ Адриатическаго моря Нориками и Аквитанцами. Его представляли въ человѣческомъ видѣ съ тремя головами, иногда съ широко-

(89) Bonamy mem. de inscr. T. 41. Relig. d. Gaul. l. 3. c. 20. Mafei ant. Betrae. et Gall. Ballet. lang. Celt. Cluver. Germ. ant. l. 1. Pellout. T. 2.

(90) Caesar com. 6. Lucan. l. 1. et 3. Solin. c. 25.

разверстыми устами (*). Подобнымъ образомъ представляли съ тремя головами Тевтада или Меркурія, божество торговли и плодородія земли. Гессъ, богъ войны, почитался также древними Этрурами (91).

Кромѣ этихъ божествъ Кельты воздавали еще величайшія почести богинѣ земли, которая, старательно покрытая толстою холстиною на колесницахъ, запряженной коровами, торжественно возима была по полямъ и всему государству, подобно Римской и Сирийской Цибель. Божество Лмень, изображающее луну, кромѣ лица совершенно было у нихъ покрыто завѣсою; ему поклонялись ночью надъ водою, въ которую, обыкновенно, глядыи притомъ. Минерву они называли Белизаною (92).

Кельты богамъ своимъ посвящали рощи, источники, водопады, озера, горы, кон были у нихъ въ великомъ уваженіи и гдѣ въ известное время совершались священные обряды. Для того, чтобы свестъ дождь на землю, женщины, обыкновенно, собирали белую поминь, по Кельтски *bilisa*, и бросали оную въ священныя воды. При некоторыхъ божествахъ содержали белыхъ коней, по шагамъ которыхъ жрецы предугадывали послѣдствія предпринимаемыхъ дѣлъ народомъ. Кресты и ключи, принятые, какъ полагають, отъ Египтянъ, и бывшіе символомъ будущей жиз-

ни, часто можно видѣть на кумирахъ боговъ Кельтическихъ. Большыя части тѣла, изображенныя на дощечкахъ, какъ приношенія, вытѣшываемы были въ кашницахъ (93).

Кромѣ различныхъ звѣрей, приношеніе людей въ жертву богамъ было самымъ обыкновеннымъ у народовъ Кельтическихъ. На сей конецъ большою частію избирали преступниковъ, а въ случаѣ недостатка ихъ невинные убиваемы были по жребію. Иногда охотники добровольно обрекали себя на такую смерть и отдавались въ руки жрецовъ, что приносило имъ великую честь. Ни одно важное происшествіе не обходилось безъ подобныхъ жертвъ, которыя непременно должны были доставляться. Жрецы сами совершали такое убійство ударомъ ножа, направленнымъ сзади межъ лопатокъ къ сердцу, а вытекающую кровь приносили богамъ въ жертву и по ней гадали. Кромѣ того у Кельтовъ было обыкновеніе плести изъ хвороста огромныя чудища своихъ боговъ, сажать въ нихъ живыхъ людей и, вмѣстѣ съ кумиромъ, сожигать ихъ въ жертву богамъ (94). Часть военнопленныхъ и добычи, взятой у неприятелей, сожигалась, обыкновенно, въ честь Геза; въ знаменитомъ походѣ Кельтовъ и Кимбровъ противъ Рямлянъ, сожжено въ честь сего божества 80,000 Римскихъ военнопленныхъ съ лошадьми, оружіемъ и разною добычею (95).

(*) Между Славянскими божествами у Я. Потоцкаго подъ N. 25 находится малый кумиръ съ устами, также широко разверстымъ.

(91) Relig. d. Gaul. l. 2, 3 et 4. Banier. pag. 2. l. 1. c. 7. Auson. prof. Bard. car. 5. et 11. d. Torre mon. Antii Sched. d. diis Ger. Syng. 1. c. 7. Herod. ad Mar. l. 8. Tertul. apologet. c. 24.

(92) Amm. Marc. l. 23. c. 3. Relig. Gaul. l. 4. c. 10 et 19. Banier. l. c.

(93) Relig. Gaul. l. 1. c. 7, 14 et 30. l. 2. c. 23.

(94) Caesar Com. 6. Dion. Hal. l. 1. Solin. c. 25. Diodor. l. 5. Plin. l. 30. c. 4. Lactant. l. 1. c. 21. Strabo l. 3, 4. Mela l. 2. Tacit. ann. l. 14. Relig. d. Gaul. Pellout. h. de Celt.

(95) Eutrop. l. 8. c. 1. Diod. l. 5. Relig. d. Gaul.

Кельтскіе жрецы, называемые *Senes* (вѣроятно, отъ Греческаго *senos*, Латинскаго *senex*), избирались изъ особеннаго класса Друидовъ или ученыхъ и имѣли своего верховнаго жреца, котораго власть была неограниченна. Весь народъ принималъ участіе въ его выборахъ, который, по этому, часто былъ рѣшаемъ оружіемъ и войною. Жрецамъ принадлежало исключительное право назначать жертвы и торжественные дни, исполнять жертвенныя обязанности, содержать неугасаемый огонь, блюсти неприкосновенность священныя мѣсты, поддерживать чистоту религіи и порядокъ во время торжества, собирать смолу съ дубовъ и лекарственныя травы. Въ помощь себѣ они имѣли особенныхъ жрицъ, именуемыхъ *Senae*, изъ которыхъ однѣ были замужнія, другія дѣвы. Во время исполненія обрядовъ они надѣвали на себя бѣлую одежду. Съ теми, которые были ими прокляты, никому не позволялось имѣть сношеній, даже говорить (96).

Мнѣніе о безсмертіи души было господствующимъ у Кельтовъ: по мнѣнію ихъ души переселялись на извѣстные острова, откуда, въ назначенное время, имѣли снова возвращаться и одушевлять другія тѣла. Въ этомъ убѣжденіи, при сожиганіи или погребеніи умершаго, бросали на костеръ все то, что ему было мило въ сей жизни и чѣмъ онъ обыкновенно пользовался. При погребеніи знатнѣйшихъ людей убивали ихъ служителей, коней и другихъ звѣрей, которые должны были служить ему и въ будущей жизни. Иногда друзья умершаго добровольно бро-

сались на костеръ, чтобы никогда съ нимъ не разлучаться. При погребальныхъ обрядахъ давали умершимъ разныя порученія и письма къ роднымъ и друзьямъ на тотъ свѣтъ, а иногда ссужали имъ деньги съ условіемъ, чтобы онъ въ будущей жизни были возвращены. Кельты утверждали, что земля со временемъ будетъ истреблена огнемъ и водою, и что въ послѣдствіи вновь возродится въ гораздо совершеннѣйшемъ видѣ (97).

Кельтскіе народы, особенно въ Галліи, раздѣлялись на три сословія: къ первому принадлежали Друиды, ко второму боаре, къ третьему чернь. Друиды составляли родъ касты, которая пользовалась великимъ уваженіемъ: они, подъ руководствомъ верховнаго жреца, совершали религіозныя обряды, занимались воспитаніемъ знатнѣйшаго юношества, рѣшеніемъ дѣлъ общественныхъ и частныхъ, назначеніемъ наградъ добрымъ и наказаній преступникамъ; словомъ, все внутреннее управленіе и вѣншія сношенія основывались на ихъ вліяніи. Боаре или дворяне занимались только оружіемъ, чернь же, не имѣя никакого значенія, обыкновенно окружала дворянъ, отдавая себя имъ въ рабство, или на временныя услуги. Народы Кельтскіе раздроблены были на отдѣльныя республики, въ которыхъ, въ мирное время, мѣстные старѣйшины управляли дѣлами государственными; въ случаѣ же войны избирали общаго вождя и совѣтъ съ неограниченною властію. Во время бѣдствій отече-

(97) Diodor. l. 5. Lucan. l. 4. Strabo. l. 4. Solin. l. 4 et 5. Valer. Maxim. l. 2. c. 6. Caesar. Com. 6. Appian. in Hist. Serv. ad Aeneid. 3. Mela l. 3. c. 2. Plutar. d. Oracul. Procop. B. G. l. 4. Relig. d. Gaul.

(96) Plin. l. 16. c. 44. et l. 25. c. 19. Caesar. B. G. l. 6. Solin. c. 25. Mela l. 3. Relig. d. Gaul. прочее см. прим. 25.

ства различныя поколѣнія собирались на общія народныя совѣщанія, въ которыхъ и женщины могли принимать участіе. Искусство письма было у нихъ съ столь давняго времени распространено, что они употребляли оное для совершенія дѣлъ не только общественныхъ, но и частныхъ (98).

Современники весьма оуждаютъ нравы и обычаи Кельтовъ: они считали ихъ людьми легкомысленными, взвломными, пьяницами, задорными и убивающими другъ друга среди пиршествъ. Въ своихъ домахъ они были мерзки и отвратительны; они сберегали свою мочу для мытья тѣла и зубовъ (99). Женщины обыкновенно смотрѣли за домою и занимались земледѣіемъ; мужчины же, ведя жизнь праздную, занимались только охотою, а въ случаѣ необходимости войною. Дома строили, сколько возможно, въ уединеніи, въ рощахъ и у источниковъ, а замки въ мѣстахъ скрытыхъ и неприступныхъ, куда они, во время нападенія на нихъ непріятеля, скрывались со всемъ своимъ имуществомъ (100).

Одежда Кельтовъ была узка, штаны коротки; на плечахъ они носили *zagum*, родъ четырехъ-угольнаго плаща. Волоса отъ чела закидывали назадъ, которые, будучи длинны и густы, совершенно покрывали плеча. Бороды обыкновенно подстригали, оставляя длинные усы. Богатые носили на шеяхъ цѣпи, часто изъ золота, а на рукахъ иногда отъ плеча до самыхъ кулаковъ такоюжъ рода обручи (101).

(98) Caesar B. G. Strabo l. 4 et 7. Plutarch. de mulier. Diodor. l. 5.

(99) Strabo l. 3. Salvian. l. 7.

(100) Strabo l. 3, 4. Caesar. Com. 6. Tacit. Germ. Diodor. l. 5. Polyb. l. 3.

(101) Caesar com. 5. Isidor. l. 19. Tacit. ad

Оружіе, особливо у Гальскитъ Кельтовъ, кромѣ продолговатаго щита, покрывавшаго все тѣло, состояло изъ длиннаго меча, копья и малыхъ дротиковъ, которые они искусно бросали въ непріятеля. Знакъ къ битвѣ подаваемъ былъ звукомъ трубъ; большая часть Кельтовъ сражалась обнаженные до пояса, въ однихъ только штанахъ. Богатые носили доспѣхи изъ кожи или мѣди, а на головахъ высокіе шлемы, на которыхъ изображались рога или разныя звѣри (102). Сражались болѣе пѣшкомъ, нежели на коняхъ. Головы убитыхъ непріятелей вѣшали на шеяхъ лошадей и, вмѣстѣ съ прочею добычею, какъ лестныя знаки мужества, разлагали у пороговъ домовъ своихъ. Въ войнахъ съ соседями часто истребляли ближайшихъ жителей, чтобы, имѣя границы пустыню, никто не мѣшалъ имъ. (103).

Германцы.

Изъ всѣхъ обитателей Европы Германцы болѣе другихъ привлекали вниманіе современниковъ природными своими свойствами: разительное сходство всѣхъ племенъ между собою и огромный ростъ тѣла ихъ изумляли всѣхъ. Римляне, въ сравненіи съ ними, казались карлами; въ битвахъ могучій видъ ихъ наводилъ ужасъ на Римскихъ воиновъ (104).

Русые волосы, голубые глаза и бѣлое тѣло были общемою чертою Гер-

Agr. Mela l. 3. Strabo l. 4. Herodian. l. 3. Diodor. l. 5. Sidon l. 1. Polyb. l. 2. Relig. d. Gaul. Pellout. h. d. Celt.

(102) Diodor. l. 5. Liv. l. 22. Varrò l. 6. Strabo l. 4.

(103) Diodor. l. 5. Caesar Com. 6.

(104) Tacit. Germ. ann. l. 2. Hist. l. 2. Caesar Com. 1. Veget. milit. l. 1. Quintil. decl. 3.

манскихъ народовъ; Слова: „*Habitus corporum quavquam in tanto hominum numero ideam omnibus.... caerulei oculi, flavae comae, candida et magna corpora*“ были повторяемы всѣми современниками (105). Красивые голубые глаза Германокъ, называемыхъ Биссулами, прославлялись Римскими поэтами (106).

Этѣ главные черты Германцевъ, спустя 500 лѣтъ послѣ перваго достовѣрнѣйшаго описанія ихъ, нисколько не измѣнились. Прокопій еще въ VI вѣкѣ такъ говоритъ объ нихъ: „*Goticae gentes multae quidem et aliae prius fuere quam nunc. Omnium autem maximae ac potentissimae Goti et Vandali, et Visigoti et Gepidae, jam dudum et Sarmatae et Melanchleni appellati. Sunt qui et Geticas has gentes vocant; qui omnes hominibus quidem inter se differunt, caetero conveniunt; nam et albi sunt omnes corpore, flavi coma, proceri quoque ac aspectu probo; voce una Gotica appellata utentes, et ut mihi videtur, ex una gente procreati. Is autem populus loca supra Istrum jam pridem incoluit.... Vandali in societatem Alanos Gothicum et ipsum genus adsciscentes*“ (107).“ Свидѣтельство этого писателя тѣмъ болѣе важно, что, зная хорошо всѣ эти народы, какъ по большей части служившіе Восточной имперіи, онъ по несомнѣннымъ признакамъ указываетъ на ихъ племя, языкъ и происхождение. Неизвѣст-

ность, которая могла еще быть касательно происхожденія Сарматовъ и Амазовъ, тѣмъ вѣрнѣе была имъ рѣшена, что какъ тѣ, такъ и другіе, часто проходили предъ его глазами въ самомъ Константинополѣ (108).

По свидѣтельству Витикинда, всѣ эти свойства народа Германскаго, сохранились во всей неизмѣнности до Xго вѣка у Саксонцевъ, живущихъ за Лабою. У нихъ подъ смертному казню запрещалось отдѣльнымъ классамъ народа сгибываться между собою посредствомъ брака (109).

Обыкновеніе дѣлать знаки на тѣлѣ употреблялось и Германцами; объ Аріяхъ, жившихъ у средней Оды, Тацитъ говоритъ, что они имѣли *tincta corpora*, что съ черповыкрашенными щитами, бросаясь, въ темныя ночи, на непріятеля, представляли собой страшный образъ адскаго войска (110).

Хотя Германцы не были перемѣшаны съ другими народами, однако жъ языкъ ихъ, конечно, значительно разнился въ своихъ нарѣчіяхъ: объ этомъ заключать можно частію по намекамъ современниковъ, а частію по самымъ древнимъ остаткамъ языка Готовъ, Лонгобардовъ, Франковъ и другихъ народовъ. Вѣроятно, этотъ языкъ во многихъ отношеніяхъ сближался съ Кельтскимъ, потому что писатели, хотя хорошо знакомые съ отличіемъ народовъ и ихъ нарѣчій, иногда находились въ сомнѣніи, должно ли нѣкоторые изъ нихъ причислять къ Германцамъ, или къ Кельтамъ. Тацитъ хотя и причисляетъ Эстовъ къ Германцамъ, одна-

(105) Tacit. Germ. Caesar B. G. Diod. l. 5. Juvenal. sat. 13. Plin. l. 2. c. 78. Lucan. l. 2. Sil. Ital. l. 3. Ebnar. Got. Athen. l. 13. Sen. d. ira l. 3. c. 26. Strabo l. 7. Clem. Alex. paedag. l. 3. Herodian. l. 4. S. Hieron. ad Laetam. Sines. ad Honor. Tertul. de cult. Inf. Capit. Prudent. Cluver. l. 1. Pellout. T. 1. l. 2.

(106) Auson. Edill.

(107) Procop. B. Vand. l. 3.

(108) Procop. B. G. Jornand. r. G. et reg. success.

(109) Witich. l. 1. Adam. Br. hist. Eccl. l. 1. c. 5.

(110) Tacit. Germ.

ко жь, касательно языка ихъ онъ за-
мѣтилъ, что этотъ приближался бо-
гве къ Британскому, который, по
его же мнѣнiю, мало чѣмъ различался
отъ Кельтскаго въ Галлiи (111). По-
добныя сомнѣнiя существовали и на
счетъ Бастарновъ, Аварисковъ, по-
селившихся въ Паннонiи, Верагровъ
въ Гельветскихъ Альпахъ и дру-
гихъ, которыхъ языкъ не отличалъ
явственно ни отъ Кельтовъ, ни отъ
Германцевъ (112). И въ самомъ
дѣлѣ вышшiе ученые, изслѣдуя
памятники этихъ древнихъ языковъ,
находятъ въ нихъ много слѣдовъ смѣ-
шенiя.

По мнѣнiю Тацита, Германцы,
подобно Фракийцамъ и Кельтамъ, пре-
имущественно поклонялись Мерку-
риу, потомъ Геркулесу и Марсу;
верховное божество свое они назы-
вали Туитономъ. Ю. Цезарь объ-
ясняетъ намъ ихъ значенiе, утвер-
ждая, что Германцы почитали толь-
ко тѣ божества, которыя дѣйстви-
вали на ихъ чувства и отъ кото-
рыхъ получали величайшiя блага,
какъ, на примѣръ: солнце, луну и
огонь, и что о прочихъ они не ду-
мали (113). Собственными имена трехъ
главныхъ божествъ Германскихъ бы-
ли: Тевтонъ или Торъ, Одинъ и
Фрея или Фрико, которыя, по сви-
дѣтельству Адама Бременскаго, имѣ-
ли въ его время въ Упсалѣ знаме-
нитое капище и золотые кумиры.
Торъ, управляющiй втрами, солн-
цемъ и молнiей, стоялъ въ среди-
нѣ, на особомъ престолѣ, а съ жез-
ломъ въ рукъ, возлѣ него, съ од-
ной стороны, Одинъ, вооруженный,
какъ богъ войны, съ другой же Фрея

съ символомъ плодородiя, какъ бо-
гиня мира, изобилiя и роскоши (114).

Свевы, подобно Кельтамъ, исклю-
чительно поклонялись Гертв, богинѣ
земли; ее содержали въ роцѣ,
на островѣ, прилежащемъ материку,
гдѣ она стояла на колесницѣ, покры-
той полотномъ; подъ бдительнымъ
присмотромъ жрецовъ. Во время
празднества запрягала въ эту колес-
ницу четыре коровы и съ величай-
шимъ благоговѣнiемъ возили ее по
всему государству. Въ продолженiи
сихъ посвященiй прекращалась всякая
война, а миръ и веселiе царствова-
ли во всемъ народѣ. Съ возвраще-
нiемъ богини на островъ, тщатель-
но омывали ея истуканъ; колесни-
цу и покрывало, а по окончанiи того
вся люди, употребленные къ оному,
потопляемы были въ священномъ
прудѣ (115).

Первоначально, Германцы непри-
личнымъ считали изображать божес-
тва въ видѣ человческаго, или
заключать оныя въ стѣнахъ храма;
пруды, ручьи, горы, роцiи и свя-
щенные дѣса были, по мнѣнiю ихъ,
мѣстами, гдѣ, обыкновенно, явля-
лись они. Тамъ, со страхомъ и бла-
гоговѣнiемъ, приносили имъ жертвы
и совершали торжественные обряды;
въ священныхъ роцѣхъ происходи-
ли главныя народныя совѣщанiя и
жертвенные пиры; въ этихъ мѣстахъ
сохранялись народныя знамена, ко-
торыя выносились оттуда только на
войну (116).

Приношенiе людей въ жертву
богамъ было у Германцевъ столь же
обыкновенно, какъ и у, соседствен-
ныхъ имъ, Кельтовъ; по мнѣнiю ихъ

(111) Tacit. Germ. et ad Adricol.

(112) Tacit. Ger. Strabo l. 7. Liv. l. 21,
40, 42 et 44. Caesar Com. 3.

(113) Tacit. Ger. Caesar Com. 6.

(114) Varnefr. Long. l. 1. c. 8. Adam. Brem.
de Situ Dan.

(115) Tacit. Germ.

(116) Tacit. Germ. et Annal. l. 1, 4 et 18.

таковыя жертвы были вѣдѣны бо-гамъ, нежели приношеніе звѣрей. Иногда требовались непременно од-ни только люди въ жертву Мерку-рию; по одержаніи победы убивали въ честь Одина нѣкоторую часть, а иногда и всѣхъ военнопленныхъ съ лошадьми и всякаго рода добычей. Скандинавы, обыкновенно, посвящали ему перваго пѣвника; въ извѣстныхъ же празднества, они убивали, начи-ная съ людей до самыхъ псовъ и дикихъ звѣрей, по 9 самцевъ, и всѣ эти трупы вѣшали на деревьяхъ вокругъ капища. Кромѣ того, чрезъ каждые 9 лѣтъ совершалась, такъ называемая, великая жертва, состо-явшая изъ 99 человекъ. Эти обря-ды, на которые со всѣхъ сторонъ собирався народъ, обыкновенно от-правлялись въ священныхъ рощахъ, гдѣ находились капища (117).

Хотя у Германцевъ не было іе-рархіи Друидовъ, однако жъ, ре-лигія и обряды ихъ много имѣ-ли общаго съ Кельтическими. Подъ руководствомъ верховнаго пожиз-неннаго жреца, называемаго *Sinist*, котораго неприкосновенность и важ-ность превосходили королевскую, прочіе жрецы занимались въ своихъ мѣстахъ исполненіемъ обрядовъ, из-вѣщеніемъ воли боговъ, гаданіемъ по крови жертвъ, охраненіемъ свя-щенныхъ мѣстъ, наблюденіемъ за порядкомъ и исполненіемъ наказаній надъ преступниками во время обря-довъ, въ народныхъ совѣщаніяхъ, въ лагеряхъ и другихъ мѣстахъ. Они обязаны были кормить священныхъ коней, и по ихъ виду, шагу и ржа-нію предсказывать будущія слѣд-ствія всякаго предпринимаемаго го-

сударственнаго дѣла. Нѣкоторые об-ряды и жертвоприношенія соверша-лись одними только жрицами, кото-рыя, по причинѣ своихъ гаданій и довѣрія, которымъ онѣ пользовались у народа, иногда имѣли великое зна-ченіе (118).

Мнѣніе Германцевъ о будущей жизни—неизвѣстно; мы знаемъ толь-ко то, что они въ нее вѣровали, съ равнодушіемъ отказываясь отъ всего земнаго и запасались разными потреб-ностями на тотъ свѣтъ. Тѣла мерт-выхъ частью погребали, частью же сжигали; плачь и рыданія при этихъ обрядахъ считали неприличной сла-бостью, а пышность излишней и не-умѣстной. Знатные люди въ этомъ отношеніи пользовались тѣмъ толь-ко преимуществомъ, что для ко-стровъ ихъ избиралось особеннаго рода дерево. Разныя орудія, упо-требляемыя въ этой жизни, а мно-гда и лошади, собаки и другіе звѣ-ри, были сжигаемы или погребаеть-мы, вмѣстѣ съ умершими. Скандинав-скіе Норманны надъ гробами сво-ихъ королей и знаменитыхъ мужей сыпали высокіе курганы; Герман-цы же, какъ говоритъ Тацитъ, до-вольствовались меньшими насыпями (*caespites*). У Геруловъ старцы и из-пуренные болѣзнию сами доброволь-но требовали смерти, и въ этомъ случаѣ ближайшіе ихъ родственники слагали для нихъ костры, на кото-рыхъ убивали друзья ихъ и сжи-гали. Если жена хотѣла избѣжать безчестія, то, по погребеніи мужа, должна была добровольно повѣситься у гроба своего супруга (119).

(117) Tacit. Germ. et Ann. l. 1 et 13.
Procop. B. G. l. 2. Jornand. R. G. c. 5.
Adam. Brem. De situ Dan. Dittm. l. 2.

(118) Tacit. Germ. et Histor. l. 4. Dio. l. 67. Marcell. l. 2a. Plutar. ad Apol. Stra-bo l. 7.

(119) Tacit. Germ. Procop. B. G. l. 2. Saxo Gr. l. 6 et 8. Diodor. l. 5. Graberg. Scav-

Хотя Германскіе народы имѣли главнѣйшій начальниковъ, въ послѣдствіи называвшихся князьями или королями, однако они были не болѣе, какъ вождоводцы, которые всего чаще избирались изъ известныхъ родовъ. Въ мирное время они только руководствовали народомъ, который самъ давалъ себѣ законы и рѣшалъ главныя дѣла. Для этой цѣли въ известные дни вооруженный народъ собирался въ священныя рощи, гдѣ старѣйшины, усѣвшись въ великій кругъ, слушали рѣчи и мнѣнія каждого. Въ важныхъ дѣлахъ принимались даже голоса женщинъ, которымъ приписывали иногда божеское вдохновеніе. Когда всѣ соглашались, то давали знакъ стукомъ копій; въ противномъ же случаѣ происходилъ всеобщій шумъ. На этихъ совѣщаніяхъ избирали начальниковъ, вмѣстѣ съ сотниками или совѣтниками, которые въ отдѣльныхъ округахъ наблюдали за порядкомъ и рѣшали споры. Впрочемъ, какъ главный начальникъ, такъ и всякій изъ чиновниковъ, ни въ чемъ не отличался отъ прочихъ, и только до тѣхъ поръ исполняли свою должность, пока это угодно было народному собранію. Законы Германцевъ были суровы; исполненіе наказаній надъ виновниками во многихъ случаяхъ поручалось жрецамъ. Измѣнниковъ и бѣглецовъ вѣшали на деревьяхъ, а празднующихъ и дряхлыхъ томили въ лужахъ. Наказаніе вѣроломной жены предоставлялось мужу, который, обрѣзавъ ей волосы, водилъ ее по всей усадьбѣ и потомъ навсегда изгонялъ изъ своего дома. Отъ нѣкоторыхъ преступленій можно было откупаться ло-

шадями, рогатымъ скотомъ и т. п.; одна часть сей пени доставалась обиженнымъ, остальная же обращалась на общественное употребленіе (120).

Такъ какъ Германцы, подобно Фракійцамъ, Кельтамъ и Скивамъ, съ незапамятныхъ временъ знали и употребляли письмена, то нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые главнѣйшіе изъ законовъ и свидѣнія были у нихъ написаны. Иорнандъ утверждаетъ, что Готы имѣли „*ab antiquo usque nunc conscriptas Bellagines*," или, такъ называемыя, книги, которыя содержали въ себѣ, между прочимъ, разныя нравственныя поученія о предметахъ естественныхъ, философскихъ и т. д. (121) (*).

Честность, гостеприимство и домашнія добродѣтели были особеннымъ достоинствомъ Германцевъ. Будучи отъ природы склонны къ пьянству, они, обыкновенно, пьяные рѣшали главныя дѣла народа въ томъ убѣжденіи, что въ семъ состояніи всякій чистосердечно выражаетъ свое мнѣніе. Азартныя игры были имъ столь пріятны, что, потерявъ все имущество, они, наконецъ, не рѣдко проигрывали личную свободу. Хотя многоженство было у нихъ въ обыкновеніи, однако жъ

(120) Tacit. Germ. et Annal. l. 4. Caesar Com. 5 et 6. Procop. B. G. l. 5. Jordan. R. G.

(121) Caesar B. G. Entrop. ad Traj. l. 8. Avent. l. 2. Tacit. Germ. et Ann. l. 2. Herodot. l. 4 et 5. Jordan. R. G. c. 11. Von Vulcan. not. ad Jordan. Воспр. о Ванахъ.

(*) Слово *Bellagines*, по нѣкѣмъ анатокамъ древняго Готскаго языка, значило тоже, что *Walhagen*, постановленіе, уставъ, рѣшеніе. Въ Польшѣ въ Магдебургскомъ правѣ *Welkiese* или *Wilkieze* имѣли подобное значеніе.

большая часть довольствовалась одной супругой. Такъ какъ охота и война были главнымъ занятіемъ мужчинъ, то потому только женщины, старики, неспособные къ оружію и невольники занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ. Жилища Германцевъ, худо построенныя изъ дерева, или простыя землянки, стояли уединенно въ значительномъ разстояніи одни отъ другихъ; для всякаго семейства мѣстные старѣйшины ежегодно назначали другія поля. Богатые имѣли у себя жильцевъ изъ людей вольныхъ или невольниковъ, съ которыми обращались ласково, довольствуясь сборомъ съ нихъ хлѣба, скота или матеріала, пухаго для одежды. Земледѣіе у нихъ находилось на низкой ступени; у Эстовъ за Вислой, въ соседствѣ Венедовъ, оно было по словамъ Тацита, въ гораздо лучшемъ состояніи. Бургундцы вообще занимались кузнечествомъ; вѣроятно, обильные рудники около Пиллцы и верхней Варты, склонили ихъ къ этого рода промышленности (122).

Одежда Германцевъ отчасти только прикрывала наготу: *tegumen omnibus sagum... caetera intecti*, говоритъ Тацитъ. *Sagum* или четырехугольный плащъ, спереди открытый, доходящій до голеней, на лѣвомъ плечѣ застегнутый спонкой, безъ рубахи и штановъ, составлялъ всю одежду мужчинъ. Молодые люди обоюго пола до 20 года, лѣтомъ и зимой, ходили совершенно нагіе. Знатѣйшіе покрывали все тѣло, но, подобно Кельтамъ, носили одежду столь тѣсную, что они казались только другой кожей. Плащи ихъ дѣлались изъ звѣриныхъ кожъ, рогожъ или лыка и льняныхъ или волньныхъ тка-

ней, часто испещренныхъ различными цвѣтами. Обувь, употребляемая только въ нуждѣ, состояла изъ куса сырой кожи, привязанной около лодыжки. Голова покрывалась длинными и густыми волосами, которые они, обыкновенно, намазывали масломъ или жиромъ. Одни подбрасывали оные спереди, другіе свали, а иные, именно Свевы, связывали на верху головы хохлы, которымъ концы, свисая по обѣимъ сторонамъ, закрывали имъ виски. Подобно Кельтамъ, они носили бороды и усы. Одежда женщинъ тѣмъ только отличалась отъ одежды мужчинъ, что она чаще всего дѣлалась изъ полотна, раскрашеннаго различными узорами, и что она не покрывала ни рукъ, ни плечь, ни груди (123).

Хотя Германцы славились предъ прочими народами мужествомъ и воинскимъ духомъ, однако жъ на войну они, обыкновенно, выходили съ довольно ничтожнымъ оружіемъ. Большая часть ихъ сражались нагіе; редко кто бывалъ покрытъ шлемомъ и доспѣхами. Небольшіе щиты, сплетенные изъ прутьевъ или тонкихъ дощечекъ, а у богатѣйшихъ иногда изъ мѣди, весьма мало защищали ихъ отъ ударовъ неприятелей. Обыкновенно употребляемое ими оружіе состояло изъ короткаго копья съ желѣзнымъ, костянымъ или роговымъ на концѣ остріемъ и изъ короткаго меча. Нѣкоторые только покольвнн имѣли огромные и длинные мечи, висѣвшіе на ремнѣ или цѣпи чрезъ лѣвое плечо, другія же имѣли ободуострыя скиры, которыми они

(123) Tacit. Germ. et Annal. l. 13. Caesar Com. 4 et 6. Strabo l. 7. Mela l. 3. c. 3. Sidon. Ap. d. Got. sagm. 5, 12 et ep. l. 4. Plin. l. 11. c. 41. Plutar. ad Cras. Seneca ep. 124.

(122) Tacit. Germ. Sociat. N. eople. l. 7.

идали бросали въ неприятеля. Сражались болѣе дѣшкомъ, нежели верхомъ; лошади ихъ были ничтожны, но приучены ко всякъ движеньямъ. Въ битвахъ съ неприятелемъ они, подобно Галламъ и Британцамъ, иногда употребляли собакъ, которыя дѣйствительно приносили имъ помощь. Къ перенесенію ранъ не имѣли терпѣнія: во время битвы жены, дѣти и родные находились сзади въ обозахъ, занимаясь то приготовленіемъ пищи, то присмотромъ за ранеными и другою услугою. Эта толпа, видя своихъ бѣгущихъ съ поля битвы, не разъ ободреніемъ, воплями и страшнымъ крикомъ, возвращала ихъ къ бою и, такимъ образомъ, способствовала одержанію победы. Трубы давали знакъ къ бою: вдохновенныя женщины и барды, воспѣвавшіе славные подвиги богатырей, подобно какъ у Кельтовъ, возбуждали ихъ къ бою, а иногда удавалось имъ краспорѣчиемъ и пѣніемъ разнять сражающихся и примирить ихъ. На народныхъ ихъ знаменахъ, хранившихся во время мира въ священныя рощахъ, изображались разные звери. Кроме того, Германцы различались еще между собою разноцветно раскрашенными щитами: у Готовъ средина щита была желтая, а окружность бѣлая; у Аріевъ весь щитъ былъ совершенно черный. На щитахъ вождей и богатыхъ, которые окружали себя множествомъ воиновъ, изображались разные знаки и звери, по которымъ (будучи покрыты доспѣхами) были узнаваемы своими въ битвахъ (*).

Для подтвержденія дружбы или заключаемого мира, Германцы и Скандинавы,

подобно Скивоетъ, пускали себя изъ руки кровь, которую выпивали, смѣшавъ ее съ водою (124).

Скивскіе народы.

Все пространство Сѣверныхъ странъ, называемое древними Греками Скивоіей, Римскіе писатели именовали Сарматіей; поселившіеся же тамъ народы часто называли однимъ общимъ именемъ Сарматовъ. „*Scytharum nomen usque quaque transiit in Sarmatas atque Germanos, nec alia prisca illa duravit appellatio, quam qui extremi gentium harum, ignoti prope caelestis mortalibus, degunt* (125).“

Кто были Германскіе народы, о которыхъ говоритъ здѣсь Плиній, и чѣмъ они отличались отъ прочихъ, намъ уже известно. Теперь бросимъ взглядъ на природныя свойства Скивоетъ в древнихъ Сарматовъ, и какъ скоро онъ намъ будутъ известны, мы удобнѣе уже откроемъ: какіе именно народы, скрытые подъ общимъ ихъ именемъ, могли принадлежать къ ихъ племени; или не принадлежали ли они сами къ какому-либо другому, болѣе известному, народу?

Что Скивоія была заселена, съ древнѣйшихъ временъ до самаго шестствія Гунновъ, народами русоволосыми и великорослыми, о томъ свидѣлствуютъ все писатели Греческіе, Римскіе и другіе. То, что сказалъ Аристотель: „*Qui Aquilonem inhabitant, ut ipsi albi sunt corpore sive oculos caeseos.... et capillum ruron habent*“, утверждали Гиппо-

(124) Tacit. Germ. Ann. l. 2 et 14. Diad. l. 5. Plin. l. 11. c. 37. Strabo l. 4 et 7. Caesar Com. 4. Plut. ad Mar. Lucan. l. 1. Agath. l. 2. Procop. B. G. l. 2. Luc. Tox. Clem. Alex. l. 1. Athen. l. 1. Sako Gram. l. 1. c. 2.

(125) Plin. l. 4. c. 12. Ptolem. l. 5. vide not. 27.

(*) Изъ этихъ знаковъ произошли, въ послѣдствіи, фамильные гербы.

кратъ, Витрувій, Галенъ и другіе. Геродотъ, желая показать, что Гелоны нѣкогда были Греческими поселенцами въ странахъ Скивскихъ Будинновъ, описываетъ ихъ различіе такимъ образомъ: „*Vudini ingens natio, valde caeseis oculis ac rufa;... Gelones neque colore, nec aspectu similes Budiniis.*“ Древнимъ Греческимъ писателямъ на Сѣверъ извѣстны были одни только народы Скивскіе и Сарматскіе, по этому они объ нихъ только и говорили; о Германцахъ же и другихъ обитателяхъ по обѣимъ сторонамъ Вислы они не имѣли еще никакого извѣстія. Объ этихъ народахъ Скивои и Сарматы, спутники болѣе VI вѣковъ, Римскіе писатели говорятъ тоже самое: „*sub Septentrionibus nutriuntur gentes candidis coloribus, directo capillo et rufo, caeseis oculis.*“ Тоже самое въ особенности повторяли объ Алавахъ, родичахъ Роксоланъ, занимавшихъ значительную часть Скивои, то есть, что „*repe omnes sunt pulchri et proceri crinibus flavis... somam non tantopere alunt ac Scythae.*“ Далѣе о Сарматахъ говорятъ, что между ними одни были краснаго, другіе же совершенно бѣлаго, цвѣта (126).

Нѣтъ точныхъ извѣстій, было ли у этихъ народовъ общимъ обыкновеніе раскрашивать тѣло, или нѣтъ. О Агаирсахъ, жившихъ на сѣверъ

отъ Днѣстра, мы имѣемъ свидѣтельства, что они красили волосы и тѣло голубою краскою, а о Сарматахъ упоминается, что они выгла лица и кожу, покрытыя пятнами (127).

Мы не имѣемъ памятниковъ языка Скивскихъ народовъ; изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ ничего вѣрнаго нельзя заключать, потому что Греческіе писатели, у которыхъ онъ сохранился, обыкновенно, переначивали чужія слова. То только навѣрно извѣстно, что Скивы „*cum Alanis eandem habent linguam et eundem cultum,*“ что языкъ Сарматовъ былъ испорченнымъ языкомъ Скивовъ. Такъ какъ Овидій, изучившій языкъ Сарматскій и Гето-Ѳракійскій, утверждаетъ, что „*Getae et Sarmatae exercent Sociae commercia linguae*“, то отсюда можно думать, что и Скивскій языкъ смѣшался съ Ѳракійскимъ (128).

Главные божества Скивскія, называвшіяся, по словамъ Грековъ, Раresh, Tabiti et Arria, означали Юпитера и Вулкана, или огонь и землю. Но самую величайшую почесть оказывали Скивы воинственному Аресу. Для тѣхъ изъ божествъ, которые не изображались ни въ какомъ видѣ, они не строили капищъ; одному только Аресу сдѣланъ былъ хворостинный помясть, длиной 3 стадіи, постепенно возвышавшійся и, на самомъ верху имъ концы его воткнутой, мечъ замѣнялъ его изображеніе. Тамъ приносили ему въ жертву коней, овецъ и людей; кромѣ того ему посвящали каждаго сотаго военноплѣнника. Звѣрей, обыкновенно, душили; людямъ же, отрубивши и бросивши правую руку, рас-

(126) Herod. l. 4. Arist. probl. 11. soet. 14, 38. Hippocr. d. aera. Galen. de temp. l. 2. c. 5 et com. ad Hippocr. Plin. l. 2. c. 78 et l. 4. Ovid. de Pont. l. 3. epi. 3. Vitruv. Calin. hymn. Dian. Cloarch. ap. Athen. fab. Soorus, Strabo. l. 2, 7. Valer. Flac. l. 6. Pinkert. Part. 1. Clem. Alex. paedag. l. 3. c. 3. Sidon. Apol. ad Major. Ammian. Mar. l. 31. c. 2. Lucian. Toxar. Euseb. l. 4. Procop. B. V. l. 3.

(127) Plin. l. 4 et 23. c. 1. Mela l. 2.

(128) Herod. l. 4. Ovid. Trist. 5. Iustia. l. 41. c. 1. Lucian. in Toxar.

творилъ грудь, а по вытекающей крови прорицали и приносили ее въ жертву (129).

Плугъ, ярмо, конье и жульничъ, орудія, какъ говорятъ предаіе, испавшія Сквенамъ съ неба, мользовались у нихъ религіознымъ уваженіемъ. Эти драгоцѣнные памятники, тщательно хранимые царями, были ежегодно, съ великимъ торжествомъ, выносимы къ народу для всеобщаго обожанія. Съ равнымъ благоговѣніемъ чтяли память Таргитевса, сына Деса и дочери Борисеены, какъ родоначальника Скинскаго народа. Изъ этого сказанія, повторяемаго уже въ самыхъ древнѣйшихъ преданіяхъ, слѣдуетъ заключить, что, не смотря на дальнія переселенія и пребываніе въ Азіи, Скиномъ считали берега Борисеена колыбелью своей (130).

Неизвѣстно, какое понятіе Скиномъ имѣли о безсмертіи души; достоверно только то, что они будущую жизнь считали подверженной тѣлеснымъ нуждамъ и роскоши въ равной мѣрѣ съ настоящей. Группъ умершаго царя наполняли зелеными и ароматами, тѣло обливали воскомъ, а послѣ съ величайшей пышностью проводжали къ извѣстному мѣстопогребенію царей Скинскихъ, находившемуся у устья Герры, текущей въ Борисеенъ. Тамъ умерщвляли върнѣйшихъ его женъ, высшихъ придворныхъ сановниковъ, множество слугъ и коней, и все это, вмѣстѣ съ разными принадлежностями, зарывали съ нимъ въ могилу, насыпанную въ видѣ кургана и высотой своей равнявшуюся значительной горѣ (*). Во время погребенія царя

народъ увѣчалъ себя лице, руки, обрѣзывать волосы и ходить съ распоротыми рукавами. Въ годовщину этого обряда снова убивали 50 молодыхъ парней у гроба царя и въ видѣ живыхъ тѣловокъ ставили ихъ вокругъ могилы на 50 задлушенныхъ коняхъ. Прочихъ умершихъ, иногда, въ продолженіе цѣлыхъ 40 дней, возили къ родственникамъ и друзьямъ, которые ихъ вездѣ угощали и, наконецъ, зарывая въ землю, совершали по нимъ богатую трату.

Обязанности жрецовъ Скинскихъ были тяжки: кромѣ совершенія обрядовъ жертвенныхъ и гадательныхъ, они еще, въ случаѣ болѣзни царя, обязаны были узнать причину ея. Въ такомъ случаѣ будучи призваны, они должны были показать тѣ лица, которые своимъ клятвеннымъ удостовѣ-

у береговъ Вислы имъ находить двѣ значительныя могилы: Кракуса и Ванды. Болѣе всего онѣ сохранились теперь около ивниаго Днѣстра, въ сѣверныхъ частяхъ Чернаго моря до истоковъ Волги и Днѣпра; потомъ въ Скандинавіи, Британіи, за Рейномъ и на полуостровѣ Кичбрійскомъ. У Русскихъ они извѣстны подъ именемъ кургановъ, а у Нѣмцевъ подъ именемъ Нѣвсдѣйбер. Отсюда нѣкоторые хотѣли заключать, что это — могилы Гунновъ. Но, для опроверженія этого мнѣнія, довольно вспомнить, что уже Геродотъ, за 800 лѣтъ до Гунновъ, говоритъ о подобныхъ могилахъ надъ Днѣстромъ и Днѣпромъ, и называетъ первыя Киммерійскими; да и то, какъ у Скиновъ, такъ и у Германцевъ, было обыкновеніе насыпать такіе курганы надъ умершихъ, и что нѣтъ доказательства, чтобы Гунны когда либо простирались до Скандинавіи, Британіи и полуострова Киммерійскаго, а тѣмъ менѣе, чтобы они оставались тамъ до потери многихъ азиатскихъ мужей своихъ. Herod. I. 4. Tacit. Germ. Strabo I. 4. c. 2. Graberg. Scandiv. Arkhel. Cimbr. T. 2. I. 2.

(129) Herod. I. 4.

(130) Herod. I. c.

(*) Остатки такихъ могилъ находятся во всѣхъ странахъ сѣверной Европы;

емъ навлекли на цара это несчастіе. Когда они угадывали и преступленіе было доказано, виновники лишались жизни и ивнїе ихъ доставалось жрецамъ; въ противномъ же случаѣ призываемы были другіе жрецы; ложно же гадавшихъ сажали связанныхъ на повозку, покрытую соломой и запряженную волами и, зажегши первую, пускали воловъ везти ее по произволу. Вообще, законы Скиевскіе были жестоки: за преступленіе отца убивали всѣхъ его дѣтей мужескаго пола. Въ главнѣйшихъ присягахъ клались царскими порогами; при заключеніи міра они вливали въ чашу вина кровь изъ собственной руки, которую они выпивали, оросивъ напередъ ею оружіе (131).

Имѣя отвращеніе отъ свиней, Скиевы не только не терпѣли ихъ въ своей землѣ, но даже ненавидѣли и тѣ народы, которые держали ихъ. Отъ того современники справедливо упрекали ихъ въ томъ, что, гнушаясь, по предубѣжденію, пищей этихъ животныхъ, они, безъ всякаго отвращенія, пожирали собственныхъ старцевъ и сосали кровь убитыхъ ими неприятелей (132).

Любимымъ занятіемъ Скиевовъ было оружіе и безпрестанныя битвы съ неприятели. Одни изъ нихъ, занимаясь исключительно скотоводствомъ, вели кочевую жизнь; другіе, подъ именемъ земледѣльцовъ и царскихъ Скиевовъ, занимались обработываніемъ полей, строили хижины и постоянно жили на одномъ мѣстѣ, будучи привязаны къ своимъ жилищамъ. При всеобщемъ многожестствѣ Скиевовъ, женщины исполняли за своихъ мужей большую часть трудовъ

земледѣльческихъ. Некоторые свѣды заставляютъ думать, что у осѣдлыхъ Скиевовъ искони существовала промышленность и что науки находили у нихъ мѣсто. Известно, что за 500 лѣтъ до Христіанства, цари ихъ писемно сносились съ Даріемъ; знаменитый ихъ соотечественникъ, Анахарсисъ, уже какъ философъ, вышелъ изъ земли своей посѣщать Грецію. Геродотъ, во время своихъ путешествій, удивлялся пышности царскихъ чертоговъ, которыхъ входы и преддверья украшали искусно выдѣланные сѣннѣсы и грифы. Даже въ одеждахъ Скиевы отличались отъ многихъ другихъ народовъ: они носили тунжи съ рукавами, саги или малые плащи и широкіе штаны, большею частію изъ тканей, которыя они или сами выдѣлывали, или пріобрѣтали отъ многочисленныхъ Греческихъ поселенцевъ, жившихъ въ землѣ ихъ и на берегахъ Чернаго моря (133).

Оружіе Скиевовъ состояло изъ скиры, меча, кинжала и лука, который выдающимся впередъ концомъ отличался отъ луковъ всѣхъ прочихъ народовъ и былъ въ рукахъ ихъ страшнымъ оружіемъ. Убитымъ неприятели они отрубали головы и сдирали съ нихъ кожу съ волосами, которую вѣшали на сѣнахъ лошадей или употребляли на плащи. Кто послѣ битвы не представлялъ головы неприятели, тотъ лишался участія въ добычѣ (134).

Сарматы, Аданы и Роксоланы, подобно Скивамъ, преимущественно поклонялись Марсу, котораго они изображали въ простомъ символѣ

(131) Herod. l. 4. Lucian. in Toxar.

(132) Herod. l. 4, 5. Valer. Flac. l. 6.

(133) Herod. l. 4, 5. Ctesias ap. Photion-Pollux. l. 10. c. 40. Demosth. con. Phorm-Platon. ap. Plin. Strabo l. 7.

(134) Herod. l. 4. Ammian. Marc. l. 29.

меча; въ жертву ему, обыкновенно, убивали коней. Прочіе ихъ религіозныя обряды и мѣвнїя, ввроятно, также нисколько не отличались отъ Скинскихъ. Сарматы, занимаясь исключительно войной и устремляя свое оружіе туда, гдѣ представлялась имъ добыча, проводили всю жизнь свою или на конѣ, или въ гнусной лѣни. Такъ какъ единственнымъ источникомъ ихъ пропитанїя были стада, то жены ихъ, которыхъ они имѣли много, вмѣстѣ съ дѣтьми и прочими домочадцами, жили, въ продолженїи лѣта, на возахъ, покрытыхъ кожей и съ мѣста на мѣсто, гдѣ только были пастбища, перевозившихся волами. Зиму они проводили близъ избранныхъ кочевьевъ, въ землянкахъ, покрытыхъ навозомъ и куколемъ. Подобную же пастушеско-кочевую жизнь на возахъ вели Алапы (135).

У Сарматовъ были начальники, которыхъ Римляне, по своему обыкновенїю, называли князьями; у Алаповъ были даже, такъ называемые, цари, которые предводительствовали ими при переселенїяхъ; но какъ тѣ, такъ и другіе, въ сущности были не болѣе, какъ вожди отдѣльной части народа, съ властью, ограпиченной старѣйшинами. Въ мирныя начальники или судьи выбирались люди, прославившіеся оружіемъ (136).

Сарматы не сражались пышкомъ; для отдаленныхъ и неожиданныхъ набѣговъ, они, въ продолженїе 3-хъ дней, морили голодомъ кладеныхъ коней, послѣ чего провѣзжали до 30 миль въ сутки. Оружіе ихъ состояло изъ

лука, стрѣлы, напнтанныхъ ядомъ, длиннаго копья, меча и книжала за поясомъ. Щита они не употребляли, а доспѣхи и шлемы ихъ дѣлались изъ звѣриныхъ кожъ, или изъ роговъ и лошадиныхъ копытъ, искусно сложенныхъ на подобіе чешуй. Женщины наравнѣ съ мужчинами, конныя являлись въ бой; дѣвица дотолѣ не могла выйти замужъ, доколѣ не удалось ей убить хотя одного непрїателя. Тоже самое оружіе и доспѣхи, какіе были у Сарматовъ, употребляли и Роксоланы (137).

Одежда Сарматовъ тѣмъ отличалась отъ одежды другихъ варваровъ, что ихъ широкіе штаны шли отъ бедръ за самыя колѣна: отъ шеи же до пояса они покрывали, совершенно нагое, тѣло плащемъ безъ рукавовъ, стянутымъ на плечъ сповкой, а спереди открытымъ. Зимомъ они носили на головахъ капюшоны, изъ-подъ которыхъ виднѣлись только глаза и бороды. Женщины, при длинномъ и фалдистомъ платьѣ, носили еще родъ короткой туннки, иногда воинскую снуровку, а руки оставляли открытыми до мышекъ; на голову же надѣвали высокій колпачекъ, или чепчикъ, похожій на шлемъ. Всѣ Скинскіе народы носили длинные волосы, которые, взерошенные на голову, придавали имъ страшный видъ; отсюда говорили объ нихъ: "Scythae comam nutriunt... flavus ejus color... terribilis." Но объ Алапахъ именно замѣчали, что они носили гораздо короче волоса, нежели Сквы (138).

(137) Strabo l. 7. Herod. l. 4. Ovid. de Pont. et Trist. Amm. Marc. l. 17. Mela l. 3. Tacit. Ann. l. 3. Hist. l. 1. c. 2 et l. 3. c. 5.

(138) Lucan. l. 1. Mela l. 2. Clemens Alex. paedag. l. 3. c. 3. Engel. Gest. Traj. Costume Dandré Bard. T. 3. Appian. in Syriac. Lucian. Toxar.

(135) Herod. l. 5. Tacit. Germ. et Ann. l. 1. 2, 3, 4. Plin. l. 4. Pausan. att. c. 21. Amm. Marc. l. 17, 31. Strabo l. 7. Ovid. Tr. Mela l. 2, 3.

(136) Jornand. R. G. c. 50. Amm. Marc. l. 31.

Разсматривая эти свойства народов древней Скивіи, заключаемъ, что все они происходили отъ одного рода, и что, согласно съ мнѣніемъ Аріана и другихъ, они были соплеменны Германцамъ и Кельтамъ. По крайней мѣрѣ такъ отзывается современнѣйшій имъ Прокопій въ упомянутомъ выше мѣстѣ о Сарматахъ, Меланхленахъ, Аланахъ, а по этому и о Роксолапахъ, которыхъ Римскіе писатели среднихъ вѣковъ считали однимъ и тѣмъ же народомъ. Иорнандъ, родомъ Готъ, жившій между Аланами, котораго дѣдъ былъ секретаремъ короля ихъ, Капдахса, вездѣ говоритъ объ нихъ, какъ о своихъ соплеменникахъ (139). Сарматы, какъ известно, въ продолженіе многихъ вѣковъ постоянно жили среди Германскихъ народовъ, мѣшались съ ними посредствомъ брака, помогали имъ во всѣхъ ихъ войнахъ и вмѣстѣ съ ними, до совершеннаго уничтоженія собственнаго имени, разсѣялись въ разныхъ походахъ во Фракію, Италію, Галлію и т. д. (140). Аланы, живя въ подобной связи съ племенами Германскими, равнымъ образомъ вмѣстѣ съ ними переселились въ Галлію и Испанію (141). Прочіе же, подъ именемъ Россалановъ, по всему вѣроятію, избѣгая ига и притѣсненія Гунновъ, съ появленіемъ которыхъ вдругъ исчезли, перешли изъ сѣверныхъ странъ Понта въ Скандинавію, гдѣ и теперь еще древ-

нѣйшіе сосѣди ихъ, Финны, называютъ ихъ Россалайними, и откуда они, начиная съ VIII-го вѣка, возвращаясь въ свое отечество подъ именемъ Россовъ, Варяговъ и Аляновъ, нападали на разныя страны Востока до самаго утвержденія владычества своего надъ осѣдлыми тамъ Славянами. Согласно преданію о такомъ переселеніи отъ Чернаго моря подъ предводительствомъ Одина сохраняются и теперь еще во многочисленныхъ сагахъ нынѣшнихъ Скандинавскихъ народовъ (*).

Наконецъ, что касается до, собственно такъ называемыхъ, Скивоовъ, то намъ известно то только, что, около начала эпохи Христіанской, напали на нихъ Готы изъ западныхъ странъ Вислы. Нѣтъ, однако жъ, никакого

(*) Роксолаины были однимъ изъ самыхъ могущественныхъ народовъ древней Скивіи. Послѣ споровъ съ Эрмарихомъ, царемъ Остроготовъ, во время которыхъ этотъ царь былъ прозванъ княземъ однимъ изъ ихъ вождѣй, во второй половинѣ IV-го вѣка они исчезли съ береговъ Понта. Ни поробоченіе, ни истребленіе ихъ не могло быть причиною этого исчезновенія; ибо война съ столь воинственными народами должна была быть громка и упорна, и современники не прикинули бы упомянуть о ней. По сему правдоподобію всего, что они сами удалились за предѣлы могущественныхъ въ то время Гунновъ, къ чему полуостровъ Скандинавскій былъ для нихъ самымъ выгодѣйшимъ убѣжищемъ. Что происхожденіе и имя ихъ не были тайной для древнихъ Арабскихъ писателей, это видно, между прочимъ, у Каризма въ томъ I. г. 6. примѣч. 198, гдѣ Варяго-Руссовъ попеременно называли Аланами. При этомъ намекъ о Руссахъ нельзя не замѣтить, что характеръ, склонности и обычай этого народа, вѣроятно, имѣли значительное вліяніе на дѣянія Славянъ, впоследствии подпавшихъ власти его.

(139) Procop. B. V. l. 3. Jorn. R. G. c. 24 et 50. Карамзинъ И. Г. Р. т. 1. гл. 6. прим. 128. Stritter. Mem. Russ. Tacit. Hist. Pliu. l. 4. c. 12. Lucian. in Toxar. Strabo. l. 2. Dio Cass. l. 71. Mela l. 2. Arian. Exp. Alex. l. 1.

(140) Tacit. Germ. Jornand. B. G.; caetera vide not. 17.

(141) Procop. B. G. et Vand. Jornand. R. G. et r. success. Isidor. Chr. Got. et Vand.

слѣда и преданія о томъ, чтобы они были ими истреблены, куда-либо изгнаны, или превращены въ невольниковъ. Слѣдовательно, приходится заключать, что, прибывъ къ народу, бывшему некогда одного съ ними племени, соединились съ нимъ, и что незначительная разница въ ихъ языкъ и обычаяхъ, скоро исчезла. И въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ собственный народъ Скиевскій исчезъ, вмѣстѣ съ своимъ именемъ, и нигдѣ уже никто болѣе объ немъ не упоминалъ (*).

Такой конецъ тѣмъ скорѣе могли имѣть всѣ народы, поселившіеся въ Скиіи, что они, вѣроятно, не были столь многочисленны, какъ казались на видѣ. Большая часть ихъ, ведя пастушескую жизнь, занимаясь войной и схватками, хотя и обнимала обширныя страны, не могла, однако жъ, быть ни многочисленною, ни безопасною въ своихъ жилищахъ. Сколько было сужденій въ теченіе столькихъ вѣковъ о могуществѣ Сарматовъ-Языговъ, которыхъ, однако жъ, когда они были изгнаны оказалось не болѣе 300,000 человекъ (142)! Тоже можно сказать и объ ихъ соплеменникахъ, равно какъ и о Бастарпахъ, которые скитались у средняго Борнсеена и по обѣимъ сторонамъ Днѣстра. По переселеніи народовъ не

нашлось тамъ ни слѣда, ни имени ихъ, вѣроятно, потому, что одни изъ нихъ были истреблены, а другіе соединились съ сродными имъ, племенами Готскими. И это, столь обыкновенное, соединеніе Скиевскихъ народовъ съ Германскими, равно какъ и скорое ихъ исчезновеніе среди Германцевъ, служатъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что они были одного съ ними племени.

Тѣ, которые хотѣли произвесть Славянъ отъ Сарматовъ, могли основываться единственно на томъ, что Славяне вышли изъ древней Сарматіи, и что они были тамъ болѣе всѣхъ распространенными. Но это доказательство само по себѣ ничтожно; мы видели уже выше, что въ Сарматіи полагали также Эстовъ, Певкиновъ, Вепедовъ, Фянновъ; однако жъ ихъ явно отличали отъ природныхъ Сарматовъ (143). Слѣдовательно, не всѣ народы, поселившіеся въ странѣ, извѣстной надъ именемъ Сарматіи, принадлежали къ ихъ племени. И въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ изъ современныхъ писателей, обращавшій вниманіе на, вновь появившихся, Славянъ, не осмѣлился роднить ихъ, въ какомъ-бы то ни было отношеніи, съ Сарматами. Напротивъ, самъ Прокопій, имѣя предъ глазами тѣхъ и другихъ и рассматривая природныя ихъ свойства, все таки Сарматовъ причислялъ къ народамъ Германскимъ, а Славянъ оставялъ самими себѣ. То еще ничего не доказываетъ, что некоторые изъ позднѣйшихъ Византійскихъ писателей называли иногда Славянъ въ нынѣшней Руси Сарматами; ибо эти же историки и Чеховъ называли Бодми, Поляковъ Скивами, а разныя Славянскія поколѣнія разъ

(*) Названія Скиевовъ, Готовъ, Гетовъ, Маосагетовъ, Кельтовъ, огреченыя названія Тевтоновъ, Тунсконовъ и Арабское Адаловъ, вѣроятно, были такими общескиевскими названіями Кавкасскаго русоволосаго племени, какъ названія Эстовъ, Гетовъ, Аптовъ, Вепедовъ, Вепедель, Вевдовъ, Вельвъ, Вивдовъ, Вановъ, Видделковъ, были названіями Славянскаго племени.

(142) См. прим. 62.

(143) См. прим. 27, 26, 29, 30.

Гетами, разъ Гуннами и т. п. (144). Таковыя названія туземцевъ по древнему были весьма обыкновенны въ среднихъ вѣкахъ и считались, въ некоторымъ образомъ, лестнымъ доказательствомъ учености писателя.

Венедскіе Славяне.

Народы Венедо-Славянскіе природными отличіями, многими качествами и особенностями, совершенно отличались отъ прочихъ древне-Европейскихъ племенъ. Мы видали уже, что большая часть этой земли была заселена народами, имѣющими русыя волосы, блѣую кожу и голубые глаза; что только въ некоторыхъ мѣстахъ въ сосѣдствѣ съ ними находились особыя племена съ черными волосами, такими же глазами и смуглымъ тѣломъ. Но современникъ Славянъ, Прокопій, такъ изображаетъ намъ ихъ: „*Scлавini et Antequin etiam nec corporis forma inter se differunt; nam prolixiori statura sunt omnes, et viribus plurimum valent. Corporum vero et comarum colore nec candido admodum, nec rutilo, nec in nigredinem omnino vergenti, sed subrutilo magnopere sunt* (145).“

Изъ этого описанія видно, что въ эпоху выступленія своего всѣ Славяне были сходны между собою и, слѣдовательно, не смѣшаны съ чужими племенами; они были рослы и сильны, и имѣли волосы ни черные, ни русые, но темные, съ которыми соединяются, обыкновенно, глаза сѣрые, то есть, голубые съ примѣсью сѣраго, и цвѣтъ тѣла румяный. Этими природными

свойствами еще и въ наши времена отличаются всѣ вообще Славянскіе народы, не смотря на климатъ и разстояніе, отдѣляющее однихъ отъ другихъ. Даже тѣ, которые давно потеряли свою народность и языкъ, доселѣ сохранили печать своего племени; кто внимательно всмотрится въ жителей многихъ окрестныхъ странъ Австріи, Баваріи, Тирола, Франконіи, Фульды, Саксоніи, Бранденбурга и т. д., то по глазамъ, волосамъ, некоторымъ обычаямъ и качествамъ, легко узнаетъ въ нихъ древнихъ Славянъ.

Выше упомянутый Прокопій такъ описываетъ ихъ характеръ: „*Ingenium ipsis (Scлавinis) nec malignum, nec fraudulentum, et cum simplicitate mores huncicos servant.*“ Простота нравовъ безъ всякой злости, откровенность, тихость и человеколюбіе составляли отличительное свойство народовъ Славянскихъ; ихъ религія, права, нравы и самый образъ жизни, вездѣ были полны того же духа. „*Scлавii,*“ замѣчаетъ, между прочимъ, императоръ Маврикій, „*sunt quoque adversus peregrinos benigni, magnoque studio servant incolumes, salvosque de uno loco in alium deducunt, quo necesse habent; ut et si per incuriam ejus, qui servare talem debet, accidat, ut damno peregrinus afficiatur, bellum ipsi inferat vicinus ejus, pietatem arbitratus sic ulcisci peregrinum.*“ Это гостепріимство, съ какимъ они принимали даже чужестранцевъ; эта добросовѣстность, съ какой каждый заботился объ ихъ безопасности и, въ случаѣ нужды, требовалъ удовлетворенія за ихъ обиду, могли происходить отъ одной только врожденной доброты; потому что писатели разныхъ странъ, спустя 500 лѣтъ послѣ Маврикія, единогласно повторяютъ тоже самое. Они утверждаютъ, что

(144) Stritt. *Scrip. Byzan. Chalcocond. p. 17. Theophanes p. 299. Cinnam. p. 47. Anon. Ravenn. l. 1.*

(145) *Procop. B. Got. l. 3.*

трудно найти варваръ, болѣе честный, вѣрный, кроткій, учтивый и гостепріимный, какъ Славяне; что они имѣютъ обыкновеніе дѣлаться послѣднимъ съ своимъ и даже съ чужимъ. Проповѣдники Христіанской вѣры, которые съ умысломъ искали у Славянъ мученическаго вѣнца, съ прискорбіемъ возвращались отъ нихъ, будучи не въ состояніи достигнуть этой чести. Когда, побуждаемые ревностію, они бросались жечь ихъ капища, или рубить кумары, народъ, вмѣсто гнѣва или мщенія, съ сожалѣніемъ только, или съ громкимъ хохотомъ, удалялъ ихъ отъ себя. Вообще, у всѣхъ Славянъ характеръ былъ сострадательный, свободный и веселый. Сказанное бандуристами, посланными къ хагану отъ Поморскихъ поколѣній къ Восточному императору, можно примѣнить ко всѣмъ Славянамъ, т. е., что, не занимаясь оружіемъ, они предпочитали всему спокойствію, увеселенію и музыку. Обходительность, забавы, веселость, подгулять съ гостемъ, были какъ тогда, какъ и теперь, по большей части отличительными чертами ихъ характера (146).

Славянскій языкъ есть языкъ самостоятельный и не происходитъ ни отъ одного языка Европейскаго. Сколько послѣ долгихъ вѣковъ и неизбежныхъ переменъ можно судить по его словосочиненію, звукамъ и множе-

ству корней, кажется, что онъ есть непосредственный отпрыскъ того первоначальнаго языка, отъ котораго произошелъ Индѣйскій, известный теперь подъ именемъ Санскритскаго. Хотя въ нешъ, при сходствѣ спряженій, находится не мало словъ, общихъ съ древними языками, Греческимъ, Латинскимъ, Кельтскимъ и Германскимъ, однако одни изъ нихъ должно разсматривать, какъ проводанія отъ первоначальнаго источника ббольшей части языковъ Европейскіхъ, а другія, какъ заимствованныя во время продолжительныхъ сношеній съ другими народами. Ученые изыскатели, безъ сомнѣнія, укажутъ со временемъ: чье словосочиненіе и рѣчь обогатились и усовершенствовались: Славянское ли рѣчью Греческой и Латинской, или же, наоборотъ, послѣднія Славянской, и которая изъ нихъ сохранила болѣе памятниковъ первобытной рѣчи (147).

Не вникая въ подробности достоинства Славянскаго языка, упомянемъ только, что въ IX вѣкѣ, во времена общаго мрака и бѣдности прочихъ живыхъ Европейскихъ языковъ, языкъ Славянскій своимъ построеніемъ, силой и обиліемъ до такой степени уже

(146) Procop. l. cit. Eckh. rer. Francon. T. 1. p. 197. Mauric. Strateg. l. 2. Cantacus. T. 2. p. 490. Paul. Warnefr. l. 4. c. 39. Ad. Brem. l. 2. Holm. l. 1 et 2. Theophilact. l. 6. c. 2. Cedren. T. 2. p. 667. Sefrid. Y. S. Ott. l. 3. c. 7, 11, 23. And. Ab. V. S. Ott. l. 2. c. 1. et l. 3. Несторъ, стр. 83. Saxo Gr. l. 14. Avent. ann. Bojor. Vita. S. Columb. ap. Asseman. T. 2. Fortis. Viag. Dalm. Michael. l. 2. §. 69, 79. Engel. Gesch.

(147) Langlé Catal. Samsor. Freret Orig. Graec. T. 1. p. 285. et Mem. d'Inscr. T. 21. Dobrowski Gram. Star. Slow. Czec. Koprzyn. O jez. Pols. Linde Slow. Pol. et Etym. A. F. Kucharaki M. S. o jez. Seakr. i Slow. Majewski O poez. Slow. Fra Paoli Ind. Levesq. T. 1. H. Rus. J. Potocki H. prim. Linhart. G. v. Krain. Maffei Ant. et Diplom. Orzechowski Ann. Pol. p. 6. Peibel Ges. Böhm. T. 1. p. 17. Dolci et Appendini Lingu. Illyr. Gelem Lexic. Symph. Hoffm. Ling. pol. Thuan. Oestl. Völ. Schlöz. Nösd. G. 2. Kap. Rechberg. Obscr. lang. Rus. Michanowisch Wien. Arch. pro Jun. A. 1823. Rakowiecki Praw. Anaka T. 1. p. 227. и T. 2. p. 153.

равнялся съ языками образованными, что былъ въ состояніи передать красоты всего Священнаго Писанія съ точностью, которая до сихъ поръ не требуетъ поправокъ. До XV-го вѣка, какъ сказано выше, онъ былъ еще въ употребленіи во всей Германіи; потому-то императоръ Карлъ IV въ своей золотой буллѣ возлагалъ обязанность на всехъ князей Нѣмецкой имперіи, чтобы ему, какъ существенно необходимому, обучались съ юныхъ лѣтъ. Теперь онъ распадается на многія нарѣчія, которыя, по причинѣ великаго распространенія народовъ Славянскихъ и ихъ соседства съ чужими, значительно разнятся между собою (148).

О Религіи древнихъ Славянъ мы имѣемъ слѣдующее преданіе, сохраненное Прокопіемъ: „*Sclavini et Antae unum deum fulguris effectorem, dominum hujus universitatis solum agnoscunt, eique boves et cujusque generis hostias immolant. Fatum minime norunt, nedum illi in mortales aliquam vim attribuunt; ut cum sibi vel morbo correptis, vel praelium ineuntibus jam mortem admotam vident, deo vocent; si evaserunt, continuo victimam pro salvo capite mactaturos; elapsi periculo, quod promissere, sacrificant, eaque hostia vitam sibi redemptam credunt. Sylvas praeterea et fontes colunt, et alia quaedam numina, hisque sacrificia peragunt, et intra sacrificandum vaticinantur* (149).“

Изъ этого свидѣтельства видно, что Славяне признавали одного всевышняго Бога, единого владыку всего міра; что, для показанія чрезмѣр-

наго и страшнаго его могущества, вооружали его перуномъ; что въ жертву ему приносили рогатый скотъ и другаго рода звѣрей. Кроме того, они поклонялись разнымъ идоламъ высшаго разряда, и изъ приносимыхъ имъ жертвъ гадали, исполнятся ли ихъ желанія. Этими божествамъ они посвящали рощи, источники и воды. Приписывая все предопредѣленію боговъ, они, во всякой угрожающей опасности или болѣзни, дѣлали имъ обѣты, и, какъ скоро зло миновало, тотчасъ оныя исполняли.

Такія правила религіи сохраняли Славяне до XII-го вѣка. Писатели того времени говорятъ тоже самое, т. е., что Славяне надъ многими божествами разной степени, которыми посвящали рощи, дубравы, воды и источники, признавали одного верховнаго, завидывавшаго небомъ. „*Slavi habent unum deum in caelo imperantem caeteris.... hic caelestia tantum curat* (150).“

Кромѣ божества грома, Греческіе писатели не упоминаютъ о другихъ божествахъ, которыхъ почитали Славяне; также не говорятъ, въ какихъ видахъ они изображались. Эти подробности легко могли быть пропущены Прокопіемъ и современными ему писателями, частью потому, что языческія религіи вообще все были сходны между собою, частью же потому, что Славяне, страствуя въ то время, не имѣли довольноаго досуга для сооруженія своимъ богамъ храмовъ и кумировъ. Изъясненіе этихъ сомнѣній было предоставлено позднѣйшимъ писателямъ; свидѣтельства ихъ и оставшіеся памятники показываютъ, что какъ самая религія Славянская, такъ и боже-

(148) Avent. v. nol. 57. Домокозовъ. Т. 1. Dobrowski Slov. Gram. u Gesch. d. Böh. Spr. Uwagi nad jez. Ross. S. Peterab. 1825. Rakowiecki Prawda Ruska, Linde Slov.

(149) Procop. B. G. l. 3.

(150) Helmold. Chr. Slav. l. 1, 2. Dittmar. l. 1. Saxo Gr. l. 14. Script. v. 8. Ott.

ства и ихъ образы носили еще неизгладимый первобытный типъ, и что она принадлежала къ разряду тѣхъ религій, которыя предшествовали испорченной религии Грековъ, Римлянъ и другихъ народовъ.

Такъ какъ въ религии Славянской замѣтно нѣкоторое сходство съ Индѣйской, то нѣкоторые писатели хотѣли ее непосредственно вывести изъ Индiи. Мы уже выше упомянули, что всѣ древнiя религии имѣли много остатковъ общаго нѣкогда имъ всѣмъ источника; но откуда, когда и кѣмъ онѣ распространены были по землѣ, того рѣшительно никто не запомнить. Самое разительное сходство религии Славянской съ Индѣйской находится въ изображенiяхъ боговъ со многими головами; но кто бы хотѣлъ по этимъ слѣдамъ искать начала ея въ Индiяхъ, тотъ долженъ бы былъ равнымъ образомъ искать тамъ происхожденiя также Египетской, Персидской, Греческой, Римской, Кельтской и многихъ другихъ. Не одни лишь Славяне изображали свои божества въ чудовищныхъ формахъ съ головами животныхъ, или со многими головами: всѣ народы древняго мiра дѣлали тоже самое. Какъ у Индѣйцевъ главное божество имѣло 4 головы, Багаведи или луна 3, Картигея, богъ войны, 6, такъ равнымъ образомъ Персы давали, между прочимъ, своему Митрѣ или солнцу 3 головы или лица, божеству луны также 3; Египтяне солнцу подъ видомъ Сераписа 3; Греки Кекропу, 2, Этрюски и Латины Янусу 2, а иногда 4, Гекатѣ 3. Кромѣ Индѣйцевъ, Персы также, при видѣ человѣческомъ, давали Митрѣ крылья и голову льва; Египтяне Серапису головы львиную, волчью и собачью; равнымъ образомъ своему Меркурию собачью,

Юпитеру Аммонскому баранью, Имядѣ голову скотины и т. д. Японцы до сихъ поръ изображаютъ божество брака въ видѣ женщины съ собачьей головой. Собака была обыкновеннымъ символомъ привязанности и неизмѣнной вѣрности (151). Мы видѣли уже, что Кельты, точно какъ и Славяне, до распространения Христианства изображали божества со многими головами. Гностики и Базилидiяне со второго вѣка были самыми ревностными защитниками животно-чудовищной Символологiи, на коей основывали свою таинственную науку (152).

Кто только разсмотритъ подлинныя изображенiя божествъ Индѣйскихъ и сравнитъ оныя съ Славянскими, тотъ найдетъ между ними такiя различия, коихъ ни коимъ образомъ нельзя согласить. Чудовищность Индѣйскихъ боговъ въ видѣ, сложенiи, осанкѣ и безчисленныхъ символахъ была доведена до самой высшей степени вымысловъ необузданнаго воображенiя; напротивъ Славянскiе кумиры носили еще печать простаго соединенiя первобытныхъ символовъ.

Славяне дѣлили свои божества на добрыхъ и злыхъ; первыя называли бѣлыми, вторыя черными или чертями. Древности Прильвицкiя показываютъ намъ, что одно божество бывало добрымъ и злымъ; что первыя часто вылиты были изъ желтаго металла, а вторыя изъ бѣлаго. По-

(151) Macrobian. Saturn. l. 1. Jul. Firm. De err. relig. c. 5. Eneid. l. 4. Fra Paoli Viag. al. Ind. part. 1. c. 6, et par. 2. c. 7, 9. Jablonski Panth. Egipt. Montf. Ant. T. 1. par. 1, 2. Relig. d. Gaul. l. 1. c. 3, et l. 2. c. 14, 15, 32. Caylus Ant. Westph. T. 4. p. 337. Picart Idolatr. T. 2. p. 337.

(152) Montfau. et Cayl. Anti. Jablonski Panth. Relig. d. Gaul. l. c.

добное несходство, которое многимъ показалось противорѣчащимъ и свойственнымъ одной только Славянской религіи, находилось и въ другихъ религіяхъ. Такъ у Грековъ и Римлянъ, между прочимъ, Геката *trivia* была то *coelestis*, то *terrestris*, то *infernalis*; въ древнихъ памятникахъ часто находимъ Изиду, Юнону, Венеру, Меркурія, Марса и т. д., съ надписью *infernalis*; Индѣйцы, Персы, Египтяне и Норманны, подобно Славянамъ, дѣлили свои божества на добрыя и злыя; первая тоже вылиты были изъ желтаго металла и назывались бѣлыми, вторыя изъ бѣлаго металла и назывались черными (153).

Исчисленные нами и многіе, имъ подобныя, слѣды общихъ свойствъ древнихъ религій позволяютъ намъ съ достовѣрностью догадываться, что, между прочимъ, Аполлонъ Греческій, Белень Кельтскій, Бѣлбогъ, небо, душа и рай Славянскіе, суть одного и того же происхожденія съ Беломъ Сирийскимъ, изображающимъ солнце, съ небомъ, означающимъ у нихъ луну, и съ раемъ—роскошнымъ садомъ; съ Будой, главнымъ божествомъ, Вишной, высочайшимъ существомъ Индѣйцевъ; съ Дуся—духами мучащими, или имѣющими сношеніе съ живущими людьми (Вампиры, *in-cubi*) Кельтовъ и т. д. (154).

Главнѣйшія божества Славянскія, названія, описаніе и изображенія

(153) Jablonski Panth. Egipt. part. 2. l. 5. Fra Paoli V. al. Ind. parte 1 et 2. Edda p. 1200. part. 1. myt. 15. Montfauc. Ant. Relig. d. Gaul. Apul. l. 11. Masch. Alt. d. Obotr. J. Potocki V. en Saxe.

(154) Bayli Hist. d'Astr. eclclair. l. 2. Fra Paoli V. al. Ind. par. 1 et 2. Servius ad Eneid. 1. Virgil. Schlöz. Allg. nörd. Ges. 2. Kapit. p. 275. Sched. Syngt. 1. c. 7. Banier part. 2. l. 1. c. 11.

конхъ дошли до нашего свѣдѣнія, суть слѣдующія: Перунъ, Прове, Святovidъ, Радогестъ, Дѣва, Триглавъ, Ругевидъ, Геровидъ и Поревуть. Хотя однѣ и тѣже божества были изображаемы различно, и хотя о собственномъ первобытномъ значеніи ихъ мы не имѣемъ достовѣрныхъ извѣстій, однако жъ изъ нѣкоторыхъ символовъ, принадлежностей и особенныхъ обрядовъ, можно объяснить многія сомнѣнія. У позднѣйшихъ Восточныхъ писателей находимъ вообще одни только намеки о поклоненіи Славянъ Аполлону, солнцу и огню (155). Такъ какъ изслѣдованіе этого предмета не входитъ въ составъ этого сочиненія, то, ограничиваясь однимъ только показаніемъ главнѣйшихъ видовъ божествъ, предоставимъ читателямъ и отдѣльному разсужденію сравнить ихъ съ тѣми, которые объяснены въ другихъ языческихъ религіяхъ.

О Перунѣ, главномъ божествѣ, повелѣвающимъ громомъ, знаемъ изъ современныхъ преданій то только, что его изображали въ человѣческомъ видѣ, и что онъ въ рукъ держалъ огненную стрѣлу. Названіе его происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ *руг*, *ругон*, огонь, огненный, *bronte*, громъ, слова, которыя сохранились въ языкѣ Греческомъ и служили прозваніемъ Юпитеру (156).

Все доказываетъ, что Прове Славянъ Заодерскихъ, называемый также Проне, Пороне, былъ не что иное, какъ Перунъ, такъ прозванный по причинѣ приданныхъ ему особенныхъ свойствъ, наблюденія за наказаніемъ и справедливостію. Въ древно-

(155) Cynnamus ad a. 1147. Norberg. Geogr. Or. par. 1. p. 513. Chalcocond. p. 222.

(156) Nest. Chr. p. 97, 267. Gaugain. Sarm. p. 82. Apuleus l. 1.

стяхъ Прильвицкихъ онъ изображенъ въ видѣ челоуѣка, держащаго въ лѣвой рукѣ орудіе, похожее на лемешъ (сошникъ). Въ припискахъ къ Гельмольду Прове также представленъ въ челоуѣческомъ видѣ, съ длинными ушами, похожими на лошадинныя, съ короной на головѣ, въ правой рукѣ коего острое, какъ бы раскаленное, желѣзо (*ferum rubrum et candens*), въ лѣвой же, прикрытой щитомъ, копье съ хоругвой. Весь его видъ представленъ какъ бы на бѣгу, и одной ногой онъ, кажется, двигаетъ передъ собой гремушку (*tintinabulum*). Въ роцахъ, ему посвященныхъ, въ назначенные дни производились обыкновенные обряды и суды, состоявшій изъ мѣстнаго жреца, начальника поколѣнія, и избраннаго старшины (157).

Саксонъ, очевидный свидѣтель, такъ описываетъ намъ Святовида Арконскаго: статуя его изъ дерева исполинскаго вида, на 4 шеяхъ имѣлъ онъ столькоже головъ, обращенныхъ на 4 страны свѣта. Волоса на головахъ и бородахъ его, по обычаю Славянъ, были подстрижены. Въ правой рукѣ онъ держалъ рогъ изъ металла, въ лѣвой лукъ съ стрѣлой, направленной въ сторону. Короткая одежда его, доходившая только до коленъ, съ удивительнымъ совершенствомъ была сдѣлана изъ разнаго рода дерева. Близъ статуи былъ положенъ огромный мечъ въ богатыхъ ножнахъ, далѣе сѣдло на священнаго коня, узда и разная утварь для прислуги божеству. Пурпуровыя занавѣски закрывали внутренность капища. Между древностями Прильвицкими нахо-

дятся малыя статуи Святовида объ одной головѣ, иногда съ лучами; на груди прекрасныя головы плывиваго старца съ длинной бородой; одежда его до коленъ; нѣкоторыя изъ нихъ вооружены (158).

Радогоста, обыкновенно, представляють въ челоуѣческомъ видѣ, съ пріятнымъ лицомъ, нагаго, съ птицей на головѣ и съ выказывающимся символомъ плодородія. Въ Ретрѣ, гдѣ было прекрасное его капище и статуя, литая изъ золота, стоявшая на престолѣ, покрытомъ пурпуромъ, онъ держалъ въ одной рукѣ копье, а другой подпиралъ на своей груди голову вола или дикаго быка съ рогами, загнутыми въ полъ-луны. Мы не имѣемъ ни одного Славянскаго божества въ столь различныхъ видахъ, какъ Радогоста; часто придавали ему голову льва, а жетѣи и птицы; пазывали его также лъварадзичемъ (159).

Съба или Ддва изображалась въ видѣ миловидной женщины, нагой или совершенно съ головы до ногъ окутанной въ одежду. Иногда давали ей собачью голову, или на челоуѣчьей помѣщали собаку или обезьяну. Древніе лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что Съба Ратиборская, въ нынѣшнемъ Великомъ Герцогствѣ Меклембургскомъ, представляла прекрасную нагую женщину, съ длинными волосами, широко распущенными по плечамъ, съ головой, увѣнчанной лавромъ, или буксомъ; въ опущенной правой рукѣ она держала яблоко или гранатъ, въ лѣвой же, поднятой до плечъ, виноградъ съ листья-

(157) Helmold. l. 1. c. 25, 83. Botho ad Helm. l. 1. c. 53. J. Potocki V. en Saxe; fig. 12. Masch. Alt. d. Obotr. Chron. Slav. ap. Lindenbr. c. 18.

(158) Saxo Gr. l. 14. Masch. Alt. d. Obotr. §. 143, 153. J. Potocki V. en Saxe.

(159) Adam Brem. H. eccl. l. 2. Dittm. l. 4, 6. Helmold. l. 1, 2. Masch. Alt. d. Obotr. J. Potocki V. en Saxe.

ями (*). У Монофона находится подобная Венера Кельтовъ, которая въ одной рукѣ держитъ виноградъ, а въ другой колосья (160).

Божество, известное подъ именемъ Триглава, имѣло 3 человѣчeskія головы, изъ которыхъ одна смотрѣла вверхъ, а двѣ внизъ. Статуя его въ Штетинѣ была изъ золота, лица покрывала занавѣсъ, тканый также изъ золота. Ему приписывали господство на небѣ, на земли и подъ землею. Какъ Святовиду была посвящена быля, такъ Триглаву черная лошадь, которую всегда содержали при капищѣ (161).

(*) Эту богиню Норманны Скандинавскіе взяли отъ Вановъ или Славянъ въ знакъ примиренія и, сочетавъ бракомъ съ Торомъ, называли ее *Wana-sif, Sifna* или *Фрея прекрасноводосая*, съ полудуной на головѣ. Ей приписывали силу возжигать любовь. „*Sif pulcherrima, benignissima valde curat amorem conciliari inter viros et puellas.*“ Въ колесницу ея запрятали двухъ котовъ. Рунами писали ея имя *Сьба* или *Тьсба*, что въ выговорѣ звучало *Сьва* или *Дьзва*; потому что Славяне въ своихъ рунахъ, подобно Гречамъ, вѣсто *в* употребляли *б*. Другое божество, принятое отъ Вановъ, подъ именемъ *Нюрда*, такъ описываютъ древнія преданія Норманновъ: „*regit ventum, pluvias, mare, ignem splendoremque solis; bona et fortuna sibi devotis distribuit, quia locuples est. Non est ex Asarum genere, sed in Vanahelmo educatus. Nam Vani eum diis obsidem dederunt, et ab illis alium Naenerem nomine rescerunt; et sic per eos inter Deos et Vanos reconciliatio facta est.*“ Далѣе утверждали, что *Нюрда* управлялъ на небѣ, а не въ *Астардѣ* или въ *Валгалѣ* Норманновъ, что такъ отъ него родилась *Фрея* или *Сина*. *Edda Resen. Myth. 21, 22, 30. etc id. not. ad Edd. part. 2. Græberg Scandinar. p. 106.*

(160) *Schol. ad Helmold. l. 1. c. 52. Mollet. Masch Alt. d. Obot. J. Potocki V. e. Sax. Montf. Ant. T. 1. p. 102.*

(161) *An. abb. V. S. Ott. l. 3. Seffr. et Anonymum. V. S. Ott. Masch Alt. f. 10. Sched. sing. 3.*

Ругевида изображали въ видѣ исполина, съ 7 головами на одной шеѣ, иногда подъ однимъ черепомъ. На поясъ его висѣло 7 мечей, а осьмой, поднятой вверхъ, держалъ онъ въ правой рукѣ. Онъ представлялъ собой Славянскаго Марса; и въ самомъ дѣлѣ, весь видъ его былъ грозенъ и ужасенъ. Это божество между Приливидскими древностями находится только съ 6 головами различнаго возраста; на груди онъ держитъ голову льва (162).

Геровидъ или Поревидъ изображаемъ былъ съ 5 лицами (163).

Поревуть съ 4 головами, на груди имѣлъ 5-тую, которой чела прикасался лъвой, а бороды правой рукой. Этому божеству приписывали власть наказывать прелюбодѣяніе (164).

Множество божествъ Славянскихъ, объ которыхъ упоминаютъ еще другіе писатели, какъ-то: *Ессенъ*, *Нія*, *Ладонъ*, *Дьванна*, *Моранпа*, *Баровидъ*, *Волосъ*, *Красопани*, *Стрыбъ*, *Горшъ*, и т. д., безъ сомнѣнія, отличались отъ вышеописанныхъ одними только своими именами (165).

Славяне строили своимъ божествамъ многочисленные храмы, называемые *Континами*; нѣкоторые изъ нихъ снаружи были украшены живописью и барельефами рѣдкаго совершенства, а внутри, за богатыми занавѣсями, стояли многочи-

(162) *Saxo Gr. l. 14. J. Potocki V. en Saxe. fig. 11.*

(163) *Andr. ab. V. S. Ott. l. 3. Saxo Gr. l. 14.*

(164) *Saxo Gr. l. 14.*

(165) *Dlugosz l. 1. Guagn. Sarm. p. 9. Mieschow. Chr. l. 2. Arnold. p. 5. Stredow. Morav. Sacr. Stranski Bohem. Карамзкинъ И. Г. Р. т. 1. Script. v. S. Ott. Понювъ, Лохомосовъ, и т. д.*

сленныя и различной величины статуи изъ золота и другихъ металловъ (*). Главныя капища, гдѣ, обыкновенно, происходили народныя совѣщанія, легко могли дойти до такого великолѣпія и богатства; потому что известная часть военной добычи была имъ посвящаема, и богатые, подобно какъ у Грековъ; хранили тамъ свои сокровища и драгоценные камни. Святovidъ Арконскій, который славился во всей Славянской землѣ и которому даже чужестранные цари присылали дары, имѣлъ, кромѣ того, 300 всадниковъ, кои служа ему исключительно, приносили къ нему всю свою добычу. Норманны и другіе чужестранцы, представавшіе къ берегамъ Арконы для торговли или ловли сельдей, также обязаны были приносить ему известные дары. Во время мира при главномъ божествѣ поколѣнія хранились военныя народныя знамена, бывшія у нихъ въ религіозномъ уваженіи. Контини, роци, источники, и другія мѣста, посвященные богамъ, вмѣстѣ съ своимъ округомъ, были у нихъ въ чрезвычайномъ почтеніи; кромѣ дней торжественныхъ и совѣщательныхъ, никому не позволялось приближаться къ нимъ. Однако, въ опасности, грозившей здоровью или жизни, всякій, свой либо чужой, даже

врагъ, могъ, въ какое бы ни было время, искать тамъ для себя убѣжища, и быть совершенно неприкосновеннымъ (166).

При каждомъ капищѣ находилась особый жрецъ, который, вопреки народнымъ обычаямъ, носилъ длинныя волосы, отпущенную бороду, а на головѣ низкую шапку. Онъ былъ обязанъ называть торжественныя дни, исполнять обряды при приношеніи жертвъ, прорицать именемъ божества, гадать, смотрѣть за неприкосновенностью священныхъ мѣстъ, имѣть попеченіе о неугасимомъ огнѣ и о посвященномъ богу конѣ; наконецъ, его обязанностью было молить боговъ о ниспосланіи народу своихъ благъ и не наказаніи его своимъ гнѣвомъ. Эти жрецы различались въ своихъ степеняхъ и уваженіи; нѣкоторые пользовались болѣею честию нежели самыя начальники и князья народа (*) (167).

(*) Мнѣніе по коему Контини происходилъ отъ *gat. gatu*, не стоитъ упоминанія. *Конь*, какъ показываетъ Русская Правда, означало у древнихъ Славянъ мѣсто собранія суда и совѣщаній старейшинъ; прама и постановленія называли закономъ. Имя Контини тамъ достовернѣе происходило отъ *Конь*, что, какъ въ священныхъ роцихъ, такъ и въ капищахъ совершались народныя обряды. У Поляковъ сидѣть въ конѣ припоминаеть, вѣрно, наказаніе, производимое нѣкогда передъ Кономъ, или Континиой, а теперъ передъ церковью.

(166) Adam. Brem. l. 2. Helmold. Chr. Slav. Dittmar. Saxo Gr. l. 14. Scrip. v. S. Ott. Несторова лѣтопись стр. 267. Правда Русская.

(*) Мы не знаемъ навѣрное, какъ Славяне называли своихъ жрецовъ. Если ихъ называли *Кнез*, какъ можемъ догадываться, то это послѣднее, мало отличающаеся отъ названія жрецовъ Кельтическихъ и Германскихъ, *Sines*, могло происходить отъ одного корня съ Латинскимъ *senex*, старикъ, по Переводски мудрецъ. Такъ какъ жрецы Славянскіе были истолкователями законовъ, учеными и пользовались болѣеимъ уваженіемъ, чѣмъ Жупаны и др. начальники народа, потому, съ перемѣной религіи и правленія, названіе *Кнез*, *Князь*, легко могло перейти въ послѣднихъ, какъ заступающихъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, мѣсто прежнихъ жрецовъ. *Князь* у древнихъ Норманновъ означало человека, который достигъ значенія и уваженія.

(167) Helmold. l. 1. Dittm. l. 1. Saxo Gr. l. 14. Script. v. S. Ott. Relig. d. Gaul. l. 1. c. 22.

О вѣрѣ Славянъ въ явленіе своихъ боговъ, можно заключать изъ того, что когда Вологостане, жившіе за Одрой, хотѣли принять Св. Крещеніе, то переодѣтый жрецъ, явившись въ рощѣ, въ видѣ Геровида, такъ говорилъ къ проходящимъ: „Я покрываю поля плодородіемъ, а деревья украшаю вѣтвями и листьями... жатва земли, растенія, родъ звѣрей и все, чѣмъ питаются люди, находится въ моей власти; все это даю почитающимъ меня, и отнимаю у тѣхъ, которые пренебрегаютъ мною. Идите и скажите Вологостанамъ, чтобы они не принимали чужаго бога, который не принесетъ имъ никакой пользы; пусть не терпятъ проповѣдниковъ чужой вѣры, которые къ нимъ намѣрены при-
быть (168)!“

На главныхъ народныхъ празднества собирався весь народъ обоего пола, вмѣстѣ съ дѣтьми, въ посвященные мѣста; тамъ убивали рогатый скотъ, овецъ и другихъ животныхъ. Жрецъ, взявъ нѣсколько крови въ чашку, сперва гадалъ, а потомъ становилъ ее передъ божествомъ, какъ жертву. Во все это время народъ съ покорностію стоялъ въ глубокомъ молчаніи. Потомъ варили мясное для собравшагося народа, который остальную часть дня проводилъ въ пиршествѣ, забавахъ, увеселеніи и пляскѣ. Славяне отправляли въ годъ четыре большія празднества, то есть: въ концѣ декабря, въ началѣ весны, въ іюнѣ и по окончаніи жатвы. Это послѣднее, между прочимъ, Ругіане праздновали слѣдующимъ образомъ: народъ собирався отовсюду вокругъ капища Святвида, какъ выповника урожая. Тамъ жрецъ, взявъ изъ

рукъ божества рогъ, наполненный за годъ виномъ, предсказывалъ по нему изобиліе или недостатокъ въ будущій годъ. Потомъ, давая народу приличное наставленіе, возвышалъ ему, щедрой ли рукой онъ долженъ употреблять собранную жатву, или бережливо, въ ожиданіи недостатка. Подъ конецъ, положивъ обратно этотъ рогъ, наполненный свѣжимъ виномъ, въ руки божества, онъ скрывался за огромнымъ колачемъ или хлѣбомъ, испеченнымъ на меду, и спрашивалъ, закрываетъ ли онъ его, и, получивъ отвѣтъ, молилъ его еще о большемъ для будущаго и о всякомъ благополучіи для народа и всей страны (169) (*).

Съ наступленіемъ весны было отправляемо празднество въ честь Геровида: вокругъ того мѣста, гдѣ собирався народъ, разставляли по полямъ небольшія знамена. Въ началѣ лѣта празднество происходило при высокомъ столбѣ, на вершинѣ котораго водружалось копье. Подобные столбы и при нихъ религіозные обряды были также у древнихъ Эракійцевъ, именно Коралловъ, и у Германцевъ, называвшихъ оныя Ирменсуль. Нѣкоторые думали, что они сооружались въ честь божества войны; но вѣроятнѣе, что они имѣли значеніе, относящееся къ лѣтнему повороту солнца (170).

Въ главныхъ дѣлахъ народныхъ, въ важныхъ предпріятіяхъ, Славяне

(169) Saxo l. 14. Helmold. l. 1. Sulzer G. v. Walach. Dittm. l. 1. Vita S. Otton.

(*) У Пруссовъ было подобное празднество послѣ жатвы: хлѣбъ посвященный называли Карко, который ломали и раздавали народу. Hartknoch. Privil. Prus.

(170) Andr. Ab. V. S. Ott. l. 3. c. 1 et 3. Valer. Flaccus l. 6. c. 5. Witichind. l. 1. Adam Br. Histor. Eccl. l. 1. c. 6. Strykowski Sarm. p. 79.

не предпринимали ничего не осведомившись предварительно о воляхъ боговъ. Эту волю объявляли имъ жрецы, гадая по крови жертвъ, или другимъ знакамъ. Когда готовились къ войнѣ, то обыкновенно перегонали посвященную лошадь чрезъ коня, воткнутому отлого накрестъ, и по ея шагамъ предсказывали счастливыя или несчастныя послѣдствія предпринимаемаго похода. Въ менѣе важныхъ вопросахъ гадали по разбросаннымъ прутьямъ, обрваннымъ съ одной, и цѣлымъ съ другой, стороны. Чтобы испросить помилваніе у божества, они имѣли обыкновеніе звонить во всѣ колокола (171).

Мнѣнія нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей, будто бы Славяне, подобно другимъ древнимъ народамъ, убивали людей въ жертву своимъ богамъ, неосновательны. Никто не зналъ ихъ ближе, лучше и больше, какъ Греки и Итальянцы; однако, въ множествѣ дошедшихъ до насъ преданій объ нихъ, мы не только не находимъ ни малѣйшаго намека на это, но даже слѣда. Если Гюнанъ и Прокопій не могли умолчать о подобныхъ жертвахъ у отдаленныхъ Скандинавовъ, то, безъ сомнѣнія, не оставили бы ихъ безъ вниманія и у Славянъ, которыхъ описывали въ собственной странѣ и подробнѣе другихъ народовъ. Одинъ только Дитмаръ, известный явнымъ недоброжелательствомъ къ нѣкоторымъ соседнимъ Славянамъ и умалченный во многихъ на нихъ клеветкахъ, говоритъ, что Радогосту Ретрскому приносили въ жертву скотъ, а иногда и людей. За нимъ повторилъ тоже самое, прилежный его переписчикъ, Гельмольдъ, прибавивъ,

(171) Andr. Ab. l. 3. c. 18. Saxo l. 14. Dittm. l. 1. Helmold. l. 1 et 2. Sefrid. v. 5. Ott. c. 32.

„hominem christianum,“ и никто болѣе. Всѣ прочіе современники, начиная съ Эгингарда, Константина, Анны Комниной, Витикинда, Адама Бременскаго, Саксона Грамматика, сочинителей житія св. Оттона, Бернарда, св. Бенона и т. д., которые знали короткоязыческихъ Славянъ, посещали ихъ страны, описывали божеества, обряды, выставляли всѣ недостатки и пороки, совершенно не упоминають у нихъ объ этомъ родѣ жертвъ. Если же и случалось, что въ возмущеніяхъ противъ Даковъ и графовъ Нѣмецкихъ, они убивали, иногда, притѣснявшихъ ихъ намѣстниковъ, то этого нельзя считать убійствомъ религиозно-обряднымъ. А разсказъ Нестора о томъ, какъ во время Владиміра В., въ честь Перуна матери убивали собственныхъ дѣтей, можно тоже назвать сказкой, вымышленной для поселенія ненависти къ язычеству (что, кажется, подтверждаетъ приведенное имъ происшествіе съ Варягомъ), или же обыкновеніемъ, введеннымъ къ Славянамъ господствующими надъ ними въ это время Скандинавскими Руссами (172).

Какое понятіе имѣли Славяне о безсмертіи души, мы не знаемъ съ достовѣрностью: видно только, что они смотрѣли на смерть, какъ на переходъ къ другой жизни, въ которой ожидалъ ихъ тотъ же жребій и тѣ же самыя нужды, какъ и во временной. Они думали, что люди, какъ въ этомъ, такъ и въ будущемъ, мірѣ, за тяжкое преступленіе могутъ сдѣлаться рабами и подвергаться наказаніямъ. У древнихъ Индѣйцевъ Небанъ было такое мѣсто, куда собиравлись души, свободныя уже отъ

(172) Dittm. l. 1. Helmold. l. 1. c. 52 et l. 2. c. 12. Несторъ, стр. 98.

дальтѣйшихъ переходовъ изъ одного тѣла въ другое; быть можетъ, Славяне тоже о своемъ небѣ имѣли подобное мнѣнiе. Покойника снабжали всемъ тѣмъ, что онъ обыкновенно употреблялъ въ этой жизни и что для него было полезно въ его жизни и промыслъ; такъ, напр. мушину снабжали приличной одеждой, оружіемъ, пожемъ, сѣкирой, огнивомъ; женщину иголкой, нитками, ножницами и т. п. (*). Ближайшіе родственники, обыкновенно, носили, въ некоторое время, на гробницу лѣства, которыми бы подкрѣпляла душа себя. Пока умершій не былъ погребенъ, до тѣхъ поръ духъ его блуждалъ по лѣсамъ, между вѣтвями, гдѣ ему сопутствовали печальныя совы. Обычай оплакивать умершихъ съ великимъ плачемъ, исчислять имъ похвалы и, наконецъ, справлять по нимъ тризну или поминки, на которыхъ, обыкновенно, напивались до пьяна, былъ общій всемъ Славянамъ. Одни ихъ сожигали, а другіе закапывали по лѣсамъ и мѣстамъ уединеннымъ, гдѣ про-

ходящіе ими обыкновеніе бросать на нихъ палки (*fustes*) и вѣтви. Нѣкоторыя поколѣнія, собравъ пепелъ сожженныхъ труповъ въ урны, ставили ихъ на столбахъ при перекресткахъ (173).

Послѣ такихъ доказательствъ, легко убѣдиться, какъ мало можно полагаться на искренность и свидѣтельство Дитмара. Онъ говоритъ: „*Slavi cum morte omnia finire putant*“, что въ Польшѣ, когда сожигали умершаго мужа, тотчасъ отсѣкали голову каждой его женѣ: „*unaquaeque mulier decollata*“, и т. п. Гельмольдъ, вѣрный его переписчикъ, хорошо знавшій Славянъ и Поляковъ, не смѣлъ, однако же, повторять объ нихъ подобной сказки. Рассказываемое Св. Бонифаціемъ (еще до Дитмара) о Венедахъ, будто бы у нихъ жены считали себя за срамъ пережить своихъ мужей, неизвѣстно, къ кому относилось; потому что въ однихъ рукописяхъ читаемъ „*Venedi*“, а въ другихъ: „*Persae faedisimum et detegitimum genus hominum*.“ Св. Бонифацій, который самъ вызывалъ Славянъ и заселялъ ими берега Майна, безъ сомнѣнія, не имѣлъ объ нихъ столь дурнаго мнѣнія. По этому справедливо думаютъ благоразумные историки, что этотъ писатель говорилъ о Пруссахъ и Летахъ, смѣ-

(*) Иголки, которыя часто попадаются намъ въ древнихъ погребальныхъ урнахъ, не могли быть *fibulae* для застѣгиваній, по древнему обычаю, платья на плечи или подъ шею, потому что онѣ иногда длинной бывають въ несколько дюймовъ, очень заострены, и слишкомъ тонки. Тацитъ называетъ собственныя *fibulae* спивани, изъ металла, кости или дерева, что похоже на некотораго рода короткую опонку. Безъ сомнѣнія, эти длинныя иголки были, по несуществованію тогда теперешнихъ иголокъ, тѣмъ, чѣмъ нынѣ шила сапожники, то есть, орудіе для дланей дырокъ въ кожѣ и рѣзныя для одежды тѣмъ, за которыми, при поводѣ шетинки, продавали нити для шитья. Вѣроятно Славяне называли онѣ, *шллами*, отъ слова *шью*, *шатье* и т. д. Кажется, что мѣста, гдѣ хоронили умершихъ, назывались у Поляковъ *Koscioly*, отъ *koste*, *kosci*.

(173) *Fra Paoli V. al. Ind. part. 2. Leon Diacon. l. 9. у Карана. Ч. 1. прим. 208. Несторъ стр. 48 и 71. Cedrenus T. 2. Theophilact. l. 6. Andr. Ab. V. S. Ott. l. 2. c. 12. Rakow. Prawda Rus. T. 2. p. 9 et p. 173. et Tom 1. p. 231. Saxo l. 9. Hartk. Dis. 13. Olear. Per. l. 3. Falson. H. mund. l. 1. part. 1. c. 11. Melet. ep. ad Sab. p. 74. Gebhard Suber Walsch. Lintar. G. v. Krain. 2. B. Fortis Viag. in Dalm. Vol. 2. Masch. Alt. d. Obotr. Hermann. Maslogra. Mellen Urnae Sarmat. Gasp. Schüzius Chron. Pruss. l. 1.*

шиваемыхъ часто съ Венедями, у которыхъ подобный обычай имѣлъ иногда мѣсто, равно какъ и у Руссовъ, послѣ соединившихся съ Северовосточными Славянами (174).

О правленіи Славянъ мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство Прокошія: *Sclaveni et Antae non uni parent viro, sed ab antiquo in populari imperio vitam agunt, ac propterea utilitates et damna apud ipsos in commune vocari solent. Aliarum etiam regum fere omnium ratio ab utriusque barbaris servatur eadem, fuitque olim constituta.* У нихъ не было ни государя, ни князей, ни различія состоянія между гражданами; всякій староста, то есть, хозяинъ или начальникъ семейства, равно участвовалъ, какъ въ выборѣ своихъ начальниковъ, такъ въ постановленіи законовъ и главныхъ народныхъ совѣщаніяхъ (175). Такой образъ правленія существовалъ у Славянскихъ народовъ до паденія язычества; ибо, хотя нѣкоторые имѣли уже прежде постоянныхъ начальниковъ подъ именемъ великихъ жупановъ, воеводъ или князей, однако жъ власть ихъ была такъ ограничена, что безъ согласія народа старшины ничего не могли предпринимать. Только по принятіи Христіанской вѣры, мало по малу эти начальники приобрѣли большее уваженіе и начали увеличивать свою власть. Такъ какъ Славяне распались на множество отдѣльныхъ поколѣній, то каждое изъ нихъ составляло отдѣльную рес-

публику, которая только въ случаѣ необходимости общей защиты или помощи соединялась съ другими. Жупаны отличавшіеся отъ другихъ нѣкоторымъ родомъ почетной одежды, а паны и владыки съ приданными имъ старшинами, были исполнителями законовъ и блюстителями порядка въ вѣрнопныхъ имъ округахъ, называемыхъ жупаніями. Этѣ власти существовали долго еще послѣ перемѣны религіи и первобытнаго образа правленія; между прочимъ у Булгаровъ до позднихъ временъ считалось жупаній 10, въ Хорватіи 11, въ Мишіи на Дабъ 16, а въ Польшѣ упоминается объ нихъ до самаго XIIIго столѣтія. Одинъ панъ управлялъ нѣсколькими жупаніями; въ нѣкоторыхъ Угорскихъ провинціяхъ древнее Славянское раздѣленіе страны на Банаты или Панаты, сохранилось донынѣ (276). (*)

(176) *Const. d. Ad. Imp. c. 30. Stritt. Script. Byzant. T. 2. Anna Comn. ap. Stritt. T. 2. p. 265. Helmold. Dittm. Saxo Gr. Script. v. 3. Ott. Chron. m. Sereni ap. Mader. ad an. 1209. Czacki Praw. Litew. T. 1. p. 255. Eogel. Bulg. Th. 49. Engell. Kult. ges. 1. Th. Gebh. 33. Th. 1. B. Epist. Joan. 8. rapae ap. Dobrow. Böhm. litt.*

(*) *Ran, ban, župan, banos, banum, banale, banherr, baneria, balne, безъ сомнѣнія, происходятъ отъ одного в тогоче корня. Банумъ, въ варварской Литвини означало власть или юрисдикцію, dominium, власть господскую, banalia права или привилегіи боярскія. Въ языкѣ Мизо-Готскомъ Fan значило тоже, что у Славянъ Ran. Нѣкоторые дипломатики думали, что банитъ, ban заимствовано у Диаматовъ, которые страну свою дѣлили на банаты, управляемые банами или панами. Но принимая въ соображеніе, что это слово въ одинаковомъ значеніи употреблялось съ незапамятныхъ временъ, въ продолженіи всѣхъ вѣковъ и у всѣхъ народовъ Европы, трудно допустить, чтобы оно могло сдѣлаться такъ всеобщимъ*

(174) *Dittm. p. 11 et 105. S. Bonif. ad Ethon. epist. 19. Duisb. Chr. Prus. part. 3. c. 5. Saxo Gr.*

(175) *Procop. V. G. l. 3. Script. vitae S. Otton. Const. d. Adm. Imp. Несторъ, стр. 90. Jormand. R. G. Maur. Str. l. 2. Rakowicki Prawda Ruska T. 1. rozdzial 4.*

Какъ главные совѣщанія народныя, такъ равно и суды производились подъ дозорамъ жрецовъ и начальниковъ поколѣннй въ священныя рощахъ и другихъ мѣстахъ (*). На первыя они,

отъ мило известнаго поколѣннй Славянъ Далматскихъ. По этому правдоподобнѣе, что оно происходитъ отъ слова, принадлежащаго времени, гораздо древнѣйшему, то есть, отъ *Vapnos*, которое, по свидѣтельству Гезнхія, у древнихъ Итамовъ (быть можетъ Адриатическихъ Вешедовъ) означало владыку или царька. Имя Жупанъ состояло изъ слова *paп* и предлога *зи* или *си*, который означалъ разницу и степень между однимъ и другимъ. *Spaп* у древнихъ Норманновъ означало прорицающе, *ogacsiom*: это значеніе соответствовало жупанамъ Славянскимъ, которые, въ самомъ дѣлѣ, будучи судьями народа, давали рѣшенія (*wiroki*). И это послѣднее слово, подобно многимъ другимъ техническимъ, было въ употребленіи не у однихъ только Славянъ: *rige* у древнихъ народовъ Кельтнн означало справедливость; *rok* у Норманновъ — срокъ или опредѣленное время. У насъ подобнымъ образомъ: *rok*, *roki*, *roezki*, *wroki*, *wurok*, означали періодичное время, суды, производимыя въ означенные сроки, декреты или приговоры въ рѣшенномъ дѣлѣ. Норманны главные свои совѣщанія называли *Sam-ting*, а Англо-Сакс. *Wittena-gemot*; первое отвѣчаетъ нашему *сеймъ*, второе — *съѣзъ*. Эти и многіе другіе слѣды показываютъ ясно, что древніе варварскіе народы жили между собой въ опредѣленныхъ сношеніяхъ и дружественныхъ связяхъ; что они, подобно народамъ образованнымъ, одинъ отъ другихъ взаимно перенимали мнѣнія, свѣдѣнія, учрежденія и полезныя изобрѣтенія. Vid. Du Cange. Gloss. Neusch. ap. Pellout. T. 2. l. 3. c. 7. J. Potocki Hist. prim. Ibre Cod. arg. Resen. Glos. ad Edd. Czaoki Praw. Litew. T. 1. p. 277. T. 2 p. 78. Prawda Ruska см. *wroki*, *wiece*. Карамз. Т. 1. стр. 234 и 480.

(*) Поляки до сихъ поръ еще говорятъ: *zagaié seym*, *sady*, *kolo*, а прежде *wiece*, *roki*, *sobór*, *stado* и т. д. Очень вѣроятно, что во время язычества священную рощу называли *bógajem*; потому что почти

являлись вооруженные, становились въ большой кругъ, посреди коего было мѣсто, нѣсколько возвышенное, куда всходилъ всякій, желающій говорить, и застучавъ въ ступени, требовалъ вниманія. Тѣ, которые соглашались на предложенія или мнѣнія, давали знакъ, поднимая своя копья. Кто сопротивлялся общему рѣшенію, тотъ былъ наказываемъ строго, даже телесно, какъ утверждаетъ Дитмаръ; а если осмѣливался противиться его исполненію, то подвергался или тяжелой пенѣ, или ему поджигали домъ со всемъ имуществомъ. Рѣшеніе въ дѣлахъ судебныхъ и касающихся порядка, не зависѣло отъ однихъ начальниковъ или жупановъ; во всякомъ случаѣ большинство мнѣнія мѣстныхъ старшинъ, приданныхъ имъ, рѣшало дѣло. Эти мнѣнія были отмѣчаемы на биркѣ особымъ чиновникомъ, котораго Русины называли метельникомъ или отмѣтчикомъ (177).

Древній способъ избранія жупановъ, а потомъ и кнмзей народа, долго былъ сохраняемъ у нѣкоторыхъ поколѣннй Славянскихъ. Этотъ обрядъ, обыкновенно, производился въ рощѣ, или въ полѣ, при большомъ камнѣ. Чтобы ускорить единогласный выборъ, назначали изъ среды

вездѣ по близости древнихъ городовъ и жилищъ въ Польшѣ, находятся мѣста или зѣсочки, именуемые до сихъ поръ *Bugajami*. Варшава издревле имѣетъ свой *Bugaj*. *Bohamin*, *Bogamin*, вѣрно означало единовѣрца, почитателя боговъ Славянскихъ: *Pogania* до сихъ поръ у насъ значить идолопоклонника.

(177) Helmold. l. 1. Dittm. l. 1 et 6. Adnopolym. V. S. Ott. l. 3. c. 16, 17. Cosmas ap. Menk. Scr. Sax. a. 1067. Naruszew. Hist. T. 6. Ka. 2. p. 195. Prawda Ruska art. 2 et 30. Rakow. Praw. R. T. 1. p. 101. Valva. 3. Th. Linh. 2, B.

старшины нѣсколько особъ, которые, пока продолжалось собраніе народа, имѣли власть по воли и собственному усмотрѣнію портить поля и жечь дома сѣгряданъ. Какъ скоро являлось согласіе, новонзбраннаго сажали на камень, всѣмъ него клали самую худую одежду, котомку и посохъ, потомъ спрашивали его: Будетъ ли онъ справедливъ ко всякому, защитникомъ сиротъ и т. п.? Наконецъ, получивъ пощечину отъ одного изъ присутствующихъ, онъ тотчасъ начиналъ производить судъ на мѣстѣ. Дома этихъ начальниковъ, вмѣстѣ съ ихъ округами, подобно мѣстамъ, посвященнымъ богамъ, были убжищемъ для всякаго, находившагося въ опасности, и никто не смѣлъ трогать тѣхъ, которые тамъ скрылись. Вообще, они пользовались столь великой почестью, что даже въ самыхъ военныхъ схваткахъ ни одинъ Славянинъ не смѣлъ поднять на нихъ своего оружія (178).

Многіе не понимаютъ, какъ народы Славянскіе, вездѣ раздѣленные на мелкія и независимыя республики, при демократическомъ образѣ правленія, могли долѣе всѣхъ прочихъ народовъ сохранить первоначальныя свои постановленія и избѣжать до послѣдней минуты внутреннихъ смутеній и вѣшняго насилія. Эти удивительныя событія были слѣдствіемъ только господствующаго духа единства, привязанности къ нравамъ и обычаямъ, страсти къ спокойной жизни и дружественнымъ связямъ между отдѣльными поколѣніями. Въ самомъ дѣлѣ, такими качествами отличаются народы Славянскіе, и въ нихъ не отказываютъ

имъ даже самыя недоброжелательныя современныя писатели. Дитмаръ говорить, между прочимъ, о сосѣднихъ Лутичахъ или Вилкахъ, что, не имѣя ни князей, ни государей, они сами, на совѣщаніяхъ народныхъ, единогласно разсматривали собственныя дѣла, и что всѣ давали свои мнѣнія, что должно предпринять, или оставить. Не смотря на то, между ними всегда господствовало согласіе и единство. Другіе тоже свидѣтельствуютъ о Славянахъ и выставляютъ ихъ въ примѣръ привязанности къ собственной свободѣ, собратіямъ и къ единоплеменнымъ народамъ. Исторія мало представляетъ намъ примѣровъ подобнаго мужества, съ какимъ, между прочимъ, мелкія поколѣнія, жившія на Лавѣ, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, защищали свою независимость противъ могущества Нѣмцевъ и Датчанъ. Дѣло одного обращалось въ дѣло и другихъ, часто отдаленнѣйшихъ поколѣній, которыя помогали себѣ взаимно, советомъ и пособіемъ. Вообще замѣчали, что Славянинъ, гдѣ бы ни встрѣтилъ Славянина, тотчасъ, по особому народному обычаю, привѣтливо цѣловался съ нимъ въ лице; если же иностранецъ заговорилъ къ нему на его языкѣ, то и онъ почитался другомъ или братомъ (179).

Изъ выше приведенныхъ свидѣтельствъ Прокопія и Константина, видно, что Славяне издрѣвле, еще до выгнания изъ избытковъ своихъ жилищъ, имѣли извѣстныя, всѣмъ общія, установленія и права, кото-

(178) Hajek ad a. 833. Anonym. Leobien. ap. Pez. T. 1. ad a. 1287. Saxo Gr. l. 15. Script. v. S. Ott. Aeneas Sylv. Pol. p. 13. Fortis Daln. Vol. 2. p. 92.

(179) Dittmar p. 66 et 106. Saxo Gr. l. 14. Witichind. l. 2. Avent. l. 4. c. 9. Engelh. Kältargesch. Gebh. 53. Th. 1. H. Schlöz. Nörd. Gesch. Stritt. Scr. Byz. T. 2. Warnkefrid. l. 4. c. 39. Helmhold. Slav. Cantacusen. T. 2. p. 420. Moehsen G. d. Wiss. §. 10. Прот. см. прим. 116.

ры называли закономъ. Изъ нихъ мало какіе намъ известны; о некоторыхъ можемъ догадываться то по случайнымъ намекамъ, то по первымъ правамъ, писаннымъ у разныхъ поколѣній Славянскихъ. Остатки ихъ разбросаны, между прочимъ, въ Правдѣ Русской Ярослава, Договорахъ Игоря и Мстислава, Вислицкихъ постановленіяхъ Казимира, правахъ Сербскаго Душана, Вацлава, и въ древнихъ обычаяхъ Чешскихъ, Моравскихъ и т. п.

Къ самымъ древнѣйшимъ постановленіямъ народовъ Славянскихъ причислялось, между прочимъ, весьма важное, именно, что Славянинъ плѣнный или невольникъ, въ чей бы то ни было власти находящійся, какъ скоро ступилъ на землю Славянскую, въ тоже мгновеніе дѣлался вольнымъ, и никто уже не имѣлъ права на его особу. Что касается иноземныхъ невольниковъ, то императоръ Маврикій тоже упоминаетъ о правѣ, дышащемъ не менѣе человечествомъ: „*Qui sunt in captivitate apud Sclavinos, non omni tempore, ut apud gentes alias, in servitute tenentur; sed certum eis definitur tempus, in arbitrio eorum relinquendo, si oblata mercede velint dein reverti ad suos, aut manere apud ipsos liberi et amici.*“ Подобныя постановленія касательно иноземцевъ, опредѣляющія время ихъ неволи и позволяющія имъ потомъ или возвратиться во свояси, или остаться и жить съ народомъ, который допускалъ ихъ къ дружбѣ, независимости и братскимъ правамъ, сдѣлали бы истинную честь образованнымъ Грекамъ и Римлянамъ (180).

Содержаніе старцевъ, дряхлыхъ и нищихъ было, по свидѣтельству

современныхъ писателей, первой обязанностию и общей добродѣтелью Славянъ; по этому въ странѣ ихъ не видали ни нищихъ, ни бродягъ. Хотя, единогласно приписываемое имъ, гостепріимство имѣло сильную поруку въ врожденномъ человеколюбіи народа, не смотря на то они не преминули утвердить еще оное особыми правами. Не упоминая о другихъ, приведемъ свидѣтельство Гальмольда, менѣе другихъ имъ доброжелательнаго. „*Всѣ Славяне,*“—говоритъ онъ, — какъ бы по врожденному чувству, принимаютъ всякаго путешественника съ такой готовностью, что никогда не нужно требовать у нихъ пристанища. Все, что у нихъ родится, что они поймаютъ, рыбу ли, дичь ли, все то они обращаютъ на угощеніе путешественника, и стараются въ оное превзойти одна другаго. Въ такомъ случаѣ, хотя бы хозяинъ и укралъ что нибудь у другаго для угощенія своего гостя, преступленіе почиталось маловажнымъ и грѣхъ простибельнымъ. Когда открывалось, что кто нибудь отдѣлался отъ путешественника, не принявъ и не угостивъ его, то всякому позволено было поджечь его домъ. Всѣ встрѣчали того ругательствомъ и единодушно называли безчестнымъ и подлецомъ, кто не дѣлился съ гостемъ.“ Такія же свидѣтельства оставили намъ о Славянахъ и древніе Греческіе писатели, единогласно утверждающіе что, хозяинъ, или тотъ, кто, съѣдая обычаю народному, добровольно брался проводить путешественника съ мѣста на мѣсто, отвѣчалъ за его безопасность и вредъ, ему нанесенный; что всякій сосѣдъ считалъ обязанностью своей позвать его къ отвѣту и мстить ему, если онъ сдѣлалъ какую обиду гостю. Это гостепріимство Славяне въ своей

(180) Procop. B. G. l. 3. Const. Perf. De imp. Mauric. Strat. l. 2.

странъ и въ своихъ жилищахъ распространяли не только на мирныхъ странниковъ, но даже и на самыхъ враговъ, съ которыми враждовали и вели войны (181).

Къ прекраснѣйшимъ правамъ и обычаямъ Славянскимъ, между прочимъ, должно причислить и то, что убийца выдаваемъ былъ головою ближайшимъ родственникамъ убитаго, которые, обязанные отмстить смерть его, или взаимно убивали виноватаго, или, при посредствѣ друзей, давали ему возможность умиловить себя. Преступленія, обыкновенно, наказывались побитіемъ камнями виновнаго; въ такомъ случаѣ всякій хозяинъ или глава семейства долженъ былъ явиться на мѣсто наказанія съ двумя камнями. Должникъ, не могшій заплатить своего долга, обязанъ былъ отдаться своему займодавцу и личной службой удовлетворить его (*).

Многоженство или наложничество не запрещалось у Славянъ, однако жъ, кажется, большая часть ихъ довольствовалась одной женой. По некоторымъ слухамъ можно догадываться, что бракосочетаніе съ женщинами чужестранными, даже съ княгинями и невольницами, не было противно обычаямъ Славянскимъ. Жюльенъ писателя св. Оттона рассказываетъ, что у некоторыхъ Поморскихъ поколѣній матери, воспитавъ

нѣсколько дочерей, убивали всѣхъ, послѣ родившихся. Тоже обыкновеніе господствовало и у Пруссовъ, ближайшихъ сосѣдей этихъ поколѣній. Похищеніе невесты изъ дому родителей и жалостные вопли ея при оставленіи родительскаго порога, было, по всему, обще всѣмъ народамъ Славянскимъ, потому что и теперь еще этотъ обычай въ свадебныхъ обрядахъ замѣчаемъ у всѣхъ Славянъ. Женъ своихъ они не стерегли и не запирали; напротивъ, онѣ имѣли полную свободу обращаться съ своими и чужими (182).

Современные писатели въ безпристрастныхъ своихъ отзывахъ, единогласно повторяли: „*Sclavi fidem integram semper conservant.*“ При заключеніи договора или мира, одно уже подаваніе правой руки непріятелю было достаточной порукой въ исполненіи обѣщаннаго; къ этому другіе присовокупляли еще клокъ волосъ, вырванныхъ изъ самой макушки своей головы, и пучекъ сорванной травы; третью въ семъ случаѣ бросали камень въ воду. Славяне рѣдко клялись богами, роцями и священными источниками. Принося клятву, они откладывали въ сторону всякое оружіе, вмѣстѣ съ доспѣхами, и съ открытой головой произносили: „Въ случаѣ вѣроломства, да лишитъ насъ Перунъ своего покровительства, и

(181) Maur. Stat. l. 2. Adam Brem. l. 2. Saxo Gr. l. 8. Helmold. l. 1 et 2. Script. v. 3. Ott. Warnefrid. l. 4. Engel. Gesch. Savv. §. 49.

(*) Такіе люди, всегда отличаемые отъ рабовъ, тѣснѣею властью и нуждой, добровольно отдавались въ временную записанность богатѣйшимъ за известную награду, а въ случаѣ долговъ или проступковъ осуждались къ личной выслугѣ. Prawda Ruska Rakow. T. 1 et 2. Czacki Stat. Litewski rozd. 12 art. 21.

(182) Несторъ. Stritt. T. 2. p. 72. Rakowiecki Prawda Rus. T. 1. p. 32. T. 2. p. 41. Andr. et Anonym. V. 3. Ott. l. 2. c. 12. Sefr. V. 3. Ott. c. 21, 23, 39. Marti Gall. ed Bandke p. 90 i 142. Ad. Olear. l. 3. c. 20. Sulzer-Walach. Dainburg. ap. Hartk. part. 3. c. 4. Praw. Rus. art. 1. Hartk. Privil. Pruss. Linhar. Gesch. v. Krain. Fortis Viag. in Daln. Aimon. De ge. Francor. l. 4. c. 9. Warnefr. Long. l. 4. c. 39. Strykowski Pruss. Gebhardi Morav. Engell. Dalm. Miehov. Sarm. l. 2. c. 3.

собственные щиты наши да не защитятъ насъ въ нуждѣ, и да будемъ мы изрублены своими мечами, а въ будущей жизни рабами!“ Въ знакъ утвержденія клятвы они выпивали поданный имъ кубокъ воды (183).

Славяне издревле принадлежали къ народамъ, постоянно осѣдлымъ и отличающимся отъ народовъ пастушескихъ и скитающихся. Сказанное Тацитомъ, о Венадахъ, ихъ предкахъ, именно, что они „domos fingunt,“ единогласно подтверждаютъ послѣ Прокопій, Горнандъ и другіе. Строеііе домовъ, привязывая людей къ мѣсту, ограничиваетъ ихъ скуднымъ пространствомъ принадлежащей имъ области, гдѣ они только воздѣлываніемъ земли могутъ удовлетворять потребностямъ своей жизни. Съ такою именно склонностью къ земледѣлію вышли народы Славянскіе изъ первобытныхъ своихъ жилищъ; и если нѣкоторые изъ нихъ, во время переселенія, занимались иногда оружіемъ, то это только для того, чтобы добыть пустую землю и обратить ее въ плодородную. Въ самомъ дѣлѣ, все у нихъ побуждало къ этому занятію: врожденная кротость характера и склонность къ свободной жизни могли найти удовлетвореніе себѣ въ одномъ только земледѣльческомъ званіи. Раздробленіе ихъ на мелкія и независимыя поколѣнія и демократическій образъ правленія подавали въ самомъ зародышѣ всякое желаніе оставить земледѣліе. „Solaveni in tuguriis sparsis habitant,“

(183) Helmold. l. 1. c. 85, 92. Script. r. Braunv. ap. Leibnitz. p. 272. Ditt. l. 1. c. 6. Несторъ, стр. 75. Rakow. Praw. Rus. T. 2. p. 9. Saxo Gr. l. 12. Const. De Adm. imp. c. 31. Petr. Albin. Chr. Tit. 11. Ignat. V. S. Nicephori ap. Naguszewsz T. 6. p. 180.

говоритъ Прокопій. Строеііе отдельныхъ жилищъ, гдѣ каждое семейство занималось своими трудами, было, во всѣхъ отношеніяхъ, удобно для земледѣлія и должествовало способствовать развитію онаго. Этотъ похвальный обычай до сихъ поръ сохранился у многихъ поколѣній Славянъ Задунайскихъ, гдѣ, подъ управленіемъ одного старѣйшины или старосты, нѣсколько семействъ, иногда числомъ до 20, живутъ вместе, въ одной отчинѣ, въ примѣрномъ порядкѣ, согласіи, совокупно трудятся, вместе кушаютъ и общими силами помогаютъ себѣ въ своихъ нуждахъ (184). (°)

Одна только эта склонность къ мирнымъ земледѣльческимъ занятіямъ, соединенная съ неуспыннымъ трудолюбіемъ, могла, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, спускать Славянамъ то общее уваженіе у чужихъ, что одни добровольно уступали имъ цѣлыя провинціи для заселенія и воздѣланія, а другіе подъ самыми выгодными условіями давали имъ у себя жилища. Современный Виткиндъ приписываетъ имъ, въ этомъ отношеніи, между прочимъ, слѣдующія преимущества: „Славяне тверды и неутомимы во всѣхъ трудахъ; въ нуждѣ они довольствуются малымъ, и то, что для Нѣмца тяжело, они исполняютъ легко и охотно!“ Есть извѣстія, что отъ земледѣльческихъ занятій, особливо

(184) Stritt. Ser. Byz. T. 2. Marcio. Strat. Procop. l. 3. Const. De imp. c. 30. Engel. Stat. v. Kroat.

(°) Поселянинъ, занимающій въ общей отчинѣ особенную хижину и находящійся въ зависимости отъ старосты или главнаго начальника размножившагося семейства, назывался холопомъ: chalnarik (поселянинъ) въ нашихъ деревняхъ до сихъ поръ напоминаетъ это различіе.

во время жатвы, не удаляясь и самыя богатыя Славянскія женщины (185).

Кромѣ мирныхъ земледѣльческихъ занятій, Славяне вездѣ оказывали особенную склонность къ торговлѣ: гость, купецъ, иностранецъ, были у нихъ священной особой. Во времена общаго невежества и варварства, вся сѣверная и западная Европа ими была надѣляема издѣльями и плодами Греціи, Азіи и т. д. Отсюда произошли у нихъ эти многочисленныя города, которые, съ незапамятныхъ временъ, славились своимъ многолюдствомъ, богатствомъ и промышленностью. Вся главнѣйшія города и мѣстечка существовали уже до введенія Христіанской вѣры въ Польшу, Поморье, Россіи, Чехіи и т. д. Въ первой половинѣ VIIго вѣка нѣкоторыя поколѣнія Славянъ достигли было, въ этомъ отношеніи, такой знаменитости, что Греки причисляли ихъ къ разряду народовъ образованныхъ, имѣющихъ науки и собственныя письмена (**). Мы имѣемъ

(185) *Wielichind. l. 2. Anon. v. 8. Ott. l. 2. c. 22. Engelhar. Kithagesch.*

(**) *Genes, quae litteras suas vocant! Scythae, Sarmatae etc.* „говоритъ Chronicon. Paschel. императора Иракліа. Кто бы хотѣлъ приписать ихъ къ собственнымъ Сиритамъ и Скивамъ, тотъ ошибся бы; ибо въ этомъ столѣтіи не было уже ни слѣда, ни воспоминанія о тахъ и о другихъ. Здѣсь всѣо говорится о современныхъ Сарматахъ за Днѣпромъ, и о Сямоухъ за древней Бастарніей, или за Днѣстромъ и Карпатами, гдѣ именно въ это время пребывали Славяне, которыхъ Греческіе писатели, какъ показано выше, называли Сарматами и Скивами. См. прим. 37. Славяне называли письмена *Bugwica* (Бухвица) или *Bégwiedza*, вѣроятно, потому, что въ религіозныхъ обрадахъ они, при повоши ея, объявляли волю и приказанія божескія.

несомнѣнныя извѣстія, что они, съ незапамятныхъ временъ, писали свои права на доскахъ. Въ сагахъ и древнихъ Сѣверныхъ преданіяхъ Ваны, то есть, Славяне, вообще считались образованными. Въ Ванатеймъ, или въ страну Вановъ, особенно Восточныхъ, Норманны выслали своихъ боговъ и славныхъ мужей учиться мудрости; отъ Вановъ же, какъ показано выше, они заимствовали нѣкоторыя божества и ихъ мифологию, также множество словъ, употребляя ихъ, какъ синонимы, волею своихъ собственныхъ (186).

Свидѣтельство Иорнанда о древнѣйшихъ Венедскихъ Славянахъ, что они „*paludes sylvasque pro civitatibus habent,*“ безъ сомнѣнія, должно разумѣть не о городахъ, но о городкахъ или укрѣпленныхъ мѣстахъ, гдѣ, обыкновенно, скрывались при вторженіяхъ непріятелей. О подобныхъ городкахъ у Британцевъ упоминаеть Цезарь: „*Oppidum vocant, quum sylvas impeditas vallo atque fossa muniverunt.*“ Мѣста, покрытыя лѣсомъ, окруженыя болотами, неприступныя и притомъ укрѣпленныя застѣками и окопами, обыкновенно, были избираемы древними народа-

(186) *Const. De imp. c. 9, 30, 51. Adem. Mem. l. 2. Dittm. l. 1. Helmold l. 1, 2. Saxo l. 14. Chronicon Pasch. par Du Fresne et du Cange p. 23. Capitul. ar. Beluz. T. 1. a. 805. Script. v. 8. Ott. Torph. H. Norv. parte 2. Snorro T. 1. p. 274. Herd. Ges. d. Mensch. Le Clero. H. Russ. sect. 7. Gebhar. Wend. Schlöz. Nörd. Ges. Rosprawa o Run. s. 122. Chalcocondil. p. 70. Карамзинъ. И. Г. Р. Edda Saemundar ed. Hafn. a. 1787. Mieschov. Sarm. l. 2. c. 3. Moehsen Ges. d. Wiss. §. 10. Bayer. Com. Petropol. T. 10. Rakowiecki Praw. Rus. T. 1. p. 121 и 238. et T. 2. p. 169. Mart. Gall. Kadlubek, Dlugosz, Карамзинъ И. Г. Р. Hajek. Kron. Cseska.*

ми, какъ для сохраненія, въ случаѣ нужды, имущества своего, такъ равно и для защиты (187).

Народъ, преданный земледелію и торговлѣ, не признающій никакой особенной власти, рассматривающій самъ слѣдствія всякаго своего предпріятія, обыкновенно, бываетъ неспособенъ къ войнамъ наступательнымъ, за то, напротивъ, въ защитѣ собственной свободы превосходить другихъ. Это положеніе оправдали собой и Славяне; ибо, начиная съ занятія ими постоянныхъ жилищъ до перемѣны первобытной религіи и правленія, мы мало найдемъ ихъ войнъ, которыхъ бы, не смотря на желаніе пристрастныхъ писателей скрыть истину, не лъзя было оправдать или необходимостью собственной защиты, или справедливой местию за причиненныя обиды (188). Въ этихъ войнахъ, видя ихъ геройскую твердость, сами непріятеля говорили, что „для защиты своихъ правъ и независимости Славяне охотно переносили нужду, голодъ и всѣ бѣдствія опустошительной войны; что женщины ихъ сражались наравнѣ съ прочими; что пленные и пойманные предпочитали терять головы, лишать себя жизни, или умирать въ самыхъ ужаснѣйшихъ мученіяхъ, нежели открыты непріятелямъ убежища своихъ собратій. А когда они видѣли, что неминуемо должны подпасть подъ чужое иго, тогда, не желая дожить до такой участи, цѣлыми толпами добровольно убивали другъ друга (189).“

(187) Jornand. R. G. c. 5. Caesar Com. 5. B. G.

(188) Vide Dittm. Ad. Brem. Helmöld. Saxo Gr. Witichind. Script. v. 3. Ott. Leib. R. Brunsv. Stritt. Script. Byz. T. 2. Avent. ad. Voj. Procop. B. G. Schlöz. Gatter. Gebhard. Engel, etc.

(189) Chalcocond. p. 19. Theop. l. 6. Cedren.

Отъ народа, который не искалъ своего счастья въ войнѣ, не лъзя было ожидать большей къ ней способности. Тацитъ, говоря о древнихъ Вандахъ, упомянулъ только, что они употребляли щитъ и довольно ловко сражались пѣшкомъ; но Прокопій присовокупляетъ: „*Slaveni et Antae dum pugnam invadunt, multi pedibus tendent in hostem, scutulorum spiculaque gestantes manibus. Loricam non induunt, quidam nec subuculam habent, nec pallium, sed cum femoralibus tantum ad virilia usque artus, hosti se offerunt ad ictum.*“ Славяне, вступая въ сраженіе съ малымъ щитомъ (*), короткими копьями, безъ доспѣховъ и, по большей части, пѣшкомъ, и некоторые даже только полунагіе, не могли быть страшными для тогдашнихъ народовъ, которые, обыкновенно, вели воинскую жизнь. Потому Jornандъ могъ утверждать, что они не были коротко знакомы съ оружіемъ, и только по причинѣ многочисленности ихъ нельзя было одолѣть ихъ. Въ послѣдствіи видимъ, что, кромѣ копій и мечей, они употребляли еще луки и стрѣлы, напитаанныя ядомъ, и почитались отличными стрѣлками и искусными въ метаніи дротиковъ (190).

Непривычку къ войнѣ и недостатку своего оружія Славяне замѣ-

T. 2. Witichind. l. 2. Saxo Gr. l. 14. Crantz. Vand. l. 5. c. 39.

(*) Щитъ Поляки называли *rawka*, копье *kopija* и *szilica*; послѣдняя была значки въ царствованіе Сигизмунда I-го. *Slacki* о прав. Т. 1. p. 125, 127. Dlugosz l. 11. § 259. Однако жъ, эти значки на копьяхъ употреблялись уже Славянами языческими, какъ это видно изъ жизни св. Оттона и изображенія божества Проше. Vide Helmöld.

(190) Procop. B. G. l. 3. Jornand. c. 23. Mauric. Strateg. l. 2. Constant. De imp. c.

или хитростью: по общему мнѣнію никто не могъ равняться съ ними въ средствахъ обмануть непріятеля; говорили, что они были страшны въ неожиданныхъ набѣгахъ, а въ ущельяхъ и крѣпостяхъ трудно было одолѣть ихъ. Они такъ искусно умѣли скрываться въ малѣйшемъ кустарникѣ травъ и подъ камнями, что на всякомъ шагѣ нужно было опасаться ихъ засады. Когда требовали того обстоятельства, не трудно было имъ совершенно погружаться въ воду, лежать въ ней по нѣскольку часовъ, дыша чрезъ трубку изъ тростника, а въ удобное время неожиданно нападать на непріятеля (191).

Въ случаѣ войны они избирали себѣ воеводу, который, съ обширной властью, правилъ всею силою народа. Военныя станы опы, обыкновенно, окружали повозками; лагерь до сихъ поръ напоминаетъ это обыкновеніе: иногда изъ копій дѣлали оборонительныя рогатки. Знакъ къ битвѣ подавали игрою на трубѣ, которая по мѣрѣ того, какъ сраженіе становилось упорнѣе, среди самаго ужаснаго крика сражающихся, болѣе и болѣе дѣлалась страшной. Ихъ военныя народныя знамена, называемыя стапцы или заставы, и хранимыя, какъ уже мы упомянули, въ храмѣ главнаго божества, во время походовъ были носимы впереди войска на длинныхъ древкахъ. Всякое поколѣніе имѣло свои особенныя знамена, на которыхъ, кажется, изображены были свойства и символы мѣстныхъ божествъ. Между Прильвицкими древностями находимъ нѣ-

сколько знаменъ съ изображеніемъ льва, также крокодила. Таковы же знамена Дако-Гетскіа (*). Знаменитая *стапца* Святовида Арконскаго походила на большое распущенное знамя съ изображеніемъ орла; какъ скоро оную выставляли, весь народъ, безъ исключенія, бросался къ оружію и спѣшилъ на битву (192). Когда послы Славянъ приближались къ непріятелю, съ требованіемъ мира или переговоровъ, тотчасъ разводили, въ виду его, огонь и ожидали пословъ со стороны непріятеля; а посольство къ хагану Аваровъ показываетъ, что въ этомъ случаѣ гусляри, то есть, барды ихъ, по обычаю Фракійцевъ, играли еще на лирахъ. Славяннѣ, терпѣливо переносившія всѣ раны, не легко могъ быть убитъ; когда онъ сдавался побѣжденный, обыкновенно, втыкала копье остриемъ въ землю, а мечъ свой клалъ посверхъ головы. Въ случаѣ пашествія непріятеля, Славяне имѣли обыкновеніе зарывать всѣ съѣстные припасы въ землю, а женъ, дѣтей, стариковъ и стада отсылали въ крѣпости или замки, въ лѣса и мѣста безопасныя (193).

Въ какой огромной силѣ отдѣльныя ихъ народы выступали на войну, привѣромъ тому можетъ служить намъ, между прочимъ, не слыхкомъ извѣстное поколѣніе Хорватовъ Задунайскихъ, которые, по свидѣтельству императора Константина, выставляли противъ непріятелей своихъ 100,000 пѣхоты и до 60,000 всадни-

(*) Крокодилъ былъ символомъ владычества на сушѣ и на морѣ.

(192) Theophylact. l. 6. Dittm. l. 1. Saxo Gr. l. 14. Mart. Gall. ed. Band. l. 3. c. 1.

(193) Saxo G. l. 14. Helmold. l. 1 et 2. Stritt. Scrip. Byz. T. 2. Strykowski Sarm. p. 82.

50. et excid. Tess. Prawda Ruska Rakow. T. 2. p. 9. Несторъ, стр. 75.

(191) Procop. l. 1. c. 27. et l. 3. c. 22. Maur. Strateg. l. 2. Stritt. Ser. Byz. T. 2. Warnefr. l. 4. c. 46. Helmold. l. 2. c. 13.

ковъ. Кромѣ того они сдержали на Адриатическомъ морѣ 40 вооруженныхъ судовъ, изъ которыхъ на каждомъ находилось по 100 человекъ. Зажиточные граждане, обыкновенно, выводили на войну по нѣсколько десятковъ конницы или пѣхоты, вооруженныхъ на ихъ собственный счетъ и составлявшихъ ихъ дружину (194).

Нѣкоторые писатели обвиняютъ Славянъ въ склонности къ возмущеніямъ и въ жестокомъ обращеніи съ непріятелями; но эти обвиненія пристрастны. Кто только безъ предубижденія внимательно прочтетъ исторію того времени, сейчасъ увидитъ, что непріятели Славянъ своимъ примѣромъ, несправедливостію и жестокостію сами навлекли на себя мщеше ихъ (195).

Славяне, кромѣ земли, не стараясь покорить себя ни одного чужаго народа: чужіе, покоряя ихъ и насильно налагая на нихъ свое иго, навязывая своимъ уставы и обычаи, разумѣется, не должны были жаловаться на ихъ безпокойство. Войны, которыя Славяне вели съ своими соседями, были, какъ мы уже сказали, по большей части, войны оборонительныя или по праву мести: въ войнахъ такого рода, обыкновенно, трудно удержать изступленіе и месть въ границахъ умѣренности. Не говоря о многихъ примѣрахъ безчеловѣчнаго обхожденія съ ними, особенно на Западѣ, довольно будетъ упомянуть, между прочимъ, что императоръ Генрихъ Птицеловъ содержалъ въ Межиборвѣ цѣлый легіонъ, составленный изъ самыхъ отчаянныхъ преступниковъ и мошенниковъ (fuges

et latrones clagos, говоритъ Виткицидъ), которыхъ подѣ тѣмъ только условіемъ освобождать отъ смертной казни, чтобы они безпрестанно и по собственному усмотрѣнію нападали на Славянъ-язычниковъ. Тотъ же Гельмольдъ, который обвиняетъ ихъ въ безпокойствѣ и мстительныхъ бунтахъ, не могъ умолчать о томъ, что не разъ онъ былъ тронутъ до глубины души, видя, какъ начальники несчастныхъ поколѣній Славянскихъ, которыхъ съ религіею называли чужіе нравы и обычаи, слезами рассказывали о наносимыхъ имъ обидахъ, и какъ смѣло говорили они Нѣмецкимъ герцогамъ: „Вы чтите вашего бога, а мы будемъ почитать васъ, если вы будете къ намъ справедливы. Вы желаете, чтобы мы строили церкви, давали священникамъ десятины, а между тѣмъ обременяете насъ податями и доводите до крайности. По этому намъ остается только бѣжать по морю и жить въ его пучинахъ. Но если мы тамъ займемъ разбоемъ, то вините не насъ, а тѣхъ, которые своими притѣсненіями изгоняютъ насъ изъ собственной нашей земли.“ Какое дѣйствіе производили такія жалобы ихъ? Приказавъ молчать жалобщикамъ, какъ богохульникамъ и сорванцамъ, Нѣмцы хладнокровно отвѣчали, что съ покоренными язычниками нельзя иначе поступать (196).

Если бы Гебгарди и ему подобные хотѣли въ исторіи Славянъ искать настоящей истины, то нашли бы ее сейчасъ въ примѣненіи слѣдующей простой притчи: Нахальные трутни ворвались въ ульи пчелъ и стали ѣсть имъ медъ; а какъ этъ кусали своихъ

(194) Const. De adm. Imp. c. 30. Script. v. 8. Oton.

(195) См. прил. 133.

(196) Const. De adm. Imp. c. 30. Helmold. l. 1. c. 23. et l. 2. Wiltichind l. 2. p. 16. Annal. Feld. Meesum. G. d. Wiss. §. 10.

грабителей, то потому сочли ихъ злыми и стали давить (*).

Послѣ этого краткаго отступленія, къ которому насъ привела одна любовь къ истинѣ и согласно убѣжденіе ученыхъ историковъ нашего времени, возвращаемся къ исчисленію остальныхъ чертъ древнихъ Славянъ. Было ли у нихъ обыкновеніе раскрашивать тѣло пятнами, мы не имѣемъ никакого свидѣтельства, ни слѣда. Ихъ одежда, какъ видно изъ выше приведеннаго показанія Прокопія, состояла изъ штановъ, кафтана или туники (*subucula*), заступающей теперешнюю рубаху, и изъ плаща или саги. Эта одежда донынѣ сохраняется нѣкоторыми племенами Славянскими; штаны ихъ, немного широкіе, доходятъ до лодыжекъ, а рубаха до половины колѣнъ; потомъ слѣдуютъ поясъ и верхняя одежда, которая или безъ рукавовъ и застегивается на одномъ плечѣ, или съ рукавами прикрѣпляется на груди и доходитъ до колѣнъ. Голову они покрывали шапкой, у однихъ низкой, у другихъ высокой остроконечной. Обувь ихъ состояла изъ куска звѣриной кожи, или изъ лыка, которая, покрывая стопы, прикрѣплялась тесьмой до самой икры. Вся эта одежда подходила болѣе всего къ Дакон-

Гетской; въ собраніи древностей Прильвицкихъ находится довольно похожая у Маша фиг. 62 и 63 (197).

Есть слѣды, что до XIV-го вѣка въ Польшѣ, обыкновенно, еще носили *tunicam et pallium*; когда употребленіе льняныхъ рубашекъ сдѣлалось общимъ, Славянскія рубахи, Римскія *thoraces*, Итальянскія *giurro-ne*, Испанскія и Французскія *juron*, Нѣмецкія *jurpe* или *jaure*, Поляки, какъ кажется, называли жупанами, на которыхъ, до принятія куптушевъ Татарскихъ, носили, до позднихъ временъ, саги, называя ихъ *Sajal*, *Gunia*, *Koc*; у Чеховъ *Karzno*, у Далматовъ *Kabanica*, короткія до колѣнъ, а у богатыхъ застегнутыя на плечахъ богатой пряжкой. Образецъ ихъ представляетъ верхняя одежда нашего простаго народа, называемая *Кеса* или *Кисока*. Во многихъ Славянскихъ странахъ мужики, по первобытному обычаю, носятъ до сихъ поръ рубахи на штанахъ. Древніе Славяне, обыкновенно, подстригивали бороду и усы, также волосы до зашейка; во время же траура или печали отпускали и тѣ, и другія (198). (**)

(197) Procop. B. G. l. 3. Cedren. T. 2. Cinnam. p. 222. Несторъ, стр. 99 и 112. Linhard, G. v. Krain.

(198) Statut. Vislic. c. 92. Dlugosz. l. 9. §. 1064. C. D. et l. 12. §. 859. O. D. Saxo Gr. l. 14. Mart. Gall. ed. Bandke, p. 39, 42, 107, 181. Cluver. Ger. l. 1. c. 16. Olear. Pers. l. 3. c. 5. Hanka Rukop. Kralod. ed. a. 1819. p. 4. Fortis Dalm. vol. 1. Schlöz. Litau. Anb. 3. B. §. 1. Sarnicki Ann. l. 2. c. 4. §. 398. Sagem ap. Knarski.

(**) По поводу переменъ древней одежды, такъ, въ свое время, жалуются Княловичъ (Hist. p. 350.): „Отъ сближенія съ Турками въралась роскошь къ Полякамъ; съ тѣхъ поръ они начали носить болѣе короткіе волосы (т. е., брить головы до хо-

(*) Безпристрастные историки давно уже оценили сочиненіе Гебгарда о народахъ Славянскихъ. Прочтя многія его погрѣшности и невѣжества, никто, однако-жъ, не можетъ простить ему того, что онъ вездѣ говоритъ о Славянахъ съ явнымъ пристрастіемъ, предубѣжденіемъ и ненавистью. Жаль, что г. Карамзинъ, избравъ его себѣ въ проводника и повѣряя ему на слово, важное и ученое свое сочиненіе „Исторію Государства Россійскаго,“ запятналъ, во многихъ мѣстахъ ложными его извѣстіями.

Мы не имѣемъ вѣрныхъ свидѣній, какая въ древности была одежда Славянскихъ женщинъ; кажется, что рубашки ихъ съ рукавами доходили до самыхъ лодыжекъ, и что на нихъ онѣ носили длинныя до колѣнъ фуфайки. Такую одежду находимъ, между прочимъ, всего явственнѣе у Потоцкаго въ собраніи древностей Прильвицкихъ, фиг. 105. Можемъ предполагать, что замужнія женщины покрывали голову чепцемъ или кускомъ полотна, иначе платкомъ, какъ показываютъ те фиг. 29 и 34 у Мапа, а дѣвочки ходили съ открытой головой и длинными волосами, заплетенными въ косы до самаго замужества. Этотъ обычай до сихъ поръ тщательно соблюдается народомъ Славянскимъ. Сверхъ того, женщины носили разныя украшенія изъ драгоценныхъ камней, золота, серебра, и т. д. (*) (199).

Замѣчанія и общія предположенія касательно происхожденія и преемства древнихъ обитателей Европы.

‘Опредѣляя древнія жилища Европейскихъ народовъ, мы замѣтили, что одни изъ нихъ, по своему положенію, были какъ бы господствующіе, другіе подвластные, третьи же пришельцы или переселенцы изъ другихъ частей свѣта. Господствующими почитались тѣ, которые, имѣя явный перевѣсъ надъ прочими и находясь въ непрерывныхъ связяхъ между собою, занимали огромныя и самыя выгодныя страны съ равнинами. Сюда принадлежали: Фракійцы, Кельты, Германцы, и народы Сквенскіе. Къ народамъ подвластнымъ принадлежали тѣ, которые, будучи раздроблены на мелкія толпы и загнаны въ укрѣпленныя и непреступныя мѣста, не представлявшія собой никакихъ выгодъ, жили среди господствующихъ, какъ бы въ осадѣ, и находились въ стѣсненномъ положеніи. Такими мы нашли у Фракійцевъ и Кельтовъ Бессовъ, Загорянъ, Коралловъ, Кровиковъ, Эпиротовъ, Иллирійцевъ, Вендовъ, Пеласговъ, Лигуровъ, Тусковъ, Иберовъ, Лузитанъ, Басковъ, Аквитанцевъ, Силуровъ, и т. д., а между Германцами и Сквенами: Озовъ, Готиновъ, Эстовъ, Венедовъ, Финновъ и Гелоновъ. Пришлыми были всѣ тѣ народы, которые жили вдоль морскихъ береговъ, начиная отъ Меотилы и Понта до Атлантическаго океана, и которые въ разныя времена пришли въ Европу изъ Азіи и Африки и заняли мѣста, удобныя для торговли, или богатыя рѣдкими произведеніями природы.

хля), а длиннѣе одѣяніе.“ Можно присокупить, что отъ Турокъ и Татаръ Польки переняли широкія штаны или шаравары, *kurty, kontuzze, kiereje* (сертукъ, махомъ подшитый), кафтаны, спацичи, богатые пояса, збрую, лагерную роскошь и т. д. На древнѣйшихъ надгробныхъ памятникахъ Польскихъ нигдѣ невидать бритыхъ головъ, ни кунтушей, куртъ, и т. д.

(*) Такъ называемыя *Dalmatyki*, завистнованныя у древнихъ Далматовъ, показываютъ, между прочимъ, что одежда Венедовъ Адриатическихъ значительно отличалась отъ одежды Прибалтійскихъ Венедовъ.

(199) Helmold. Slav. J. Potocki Voy. en Saxe Masch. Alt. Obotr. Fortis Dalm. V. 1.

Что Венеды Балтійскіе, не смотря на свою многочисленность, не принадлежали къ господствующимъ народамъ, доказательствомъ тому служить неудобное и требовавшее безпрестанной обороны положеніе ихъ жилищъ; а что они нѣкогда были изгнаны и разсыданы, о томъ можно догадываться по нѣкоторымъ слѣдамъ и древнимъ преданіямъ. Римскіе писатели, какъ уже было упомянуто, нашли еще въ четырехъ отдѣльныхъ странахъ Европы Венедовъ, которые вездѣ, отличаясь отъ сосѣднихъ обитателей, окружены были господствующими народами, и жили въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Какъ съ одной стороны, названія сихъ, отдаленныхъ другъ отъ друга, народовъ не могли быть случайно сходны, такъ, съ другой стороны, современные писатели, которые производили однихъ отъ другихъ и различали ихъ отъ ихъ сосѣдовъ, вѣроятно, основывались на извѣстныхъ свойствахъ, которыми эти народы явно отличались одинъ отъ другаго.

О Венедахъ Арморійскихъ, жившихъ въ окрестностяхъ нынѣшней Вандей, мы знаемъ только то, что жилища ихъ простирались до устья Лоары, и что всѣ прилежащіе острова, начиная отъ береговъ Аквитаніи, называемые Венедскими, принадлежали имъ. О Венедахъ Бельгійскихъ, сосѣдяхъ Мориновъ близъ пролива Кале, Цезарь, между прочимъ, рассказываетъ, „что они имѣли перевѣсъ на всѣхъ поморьяхъ этихъ странъ; корабли ихъ, которыхъ было множество, прочностью постройки своей и величиной значительно превосходили Римскіе; огромные паруса ихъ дѣлались изъ звѣриныхъ кожъ, а для якорей употребляли желѣзные цѣпи; что берега и

жилища ихъ были укрѣплены, и что вся торговля съ Британскими островами находилась въ ихъ рукахъ, и т. д.“ Тотъ же Цезарь, выставивъ противъ нихъ значительныя сухопутныя силы и 220 кораблей, послѣ долговременной борьбы, перерубявъ длинными косами паруса своихъ противниковъ, побѣдилъ наконецъ ихъ, а весь сенатъ и старшинъ велѣвъ умертвить, остальныхъ же жителей продать въ неволю. Главная ихъ пристань, которая, какъ можно догадываться, была вѣсть столицей народа, называлась Езерякъ (*). Объ этихъ Венедахъ Страбонъ оставилъ намъ слѣдующее извѣстіе: „Nos ego Venetos (ad oceanum Belgiae) existimo Venetiarum in Adriatico sinu esse autofos (nam fere omnes Gallii, qui in Italia sunt, ex transalpinis eo immigraverint, ut Boij, et Sennones) cum Paflagonis, quia illi quoque Veneti sive Veneti appellantur (200).“

Четвертый народъ Венетовъ, Венедовъ, Энетовъ, Генетовъ (столь различно называемый), уже при Геродотѣ, съ незапамятныхъ временъ, обиталъ при Адриатическомъ морѣ, гдѣ производя обширную торговлю, имѣлъ 50 значительныхъ городовъ. Къ его племени принадлежали, между прочимъ: Норики, Зальсы, Венны, Винделики, Истрійцы, Дауленцы, Далматы и Илирцы. Послѣдніе были сильно перемѣшаны съ Эпиротами, также

(*) Езеро, озеро, а слово собственно Славянское, и означаетъ море или великое собраніе водъ; отсюда езерякъ, помен appellativum, отъ озера, подобно какъ *Поллякъ* отъ *полей*, *горецъ*, *goral*, отъ *горы* и т. п.

(200) Caesar. B. G. Com. 3, 4 et 7. Strabo I. 4. Plin. I. 4. c. 16, 18, 19. Ptolem. I. 2. c. 9. Tacit. Ann. I. 11.

съ Кельтическими Скордисками и Боями (201). Жилища Венетовъ Адриатическихъ простирались вдоль моря съ прилежащими островами, начиная отъ Анконы до Эпира; отсюда шли они внутрь страны на сѣверъ и къ берегамъ Истра, а на западъ черезъ пынъшнюю Иллирію, Штирію, Хорутанію, Венеціанскія владѣнія, Тироль и Баварію до озера Брегенцкаго, гдѣ сходились съ жилищами Ретовъ и Гельветовъ. Этѣ страны вездѣ были удобны для обороны и гористы, исключая часть между Анконой и рѣкой По, гдѣ, по причинѣ многихъ болотъ, Венеды, подобно какъ въ Египтѣ (говорить Страбонъ), провели множество каналовъ, которые много способствовали приведенію земледѣлія ихъ въ цвѣтущее состояніе (202).

Этихъ Венедовъ одни производили отъ Мидянъ, другіе отъ Палагонянъ, третьи изъ Галліи; но всѣ, съ Полюбіемъ, соглашались въ томъ, „что *Veneti gens vetustissima in Italia, et alia a Gallis utentes lingua...*“ Во времена Ромула ихъ голубой цвѣтъ уже былъ въ славѣ всюду; обь отличной породѣ лошадей и лошаковъ Венедскихъ упоминаетъ еще Гомеръ. Языкъ ихъ, по мнѣнію Плинія, былъ труденъ для выговора Римлянъ. Въ маломъ числѣ словъ и названій, дошедшихъ до насъ, не смотря на обыкновенныя переименаченія, видны, по большей части, свойства значеніе Славянскія. Города

и ихъ: *Belazog, Slana, Korinium, Kurkum, Olchinium, Lesinum, Pola, Ravenna, Jadera, Bregentium*; узды или селенія: Венновъ, Вмиделиковъ, Далматовъ, Дауленцевъ, Озерятовъ, Истрийцевъ, Латовитовъ, Варцяновъ, Ликавцевъ, Медваковъ, Стлупиновъ, Саласовъ, Карниевъ, Горитовъ, Севаковъ, Нориковъ; рѣки: Сава, Драва¹, Тимава, Нарона, Лехъ, Изера, Плавія; горы, отдѣляющія Далматовъ отъ Панноновъ: Бебюнъ, Горюнъ, и т. д., безъ дальнѣйшаго размышленія всякій Славянинъ признаетъ за слова или передѣлки своего языка и большей частью укажетъ ихъ источникъ и значеніе. Плиній, описывая растеніе *halus*, присовокупляетъ, что его Адриатическіе Венеды называли по своему *colomas*: у Славянъ доннынъ оно называется котовкой (203).

Имя столь убѣдительно указанія и помня, что Адриатическіе Венеды не были ни Фракіяцами, ни Кельтами, ни Германцами, ни Скиѣами, ни Эпиротами, ни природными Италами, можно смѣло заключать, что они были тѣ же самые Венеды, что Балтійскіе и другіе; что при одинаковомъ имени, всѣ происходили отъ одного племени, и что значительная часть ихъ, насильно отрѣзанная отъ прочихъ, была загнана глубоко на Сѣверъ. Этого изгнагнія Венедовъ нельзя отвергать, потому что, какъ Венеды Бельгійскіе, Арморійскіе и Адриатическіе жили среди народовъ

(201) Herod. l. 1 et 5. Strabo l. 4, 5 et 7. Livius l. 5. Plin. l. 57. c. 3. Polyb. l. 5. Appian. Illyr.

(202) Liv. l. 1. Strabo l. 4, 5, 7. Poyb. l. 5. Herodian. l. 6. Appian. Illyr. Jornand. V. G. c. 29, 42.

(203) Homer. ll. 2. v. 852. Herod. l. 5. Curt. l. 3. Strabo l. 4, 5, 7, 12. Tacit. Ann. l. 2. Eutrop. l. 7. Liv. l. 1 et 44. Polyb. l. 5. Plin. l. 3, 6, 26. Appian. Illyr. Dio Halicar. l. 1. Petr. Katanac. De Istro, Acta Jablonov. T. 2, 3, 4, 5.

Кельтскихъ, такъ и Балгійскіе сохранили тоже несомнѣнные слѣды подобнаго соседства. Въ языкъ и религіи ихъ мы находимъ очевидные и многочисленныя остатки сродства съ языками и религіей народовъ, указывающіе на южныхъ, во гораадо менѣе съ языками и религіей Сѣверныхъ, хотя между ними Венеды прожили не менѣе 1000 лѣтъ (*).

Къ разряду народовъ утѣсненыхъ принадлежалъ также и народъ

Эстовъ, называемыхъ поствъ Гитонами, Прусами, Леттами, и т. п. Никто еще не объяснилъ намъ удовлетворительно ихъ племени и происхожденія. Тацитъ по правамъ и обычаямъ отнесъ ихъ къ Германскимъ Слэвамъ, а по языку къ Британскимъ Кельтамъ; другіе прямо причисляли ихъ къ народамъ Кельтическимъ, а всѣ прочіе отличали ихъ отъ Венедовъ и сосѣднихъ имъ народовъ. По свидѣтельству Адама Бременскаго »Prussi были homines

(*) Всякій знатокъ древнихъ, Греческаго и Латвискаго языковъ, замѣчаетъ въ нихъ множество первообразныхъ и коренныхъ словъ, означающихъ предметы первой необходимости, очевидно общія съ Славянами. Приведемъ здѣсь, для примѣра, нѣкоторые: емь, жию, люблю, прошу, емъ, пью, дѣю, вижу, пишу, пою, сплю, дремлю, вращу, расту, пеку, тычу, возвращаю, вижу, болюю, тоскую, вѣваю, мертвѣю, витаю, плету, кривлю, побѣждаю, плачу, дму, сѣчу, тру, вращу, скриплю, шову, скреблю, бляжу, мѣшаю, сушу, лежу, сѣваю, орю, сыплю, вѣваю, молочу, долю, мѣлю, стѣю, топлю, мокну, пляшу, полию, осу, рычу, вращу, сну, кривю, кую, шью, купую, сычу, нѣрю, вяжу, горю, вѣю, мать, сестра, братъ, жена, мужъ, вдова, свекровь, баба, дѣва, мой, твой, нашъ, вашъ, свой, свѣтъ, око, носъ, уста, кость, ость, борода, плечо, вода, донь, ночь, вечеръ, сонъ, гора, чело, саюна, персть, легкія, кровь, кожа, селезенка, пѣна, разумъ, мысль, воля, ния, земля, огонь, нѣтъ, небо, зима, солнце, мѣсяць, свѣтъ, градъ, болото, роса, громъ, поломя, вещь, покой, гора, обычай, верхъ, ровъ, колесо, серпъ, кругъ, яма, дыра, укусъ, пиво, молоко, медъ, хижина, жито, сито, пакъ, огурецъ, лукъ, имена числительныя, и т. п. См. *Linde Slov. Polsk. G. Klap. ski Thea. Lat. gr.*

Въ языкъ Кельтскихъ народовъ, вѣроятно, было много словъ, сходныхъ съ Славянскими, потому что въ скудныхъ остаткахъ языка Кельтскаго, дошедшихъ до насъ, находимъ не мало такихъ словъ, которыя не сохранились ни въ Грече-

скомъ, ни въ Латвискомъ, ни, въ пронашедшихъ отъ нихъ, Итальянскомъ, Французскомъ и другихъ, содержащихъ до сихъ поръ множество словъ Славянскихъ. Въ древнемъ Кельтскомъ яз. встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдъ *jes* языкъ, *aba* губа, *glin* козлю, голенъ, *bru* брюхо, *krui* кровь, *geon* разумъ, *son* сонъ, *tsil* сыла, *liwi* ливинный, *bran*, *brana* брань, *kurte* короткій, *geza* рвать, *reak* рѣка, *darow* дерево, *bikon* быкъ, *keark* курица, *gus* гусь, *giarok* градъ, *bilisa* былица, *belen* бѣлый, *hop*, *oig*, *po* подъ, на на, *oi* въ (praepositio), и т. п. *J. Petroski Hist. Prim.*

Слѣды подобнаго сродства языка Славянскаго съ древнимъ Греческимъ находятъ еще у вышедшихъ Альбандевъ, которые, въ непреступныхъ своихъ горахъ, суть, безъ сомнѣнія, истинные потомки древнихъ Эпиротовъ, соудей старыхъ Илировъ. У нихъ до сихъ поръ: *peranti* быкъ перунъ, *pakki*, покой, *kalubi* халупа, *phaggil* уголь, *miekula* мгла, *kiuc* ключъ, *besrog*, *postzegam* (привѣчно), *koska* кость, *sumpul* изрулъ, *plucha* гной, *ciuba* дѣва, *trup* трупу, *derres* держать, *miss* мясо, *mpelte* болото, *ardk* волкъ, *zelm* жалъ, скорбь, *ku* когъ, *skok* скаканю, *pi* пью, *paghaca* богатство, *szarke* шапка, *skiwre* шкура, кожа, *ciar*, цаль, *kozela*, *szerek*, *szery*, щитъ, *penion*, нужу, *hsenes* *krieszyc* (мѣсяць), *ziar*, жаръ, огонь, *hump* гублю, *dorog* дарю, *timar* зимъ, *piek*, пеку, *chole*, голый, бѣдный, *pliest* *pchla*, блоха, *konha* жена, и т. п. *A. Thurnm. Oestl. Vol. Albom.*

caerulei, facie rubicunda et crinitis; позднѣйшіе писатели называли ихъ до XIV-го вѣка Гетами (204).

По всемъ этимъ свидѣтельствамъ можно догадываться, что Эсты не принадлежали ни къ одному изъ соседственныхъ имъ народовъ, и что они пришли въ тѣ страны, вѣроятно, съ юга. Это мнѣніе сильно подкрѣпляютъ остатки древняго языка Эстовъ, который, прилежно рассмотрѣнный въ наше время многими учеными, показываетъ, что въ его составѣ сохранилось множество слѣдовъ близкаго некогда соседства и долговременнаго общенія Эстовъ съ древними обитателями Греціи и Италіи. Будучи частью составленъ изъ языковъ Латинскаго, Греческаго и Готскаго, а частью изъ первобытнаго языка Славянъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ намъ, что мало заимствовалъ отъ Балтійскихъ Славянъ, и что уже во всемъ своемъ устройствѣ и особенностяхъ былъ перенесенъ на Сѣверъ (205). (*)

Эсты съ незапамятныхъ временъ прибыли къ Ятарнымъ берегамъ, гдѣ, окруженные множествомъ озеръ, безпрерывныхъ лѣсовъ и болотъ, жили спокойно въ продолженіе всѣхъ бурь, потрясавшихъ потомъ Европу. Только послѣ послѣднихъ переселеній Славянъ, часть этого народа удалась на

востокъ, въ глубину низинной Литвы, и тамъ, во многихъ мѣстахъ, смѣшалась съ Литовцами. Религію и обычаи Эстовъ довольно основательно описалъ Гарткнохъ, съ показаніемъ источниковъ, которыми онъ пользовался (206).

Мы уже вообще замѣтили, что утѣсненные народы отличались отъ господствующихъ; однако жъ она не были одного съ ними племени, потому что явственно отличались отъ нихъ своими природными свойствами. Главный народъ Иберскій Лигуры, Туски, Баски, Аквитанцы и Силуры, принадлежали къ черно; Венеды къ темно; а Феппы къ желто-волосымъ обитателямъ Европы. Судя по небольшому, но дородному тѣлосложенію однихъ, а слабому и безобразному другимъ поколѣній, коихъ бѣдные остатки донинѣ живутъ въ Пиренеяхъ, Альпахъ и горахъ Британіи, Шотландіи и Скаддинавіи, и, отличаясь отъ другихъ, съ давняго времени тамъ поселившихся, черноволосыхъ племенъ, похожи на Лапонцевъ, слѣдуетъ заключить, что древнѣйшіе черноволосые обитатели Европы разпались на два отдѣльных племени: красивое Иберійское, и небольшое, но дородное, Лапонское (207).

Племена, нравы и обычаи жителей Европы, вѣроятно, также были различны, какъ и самое происхожденіе ихъ: вообще, смуглая кожа, черные глаза и волоса и средній ростъ, также преобладали у нихъ, какъ у Азіатцевъ и Африканцевъ, отъ которыхъ они отдѣлились.

(204) Tacit Germ. et Agricol. Dionys. Perieg. Plin. l. 6. c. 12. Schönig. Alt. geogr. Adam. Br. De sit. Dan. Mart. Gall. ed. Bandtke, p. 16. Kadlub l. 4. c. 13. Chalcozod. p. 14. Thunm. Nörd. Volk.

(205) X. Bohusz o języku Litew. Roczn. Tomarz P. N. Tom 6. Schlö. Nörd. Gesch. Thunm. Nord. Volk. I. A. Vater. Spr. d. Preus.

(*) Достойно замѣчанія, что какъ Римляне до Маріа, такъ и Эсты, по свидѣтельству Тацита, нивали на своихъ народныхъ знаменахъ дикаго вепря.

(206) Hartk. Diss. et priv. Prus. Dulsburg. Chr. Prus. Michalo Lit. resp. Pol. Licki. De diis. Samog. Epist. Melet. Kojalow.

(207) См. прим. 7 и 68. Jorgand. A. G. c. 2. Pinkert. 60yt. part. 1.

Познакомившись, такимъ образомъ, съ древними обитателями Европы и разсмотрѣвъ положеніе ихъ жилищъ, мы можемъ окончить наши изслѣдованія слѣдующими общими выводами: въ послѣдніа до Христіанскія времена народы русоволосые вездѣ были здѣсь господствующими, а черно- и темноволосые имъ подвластными, или переселенцами. А какъ народы подчиненные, какъ слабѣйшіе, не могли вторгаться и селиться среди сильнѣйшихъ, и какъ укрѣпленныя мѣста, которыми владѣли, могли быть ими заняты только въ раннѣйшее къ нимъ прибытіе, то отсюда заключаемъ, что народы черно- и темноволосые были гораздо древнѣйшими обитателями этой части свѣта, нежели русоволосые.

Ни въ одномъ преданіи не упоминается, когда и какимъ образомъ произошло это народонаселеніе. Греки, для которыхъ Троянская война была столпомъ Вавилонскимъ, какъ все вообще производили отъ нея, такъ равно и изъ послѣдствій ея хотѣли заселить великую часть Европы. То, что намъ намъ рассказывали о вторженіи въ Азію Скифовъ, Амазоновъ и Сарматовъ, изгнаніи Неласговъ и Киммеріянъ, и странствованіяхъ Энея, Антенора и другихъ, ничуть не объясняетъ нашихъ сомнѣній. А потому, желая изслѣдовать происхожденіе и, съ возможнымъ привдоподобіемъ, опредѣлить порядокъ, въ какомъ появились жители этой части свѣта, намъ не остается ничего болѣе, какъ только прилежно разсмотрѣть природныя свойства и жилища ихъ, и за свѣтомъ этихъ лучей пустаться въ доисторическую древность.

Слѣдуя за этими указателями, должно заключить, что племя черно-

волосое, похожее на Лапонцевъ, первое поселилось въ Европѣ, потому что, будучи, по природѣ своей, слабѣйшимъ, оно вездѣ обитало малочисленными толпами среди сильнѣйшихъ племенъ, и вездѣ, начиная отъ Лапоніи до Пиренеевъ и Корсики, занимало самыя крѣпкія и наименѣе выгодныя мѣста.

Позднѣе, но также въ незапамятное время, прибыло другое, болѣе красивое, черноволосое племя, которое, занявъ всѣ южныя страны Европы до самаго Атлантическаго океана, тамошнихъ древнѣйшихъ обитателей частью истребило, частью же загнало въ неприступныя горы. Этотъ народъ, вѣроятно, вышелъ изъ Азіатской Иберіи, находившейся на югъ отъ Понта, потому что тоже самое имя онъ перенесъ на новыя свои жилища. Вся та часть Европы, которая, въ послѣдствіи, составляла Кельтію, долгое время называлась у древнихъ Иберіей. Нѣкоторые народы въ Испаніи, Галліи и Гиберніи до конца своего существованія назывались Иберами; прочіе же Лузитанцами, Турдетанами, Аквитанцами, Лигурами, и т. д. (208).

Кажется, въ ту же самую эпоху послѣ Иберовъ вторглось въ Европу темноволосое племя Венедовъ; первобытныя ихъ жилища назначали Гомеръ и другіе въ Пафлагоніи, близъ Арменскихъ горъ, и въ Мидіи (209). Будучи издрев-

(208) Aristot. De mund. c. 3. et Meteor. l. 1. Avien or. Mar. Scyl. Periplus. l. 3. Strabo l. 1. c. 3, 4, 7, 11. Plin. l. 3, 57. Diod. l. 5. Joseph. Ant. Jud. Liv. l. 1, 5. Clav. Ger. l. 1. Pinkert. d. Scyt.

(209) Hom. Ill. 2. Herod. l. 5. Strabo l. 1. c. 5, 11, 12.

ле близкими соседями Азіатскихъ Иберовъ, Венеды могли имѣть съ ними много общаго касательно языка, религіи и обычаевъ; даже вѣроятно, что первые своимъ примѣромъ и переселеніемъ чрезъ Гелле-спонтъ и Фракію привлекли въ Европу послѣднихъ. А такъ какъ тѣ завладѣли выгоднѣйшими южными странами, то потому, слѣдовавшіе за ними, принуждены были обратиться къ Северу, откуда они, распространяя свои жилища, со временемъ, подвинулись, съ одной стороны, отъ Янтарнаго моря, чрезъ Рейнъ, къ Арморикъ и Атлантическому океану, а съ другой къ Италіи и Гельветскимъ Альпамъ. Вѣроятно, Венеды ранѣе Иберовъ были въ Бельгію и Арморикъ, потому что Римляне нашли тамъ первыхъ, какъ бы осажденными среди послѣднихъ.

Въ такомъ состояніи, которое могло продолжаться много вѣковъ, застало ихъ племя русоволосое, вторгнувшись въ эти страны. Первобытными жилищами сего племени были Кавказскія горы и северозападная страна Каспійскаго моря, откуда оно, съ незапамятнаго времени, нападало на Азію и, наконецъ, разсыялось по всей Европѣ (210). Первый народъ этого племени подъ именемъ Кельтовъ, идя, по видимому, вдоль Дуная, чрезъ южную часть лѣсовъ Гирцинскихъ, прибылъ въ Галлію, откуда, укрупнившись, со временемъ, перешелъ за Пиренеи и на острова Британіи, а ок. 550 г. до Христіанства одна часть его, подъ предводительствомъ Белловеса, пе-

реправилась за Альпы въ Италію и тамъ поселилась, другая же, подъ начальствомъ Сеговеса, овладѣла Панноніей и землями за лѣсомъ Гирцинскимъ до самаго Севернаго моря. Въ послѣдствіи видимъ подобныя странствованія народовъ Кельтскихъ въ восточныя страны, одни подъ предводительствомъ Пруса, а другія Бренновъ. Эти движенія, вѣроятно, прервали связь Вендовъ Балтійскихъ съ Адриатическими и заставили удалиться южныхъ жителей за цѣпь Карпатскихъ горъ до самыхъ янтарныхъ береговъ, которые въ то время считались источниками богатства (211) (*).

(211) Herod. l. 4. Liv. l. 5. Justin. l. 24. Plutar. ad March. et Camil. Diod. l. 2. c. 11 et l. 5. Strab. l. 4, 11, 12. Plin. l. 6. c. 12. Avien. or Mar. J. Potocki H. prim. Dionys. Perieget ap. Orog.

(*) Такъ какъ о движеніяхъ и судьбѣ похода Пруса намъ не осталось никакого извѣстія, то потому можно догадываться, что этотъ вождь, идя по слазамъ Сеговеса, привлекъ жителей Кельтій къ янтарнымъ берегамъ Балтійскаго моря; и что по имени его они назывались Прусамъ. Въ подтвержденіе такого мнѣнія можетъ служить, между прочимъ, то, что Плиній имѣлъ вѣрное извѣстіе о языко-то Кельтическомъ мысѣ въ той сторонѣ Балтійскаго моря, и что названіе рѣки Дрвенцы (у Страбона *Druentia*), текущей изъ Альпъ въ Рону, было перенесено, въ неизскаженномъ своемъ видѣ, на рѣку, впадающую въ Вислу близъ Торуня, которая издревле и теперь составляетъ границу Пруссовъ. Въ Альпахъ источники ея примыкали къ границамъ Веведскаго поколѣнія, Салазовъ (Strabo l. 4.). При этомъ должно замѣтить, что, кто бы хотѣлъ Пруссовъ и Гетовъ производить отъ Гетовъ, Даковъ или Фракійцевъ, тотъ можетъ также удобно объяснять себѣ разительное средство языка [ихъ съ Греческимъ, Латинскимъ и Славянскимъ] оттуда, какъ и производя ихъ изъ родни Кельтовъ. Извѣст-

(210) Herod. l. 1. 4. Justin. l. 2. Strabo l. 7, 11. Plin. l. 4, 6. Arrian. Alex. M. l. 1 et 2. Mela l. 1, 2. Diod. l. 2.

Хотя почти половина Европы, заселенная Кельтами, называлась, по имени ихъ, Кельтійей и Кельтибаріей, видно, однако жъ, что перемѣсь была неполнѣ на сторонѣ этого народа, потому что вездѣ въ соседствѣ съ нимъ держались разныя поколѣнія Иберовъ и Венедовъ. Такое смѣшеніе Кельтовъ съ другими народами должно было непременно произвести то, что они, утрачивая, болѣею частью, первоначальныя обычаи, религію и языкъ свой, во всемъ этомъ сблизились съ древнѣйшими обитателями завоеванной ими земли.

Послѣ Кельтовъ другіе русоволосое племя Тевтоновъ, названное послѣ Германцами, вторглось (держась Карпатскаго хребта и Судет-

скихъ горъ) въ северовосточную часть Европы и, нашедши тамъ Венедовъ, равно какъ и переселенцевъ изъ Кельтін, однихъ истребило, другихъ прогнало, а прочіихъ совершенно отдѣлило отъ остальныхъ. Съ этого времени большая часть Европы называлась Скиніей и Кельтоскиніей (212). Большая часть Венедовъ, уцѣлѣвши въ это нашествіе, удалилась за непроходимыя лѣса и болота Припетскія, тѣсня передъ собой желтоволосый народъ Финновъ, другіе прикнули къ горамъ Карпатскимъ, а остальные, отгнанные за Рейномъ отъ сводкъ обратій, вмѣстѣ съ Арморійскими Венетами, подпали владычеству Римлянъ и имѣли общую участь со всеми народами, тамъ обитавшими.

Нѣкоторые Кельтскія поселенія, основанныя, по видимому, во время походовъ Сагоновъ и Пруса, и германскими, можетъ быть, съ Венедскими поколѣніями, какъ звали разорившей цѣпи, вострававшей отъ Боевъ и Панноновъ вдоль Вислы до самаго Балтійскаго моря, постоянно держались среди Германцевъ и Венедовъ, одни подъ именемъ Озовъ и Губиновъ, вблизи истоковъ Одры и Вислы, а другіе, подъ именемъ Эстовъ, у Янтарныхъ береговъ (213) (*).

Въ этомъ разсвѣтѣ народовъ Кельтскихъ и Венедскихъ особенное вниманіе заслуживаетъ то обстоятельство, что Бонкакъ въ Галліи, такъ и въ Италіи и на Дунаѣ, вездѣ были соседями Венедовъ. Кто знаетъ, не были ль они

— и; кто два первые плем были разлучены между собой, но; завоевателям, удаляющимся, Венедскій происходилъ отъ одного съ ними языка корня. Къ этому должно присовокупить, что, какъ между Кельтами, такъ и между Фракійцами, жили многочисленныя поколѣнія Венедовъ, которыхъ языкъ, вѣроятно, значительно сдѣлался съ языкомъ такъ и другіихъ, Наконедъ, но; неслучаясь на названія Эстраъ, Геттоновъ или Гетовъ, то, кажется, какъ одно, такъ и другое, не было ихъ собственностью, потому что не только сами они не употребляли ни одного изъ нихъ, но даже считали омы общими для себя. Вѣроятно названіе Эстовъ, т. е., Восточныхъ, получили они отъ соседнихъ Германцевъ, а нѣкоторые географы, следуя Павію (писавшему по слышкѣ) неосмотрительно перевели имя Гетовъ съ лѣваго помы Вислы на правое. Даже возможно, что и соседніе Готы иногда нападали на самые янтарные берега на востокъ отъ Вислы; однако жъ нашествія ихъ не успѣли истребить тамъ собственныя Прусовъ и Летовъ, которые, распавшая на разныя мелкія поколѣнія и отдѣльныя республики, пережили многія столтія.

Кн. I Отд. IV.

У

(212) Xenoph. Mem. 2. Strabo l. 4 et 11. Plin. l. 4. Mela l. 3. Plutar. ad Mar.

(213) Tacit. Germ. Strabo l. 4, 7. Dionys. Perieg. ap. Orog. Plin. l. 6. c. 12.

(*) Кто знаетъ, не принадлежали ли и Бургунды, жившіе при Вислѣ, вмѣстѣ съ Лигіями, къ Кельтскимъ поселеніямъ?

одного съ ими происхожденія, подобно многимъ другимъ народамъ, которыхъ современные писатели, зная ихъ только по имени, часто смѣшивали съ Фракійцами, Кельтами, Иберами, и т. п.? Особенно это можно сказать объ Аквитанцахъ и некоторыхъ Бельгійскихъ народахъ (214).

Кромѣ этихъ главныхъ перемѣнъ, постигнувшихъ древнихъ обитателей Европы, происшедшихъ въ странахъ юговосточныхъ, не менѣе были замѣчательны. Древнѣйшія преданія упоминаютъ тамъ о владычествахъ Пеласговъ, отъ Пелопоннеса и Фракіи до самой Италіи; о бѣгствѣ Киммеріянъ, войнахъ съ Титанами, вторженіи Кельтовъ, и т. п. Когда все это прошло, оказалось, что въ позднѣйшее время во Фракіи владѣли два разные народа, то есть, господствующій, русоволосый, и, рядомъ съ нимъ, изгнанный имъ съ прежнихъ жилищъ, темноволосый; а въ состояніи осажденныхъ, кромѣ Пе-

ласговъ, нашли еще Лелеговъ и Эпиротовъ (215). Отсюда слѣдуетъ заключать, что послѣдніе были гораздо древнѣйшими обитателями этихъ земель, нежели первые; что часть темноволосаго племени, вѣроятно, пробралась въ западныя страны Европы, поселилась въ соседствѣ ихъ, и что, въ послѣдствіи, преслѣдуя Киммеріянъ, или же, наконецъ, въ другомъ какомъ-нибудь движеніи, ворвалось туда племя русоволосое, которое, какъ могущественнѣе всѣхъ прочихъ, однихъ осадило, а другихъ изгнало. Такимъ образомъ, господствующіе въ то время Фракіицы распались, подъ общими названіями, на Фракіицевъ Гетскихъ, которые, по всему вѣроятію, равно и мнѣнію многихъ писателей, были племени Скиѣскаго, и на Фракіицевъ Крошкевъ и Коралловъ или Гораловъ, занимавшихъ Гемъ до самаго Понта, и принадлежавшихъ, по своепроисхожденію изъ Мидіи, къ племени Венедскому.

(214) Caesar. l. 7. Strabo l. 4, 5. Plin. l. 4 c. 18.

(215) Strabo l. 1, 5. 12, 13. Plin. l. 3. Dion. Halicar. ep. Roisike T. I. p. 29. Hesiod. Theog. Feliaen Strateg. 7. Herod. l. 1.

IV.

СМѢСЬ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНИЕ

О

ПАЦЕНАГАХЪ ИЛИ ПЕЧЕНЪГАХЪ,

Соч. Петра Фридриха Сула,

КАММЕРГЕРА И КОРОЛЕВСКО - ДАТСКАГО ИСТОРИОГРАФА.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1840.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Петръ Фридрихъ Сумъ былъ однимъ изъ первыхъ историческихъ изслѣдователей въ свое время. Онъ провелъ всю свою жизнь въ изученіи того, что случилось достопримѣчательнаго въ человѣческомъ родѣ. Начитанность его была достойна удивленія. Ему были извѣстны всѣ историческіе классики Греціи и Рима, писатели Восточные, равно вся историческая литтература среднихъ вѣковъ и современная, словомъ, все, что только было доступно ему, по его знанію языковъ. Въ книгахъ не имѣлъ онъ недостатка, потому что самъ, какъ человѣкъ богатый, имѣлъ превосходную географическую, этнографическую и историческую бібліотеку, разрозненную, по смерти его, чрезъ продажу съ публичнаго торгу. Почему не осталось почти ничего, написаннаго до него по части Исторіи, чего бы онъ не прочиталъ со всѣмъ вниманіемъ и чѣмъ бы не воспользовался, гдѣ было нужно. Проницательный разумъ его легко отличалъ ложь отъ истины въ историческихъ изслѣдованіяхъ, и поставилъ его въ число отличныхъ историческихъ критиковъ своего времени. Критическая Исторія Даніи, написанная имъ, какъ произведеніе образцовое, давно уже извѣстна ученому свѣту. Историческія Разуужденія его, объясняющія происхожденіе народовъ, населявшихъ въ средніе вѣки Польшу, Россію и страны между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, также нынѣшнюю Европейскую Турцію на сѣверъ отъ Дуная, хотя достойны всякаго уваженія ученыхъ, занимающихся древностями Россіи, особенно по обилію источниковъ и полнотѣ обзора, но они, кажется, извѣстны у насъ только по

IV

одному имени *. По крайней мѣрѣ, мнѣ не случилось видѣть, чтобы кто нибудь изъ нашихъ Археологовъ пользовался ими. Теперь, когда все, касающееся до Исторіи Россіи, собирается вмѣстѣ и издается въ свѣтъ, я поставилъ себя въ обязанность перевести съ Датскаго языка на Россійскій и Историческія Разсужденія Сума, и сдѣлать ихъ доступными каждому. Я совершенно увѣренъ, что этотъ переводъ облегчитъ во многихъ случаяхъ, труды занимающихся древнею Исторіею Россіи. Слогъ въ означенныхъ Разсужденіяхъ Сума, какъ почти обыкновенно случается въ сочиненіяхъ, гдѣ много цитовокъ, не хорошъ; но здѣсь дѣло не въ слогѣ, а въ сущности повѣствованія.

Переводчикъ.

Веймаръ.
Генваря 18 дня,
1843 года.

* См. Ивана Лобойка: Взглядъ на древнюю Словесность Скандинавскаго Сѣвера. СПБ. 1821, стр. 24, во второмъ примѣчаніи.

ПАЦИНАКАХЪ (ПЕЧЕНЬГАХЪ).

(ПИСАНО 1766, А ПОТОМЪ УМНОЖЕНО ПОЗДНѢЙШИМИ ДОПОЛНЕНІЯМИ).

Рѣшившись вкратцѣ разсуждать о происхожденіи народовъ, населявшихъ въ средніе вѣки Польшу, Россію и страны между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, а въ Европейской Турціи сѣверный берегъ Дуная, я начну эти изслѣдованія Пацинаками, которые въ дѣлѣ вѣкъ особенно играли важную роль.

§. 1.

ИХЪ ИМЕНА.

Прежде, нежели пойду далѣе, поговорю объ ихъ именахъ. Греческіе писатели ¹ называли ихъ *Πατινακίται* и *Πατινάκαι*, а ихъ землю *Πατινακία*; но у Латинскихъ писателей ² получаютъ они различныя имена. Они называютъ ихъ то *Pincenates*, то *Pizenati*, то *Petinci*, то *Pezineigi* или *Petinegi*, *Pincinati*, *Pinzinaci*, *Pincenarii*, *Pizenaci*, *Pesenaci*, *Pedenei*, *Pecinei*, *Pezenati*. Въ Русскихъ и Польскихъ писаніяхъ ³ называются они *Pesczenigi*, а нынѣ Славянами въ Украинѣ *Pescze-*

1 Constant. de administr. imp. Corp. Byz. T. 22. c. 8. p. 49. c. 7. p. 48. Leonis Gramm. cbeoa. C. Byz. T. 6. 389.

2 Gofr. Viterb. in Pistorii Scr. Germ. T. 2. col. 469. Anonymus in Schwandtneri Scr. Ung. T. 1. p. 18. Ditmarus in Leibnitzii Scr. Brunsw. T. 1. p. 397, 426. sq. Anonym. in Gest. Dei p. Francf. T. 1. p. 2, 3. Raimond. de Agiles ib. p. 140. Albert. Aquensis ib. p. 188. Luitpraudus I. 1. c. 3. in Reuberi Scr. p. 92. Annalista Saxon. in Eocardi Corp. Histor. Medii aevi T. I. col. 226, 451. sq. Alberici Monachi trium fontium Chron. P. I. p. 225.

3 Bayer in Comment. Acad. Petrop. Tom. I. p. 402.

nih. Какое изъ этихъ именъ собственно есть правильное, того нельзя сказать; должно, впрочемъ, думать, что они называли сами себя однимъ изъ нихъ, потому что онѣ подходятъ одно къ другому такъ близко, что измѣненія могутъ быть приписаны или ошибкамъ переписчиковъ, или различному выговору народовъ. Но какъ должно имѣть одно какое-либо постоянное имя для названія ихъ, то я избралъ для этого имя Пацинаковъ, потому что оно встрѣчается у Византійскихъ писателей, которыхъ было много, и которыхъ Императоры имѣли непрерывныя сношенія съ ними; къ тому же Пацинаки были почти смежны съ Греческою Имперіею, будучи отдѣлены отъ ней одною Булгаріею.

§. 2.

ИХЪ ДРЕВНѢЙШЕЕ МѢСТОПРЕБЫВАНІЕ БЫЛА СОГДИАНА, И ОНИ НАЗЫВАЛИСЬ ТОГДА КАНГАРИИ, ИЛИ КАНДАРИИ.

У древнѣйшихъ географовъ, Страбона, Птолемея, Мелы, Плинія, не встрѣчается имени Пацинаковъ; изъ сего должно заключать или то, что Пацинаковъ не было въ ихъ время, или еще то, что они жили такъ далеко къ Востоку, что они совсѣмъ не знали ихъ, или вѣрнѣе, можетъ статься, то, что они называли ихъ другимъ именемъ. Императоръ Константинъ ⁴, жившій въ десятомъ вѣкѣ и наилучше всѣхъ описавшій ихъ, свидѣтельствуешь, что три племени изъ осьми, на который они раздѣлялись, назывались Кангаръ, что означаетъ храбрость, и что онѣ были благороднѣе другихъ. Поелику это слово взято не изъ Греческаго языка, то должно думать, что оно есть собственное Пацинакское. Теперь Геродотъ ⁵ говоритъ о народѣ, называемомъ Гандаріями, который вмѣстѣ съ тремя другими неизвѣстными народами долженствовалъ платить въ дань Персидскому Царю Дарію, сыну Гистаспову, 170 талантовъ, и что онъ вмѣстѣ съ Дадиками находился подъ властію одного полководца въ Ксерксовомъ войскѣ, былъ вмѣстѣ съ Парянами, Хоразміядами и Согдіянами вооруженъ такъ же, какъ Бактрійцы, и имѣлъ легкія остроконечныя шапки, короткія копья и луки изъ тростника. Это мѣсто Геродота показываетъ, кажется, что Гандаріи жили въ смежности съ Бактріею; а Плиній ⁶ и Птоломей ⁷, называя ихъ то Кардарами, то Кандарами, или, по другому чтенію, Гандарами, уничтожаютъ всякое сомнѣніе въ отношенія къ обоюдному мѣсту Геродота. Птоломей назначаетъ имъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими народами, мѣстопребываніе въ Согдіанѣ, странѣ, лежавшей внутри Бак-

⁴ De Administr. imp. c. 37. p. 87. in Corp. Byz. T. 22.

⁵ L. 3. c. 91. I. I. c. 66.

⁶ L. 6. c. 18. T. I. p. 375.

⁷ L. 6. c. 12. p. 186.

трии, между двумя большими рѣками Гягономъ и Сигономъ, или Оксомъ и Яксартомъ, слѣдовательно они жили тамъ, гдѣ теперь находится почти Самаркандъ. Обративъ вниманіе на имя Кангаръ, мы найдемъ, что между нимъ и Гандаріями или Кандарами мало различія, когда присовокупится къ нему окончаніе, и если мы будемъ писать Кангаріи, то произойдетъ между ими различіе такое, какое могло произойти или отъ различнаго выговора народовъ, или отъ ошибки переписчика. И это мое первое доказательство въ подтвержденіе мнѣнія, что Пацинаки въ древнія времена были извѣстны подъ именемъ Гндаріевъ. Мое второе доказательство состоитъ въ томъ, что мѣстопребываніе Пацинаковъ за Оксомъ около Самарканда, согласно съ тѣмъ путемъ, по которому, безъ всякаго сомнѣнія, они пришли оттуда и вторглись въ Европу, именно чрезъ рѣки Ликъ и Волгу, такъ что они были неизвѣстны прежде Европейцамъ, потому только, что жили такъ далеко къ Востоку. Но мое третіе доказательство таково, что оно доводитъ дѣло до очевидности, особенно въ соединеніи съ двумя предыдущими. Гезихій⁸, писавшій свой Греческій Лексикомъ, какъ полагаютъ, въ шестомъ вѣкѣ, говоритъ: *Γαυδαρος ὁ ταυροκράτης παρ' Ἰνδοῖς*. Никто не станетъ противорѣчить, что здѣсь именуется Индія, ибо само въ себѣ справедливо, что Самаркандъ, гдѣ жили Гандаріи, принадлежалъ къ Индіи, въ чемъ убѣдится каждый, взявъ ландкарту въ руки. Сверхъ сего былъ народъ и въ Индіи, называвшійся Гангаридами отъ рѣки Гангеса, который нѣкоторые древніе писатели, кажется, смѣшали съ Гандаріями. Если же нѣкоторые Пацинакскія племена назывались Кангаръ, потому что они были сильныи и благороднѣе другихъ, а Гандаріи, жившіе близъ Индіи, назывались тѣмъ же именемъ, потому что они были сильныи и мужественныи, какъ быки, то мнѣ можно, кажется, изъ того сдѣлать заключеніе, что Кангаръ и Гандаріи были одинъ и тотъ же народъ. Ученый Роландъ⁹ свидѣтельствуетъ, что новѣйшіе Персы называютъ мужа, сильнаго и опытнаго въ спорѣ, Кандаваръ, а сильнаго и опытнаго въ военномъ искусствѣ Кондвара. Каждый, зная, какъ много словъ перешло изъ языковъ Великой Татаріи въ нынѣшній Персидскій, не удивится этому, но еще найдетъ въ немъ новое доказательство происхожденія Пацинаковъ изъ Великой Татаріи. Въ Польскомъ языкѣ¹⁰ *resznieju* значитъ бухну, дѣлаюсь великимъ; но поелику Славяне называли Пацинаковъ Печеньгами, а Поляки, какъ извѣстно, принадлежать къ Славянамъ, то мнѣ приходится почти на умъ, что Пацинаки получили такое имя отъ Славянскихъ народовъ, которые, хотя въ другомъ значеніи, по ненависти и враждѣ къ нимъ, перевели или, правильнѣе, исказили ихъ собственное имя Кангаръ, или Кандаръ чрезъ названіе подобнаго рода.

⁸ Lexic. colen. 300. T. 1. s. v. Gendarus.

⁹ Dissert. VI. de veter. ling. Ind. p. 221.

¹⁰ Eberleins Politisches (viel. Polnisches) Wörterbuch, p. 139.

§. 3.

**ПО СВОЕМУ ПРОИСХОЖДЕНІЮ ОНИ БЫЛИ, ВѢРОЯТНО, ИССЕДОНЫ
ИЛИ МАССАГЕТЫ.**

Если мы обратимъ вниманіе на положеніе перваго мѣстопробыванія Пацинаковъ, и видимъ, что они жили въ смежности съ Исседонами, отъ которыхъ происходятъ нынѣшніе Манджу, Тунгузы и нѣкоторые другіе народы, живущіе далеко отъ востока къ Великой Татаріи, и съ Массагетами, отъ которыхъ произошли извѣстные въ средніе вѣки Гунны и Турки, а теперь, Туркоманы, Калмыки и Монголы, если мы, говорю, обратимъ на все это вниманіе, то само собою приходитъ на мысль, что они происходятъ или отъ первыхъ, или отъ другихъ, особенно, когда мы въ то же время беремъ во вниманіе ихъ мужество и дикіе нравы. Но для совершеннаго рѣшенія этой задачи потребенъ человекъ, который бы зналъ Калмыцкій и нѣкоторые Татарскіе языки и былъ бы въ состояніи объяснить Пацинацкія слова, встрѣчающіяся у Императора Константина. Вѣроятно, впрочемъ, что Пацинаки произошли, или были въ сродствѣ съ Гуннами, или теперешними Калмыками и Монголами болѣе, нежели съ Манджу, особенно, когда мы находимъ, что первые безпрестанно вторгались въ западныя страны и нападали на Европу, чего мы не видимъ о другихъ, которые постоянно, кажется, оставались въ восточныхъ странахъ Азіи.

§. 4.

ИХЪ ВТОРОЕ МѢСТОПРЕБЫВАНІЕ БЫЛО ПОДЛѢ ЯИКА И ВОЛГИ.

Мы не знаемъ времени, въ которое Пацинаки оставили свои жилища въ Согдіанѣ; но то извѣстно, что они жили потомъ около рѣкъ Яика и Волги, названныхъ у Императора Константина ¹¹ Геехомъ и Ателью, изъ которыхъ въ первомъ каждый легко узнаетъ Яикъ, а второе есть одно изъ различныхъ именъ, приписанныхъ Волгѣ, тогда какъ она называлась Ра, Росъ, Булга. Здѣсь Уцы и Мазары были ихъ сосѣдями. Первые назывались еще Половцами, и были народъ Гуинскій, очень сильный въ средніе вѣки. Последніе назывались также Мадьярами, — имя, которымъ еще теперь называютъ себя Венгры. Извѣстно и то, что Пацинаки жили при упомянутыхъ рѣкахъ около 840 года, ибо Кедринъ ¹² говоритъ, что въ то время Хазарскій Каганъ или Ханъ, какъ мы произносимъ его, посылалъ

¹¹ См. Corpus Vuz. Том. 22. р. 86. с. 37.

¹² Согр. Vuz. Том. 8. р. 415.

Пословъ къ Греческому Императору Теофилу и просилъ у него позволенія укрѣпить крѣпость Сарселятъ для удержанія Пацинаковъ отъ набѣговъ къ рѣкѣ Танаису или Дону. Изъ этого же видно, что Пацинаки рано помышляли о впаденіи въ Европу, и что вражда между ими и Хозарами началась такъ же рано. Эти Хозары были уже съ седьмага вѣка очень сильны, и жили какъ на востокъ, такъ и на западъ отъ Дона даже до Борисоеена, или Днѣпра. Теофиль согласился на желаніе Хозарскаго Хана и приказалъ укрѣпить упомянутую крѣпость, которой настоящее имя было Саркель, и о которой будетъ сказано болѣе послѣ.

§. 3.

ХОЗАРЫ И УЦЫ ВЫГОНЯЮТЪ ОТТУДА ПАЦИНАКОВЪ, КОТОРЫЕ ОКОЛО 900 ГОДА СМЯТЯТСЯ ПРИ ДУНАѢ.

Когда Пацинаки прожили тамъ нѣсколько времени, тогда соединились противъ нихъ Уцы и Хозары, взяли надъ ними перевѣсъ и вытѣснили ихъ оттуда; послѣ чего Уцы овладѣли ихъ землями, а Пацинаки въ свою очередь изгнали Турковъ или Венгровъ и, занявъ земли ихъ, жили на нихъ еще 50 лѣтъ, до того времени, когда Императоръ Константинъ¹³ написалъ свою книгу объ управленіи Греческою Имперіею, — книгу, которая болѣе, нежели всѣ другія изъ среднихъ вѣковъ, разливаєтъ свѣтъ на исторіи Славянскихъ, Гуннскихъ и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ имъ народовъ. Пятидесяти лѣтъ, о которыхъ онъ упоминаеть, нельзя брать въ точности, ибо онъ вскорѣ потомъ говоритъ опять, что Пацинаки прогнали Турковъ и овладѣли ихъ землями, за 55 лѣтъ до того, какъ онъ написалъ свою книгу. Если теперь положимъ, что онъ писалъ около 955 года, ибо онъ умеръ 959 года, а извѣстно, что онъ писалъ свою книгу въ послѣдніе годы своего правленія, то изгнаніе Пацинаковъ случилось около 900 года. Но если бы мы согласились съ Байеромъ¹⁴, что онъ писалъ 948 или 949 года, то изгнаніе Венгровъ Пацинаками совпало бы съ 893 или 894 годомъ, что болѣе согласуется со временемъ, въ которое Венгры вторглись въ Венгрію. Но для точнѣйшаго опредѣленія времени, должно изслѣдовать, когда упомянутые Турки оставили свою землю, потому что это случилось отъ превосходства силы Пацинаковъ надъ ними. И только тогда можно будетъ сказать, что подъ Турками разумѣютъ Византійскіе Писатели Венгровъ. Россійскій Автописецъ Несторъ¹⁵ свидѣтельствуетъ, что Угры, такъ онъ

¹³ L. c. p. 86.

¹⁴ Constant. I. c. p. 368.

¹⁵ Въ Müller's Samml. Ruf. Gesch. Th. 1. p. 14. и въ Lemmonessow Alte Ruf. Gesch. Riga, 1792. а. p. 80.

называетъ ихъ , прошли мимо Кіева 898 года въ страну , которая названа потомъ отъ имени ихъ Венгрією , и что Печенеги вторглись въ первый разъ въ Россію 915 года¹⁶ , но заключили миръ съ Россійскимъ Великимъ Княземъ Игоремъ , а потомъ поселились при Дунаѣ , и пошли на помощь Грекамъ противъ Болгаровъ . Но такъ какъ мы имѣемъ только неполныя извлеченія изъ Нестора , то и не можемъ подождать на него , особенно , когда въ томъ же событіи разногласятъ между собою Мюллеръ и Ломоносовъ , тогда какъ первый говоритъ , что Печенѣги сдѣлали первое нападеніе на Россію 915 года , а второй , что они пришли въ нее въ первый разъ , что можно разумѣть о мирномъ переходѣ чрезъ Россію . Но какъ бы то ни было , совершенно впрочемъ извѣстно , что это извѣстіе несправедливо въ томъ , что Печенѣги поселились подлѣ Дуная только 915 года , и что Угры прошли въ первый разъ мимо Кіева въ 898 году ; ибо извѣстно , что они бѣжали отъ Пацинаковъ , и что за нѣсколько лѣтъ прежде начали селиться въ той странѣ , которая въ послѣдствіе времени названа по имени ихъ Венгрією . Можетъ , конечно , статься , что они не вдругъ были вытѣснены оттуда , и потому нѣкоторые могли пройти чрезъ Россію послѣ , въ 898 году . Ни одинъ писатель не говоритъ впрочемъ , что Венгры бѣжали , и овладѣли Паннонією и землею Аваровъ , то есть , теперешнею Венгрією , прежде , кромѣ Речиню¹⁷ , который пишетъ , что это случилось въ 889 году , и что они были вытѣснены Печинатами , которые были и многочисленнѣе и сильнѣе ихъ , и жили на землѣ , недостаточной для прокормленія ихъ ; при сихъ послѣднихъ словахъ должно взять во вниманіе , что ему было неизвѣстно , что Пацинаки въ свою очередь были вытѣснены , такъ что онъ ошибся въ истинной причинѣ , почему они вытѣснили Венгровъ . Но въ отношеніи къ годичному числу пришествія Угровъ въ Венгрію онъ заслуживаетъ величайшую довѣренность , какъ потому , что у него есть многія основательныя извѣстія , такъ въ особенности потому , что онъ жилъ въ тѣ самыя времена , и умеръ почти спустя двадцать лѣтъ послѣ . Сверхъ сего это время согласно съ тѣмъ , что Императоръ Арнульфъ призывалъ Венгровъ на помощь противъ Моравскаго Короля Звендеболѣха . Но такъ какъ я привелъ прежде изъ Императора Константина , что Пацинаки вытѣснили Турковъ или Венгровъ около 900 года , и сверхъ того сказалъ , что кромѣ его ни одинъ писатель не сообщаетъ подробнѣйшихъ извѣстій о Пацинакахъ , то можно было бы воспользоваться его авторитетомъ противъ Речиню . Но я отвѣчаю на это , что Императоръ Константинъ , какъ можно видѣть , не имѣлъ намѣренія опредѣлить со всею точностію годы ; иначе , онъ не допустилъ бы , что Пацинаки были вытѣснены въ продолженіи 50 лѣтъ прежде , нежели онъ написалъ свою книгу , и потомъ не сказалъ бы , что они послѣ бѣгства своего вошли въ

¹⁶ У Müller, p. 19. у Lomonosow, p. 90.

¹⁷ ВЪ Pistorii Scr. Germ. Tom. 1. p. 65.

землю, которую занимали въ теченіи 85 лѣтъ Я представляю себѣ это дѣло такъ, особенно когда древнѣйшая Лѣтопись, которую Венгерцы имѣютъ о своемъ переселеніи, говоритъ, что они въ 884 году прошли мимо Кіева¹⁸, то есть, что Хозары и Уцы нѣсколько раньше начали мигрировать на Пачинаковъ, но что они ушли чрезъ нѣсколько лѣтъ, тогда какъ уже вытѣснили ихъ, что Пачинаки въ своемъ бѣгствѣ, вытѣснили Мазаровъ или Мадьяровъ, жившихъ между Волгою и Дономъ и, безъ сомнѣнія, составившихъ потомъ одинъ народъ съ Венграми, отысканіе древнѣйшаго мѣстопробаванія коихъ есть, можетъ быть, одна изъ труднѣйшихъ задачъ во всей исторіи среднихъ вѣковъ, о которой теперь я еще не осмѣливаюсь сказать чего либо рѣшительнаго; что Пачинаки прожили, можетъ быть, потомъ нѣсколько лѣтъ въ землѣ Мазаровъ, пока, вытѣсненные и оттуда Уцами и Хозарами, не перешли чрезъ Днѣпръ и не поселились въ Молдавіи и Валахіи, гдѣ они опять наткнулись на Венгровъ, которыхъ надлежало имъ вытѣснить. Но и здѣсь, то есть, въ земляхъ при Дунаѣ, они достигли спокойнаго обладанія ими не прежде 900 года, что согласно съ правленіемъ Императора Константина.

§. 6.

ИХЪ ТРЕТІЕ МѢСТОПРЕБЫВАНІЕ ВЫЛО ПРИ ДУНАѢ И ДНѢПРЪ.

Императоръ Константинъ¹⁹ свидѣтельствуетъ, что ихъ третіе и послѣднее мѣстопробываніе на сѣверъ отъ Дуная раздѣлялось на восемь округовъ или еемъ, какъ онъ называетъ ихъ, изъ которыхъ каждый управлялся своимъ большимъ Княземъ, и что эти округи дѣлились опять на 40 меньшихъ частей, изъ коихъ каждая управлялась меньшимъ Княземъ. Онъ сообщаетъ даже имена большихъ еемъ, но онъ не одинъ и тѣ же въ двухъ мѣстахъ, почему я сравню ихъ здѣсь между собою :

1. Эртемъ.	Ябдіертимъ.
2. Цуръ.	Кварцпцуръ.
3. Гиля.	Гиля.
4. Кулпее.	Сирукалпее.
5. Харобое.	Харобое.
6. Таалмать.	Бороталмать.
7. Хопонъ.	Пачихопонъ.
8. Цопонъ.	Буляцоспонъ.

Изъ этого сравненія видно, что только два округа удерживаютъ у него то же самое имя, и что различіе замѣчаемое въ другихъ име-

18 ВЪ Schwandtneri Scr. Ungar. Tom. 1. p. 6. c. 7.

19 Constant. l. c. p. 86. et 87.

нахъ, происходитъ единственно отъ того, что онъ въ первомъ спискѣ хотѣлъ представить сокращенныя имена, почему я считаю болѣе правильными имена второго. Четыре изъ этихъ семъ, то есть: Цурь, Кулпѣе, Тацмать и Цопонъ лежали на другой сторонѣ рѣки Днѣпра или Днѣпра на востокъ и сѣверъ къ Уціи, Хазаріи, Аланіи, Херсону и многимъ другимъ землямъ (при чемъ должно замѣтить, что Уція включала въ себя второе мѣстопробываніе Пацинаковъ при Лякъ и Волгѣ, что Херсонъ лежалъ въ южной части Крыма, что положеніе Хазаріи было уже описано мною прежде въ §. 4, и что Аланія находилась на югъ отъ рѣки Дона); другіе четыре семы лежали по ту сторону Днѣпра на западъ и сѣверъ, такъ что Хопонъ имѣлъ направленіе къ Булгаріи (всякой знаетъ, что эта страна лежитъ на югъ отъ Дуная вдоль береговъ его), Гила къ Турціи (подъ которою разумѣется Венгрія и Семиградіе), Харбое къ Россіи (которая въ то время уже простиралась нѣсколько на югъ по Днѣпру, и въ которой главный городъ былъ Кіевъ), а Эртемъ къ землямъ, которыя платили дань Руссамъ, именно къ Ультинамъ, къ Дерелевинамъ (можетъ статься къ извѣстнымъ въ Россійской Исторіи Древлянамъ), къ Ленциниамъ (коихъ имени не осмѣливаюсь искать въ Воеводствѣ Ленцкомъ въ великой Польшѣ, какъ потому, что оно лежало слишкомъ далеко, такъ и потому, что Поляки представляли уже въ тѣ времена и въ тѣхъ странахъ значительный народъ, такъ что означенное Воеводство, вѣроятно, принадлежало имъ, но вѣрю болѣе, что оно сохранилось въ городѣ Ленчи въ малой Польшѣ въ Воеводствѣ Люблинскомъ, потому что оно лежитъ гораздо ближе), и къ нѣкоторымъ другимъ Славянскимъ народамъ. Константинъ объясняетъ потомъ самъ, что онъ разумѣлъ подъ словами, что Пацинакія имѣла направленіе къ Уціи и т. д. говоря, что отъ ней до Уціи и Хазаріи было пять дней ѣзды, до Аланіи шесть, до Мордіи (подъ которою разумѣется Мордовская земля) десять, до Руси одинъ, до Турціи четыре, а до Болгаріи полдня, но что она напротивъ того была близка къ Херсону, а еще ближе къ Босфору (разумѣется Киммерійскому). Когда я подумаю о словахъ Тацита, что Свевскіе народы всегда имѣли вокругъ себя пустыя земли, что сдѣлаться чрезъ то страшнѣе, то мнѣ приходитъ на мысль, что Пацинаки дѣлали то же самое, по той же причинѣ и еще для того, чтобъ поставить себя чрезъ то въ большую безопасность. Исслѣдовать подробно протяженіе и границы Пацинакской земли, было бы излишнимъ трудомъ, потому что великій Байеръ это уже сдѣлалъ въ своемъ превосходномъ Разсужденіи о Географіи Россіи и прилежащихъ къ ней въ 948 году странъ изъ Императора Константина, почему я приведу изъ него вкратцѣ только то, что наиболѣе необходимо для знанія Пацинакской Географіи съ тѣмъ, чтобы правильно разумѣть Исторію ихъ, и только тамъ войду въ нѣкоторыя подробности, гдѣ буду держаться другаго мнѣнія.

§. 7.

ОПИСАНИЕ ПАЦИНАКСКОЙ ЗЕМЛИ, ЕЯ ПРОТЯЖЕНІЯ И ГРАНИЦЪ.

Байеръ думаетъ, что у Константина вмѣсто Хазаровъ, изгнанныхъ Пацинаковъ, должно читать Мазары, потому что мы находимъ Угровъ, составлявшихъ съ ними одинъ народъ, пришедшими потомъ въ Европу, и еще потому, что Константинъ самъ говоритъ, что Мазары и Уцы были ихъ сосѣди. Но какъ переимѣнять чтеніе всегда опасно, и Байеръ самъ возстаётъ противъ тѣхъ, которые хотятъ въ упомянутомъ мѣстѣ переимѣнить Хазаровъ въ Мазаровъ, потому, говоритъ онъ, что всѣ рукописи противорѣчатъ тому, то это же самое должно сказать и объ немъ, какъ не имѣющемъ основанія ни въ одномъ манускриптѣ. Сверхъ сего мы находимъ у Константина, что Пацинаки вытѣснили Венгровъ, что противорѣчитъ такъ же сказанному Байеромъ; и если бы Венгры поселились въ землѣ Пацинаковъ, при Волгѣ, то первые, распространившіеся потомъ отъ Дона до Дуная, не могли бы вытѣснить ихъ съ Волги, лежавшей такъ далеко на востокъ, куда Пацинаки никогда уже не возвращались²⁰. Что касается до границъ Пацинаковъ, то Байеръ описываетъ ихъ такъ²¹: Отъ устья Борисеена или Днѣпра до перевада при Краріумѣ, гдѣ переправлялись чрезъ означенную рѣку, жили Херсонесцы и кромѣ того занимали южную часть Крымской Татаріи; они были подъ властію Греческихъ Императоровъ: прямо противъ нихъ, и только отдѣляясь Днѣпромъ, жили западные Пацинаки; съ другой стороны Днѣпра примыкали къ нимъ на большомъ пространствѣ восточные Пацинаки, а потомъ отдѣлялись отъ нихъ Хазарскою землею; отъ Краріума до Днѣпровскихъ пороговъ жили западные Пацинаки прямо противъ Хазаръ, такъ что Днѣпръ раздѣлялъ ихъ; съ пороговъ уже по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и почти до Кіева земля принадлежала Пацинакамъ. Онъ говоритъ, что прежде упомянутая крѣпость Саркель лежала не при собственно большомъ Донѣ, но при истокѣ малаго Дона; что по Славянски бѣлый городъ означаетъ то же, что Саркель на Турецкомъ языкѣ, которымъ говорили Хазары, почему Константинъ и перевелъ его чрезъ *ἄβρουρ οβλίπιν*, а Леонтій Византійскій чрезъ *Λευκὸν δίκτυα*; что этотъ Донецъ служить рубежемъ между Пацинаками и Хазарами, такъ что первые жили на сѣверъ отъ него, а послѣдніе на югъ; что Пацинаки жили, вѣроятно, прямо къ Дону на сѣверъ отъ Хазаръ, ибо такимъ образомъ они могли жить ближе къ Уцамъ, нежели къ Аланамъ; отъ послѣднихъ они жили, по извѣстію Константина, въ разстояніи шести

20 Constant. l. c. p. 384 et 385.

21 L. c. p. 398 — 422.

дней ъзды, а отъ первыхъ только въ пяти дняхъ. Что Пацинаки занимали всю страну между Россією и Босфоромъ, подъ которымъ Константинъ разумѣлъ ту землю, которую занимали Хазары и Херсонесцы, что, какъ мы видѣли изъ предыдущаго, справедливо; что племя или еема Кварцицуръ жило по восточнымъ берегамъ Днѣпра, а племя Ябдіуртимъ по западнымъ. Что Сарать и Бурать жили далѣе всѣхъ племенъ на востокъ, подъ которыми, безъ сомнѣнія, разумѣются Сирукалпее и Боротаалмать. Это мнѣніе Байера, если оно справедливо, показываетъ, съ какою свободою сокращали и измѣняли слова; что отъ города Дистры, называвшагося прежде Доростоломъ, теперь Силистрією, лежащемъ при Дунаѣ, жили западные Пацинаки, то есть насупротивъ его, такъ что Дунай былъ между ими; что они распростирились вдоль моря отъ Дуная до Днѣпра; что пять рѣкъ протекали сквозь ихъ землю, и впадали въ Дунай. Брутусъ, то есть Прутъ, Соретусъ, теперь Сиреть, Барухъ, которую Байеръ признаетъ Алудою, Трулусъ, которую онъ считаетъ рѣкою, впадающею почти прямо противъ Алуты съ юга въ Дунай, и Кубу, которой онъ не объясняетъ; но мнѣ кажется, что такъ какъ мы находимъ между Сиретомъ и Алудою на ландкартахъ двѣ рѣки Ялоничъ и Дембровичъ, называемый такъ же Аргишъ, то и должно принимать ихъ за Трулусъ и Кубу; что Алута была границею ихъ земли на западъ; что Ултины, Древленины и Ленгенины жили вдоль великой рѣки Припети, текущей съ запада на востокъ сквозь Литву, дѣлающей страну весьма болотистою и впадающей наконецъ въ Днѣпръ, что не противорѣчатъ моему мнѣнію, касающемуся до мѣстоположенія Ленчениновъ, потому что городъ Ленчна лежитъ не совсѣмъ далеко отъ истока упомянутой рѣки, такъ что можетъ придти на мысль, что Ленченины жили далеко на западъ, Древленины въ срединѣ, а Уалтины къ востоку, которыхъ Байеръ, по сознанию его, не знаетъ, и которые неизвѣстны такъ же и мнѣ, и наконецъ, что Пацинаки лежала на сѣверъ отъ Турціи или Венгріи. Доселѣ простирается описаніе Байера, въ которомъ собственно не опредѣлено, какія земли занимали Пацинаки, равно какъ не показано, что Императоръ Константинъ разумѣлъ подъ однодневною ъздою. Что касается до послѣдняго, то мнѣ осталось одно средство: прибѣгнуть къ древнему историку Геродоту, который полагаетъ 200 стадій на одинъ день ъзды²²; такъ какъ 33 стадіи составляютъ одну Пѣмецкую милю, то отсюда видно, что онъ полагаетъ шесть миль на одинъ день ъзды, и это счисленіе, какъ мы увидимъ, совершенно согласно съ счисленіемъ Константина. Земля Пацинаковъ начиналась при впаденіи Дуная въ Черное море, простиралась потомъ вдоль Дуная до рѣки Алуты, однако-жъ такъ, что между ею и Дунаемъ находилось пространство на полдня ъзды или на три мили пустынь, для безопасности жителей отъ нападенія со стороны Болгаровъ; потомъ простиралась земля ихъ на сѣверъ по

22 Hérodote. L. IV. c. 101.

теченію рѣки Алуты, а отъ ней до Турціи или Венгріи было четыре дня вѣды, или 24 мили, по какому счисленію часть Валахіи отъ Алуты до Венгріи и почти все Семиградіе долженствовали лежать пустыми. Отъ истока Алуты, граница уклонялась на сѣверо-западъ, такъ что входила въ Польшу при западномъ рубежѣ Покутин, а оттуда она тянулась нѣсколько вдоль Венгерскихъ границъ съ сѣвера на западъ, впрочемъ отнюдь не далѣе, какъ до того мѣста, докуда простиралась Червоная Россія; ибо если мы не согласимся на это, то Императоръ Константинъ не имѣлъ никакого права полагать Падинакію на сѣверъ отъ Венгріи, и я думаю, что съ той стороны не оставалось пустой земли между ними двумя народами, потому что высокія Карпатскія горы олужили надежною защитою для обоихъ; потомъ можно согласиться, что ихъ земля тянулась нѣсколько на сѣверо-востокъ, отъ Санюка до Люкко, а оттуда почти по прямой линіи съ запада на востокъ къ Киеву, отъ котораго она лежала на югъ въ разстояніи одного дня вѣды или шести миль; оттуда простиралась вдоль Днѣпра до впаденія его въ Черное море, а потомъ вдоль Чернаго моря до впаденія въ него Дуная. Изъ этихъ границъ видно, что западная Падинакія, ибо она только одна описана здѣсь, заключала въ себя всю Бессарабію и Молдавію, большую часть Валахіи, исключая небольшой клочекъ отъ Алуты до Венгріи, нѣсколько Семиградія, всю Подолію и Покутію, большую часть Волиніи и Украйны. Но здѣсь должно впрочемъ замѣтить, что Падинаки были на высочайшей степени своего могущества когда Императоръ Константинъ писалъ свое сочиненіе, такъ что мы находимъ, что они въ послѣдствіе времени не занимали Червоной Россіи, Покутин и собственной Подоліи. Границы восточныхъ Падинаковъ опредѣлить гораздо труднѣе, но я постараюсь означить ихъ, какъ могу. На этой сторонѣ ихъ земля не простиралась до устья Днѣпра, но начиналась на нѣсколько миль выше, при мѣстечкѣ, называемомъ Краріумъ, гдѣ былъ перевозъ черезъ Днѣпръ, и простиралась потомъ на сѣверъ вдоль Днѣпра и оканчивалась за шесть миль до Киева. Пониже Краріума земля ихъ была очень узка и ограничивалась сперва на малое пространство землею Херсонесцовъ, а потомъ Хазаровъ. Послѣдняя простиралась вдоль Азовскаго моря до Дона; но такъ какъ мы не знаемъ, какъ она была широка, то нельзя собственно опредѣлить, гдѣ начиналась земля Падинаковъ. Извѣстно по крайней мѣрѣ то, что между Падинакією и Хазарією было пять дней вѣды, то есть, пустой земли на тридцать миль, и что все, что лежало на югъ отъ Донца, или малаго Танаиса, причислялось къ Хазаріи. Изъ сего я заключаю, что Падинаки занимали землю Запорожскихъ козаковъ, всю Украйну, гдѣ лежитъ Полтава; потому земля ихъ отъ Киева простиралась на сѣверо-востокъ, и заключала въ себя некоторую часть Сѣверіи и Воротынска, ибо тамъ она могла повернуть на сѣверъ отъ Донца, и наконецъ простиралась прямо къ рѣкѣ Дону, и обхватывала собою великія пустыни или степи съ

обѣихъ сторонѣ, изъ чего дѣлается вѣроятнымъ, что въ ней было заселено только небольшое пространство; ибо, по извѣстіямъ Константина, отъ ней до Мордіи было десять дней ѣзды, то есть шестидесять миль, подъ кѣторою разумѣется народъ Мордва, занимавшій невѣроятно большіе лѣса въ Нижнемъ Новгородѣ; до Удѣи, лежащей при Волгѣ, пять дней ѣзды, то есть тридцать миль; до Аланіи, которая сверхъ другихъ земель, заключала въ себѣ землю Черкасовъ, шесть дней ѣзды, то есть тридцать шесть миль. Эти три измѣренія совершенно согласны съ истолкованіемъ положеніемъ мѣсть, если мы припомнимъ себѣ, что Пацинаки оставили позади себя нѣсколько пустой земли на сѣверъ и западъ отъ Танаиса или Дона. Напротивъ того нельзя допустить, чтобы между ими и Хазарами оставалось земли не населенною на пять дней ѣзды, или на тридцать миль; ибо въ такомъ случаѣ Пацинаки не имѣли бы земли для жительства, и, сверхъ того, Донецъ былъ достаточнымъ рубежомъ между этими двумя народами. Впрочемъ, я соглашаюсь, что тамъ лежало много земли пустою. Байеръ присовокупилъ ландкарту къ своему разсужденію, которая сдѣлала мнѣ очень много пособія.

§ 8:

ИХЪ ПРАВЫ И МОГУЩЕСТВО.

Что касается до могущества и нравовъ Пацинакскихъ, то Императоръ Константинъ — наилучшій и почти единственный описатель ихъ. Его слова суть слѣдующія: Я полагаю, что для Римскаго Императора (должно замѣтить, что Греки постоянно называли себя Римлянами) выгодно имѣть всегда миръ съ Пацинаками, обходиться съ ними дружески, вступать въ союзы, и каждагодно посылать къ нимъ Апокрисіаріа (апокрисіаріи были такіе чиновники, которые посылались въ посольства) съ дарами, приличными такому народу; что бы онъ могъ принимать отъ нихъ заложниковъ и посланника, которому здѣсь, въ Константинополѣ, должно оказывать всякія услуги и почести; ибо этотъ народъ граничитъ отчасти съ Херсономъ и можетъ, находясь не въ дружбѣ съ нами, сдѣлать нападеніе на означенную страну, и ограбить ее. Они граничатъ и съ Руссами, и часто вторгаются въ Русь, и причиняютъ въ ней ужасный вредъ, если Руссы не хранятъ мира съ ними. Почему Руссы стараются теперь имѣть съ ними миръ; ибо они покупаютъ у нихъ быковъ, лошадей и овецъ, потому что такого скота нѣтъ въ Россіи (здѣсь добрый Константинъ ошибся: если Руссы покупали у нихъ скотъ, то, конечно, не потому, что бы у нихъ не было его, но, вѣроятно, потому, что ихъ скотъ былъ лучше). Сверхъ сего Руссы не могутъ вести войны съ чужеземными народами, не имѣя мира съ Пацинаками; ибо, какъ скоро они выходятъ въ поле, другіе могутъ вторгнуться въ ихъ землю и опустошить ее. И послѣку этотъ народъ храбръ и мужественъ, то

Руссы стараются всеми силами иметь его съ собою въ своихъ войнахъ. Руссы не могутъ такъ же ѣздить въ Константинополь какъ для войны, такъ и для торговли, не имѣя съ ними мира: ибо когда Руссы приближаются къ Дабировскимъ порогамъ, гдѣ они не могутъ продолжать плаванія, то должны выходить на землю, и несть на себѣ свои небольшія суда, и тогда Пацнаки нападаютъ на нихъ и безъ труда побѣждаютъ, потому что они не могутъ въ одно и тоже время заниматься двумя дѣлами. Турки (то есть Венгры) очень боится Пацнаковъ; ибо они были часто побѣждаемы и разбиваемы отъ нихъ жесточайшимъ образомъ; почему они живутъ въ страхѣ, и держатъ ихъ въ ихъ границахъ. И такъ если Римскій Императоръ будетъ имѣть миръ съ Пацнаками, то ни Руссы, ни Турки не могутъ нападать на него и отнимать у него золото, ибо тогда они будутъ боиться Императора, какъ огражденного силою и могуществомъ означеннаго народа. Въ случаѣ же, если они нападутъ на его землю, то Пацнаки, подвигнутые или союзомъ, или письмами, или дарами отъ Императора, могутъ вторгнуться въ ихъ землю, разорить ее, и отвезти ихъ женъ и дѣтей въ рабство. Римскій Императоръ будетъ такъ же страшнѣе для Болгаровъ, находясь въ союзѣ съ Пацнаками; ибо они могутъ напасть и на Болгарію, какъ и на вышеупомянутыя земли, и своею силою и множествомъ опустошить ее, почему и Болгары охраняютъ очень рачительно дружество съ ними, потому что они были часто побѣждаемы и разорены ими. Одна часть Пацнакакаго народа граничитъ съ Херсономъ, ведетъ торговлю съ Херсонцами, и провожаетъ ихъ и Императорскихъ людей въ Россію, Хазарію и Цихію (земля, лежащая въ Азіи на восточной сторонѣ Чернаго моря). Они вывозятъ туда влаттій (то есть всякаго рода шелковыя матеріи), прандіи (то есть ленты), хареріи (то есть драгоценныя одежды), сементы (вѣроятно бахрамы), перецъ, пурпуровыя барсовыя кожи, и многіе другіе товары, въ которыхъ нуждаются тѣ народы (подъ пурпуровыми барсовыми мѣжами конечно должно разумѣть драгоценныя барсовыя кожи съ красивыми пятнами, если только такіа барсовыя кожи существовали). Когда Императорскій посолъ пріѣзжаетъ въ Херсонъ, то посылаетъ въ Пацнакію, и требуетъ проводниковъ и заложниковъ; послѣднихъ оставляетъ въ Херсонской крѣпости подъ надзоромъ, а самъ съ проводниками отправляется въ Пацнакію для приведенія въ дѣйствіе того, что ему приказано. Въ такомъ случаѣ Пацнаки, какъ ненасытные и чрезвычайно жадные ко всему, что у нихъ драгоценно, не стыдятся требовать отъ него многіхъ подарковъ, заложники какъ для себя, такъ и для своихъ женъ, а проводники за трудъ свой собственный и своихъ лошадей. И если онъ пріѣдетъ въ ихъ землю, то они требуютъ Императорскихъ подарковъ; потомъ, когда они получаютъ своихъ людей назадъ (то есть проводниковъ), требуютъ подарковъ для своихъ женъ и родныхъ; а наконецъ, по возвращеніи его въ Херсонъ, запрашиваютъ у него снова платы за трудъ свой и своихъ лошадей. Когда же Императорскій посолъ пріѣдетъ къ Пацнакамъ, жившимъ около

Днестра и Днѣпра въ хеландіяхъ (нѣкоторый родъ небольшихъ судовъ, плавающихъ очень быстро), то онъ не выходитъ изъ своего судна, но беретъ Императорскія вещи и даетъ имъ знать о своемъ прїѣздѣ чрезъ слугу. Потомъ беретъ отъ нихъ заложниковъ, которыхъ хранить у себя на судахъ, и даетъ имъ заложниковъ съ своей стороны. Послѣ сего они присягаютъ по своему обычаю, а по присягѣ онъ раждаетъ имъ Императорскіе дары, и беретъ изъ нихъ въ друзья, кого захочетъ, и возвращается назадъ. Но такимъ образомъ можно вступать въ союзы съ ними, чтобы они помогали Римлянамъ, гдѣ нужно, противъ Руссовъ, Болгаровъ ли то, или противъ Турковъ; ибо они страшны для всѣхъ ихъ, въ донавательство чего я расскажу только слѣдующее: Клерикъ Гавріилъ, бывъ посланъ Императорскимъ посломъ къ Туркамъ, сказалъ имъ: Императоръ хочетъ, чтобы вы своимъ войскомъ выгнали Пацинаковъ и заняли ихъ землю, на которой вы жили прежде, послѣ чего вы можете сдѣлаться сосѣдами его Имперіи, а онъ будетъ имѣть кратчайшій путь для посѣщенія васъ посольствами; но тогда всѣ Турецкіе Кызылы закричали въ одинъ ротъ: имѣть для этого силъ, ибо ихъ земля велика, ихъ множество неизчислимо, и къ тому же они воинственны; и такъ не приноси намъ такихъ непріятныхъ рѣчей, иначе Пацинаки будутъ приходить каждый годъ съ отдаленнѣйшихъ береговъ Днестра, подъ конецъ весны, въ наше сосѣдство, и проводить тамъ лѣто. Если Русы плыли по рѣкѣ Днѣпру къ Константинополю, и предъ порогами выходили на землю, то были принуждены, изъ опасенія предъ Пацинаками, выставлять стражу, а потомъ достигши узкаго переѣзда Краріумъ, гдѣ берега были очень высоки, подвергались нападенію отъ нихъ. Даже оставались въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока не доходили до рѣки Селавы при Дунаѣ; ибо тамъ Пацинаки разлагаются вдоль берега, и если когда буря прибьетъ ихъ малые суда къ землѣ, то они должныствовали всѣ сходить съ нихъ для сопротивленія Пацинакамъ²⁵.

§. 9.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ТОЙ ЖЕ МАТЕРІИ.

Константинъ продолжаетъ такъ²⁶: къ Франціи или Германіи лежала бѣлая Кроація, повиновавшаяся Франскому Королю Оттону (ее должно искать въ Карпатскихъ горахъ, и, можетъ быть, въ какой либо части Малой Польши, примыкавшей къ нимъ), и немногочисленная, потому что она безпрестанно была опустошаема Франками, Турками (то есть Венграми) и Пацинаками. При этомъ случаѣ онъ го-

²⁵ Const. de administ. imp. Corp. Byz. T. 22. c. 1. p. 48. c. 2. 3. et 4. p. 47. c. 5. e. et 7. p. 48. c. 8. p. 49. c. 9. p. 50 et 51.

²⁶ C. 31. p. 81. c. 37. p. 86. 87. c. 38. p. 88. c. 40. p. 89. c. 42. p. 91 et 92

верить, что она лежала на тридцать дней ѣзды отъ Чернаго моря, и если измѣрить разстояніе отъ него до Карпатскихъ горъ, то мы найдемъ, что между ими было отъ 8 до 9 градусовъ, а это доказываетъ, что онъ самъ полагаетъ около четырехъ миль на одинъ день ѣзды. Тогда какъ Пащинаки были вигнаны Удами и Хазарами, управляли ими слѣдующіе Князья: Майданъ въ семь Эртемъ, Куель въ Цуръ, Куркутанъ въ Гилъ, Ипаонъ въ Кулпезъ, Кайдумъ въ Харобовъ, Коставъ въ Талматъ, Гаце въ Хоманъ и Батанъ въ Цопонъ. Я притомъ эти имена единственно съ тою цѣлюю, не объяснить ли ихъ кто нибудь съ помощію Монгольскаго, Калмыкскаго, или другихъ языковъ изъ тѣхъ странъ. Последнее имя Батанъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ именемъ великаго Монгольскаго завоевателя Батты, жившаго въ тринадцатомъ вѣкѣ. По смерти этихъ Князей, по древнему закону и обычаю, дѣлались преемниками ихъ не сыновья или братья ихъ, но сыновья ихъ дядей по отцу, или даже внуки послѣднихъ, ибо они не хотѣли, чтобъ такое достоинство всегда оставалось въ одной линіи, но и не выходило бы изъ рода. По изгнаніи Пащинаковъ съ Волги, нѣкоторые изъ нихъ добровольно остались тамъ, жили между Удами и были тамъ еще во время Константина, впрочемъ такъ, что легко можно было узнать, кто они были, и какъ отдѣлялись отъ своихъ единоземцевъ; ибо они ходили въ короткихъ платьяхъ, простирившихся до колѣнъ, и съ обрѣзанными рукавами, чтобъ показывать тѣмъ, что они были оторваны отъ своихъ единоземцевъ. На сторонѣ Днѣпра, которая была обращена къ Бугаріи, лежатъ нѣкоторые города въ развалинахъ при перевозахъ чрезъ означенную рѣку; первый называли Пащинаки Аспронъ, то есть бѣлыиъ, ибо онъ былъ построенъ изъ бѣлаго камня; второй Тунгате, третій Кракнате, четвертый Сальмакате, пятый Сакакате, и шестой Пяюкато. Между развалинами этихъ породовъ есть слѣды церквей и каменныхъ крестовъ, почему нѣкоторые думаютъ, что тамъ жили прежде Римляне. Эти три семьи или племени Пащинаковъ, то есть Ябдіэртимъ, Кварцицуръ и Хабуксингала, назывались Кангаръ. Последнее племя Константинъ называетъ въ другихъ случаяхъ всегда только Гила. Эти Кангаръ подняли оружіе противъ Хазаровъ, но были побѣждены, послѣ чего они вторглись въ землю Турковъ и побѣдили ихъ. Одни изъ Турковъ пошли тогда на востокъ и поселились близъ Персіи, а другіе на западъ, въ мѣста называемыя Атель-кусу, занимаемыя теперь Пащинаками. Послѣ такого описанія дѣлается въроятнымъ, что Турки занимали сначала землю восточныхъ Пащинаковъ, а потомъ убѣжали оттуда, и поселились въ землѣ, занятой въ послѣдствіи времени западными Пащинаками. Но что собственно разумѣется подъ Ателью-кусу, инѣ неизвѣстно; должно впрочемъ подъ нею разумѣть нѣкоторые, если не всѣ, земли западныхъ Пащинаковъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Пащинаки снова напали на Турковъ, когда правилъ ими Арпадъ, побѣдили ихъ, и принудили бѣжать къ великой Моравіи, и съ того времени не было уже болѣе войны между сими двумя народами. Симеонъ, Царь Болгарскій, по-

сыдаль, въ царствованіи Греческаго Императора Льва Философа, пословъ изъ Пацинакамъ, и заключилъ съ ними союзъ для нападенія на Турковъ, бывшихъ его врагами, и для опустошенія земли ихъ. Турки, не зная о томъ, пошли противъ Волгаріи; но тогда Пацинаки вторглись въ ихъ землю, избивъ семейства ихъ, и выгнали оттуда тѣхъ, которые были оставлены для охраненія земли. Турки, по возвращеніи своемъ, нашли землю опустошенною и разоренною, послѣ чего они переселились туда, гдѣ жили послѣ. Но та земля, которую Турки овладѣли сначала, называлась отъ протекающей чрезъ нее рѣки Этель и Кусу, гдѣ теперь живутъ Пацинаки и гдѣ Турки жили въ послѣднее время. Въ этомъ мѣстѣ встрѣчаются различныя древніе памятники. Трапновъ мостъ при входѣ въ Турцію (что конечно довольно согласно съ тѣмъ, что я прежде сказалъ по Байеру о границахъ Турціи и Пацинакии въ тѣхъ мѣстахъ), Вѣлеградъ, лежащій на три дня ѣзды отъ моста, въ которомъ есть башня изъ временъ Константина Великаго (такъ какъ между сими двумя мѣстами почти тридцать шесть миль, то по этому численію приходится по двѣнадцати миль на одинъ день ѣзды; но при этомъ должно замѣтить, что здѣсь говорится не о ѣздѣ на сушѣ, но по рѣкѣ Дунаю), а оттуда до Сирмиумъ было на два дня ѣзды, послѣ чего слѣдовала великая Моравія. Изъ этого описанія видно, что самъ Императоръ Константинъ подъ Этелью-Кусу понималъ Молдавію и Валахію; но не перемѣшалъ ли онъ земель, это другое дѣло; ибо въ этихъ земляхъ нѣтъ рѣки, известной мнѣ подъ именемъ Этели, тогда какъ известно, что Волга называлась такъ же Этелью или Ателью, почему я скорѣе вѣрю, что подъ Этелью-Кусу должно разумѣть нѣкоторыя земли подлѣ Волги, гдѣ нѣкоторыя племена Турковъ жили некогда. Пацинакія простиралась отъ Дистры при Дунаѣ до Саркела, въ длину на шестьдесятъ дней ѣзды (что, полагая четыре мили на каждый день, составитъ двѣсти сорокъ миль) и тянулась вдоль Россіи и Босфора до Херсона и до Сарата, Бурата и тридцати земель. Самъ же Императоръ говоритъ въ другомъ сочиненіи²⁵, что къ Пацинакскимъ Князьямъ или Архонтамъ, какъ онъ называетъ ихъ, писалось съ такою надписью: Письма отъ Константина и Романа, Христолюбивыхъ Императоровъ Римскихъ, къ Князьямъ Пацинакскимъ, а внизу такого письма привѣщивалась золотая булла или печать.

§. 10.

**КАКЪ И КОГДА ПАЦИНАКИ ОВЛАДѢЛИ ТОЮ ЗЕМЛЕЮ, КОТОРАЯ
БЫЛА ТРЕТЬИМЪ МѢСТОМЪ ИХЪ ЖИТЕЛЬСТВА.**

Разсматривая величину земли, въ которой Пацинаки основали свое третье жительство, нельзя думать, чтобъ они въ одинъ годъ,

²⁵ Constant. de Ceremoniis aulae Byzantinae. Ex edit. Reiskii Lipsiae, 1751, fol. L. 2, c. 48. p. 399.

или вдругъ овладѣли ею. Къ сему же должно присовокупить, что Венгры или Турки, кажется, два раза были вытѣснены Пацнаками. Въ первый разъ съ 889 по 893 годъ, когда они жили между Дономъ и Днѣпромъ, даже прежде того времени, потому что мы находимъ, что Турки уже 889 года вторглись въ Венгрію, и что Пацнаки, какъ должно думать, 893 года имѣли уже часть земли ихъ въ своей власти, ибо Императоръ Константинъ говорить въ одномъ мѣстѣ, что они жили тамъ въ продолженіи 55 лѣтъ, до того времени, какъ онъ писалъ свое сочиненіе. Но поедину въ другомъ мѣстѣ рассказываетъ онъ, что они жили въ землѣ ихъ только 50 лѣтъ, а по словамъ Нестора, Угры прошли мимо Кіева 898 года, что совершенно согласуется съ счисленіемъ Императора, то должно полагать, что Пацнаки овладѣли землею между Днѣпромъ и Дунаемъ не прежде 898 года. Но здѣсь встрѣчается впрочемъ большое затрудненіе въ томъ, что Угры, какъ говорится, прошли мимо Кіева, и потому шли они, кажется, съ сѣвера; а изъ сего слѣдуетъ, что эти Угры жили на востокъ отъ Днѣпра и, можетъ статься, были изъ оставшихся позадъ, тогда какъ прочіе единосемцы ихъ бѣжали отъ Пацнаковъ; ибо нельзя отрицать того, что эти Венгры жили на востокъ отъ Днѣпра. И что Венгры поселились раньше въ Молдавіи и Валахіи, видно изъ повѣствованія Кедрина²⁶, что Императоръ Левъ Философъ, въ третій годъ своего царствованія, то есть въ 889, призвалъ ихъ оттуда на помощь противъ Болгаровъ. Отсюда слѣдуетъ, что Пацнаки еще до того времени согнали по крайней мѣрѣ большую часть ихъ съ восточныхъ странъ Днѣпра, и только послѣ этого времени вытѣснили ихъ изъ Валахіи и Молдавіи. Последнее должно впрочемъ случиться до 898 года; положимъ, что оно тогда только совершенно кончилось; ибо Венгры, уже вторгнувшіеся въ Великую Моравію, были призваны на помощь Императоромъ Арнульфомъ, около 894 года²⁷, и Императоръ Константинъ, который наилучше всѣхъ зналъ происшествія у Пацнаковъ и Венгровъ, говорить впрочемъ, что Венгры ворвались въ Великую Моравію только послѣ того, какъ были изгнаны Пацнаками. Изъ всего доселѣ сказаннаго ясно видно, что войны между Венграми и Пацнаками, какъ первая, такъ и послѣдняя, продолжались нѣсколько лѣтъ, и что изгнаніе первыхъ въ оба раза длилось также нѣсколько лѣтъ, и что слѣдовательно должно отличать годы, когда войны начинались, и когда онѣ оканчивались, ибо тогда только Пацнаки вступили въ спокойное обладаніе землями ихъ. Годфридъ Витербіенскій²⁸, писавшій около 1186 года, свидѣтельствуешь, что Пинценаты вытѣснили Венгровъ изъ Скиѳии, и что Пинценаты еще въ его время пили звѣриную кровь и ѣли сырое лошадиное, лисичье, волчье и кошечье мясо. Вѣроятно, что они, подобно нынѣшнимъ Татарамъ въ Малой Татаріи, клали мясо подъ

26 Corp. Byz. Tom. 3. p. 467.

27 Regino apud Pistor. Tom. I. p. 69.

28 Apud Pistor. Tom. 2. colon. 469.

себя на верховую лошадь, и потому бѣжали на немъ верхомъ, пока оно не дѣлалось мягкимъ. Что онъ называетъ землю, гдѣ жили Венгры, Скиею, этому не должно удивляться, ибо писатели среднихъ вѣковъ и новыя, по примѣру древнихъ, описиомъ далеко распространяютъ это имя. Между тѣмъ извѣстно, что вся эта земля, которую занимали Пацинаки, была истинная древняя Скиа Геродота. Эгтегардъ Врагѣнскій, или тамъ названный Лѣтописецъ Саксонъ²⁹, заключившій 1139 годомъ, повѣствуетъ годъ 890 годомъ, что Венгры, будучи вѣтвистою Печенаками, были призваны на помощь Арнульфомъ противъ Зендибоалха, Короля Моровскаго. Алберикъ, инокъ *triginta sextum*³⁰, кончившій свою Лѣтопись 1241 годомъ, подводитъ это годъ 893 годъ.

§ 41.

ВОЕННЫЯ ДѢЛА ПАЦИНАКОВЪ ВЪ ДЕСЯТОМЪ ВѢКѢ.

Показавъ такимъ образомъ, какъ и когда Пацинаки овладѣли землями, составившими ихъ третье мѣсто жительства, я скажу теперь о томъ, что они тамъ совершили, слѣдуя, сколько возможно, порядку времени. Послѣ 903 года они и Куманы (Уцы) дѣлали безпрестанныя нападенія на Семиградіе, которое было заселено тогда Влахами (родъ Болгаровъ и Валаховъ) и Славянами, которые не имѣли другаго оружія, кромѣ лука и стрѣлъ, и вскорѣ потомъ были покорены Венграми³¹. Изъ этого мѣста слѣдовало бы заключить, что Куманы уже такъ рано зашли далеко въ Европу; но другія, притомъ важныя причины и свидѣтельства не позволяютъ согласиться на это мнѣніе; почему его должно подвести подъ одну изъ многихъ незначительныхъ погрѣшностей, встрѣчающихся у сего Венгерскаго Писателя, хотя у него есть превосходная извѣстія. (По Куманы-Уцы, можетъ ли это быть правильно?) Развѣ должно думать, что онъ жилъ во время Бѣлы Четвертаго, правившаго Венгрію съ 1235 по 1270 годъ. Между 912 и 919 годомъ, когда Зоя управляла Греческою Имперіею вмѣсто сына своего, юнаго Константина, Симеонъ, Царь Болгарскій, опять сдѣлалъ нападеніе на Оракію; при этомъ случаѣ Іоаннъ Вага домогался себѣ Патріаршества, и обѣщался доставить за то вспомогательное войско Пацинаковъ. Почему онъ отправился съ дарами въ Пацинакію, привезъ съ собою въ Константинополь заложниковъ, и обѣщанія, что они перейдутъ чрезъ Дунай и начнутъ войну съ Симеонъ. Послѣ чего Патрицій и Друнгарій, то есть Адмиралъ, Романъ и Іоаннъ, сынъ Ваги, были отправ-

29 In Ess. corp. Hist. med. aevi, Tom. 1. col. 226.

30 Ex edit. Leibnitii, Pars I. p. 225.

31 Anonymi hist. Ducum Hungariae, in Schwandtneri Script. Hung. Tom. I. p. 18. c. 25.

демы со воймъ «лотомъ къ Дунаю, для пересадки Падинакова через него; но эти два чинаника такъ рассорились между собою, что Падинаки разошлись по своимъ жилищамъ и не сдѣлали никакого пособія. По возвращеніи назадъ, Романъ едва не лишился своихъ очей. Такъ рассказываетъ это Леонъ Грамматикъ³², писавшій около 950 года. Кедринъ³³, заключившій свою Исторію 1057 годомъ, говоритъ объ этомъ происшествіи такъ же, исключая того, что Вога, какъ онъ называетъ его, искалъ только сама Патриція, что и вѣроятно. Зонаръ³⁴, кончившій свою Исторію 1118 годомъ, повѣствуетъ объ этомъ такъ же, съ прибавкою впрочемъ расказа некоторыхъ другихъ, что какъ Адмиралъ Романъ, такъ и Доместикъ войска, то есть верховный полководецъ, Левъ Фега, оба домогались Императорской власти, и что послѣднему было оказано, что первый отплылъ съ «лотомъ, чтобъ захватить ее въ свои руки, почему онъ поспѣшно возвратился назадъ и уступилъ такимъ образомъ побѣду Волгаремъ, которые обратились, было, въ бѣгство. Неизвѣстно по крайней мѣрѣ, что Романъ чрезъ нѣсколько лѣтъ достигъ Императорской власти и сослалъ Императрицу Зою въ монастырь. Хотя онъ предлагалъ инаи Императора юному Константину, но сама распорядилась великими дѣлами самовластно, а Константинъ, оставался съ ономъ, былъ ниже его и его сыновей. Безыменный Писатель³⁵, писавшій около 961 года, Симеонъ Логоветъ³⁶, заключившій свое сочиненіе такъ же 961 годомъ, и Георгій Инкоа³⁷, кончившій около 960 года, рассказываютъ это происшествіе такъ же, какъ Кедринъ, исключая то, что два послѣдніе прибавляютъ, что Романъ не хотѣлъ принять на кораблѣ Римлянъ, бѣжавшихъ отъ Болгаровъ. Послѣку всё они говорятъ, что Вога искалъ мѣста Патриція, то вѣроятно, что у Леона Грамматика ошибка переписчика, когда онъ говоритъ, что онъ искалъ себя патриаршества. 916 года Падинаки сдѣлали первое нападеніе на Россію³⁸, и въ тотъ же годъ, по словамъ Нестора, случилось между Греками и Падинаками то, что я только что рассказалъ выше. 944 года пошелъ Русскій Великій Князь Игорь съ многочисленнымъ войскомъ изъ различныхъ народовъ, между которыми были и Падинаки, противъ Константинополя, какъ кажется, на судакъ, но Греческій Императоръ заключилъ съ нимъ миръ и далъ ему знатные дары, послѣ чего Игорь отрядилъ Падинаковъ вести войну съ Волгарами³⁹. Это

32 Corpus Byz. Tom. 6. p. 389 et 390.

33 Ibid. Tom. 8 p. 419 et 421.

34 Ibid. Tom. 10. Pars. 2. l. 16. p. 146.

35 Ibid. Tom. 16. p. 179 et 180.

36 Ibid. p. 356 et 357.

37 Ibid. p. 424 et 425.

38 Nestor in Müller's Samml. Ruf. Gef. 1. p. 19.

39 Nestor. p. 21 et 22.

повеліе, вѣроятно, простиралось только на Пащинаковъ, служившихъ ему, безъ сомнѣнія, за плату. 969 (но можетъ статься, вѣрнѣе 968 года) Пащинаки опять сдѣлали нападеніе на Россію, тогда какъ Великій Князь Святославъ былъ въ отсутствіи и вѣлъ войну съ Болгарами и Греками. Они держали въ осадѣ его мать Ольгу и сыновей Ярополка и Олега въ Кіевѣ до того, что тамъ открылся голодъ. Но одинъ отрокъ, знавшій Пащинакскій лагерь, вышелъ изъ города, переплылъ Днѣпръ и собралъ нѣсколько вспомогательнаго войска у ближайшихъ народовъ, съ которыми вышелъ противъ Пащинаковъ, распустивъ напередъ слухъ, что это былъ самъ Великій Князь Святославъ со всѣмъ своимъ войскомъ; чѣмъ они были такъ утрашены, что обратились въ бѣгство⁴⁰. Ломоносовъ⁴¹ рассказываетъ это объ Игорѣ такъ, что онъ имѣлъ Пащинаковъ на жалованьи, держалъ у себя ихъ заложниковъ, и что они большею частію получили золото и шелковыя матеріи, подаренныя ему Греческимъ Императоромъ Романомъ; а объ осадѣ Кіева, что Руссы пришли ему (Кіеву) на помощь на судахъ, что они взяли къ себѣ престарѣлую Великую Княгиню Ольгу и юныхъ сыновей Святослава, объявивъ, что они были только передовымъ войска Святослава, и что все Святославово войско слѣдуетъ за ними, что побудило Пащинакаго Князя заключить миръ съ Русскимъ воеводою, и подарить ему коня, саблю и стрѣлу, за что самъ онъ получалъ отъ него броню щитъ и мечъ. Потомъ Святославъ дѣйствительно возвратился назадъ и протѣвалъ Пащинаковъ далеко отъ Кіевскихъ границъ. 971 года⁴² Святославъ опять сдѣлалъ нападеніе на Греческую Имперію и имѣлъ между другими народами Пащинаковъ съ собою. Война продолжалась съ перемѣннымъ щастіемъ, и наконецъ 972 года былъ заключенъ миръ, по которому Святославъ долженъ былъ возвратиться въ Россію съ малою дружиною, но богатою добычею. Одинъ изъ его воеводъ, Свенельдъ совѣтовалъ ему возвратиться въ Кіевъ сухимъ путемъ, потому что плаваніе по рѣкѣ Днѣпру было для него опасно отъ Пащинаковъ, жившихъ около Днѣпровскихъ пороговъ. Но не смотря на это, Святославъ отправился послѣднимъ путемъ, и испыталъ на себѣ худыя слѣдствія отъ того, ибо жители Переяславца въ Булгаріи извѣстили обо всемъ Пащинаковъ, которые окружили потомъ Руссовъ при Днѣпровскихъ порогахъ такъ, что они принуждены были зимовать въ Бѣлобережьи (то есть въ озерѣ Березенѣ, которое чрезъ узкое отверстіе соединяется съ Чернымъ моремъ, въ двухъ миляхъ ниже Очакова, изъ чего видно, что Руссы возвратились съ своимъ флотомъ назадъ), гдѣ они претерпѣвали такой голодъ, что лошадиная голова стоила полгривны (вся гривна составляла почти двѣнадцатую

⁴⁰ Nestor, p. 98.

⁴¹ Alte Rus. Geschichte, p. 92, 93, 112 et 113.

⁴² Lomonossow's Alte Rus. Geschichte p. 118. 125.

часть Голландскаго червонца)⁴³. Потомъ они опять пустились въ свой путь, но въ началѣ весны (973 года) нечаянно были настигнуты при упомянутыхъ порогахъ Пащинакскимъ Княземъ Курею, и Святославъ съ большею частію своей дружины былъ убитъ; немногіе проводили Свенельда невредимымъ до Кіева. Пащинаки обдѣлали Святославовъ черепъ въ золото и, сдѣлавъ на немъ надпись: Кто ищетъ чужаго сокровища, тотъ потеряетъ свое собственное, пили потомъ изъ него на своихъ пиршествахъ. Мюллеръ⁴⁴ хотя и пользовался Несторомъ, уклоняется однакожъ въ слѣдующемъ отъ расказа Ломоносова: Воеводу, совѣтовавшаго Святославу возвратиться въ Кіевъ верхомъ на конѣ, называетъ онъ Отенемъ Свенальдомъ; суда, на которыхъ возвращался Святославъ, были, говорить онъ, очень малы; Пащинаки поджидали его на нѣкоторыхъ небольшихъ островахъ, лежащихъ въ Днѣпрѣ (безъ сомнѣнїя на тѣхъ самыхъ, гдѣ живутъ теперь Запорожскіе козаки), и угрожали ему потопленіемъ его; мѣсто, гдѣ онъ провелъ зиму, называлось Бѣлымъ - берегомъ; и наконецъ, что Святославъ былъ, сначала взятъ въ плѣнъ, а потомъ умерщвленъ. Такъ кончилъ свою жизнь сей мужественный и воинственный Князь, колебавшій неоднократно Булгарію и Греческую Имперію. Греческіе Писатели говорятъ объ этомъ достопримѣчательномъ событіи такъ: Кедринъ⁴⁵ говорить, что Свендостлавъ, такъ онъ называетъ его, сторгся во Фракію съ войскомъ изъ 308,000 воиновъ, состоящимъ изъ Руссовъ, Болгаровъ, Пащинаковъ и Турковъ или Венгровъ, такъ что Руссы и Болгары шли въ военномъ порядкѣ по себѣ, Турки по себѣ, а Пащинаки сами по себѣ. Последніе были побѣждены хитростію такъ, что часть Грековъ, показавшись предъ ними, притворилась оробѣвшею и отступила назадъ, потомъ пустилась даже бѣжать, почему Пащинаки, называемые у него такъ же Скивами, преслѣдовали ихъ безъ малѣйшаго порядка до тѣхъ поръ, пока не напали на большую Греческую армію; тогда было сдѣлано на нихъ нападеніе съ переди и съ тылу и съ обѣихъ сторонъ, и они почти всѣ погибли. Пащинаки, не бывшіе въ этомъ сраженіи, не устрашились и выступили противъ Грековъ, но и они, послѣ жестокаго сраженія, были побѣждены. Многіе изъ нихъ были убиты, еще болѣе взято въ плѣнъ, а самая большая часть остались ранеными; даже, если бы не наступила ночь, ни одинъ изъ нихъ не ушелъ бы оттуда. Когда былъ заключенъ миръ между Руссами и Греками, то Греческій Императоръ Іоаннъ Цимисхій, побуждаемый Русскимъ Великимъ Княземъ, согласился потребовать отъ Пащинаковъ чрезъ пословъ, чтобъ они были союзниками и друзьями Грековъ, не переходили бы болѣе чрезъ Дунай, для опустошенія Булгаріи, и позволили

43 Гривна, какъ и Исландская марка, составляла фунтъ, а полугривна—полфунта серебра.

Примѣч. Переводч.

44 L. c. p. 102 et 103.

45 Corp. Byz. Tom. 8. p. 522. 523. 534.

бы Русскимъ свободно возвратиться въ свою землю. Пацинаки согласились на все, кромѣ статьи о свободномъ возвращеніи Руссовъ; почему они подстерегали ихъ и умертвили Сфендослава со всею его дружиною, потому что они сердились на него за то, что онъ заключилъ миръ съ Греками. Зонаръ⁴⁶ рассказываетъ все это такъ же, только что короче. По смерти Святослава правилъ сынъ его Ярополкъ, съ двумя братьями своими Олегомъ и Владиміромъ почти до 980 или 981 года, такъ что каждый изъ нихъ имѣлъ свой собственный удѣлъ. Но Ярополкъ одного изъ своихъ братьевъ, Олега, убилъ, а другаго, Владиміра, изгналъ, и былъ потомъ такъ счастливъ, что сдѣлалъ Пацинаковъ данниками себѣ, которыхъ Князь Алдея вступилъ потомъ въ Русскую службу и получилъ, кромѣ великихъ почестей, города и земли (вѣроятно, что Ярополкъ побѣдилъ только часть Пацинаковъ, ибо здѣсь говорится только объ одномъ Князѣ, а они имѣли ихъ много). Но послѣ нѣкотораго времени убѣжавшій отъ него Владиміръ возвратился съ многочисленнымъ войскомъ Варяговъ. Вѣрный слуга Ярополка, по имени Варяжко, совѣтовалъ ему удалиться къ Пацинакамъ, но онъ, по наущенію предателя Блуда, отдался своему брату и былъ умерщвленъ. Варяжко, или по словамъ Мюллера, самъ Блудъ, не полагавшійся на свою безопасность, убѣжалъ потомъ къ Пацинакамъ, возбудилъ ихъ Князей, и съ помощію ихъ велъ продолжительную войну противъ Владиміра⁴⁷. Этотъ Государь оставилъ языческую религію и крестился 988 года, принявъ Греческую Христіанскую вѣру; его примѣру послѣдовалъ Пацинакскій Князь Метиганъ, крестившійся въ Херсонѣ. Пацинаки обезпокоивали его безпрестанными нападеніями, почему онъ приказалъ строить города по рѣкамъ Деснѣ, Выстри (Остеру), Трубежу, Сулѣ и Стугну, и населилъ ихъ Новгородскими Славянами, Кривичами, Ватичами и Чудью. 988 года онъ окончилъ войну противъ Пацинаковъ выгодно. Между 991 и 993 годами, онъ велъ войну съ Болгарами и Хорватами, но Пацинаки подоспѣли къ нимъ на помощь въ великомъ числѣ. Они встрѣтились съ Руссами при рѣкѣ Трубежѣ, такъ что каждое войско находилось на своей сторонѣ рѣки. Пацинаки выставили съ своей стороны одного силача и требовали того же отъ Руссовъ съ тѣмъ, чтобы они кончили дѣло поединкомъ, и чтобы тотъ, кто побѣдитъ, считался побѣдителемъ за весь свой народъ. Одинъ сильный Россіанинъ явился и побѣдилъ Пацинака; послѣ сего все Пацинакское войско обратилось въ бѣгство и потерпѣло сильное пораженіе. Въ память этой побѣды Владиміръ приказалъ построить на томъ мѣстѣ городъ Переяславль, или: Онъ перелѣлъ славу (то есть Пацинаковъ). 998 года Пацинаки напали на него неожиданно въ городѣ Василевѣ, гдѣ онъ былъ съ малою дружиною, такъ что онъ принужденъ былъ бѣжать и спрятаться подъ городскимъ мостомъ. Между тѣмъ, какъ онъ 999 года въ Новгородѣ,

⁴⁶ Согр. Вуз. Том. 10. Pars 2. L. 17. p. 165 et 168.

⁴⁷ Lomposow, p. 127 — 133. Müller, p. 103 — 105.

они осадили городъ Вѣлгородъ и довели его до крайности голодомъ; но онъ, готовый уже сдаться, былъ спасенъ благоразуміемъ своихъ гражданъ, которые заставляли думать своихъ непріателей, что у нихъ есть еще великое множество състныхъ припасовъ⁴⁸.

§ 12.

ВОЕННЫЯ ДѢЛА ПАЦИНАКОВЪ ВЪ ОДИННАДЦАТОМЪ ВѢКѢ.

Въ одиннадцатомъ вѣкѣ встрѣчаю я слѣдующія военныя дѣла Пацинаковъ: Мужественный Польскій Король Болеславъ 1013 года велъ войну съ Русскимъ Великимъ Княземъ Владиміромъ при помощи Нѣмцовъ, но имѣлъ и Пацинаковъ съ собою, которыхъ онъ, не смотря на то, что они были у него въ гостяхъ, приказалъ всѣхъ умертвить⁴⁹. 1015 года Греческій Императоръ Василій узналъ, что Болгарскій Царь Іоаннъ и воевода Кракрасъ соединились вмѣстѣ, и поджидали вспомоgetельнаго войска Пацинаковъ, почему онъ самъ выступилъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ къ Булгаріи, но Пацинаки не пришли⁵⁰. Въ тотъ же самый годъ умеръ Россійскій Князь Владиміръ, почему открылась война между двумя сыновьями его Святполкомъ, княжившимъ въ Кіевѣ, и Ярославомъ Княземъ Новгородскимъ. Первый имѣлъ Пацинаковъ, какъ вспомоgetельное войско, но былъ побѣжденъ 1016 года въ кровопролитномъ сраженіи и принужденъ бѣжать въ Польшу. Тамъ склонилъ онъ на свою сторону храбраго Короля Болеслава, который съ сильнымъ войскомъ Поляковъ, съ 300 Нѣмцовъ, 500 Венгровъ и 1000 Пацинаковъ вшелъ 1018 года въ Россію и, побѣдивъ Ярослава въ великой битвѣ, вошелъ въ Кіевъ. Дитмаръ, Епископъ Мерзебургскій, жившій въ тѣ времена, свидѣтельствуетъ, что между различными народами, жившими въ Кіевѣ, были и хищные Пацинаки. Но вскорѣ потомъ Ярославъ пришелъ назадъ, и вошелъ снова въ Кіевъ, а Святполкъ убѣжалъ къ Пацинакамъ, и возвратился съ сильною Пацинакскою арміею. Тогда произошло кровопролитное сраженіе, но наконецъ Ярославъ одержалъ побѣду, а Святполкъ, былъ принужденъ бѣжать и умеръ во время бѣгства⁵¹. Около 1026 года Пацинаки вторглись въ Булгарію, принадлежавшую тогда Грекамъ, умертвили и взяли въ плѣтъ множество народа, полководцевъ и воиновъ. Почему Императоръ Константинъ сдѣлалъ мамѣстника Сирмійскаго Діогена герцогомъ Булгарскимъ, который часто нападалъ на нихъ, когда они бы-

48 Lomonosow, p. 162. 166. 168. 170 et 171. Müller, 110 — 112.

49 Ditmar. in Leibn. Script. Brunsw. T. I. p. 397.

50 Cedrenus Corp. Byz. Tom. 8. p. 557.

51 Lomonosow, p. 175 — 184. Müller, p. 174 — 184. Но кажется должно поставить 174. Ditmar. in Leibn. Script. Brunsw. Tom. 1 p. 426 et 427.

ли въ разстаніи, и принуждалъ ихъ переходить черезъ Дунай⁵². Въ правленіе Императора Романа въ Греціи, Пацинаки 1031 года ограбили Мизию, то есть Булгарію⁵³. 1035 года, въ царствованіе Греческаго Императора Михаила, они опустошили всю Булгарію до Фессалоники въ Македоніи, а 1036 года весною они сдѣлали трижды нападеніе на ту же самую землю, опустошили все и перебили, безъ различія возраста, всѣхъ своихъ пѣвниковъ самымъ мучительнымъ и жестокимъ образомъ. Они плѣнили тогда же пять полководцевъ⁵⁴. Въ тотъ же самый годъ они сдѣлали нападеніе на Россію и осаждали Кіевъ, тогда какъ Великій Князь Ярославъ находился въ Новгородѣ. Но онъ возвратился съ многочисленною силою, состоявшею изъ Руссовъ, Славянъ и Варяговъ, и побѣдилъ ихъ наконецъ совершенно, послѣ упорнаго сопротивленія. На томъ мѣстѣ, гдѣ происходила битва, сооружена потомъ церковь Св. Софіи. Ломоносовъ говоритъ, что съ того времени не было болѣе слышно имя Пацинаковъ; но это опровергается слѣдующими происшествіями изъ Исторіи ихъ⁵⁵. Между 1044 и 1050 годами Пацинаки опять имѣли дѣла съ Греческимъ Императоромъ Константиномъ Мономахомъ. Кедринъ пишетъ объ этомъ такъ⁵⁶, и дѣлаетъ притомъ слѣдующее достопримѣчательное описаніе состоянія Пацинаковъ въ тѣ времена: Они — Скиѣскій народъ, изъ царственныхъ Скиѣовъ, великорослый и многочисленный, противъ котораго никакой другой Скиѣскій народъ одинъ устоять не можетъ. Онъ дѣлится на тринадцать племенъ (здѣсь или Кедринъ ошибается, или со времени Императора Константина случилась у Пацинаковъ значительная перемѣна, ибо въ его время было ихъ только восемь), которыя хотя всѣ назывались Пацинаками, но каждое изъ нихъ носило на себѣ имя своего Князя. Они жили между Дунаемъ и Днѣпромъ до Панноніи, и переходили съ мѣста на мѣсто, живучи подъ шатрами. Ими управлялъ тогда Тирахъ, сынъ Кіетера, изъ одного весьма знаменитаго племени, но впрочемъ миролюбивый и спокойный. Въ то же самое время былъ тамъ еще нѣкто по имени Кегенесъ, сынъ Балтцара, весьма низкаго происхожденія, но храбрый и опытный въ войнѣ, побѣждавшій часто Уцовъ, дѣлавшихъ нападенія и бывшихъ Унскимъ народомъ, тогда, какъ Тирахъ не только не осмѣливался противустать имъ, но даже скрывался отъ нихъ въ озерахъ и болотахъ при Дунаѣ. Почему Пацинаки хотя имѣли уваженіе къ Тираху, за его высокое происхожденіе, но они любили Кегенеса за его храбрость. По этой причинѣ Тирахъ возненавидѣлъ

52 Cedren. Corp. Byz. T. 8. p. 564. Zonar. ibid. T. 10. Pars 2. l. 17. p. 179.

53 Cedren. ibid. p. 564. Glycas ibid. T. 9. p. 242.

54 Cedren. ibid. p. 576 et 578.

55 Lomonossow, p. 188. Müller, p. 187 et 188. Dlagossi Histor. Polon. L. 2. T. 1 col. 188.

56 Cedren. ibid. Tom. 8. p. 608 — 609. 611 — 617.

Кенегеса и рѣшился лишить его жизни. Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ покушеній втайнѣ на жизнь, онъ послалъ наконецъ отрядъ, напасть на него и убить. Но Кенегесъ убѣжалъ и скрылся въ болотахъ при Диѳпрѣ. Оттуда возбудилъ онъ свое собственное племя Белемарнисъ и другое по имени Пагуманисъ, отпасть отъ верховнаго Правителя. Съ этими двумя племенами онъ вступилъ потомъ въ борьбу съ Тирахомъ, имѣвшимъ на своей сторонѣ одиннадцать племенъ; но онъ былъ побѣжденъ множествомъ и принужденъ бѣжать. Скитавшись долго по болотамъ, онъ рѣшился наконецъ передаться Греческому Императору. Онъ отправился къ Доростолу на одинъ островъ, съ 20,000 своего народа, и далъ знать намѣстнику страны, Михаилу, сыну Анастасіеву, кто онъ, и что онъ ищетъ Императорскаго покровительства. Императоръ, получивъ извѣстіе о семъ, приказалъ дать содержаніе его народу, а его привести со всѣми почестями въ Византію. Тамъ онъ былъ принятъ дружески и великодушно, сдѣланъ Патриціемъ, вписанъ въ число Римскихъ друзей, и получилъ въ подарокъ три зѣмка при Дунаѣ со многими землями; онъ съ своей стороны далъ обѣщаніе креститься и уговорить къ тому же своихъ единоземцовъ; что и совершенно монахомъ Евеніемъ, который крестилъ ихъ всѣхъ при Дунаѣ. Кенегесъ принялъ потомъ свои новыя земли при Дунаѣ во владѣніе, и укрѣпившись тамъ противъ всѣхъ непріятельскихъ нападеній, переходилъ черезъ Дунай въ Пацинакію и грабилъ, то съ 1000, то съ 2000 человекъ, то съ большими, то съ меньшими числами. Онъ убивалъ всѣхъ мушницъ, а женъ и дѣтей уводилъ и продавалъ Грекамъ. Почему Тирахъ отправилъ посла къ Императору, и приказалъ ему сказать, что такъ какъ между ними заключенъ союзъ, то ему надлежало или не принимать Кенегеса, или по крайней мѣрѣ воспрепятствовать (ему дѣлать вредъ друзьямъ Римлянъ, угрожая войною, если это не прекратится. Императоръ принялъ посла съ презрѣніемъ, просилъ Михаила и Кенегеса охранять берега Дуная и дать ему знать, если покажется какое либо большое войско, чтобъ онъ могъ послать туда западныхъ войска, и тогда же отправить сто галеръ, имѣвшихъ въ три ряда весла, къ Дунаю, для воспрепятствованія черезъ него перехода Пацинакамъ. Тирахъ выждалъ, пока наступила зима, перешелъ чрезъ замершій Дунай съ 800,000 человекъ, какъ носился тамъ слухъ, и началъ разорять и опустошать все. Императоръ, узнавъ о томъ, послалъ Македонскія и Болгарскія войска, вмѣстѣ съ войсками изъ Адрианополя, въ помощь Михаилу и Кенегесу. Съ ними Кенегесъ нанесъ Пацинакамъ великое пораженіе. Къ тому же случилось, что имъ попало въ руки множество скота, вина и меду. О послѣднемъ они даже не слышали прежде, и потому пили его такъ, что получили ужасный рѣзъ, и многіе изъ нихъ умирали отъ него каждый день. Въ такомъ состояніи напалъ на нихъ Кенегесъ, и это нападеніе устрасило ихъ такъ, что они положили свое оружіе, а Тирахъ и другіе Князья сдались плѣнными. Кенегесъ совѣтовалъ умертвить ихъ всѣхъ, ибо змію, говорилъ онъ, должно убивать зимою, когда

она не можетъ шевелить своимъ хвостомъ , чтобъ она не причиняла вреда , когда отогрѣется теплотою солнца. Но Римскіе полководцы не находили удовольствія въ такомъ поступкѣ и признавали, что онъ несообразенъ съ Римскою кротостію , и что лучше разсѣять ихъ по пустымъ землямъ Булгаріи ; ибо чрезъ это Императоръ можетъ получать значительныя доходы, и вмѣстѣ имѣть воиновъ противъ Турковъ и другихъ варваровъ. Последнее было приведено въ исполненіе, впрочемъ Кенегезъ умертвилъ всѣхъ Пацинаковъ , доставшихся ему въ плѣнъ, исключая тѣхъ, которыхъ онъ продалъ, и возвратился потомъ въ свои помѣстья. Прочіе , по отобраніи у нихъ оружія , были разсѣяны намѣстникомъ Булгаріи Василиемъ Монахомъ по полямъ близъ Сардики , которыя были опустошены и лежали недалеко отъ Софіи, Нанса, теперь Ниссы, и Евтзапеля. Тирахъ напротивъ того со 140 другими мужами былъ отведенъ къ Императору, который принялъ ихъ ласково, повелѣлъ окрестить и оказывалъ имъ великія почести, такъ что они вели у него жизнь спокойную. Вскорѣ потомъ возгорѣлась у Императора война съ Персидскимъ Султаномъ и онъ вооружилъ тогда между прочими 15,000 Пацинаковъ и поставилъ надъ ними четырехъ предводителей изъ Пацинаковъ же, находившихся въ Константинополь: Султцума, Сельте, Карамана и Каталейма. Онъ далъ имъ значительныя дары и прекрасное оружіе. Его намѣреніе было—послать ихъ въ Иверію, чтобъ они сражались тамъ съ Персами. Переправившись въ Азію и дошедши уже до Мелитены, Каппадокійской страны близъ Евфрата, они собрались на совѣтъ, называвшійся у нихъ Кементономъ, и совѣтовались, какъ бы имъ сдѣлаться свободными. Мнѣнія были различны, но наконецъ Каталеймъ уговорилъ ихъ соединиться съ своими единоземцами въ Булгаріи, хотя они не имѣли кораблей, и хорошо знали, что онъ не можетъ достать ихъ. Пріѣхавъ къ морю (вѣроятно къ Геллеспону, ибо чрезъ Босфоръ они не осмѣлились бы переплыть, потому что имъ надлежало бы проѣзжать прямо мимо Константинополя), онъ прищпорилъ свою лошадь, сказавъ: Тотъ, кто хочетъ спасти себя и всѣхъ Пацинаковъ, слѣдуй за мною ! и пустился вплавъ черезъ море, сопровождаемый то однимъ, то другимъ, потому что они всѣ были на коняхъ, а наконецъ всѣми, такъ что нѣкоторые потеряли свое оружіе, но другіе сберегли его. Такимъ образомъ они переплыли на другую сторону подлѣ Святаго Тарасія и поскакали, не встрѣтивъ нигдѣ сопротивленія, къ своимъ единоземцамъ, съ которыми соединились у Триадицы, а потомъ и съ жившими по другимъ мѣстамъ, и, вооружившись топорами, косами и другими земледѣльческими орудіями, двинулись противъ Фидипполя, перешли черезъ гору Гемъ (Балканы), и поставили свои шатры при рѣкѣ Осемъ по полямъ близъ Дуная; одинъ Сельте остался въ Либицѣ, но во время неожиданнаго нападенія на него Аріанитою съ Македонскими войсками, потерялъ свой лагерь и былъ принужденъ бѣжать. Мѣсто, на которомъ укрѣпились Пацинаки, называлось сто высотъ, и составляло пространную равнину между Гемомъ и Дунаемъ къ морю, покрытую хворостомъ и лѣсомъ, и имѣв-

жую множество воды и луговъ. Въ такомъ состояніи Кенегесъ былъ позванъ ко Двору, но три Пацинака напали на него ночью, и нанесли ему нѣсколько ранъ во снѣ, не смертельныхъ впрочемъ, потому что сынъ его Баатацаръ съ нѣкоторыми другими подоспѣлъ къ нему на томошь и схватилъ ихъ. Баатацаръ приказалъ посадить отца въ четырехколесную повозку, которую везли двѣ лошади, и сопровождалъ его самъ съ братомъ своимъ Гудиномъ пѣшкомъ, тогда какъ всѣ другіе Пацинаки ѣхали верхомъ, а убійцы связанные были ведены позади. Самъ онъ ничего не могъ сдѣлать имъ, потому что они ссылались на Императора, которому на вопросъ, почему они это сдѣлали, отвѣчали, что Кенегесъ былъ невѣренъ и намѣревался рано утромъ ограбить городъ, умертвить всѣхъ жителей его и возвратиться къ Пацинакамъ. Императоръ, который былъ чрезвычайно подозрителенъ, повѣрилъ доносу ихъ и оставилъ дѣло безъ всякаго изслѣдованія, а самаго Кенегеса, подъ предлогомъ заботливости о его здравіи, приказалъ держать подъ стражею, двухъ сыновей его разослалъ по своимъ мѣстамъ, а его Пацинаковъ приказалъ угощать мясомъ и напитками, но искалъ только случая лишить ихъ оружія и лошадей и заточить въ темницу. Убійцамъ далъ свободу идти, куда хотятъ. Пацинаки Кенегеса притворились, будто бы ничего не примѣчали, но во время ночи пустились въ путь, шли не останавливаясь и соединились съ другими Пацинаками, послѣ чего они всѣ вмѣстѣ расположились станомъ у крѣпости Авлы, при входѣ Гема, не далеко отъ Адрианополя, и грабили. Западный Полководецъ, Магистръ Аріанитъ выступилъ противъ нихъ, и въ началѣ имѣлъ нѣкоторыя преимущества, но потомъ потерялъ значительное сраженіе подлѣ крѣпости Дамполя. Послѣ чего Императоръ старался привязать къ себѣ Тираха и другихъ Пацинакскихъ Князей, бывшихъ въ столицѣ, дарами, и заставилъ ихъ клясться, что они усмирятъ своихъ единоземцовъ, и отпустилъ ихъ изъ города. Онъ призвалъ восточныя войска для вспоможенія и поставилъ правителя Никифора воеводою надъ ними, присоединивъ къ нему Катаколону, назначеннаго въ полководцы къ восточнымъ войскамъ, и Эрвевія Франкопула, командовавшаго своими единоземцами Франками. Но Тирахъ и другіе, освободившись изъ столицы, соединились съ своими единоземцами. Римляне были такъ надменны, что везли съ собою канаты и веревки для вязанія Пацинаковъ и въ особенности много тщеславился воевода Никифоръ. Но когда при Діакентѣ, не далеко отъ столицы, дѣло дошло до сраженія, то Римскіе полководцы обратились въ бѣгство; только Катаколонъ съ нѣкоторыми изъ своихъ слугъ и родныхъ сражался храбро, почему всѣ они погибли, исключая самаго Катаколону, который хотя получилъ нѣсколько глубокихъ ранъ, но былъ найденъ между мертвыми однимъ Пацинакомъ, по имени Галиномъ, который, узнавъ его, и открывъ въ немъ признаки жизни, приказалъ перенести въ свой шатеръ и ходилъ за нимъ, такъ что онъ выздоравливалъ. Пацинаки овладѣли Римскимъ станомъ и нашли въ немъ множество оружія. Въ 1050 году Императоръ послалъ противъ нихъ

полководцемъ Этеріарха Константина какъ съ западными, такъ и восточными войсками. Онъ поставилъ свой станъ близъ Адрианополя, куда неожиданно пришли Пацинаки осьмого Июля. Между тѣмъ, какъ воевода, собравъ военный совѣтъ, совѣтовался, выгодно ли имъ дать сраженіе, напалъ на нихъ Патрицій Самуилъ Вурцесъ, человекъ гордый и смѣлый, командовавшій пѣхотою, и пришедъ въ замѣшательство, послалъ за вспомогательнымъ войскомъ къ воеводѣ, который противъ своей воли принужденъ былъ начать тогда сраженіе, которое и было проиграно, не смотря на то, что не много было убитыхъ, между которыми были впрочемъ два знаменитые полководца Михаилъ и Аріанить. Прочіе убѣжали въ станъ, гдѣ были осажены Пацинаками, которые старались наполнить ровъ. Но какъ скоро Пацинакскій предводитель Сульцъ былъ убитъ стрѣлою съ катапульта, и Греческій полководецъ сдѣлалъ вылазку изъ Адрианополя, что заставило думать Пацинаковъ, что это былъ Василій съ Болгарскими войсками, полжидаемыми на помощь, то Пацинаки разсыпались и разбѣжались, куда кто могъ. Послѣ чего Императоръ выслалъ опять многочисленное войско, въ которомъ были также Франки и Варяги, предводимые Никифоромъ Вріенніемъ, подъ именемъ Этнарха, то есть, народнаго Князя. Онъ извлекъ и Кенегеса изъ заточенія, съ обѣщаніемъ склонить Пацинаковъ къ миру, которые послѣ сраженія при Адрианополѣ сдѣлались такъ надменны, что ни во что ставили Римлянъ, но грабили и жгли Македонію и Фракію и убивали даже грудныхъ младенцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ были такъ дерзки, что подошли къ Константинополю, гдѣ они впрочемъ всѣ ночью, пьяные и погруженные въ глубокій сонъ, были перебиты. Ихъ головы были привезены на земледѣльческихъ телегахъ къ Императору. Кенегесъ отправилъ тотъ же часъ пословъ къ Пацинакамъ, которые поклялись во всемъ слѣдовать его волѣ; послѣ сего онъ самъ отправился къ нимъ, но былъ вдругъ умерщвленъ и изрубленъ въ куски. Между тѣмъ Императоръ послалъ опять новаго полководца къ войску, Патриція Михаила Аколуеа, долженствовавшего дѣйствовать за одно съ Вріенніемъ. Они побѣдили непріятельское войско при Голоамѣ, а въ другой разъ при крѣпости Топлицѣ. Почему Пацинаки вышли изъ Фракіи и опустошили страну у подошвы Гема, а потомъ вторглись въ Македонію, гдѣ Греческіе полководцы нечаянно напали на нихъ ночью въ ихъ станъ, когда они спали, послѣ вечерняго пиршества при звукѣ флейтъ и цимбаловъ, и перебили ихъ всѣхъ. Такое пораженіе сдѣлало Пацинаковъ осторожными, такъ что они съ того времени выходили на грабежъ со всею осмотрительностію. Послѣ этого Императоръ приказалъ всѣмъ войскамъ, какъ восточнымъ, такъ и западнымъ, двинуться противъ нихъ, равно какъ и Василю Сиякелу съ Болгарскими, поставивъ Михаила Аколуеа воеводою надъ всѣмъ воинствомъ. По прибытіи его, Пацинаки укрѣпили свой станъ подлѣ Периславы (въ Булгаріи) валомъ и глубокимъ ровомъ и заперлись въ немъ всѣ. Римляне осаждали его долго, но тщетно, и начали наконецъ нуждаться въ про-

визіи. Почему они сняли осаду ночью, но Гирахъ замѣтилъ это, и приказавъ сдѣлать засады на дорогахъ, по которымъ Римляне должны были возвращаться, нанесъ имъ великое поражение. Между мертвыми находился Василій Синкелль. Императоръ былъ очень опечаленъ такимъ произшествіемъ, собралъ народъ снова, даже нанималъ. Пацинаки, узнавъ объ этомъ, послали къ нему и требовали мира, послѣ чего было заключено перемиріе на три года. Это повѣствованіе Кедрина объясняетъ то, что въ противномъ случаѣ было бы темно, и что позднѣйшіе писатели поставляютъ въ сомнѣніи, именно, что Пацинаки и Влахи или Валахи жили въ одинадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкѣ между другими народами въ Булгаріи; ибо что касается до послѣднихъ, то мы не имѣемъ причины сомнѣваться въ томъ, что они пришли въ нее вмѣстѣ съ Пацинаками; ибо они занимали нынѣшнюю Молдавію и Валахію прежде, нежели Турки побѣдили ихъ, которые въ свою очередь были побѣждены Пацинаками, о которыхъ нельзя думать, чтобы они совершенно истребили и вытѣснили Валаховъ, потому что имя Валахіи свидѣтельствуетъ противное. Глика⁵⁷ говоритъ въ немногихъ словахъ, что Пацинаки, въ царствованіе Мономаха опустошали западныя части Имперіи. Этотъ писатель заключаетъ свою Исторію 1118 годомъ. Зонаръ⁵⁸ дѣлаетъ очень краснорѣчивое извлеченіе изъ Кедрина. Миръ, заключенный между Римлянами и Пацинаками, продолжался не долго; ибо послѣдніе нарушили его въ правленіе Исаака Комнина, царствовавшего съ 1057 до 1059 года, и вышли изъ своихъ убѣжищъ; Императоръ выступилъ противъ нихъ, почему всѣ они по своимъ племенамъ и Князьямъ заключили съ нимъ миръ, исключая одного Сельте, который убѣжалъ въ болота Дуная, и держался на одной скалѣ. Онъ дерзнулъ противиться Императору и на равнинѣ, но былъ побѣжденъ и совершенно усмирень, а его крѣпость была взята и разрушена⁵⁹. Глика⁶⁰ и Зонаръ⁶¹ рассказываютъ объ этомъ такъ же. Во время Константина Дуки, въ шестой годъ его правленія, то есть въ 1065, Уцы, народъ Гунискій, которые были благороднѣе и многочисленнѣе Пацинаковъ, перешли съ 600,000 ратныхъ мужей черезъ Дунай и побѣдили Римлянъ. Но между ими открылась моровая язва, почти истребившая ихъ, другіе были перебиты Болгарами и Пацинаками, а не многіе убѣжали за Дунай⁶². Въ бытность Михаила Дуки Греческимъ Им-

57 Corp. Byz. Tom. 9. p. 248.

58 Ibid. Tom. 10. Pars 2. l. 18. p. 202 et 203.

59 Ioannes Scylizes, corp. Byz. Tom. 8 p. 633.

60 Ibid. Tom. 9. p. 250.

61 Ibid. Tom. 10. Pars 2 l. 18. p. 912.

62 Scylizes ibid. Tom. 8. p. 637 et 638. Glycas Tom. 9. p. 251. Zonaras Tom. 10 Pars 2. p. 215.

раторомъ, съ 1071 по 1078 годъ, возмущился противъ него нѣкто Несторъ, управлявшій страню при Дунаѣ, соединился съ Пацинаками и Килземъ ихъ Татомъ, и грабилъ въ Македоніи и Фракіи, но наконецъ былъ принужденъ, не совершивъ ничего важнаго, бѣжать къ Пацинакамъ. Пейсеонель⁶³ думаетъ, что этотъ Татъ сообщалъ свое имя одному племени въ Крыму, называемомъ Татарами Татъ-Эля и живущему по горамъ, и говорить, что это случилось тогда, какъ Пацинаки сошли къ Черному морю: но поелику этотъ писатель не приводитъ ничего дальѣе, и притомъ мало свѣдуещъ въ Исторіи Пацинаковъ, то я полагаю, что это извѣстіе должно отнести ко многимъ ошибкамъ, которыми наполнено его сочиненіе. Въ царствованіе того же Императора Пацинаки осаждали Адрианополь, опустошили окрестъ его лежащую страну, убили много людей и угнали невѣроятное множество скота. Врѣнній, возмущившійся тогда противъ Императора, старался золотомъ и другими дарами склонить ихъ къ тому, чтобъ они возвратились назадъ, что онъ и привелъ въ исполненіе⁶⁴. Никифоръ Врѣнній Кесарь⁶⁵, женатый на дочери Императора Алексѣя Комнина, Амнѣ, и жившій еще 1118 года, свидѣтельствуетъ, что Скионы, такъ онъ называетъ ихъ вездѣ, почти внезапными нападеніями опустошали Фракію и Македонію, и что Врѣнній побѣждалъ часть войска, перешедшаго черезъ Гемъ и опустошившаго страну около Херсонеса. Что онъ взялъ въ плѣнъ многихъ изъ нихъ и по этому заключилъ миръ съ Скионами, возвративъ имъ плѣнныхъ и взявъ нѣсколько человекъ изъ знатнѣйшихъ въ заложники. Никифоръ Врѣнній былъ Греческимъ Императоромъ съ 1078 по 1081 годъ. Въ его правленіе Пацинаки, въ соединеніи съ Куманами, осаждали Адрианополь, сожгли, съ помощію одного костра, много домовъ и возвратились потомъ назадъ⁶⁶. Въ сраженіи противъ возмущившагося Врѣннія они были на сторонѣ Императора, стояли на лѣвомъ крылѣ, и, предводимые Константиномъ Катакаломъ, обратили въ бѣгство своихъ противниковъ, и ограбили обозъ, получивъ въ добычу множество лошадей и прочаго. Въ другой разъ они грабили границы Бугаріи, особенно всю страну между Ниссою и Скопіею, но по приходѣ Алексѣя Комнина обратились въ бѣгство⁶⁷. Въ долговременное царствованіе Алексѣя Комнина, съ 1081 по 1118 годъ, случилось различное съ Пацинаками. Нѣкто Манихей по имени Балъбъ возбуждалъ преданныхъ этой сектѣ къ возмущенію и заключилъ союзъ съ Скионами (такъ называетъ ихъ Анна Комнина почти вездѣ), жившими при Дунаѣ, осадилъ Глабиницу и Дрестру и склонилъ ихъ управи-

63 *Observat. histor. et geogr.* p. 171.

64 *Scylizes ibid.* Tom. 8. p. 667 et 672. *Zonaras* Tom. 10. Part. 2. p. 228 — 228.

65 *Ibid.* Tom. 7. p. 27. 49 et 57.

66 *Scylizes ibid.* Tom. 8. p. 677.

67 *Ibid.* Tom. 7. p. 67 et 75.

телей на свою сторону, а потомъ женился между Скинами на дочери одного знатнаго человека⁶⁸. Черезъ нѣсколько времени вторглось великое множество Пацинаковъ во Фракію и Македонію и грабили ту и другую. Императоръ выступилъ противъ нихъ, но проигралъ первое сраженіе, потомъ имѣлъ однакожь щастіе побѣдить ихъ въ гораздо большемъ сраженіи⁶⁹. Зонаръ⁷⁰ рассказываетъ объ этомъ такъ: Пацинаки оставили свои собственные земли и, вступивъ въ Римскія области, грабили всю Фракію и Македонію. Императоръ потерялъ первое сраженіе, потому что его воины презирали своего врага. Потомъ они сдѣлались осторожнѣе и, призывавъ въ помощь Бога, побѣдили враговъ, изъ которыхъ многіе погибли, а другіе положили оружіе и требовали пощады, которые были взяты потомъ въ плѣнъ и проданы. Сильнѣйшимъ изъ молодыхъ людей Императоръ далъ, какъ для нихъ, такъ и для ихъ женъ и дѣтей, земли для воздѣлыванія въ Могленской области, и составилъ изъ нихъ прекрасный батальонъ, который еще во время Зонара, черезъ свое потомство, былъ въ силѣ, и назывался Пацинаками Могленитами. Изъ этого повѣствованія Зонары видно, что Пацинаки еще до того времени занимали свою прежнюю землю на сѣверъ отъ Дуная, но имѣли ли они еще что нибудь на востокъ отъ Дибра, того не осмѣливаюсь утверждать; скорѣе сомнѣваюсь, смотря на возрастающую силу Удовъ и Руссовъ въ тѣхъ странахъ, и на многіе случаи, въ которыхъ могущество Пацинаковъ было ослаблено, въ особенности на большое сраженіе, которое они потерѣли противъ Россійскаго Князя Ярославъ, и еще болѣе на то множество, которое подъ предводительствомъ Тираха оставило ту землю. Известно, по крайней мѣрѣ, что большая часть войнъ, веденныхъ ими послѣ этого времени противъ Грековъ, были ведены Пацинаками, жившими въ Булгаріи. Никто впрочемъ не можетъ заключать изъ повѣствованія Зонары, что всѣ Пацинаки оставили землю на сѣверъ отъ Дуная; нѣтъ, тамъ остались многіе, жившіе тамъ еще долго въ послѣдствіи времени. Анна Комнина⁷¹ рассказываетъ объ этой войнѣ съ ея отцемъ такъ: Одинъ Скиескій народъ, происходившій отъ Савроматовъ, оставивъ свою собственную землю, явился на Дунай, гдѣ заключилъ союзъ съ жителями при упомянутой рѣкѣ, такъ что первые отправили знатнѣйшихъ людей изъ своего народа въ посольство, а послѣдніе Тата, управлявшаго Дристрою, Халс-Вициною, Сестлава и Сацу, изъ которыхъ тотъ и другой имѣлъ свой городъ (подъ этими жителями рѣки Дуная Анна разумѣетъ Пацинаковъ, жившихъ въ Булгаріи). По заключеніи мира, они перешли черезъ Дунай, ограбили страну и овладѣли нѣкоторыми городами. Послѣ сего начали воздѣлывать зем-

68 Anna Comnena, *ibid.* Tom. 11. p. 126.

69 Glycas, *ibid.* Tom. 9. p. 258.

70 *Ibid.* Tom. 10. Pars. 2. p. 255.

71 *Ibid.* Tom. 11. p. 145—147. 150—162. 166—172.

ли, и съяли просо и пшеницу. Манихей Травль или Бальбъ, унававъ объ этомъ, соединилъ свою силу съ сими народами. Императоръ отправилъ противъ нихъ западнаго Доместика Пакуріана, вмѣстѣ съ храбрымъ мужемъ, по имени Враною. Первый считалъ не нужнымъ начать сраженіе, а другой рѣшился дать его. Оно произошло близъ города Бѣліатова, но Римляне были побѣждены, и оба полководца остались на мѣстѣ. Потомъ былъ посланъ противъ нихъ Татицій, и нѣсколько Кельтовъ подъ предводительствомъ Умпертопула. Подлѣ Филиппополя часть враговъ была побѣждена, а потомъ оба войска стояли въ виду одно противъ другаго при рѣкѣ Эбрѣ. Латыняне (тѣ самые, которыхъ прежде назвала она Кельтами), тщеславились много, и потребовали наконецъ битвы; но полководецъ не захотѣлъ, и оба войска разошлись, не сдѣлавъ ничего. Потомъ весною Тцелгу, бывшій предводителемъ всего Скиесскаго войска, вышелъ въ поле съ 80,000 человекъ, которые состояли изъ народовъ различнаго рода Сарамтовъ и Даскiewiczъ (подъ именемъ послѣднихъ Анна, безъ сомнѣнія, разумѣеть Валаховъ), изъ которыхъ послѣдніе были предводимы Саломономъ. Они ограбили Харіополь и нѣкоторые другіе города. Римскіе полководцы, Николай Маврокатакало и Вемпеціотъ сразились съ ними при Куль, и выиграли сраженіе, такъ что много Скиевовъ осталось на мѣстѣ, и съ ними самъ полководецъ Тцелгу. Прочіе убѣжали къ Дунаю, откуда продолжали грабить пограничныя Римскія земли и отнюдь не давали имъ покоя цѣлый годъ; ибо эти варвары питали непримиримую ненависть къ Римлянамъ, и не было ни одного, кто бы въ такое долгое время перебѣжалъ къ нимъ, хотя Императоръ обѣщаль имъ значительныя дары. Почему Императоръ самъ выступилъ противъ нихъ чрезъ горы Гемъ и послалъ Георгія Евфорбена съ флотомъ къ Дристрѣ при Дунаѣ. Многіе отсовѣтывали ему начинать сраженіе, и между ими былъ Маврокатакалонъ Григорій, котораго онъ выкупилъ изъ Скиесскаго плѣну 40,000 (чего?). Скиевы оробѣли замѣтивъ, что на нихъ хотятъ напасть съ двухъ сторонъ. Почему они отправили 150 пословъ къ Императору, просить у него мира, впрочемъ такъ, что они вмѣшивали нѣкоторыя угрозы въ свои просьбы, и вмѣстѣ увѣряли, что Императоръ, согласившись на ихъ требованіе, получитъ 30,000 вѣрныхъ всадниковъ, которые будутъ служить ему пособіемъ въ войнѣ. Но Императоръ замѣтилъ ихъ хитрость, и приказалъ схватить пословъ и вести въ Константинополь, но они перебежали на пути своихъ стражей и возвратились къ своимъ единоземцамъ. Потомъ Скиевы дважды оскорбили Императорскихъ фуражировъ, а однажды вторглись въ лагерь, убили и взяли въ плѣнъ многихъ изъ охранявшихъ воинскій обозъ, не смотря на то, что Императоръ осаждалъ Дристру, и завоевалъ ее, но не могъ взять двухъ крѣпостей ея, потому что Скиевы дѣлали непрестанно небольшія нападенія и не давали ему покоя ни днемъ, ни ночью. Чрезъ нѣсколько времени дошло дѣло до ужаснаго сраженія. Императоръ, кромѣ своихъ собственныхъ воиновъ, имѣлъ еще Латынянъ, Уцовъ, Савроматовъ (подъ именемъ послѣднихъ, можетъ быть разумѣются Пацинаки,

ибо я покажу послѣ, что ихъ со времени Кегенеса находилось всегда нѣсколько въ службѣ Греческаго Императора) и Варяговъ. Скиѣмъ расположили свое войско различными рядами и, по обычаю своихъ отцевъ, поставили между ими на извѣстныхъ мѣстахъ повозки, въ которыхъ находились ихъ жены и дѣти. Скиѣны начали битву тучею стрѣлъ. Она продолжалась съ ранняго утра до вечера. Почти всѣ Латынныя были въ продолженіи ея побиты, и съ ними Левъ, сынъ Римскаго Императора Диогена. Самъ Императоръ былъ въ великой опасности жизни, потому что онъ держалъ въ рукахъ ризу Богоматери, которую онъ распростѣръ, какъ знамя, и потому не могъ защищаться, какъ должно. Римляне были совершенно разбиты и обратившіеся въ бѣгство были жестоко преслѣдуемы Пацинаками (такъ она называется ихъ адѣсъ). Князья этихъ варваровъ рѣшились, было, умертвить всѣхъ плѣнныхъ, но простой народъ воспротивился тому, въ надеждѣ получить деньги за ихъ выкупъ. На эту битву намекаетъ Снорро въ Сагѣ Конунга Гакона Скульдебреда, стр. 396 — 398, говоря, что она случилась въ землѣ Блаукуманновъ (въ Бугаріи и Валахіи) на поляхъ Пецанскихъ, и была выиграна храбростію Варяговъ и потому, была сооружена церковь въ Константинополѣ въ честь Св. Олава. Между тѣмъ пришелъ на помощь Пацинакскій Князь Татъ со множествомъ Кумановъ своихъ единосемцевъ. Эти Куманы требовали части изъ добычи и плѣнныхъ; но когда имъ было въ томъ отказано, то они сдѣлали упорное и жестокое нападеніе на Скиѣновъ, побѣдили ихъ и осадили въ большомъ болотѣ Озолимиѣ, но наконецъ принуждены были снять осаду по причинѣ недостатка въ състныхъ припасахъ. Вскорѣ потомъ чрезъ посла Синезія былъ заключенъ миръ между Императоромъ и Скиѣнами при Маркеллѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они удержали за собою то, что имѣли, но не протирались бы далѣе впередъ. Къ заключенію мира Императоръ былъ побужденъ въ особенности приходомъ Кумановъ и опасеніемъ, что эти два народа соединятся вмѣстѣ противъ него. Куманы, по своему прибытіи, просили у Императора позволенія пройти сквозь узкіе проходы, для сраженія съ Скиѣнами; но Императоръ послалъ имъ значительные дары, и они пошли домой. Вскорѣ послѣ сего Скиѣны опять нарушили миръ, выступили противъ Филиппополя и расположились прямо предъ Константинополемъ. Въ такомъ состояніи Императоръ былъ принужденъ снова просить мира, который наконецъ и былъ заключенъ. Но въ слѣдующую зиму они начали снова грабить и приступили къ Харіополю. Императоръ выслалъ тогда отрядъ храбрыхъ молодыхъ людей, набранныхъ имъ самимъ и названныхъ Архонтополами, для нападенія на тѣхъ, которые стояли на повозкахъ; но Скиѣны бросились имъ въ тылъ, и 300 изъ нихъ погибли. Въ это время одна Скиѣнская женщина, стоя на своей повозкѣ, притащила къ себѣ одного изъ нихъ желѣзнымъ крюкомъ и взяла въ плѣнъ. Пацинаки пошли потомъ къ Апрумъ, гдѣ Татицій со всѣми Латынами, бывшими въ службѣ Императора, и нѣкоторыми другими народами, напавъ на одну часть ихъ, убилъ 400

человѣкъ , и плѣнилъ многихъ . Но Римляне вскорѣ потомъ потеряли малое сраженіе подлѣ Рузіума , и за нимъ еще большее при Гадемѣ . Причиною потери послѣдняго былъ Неанцезъ , природный Скиевъ , который сначала перешелъ отъ своихъ единомысленцевъ къ Императору , а прямо предъ сраженіемъ перебѣжалъ опять къ нимъ , и открылъ имъ всѣ планы Императора . Послѣ сего сраженія , при рѣкѣ , протекавшей мимо Рузіума , дѣло дошло снова до битвы , гдѣ Скиевы принуждены были обратить тылъ . Окончивъ эту битву , Императоръ пошелъ въ городъ Пурулумъ , гдѣ Скиевы едва не осадили его . Этотъ городъ лежалъ на холмѣ , имѣвшемъ отлогость во всѣ стороны . Императоръ приказалъ собрать колеса и оси со всѣхъ телегъ , какія только можно было найти , и повѣсить на канатахъ вокругъ городской стѣны . Потомъ вышелъ изъ города съ своими воинами , отдавъ повелѣніе , по приближеніи къ непріятелю , медленно отступить и оставить большое отверстіе въ срединѣ , такъ что бы они удалились двумя отдѣленіями каждый на свою сторону . Тогда Пацинакскіе всадники непремѣнно пускаются за ними въ погоню до самой стѣны , тогда они должны были перерѣзать канаты и пустить на нихъ оси и колеса . Это было исполнено ; лошади Скиевовъ были ранены и , вышедъ изъ повиновенія всадникамъ , бросались одна на другую ; въ такомъ состояніи Римляне напали на нихъ съ двухъ сторонъ съ копьями и стрѣлами и побили ихъ во время бѣгства . Слѣдующую зиму Императоръ провель въ Константинополь , а Скиевы имѣли своей станъ между Булгаро-Фигомъ и Малою Никеею . Предъ наступленіемъ 1097 года Пацинаки , Турки и Берендичи вторгались въ Россію . Когда западные или Латинскіе Христіане во многомъ числѣ переходили чрезъ Греческую Имперію въ Азію , для исторженія Іерусалима изъ рукъ Магометанъ , то при этомъ случаѣ писатели ихъ именуютъ часто Пацинаковъ . Такъ одинъ безымянный писатель ⁷² , заключившій свою Исторію 1099 годомъ , говоритъ , что Императоръ Алексій употреблялъ своихъ Пацинатовъ для нападенія на Франкскихъ Фуражировъ , а въ другомъ мѣстѣ , что Пацинаки во Фракіи вступали съ ними въ битву , какъ должно . Раймондъ де Агильскій ⁷³ , кончившій свою Исторію около того же времени , свидѣтельствуетъ , что Алексій употреблялъ Пацинатовъ , между многими народами , для обезпечиванія Франковъ во время похода ихъ изъ Диррахіума . Албертъ Аквенскій ⁷⁴ , заключившій свою Исторію 1120 годомъ , и одинъ изъ лучшихъ , описавшихъ эти такъ называемыя священныя войны , свидѣтельствуетъ , что Пацинарій , заселявшіе Булгарію , сдѣлали переходъ чрезъ рѣку Маронъ для Петра Пустынника весьма затруднительнымъ , но что онъ , потопивъ у нихъ семь небольшихъ судовъ , взялъ

⁷² In Gestis Dei per Francos, Tom. 1. p. 2 et 3.

⁷³ Ibid. p. 140.

⁷⁴ Ibid. p. 188. 253 et 354.

въ плѣнь семь человекъ и тотъ же часъ приказалъ умертвить. Потомъ напали на него въ его походѣ Пинценаріи, Болгары, Команиты и Венгры, будучи вооружены луками изъ роговъ и костей, панцырями и копьями, на которыхъ были знамена. Потомъ говоритъ онъ, что Пинценаріи, умѣвшіе хорошо обходиться съ лукомъ и стрѣлами, служили Императору Алексѣю; а въ другомъ мѣстѣ, что они употребляли панцыри, стрѣлы и копья. Виллермъ Тирійскій⁷⁵, знатнѣйшій изъ всѣхъ этихъ писателей, заставляетъ Алексѣя извиниться въ непріятіи главнаго начальства надъ христіанскимъ воинствомъ тѣмъ, что Болгары, Команы и Пинценаты непрестанно выжидали случая вторгнуться въ его Имперію. Изъ свидѣтельства Алберта Аквенскаго, только что приведеннаго, видно, что у Греческихъ Императоровъ всегда были въ службѣ нѣкоторые Пацинаки, вѣроятно, съ того времени, какъ Когенсъ перешелъ въ Греческую службу.

§. 13.

ВОЕННЫЯ ДѢЛА ПАЦИНАКОВЪ ВЪ ДВѢНАДЦАТОМЪ ВѢКѢ.

1103 года вторглись въ Россію Половцы или Уцы, и имѣли съ собою Пацинаковъ и Турковъ; но они были разбиты,⁷⁶ а изъ двухъ послѣднихъ народовъ многіе взяты въ плѣнь⁷⁶. Между тѣмъ война между Императоромъ Алексѣемъ и Пацинаками продолжалась, и они были такъ дерзки, что грабили въ разстояніи на десять стадій отъ Константинополя. Но Алексѣй разбилъ одну часть ихъ при Херобакхѣ, и приказалъ потомъ воспользоваться лошадьми, платьемъ и знаменами Пацинаковъ, чрезъ что приобрѣлъ случай разбить еще одинъ отрядъ ихъ. Послѣ этой битвы Императоръ имѣлъ вѣздъ въ Константинополь, и приказалъ несть головы Скиеовъ на длинныхъ шестахъ; но не смотря на это, единосемцы ихъ продолжали грабить и опустошать все, даже брать города. Въ такомъ состояніи приближилось 40,000 Кумановъ Императоръ устранился такого приближенія; но будучи весьма опытенъ въ переговорахъ, онъ склонилъ ихъ вступить въ союзъ съ собою, и обѣщался, что они вмѣстѣ съ нимъ будутъ воевать противъ Скиеовъ. Онъ имѣлъ также счастье разбить одну часть Скиеовъ, но не имѣлъ охоты къ главному сраженію. Почему Куманы сдѣлались нетерпѣливы и говорили, что они на другой день будутъ ѣсть волковъ или агнать. Это побудило Императора дать главное сраженіе, и они напали на Скиеовъ съ двухъ сторонъ, съ одной Римляне, а съ другой Куманы. Тогда случилось ужасное пораженіе Скиеовъ; не только мужчины, но даже женщины и дѣти были убиваемы, такъ что его можно было назвать не пара-

⁷⁵ Ibidem. p. 663.

⁷⁶ Müller, l. c. p. 393.

женіемъ войска, но пораженіемъ всего народа. Хотя много было взято въ плѣнъ; но ихъ было мало въ сравненіи съ числомъ убитыхъ. Эта битва случилась 29 Апрѣля, на третій день Пасхи (?). Впрочемъ плѣнныхъ было такъ много, что каждый Римскій воинъ имѣлъ ихъ около тридцати, почему нѣкто Синезіій совѣтовалъ Императору умертвить ихъ; но онъ отвѣчалъ ему: хотя они Скиѣны и враги, однакожь они люди, и въ своемъ несчастіи достойны нашей пощады; но ты говоришь такъ безрасудно, будучи побуждаемъ къ тому какоюто неизвѣстною желцію. Не смотря впрочемъ на это, Римляне во время ночи убили большую часть своихъ плѣнныхъ. Куманы такъ же испугались Императора и ночью убѣжали къ Дунаю; но Императоръ, не смотря на это бѣгство, послалъ имъ на лошакахъ то, что обѣщалъ⁷⁷. Въ правленіе Іоанна Комнина, сына Алексѣева, царствовавшего съ 1118 по 1143 годъ, Скиѣны въ великомъ множествѣ перешли черезъ Дунай (слѣдовательно они жили еще на сѣверъ отъ него), и вторглись въ Римскія земли. Во время зимы Императоръ старался склонить нѣкоторыхъ изъ ихъ Князей, которыхъ писатель называетъ Фидархами, перейти къ нему, что и удалось ему. Весною произошло сраженіе съ остальными. Скиѣны были побѣждены; нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другіе взяты въ плѣнъ; но храбрѣйшіе убѣжали въ станъ, окруженный телегами, которыя были связаны вмѣстѣ, и покрыты воловьими кожами, и въ которыхъ находились ихъ жены и дѣти. Тамъ произошло упорное сраженіе, но наконецъ Императоръ приказалъ разрубить телеги топорами; послѣ чего Скиѣны сдались по совѣту своихъ единоплеменцевъ, бывшихъ у Императора, и были размѣщены между его воинами, научились Римскимъ нравамъ и оставались долго вѣрными. Вскорѣ потомъ тотъ писатель опять говоритъ, что нѣкоторые варвары кочевали въ Азіи подобно Скиѣнамъ, и жили подъ шатрами на поляхъ⁷⁸. Никита⁷⁹ прибавляетъ къ сказанному слѣдующія подробности, именно, что это случилось въ пятый годъ правленія Іоаннова, то есть, 1123; что Скиѣны грабили Фракію; что они были раздѣлены на нѣсколько племенъ; что Императоръ давалъ Князьямъ, которыхъ онъ склонилъ на свою сторону, великолѣпныя пиршества, шелковыя платья, серебряныя ковши и покая; что сраженіе произошло при Вениѣ; что Скиѣны начали его ужаснымъ крикомъ: что нѣкоторые изъ плѣнныхъ были проданы, а нѣкоторые получили мѣста для жительства въ западныхъ селеніяхъ, которыхъ потомство существовало еще во время Никиты, то есть 1204 года; при этомъ случаѣ писатель называетъ ихъ Амаксівіями; и наконецъ, что Императоръ учредилъ, въ воспоминаніе этой побѣды, ежегодный праздникъ, который во время Никиты назывался еще праздникомъ Пацинаковъ. Это послѣднее обстоя-

77 Anna Comnena, Согр. Вуз. Том. II. p. 175—186.

78 Cinnamus, *ibid*, Том. II. p. 3.

79 *Ibid*. Том. 12. p. 8 et 9.

тельство особенно замѣчательно тѣмъ, что показываетъ, какой именно народъ разумѣютъ Византійскіе Писатели подъ Скивами. Мануилъ Комнинъ царствовалъ послѣ отца своего Іоанна съ 1143 по 1180 годъ. При немъ Скивы переходили черезъ Дунай, грабили въ Римскихъ областяхъ и взяли городъ Демницкъ. Императоръ выступилъ противъ нихъ, но они ушли опять за Дунай. Онъ пересадилъ свое войско чрезъ него на 500 ботовъ и встрѣтилъ ихъ у горы Тенигорніумъ, лежавшей въ смежности съ Тавро-Скивиею (здѣсь писатель показалъ себя худымъ географомъ, потому что Тавро-Скивія есть Крымская Татарія, а Императоръ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ Валахія). Императоръ самъ обнаружилъ великіе опыты мужества въ этомъ сраженіи; часть варваровъ была побита, а около ста взято въ плѣнъ; между ними Лазарь, человекъ храбрый и одинъ изъ знатнѣйшихъ Филарховъ ихъ. Остальные спаслись бѣгствомъ въ гористыя страны. Императоръ имѣлъ впрочемъ и Скивовъ на своей сторонѣ. Спустя нѣсколько времени послѣ Пацинаки (такъ онъ называетъ ихъ здѣсь), вмѣстѣ съ другими народами, приходили на помощь Далматянамъ противъ Императора. Потомъ, какъ кажется, около 1160 года, Императоръ узналъ, что Скивы опять перешли черезъ Дунай; почему онъ послѣдствовалъ противъ нихъ; но они ушли назадъ до его прихода⁸⁰. Никита⁸¹ повѣствуетъ, что однажды по переходѣ Скивовъ черезъ Дунай, былъ посланъ противъ нихъ нѣкто Каламанъ, далъ неосторожно сраженіе, которое отъ того было проиграно, и многіе храбрые мужи лишились жизни, а самъ онъ былъ раненъ, отъ чего и умеръ. Скивы возложили добычу на своихъ лошадей и возвратились въ свои жилища. Они легко переправлялись черезъ Дунай и были очень искусны въ грабежѣ. Ихъ оружіе составляли колчанъ, наполненный стрѣлами, висѣвшій у нихъ на спинѣ, и лукъ. Нѣкоторые бросали такъ же метательныя копья. Ихъ лошади, которыя почти всѣ кобылицы, носятъ ихъ на себѣ во время боя и питаютъ своею кровію. На этотъ конецъ они пробиваютъ на нихъ раны и пользуются ими, какъ говорится у него, по обычаю звѣрей (тѣ же самыя обвиненія и большая часть такого же рода, какія дѣлаются еще теперь Запорожскимъ козакамъ). Они переправляются черезъ рѣку (Дунай) на кожѣ, наполненной пробками и такъ плотной, что самая малѣйшая капля не можетъ пройти сквозь нее. Лошадь пускаютъ плыть впередъ и держатся за ея хвостъ. На лошадь кладутъ сѣдло и необходимыя для войны оружія. 1152 года Россійскій Великій Князь Ізяславъ приказалъ чрезъ Всеволодовича поставить лагерь изъ Берендичей, Турковъ и Пацинаковъ, для наблюденія за движеніями Половцевъ⁸². Исаакъ Ангелъ правилъ въ Греціи съ 1185 по 1195 годъ

⁸⁰ Сinamus, ib. Tom. II, p. 42. 43. 48 et 92. Онъ заключаетъ свою Исторію 1161 годомъ.

⁸¹ Ibid. Tom. 12, p. 49.

⁸² Müller l. c. p. 476.

Онъ побѣдилъ Влаховъ въ одной битвѣ, которые убѣжали потомъ за Дунай къ Скивамъ, бывшимъ съ ними въ смежности. Но Воложскій Царь Асавъ вскорѣ возвратился назадъ съ могущественнымъ вспомогательнымъ войскомъ Скивовъ и надѣлалъ очень много хлопотъ Римлянамъ⁸³. Въ его время случилось, что храбрый Нѣмецкій Императоръ Фридерикъ Барбаросса шель сухимъ путемъ къ Иерусалиму, для исторженія его изъ рукъ Магометанъ; какъ скоро онъ перешелъ черезъ Дунай и только что вступилъ въ Бугарію, то напали на него Гуины, Аланы, Болгары и Пинденаты въ тѣсныхъ икрутыхъ мѣстахъ; но онъ отразилъ ихъ счастливо⁸⁴. Подъ Гуинами должно разумѣть здѣсь Гунновъ и, безъ сомнѣнія, Удовъ, жившихъ тамъ съ сего времени: они дѣлали ужасныя нападенія и оставляли за собою великое опустошеніе. Но жили ли тамъ еще Аланы изъ пятого столѣтія, въ этомъ я не совсѣмъ убѣжденъ, потому что мнѣ мало встрѣчалось слѣдовъ существованія ихъ въ этихъ странахъ. Во время Алексѣя Комнина, царствовавшего послѣ брата своего Исаака Ангела, съ 1195 по 1203 годъ, Скивы съ частію Влаховъ перешли черезъ Дунай, и опустошили различныя мѣста во Фракіи. При этомъ случаѣ говорится у него, что различныя толпы этихъ варваровъ имѣли повелѣніе собраться въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ; что показываетъ, что они не совсѣмъ были неопытны въ военномъ искусствѣ. Во время этого нападенія попалась въ ихъ руки значительная добыча, тѣмъ болѣе, что они проникли до Родоста. На возвратномъ пути они напали на Грековъ, которые проиграли сраженіе отъ того, что слишкомъ рано бросились на обозъ. Черезъ нѣсколько времени Скивы съ четырьмя войсками ограбили всю Македонію, взбирались на самыя утесистыя горы и нападали на укрѣпленные города; ограбили нѣсколько монастырей на горѣ Ганѣ и перебили многихъ монаховъ⁸⁵. Иудей Веніаминъ Тудельскій изъ Испаніи⁸⁶, путешествовавшій въ началѣ второй половины сего столѣтія по свѣту, для изслѣдованія состоянія Иудеевъ, говоритъ, что въ Константинополь стекались купцы изъ всѣхъ государствъ, даже изъ Фазіанки. Подъ этою странюю Баратье разумѣетъ или Боснію, или Паннонію; но послѣдней нельзя разумѣть подъ нею, потому что онъ именуетъ между прочимъ Венгрію, почему я болѣе вѣрю, что онъ имени Фазіанки имѣетъ въ виду землю Пацинаковъ, которой Баратье не зналъ; ибо онъ думаетъ, что этотъ Иудей, равно какъ Юсифъ Бенъ Горіонъ, понимали одну и ту же страну, когда послѣдній⁸⁷ изъ нихъ говоритъ о Пацинахъ и Парцинахъ, — землѣ, лежавшей при Дунаѣ; производитъ этотъ народъ вмѣстѣ съ Турками и нѣкоторыми другими

83 Nicetas, Corp. Byz. Tom. 12. p. 196.

84 Anonymus in Gest. Dei per francos, Tom. 1. p. 1159.

85 Nicetas, Corp. Byz. Tom. 12. p. 265. 266 et 270.

86 Voyages, traduits par Barattier, Amst. 1734. 8. Tom. 1. p. 45.

87 L. 1. c. 1. p. 3 et 4.

изъ Тогармы, при чемъ Бохартъ⁸⁸ дѣлаетъ правильное замѣчаніе, что Пащинахъ есть древняя Дакія, и въ доказательство своего мнѣнія приводитъ Свиду⁸⁹ въ словѣ Dakes, гдѣ онъ говоритъ, что они называются теперь Пащинаками.

§. 14.

ВОЕННЫЯ ДѢЛА ПАЩИНАКОВЪ ВЪ ТРИНАДЦАТОМЪ ВѢКѢ.

Въ тринадцатомъ вѣкѣ Латинскій Императоръ Балдуинъ, царствовавшій тогда въ Константинополѣ, имѣлъ въ 1205 году то несчастье, что Мизіанинъ Іоаннъ разбилъ его совершенно и взялъ въ плѣнъ. Войско Іоанна состояло изъ Скиевъ и Влаховъ. Первые изъ нихъ съ могущественною арміею опустошили почти всю Фракію, даже взяли многіе города, Апрумъ, Редестумъ, Даоніумъ, Атиру, Аркадіополь, Меаерамъ, Цурулюмъ, въ которыхъ побили множество людей, даже младенцевъ въ колыбели, увели многихъ привязанныхъ за собою, сожгли нѣкоторыхъ живыхъ и разорили все до самаго Константинополя. Тогда же случилось, что Скиевы приказали бить кнутомъ нѣкоторыхъ красивѣйшихъ плѣнниковъ и потомъ повѣсить въ честь своихъ бо-жествъ; нѣкоторыхъ плѣнныхъ Грековъ погребсти живыхъ вмѣстѣ съ своими мертвецами, умершими естественною смертію и убитыми на войнѣ и съ быстрѣйшими лошадьми, луками изъ рога и мечами, имѣвшими три острія, которые принадлежали покойникамъ Скиевъ⁹⁰. При этомъ разскаѣ должно замѣтить, что Никита и многіе Византійскіе Писатели того времени называютъ Булгарію Мизіею и Болгаровъ Мизіанами, древними именами ихъ. Георгій Акрополита⁹¹ повѣствуетъ, что по смерти мужественнаго Царя Іоанна возшелъ на престолъ сынъ сестры его Фрорила или Борила и женился на оставленной имъ вдовѣ, женщинѣ Скиевского происхожденія; но сынъ прежде бывшаго Болгарскаго Царя Асана Іоаннъ, убѣжавшій къ Скиевъ, а потомъ къ Русамъ, возвратился по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ назадъ, взялъ въ плѣнъ и ослѣпилъ Борилу, и такимъ образомъ овладѣлъ царствомъ. Но это случилось уже послѣ 1220 года, тогда какъ Греческій Императоръ Феодоръ Ласкарисъ, царствовавшій въ Никей, умеръ и мѣсто его заступилъ Іоаннъ Дука, умершій 1255 года. Въ его правленіе Скиевы претерпѣли великое пораженіе⁹², и были принуждены оставить свою землю; ибо Татары тѣснили ихъ непрестанными

⁸⁸ Phaleg, L. 3. c. 15. p. 226.

⁸⁹ Ae. Porti Tom. 1. p. 637.

⁹⁰ Nicolas, Corp. Byz. Tom. 12. p. 323. 325. 326. 531. 533. 355

⁹¹ Ibidem, p. 10. 14.

⁹² Ibidem, p. 23.

вторженіями и печальными нападеніями, и убивали такое множество ихъ, что остальные, хотя въ большомъ количествѣ, убѣжали съ женами и дѣтьми изъ своей земли, переправились на надутыхъ кожахъ черезъ Дунай, и поселились, не смотря на сопротивление Болгаровъ, частью въ Македоніи, частью при рѣкѣ Гебрѣ, называемой иначе Марицею, которая вытекаетъ изъ горы Гема. Такъ было разорено Пацинакское царство Татарскими или Монгольскими Ханами изъ Чингисханова рода, и это должноствовало случиться послѣ 1229 года, потому что писатель сказалъ выше, что Балдуинъ Второй вступилъ на Латинскій престолъ въ Константинополь. Если Пацинаки не потеряли своихъ земель на востокъ отъ Дибпра прежде, то навѣрное они лишились ихъ теперь вмѣстѣ со всѣми прочими. Поселику Татары послѣ 1240 года сдѣлали сильное нападеніе на Польшу и Венгрію, то сіе служить къ подтвержденію лѣтосчисленія Акрополиты, потому что земля Пацинаковъ лежала на пути Татаръ, когда они шли въ означенныя земли. Не должно впрочемъ вѣрить, что всѣ Пацинаки, особенно всѣ Влахи, жившіе въ разсѣяніи между ними, совершенно оставили древнюю Дакію, потому что земля еще теперь по имени ихъ называется Валахією, а языкъ и нравы Валаховъ, равно какъ и Молдаванъ, не обнаруживаютъ ничего Татарскаго, а чуждое, заключающееся въ ихъ языкѣ, кромѣ нѣкоторыхъ Латинскихъ словъ, происходитъ не отъ Татаръ, и что не всѣ Пацинаки были изгнаны изъ Дакіи, это будетъ доказано скорѣ неопровергаемымъ свидѣтельствомъ. Не многое, что остается еще сказать о военныхъ предпріятіяхъ Пацинаковъ, относится только къ тѣмъ изъ нихъ, которые жили на югъ отъ Дуная. Эти грубые народы, едва перешедъ чрезъ означенную рѣку, ограбили всю ровную страну въ Македоніи, взяли даже нѣсколько небольшихъ городовъ, умертвили многихъ жителей, а нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ; потомъ и Болгары вступили въ союзъ съ Латынцами въ Константинополь противъ Греческаго Императора Іоанна въ Никеѣ, не сдѣлавъ ему впрочемъ большаго вреда. Чрезъ нѣсколько времени⁹³ Іоаннъ оклонилъ значительное число Скиевъ дарами, оставилъ Македонію и перейти къ нему въ Азію, и съ помощію ихъ принудилъ другаго Греческаго Императора Іоанна, царствовавшаго въ Фессалоникѣ, сложить Императорское достоинство. Послѣ Іоанна Дуки царствовалъ сынъ его Феодоръ Второй до 1252 года. Въ правленіе его случилось то⁹⁴, что Царь Болгарскій манялъ противъ него 4,000 Скиевъ, побѣдившихъ Римское войско при Дидимотехѣ, потому что они были легко вооружены и стрѣлки изъ лука, а Римляне напротивъ того имѣли тяжелое оружіе. Но скорѣ потомъ большая часть ихъ была истреблена при Виціѣ. Михаилъ Царемологъ правилъ сначала какъ опекунъ надъ юнымъ Іоан-

⁹³ Nicetas, Corp. Byz. Tom. 19, p. 28. 29.

⁹⁴ Ibid. p. 93.

номъ, сыномъ Императора Феодора, съ 1258 по 1263 годъ, а потомъ какъ Императоръ, до 1283 года. Онъ отнялъ у Латынянъ Константинополь въ 1261 году. Объ немъ говорится тамъ, что онъ въ томъ же году имѣлъ Скиеовъ въ своей службѣ⁹⁵. Послѣ Михаила царствовалъ сынъ его Андроникъ до 1328 года; но такъ какъ Пахимеръ, написавшій исторію обоихъ, то есть, сына и отца, заключаетъ ее 1308 годомъ, то послѣднее, что я хочу сказать о военныхъ дѣлахъ Падинаковъ, должно было случиться прежде сего времени, и судя по порядку дѣлъ, потому что самъ писатель не имѣетъ лѣтосчисленія, случилось еще прежде 1280 года. Именно онъ рассказывалъ, что около 10,000 Скиеовъ изъ странъ при Дунаѣ собрались вмѣстѣ, неизвѣстно, по какому случаю, и прошли сквозь Булгарію и прилежащія къ ней страны, которыя они опустошили до горъ, въ намѣреніи опустошить Македонію и Фракію; но они были почти всѣ побиты Греческимъ полководцемъ Умпертопуломъ въ одномъ сраженіи, а прочіе то потонули въ рѣкѣ, то были разсѣяны⁹⁶. Хотя въ этомъ повѣствованіи и не говорится о томъ, что эти Скиеи были изъ странъ на сѣверъ отъ Дуная, однакожъ я заключаю изъ словъ писателя: они прошли сквозь Булгарію, примыкавшуюся къ южнымъ берегамъ Дуная, что они именно были оттуда. Еще дѣлаю заключеніе, что Татарскій Ханъ Ногай, распространившій въ то время свою власть повсюду въ земляхъ между Дунаемъ и Дономъ, принудилъ ихъ выдти оттуда.

§. 15.

Мнѣнія нѣкоторыхъ новѣйшихъ о происхожденіи Падинаковъ, и о томъ, куда дѣвались остатки ихъ. Слѣды ихъ остаются въ Падинагѣ, одномъ селеніи въ Валахіи. См. Sulzers Geschichte des trausalpinischen Dalmacien, I Theil, 8. p. 149.

Въ заключеніе приведу мнѣнія нѣкоторыхъ новѣйшихъ о происхожденіи сего народа и о началѣ имени ихъ, такъ же о томъ, куда дѣвались остатки ихъ и гдѣ они еще теперь находятся. Страленбергъ⁹⁷ утверждаетъ, что Падинаки и Древляне суть одинъ народъ, что они получили свое имя отъ Печь или Пѣчь (Petsch oder Pietsch), что по Русски должно означать собаку, почему онъ дѣлаетъ догадку, что они по своему происхожденію были Гунны, и думаетъ, что они были, можетъ быть, одинъ народъ съ древними Певцинами. Положимъ, что Руссы называютъ собаку почти такъ; но поелику въ моемъ Русскомъ Лексиконѣ для означенія собаки стоитъ *песъ*, а эта послѣдняя буква выговаривается очень шепелевато, то Падинаки не

⁹⁵ Pachymeres, Corp. Byz. Tom. 13. l. 2. p. 78. c. 26.

⁹⁶ Pachymeres, ibid. Tom. 13. l. 1. c. 29.

⁹⁷ Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. p. 271 et 272. Nota a et d.

сдѣляются отъ того Гуннами, потому что ни въ одномъ изъ восточныхъ языковъ собака не называется такъ, какъ у насъ и у Нѣмцовъ, хотя я и согласенъ на то, что Пацинаки сами себя, можетъ быть, и не называли такъ, но скорѣе Камгарами, и что Руссы изъ ненависти дали имъ такое имя, перешедшее отъ нихъ къ Византійцамъ. Мнѣніе, что Пацинаки были тѣже самые, что Певцины, совершенно ложно, не смотря на то, что Люцій⁹⁸ и Масковъ⁹⁹, два мужа несравненно важнѣйшіе, нежели Ограсенбергъ, держались его. Известно, что Певцины и Бастарны были одинъ народъ, и оба Германскаго происхожденія, и что они жили при Дунаѣ до Рождества Христова, тогда какъ Пацинаки пришли туда только въ концѣ девятаго вѣка. Можно, конечно, утверждать, что Пацинаки получили свое имя тогда, какъ они пришли въ свои страны; но этимъ не только опровергается выше приведенное гораздо вѣроятнѣйшее значеніе Пацинакскаго имени, но еще рѣшительно утверждается, что Певцинское имя сохранилось до девятаго вѣка, что впрочемъ весьма сомнительно, не говоря уже о томъ, что Певцины сами себя, вѣроятно, никогда не называли такъ, но Бастарнами, и получили такое имя отъ Грековъ, по причинѣ множества сосноваго лѣсу, росшаго въ ихъ землѣ. Совершенно такъ же несправедливо, чтобъ Древяне и Пацинаки были одинъ и тотъ же народъ, потому что они никогда не имѣли общаго происхожденія. По моимъ догадкамъ, первые были Славяне. Должно удивляться Кульгинскому¹⁰⁰, что онъ не только Пацинаковъ, но еще Половцевъ, Варяговъ, Древянъ и Язиговъ признаетъ за народъ Сарматскаго или Русскаго происхожденія, то есть, за Славянъ, которыми были только два послѣдніе народа. Онъ думаетъ, что Пацинаки имѣли имя отъ сожженія (*Brand*), потому что они имѣли, можетъ быть, обыкновеніе, сжигать людей въ ихъ жертвоприношеніяхъ. Я привелъ выше жестокіе обычай жертвоприношенія у этого народа; но чтобъ они сжигали людей, о томъ мы ничего не находимъ. По Польски *Brand* называется *Parzenie*, но мнѣ кажется, что оно очень отлично отъ имени сего народа. Если производить его изъ Польскаго языка, то вѣроятнѣе было бы производить его отъ *Peźde*, то есть, *гоноу, иду быстро впередъ*, и имѣть притомъ въ виду ихъ собственную быстроту, или отъ *Peźzony гонимый, преследуемый*, и обращать притомъ вниманіе на ихъ бѣгство отъ Уцовъ и Хозаровъ. Прай¹⁰¹ приводитъ различныхъ писателей, которые признаютъ ихъ за Вендовъ, что онъ отвергаетъ по праву, и Пейцера, который думаетъ, что они получили свое имя

98 De Regno Dalmatiae, l. 6. c. 5. in Schwandtneri Script. Und. Tom. 3. p. 461.

99 Geschichte d. Teutsch. 2 Thl. Nimmerl. p. 196. De rebus imp. a Conrade I. p. 145 not. 6.

100 In specim. Eccles. Ruth. ap. Pray in Annal. vet. Hunor. p. 524 et ap. Asseman in Kalendaris Eccl. univ. Tom. 3. p. 222.

101 Ibid. p. 323. 324. 386. 387.

отъ Польскаго города Познань (Розен), что такъ же несправедливо, потому что они никогда не жили близъ него. Самъ онъ дѣлаетъ догадку, что они были Гунны, но не доказываетъ, и думаетъ, что одно племя ихъ Гида жило въ Семиградіи до тѣхъ поръ, пока Венгерскій Король Стефанъ Первый не отнялъ его, тогда какъ изъ Императора Константина ясно видно, что Пацинаки никогда не обладали означенною страной: онъ думаетъ еще, что этотъ народъ никогда не жилъ на югъ отъ Дуная, но только Влахи, что я впрочемъ изъяснилъ выше иначе, такъ же, что Куманы были одинъ народъ съ ними, что совсѣмъ несправедливо, и что Сицилійцы происходятъ отъ нихъ, что я изслѣдую въ другомъ мѣстѣ. Ученый Пасторій¹⁰² полагаетъ, что они получили свое имя или отъ рѣки Физиса, или отъ Певциновъ. Последнее словопроизводство одобряетъ онъ наиболее, потому что для него легче тогда сдѣлать ихъ Сарматами или Славянами; но какъ все это неправильно, тому достаточнымъ, по моему мнѣнію, служитъ доказательствомъ все доселѣ мною приведенное. Дегиизъ¹⁰³, написавшій Исторію Гунновъ съ большимъ раченіемъ, думаетъ, что около 700 года, прежде и послѣ, изъ различныхъ Турецкихъ ордъ произошли Хавары, Уцы, Пацинаки и Венгры, следовательно они всѣ были собственно Гунны, потому что онъ считаетъ Турковъ одною вѣтвію отъ нихъ: но все это предлагаетъ онъ безъ доказательствъ, почему я вѣрнѣе держусь моею догадки, что Пацинаки были Геродотовы Гандоріи, что дѣлаетъ то вѣроятнѣйшимъ, что они были въ большемъ сродствѣ съ Массагетами, нежели съ Исседонами, мнимыми родоначальниками Гунновъ. Такое множество неправильностей у новѣйшихъ писателей происходитъ отъ того, что они безъ вниманія читали и сравнивали древнихъ. Но никто изъ нихъ не имѣетъ такъ много неправильностей, какъ Пейсонель¹⁰⁴, одинъ изъ новѣйшихъ: онъ говоритъ, что Пацинаки были по своему происхожденію Венды, следовательно Славяне, и получили свое имя отъ города Познань (Розен); что Уцы и Мадьяры были одинъ народъ, что, можетъ быть, есть и опечатка, и что у него стоитъ *om* вмѣсто *A*; что Уцы и Мадьяры, прогнавъ сначала Пацинаковъ съ Дона, отняли у нихъ потомъ Валахію и Молдавію, вторглись въ Венгрію, и смѣшались съ Турками, жившими въ ней, и что Пацинаки убѣжали потомъ въ Боснію, которой они сообщили имя, и въ которой еще теперь говорится по Славянски, что доказываетъ Славянское происхожденіе Пацинаковъ. Что касается до послѣдняго, то Боснія не могла имѣть отъ нихъ своего имени, потому что Императоръ Константинъ¹⁰⁵ упоминаетъ уже о странѣ Босанъ, и говоритъ, что Сербъ имѣли въ ней два города, и сверхъ то-

102 De origin. Sarmat. p. 43. 50.

103 Histoire des Huns, Tom. 1. Part. 1. p. 250.

104 Observat. hist et géogr. 4-to... à Paris, 1765, dans la dissent. p. 37—40.

105 De administr. imper. Corp. Byz. Tom. 22. p. 84

го вѣроятно, что они происходятъ отъ Птоломеевыхъ Бѣссовъ — одного Сарматскаго народа. Что Лейнклавъ, приведенный Пейссонелемъ, Пейцеръ, Гагунъ, Гербштейнъ и др. писатели шестнадцатаго вѣка сдѣлали много ошибокъ въ Исторіи сихъ восточныхъ народовъ, тому нечего удивляться, потому что ихъ языки были имъ почти совсѣмъ неизвѣстны и объяснены нѣсколько болѣе въ наши времена, и еще потому, что они не знали многихъ превосходныхъ историческихъ сочиненій, вышедшихъ въ свѣтъ послѣ; но что новѣйшіе поступаютъ не лучше, того никакъ извинить нельзя, особенно когда безсмертный Байеръ показалъ имъ совершенно другой примѣръ. Подъ конецъ я приведу мое мнѣніе о томъ, куда дѣвались остатки Пацинаковъ. Если мы обращаемъ вниманіе на то, что они жили въ Болгаріи, Валахіи и Молдавіи, и вмѣстѣ находимъ, что въ языкѣ Болгаровъ, кромѣ Славянскаго, есть нѣчто особенно чужеземное, и въ языкѣ Валаховъ, кромѣ Латинскаго, тоже самое, то нѣтъ ничего вѣроятнѣе, что многіе между ними происходятъ отъ Пацинаковъ. Почему ученый Люцій¹⁰⁶ и превосходный Байеръ¹⁰⁷ не совсѣмъ неправы, когда они думаютъ, что Валахи происходятъ отъ Пацинаковъ. Это можетъ быть отчасти справедливо, но не должно простирается на всѣхъ, особенно не должно огласиться на то, что имя Пацинаковъ измѣнилось въ Валаховъ или Влаховъ, такъ что оно будто бы до того времени не существовало. Валахи составляли народъ сами по себѣ, и жили долго между другими (народами), и наконецъ поглотили ихъ имена, послѣ того, какъ большая часть ихъ были побита или отведена Татарами въ плѣнъ. Въ Украинѣ и на восточной сторонѣ Днѣпра нѣтъ, кажется, никакихъ слѣдовъ отъ Пацинаковъ, а все наполнено Козаками и Татарами.

Съ Датскаго Протоіерей Стефанъ Сабминъ.

106 De regno Dalmatiae etc. in Schwandtneri Script. Und. Tom. 3, p. 454. 455 et 461.
L. 6. c. 5.

107 Begeb. von Njow, p. 41 et 42.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМЪЧАНІЯ.

(Читаемо въ Засѣданіи 1-го Іюня, 1846 года.)

Тридцать лѣтъ протекли, какъ я въ стѣнахъ этого же зданія **ИМПЕРАТОРСКАГО** Московскаго Университета, при занятіяхъ Государственной службою въ званіи Секретаря въ Прав. Сенатѣ, слушалъ лекціи Г-дъ Профессоровъ, изъ которыхъ двое* состоятъ нынѣ Дѣйствительными Членами **ИМПЕРАТОРСКАГО** Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, избравшими меня, стараго своего ученика, въ Члены этого Общества. Благодарю моихъ наставниковъ и новыхъ Г-дъ Членовъ, удостоившихъ меня избранія въ свои товарищи. Почестъ эту принимаю въ число лучшихъ наградъ въ моей жизни и постараюсь заслужить лестное для меня титуло Дѣйствительнаго Члена Общества.

Получивъ позволеніе сказать, что можно на первый разъ, по новому моему званію, я не смѣлъ бы предлагать Хронологическихъ изслѣдованій, скучныхъ для людей, занятыхъ другими важнѣйшими предметами наукъ; но питаюсъ пріятною надеждою, что собраніе ученыхъ мужей благосклонно выслушаетъ мое мнѣніе, за нѣсколько лѣтъ уже отчасти высказанное мною во многихъ періодическихъ изданіяхъ, именно, что всѣ Русскія Хронологическія сочиненія наполнены ошибками, къ стыду нашего вѣка. Этого не позволено будетъ повторить здѣсь, въ почтенномъ нашемъ собраніи Общества, нетерпящаго полемики, оскорбляющей иногда личность на поприщѣ науки; но оно вѣрно не отвергнетъ принять Хронологическія таблицы, которыми я занимаюсъ нѣсколько лѣтъ. Цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ хронологическіе признаки, изложенные въ нашихъ Русскихъ лѣтописяхъ, возможно было находить просто, безъ вычисленія по формуламъ, безъ подвижныхъ цифръ въ таблицахъ, безъ метода перехода по вращенію, кругамъ солнца, луны и проч.; словомъ была бы возможность найти нужные по лѣтописямъ предметы въ общей годовой таблицѣ послѣдовательно и заняться потомъ общею Русскою лѣтописью.

* Его Пр. И. И. Давыдовъ и П. М. Снегиревъ.

Между тѣмъ считаю не лишнимъ представить нынѣ же три краткія таблицы, по которымъ можно вычислять милліоны Хронологическихъ предметовъ, гораздо болѣе, чѣмъ сколько означено въ формулѣ Алгебраической Гаусса, помѣщенной въ Академическомъ мѣсяцесловѣ 1838 г., и въ формулѣ корпуса топографическаго Подполковника Воробьева, напечатанной въ No 78 Сѣверной Пчелы, 6 Апрѣля, 1846 г.

Для незнающихъ Алгебры, мнѣ кажется, простота моихъ таблицъ будетъ полезнаю при повѣркѣ Русскихъ лѣтописей. По этимъ таблицамъ можно вычислять на многія тысячи лѣтъ времена Пасхи Христовой, также дни седмицъ извѣстныхъ мѣсяцевъ, и можетъ это вычислять каждый, кто только въ силахъ раздѣлить данный отъ Р. X. годъ на 19 и 28 частей.

Вычисленія Грегорианской Пасхи доступны только по извѣстной Хронологамъ книгѣ, напечатанной въ Москвѣ 1819 г. „Опытъ о времечисленіи Б. В. Ш.“ Эта книга заимствована изъ иностранныхъ сочиненій; въ ней многосложность вычисленія, неудобнаго для Хронологовъ — очевидна каждому.

Прошу Почтеннѣйшихъ Г-дъ Членовъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества, Исторіи и Древностей Россійскихъ первую лепту мою принять въ сокровищницу трудовъ своихъ благосклонно.

П Е Р В А Я Т А Б Л И Ц А

для узнанія перава послѣ весны въ сѣверномъ полушаріи полнолуныя. Раздѣли данный отъ Р. X. годъ на 19: остатокъ покажетъ время полнолуныя.

Остатки отъ дѣленія года на 19 частей	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	0
По Юліанскому календарю.	Мар.	Апр.	Апр.	Мар.	Апр.	Мар.	Апр.	Апр.	Мар.	Апр.	Апр.	Мар.	Апр.	Апр.	Мар.	Апр.	Мар.	Апр.	Апр.
	26	14	3	23	11	31	19	8	28	16	5	25	13	2	22	10	30	18	6
По Грегорианскому календарю	Апр.	Мар.	Апр.	Мар.	Апр.	Апр.	Мар.	Апр.	Апр.	Мар.	Апр.	Апр.	Мар.	Апр.	Мар.	Апр.	Апр.	Мар.	Апр.
	3	23	11	31	19	8	28	17	5	25	13	2	22	10	30	18	7	27	14

В Т О Р А Я Т А Б Л И Ц А
 для узнавнiя, въ какой день седмицы вышеозначенное помянутое. Раздѣлитъ данный отъ Р. Х.
 годъ на 28: остатокъ покажетъ день седмицы по известному выше иску помянутому.

По Юлианскому календарю на всегода.

Остатки отъ двудесяти года на 28 частей.	5. 11.	0. 6.	1. 7.	2. 13.	3. 8.	9. 15.	4. 10.
Воскресенье....	Мар. 22	Апр. 18	Мая 14	Июня 10	Июля 6	Августа 2	Сентября 21
Понедѣльникъ.	Апр. 5	Мая 1	Июня 27	Июля 23	Августа 19	Сентября 15	Октября 14
Вторникъ.....	Апр. 6	Мая 2	Июня 28	Июля 24	Августа 20	Сентября 16	Октября 15
Среда.....	Апр. 7	Мая 3	Июня 29	Июля 25	Августа 21	Сентября 17	Октября 16
Четвертокъ....	Апр. 8	Мая 4	Июня 30	Июля 26	Августа 22	Сентября 18	Октября 17
Пятокъ.....	Апр. 9	Мая 5	Июня 31	Июля 27	Августа 23	Сентября 19	Октября 18
Суббота.....	Апр. 10	Мая 6	Июня 1	Июля 28	Августа 24	Сентября 20	Октября 19
Воскресенье....	Апр. 11	Мая 7	Июня 2	Июля 29	Августа 25	Сентября 21	Октября 20
Понедѣльникъ.	Апр. 12	Мая 8	Июня 3	Июля 30	Августа 26	Сентября 22	Октября 21
Вторникъ.....	Апр. 13	Мая 9	Июня 4	Июля 31	Августа 27	Сентября 23	Октября 22
Среда.....	Апр. 14	Мая 10	Июня 5	Июля 1	Августа 28	Сентября 24	Октября 23
Четвертокъ....	Апр. 15	Мая 11	Июня 6	Июля 2	Августа 29	Сентября 25	Октября 24
Пятокъ.....	Апр. 16	Мая 12	Июня 7	Июля 3	Августа 30	Сентября 26	Октября 25
Суббота.....	Апр. 17	Мая 13	Июня 8	Июля 4	Августа 31	Сентября 27	Октября 26
Остатки отъ двудесяти года на 28 частей.	9. 15.	4. 10.	5. 11.	0. 6.	1. 7.	2. 13.	3. 8.
	20. 26.	21. 27.	16. 22.	17. 23.	12. 18.	19. 24.	14. 25.

По Грегорианскому календарю только въ XIX столѣтїи.

ТРЕТІЯ ТАБЛИЦА

для перевода вышеозначенныхъ мѣсяцевъ и чиселъ съ Грегорианскаго въ Юліанскій календарь, въ однуль нѣмъ XIX столѣтіи. Здѣсь означены числа: сверху новый стиль, т. е., Грегорианскій, а внизу старыи, т. е., Юліанскій.

Марта	22.	23.	24.	25.	26.	27.	28.	29.	30.	31.			
Марта	10	11	12	13	14	15	16	17	18.	19			
Апрѣля	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	
Марта	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	
Апрѣля	13.	14.	15.	16.	17.	18.	19.	20.	21.	22.	23.	24.	25.
Апрѣля	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13

ПРИМѢРЫ ВЫЧИСЛЕНІЯ:

1. Намъ даны годы отъ Р. Х. 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851 и 1852, спрашивается: когда въ нихъ будетъ Пасха Христова Православнаго исповѣданія, по Юліанскому календарю, или тоже по старому стилю?

Годы отъ Р. Х.	1845.	1846.	1847.	1848.	1849.	1850.	1851.	1852.	
Остатки отъ дѣленія на 19.....	:	:	:	:	:	:	:	:	
		2	3	4	5	6	7	8	9
Остатки отъ дѣленія на 28.....	:	:	:	:	:	:	:	:	
		25	26	27	0	1	2	3	4.

Здѣсь, подъ 1845 годомъ, остатокъ 2 показываетъ по 1-й таблицѣ Апрѣля 14 число, которое сыскиваемъ по 2-й таблицѣ по остатку 25 и видимъ, что Апрѣля 14 число въ 1845 году было въ субботу, а первое потомъ воскресенье 15 Апрѣля; оно и есть время празднованія Пасхи Христовой Православнаго исповѣданія.

2. По этимъ же остаткамъ узнаемъ время Пасхи по Грегорианскому календарю такъ: 1845 годъ показываетъ остатокъ 2; по Грегорианскому календарю первая таблица показываетъ полнолуніе Марта 23, которое по второй таблицѣ означаетъ по остатку 25, снизу вверхъ, что Марта 23 было въ воскресенье; оно и есть празднованіе въ 1845 году Пасхи Христовой по Грегорианскому календарю; это число можемъ перевести въ Юліанскій календарь по третьей таблицѣ, будетъ Марта $\frac{11}{23}$ стараго стиля.

3. Каждый изъ данныхъ годовъ узнаемъ тѣмъ же способомъ, какъ узнали и 1845 годъ.

Д. Ч. П. Хавскій.

ФОРМЪ ПРИБЯГИ, СУЩЕСТВОВАВШЕЙ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО. ●

Со введеніемъ въ Россію Христіанства измѣнились всѣ древніе языческіе обряды: клятва стала утверждаться Крестомъ и Евангеліемъ. Хотя до времени Петра Великаго присяга и не имѣла никакой полной и постоянной формы, но, сколько можно видѣть изъ крестоприводныхъ записей, она заключалась въ утвержденіи обѣщанія цѣлованіемъ святаго Креста и въ оговоркѣ, что въ случаѣ, если присягающій нарушитъ свою клятву, то подвергаетъ себя отверженію отъ благословенія Вселенскихъ соборовъ.

Сія форма имѣла нѣкоторыя измѣненія; иногда она ограничивалась только цѣлованіемъ Креста, какъ-то въ Новгородскихъ договорныхъ записяхъ 1305 и 1308 годовъ: *Цалуемъ крестъ къ своей Господь по любви въ правду безъ всякой хитрости. Или: На семь, Княже, цылуй крестъ къ всему Новгороду, на чемъ целовали дѣды и отецъ твой Ярославъ.* Долгое время Новгородцы священнымъ именемъ Ярослава и предковъ убѣждали потомство его къ содержанію данныхъ обѣтовъ. Иногда оговорка: *А не учю и проч. Ино не буди на мнѣ Милости Божіей и Пречистыл Его*

Матери, была отыгнута, какъ-то въ записи втораго Самозванца и въ общихъ Крестоприводныхъ записяхъ при государяхъ Михайлѣ Федоровичѣ и Алексѣ Михайловичѣ, гдѣ, въ заключеніи, сказано только: *Азъ имярекъ цылую сей Живоотворащій Крестъ Господень, на всемъ, какъ въ сей записи писано.*

Говоря: *Ино не буди на мнѣ милости Святыхъ,* по большей части упоминали Московскихъ Чудотворцевъ, и тѣхъ Угодниковъ, къ заступленію коихъ прибѣгали съ живѣйшею вѣрою. Въ клятвенной записи князя Холмскаго 1511 г. сказано: *Ино не буди на мнѣ милости Петра Митрополита и Леонтія Епископа Ростовскаго.* Въ записи князя Вѣльскаго 1524 г. сказано: *Ино не буди на мнѣ милости Леонтія и Сергія Чудотворца.* Въ записи князя Воротынскаго 1525 г. упомянуто: *Олексія Митрополита и Кирилла Чудотворца;* въ Крестоприводной записи къ Федору Борис. Годунову 1605 г. прибавлено: *И не буди на мнѣ благословенія и прошенія Московскаго Патріарха Іова и Митрополитовъ и Архіепископовъ и всего освященнаго Собора;* а въ записи князя Холмскаго: *ни благословенія Гос-*

подина моего Геронтия, Митрополита всея Руси и его дѣтей Владыкъ и Архимандритовъ.

Въ нѣкоторыхъ записяхъ послѣ словъ: *И не буди на мнѣ милости Божіей* и проч., слѣдуетъ: *и буду проклятъ въ сѣмъ вѣщъ и въ будущемъ.* См. Крестоприводную запись Федору Борисовичу Годунову, и запись о расторженіи союза съ Сигизмундомъ I. Но такая оговорка была только въ крайнихъ случаяхъ и въ самыя смутныя времена, когда Самозванцы терзали отечество, когда злоумышленные болре хотѣли возвести Польскаго королевича на Московскій престолъ. Въ записи князя Мстиславскаго, 1571 года, вмѣсто: *Ино не буди на мнѣ милости Божіей* и проч., сказано: *А будетъ азъ по сей проклятой грамотѣ предъ Богомъ и православнымъ крестянствомъ преступлю, и азъ буду по тому жъ проклятъ отъ Господа Бога и Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и отъ Вселенскихъ съдѣми Соборовъ и отъ Русскихъ Чудотворцевъ.* Самая грамота сія именуется *проклятою*, вѣроятно, для того, чтобы отвратить страхомъ всякое покушеніе къ нарушенію вѣрности.

Тогда только санъ, или занимаемая должность, отличала знатныхъ отъ простолюдиновъ. Со всѣмъ тѣмъ, при вступленіи въ должность не присягали, но всякой разъ, при возшествіи на престолъ новаго государя, составляемы были общія крестоприводныя записи, по коимъ всѣхъ приводили къ присягѣ. Присягали также въ чрезвычайныхъ случаяхъ, на пр., при вооруженіи противъ Самозванцевъ и когда Пожарскій призывалъ Россіянъ къ защитѣ Москвы отъ Литовцевъ и по-

кушеній Сигизмунда. Особенная или частная клятвенная запись была только въ случаѣ, когда въ вѣрности присягали лица, бывшія прежде подъ гнѣвомъ государя, или подозрѣваемые въ измѣнѣ.

Форма самаго обещанія, смотря по обстоятельствамъ времени, имѣла дополненія или отбѣны. Впрочемъ, почти во всѣхъ записяхъ мы найдемъ: *Язъ имаю рекъ, цалую святой и животворящій Крестъ Господень на томъ, что мнѣ Государю своему Царю, и его Царицѣ, и ихъ Царскимъ дѣтямъ, служити, и примити, и добра хотѣти до своего живота, безъ всякля хитрости, во всемъ въ правду, по сему крестному цѣлованію, а лиха никакова Государю не мыслити.* См. Крестоприводныя записи Федору Борисовичу Годунову, второму Самозванцу, Василію Ивановичу Шуйскому, Михайлу Федоровичу 1626, Алексѣю Михайловичу 1653.

Частныя дополненія въ Крестоприводныхъ записяхъ всегда относятся къ политическимъ происшествіямъ или къ духу того времени, на пр., послѣ несчастной кончины Годунова, при вступленіи на престолъ сына его, включено было въ присягу: *Слду въдомскимъ мечтаньемъ не испортити, и въдомствомъ по вѣтру ни како го лиха не насылати.* При сведеніи съ трона Василя Шуйскаго присягали боярину Мстиславскому и другимъ, принявшимъ государственное правленіе боярамъ, — *во всемъ ихъ слушати и судъ ихъ всякой любити, съ измѣнники битись до смерти, а вора, кто называется Царевичемъ Дмитріемъ, на Московское государство не хотѣти.* По записи князя Пожар-

скаго 1611 г., апрѣля, о расторженіи союза съ Сигизмундомъ, цѣловали крестъ въ томъ, чтобъ: *За православную крестьянскую вѣру и за Московское государство стоять, и отъ Московскаго государства не отстать, а Королю и Королевицу Польскому и Литовскому креста не целовати, и не служить, и не прямиати на которыхы дѣлы.* Здѣсь, по стеченію словъ, выходить: *Цалую крестъ, креста не целовати.* Замѣчательно, что въ самыя древнія времена писали и говорили: *Христіанство, Христіанская вѣра*, но въ послѣдствіи находимъ въ записяхъ: *крестьянство, крестьянская вѣра.* Запись сія оканчивается незабвенными словами отъ лица Пожарскаго: *А что, Господа, съ нами амьсть не соединитесь, и за государство Московское не станете, а что надъ государствомъ Московскимъ конечное разворение учинитя, и то Богъ на васъ взыщеть!*

При избраніи на престолъ Михайла Федоровича Романова присягали: *На Московское государство и на всѣ великія области Россійскаго царства иногю Государя изъ шыхъ государствъ, изъ разныхъ земель, царей и царевичей, и изъ Русскихъ родовъ, никого не хотѣти.*

Сверхъ того, въ общихъ Крестоприводныхъ записяхъ были, иногда, особенныя дополненія для придворныхъ и другихъ, находящихся въ Государственной службѣ, лицъ. Каждый присягалъ по своему званію. Смот. Крестоприводныя записи Годунову, Шуйскому, Михайлу Федоровичу, Алексѣю Михайловичу.

Бояре, Окольничіе и Думные люди клялись самовольствомъ, безъ

Государева вѣдома, никакихъ дѣлъ не дѣлати и Царскія Думы и Боярскаго приговора никому не переносити.

Казначей и казенные Дѣлки объщались Государевою казною не корыстоваться и во всемъ оберегати.

Думные Дѣлки — Государевыхъ тайныхъ дѣлъ ни Русскимъ, ни Иноземцамъ, не сказывати, а править правду по крестному целованью.

Стрѣльчье — Государю служить, и лиха никакого Государю не мыслити.

Столышники — Государя ничѣмъ въ ѣствѣ и питѣи не испортити, зелья и коренья лихова ни въ чемъ не дати, самому не чинити, другимъ не велѣти.

Постельничьи — въ Государевѣхъ платьѣхъ и постеляхъ, и въ изголовьяхъ, и въ подушкахъ, и въ одеялахъ Государевыхъ никакова дурна не учинити, зелья и лихова коренья не положить.

Ясельничіе и Конюшье — Государя беречи отъ всякаго лиха, никакова злова умышленія и волшебства не учинити, ни въ гриву у аргамака, ни у коня, ни въ узды, ни въ сѣдла, ни въ сани коренья не вязати, и проч.

Для *Подъячихъ* (подъ симъ именемъ означали всю канцелярію) была особенная присяга въ Крестныхъ грамотахъ только при Царѣ Федорѣ Борисовичѣ. Вѣроятно, они тогда возбудили противъ себя особенное негодованіе Правительства, которое вооружилось противъ ихъ присягою. Они объщались: *За дѣлы челобитчиковъ не волочити, отдѣльвати ихъ вскорѣ,*

посуловъ и поминковъ ни у кого не принимати, но дружбу не нарушати, а по недружбу ни за кого не затпяти.

Въ частныхъ присягахъ иногда прибавляемо было въ удостовѣреніе ручательство митрополита, какъ - то въ записи князя Воротынского, 1525 г.: *А въ томъ во всемъ ялся по мнѣ и по моимъ дпльмъ Господишъ мой Даниилъ Митрополитъ всея Руси, и пр.* Запись князя Мстиславскаго, навываемая *проклятою*, утверждена поручительствомъ многихъ епископовъ.

Присяга совершаема была въ церквяхъ, наиболее Соборныхъ. Въ Москвѣ многіе для утвержденія цаловали Крестъ у гроба Петра митрополита, что и въ Клятвенныхъ записяхъ было означено, какъ - то въ записи князя Бѣльскаго, 1524 г.: *А крпюсти дпль цлвовамъ есми честный и животворящій Крестъ у гроба Чудотворца Петра.*

Не одни тѣ подвергаемы были проклятію, которые нарушали присягу, но и тѣ, которые отказывались присягать, что можно видѣть въ записи князя Пожарскаго 1611: *А кто не учнетъ по сей записи Креста цаловати, или Крестъ цаловавъ не учнетъ такъ дплати, и пр., и буди тотъ человекъ проклятъ и въ семь впыть, и въ будущемъ.*

Въ Государственныхъ Грамотахъ находимъ особенную присягу для Татаръ и Остяковъ, установленную въ царствованіе Шуйскаго. Каждому воеводѣ предписывалось, приводя къ шерги (присягѣ) Магометанъ и Ямычниковъ, наблюдать слѣдующій обрядъ: надъ ними держали въ сіе время обнаженные сабли, а по прочтеніи записи давали имъ съ ножа съѣсть по куску хлѣба,

послѣ чего угощали ихъ на Царскій счетъ. Они обѣщались — *служити и прямити до своего живота, по своей впръ, по шерги, прибавляя при томъ: А не учну язъ такъ Государю своему и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси служити, какъ въ сей записи писано, и буди на мнѣ Божій огненный мечъ, и побій меня Государевъ хлѣбъ и соль, и съсъи мою голову та вострая сабля.*

Въ XVI части древней Русской Ви-Фліоювки помѣщена статья подъ названіемъ: Чинъ, бываемый, егда кто хочетъ Государю Царю служити всею правдою у его Государевыхъ дѣлъ. Подлинникъ находится въ Патриаршескомъ книгохранилищѣ. Неизвѣстно, сколько времени существовалъ такой обрядъ присяги, и не случалось ли какихъ отмѣненій: вѣроятно только то, что обрядъ сей установленъ былъ въ позднѣйшія времена, то есть, не прежде царствованія Алексѣя Михайловича, а можетъ быть въ первые годы правленія Петра Великаго, судя по тому, что присяга сія принималась *при вступленіи въ должность*, чего ни въ какихъ прежнихъ записяхъ не значится, и что присягали уже предъ *Евангеліемъ*, когда прежде клятва утверждалась единственно цѣлованіемъ Креста.

Обрядъ сей былъ на такомъ положеніи: Священнослужитель (архіерей, архимандритъ, игумень или священникъ) приходилъ въ Святый храмъ съ присягающимъ и, поставивъ его противъ Царскихъ дверей, предъ наломъ, облачался въ ризы. Діаконъ возлагалъ на налой на престольное Евангеліе и ставилъ лампаду со свѣцею предъ лицомъ присягающаго, который долженъ былъ положить предъ Евангеліемъ

три земныхъ поклона, говоря: *Боже! Очисти мя грѣшнаго и помилуй мя. Создавый мя, помилуй мя! Безъ числа согрѣшихъ, Господи! Помилуй мя!*

Діаконъ по семь начиналъ: *Благослови, Владыко, а священникъ читалъ молитвы, псалмы, символъ вѣры, тропари, тропарь и кондакъ святаго настоящаго дня и, наконецъ, читалась присяга (къмъ, не объяснено).*

Форма сей присяги: *Азъ (имя рекъ) обещаюсь предъ симъ святымъ, страшнымъ Евангеліемъ Государю, Царю и Великому Князю и пр. быти у его Государева дѣла (у денежнаго или у какова сбору), собирать мнѣ въ правду, по Его Государеву Указу, другу не дружити, недругу не мстити, купити и продавати, какъ цѣна настоитъ и пр. и пр. По сему божественному и священному Евангелію, ей, ей, дѣлати въ правду!*

Священнослужитель за симъ произносилъ поученіе присягающему, обѣщая ему блаженство со всѣми праведными, если будетъ вѣренъ своей присягѣ, когда же

измѣнитъ, то предавалъ его анаемѣ и вѣчному мученію, заключая молитвою, которую произносилъ, ставъ съ простертыми руками предъ Евангеліемъ: *Услыши мя, Господи, грѣшнаго, молящася къ Тебѣ вслѣзъ сердцемъ! Воздаждь комуждо по дѣломъ его!*

Тогда присягающій подтверждалъ свое обѣщаніе, говоря:

Обещаюсь предъ Святымъ симъ Евангеліемъ Державнѣйшему и Благодѣйнейшему Царю и пр. во всемъ въ правду служить. Аще ли явлюсь прѣступникъ своего обѣщанія, еже рече Архіерей злая, ей ей, да будутъ на мнѣ, яко же и на прѣступникъ прѣступникъ!

Священнослужитель заключалъ обрядъ вторичнымъ увѣщаніемъ.

Безъ сомнѣнія, къ сему продолжительному обряду приступали не для одного лица, но нѣсколькихъ человекъ, присягавшихъ вмѣстѣ; иначе не доставало бы времени приводить къ присягѣ. По сходству омаго съ учрежденіемъ, нынѣ существующимъ, вѣроятно, что Петръ Великій, вводя новую форму присяги, имѣлъ въ виду сіе постановленіе.

СОКРАЩЕННЫЙ ПЛАНЪ

ИСТОРИИ РАСКОЛОВЪ ВЪ РОССИИ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ОБЩЕЕ ОВОЗРѢНІЕ РАСКОЛОВЪ.

I. Изслѣдованіе о началѣ расколовъ въ Россіи. Указаніе источниковъ, изъ коихъ оныя проистекли. Постепенное ихъ распространеніе. Что способствовало сему? Достопамятныя происшествія и переломы.

II. О духѣ раскольниковъ. Упорство ихъ. Цѣль. Средства, избираемыя ими къ достиженію своихъ намѣреній, и способы, коими они поддерживаются. Какое вліяніе они имѣли на нравственность? Обращеніе ихъ съ исповѣдающими истинную вѣру. Разсмотрѣніе ихъ въ гражданскомъ отношеніи, въ отношеніи къ отечеству, къ Государю и къ Правительству.

III. Обзорѣніе дѣйствій Правительства къ удержанію расколовъ. О состояніи раскольниковъ при Іоаннахъ, при Алексѣѣ, Петрѣ I, и послѣдующихъ Государяхъ. Состояніе ихъ при гоненіи на нихъ и со времени терпѣнія секты. Уменьшились ли они? Измѣнилось ли ихъ упорство? О вліяніи просвѣщенія на расколы. О раскольническихъ сектахъ, измѣнившихся или несуществующихъ болѣе, съ изслѣдованіемъ, что къ тому содѣйствовало. Различіе раскольниковъ съ единовѣрцами.

IV. О расколахъ, которые перешли въ Россію изъ иностранныхъ государствъ, или имѣютъ нѣкоторое сходство или отношеніе къ расколамъ, тамъ существующимъ. Общее замѣчаніе, отъ чего усиливались или прекращались расколы.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ЧАСТНОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

I. Исчисленіе всѣхъ существующихъ нынѣ въ Россіи раскольническихъ сектъ. Раздѣленіе ихъ на разныя вѣтви. Обзорѣніе каждой изъ нихъ въ особенності. Показаніе времени начала, и по чьему руководству и дѣйствию учредились оныя. Изложеніе причинъ, предшествовавшихъ тому. Составъ каждой секты и ея основаніе. Доводы, на которыхъ раскольники утверждаютъ свои заблужденія. Означеніе мѣстъ, гдѣ расколы распространялись существуютъ въ болѣе силь. Средства, которыя принимало Правительство къ соглашенію и убѣжденію раскольниковъ каждой секты; состоявшіяся Акты и установленія, съ показаніемъ послѣдствій таковыхъ учрежденій и предпринимаемыхъ мѣръ. Предстоящія затрудненія Правительству. Причины укорененія нѣкоторыхъ сектъ. О злоупотребленіяхъ, на которыя нужно особенно обратить вниманіе по важности послѣдствій. О средствахъ, представляющихся къ сближенію раскольниковъ съ сынами истинной церкви.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

А К Т Ы.

Всѣ постановленія, и учрежденія относительно раскольническихъ сектъ, выписанныя отъ слова до слова и расположенныя порядкомъ времени.

Къ сему присоединить систематическій реестръ всѣхъ актовъ и узаконеній, также росписъ всѣмъ, держащимся въ книгѣ, предметамъ.

ПРОТОКОЛЬ ЗАСѢДАНІЯ ОБЩЕСТВА

1846 года, апрѣля 27-го дня.

Императорское Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ Предѣлательствомъ Старшаго Д. Члена, Его Превосходительства, Н. И. Давыдова, и въ присутствіи Г-да Дѣйствительнаго Члена: М. Н. Макарова, П. М. Стрѣза, П. И. Артемова, Д. Н. Дубекскаго, С. М. Соловьева, В. М. Ундольскаго, Н. Д. Вѣлзева, М. Н. Каткова, и Секретаря, О. М. Боданскаго, когда обмѣнянное засѣданіе, въ конешю, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Дѣйствительные Члены читали собственными разсужденіи:

а) Д. Н. Дубекскій: „Объ лавченскомъ элементѣ Слова о полку Игоревомъ“, и „Послѣдніе Елизаветина монастыря Нгумена Намѣна Псковскаго Намѣстнику и властямъ о прекращеніи народныхъ игръ въ день Рождества Св. Іоанна Предтечи.“

б) В. М. Ундольскій: „Краткую историческую записку о монастырѣ св. великомученика Пантелеймона, находящемся на Афонской горѣ.“

в) М. Н. Макаровъ: „Нѣсколько историко-филологическихъ замѣтокъ къ Словарию Линде по буквѣ К.“, которыя, кромѣ первой, посвящѣй полемической характеръ, періодическимъ изданіемъ недопускаемымъ, по балотированію шарамъ одобренны къ напечатанію въ Чтеніяхъ Общества.

II. Читаны отношенія и письма на имя Г-на Предсѣдателя, Графа Сергія Григорьевича Строганова, и Общества: 1. отъ Географической Комисіи и Корреспондента В. Е. Априлова о полученіи

нихъ новыя изданія Общества. 2. Отъ Г. Прокурора М. Синодальной Канторы, В. М. Михайлова, объ оставленіи въ Обществѣ двухъ рукописей: „Мѣрло праведное“ еще на трехмѣсячный срокъ, и о сдѣланномъ имъ распоряженіи относительно документовъ Д. Члена, В. М. Ундольскаго, къ обозрѣнію Патриаршей Библиотеки. 3. Отъ Д. Члена, А. М. Штѣрна, о высланіи ему 3-го тома Русскаго Историческаго Сборника, и о проч.

Опредѣлено: вышесозначенныя письма и отношенія принять къ свѣдѣнію, а Г-ну Д. Члену, А. М. Штѣрку, выслать требуемый имъ 3-й томъ Русскаго Историческаго Сборника.

III. Д. Членъ, М. П. Погодинъ, представилъ оставшіяся у него слѣдующія восемь статей, присланныя къ нему для его журнала „Москвитинъ“ и для Общества: 1. Д. Членомъ Сабильскимъ: Открытие Америки, соч. К. Рафа, — О Хозарахъ, — О Печенѣгахъ, и о Славянахъ, соч. Сума, перев. съ Датскаго. 2. Профессоромъ Срезневскимъ: О храмахъ древнихъ Славянъ. 3. Проф. Метлискимъ: Объ лавченствѣ Самогитовъ. 4. Д. Членомъ, В. Д. Иванскимъ-Лисаревымъ: Объ одной грамотѣ XV вѣка. 5. П. В. Хавскимъ: Хронологическія замѣтки, и 6. Г. Библиотекаремъ Имп. Публичной Библиотеки, Выкловымъ: О Новгородскихъ Посадникахъ. Кромѣ того, олъ же Д. Членъ, М. П. Погодинъ, уведомилъ Общество, что Учитель 5-й С. П. Бургской Гимназіи, Г. Кулѣшь пишетъ, къ нему слѣдующее: „Я приготовилъ для печати одинъ Украинскій современный мемуаръ о войнѣ, нахъ Хмельницкаго и о междуособіяхъ,

„бышикъ въ Украинѣ по его смерти. Эта дѣлопись, напечатанная вслѣдъ за „Ковчегомъ“, была бы лучшимъ объясненіемъ Исторіи Русовъ. На основаніи этихъ двухъ сочиненій можно будетъ многое сказать не только о фактахъ исторіи Украины, но и о направленіи, принятомъ этою исторіею въ смыслѣ „науки“... Определено: присланнымъ Д. Членомъ, М. П. Погодинымъ, статьямъ рассмотреть ихъ, что найдется соображающаго съ замятими Общества и важныя по чему либо, напечатать въ „Чтеніяхъ“, а съ Г. Кудышевъ войти въ сношеніе, что Общество, съ удовольствіемъ принявъ его предложеніе, охотно напечатаетъ, по рассмотрѣніи и одобреніи, предлагаемый имъ Мемуаръ о войнахъ Хмельницкаго въ своихъ „Чтеніяхъ“.

IV. Г-нъ Старожій Совѣтникъ, П. В. Хавскій, извѣстный ученому свѣту своими трудами по части исторіи Рускаго Законодательства, Руской исторіи и отечественныхъ древностей, по предложенію Д. Члена, М. И. Давыдова, по большому числу набирательныхъ шаровъ избранъ въ Д. Члены Общества, на каковое званіе и определено выдать П. В. Хавскому дипломъ.

V. Д. Членъ, П. М. Строевъ, предлагаетъ Обществу о выдать ему за составленіе имъ къ Каталогу Библіотеки двухъ Алфавитныхъ указателей, остальныхъ 300 руб. ас., согласно Протоколу Общества 1845 года, октября 27-го, статьи X-й, Определено: отнестись въ М. Увѣдное Канцелярство о выдать, подъ росписку Г. Канцеляр., Н. И. Васалаева, слѣдующей на содержаніе Общества на Майскую треть Всемилостивѣйше жалуемой Обществу суммы и, по принятіи оной, выдать Г. Д. Члену, П. М. Строеву, 85 руб. 71 коп. серебромъ, а равно и Г. Надворному Совѣтнику, А. С. Мельникову, въ счетъ поставленной имъ для печатанія „Чтеній“ и прочихъ изданій Общества 200 стопъ бумаги, еще 200 руб. серебромъ, о чемъ и сообщить Г. Канцеляр. Общества, Н. И. Васалаеву.

VI. Секретарь Общества, Д. Членъ, О. М. Бодяскій, представилъ на рассмотрѣніе, доставленный въ корректурѣ изъ Университет. Типографіи, новый образецъ

Членскихъ дипломовъ, который одобренъ и утвержденъ Обществомъ.

VII. Отъ Гравера на мѣди, камнѣ и деревѣ, I. Т. Шелкошикова, представлено отъ въ 48 руб. 85 коп. ас. и 18 руб. 60 коп. ас. за бумагу и печать двухъ книжковъ безвозмездно имъ выгравированныхъ къ No III-му „Чтеній“ къ статьѣ В. М. Ундольскаго „Сильвестръ Медвѣдевъ“, и къ No IV-му, къ переводной статьѣ О. М. Бодяскаго: „Висоцкое Законы, 1280 года.“ Определено: прекрасно исполненные труды Живописца Шелкошикова, сверхъ выдать ему, надержавшихъ имъ за печать и бумагу 19 руб. 27 коп. серебромъ изъ суммы, собираемой Актуаріемъ Дмитриевымъ за продаваемые имъ наданія Общества, имѣть въ виду при слѣдующихъ наданіяхъ Общества и, со временемъ, не оставитъ его своимъ принадлежностію.

VIII. Секретарь Общества, Д. Членъ, О. М. Бодяскій, представилъ академикъ III-й книжки „Чтеній“ въ Обществѣ, содержаніе коей составляютъ слѣдующія статьи: 1. *Исслѣдованіа*. Очеркъ Исторіи древней монетной системы на Руск; соч. Д. Члена Ивана Бѣльева, 2. *Матеріалы отечественныя*: Исторія Русовъ или Малой Россіи, соч. Георгія Ковнскаго, архіепископа Бѣлорускаго (2-е продолженіе). 3. *Матеріалы иностранныхъ*: О Рускомъ князѣ Ростиславѣ, отцѣ Чешской королевы, Кунгуты, и родѣ его. Критическое исслѣдованіе Франца Палацкаго, перев. съ Чешскаго Д. Члена О. Бодяскаго.—О древнеславянскихъ, именно Кирилловскихъ, типографіяхъ въ Югославянскихъ земляхъ и прилежащихъ имъ краяхъ, въ XV, XVI и XVII стол. Соч. П. I. Шафарика, перев. съ Чешскаго Д. Члена Оскада Бодяскаго. 4. *Смѣсь*: Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ Славяноруской Библіографіи, соч. Д. Члена В. Ундольскаго. — Оглавленіе книги, кто къ сложилъ, составленное Сильвестромъ Медвѣдевымъ, съ Указателемъ, дополненнымъ Издателемъ, Д. Членомъ Вуколомъ Ундольскимъ. — Добавокъ къ замѣткамъ моимъ о земляхъ Рязанскихъ, соч. Д. Члена М. Макарова. — Грамота царя Петра I-го къ Папѣ Инокентію XII.—Протоколъ засѣданія Общества 23-го февраля, 1846 года.

Къ этой книжкѣ прилагаются гарантированный на камнѣ снимокъ съ Отглавленія книги и собственноручный билетъ Медвѣдева, на Рускомъ и Польскомъ языкахъ. Опредѣлено продать оное (и продать) Г-нѣ присутствующимъ и распродать Г-нѣ отсутствовавшимъ Членамъ; цѣну же третьей книжкѣ назначить для продажи по 1 руб. серебромъ за каждый экземпляръ, безъ пересылки.

IX. Читано откошеніе изъ Конкурса по дѣламъ несостоятельнаго должника, умершаго Комерція Советника, А. С. Ширяева, о присылкѣ въ оный документъ по предмету иска Общества за его книги, проданныя бывшимъ его Комисіонеромъ покойнымъ Ширяевымъ. Опредѣлено: просить рассмотреть отъ Г. Д. Ч. Общества, Н. Д. Бѣлзена и, по доставленіи книгъ отъѣта, сообщить Конкурсу по дѣламъ умершаго А. С. Ширяева.

X. Для Библиотеки Общества поступили слѣдующія приношенія:

а) Отъ Д. Члена, *М. И. Макарова*: „Провозглашеніе (Proclamation)“ Наполеона къ жителямъ Москвы отъ 24 сентября 1812 года, подписанное Лессепсомъ, какъ Итальянскомъ или управленческимъ городомъ и провинціею Московскою, на Рускомъ и Французскомъ языкахъ, въ 2 столнца.

б) Отъ Профессоровъ Университетовъ: 1. Московскаго, *В. И. Оболенскаго*: Переводъ Византийскаго лѣтописца Феофана, который Общество Опредѣлило напечатать въ Чтеніяхъ. 2. С. Петербургскаго, *Ф. Ушкова*: „Списокъ и краткое содержаніе всѣхъ грамотъ и вообще бумагъ, заключающихъ въ себѣ сношеніе Россіи съ Венеціанскою республикою,“ и 3. Съ Владимира, *В. Дюбровскаго*: „Очеркъ Исторіи Чернигова и его Области,“ Кіевъ, 1846 года.

в) Отъ Кореспондента, *Т. Ф. Болышакова*:

РУКОПИСИ:

а) на пергаментъ:

- 1) *Атласъ* на Латяскомъ языкѣ, большаго формата, на 24-хъ листахъ, раскрашенныхъ красками и частію золотомъ.

- 2) *Димлоль*, дамскій: Пейзажъ (на Поручику Данилѣ Гавриловичу Чистякову на дворниное достояніи,) 1751 года.

- 3) *Гласъ народа* изъ Тимшветскій мѣры Императора Александра съ Наполеономъ, на открытокъ болышомъ листѣ, писанный частію золотомъ, 1807 года.

б) на бумагѣ:

XII столѣтія:

- 1) Житіе и служба, Кирилла Бѣдоверскаго чудотв.
- 2) ————— Нила Столобенскаго.
- 3 и 4) ————— Михаила Ярославича Тверскаго, чудотв. и Арсения Тверскаго.
- 5) Ярославый вероградъ.
- 6) Сынъ царевнѣй.
- 7) О сошномъ писмѣ.
- 8) Два свѣтка столпцовъ соизрѣтія Юлиана и Петра Алексѣевичей.

XIII столѣтія:

- 9) Житіе и служба Александра Смирнскаго.
- 10) ————— Гелиадія Костромскаго.
- 11) Лѣтописецъ Дмитрія, Митрополита Ростовскаго.

КНИГИ ПЕЧАТНЫЯ:

а) *Славянскія:*

- 1) Новый Загѣтъ, въ Острогѣ, 1580 г.
- 2) Псалтирь Слѣдованная, въ Острогѣ, 1598 г.
- 3) Апокалипсисъ, въ Кіевѣ, 1619 г.
- 4) Тріодъ Постная, въ Кіевѣ, 1627 г.
- 5) Азвы Дорофеев, въ Кіевѣ, 1628 г.
- 6) Псалтирь Слѣдованная, въ Кіевѣ, 1643 г.
- 7) Октоихъ, въ Кутенскомъ монастырѣ, 1646 г.
- 8) Книга о священствѣ, въ Москвѣ, 1664 г.
- 9) Подуставъ, въ Кіевѣ, 1672 г.
- 10) Служба Пресвятой Богородицѣ Кавалеской, 1679 г.
- 11) Служба Нерукотворенному образу Христову, 1680 г.
- 12) Каноны Пресвятой Богородицѣ, въ Кіевѣ, 1697 г.
- 13) Псалтирь, съ толкованіями, въ Кіевѣ, 1697 г.

IV

15) Альфонсъ римлянинъ, въ Черниговѣ, 1705 г.

16) Шестидесятилетня, въ Киевѣ, 1712 г.

16) Октоикъ, въ Черниговѣ, 1715 г.

17) Первое ученіе отрокаго, С. П. В., 1723 г.

18) Рукосамакъ духоваи, С. П. В., 1725 г.

19) Чинъ набранія и рукоположенія Архіерейскаго, С. П. В., 1725 г.

20) Камень Вѣры, Москва, 1728 г.

21) Страсти Христовы въ лицахъ, гравированы Мартинъ Нехорошевскій, 1728 г.

22) Первое ученіе отрокаго, Москва, 1744 г.

23) Служба Святителя Димитрію, Митрополиту Ростовскому, Москва, 1759 г.

24) Служба на кривосеіе руки Юннла Предтечи, С. П. В., 1800 г.

б) Гражданскія :

1) Новѣйшее оспосаніе Прагматки, Москва, 1710 г.

2) Молитора Виргинія Урбинскаго о снѣ книгъ о необрътатахъ вострой Церквы Латвискаго. Москва, 1720 г.

3) О должности человека и гражданина, С. П. В., 1728 г.

4) Монархія Турецкая, С. П. В., 1741 г.

Опредѣлено : означенныя книги и рукописи сдать въ Библіотеку Общества Г. Библіотекаря, Д. Чаеку, П. М. Строеву, а Корреспондента Т. О. Вольшакова, въ благодарность за его пожертвованіе столь значительнаго собранія книгъ и рукописей, признать (и признать) единокладо Благотворителемъ Общества, на какое достоинство и выдать ему дипломъ.

У Г-на АКТУАРІЯ ОБЩЕСТВА МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ СЛАВЯНСКІЯ КНИГИ :

а) Чешскія.

1. Starobyla Skládání. Památka XIII a XIV věku, vydaná od Wáclawa Hanky. W Praze. 1817—1820, 4 части. Цѣна 1 р. 50 к. сер., перес. за 2 ф.
2. Archiv Český. wyd. Fr. Palackého. W Praze. 1840—1843 г. 10 тетрадей. Цѣна 10 р. сер., перес. за 10 ф.
3. Slowanské starožitnosti, sepsal P. I. Šafařík. Oddíl dějepisný. W Praze. 1837 г. Цѣна 7 р. сер., перес. за 5 ф.
4. Slowanský národopis, sestavil P. J. Šafařík. W Praze. 1842. Wydaní a-hé. Съ картой. Цѣна 3 р. сер., пер. за 3 ф.
5. Чешская грамматика на Нѣмецкомъ языкѣ: Ausführliches, theoretisch-practisches Lehrbuch der böhmischen Sprache, von Th. Burian. Prag. 1843. 2-te Aufl. Цѣна 2 р. сер., перес. за 2 ф.
6. Чешско-Нѣмецко-Латинскій Словарь: Böhmisch-deutsch-lateinische Wörterbuch. 2 Theile. Von Georg Palkowitsch. Prag. 1820. Цѣна 7 р. сер., перес. 5 ф.

б) Серболужицкія :

7. Pjesnički hornych a del'nych Lužickich Serbow, wudate wot L. Haupta a J. E. Smolerja. 2 díel. Grymi 1841—3. Цѣна 17 р. сереб., перес. за 7 ф.
8. Грамматика Верхнелужицкаго Сербскаго нарѣчія: Grammatik der Wendisch-Serbischen Sprache in der Oberlausitz, von J. P. Jordan. Prag. 1841. Цѣна 1 р. сер., перес. за 2 ф.

в) Польскія :

9. Biblioteka kieszonkowa klasykow Polskich, wydana przez J. N. Bobrowicza. W Lipsku. 1837—1840; 37 небольшихъ томовъ. Цѣна 20 р. сер., перес. за 10 ф.

г) Церконославянскія :

10. Сазаво-Емауское Святосъ Благовѣствованіе, нынѣ же Ремьское, на немъ же прежде присягаша при вѣнчальномъ миропомазаніи цри Францустія. Съ прибавленіемъ съ боку того же чтенія Латинскими буквами и сличеніемъ Остромирова Евангелія и Острожскихъ чтеній. Трудомъ и иждивеніемъ Вячеслава Ганки. Въ Чешской Прагѣ. 1846. Цѣна 3 р. сер., перес. за 2 ф.
11. Начала Священнаго языка Славянъ, составлен. Вячеславомъ Ганкой. Въ Чешской Прагѣ. 1846. Цѣна 60 к. сер., перес. за 1 ф.

12. О народной повѣи Славянскихъ племенъ; соч. О. Бодлинскаго. Москва. 1837. Цѣна 1 р. сер., перес. за 2 ф.

13. Славянское Народописаніе, составл. П. І. Шафарикомъ, перев. съ Чешскаго О. Бодлинскаго. Съ картою. Москва. 1843 г. Цѣна 2 р. 20 к. сер., пер. за 3 ф.

14. Насыки Украинскы Казки, Запорозьца Иська Материнки. У Москви. 1834. Цѣна 60 к. сер., перес. за 1 ф.

ПО П Р А В К И

ВЪ СТАТЬЕ О ПАЦИНАКАХЪ.

		<i>Напечатано :</i>	<i>Читайте :</i>
Стр.	стр.		
5	16:	писаніяхъ	сочиненіяхъ
6	1:	есть правильное ,	правильнѣе
	17:	или еще	или
	25:	собственное	собственно
7	7 снизу:	почти на умъ	на умъ
—	8:	которые , хотя	которые
	10:	чрезъ названіе по- добнаго рода	другимъ подобнаго рода названі- емъ.
8	12:	беремъ	возьмемъ
	13:	потребенъ	нуженъ
	16:	произошли	происходили
9	7:	съ седьмага вѣка очень сильны , и жили какъ на во- стокъ , такъ и на западъ отъ Дона даже до Борисеена	въ седьмомъ вѣкѣ сильны , и жи- ли на востокъ и западъ отъ До- на до самаго Борисеена
	8 снизу:	отъ превосходства силы Пацинаковъ	въ слѣдствіе превосходства Па- цинаковъ
10	21:	вредѣ , кромѣ Ре- чно	кромѣ Речино
	31:	что онъ жилъ въ времена	что жилъ въ то самое время
11	13:	чего либо	ничего
	22—23	что ихъ третіе и последнее мѣстопре- бываніе... раздѣли- лось	что третье и последнее мѣстопре- бываніе ихъ распадалось
12	11 снизу:	было бы излиш- нимъ трудомъ	лишній трудъ
14	26	и слѣд.: касающему- ся до мѣстоположе- ніа	касательно мѣстоположенія
15	25 и слѣд.:	Но здѣсь должно впрочемъ замѣтить, что Пацинаки были на высочайшей сте- пени своего могу- щества когда Имп. Константиинъ писалъ	Впрочемъ, здѣсь должно замѣтить, что Пациники были на высоч. сте- пени могущества своего въ то вре- мя , когда имп. Константиинъ пи- салъ свое сочиненіе , потому что въ послѣдствіи они не владѣли уже болѣе Червонной Русью

Стр.	стр.	<i>Напечатано :</i>	<i>Читайте :</i>
		свое сочиненіе, такъ что мы находимъ, что они впослед- ствіе времени не за- нимали Червонной Россіи	
	31—32:	На этой сторонѣ ихъ земля не простира- лась до устья Днѣ- пра, но начиналась на нѣсколько миль выше	На этой сторонѣ земля ихъ не доходила до устья Днѣпра, но на- чиналась нѣсколько миль выше
	33:	и простиралась по- томъ	потомъ простиралась.
16	2:	изъ чего дѣлается	что показывается,
	13:	вѣроятно оставалось земли не- населенною на 5 дней ѣзды или на 13 миль	была незаселена земля на 5 дней ѣзды или 13 миль
16	16:	Я соглашаюсь, что тамъ лежало много земли пустою	Я согласенъ, что тамъ было мно- го пустої земли.
	23:	Его слова суть слѣ- дующія:	Вотъ его слова :
	27:	которые посылались въ посольства	которые наряжались въ посоль- ства
	32:	находясь не въ дру- жбѣ съ нами	будучи въ неприязненныхъ отно- шеніяхъ съ нами,
10	10:	отъ нихъ	име
18	2:	Днѣстра	Днѣстра
	11:	Болгаровъ ли то	Болгаровъ
	28:	для посѣщенія васъ посольствами	для отправленія къ вамъ по- сольствъ
	20:	множество нестче- слимо	бесчисленное множество
	22:	Днѣстра	Днѣстра
	31:	долженствовали	должны
	35:	Кроація	Хорватія
19	6:	Тогда какъ Пащина- ки были изгнаны	По изгнаніи Пащинаковъ
	21:	кто она была	кто они,
	30:	породовъ	народовъ
	35:	Эти Кангаръ	Эти Кангары
	39:	дѣлается вѣроят- нымъ	очевидно

III

Напечатано :

Читайте :

<p>Стр. стр.</p> <p>3 связу: когда правили или</p> <p>20 10: отъ протекающей</p> <p>13: рѣки</p> <p>16: различные</p> <p>17: Българь</p> <p>17: възъ временъ</p> <p>28—29: гдѣ некоторыя племена Турковъ жили некогда.</p> <p>32: до Херсона и до Сарата ,</p> <p>21 21: что</p> <p>22: Видно изъ ... Кедрина , что</p> <p>25: согнали съ восточныхъ странъ Дибпра ,</p> <p>26: Последнее должно впрочемъ случиться до 898 г.</p> <p>31—32: который наилучше всѣхъ зналъ происшествія у Пащинаковъ , говоритъ впрочемъ</p> <p>5 связу: Вѣроятно , что они</p> <p>22 10: будущи рытѣсненны</p> <p>11: Моровскаго</p> <p>26: согласиться на это мнѣнїе ;</p> <p>29: Развѣ должно думать ,</p> <p>5 связу: съ Симеономъ</p> <p>23— 2: для пересадки</p> <p>3: такъ разсорились</p> <p>5: очей своихъ</p> <p>6: Леонъ Грамматикъ</p> <p>27: Поеляку</p> <p>28: Леона Грамматика</p> <p>29: когда онъ говорить</p> <p>31: случилось между Греками и Пащинаками то , что я только что рассказалъ выше.</p> <p>36: вѣсть войну</p>	<p>во время правленія или Арпада ,</p> <p>по протекающей рѣкѣ</p> <p>разныя</p> <p>Българь</p> <p>времена</p> <p>гдѣ когда-то жили некоторыя племена Турковъ.</p> <p>до Херсона и Сарата ,</p> <p>А что</p> <p>видно изъ...Кедрина , рассказывающаго , что</p> <p>прогнали изъ восточныхъ странъ Дибпра ,</p> <p>Впрочемъ , последнее должно было случиться до 898 г.</p> <p>который лучше всѣхъ зналъ дѣла Пащинаковъ....говорить ,</p> <p>Вѣроятно , они</p> <p>вытѣсненны</p> <p>Моравскаго</p> <p>согласиться съ этимъ мнѣнїемъ ;</p> <p>Не лзя ли думать</p> <p>съ Симеономъ.</p> <p>для переправы</p> <p>до того поссорились очей</p> <p>Левъ Грамматикъ</p> <p>Такъ какъ</p> <p>Льва Грамматика</p> <p>увѣряющаго</p> <p>случилось у Грековъ и Пащинаковъ событїе , рассказанное мною сей часъ выше.</p> <p>воевать</p>
--	--

IV

Напечатано :

Читайте :

Стр.	стр.		
24	4:	тогда какъ В. Князь былъ въ отсутствіи и велъ войну съ Бол- гарами и Греками.	во время отсутствія В. Князя на войнѣ съ Греками и Булгарами.
	12	снизу: и испыталъ на себѣ худыя слѣдствія отъ того	и поплатился за то
25	16	снизу: съ переди и съ ты- лу и съ обвѣхъ сто- ронъ	съ обвѣхъ сторонъ, спереди и съ тылу
	7:	согласился потребо- вать отъ Пачина- ковъ чрезъ пословъ, чтобы они были со- юзниками и друзь- ями Грековъ, не пе- реходили бы болѣе чрезъ Дунай, для опустошенія Булга- рин и позволили бы	согласился отправить пословъ къ Пачинакамъ съ требованіемъ, что- бы они не переходили болѣе Дуная..... и позволили
26	28:	Стугну	Стугнѣ
27	16	къ Булгаріи	въ Булгарію
	27:	вшель	вошелъ
	28:	жившими	обитавшими
28	3:	Въ правленіе Импе- ратора Романа въ Греціи	Въ правленіе Греческаго импера- тора Романа
	33:	Кегенесъ	Кевегесъ
29	30:	не прекратился	не прекратится.
	6	снизу: не слышали прежде, и потому, пили его такъ что получили ужасный рѣзь и мно- гіе изъ нихъ уми- рали отъ него каж- дый день	Не слышали прежде, и потому пи- ли съ такой жадностью, что по- лучили отъ того ужасную рѣзь, отъ которой многіе изъ нихъ уми- рали ежедневно.
30	2:	не причинила	не причинила
	31:	Надлежало бы	слѣдовало
	4	снизу: Аріанитю	Аріаниты
	3	былъ принужденъ	принужденъ
31	2:	множество воды	множество водъ
	19:	Но искалъ	Ища
	22:	Не примѣчала	не примѣчаютъ
	24—25	Они всѣ вмѣстѣ... и грабили	всѣ вмѣстѣ.... и принялись гра- бить.
	34:	къ	къ

Напечатано :

Читайтѣ :

Стр.	стр.		
32	2:	для взысканія полководцемъ..какъ съ западными тамъ и восточными войсками	чтобы сзавать полководца... съ Запад. и Восточн. войсками.
	9:	начать тогда	тогда начать
	10—12:	которое и было проиграно, не смотря на то, что не много было убитыхъ, между которыми была впрочемъ.....	которое и проиграно, хотя же много убито, между коими, впрочемъ, находились....
	14:	которые старались	старавшимися
	26:	и убивали	убивал
	27:	Такъ дераки	до того дераки
33	29:	и на равнинахъ,	даже на равнинахъ,
	30:	была взята	взата
	34:	ратныхъ мужей	воиновъ
34	9:	сошла	спустились
	17:	что онъ и привелъ въ исполненіе.	въ чемъ онъ и успѣлъ
	22:	Что онъ	Далѣе, что онъ
	31:	сопротивниковъ	противниковъ
	36:	случилось различное	случились разные происшествія
35	2:	женится между скивами на дочери одного знатнаго человека	женится на дочери одного знатнаго Скива.
	13:	которые были взяты потомъ въ плѣнъ и проданы	коихъ взяли потомъ въ плѣнъ и продали.
	17:	которые еще во время Зонара чрезъ свое потомство	коихъ потомки еще во время Зонара
	19:	еще до того времени	уже до того времени
	26:	ту землю	эту землю
36	3:	соединилъ своюсилу	соединилъ свое войско
	14:	бывшій предводителемъ	предводитель
	18:	изъ которыхъ	изъ коихъ
	21:	и выиграли сраженіе, такъ что много Скивовъ осталось на мѣстѣНа коемъ много Скивовъ осталось на мѣстѣ

Напечатано :

Читается :

Стр.	стр.	Напечатано :	Читается :
	30:	Магронатакаловъ Григорій	Григорій Магронатакаловъ
37	7	снѣзу: для нападенія на тѣхъ	чтобы напасть на тѣхъ
38	6:	а прямо предъ сра- женіемъ	а передъ самымъ сраженіемъ
	17:	Тогда	Когда
	27:	Когда Зарядные или Латинские Христіа- не во многомъ числѣ	Когда многочисленныя толпы За- падныхъ или Латинскихъ Хри- стіанъ
39	4:	будучи вооружены	вооруженные
	9:	значительнѣйшій	замѣчательнѣйшій
	21:	взятые	взаты
	23:	въ разстояніи на 10 стадіи	въ разстояніи 10 стадій.
	28:	чрезъ что "прѣб- рѣлъ случай	а это доставило ему случай
40	3:	Но ихъ было мало	но это было ничто
	8:	они люди	люди
	14:	то, что обличилъ	обличенное
	8	снѣзу: показалъ	бокалы
14	12:	обнаружилъ	показалъ
	17:	Императоръ имѣлъ въпрочемъ	Впрочемъ импер. имѣлъ
	27:	возложилъ	положила
	7	снѣзу: поставить лагерь	составить лагерь
42	2:	Онъ побѣдилъ Вла- ховъ въ одной битвѣ	Онъ побѣдилъ въ одной битвѣ Волоховъ
	3:	Воложскій	Волошскій
	6:	Въ его время слу- чилось, что храб- рый императоръ	Въ его время ... императоръ
	7	снѣзу: производить	выводить
43	2:	изъ Тегармы	отъ Тегармы
	9:	имѣлъ несчастье, что Іоаннъ разбилъ его	имѣлъ несчастье быть разбитымъ отъ Іоанна
	16:	Тогда же случилось, что Сивы приказали бить кнутомъ	Тогда же Сивы приказали бить кнутомъ
44	9:	и это	что
	18:	въ разсыпаніи	разсыпано
	21:	а чуждое	чуждое же.
	23:	и что	; что
	24:	неопрровергаемымъ	неопрровержимымъ
	28:	рошную страну въ изъ Македоніи	рошную страну Македоніи

VII

Напечатано :

Читайте :

Стр.	стр.		
	38:	взвѣда въ нѣмѣ	нѣтъ нѣмѣ
		Въ правленіе его	Въ правленіе его Царь Вулгар.
		случилось то, что	
45	11:	Царь Болгарскій	
	12:	разсказывалъ	разсказываетъ
		изъ странъ при Ду-	изъ Придунайскихъ странъ
		наѣ	
	14:	опустошить	разорить
46	8:	несравненно важ-	гораздо больше замѣчательнѣе
		нѣйшіе, нежели	Ограденберга
		Ограденберга	
	19:	по причинѣ	по причинѣ
47	24:	что дѣлаетъ то въ-	что въ особенности дѣлаетъ въро-
		ролнѣйшимъ, что	лннѣйшимъ то обстоятельство, что
		они были	
48	12:	обращаемъ	обратимъ
	14:	находимъ	видимъ
	15:	нѣчто особенно чу-	кое-что чужое
		жезмное	
	20:	не должно согла-	не лѣзя согласиться съ тѣмъ
		ситься на то	
	21:	такъ что оно	отъ чего оно

